

Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец

ЦИВИЛИЗАЦИИ:

**теория,
история,
диалог,
будущее**

В двух томах

Том I
Теория и история цивилизаций

Москва
Институт
экономических
стратегий
2006

УДК 930.85+008
ББК 63.3(0)
К89

Кузык Борис Николаевич — доктор экономических наук,
член-корреспондент РАН, директор Института
экономических стратегий

Яковец Юрий Владимирович — доктор экономических
наук, академик РАН, президент Международного института
Питирима Сорокина — Николая Кондратьева

Том I

Теория и история цивилизаций

Часть первая
Теория цивилизаций

Часть вторая
Трансформации структуры цивилизаций

Часть третья
История цивилизаций

Автор вступительной статьи А. Д. Некипелов

ISBN 5-93618-101-4 (Т. I) © Б. Н. Кузык, 2006
ISBN 5-93618-099-9 © Ю. В. Яковец, 2006
© Институт экономических стратегий, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. Д. Некипелов. Новое слово в общественных науках	10
---	----

ВВЕДЕНИЕ

Новый век — новое видение прошлого и будущего	14
--	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЛАВА 1

Становление и развитие теории цивилизаций ..	22
1.1. Цивилизации: от многомерной реальности к научным категориям	24
1.2. Формирование теории цивилизаций	27
1.3. Теории цивилизаций XX века	46
1.4. Современные российские цивилизационные школы	65
1.5. Основы теории цивилизаций	86
1.5.1. Понятие и виды цивилизаций	87
1.5.2. Структура цивилизаций	89
1.5.3. Развертывание цивилизаций во времени	92
1.5.4. Распространение цивилизаций в пространстве	94
1.5.5. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества	98
1.5.6. Место теории цивилизаций в системе наук	100

ГЛАВА 2

Цивилизационные циклы и кризисы	102
2.1. Закономерности циклической динамики социальных систем ...	104
2.2. Циклы и кризисы в динамике локальных цивилизаций	110
2.3. Циклическая динамика мировых цивилизаций	116
2.4. Исторические суперциклы в развитии глобальной цивилизации	119

ГЛАВА 3

Цивилизационная социогенетика	122
3.1. Социогенетика — вершина познания закономерностей динамики общества	124
3.2. Наследственность: социальный генотип цивилизаций	128
3.3. Изменчивость: трансформации цивилизационного генотипа	142
3.4. Отбор: механизм развития и смены цивилизаций	147

ГЛАВА 4

Диалог цивилизаций	154
4.1. Содержание диалога цивилизаций и его место в системе цивилизационных взаимодействий	156
4.2. Сферы диалога и взаимодействия локальных цивилизаций ...	164
4.3. Институты диалога цивилизаций	181

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЛАВА 5

Природно-экологические циклы и кризисы в эволюции цивилизаций	192
5.1. Природный фактор возникновения и эволюции цивилизаций	194
5.2. Спираль экологических циклов и кризисов	202
5.3. Экологическое будущее цивилизаций	216
5.4. Экологическое будущее России	232
5.5. На пути к ноосферной цивилизации	238

ГЛАВА 6**Демографическая основа трансформации**

цивилизаций	244
6.1. Классификация демографических циклов	246
6.2. Исторические тенденции циклической динамики численности населения	254
6.3. Демографические вызовы XXI века	259
6.4. Демографические угрозы для России	272

ГЛАВА 7**Инновационно-технологические циклы**

и кризисы: цивилизационный аспект	284
7.1. Технологии в структуре и динамике цивилизаций	286
7.2. Этапы технологической эволюции цивилизаций	296
7.3. Инновационные волны XX века	310
7.4. Инновационный прорыв в технологическое будущее цивилизаций	318

ГЛАВА 8**Циклическая экономическая динамика**

цивилизаций	330
8.1. Палитра экономических циклов и кризисов	332
8.2. Экономические циклы и кризисы в динамике цивилизаций ...	334
8.3. Структурная динамика экономики цивилизаций	345
8.4. Циклы и кризисы в экономике цивилизаций XXI века	350
8.5. Механизмы воспроизводства и инновационного обновления ресурсов	360

ГЛАВА 9**Циклическая динамика социально-политического
строения, революций и войн: цивилизационный
разрез**

9.1. Цивилизационная динамика социальной стратификации и мобильности	372
9.2. Государственно-правовые циклы, кризисы и трансформации	381

9.3. Революции в цивилизационной динамике	392
9.4. Войны в структуре и динамике цивилизаций	408

ГЛАВА 10**Циклическая динамика духовной сферы**

цивилизаций	428
10.1. Ключевая роль духовной сферы в структуре и динамике цивилизаций	430
10.2. Научные революции и кризисы	436
10.3. Циклическая динамика культуры	450
10.4. Образовательные циклы и революции в образовании	461
10.5. Динамика системы цивилизационных ценностей	470

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**ГЛАВА 11****Цивилизации древности**

11.1. Предпосылки и факторы возникновения цивилизаций ...	486
11.1.1. Предыстория цивилизаций	486
11.1.2. Неолитическая цивилизация	488
11.1.3. Раннеклассовая цивилизация (бронзовый век)	491
11.1.4. Античная мировая цивилизация (железный век) ...	498
11.2. Динамика структуры мировых цивилизаций древности ...	507
11.2.1. Человек, семья, население древних обществ	508
11.2.2. Техника и экология в Древнем мире	513
11.2.3. Экономика древних цивилизаций	518
11.2.4. Становление социально-политической структуры общества	522
11.2.5. Духовная жизнь древних обществ	527
11.3. Локальные цивилизации в Древнем мире	533
11.3.1. Первые поколения локальных цивилизаций	535
11.3.2. Цивилизации Средиземноморья	543
11.3.3. Древние цивилизации Востока	552
11.3.4. Древние цивилизации на территории Западной и Восточной Европы	561
11.3.5. Цивилизации доколумбовой Америки	564
11.4. Диалог и взаимодействие первых двух поколений цивилизаций	575

ГЛАВА 12**Цивилизации второго исторического****суперцикла** 578

12.1. Мировые цивилизации второго исторического

суперцикла 580

12.1.1. Средневековая цивилизация 581

12.1.2. Раннеиндустриальная цивилизация 592

12.1.3. Индустриальная цивилизация 597

12.2. Динамика структуры цивилизаций второго суперцикла 603

12.2.1. Рост численности населения, потребностей
и способностей человека 603

12.2.2. Технологические перевороты 608

12.2.3. Экономические трансформации 617

12.2.4. Эволюция социально-политической системы 624

12.2.5. Динамика духовной сферы 633

12.3. Эволюция и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го

поколений 641

12.3.1. Динамика цивилизаций Востока 646

12.3.2. Доминирование западной цивилизации 657

12.3.3. Диалог и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го
поколений 667**ГЛАВА 13****Цивилизационная динамика****на севере Евразии** 672

13.1. Ритмы динамики цивилизаций в регионе 674

13.1.1. Неолит 674

13.1.2. Бронзовый век 677

13.1.3. Железный век 678

13.1.4. Восточнославянская цивилизация 682

13.1.5. Владимиро-Суздальская Русь и Московское царство
(российская цивилизация) 688

13.1.6. Становление евразийской цивилизации 691

13.1.7. Судьба евразийской цивилизации в XXI веке 697

13.2. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия
цивилизаций 705

13.2.1. Пространства взаимодействия цивилизаций 706

13.2.2. Волны взаимодействия цивилизаций. Первая волна
(VII—IV вв. до н. э.) 70713.2.3. Вторая волна взаимодействия
(III в. до н. э. — IV в. н. э.) 713

13.2.4. Третья волна взаимодействия (VI—IX вв.) 717

13.2.5. Четвертая волна взаимодействия (X—XIV вв.) 721

13.2.6. Пятая волна взаимодействия (XV—XVIII вв.) 724

13.2.7. Шестая волна взаимодействия (XIX—XX вв.) 725

13.2.8. Начало седьмой волны взаимодействия (XXI в.) 728

13.3. Динамика евразийской цивилизации
в индустриальную эпоху 733**Библиография** 750**Именной указатель** 762

Предисловие

НОВОЕ СЛОВО В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

На рубеже веков и тысячелетий проблема цивилизаций — их сущности и этапов исторического пути, их будущего и взаимодействия — вышла на передний план и в социально-политической жизни планеты, и в общественных науках. Это не случайно. Современное человечество, понимаемое как глобальная цивилизация, переживает один из самых сложных, противоречивых, богатых неожиданными поворотами и трагедиями исторических периодов. Рушатся основы преобладавшей в последние столетия индустриальной цивилизации; закладывается новая — то ли техногенная, то ли гуманистически-ноосферная. На смену разлагающемуся чувственному социокультурному строю идет принципиально иной строй — интегральный. Формируется пятое поколение локальных цивилизаций. Его судьба пока неясна — пойдет ли оно по пути самоубийственного столкновения, зерна которого зреют в терроризме, или же по пути диалога и партнерства в решении глобальных проблем XXI столетия.

Ответы на эти жизненно важные для всего человечества вопросы должна дать наука, прежде всего завершающая свое становление новая отрасль обществоведения — наука о цивилизациях (цивилиография). В формирование этой науки краеугольные камни заложили крупные ученые со всего мира. Отрадно отметить, что среди них, наряду со всемирно известными учеными — Франсуа Гизо, Генри Боклем, Освальдом Шпенглером, Арнольдом Тойнби, Фернаном Броделем, — мы находим имена российских исследователей — А. Метлинского (книгу которого по теории цивилизаций, опубликованную в 1838 г., читатель найдет в приложении к этому изданию), Н. Я. Данилевского, Питирима Сорокина, Е. Б. Черныка (книга которого «Цивилиография. Наука о цивилизации» вышла в свет в 1996 г.), наконец, авторов настоящей работы, книги которых по этой проблеме опубликованы в России и США.

В чем особенности представленной на суд читателей объемной монографии «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее»?

Во-первых, это **фундаментальный научный труд**. В нем впервые в полном объеме представлена логика и структура новой отрасли знаний, которая родилась на стыке множества общественных наук (философии и истории, социологии и экономики, демографии и экологии, политологии и культурологии, этики и религиоведения). Исследование теории цивилизаций, циклично-генетических закономерностей их динамики и взаимодействий сочетается с объемным видением огромного исторического пути, длящегося вот уже более 10 тысяч лет, смены исторических суперциклов, мировых цивилизаций, поколений локальных цивилизаций, а также с широким взглядом в будущее, со сценарным подходом к прогнозу динамики цивилизаций в пространстве XXI столетия. В книге изучена структура гено типа цивилизации во всех его аспектах — демографическом и экологическом, технологическом и экономическом, геополитическом и всех составляющих духовной жизни. Наряду с теоретическим, историческим и статистическим анализом выполнены пионерные клиометрические измерения динамики цивилизаций с использованием сравнительно новых инструментов, таких как стратегическая и гецивилизационная матрицы, ситуационный анализ и прогноз. Это еще раз убеждает, что цивилиография — это не частная, а обобщающая, синтетическая отрасль знаний, находящаяся на вершине пирамиды общественных наук.

Во-вторых, это **новаторский по своему характеру научный труд**. Авторы выдвигают ряд новых теоретических положений: о трехмерности цивилизаций (глобальной, мировых, локальных); о циклично-генетических закономерностях их развития; о структуре цивилизационного гено типа; о гуманистически-ноосферном характере постиндустриальной мировой цивилизации; о формировании параллельно с ним пятого, более дифференцированного поколения локальных цивилизаций; об определяющем характере эволюции системы цивилизационных ценностей; о тенденции формирования Всемирной конфедерации государств и цивилизаций и многие другие идеи.

В-третьих, это действительно **энциклопедический труд** — по широте охвата научного и исторического материала, представлению взглядов ученых разных стран на исследуемую проблему, числу методов исследования и обобщения. Нет сомнения в том, что он станет активно использоваться учеными разных специальностей и преподавателями, аспирантами и студентами, политическими и общественными деятелями, будет способствовать передаче накопленного за столетия богатейшего наследия российской и мировой общественной мысли следующим поколениям.

В-четвертых, отметим и такую особенность предлагаемой вниманию читателей работы, как то, что она сама по себе является **приглашением к диалогу и партнерству цивилизаций** — и не только для ученых и мастеров культуры, но и для государственных руководителей, политических, общественных и религиозных деятелей. Книга пронизана идеей диалога и взаимодействия цивилизаций на всех этапах их исторического пути, она пробуждает оптимистический взгляд на будущее цивилизаций и указывает конкретные вехи на этом пути. Диалогу способствует и то, что этот научный труд одновременно издается на русском и английском языках, размещается в Интернете, — а значит, он окажется доступным тысячам людей во многих странах мира и будет способствовать не только более полному пониманию ими прошлого и будущего человечества, но и лучшему взаимопониманию между народами и цивилизациями.

Конечно, наивно было бы считать данную работу последним словом в новой отрасли знаний. Напротив — она побуждает к размышлениям, к дискуссиям, к поиску новых идей. Но ее неоспоримое преимущество в том, что она является заметной вехой на пути познания самой сложной и самой важной области общественных отношений.

А. Д. Некипелов,
академик, вице-президент Российской академии наук

Введение

НОВЫЙ ВЕК — НОВОЕ ВИДЕНИЕ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

Долгожданный XXI век начался как переломная эпоха, когда рушатся привычные устои, царствуют хаос и неопределенность, происходят крутые, непредсказуемые перемены, меняющие лицо мира. Все это усиливает у людей интерес к осмыслению прошлого и предвидению будущего. Они пытливо всматриваются в историческую даль, пытаются найти ответы на мучающие всех вопросы: были ли подобные кризисы и катастрофы в прошлом, чем они заканчивались и как государства и их граждане вели себя в подобных ситуациях? Вызван ли нынешний перелом случайным стечением обстоятельств, является ли он следствием допущенных ошибок или же он объективно обусловлен, диктуется законами социально-экономического развития? Как сложится судьба нынешнего и будущих поколений, конкретной страны, цивилизации и всего человечества в грядущие десятилетия и столетия?

В эпохи перемен обостряется внимание научных кругов и общества к проблемам цивилизаций, циклов и кризисов, цивилизационных катастроф, их места в исторической динамике. Эти проблемы не новы: они возникли одновременно с абстрактной наукой. Уже в сочинениях Платона и Аристотеля мы находим идеи о цикличном круговороте в динамике природы и общества. Описанная Платоном гибель Атлантиды — не что иное, как цивилизационная катастрофа, каких немало было в Древнем мире. Более известные и доказанные факты подобных катастроф — гибель критской цивилизации во II тыс. до н. э., уничтожение доколумбовых цивилизаций Америки в XVI в.

Вспышка интереса к теории и истории цивилизаций, циклов и кризисов в развитии общества наблюдалась и в XX в., когда отчетливо проявились тенденции заката индустриальной мировой цивилизации. Назовем имена лишь некоторых виднейших ученых, заложивших основы теории цивилизаций: **Николай Кондратьев** и **Питирим Сорокин**, **Фернан Бродель** и **Йозеф Шумпетер**, **Освальд Шпенглер** и **Арнольд Тойнби**, **Владимир Вернадский** и **Никита Моисеев**.

Преображается мир — и радикальные перемены происходят в системе научных взглядов. В наши дни, в последней четверти XX в. и начале XXI в., когда происходит переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальной, закладываются основы интегрального социокультурного строя, проблема цивилизаций, циклов и кризисов в их динамике вновь оказалась в центре внимания как зарубежных, так и российских ученых. Возродилась современная школа русского циклизма, получила развитие цивилизационная школа, заявившая о себе немалым числом монографий и прогнозов, проведенных конференций, дискуссий. В это движение активно включились и авторы настоящего исследования. В частности, нами опубликованы такие работы, как «У истоков новой цивилизации» [247], «История цивилизаций» [232], «Циклы. Кризисы. Прогнозы» [249], «Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего» [245], «The Past and the Future of Civilizations» [276], «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» [239], «Эпохальные инновации XXI века» [250]; «У России один эффективный путь развития — свой» [98], «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» [103], «Ритмы российской истории» [100], «Россия в пространстве и времени» [101], «Россия и мир в XXI веке» [99].

Предлагаемая вниманию читателей книга — не просто систематизация и обобщение размышлений авторов о прошлом и будущем мировых, локальных и глобальных цивилизаций, циклах и кризисах в их

развитии. Авторы поставили перед собой более существенную задачу: внести свой вклад в теорию цивилизаций, рассмотреть их прошлое и будущее с позиции закономерностей циклично-генетической динамики общества, подкрепив свои выводы и сценарии на перспективу оценками и измерениями на основе многомерной воспроизводственно-циклической макромоделли, гецивилизационной модели, стратегической и гецивилизационной матрицы, представить свое видение жизненного цикла, этапов развития постиндустриального общества в условиях глобализации и перехода к интегральному социокультурному строю. Внимательный читатель найдет в этой книге немало новых идей и положений:

➔ оригинальную трактовку содержания и генотипа цивилизации, понятий глобальных, мировых и локальных цивилизаций, их взаимодействий в ритме циклической динамики общества; особенностей цивилизационного подхода и места теории цивилизации в системе наук;

➔ оценку этапов становления и развития теории цивилизаций, вклада в нее западных, восточных и российских научных школ; изложение основ современной теории цивилизаций — как она представляется авторам;

➔ многомерный подход к структуре и взаимодействию циклов и кризисов в цивилизационной динамике, пронизывающих и трансформирующих все элементы общества — демографический и природно-экологический факторы, технологию и экономику, государственно-политический строй и духовную сферу, систему цивилизационных ценностей;

➔ оценку ритмики закономерной смены мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций за прошедшие пять тысячелетий, в долгосрочной перспективе на XXI в. и более отдаленное время; положения о гуманистически-ноосферной сути постиндустриальной цивилизации и адекватной ей модели глобализации; о становлении нового (третьего) исторического суперцикла, формирования пятого поколения локальных цивилизаций и месте России в этом процессе;

➔ количественные измерения процессов циклической глобальной динамики, мировых и локальных цивилизаций в ретроспективе и сценарии на будущее, выполненные с помощью многомерной гецивилизационной модели; гецивилизационной стратегической матрицы, ситуационного анализа и прогноза на основе как статистических и прогнозных данных, так и экспертных оценок;

➔ предложенные в докладе на II Всемирном конгрессе глобальной цивилизации (Нью-Йорк, ноябрь 2005 г.) идеи о трансформации ООН в отдаленной перспективе во Всемирную конфедерацию государств и цивилизаций.

Объем результатов выполненных исследований оказался столь обширным, что пришлось разделить книгу на два тома. В первом томе излагаются проблемы теории и истории цивилизаций, тенденции трансформаций составных элементов их генотипа. Во втором томе читатель познакомится со взглядами авторов на будущее цивилизаций и опыт клиометрических измерений их динамики. В приложениях к настоящему труду читатель найдет основополагающие документы Организации Объединенных Наций и ЮНЕСКО о диалоге между цивилизациями и сохранении разнообразия культур, идеи Герберта Уэллса о создании Всемирной федерации государств, а также первую книгу по теории цивилизаций, которая была опубликована в нашей стране еще в 1839 г.

Если говорить об общем замысле авторов, то он состоит в том, чтобы развить теорию цивилизаций и экспериментально проверить на историческом и прогнозном материале циклично-генетический подход к динамике цивилизаций в прошлом и будущем. Этот подход является важнейшей составной частью формирующейся в наши дни постиндустриальной парадигмы обществоведения, которая в перспективе станет теоретическим фундаментом принимаемых стратегических решений.

Авторы опираются также на результаты проведенной в июле 2005 г. Институтом экономических стратегий и Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева научно-цивилизационной экспедиции в Северное Причерноморье — пространство взаимодействия множества цивилизаций, а также итоги аналогичных экспедиций, осуществленных в 1995—2005 гг. в Китай, Индию, Иран, Бразилию, Японию, Грецию и другие страны. Кроме того, неоценимым подспорьем стали личные впечатления от посещений практически всех цивилизаций мира, знакомства с музеями и культурно-историческими памятниками, многочисленных бесед и дискуссий.

Насколько нам удалось реализовать этот замысел — покажет время, исход тех великих перемен, которые характерны ныне для всех континентов, всех стран и цивилизаций. Публикуя свою книгу на русском, а затем и английском языках, размещая основные ее положения в Интернете, авторы надеются быть услышанными и получить соответствующие отклики, которые помогут всем нам приблизиться к истине. Эта надежда является тем более обоснованной, что значе-

ние проблем взаимопонимания, диалога и партнерства цивилизаций с каждым годом возрастает. Об этом свидетельствуют предложения Испании и Турции, поддержанные Генеральным секретарем ООН, об альянсе цивилизаций. Обсуждение на встрече лидеров восьми ведущих держав мира в Санкт-Петербурге вопроса об образовании показывает необходимость включения вопросов диалога цивилизаций в систему обучения подрастающих поколений, чему будут способствовать материалы настоящей книги.

Авторы выражают искреннюю признательность всем, кто принял участие в подготовке отдельных разделов исследования: докторам наук А. И. Агееву, В. И. Гуляеву, Л. В. Лескову, О. И. Маликовой, Я. Г. Шемякину, кандидатам наук Б. В. Куроедову, Б. А. Мясоедову, а также Эвелине Шац (Италия) за помощь в художественном оформлении книги и О. П. Бардовой, И. О. Баранчук, Л. П. Рочевой, Т. В. Швецовоу, М. Н. Толстой и И. В. Васильевой за подготовку рукописи к изданию.

Б. Н. Кузык,

член-корреспондент Российской академии наук,
директор Института экономических стратегий

Ю. В. Яковец,

академик Российской академии естественных наук,
президент Международного института
Питирима Сорокина — Николая Кондратьева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

- 1. Становление
и развитие
теории цивилизаций**
- 2. Цивилизационные циклы
и кризисы**
- 3. Цивилизационная
социогенетика**
- 4. Диалог цивилизаций**

Главный предмет настоящей работы — цивилизации. И это не просто исследование сложной, противоречивой истории их возникновения, этапов развития, взаимоотношений и перспектив развития. Авторы постарались решить принципиальную задачу — раскрыть глубинные закономерности статики, циклической динамики, генетики и взаимодействия цивилизаций во всех их ипостасях и формах проявления — глобальной, мировых и локальных. Логично начать наш долгий, во многом непроторенный путь с изучения вопросов о том, как развивалась теория цивилизаций, в чем состоят особенности и достижения современного этапа ее развития, российской цивилизационной школы, каковы особенности проявления в этой сфере общесоциологических закономерностей циклической динамики и социогенетики, что такое диалог цивилизаций и какую роль он может сыграть в разрешении глобальных противоречий XXI века. Этому и посвящены первые четыре главы настоящего труда, составляющих содержание первой его части.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Когда на свет появляется человек, ему сразу дают имя, и на протяжении всей его жизни оно служит человеку своеобразным идентификатором, выделяя его в общей массе подобных ему индивидов. Иная судьба ждет общественные системы и идентифицирующие их научные категории: могут пройти тысячелетия, прежде чем ученые познают их сущность и определяют то или иное их место в системе научных категорий. Сделать это тем более сложно, когда процесс познания не завершен, и в один и тот же термин вкладывается разное содержание. Сказанное в полной мере относится к понятию цивилизации: как социальная система она, по современным представлениям, существует около десяти тысячелетий, а сам термин как научная категория стал использоваться лишь пару столетий назад, да и споры о его содержании до сих пор не утихают. В такой ситуации невольно вспоминаешь древнеиндийскую притчу о слепцах, которые пытались описать слона, не видя его. Один, обхватив ногу слона, сравнил его со стволем дерева; другой, пощупав хобот, пришел к выводу, что животное похоже на толстый гибкий канат; третий, упершись в живот гиганта, настаивал на том, что он подобен мягкой стене. Каждый из них был по-своему прав, но понять, как на самом деле выглядит слон, они не смогли. Аналогичная картина складывается и в вопросе изучения такой в высшей степени сложной и динамичной социальной категории, как цивилизации.

1.1. Цивилизации: от многомерной реальности к научным категориям

Цивилизация как объективная реальность, как объект познания в нашем понимании трехмерна, выступает в трех разных измерениях, ипостасях, неразрывно связанных между собой по содержанию, в пространстве и во времени.

Прежде всего, это общечеловеческая, всемирная, **глобальная цивилизация**, выражающая единство рода человеческого, его исторической судьбы с того поворотного момента, когда человек перешел от присваивающего хозяйства (охоты, собирательства) к производящему (скотоводству, земледелию). Именно тогда он начал творить собственную историю, и мы уже можем говорить о существовании *общества* как такового, о единстве материального и духовного воспроизводства.

Этот процесс, называемый в науке неолитической революцией, начался примерно в VIII тыс. до н. э. на сравнительно узком участке Земного шара, к северу от экватора, где климатические условия были чрезвычайно благоприятны для ведения хозяйства. Затем он распространился по всем материкам, подчинив себе и преобразовав всю ойкумену (населенную часть планеты), и достиг завершения лишь в XX в., когда глобализация сделала очевидным единство судьбы расплодившегося вида *Homo sapiens*

в планетном обиталище. Не случайно в своих выступлениях по поводу Года диалога между цивилизациями, которым был провозглашен год 2001-й, Генеральный секретарь ООН (единственной организации, представляющей интересы всех народов и цивилизаций глобального сверхобщества) **Кофи Аннан** неоднократно пользовался термином «глобальная цивилизация», показывая ее взаимосвязь с локальными цивилизациями.

Можно сказать, что процесс формирования глобальной цивилизации растянулся на тысячелетия и завершается в наши дни. И хотя признанные классики теории локальных цивилизаций — **Н. Я. Данилевский**, **О. Шпенглер**, **А. Тойнби**, а также некоторые современные ученые отрицают ее наличие, тем не менее она реально существует, отражая единство рода человеческого и его исторической судьбы на планете Земля, единство его коренных интересов. Оно и вправду есть, несмотря на все разнообразие цивилизаций, рас, наций, этносов и на все противоречия, имеющиеся между ними.

В качестве примера теории, отрицающей существование единой цивилизации, приведем позицию **Л. И. Семенниковой**: «Говорить о единой цивилизации, по крайней мере, преждевременно, а может быть, и невозможно. Это скорее мечта интеллектуальной элиты высокоразвитых стран, чем реальность. Об общечеловеческой цивилизации можно говорить лишь в том смысле, что на планете существует сообщество разумных существ, которое развивается в соответствии с естественными и общественными законами и имеет общие интересы. Само человеческое сообщество неоднородно, его историю невозможно понять исходя из общепланетарного подхода... Концепция единой мировой цивилизации отрицает многовариантность развития... Под ее флагом предлагается идея унифицированного развития» [176. — С. 83, 84].

В этом высказывании заметно опасение, что унифицирующее воздействие глобализации уничтожит разнообразие и самобытность локальных цивилизаций. Такая угроза действительно существует, и мы о ней далее будем говорить. Но не менее опасно отрицать общность, единство интересов всего цивилизованного человечества. Такое единство просматривается во всех сферах жизнедеятельности глобального сообщества — демографической, экологической, технологической, экономической, геополитической, социокультурной. Предавать забвению подобную общность интересов и судьбы всего человечества, противопоставляя частное общему, — в наши дни это означает приближать конец вида *Homo sapiens* на уникальной по своим условиям и, возможно, единственной во Вселенной пригодной для жизни планете Земля. А именно к таким последствиям может привести столкно-

вание локальных цивилизаций, глобальная военная, техногенная или экологическая катастрофа.

Поэтому глобальная цивилизация — содержание, закономерности, этапы и тенденции ее формирования, многосложная структура, формы и механизмы взаимодействия ее составных частей и элементов, ее перспективы — все это составляет важнейшую часть науки о цивилизациях — цивилиографии.

Однако глобальная цивилизация не появляется сразу в готовом, завершённом виде. За десять тысячелетий своего существования она прошла определенные стадии развития, меняя внутреннюю структуру и внешний облик. Это дало нам основание выдвинуть в качестве объекта изучения, составляющего вторую крупную часть науки о цивилизациях, теорию **мировых цивилизаций**. Они представляют собой периодически сменяющие друг друга фазы формирования и развития глобальной цивилизации и отличаются одна от другой социокультурным строем, численностью, структурой и динамикой народонаселения, степенью воздействия на природно-экологические процессы, технологическими и экономическими способами производства, общественно-политическим устройством.

Цивилизационным членением мировой истории мы заменяем формационное, предложенное в свое время **К. Марксом**. Недостатком последнего является преувеличение роли производственных (экономических) отношений и недооценка значимости социокультурной сферы в развитии человечества. Новая же теория дает возможность обнаружить спираль исторического прогресса, его ритмику и на основе полученных данных оценить суть происходящих ныне перемен, перспективы развития мировых цивилизаций в XXI и последующих столетиях.

Наконец, третья ипостась понятия «цивилизация» — это множество **локальных цивилизаций**, представляющих собой большие общности людей, этносов и народов, объединяемых единством социокультурных ценностей, исторических судеб, экономических и геополитических интересов, выражающих многообразие и изменчивость структуры глобальной и мировой цивилизации. Периодически происходит *смена поколений локальных цивилизаций*: меняются их состав, формы и связи. Тогда между цивилизациями начинаются столкновения, которые нарушают процесс их диалога и взаимообогащения. Локальные цивилизации воплощают богатство и разнообразие человечества как единой системы, гарантируют ее устойчивость и обеспечивают целесообразную изменчивость при смене эпох, передачу культурного наследия и обогащение социального генотипа человечества. Время от времени одни ло-

кальные цивилизации сходят с исторической сцены, другие на ней появляются, третьи разделяются, четвертые объединяются. Каждая из них имеет свой жизненный цикл, свою судьбу, но вместе они образуют богатую палитру многокрасочного мира глобальной цивилизации.

Триединство цивилизационного измерения возникло не сразу и не одновременно. Если становление глобальной и первой из череды мировых (а именно неолитической) цивилизаций началось около десяти тысячелетий назад, то локальные цивилизации имеют вдвое более короткую историю. Самые древние из них возникли в долинах великих рек всего лишь около 5 тыс. лет назад. Это произошло одновременно с окончанием возведения многоэтажной «пирамиды» цивилизации — с появлением государств, классов, эксплуатации, товарно-денежных отношений.

Следовательно, на современном уровне познания правомерно говорить о **трехмерном измерении цивилизационно-исторического времени-пространства**, о единстве и многообразии глобальной, мировых и локальных цивилизаций. Однако наши нынешние знания есть результат длительного и противоречивого развития всех общественных наук, противоборства научных школ, стремившихся как можно более полно изучить человечество, его прошлое, настоящее и будущее. Любопытно отметить, что исследование различных видов цивилизаций шло в обратной последовательности по сравнению с историческим временем их возникновения: сперва были признаны и изучены локальные цивилизации, затем мировые и лишь сейчас наука взялась за глобальную. Завершим же этот экскурс кратким изложением нашего понимания основ современной теории цивилизаций.

1.2. Формирование теории цивилизаций

Первые этапы длительного и сложного пути познания цивилизаций, пожалуй, лучше всего отражены в работе **И. Н. Ионина** и **В. И. Хачатуряна** [71]. Воспользуемся этим изданием, чтобы, дополняя его, вкратце изложить основные этапы формирования и развития теории цивилизаций (включая XX в., особенно обильный на цивилизационные теории). Выделим при этом главные стадии:

V в. до н. э. — XV в. н. э. — за это время были заложены основы истории как науки, сформировались взгляды на историю всего мира и отдельных стран;

XVI–XIX вв. — возникло само понятие «цивилизация». Великие географические открытия и достижения в области археологии чрезвычайно обогатили познания людей о всемирной истории, истории отдельных народов и цивилизаций;

XX в. — произошел прорыв в изучении цивилизаций. На Западе и в России сформировались современные научные цивилизационные школы; во всем мире развернулось движение в пользу диалога культур; на первый план вышла проблема взаимодействия локальных цивилизаций. В это же время завершается процесс формирования глобальной цивилизации. Цивилизационный подход стал одним из важнейших элементов постиндустриальной парадигмы обществоведения, которая в XXI в. будет преобладающей [245. — С. 200–210; 239. — С. 339–340].

Начало истории как науки было положено в античной Греции в V в. до н. э. В произведениях **Геродота** (481–425 гг. до н. э.), **Фукидида** (460–395 гг. до н. э.), **Полибия** (205–125 гг. до н. э.), **Тита Ливия** (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) и других авторов история не сводилась к описанию событий в своей и соседних странах. Появились многотомные своды мировой истории («Всеобщая история» **Полибия** в 40 томах). В трудах **Платона**, **Аристотеля** излагались представления о единстве человеческой истории, цикличности исторического процесса, смене форм государственного устройства. **Луcretий Кар** (99–55 гг. до н. э.) в своей поэме «О природе вещей» нарисовал картину перехода человечества от эпохи варварства, когда люди жили собирательством и не имели постоянных семейных отношений, к более развитому общественному строю. Основой благополучия последнего является умение людей возделывать землю, обрабатывать металлы, строить суда и плавать по морям.

Китайский историк **Сыма Цянь** (115–86 гг. до н. э.) в своих «Исторических записках» [189] также выдвигал идею цикличности исторического процесса.

Для средневекового общества был характерен религиозный взгляд на исторический процесс, понимание его как утверждения Царствия Божия на земле. **Блаженный Августин** (354–430) создал концепцию истории, строго ориентированную на потусторонние ценности и оказавшую серьезное влияние на все последующее развитие исторического знания. Библия стала главным и непререкаемым источником исторических сведений. Увы, это был шаг назад по сравнению с историческими взглядами греко-римского мира.

Традиции последнего сохранялись в трудах арабских ученых. Ученый-энциклопедист **Аль-Бируни** (973–1048) опубликовал «хронологию древних народов», трактат по истории Индии, выдвинул идею больших исторических циклов. Арабский ученый **Ибн Хальдун**

из Туниса (1332–1406) в сочинении «Книга назидательных примеров» развил идеи философии истории, говорил о существовании исторических циклов. Согласно его учению, общество в своем развитии проходит три стадии: дикости, сельской и городской жизни. «В представлениях Ибн Хальдуна об историческом времени тесно переплетены цикличная и линейная концепция. С одной стороны, политическая жизнь общества развивается у него циклически. Каждая правящая династия, по его представлению, проходит в течение четырех поколений через все стадии развития культуры от дикости до цивилизации и распада основ власти. Но вместе с тем наследие цивилизации не исчезает... Цивилизация государства предшествующего передается государству последующему» [71. — С. 31].

Сам термин «цивилизация», как принято считать, появился в середине XVIII в. во Франции, где к тому времени созрели духовные предпосылки великой буржуазной революции. Впервые он встречается в трактате маркиза **Мирабо-старшего** (1715–1789) «Друг человека или Трактат о населении». Цивилизация изучалась во взаимосвязи с распространением христианства, а ее проявлениями назывались смягчение нравов, просвещение, справедливость, равновесие экономических и политических интересов. «Ее воплощение — развитое сельское хозяйство, свободная торговля, распространение просвещения внутри страны и за ее рубежами» [там же. — С. 59, 60]. Это лозунги, под которыми шло к власти «третье сословие».

В те же годы была опубликована книга **Вольтера** (1694–1779) «Опыт о нравах и духе народов». В ней история цивилизации понималась как история человеческого разума: «Речь идет о том, по каким путям и ступеням происходило движение от варварской грубости тех времен к цивилизованности нашего времени» [там же. — С. 61]. Вольтер был противником эсхатологических взглядов, мыслей о непрерывности, линейном развитии истории, он придерживался идеи цикличности исторического процесса: «В отличие от своего предшественника Дж. Вико, Вольтер видел в циклах истории не столько форму деградации цивилизаций или культур, сколько процесс непрерывного обновления культуры. Для него упадок не завершает развития цивилизации, а как бы открывает его. Недаром Вольтер писал об угасании, возрождении и прогрессе человеческого духа» [там же. — С. 63–64]. Здесь мы впервые встречаемся с той точкой зрения, что кризисы полезны для исторического процесса и динамики цивилизаций. И. Н. Ионов и В. М. Хачатурян делают вывод, что Вольтер «сумел стать предтечей практически всех позднейших теорий цивилизации как во Франции, так и в других европейских странах» [там же. — С. 67].

Во второй половине XVIII в. и в течение всего XIX в. теорию цивилизаций активно разрабатывали многие западноевропейские историки, философы, социологи. Сложились три мощные научные школы — французская, английская и немецкая. В эпоху буржуазно-демократических революций, наполеоновских войн и в период образования национальных государств чрезвычайно обострился интерес ученых и всех образованных людей к закономерностям общественно-исторического процесса, тем более, что в эти десятилетия происходило становление и распространение индустриальной мировой цивилизации, достигшей пика своего развития к середине XIX в., завершался процесс формирования четвертого поколения локальных цивилизаций. Все указанные процессы требовали научного объяснения.

Французская цивилизационная школа отличалась наибольшей численностью и пестротой взглядов своих приверженцев. **А. Тюрго** (1727—1781) отмечал, что в возникновении и падении империй, форм правления существует определенная периодичность, что поступательное движение науки и искусства то ускоряется, то задерживается. В своих сочинениях он исходил из общей тенденции прогрессивного движения общества. «Прогресс, хотя и неминуемый, — считал он, — перемеживается с частыми упадками благодаря событиям и революциям, прерывающим его, поэтому он был весьма различен у разных народов» [там же. — С. 76]. Закономерности истории, по мнению Тюрго, формируются целиком в мире людей, а источник развития человечества — противоречия. Это оптимистический взгляд и на ход истории, и на роль в ней кризисов и революций.

Противоположной точки зрения придерживался **Ж.-Ж. Руссо** (1712—1778), который считал цивилизацию противоречащей естественному ходу вещей. Он полагал, что история Египта, Китая и других стран доказывает: последствиями расцвета философии, литературы, искусств становятся испорченность нравов и военные поражения. «Цивилизации и порок для Руссо — синонимы. Столь же неразрывно с человеческими пороками связано происхождение наук и искусств, появление ученых. Между тем природа хочет уберечь человека от знания, "как мать, которая вырывает опасный предмет из рук дитяти". Философ выступил в авангарде борьбы цивилизационной периферии против центра цивилизации» [там же. — С. 80, 81].

Однако большинство французских, как и других западных ученых придерживались позитивного взгляда на развитие цивилизации и ее будущее. Так, **Д. Дидро** (1713—1784) был убежден, что «народы постоянно колеблются от состояния варварства к состоянию цивилизо-

ванности» [там же. — С. 86]. В переписке с Екатериной II он обсуждал возможности и пути приобщения России к европейской цивилизации, даже опубликовал в 1780 г. работу «О цивилизации России», однако вскоре разочаровался в этой идее: «Растленная деспотизмом, русская нация находится в состоянии варварства и сопротивляется цивилизационным планам деспота» [там же. — С. 86].

Идея закономерной смены цивилизаций в истории человечества впервые была представлена в книге **М.-Ж. Кондорсе** (1743—1794) «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», написанной им в 1794 г. в тюрьме в ожидании смертной казни. Он выделил десять периодов в истории человечества, каждый из которых отличался особым состоянием цивилизации:

- ➔ образование первобытными охотниками и рыбаками племен — первых политических институтов;
- ➔ разделение города и деревни, накопление богатств, зарождение государств. Социальное неравенство и произвол государственной власти порождают потребность в великих революциях, без которых прогресс цивилизации останавливается на низком уровне;
- ➔ доминирование греческой культуры, поднявшей на новый уровень философию и науки;
- ➔ раскол естественных наук и философии, распространение в Римской империи христианства приводят к упадку цивилизации;
- ➔ возрождение наук арабами;
- ➔ Ренессанс в Италии, активизация духовной жизни, изобретение книгопечатания;
- ➔ Великие географические открытия, мощное развитие экономики, Реформация и религиозные войны;
- ➔ создание Французской республики как следствие всего предшествующего естественного прогресса цивилизации; революция во Франции, которая раскрывает сущность цивилизации;
- ➔ будущий (десятый) период, «когда будет уничтожено неравенство между народами, когда самые отсталые из них приблизятся к уровню цивилизаций самых просвещенных, когда имущественное неравенство будет допускаться лишь в тех пределах, в каких оно благоприятствует прогрессу цивилизации, когда интеллектуальные, моральные и физические способности человека будут развиваться быстро и гармонично» [там же. — С. 98—100].

У Кондорсе мы находим, пусть в зачаточной форме, идею о периодической смене мировых цивилизаций и революциях, сопутствующих этой смене. Любопытно отметить, что **мадам де Сталь** (1766—1817) уже в 1780 г. определила цивилизацию как смысл истории. В своих

сочинениях она использовала такие понятия, как «мировая» и «глобальная (universelle)» цивилизация [там же. — С. 102]. Хотя это было не более чем догадкой: в том смысле, который ныне вкладывается в такие категории, мадам де Сталь цивилизации не трактовала.

В XIX в. французские ученые продолжали активно развивать теорию цивилизаций. **А. де Сен-Симон** (1760—1825) выдвинул концепцию восхождения человечества от варварства к цивилизации через 12 стадий исторического прогресса; каждая из них связана с определенным уровнем развития экономики и общества, сменой культурных форм и реализуется в определенной стране — сначала в Египте, затем в Греции, Риме и наконец в Европе. «Каждой общественной форме отвечает определенный умственный уклад, всякий крупный общественный переворот совпадает с революцией в философии, в верованиях, в научных понятиях» [там же. — С. 130]. Здесь мы видим зачатки идеи смены мировых цивилизаций.

О. Конт (1799—1857) положил начало позитивистскому подходу к теории цивилизаций. «Центральным явлением исторического процесса для Конта была цивилизация как духовная жизнь общества, находящая свое выражение в религии, философии, науке. Именно из законов развития цивилизации он собирался дедуктивно вывести рациональные представления обо всех остальных проявлениях истории общества. Понятие «цивилизация» явилось центральным как в «социальной динамике» О. Конта, так и в его «социальной статике», описывающей условия стабильности, структуру общества. Конт в 1822 г. объявил «великий закон трех стадий», то есть трех этапов развития цивилизации, — теологической, метафизической и позитивной» [там же. — С. 131]. Главный закон социальной статики по Конту — соответствие между характером государственных учреждений и «состоянием цивилизации», иначе говоря, нравами и идеями общества, положением науки, искусств и ремесел. Первоисточником динамики цивилизации Конт считал развитие духовной жизни общества, подчеркивая в то же время значение промышленной и военной деятельности людей; но он скептически оценивал роль революций в развитии цивилизации. Перспективу он видел в достижении стадии, когда «государство заменяет "социократия" — власть людей, выражающих научную точку зрения на перспективы цивилизации. Все, что им мешает, в том числе и "ненаучная" парламентская система, устраняется. Для конфликта в обществе просто не остается места. Социальное согласие препятствует дальнейшему общественному развитию. История достигает своей цели» [там же. — С. 137].

Идеи Конта оказали большое влияние на развитие западных цивилизационных школ. Российские ученые (**М. М. Ковалевский**,

Н. Д. Кондратьев, **П. А. Сорокин**) также испытывали их влияние, но пошли значительно дальше в понимании сущности, механизмов и последствий цивилизационного прогресса.

Важнейший вклад в исследование истории цивилизаций внес французский историк **Ф. Гизо** (1787—1874), опубликовавший в 1828—1830 гг. книги «История цивилизации во Франции» и «История цивилизации в Европе». «Именно Гизо принадлежала заслуга первой попытки превращения высокоидеологизированного, насыщенного ценностным содержанием, философского по своей сути понятия "цивилизация" в категорию исторической науки, формирующейся как особая дисциплина научного знания» [там же. — С. 140]. Он исследовал историю цивилизаций в их синтезе, впервые ввел понятие их многообразия. Гизо проанализировал особенности древних цивилизаций, показал специфику и многомерность цивилизации Европы: «Ее цивилизация сложна, разнообразна и бурна; все формы, все принципы социальной организации существуют в ней совместно и одновременно. Духовный и светский авторитет, теократический, монархический, аристократический и демократический принципы, всевозможное разнообразие классов и социальных состояний перемешаны и скручены вместе. В европейской цивилизации существуют бесконечные степени свободы, богатства и влияния. И все эти элементы находятся в постоянной борьбе между собою, однако ни один из них никогда не в состоянии был задавить другие и установить свой исключительный авторитет» [там же. — С. 145]. Тем самым Гизо вплотную подошел к разработке теории локальных цивилизаций и их сопоставлению.

Идеи Гизо были развиты философом **Виктором Кузеном** (1792—1867), который видел в революциях путь к полному развитию цивилизации, его последователем философом **Ш. Ренувье** (1815—1903), который ввел понятие «первичных», «вторичных» и «третичных» типов цивилизации и показал их взаимодействия, а также историком **Ж. Мишле** (1796—1874), который в своей книге «Народ» (1846) ввел понятие «получивилизационность» и показал, что «машинная цивилизация лишает нас индивидуальности, самостоятельного бытия» [там же. — С. 191].

Ближе всех к теории локальных цивилизаций подошел историк **Э. Кинне** (1803—1875), который придавал решающее значение религии в формировании цивилизаций, провел сравнительное изучение религий Индии, Китая, Персии, Египта, Вавилонии, Финикии, Иудеи, Греции, Рима. По мнению **И. Н. Ионова** и **В. И. Хачатуряна**, здесь «содержится ключ к теории локальных цивилизаций: "Каждая цивилизация — это отдельный самодостаточный мир, до предела разви-

вающий свои собственные принципы”. Здесь историк вплотную подошел к революции в теории цивилизаций... Речь у него идет... о цивилизациях, способных стать организующей силой мировой истории» [там же. — С. 193].

Дополнительные штрихи в развитие теории цивилизаций внесли французские исследователи конца XIX в. Историк и философ **И. Тэн** (1828–1893) в трехтомнике «Происхождение общественного строя современной Франции» (1876–1893) утверждал, что факторами развития цивилизаций являются климат, местность, образ жизни народа, плодovitость расы, народный характер и религии, причем все указанные факторы действуют как единая система. Их проявление он исследовал применительно к независимым центрам самостоятельных цивилизаций — Китаю, Вавилону, Персии, Индии, Египту, Финикии. Тэн показал, как индийская, китайская, магометанская и европейская цивилизации распространили свое влияние на весь мир.

Французский демограф **А. Дюмон** (1849–1902) в опубликованной в 1890 г. книге «Депопуляция и цивилизация. Демографическое исследование» открыл новую грань в изучении динамики локальных цивилизаций. На основании данных демографии касательно древних цивилизаций он показал, что конечная стадия развития цивилизаций связана с депопуляцией — сокращением рождаемости, вымиранием населения. «Угроза тупика в развитии цивилизации, ярко описанная Дюмоном, сказала на мировоззрении многих ученых. Из жизнеутверждающей ценности, символа прогресса идея цивилизации под его пером превратилась в символ угасания культуры, символ вымирания наций. Термин “цивилизация” на глазах терял ценностное содержание, приобретал характер научного понятия, воплощающего самые разные — и положительные, и отрицательные — тенденции в развитии человечества» [там же. — С. 266].

Пессимизма в оценку развития цивилизаций добавил крупнейший французский социолог **Э. Дюркгейм** (1857–1917), посвятивший одно из своих исследований связи развития цивилизации и увеличения числа самоубийств (1888). По Дюркгейму, цивилизация есть прямое следствие роста населения, повышения его плотности, увеличения степени разделения труда. Но чрезмерная утонченность цивилизации порождает у людей беспокойство и тревогу, ведет к росту числа самоубийств. Статистика показывает, что наиболее развитые регионы Европы лидируют по числу помешательств и самоубийств. Однако Дюркгейм подчеркивает и прогрессивную сторону развития цивилизаций: разделение труда порождает потребность людей друг в друге, новую культуру, солидарность и альтруизм. Ядром регулятивного ме-

ханизма локальных цивилизаций Дюркгейм считает систему культурных ценностей, а также своеобразие нравственных норм, которые невозможно внедрить извне: «Каждый народ имеет свою нравственность, определяемую условиями, в которых он живет. Невозможно поэтому навязывать ему другую нравственность, как бы высока она ни была, — не дезорганизуя его» [там же. — С. 269]. Вывод поучительный для сторонников всемирного распространения системы ценностей западной цивилизации.

Английская цивилизационная школа не так богата, как французская. Во многом на ее формирование повлияла развернувшаяся с конца XVIII столетия промышленная революция и стремительная экспансия Британской империи в странах Азии и Африки, подчинившая ей многие самобытные цивилизации.

Шотландский философ и историк **А. Фергюсон** (1723–1818) считается основоположником английской цивилизационной школы. В опубликованной им в 1762 г. книге «Опыт истории гражданского общества» цивилизация трактовалась как следствие развития производительной деятельности людей, их обогащения, создания ими государственных институтов для защиты своей собственности и установления «гражданского общества». Последнее является воплощением человеческого разума в общественной жизни, ибо основывается на учете интересов друг друга [там же. — С. 68]. Как видим, это богатство и государственные учреждения, его охраняющие, являются важнейшими ценностями индустриальной мировой цивилизации в ее западноевропейском варианте. Фергюсон впервые выдвинул идею о трех стадиях развития человечества — дикости, варварстве и цивилизации (впоследствии данная теория была расширена **Л. Морганом** и поддержана **Ф. Энгельсом**); каждой стадии соответствует преобладающий вид деятельности, уровень социального расслоения и культуры.

Фергюсон придерживался идеи, что цивилизация развивается линейно-стадиально. Он идеализировал ее облик, считая, что ей не свойственно насилие, а конфликты можно преодолеть с помощью справедливых норм права; что она открывает возможности безграничного прогресса культуры; что это общество умеренности. Он отказывался признать Индию и Китай полноценными цивилизациями, поскольку они остаются деспотиями. Это во многом пуританский, чисто английский взгляд на сущность и характерные черты цивилизации.

Заметный вклад в теорию и историю цивилизаций внес другой английский ученый — **Г. Бокль** (1821–1862). Он замыслил создать грандиозный труд «Истории цивилизаций человечества», но успел на-

писать только двухтомную «Историю цивилизации в Англии» (1857–1861). В первом томе он изложил свой взгляд на общую теорию локальных цивилизаций. «В смысле соответствия требованиям науки своего времени теория цивилизаций Бокля не имела равных» [там же. — С. 243].

Бокль считал, что цивилизацию формируют две основные силы: человек, воздействующий на природу, и природа, воздействующая на человека. Соответственно, он исследовал две группы факторов, влиявших на возникновение и развитие цивилизаций: физические (климат, пища, почва, общий вид природы) и интеллектуальные (уровень познания законов природы и их технологического применения). Бокль пришел к выводу, что в европейской цивилизации преобладает подчинение природы человеку, а в остальных — подчинение человека природе. «Все главнейшие ступени, по которым проходит последовательно род человеческий по пути цивилизации, отличаются известными особенностями ума или убеждения, оставляющими свой отпечаток на религии, философии и нравственности века» [20. — С. 7].

Изобилие продуктов питания в странах с жарким климатом, где почвы высокоплодородны, приводит к росту численности населения и падению стоимости рабочей силы. Поэтому в цивилизациях, основанных на использовании природных сил, рано или поздно начинался период застоя и они разрушались. Лишь в тех культурах, где люди вынуждены были преодолевать сопротивление природы, наблюдались стремительный рост знаний, устойчивое прогрессивное развитие.

Бокль заложил основы сравнительного изучения цивилизаций, хотя его стремление противопоставить европейские и неевропейские цивилизации неоправданно. В Индии, Китае, Египте были свои периоды интеллектуального подъема, расцвета науки и культуры — в те времена, когда большая часть Западной Европы находилась еще на низком уровне развития цивилизации.

В конце XIX в. на английском научном небосклоне появилась звезда первой величины в социологической теории цивилизации — **Г. Спенсер** (1820–1903). По мысли Спенсера, «...бесконечность немыслима. Ритм есть необходимая характеристика любого движения» [71. — С. 250]. Цивилизация как социальное тело переходит от однородного к многообразному, разнородному, но стремящемуся к равновесию обществу, причем ранние стадии социальной эволюции в большей степени зависят от природной среды.

Спенсер отошел от линейной концепции прогресса Конта. Он считал, что регресс столь же необходим для эволюции, как и прогресс. «В схеме исторического развития Спенсера впервые в социологии по-

зитивизма представлен полный цикл жизни цивилизации, включающий стадию прогрессивного развития (дифференциации), стабильности (адаптации) и регресса общества, то есть создается основа для изучения дискретных процессов, связанных с эволюцией цивилизаций» [там же. — С. 251].

Немецкая цивилизационная школа оказала на мировую науку большее воздействие, чем английская, хотя и не была столь развита, как французская.

Важнейшая роль среди немецких теоретиков цивилизации принадлежит **И. Г. Гердеру** (1744–1803), его труду «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Гердер критически относился к идее цивилизации, пытаясь соединить линейное движение истории с циклическим развитием отдельных народов. Он утверждал, что культурная традиция препятствует прогрессу человеческого разума; противопоставлял уникальность отдельных цивилизаций универсализму человеческих потребностей; выдвинул генетический подход к истории. «Воспитание человеческого рода — это процесс и генетический, и органический; процесс генетический благодаря передаче традиций; процесс органический — благодаря усвоению и применению переданного» [там же. — С. 18]. Гердер подчеркивал благотворное значение революций в истории человечества: «Нашему человеческому роду потрясения нужны, как волны водной глади, чтобы озеро не превратилось в болото. Гений человечности вечно обновляет свой облик, вечно расцветает и вновь возрождается в народах, поколениях, племенах» [там же].

Заметный след в развитии теории цивилизаций оставили труды великого немецкого философа **Г. Гегеля** (1770–1831). Он отрицательно относился к самой идее цивилизации, видя в ней ложный путь, противостоящий подлинной свободе. Тем не менее его исследования вопроса о том, как окружающая среда, природа (особенно в долинах крупных рек, прибрежных районах) влияет на человека и исторический прогресс, помогают понять особенности возникновения и динамики цивилизаций Востока и Запада. Гегель ввел понятие «всемирно-исторических народов», активность которых определяет ход мировой истории. К их числу Гегель относил жителей Персии, Сирии, Иудеи, Египта, греческий, римский и германский мир.

Одним из основателей теории локальных цивилизаций считается **Г. Рюккерт** (1823–1875), опубликовавший в 1857 г. двухтомник «Учебник мировой истории в органическом изложении». Отрицая возможность существования единого культурного типа, ученый ис-

следовал одновременно существующие культурные типы: «У Рюккерта культурные типы существуют не один за другим, а все вместе во временном пространстве человеческого бытия, представляя собой особые культурные миры в рамках единого большого мира, культурно-исторические организмы или индивидуальности, без познания которых непонятен смысл истории, то есть именно то, что сейчас мы называем локальными цивилизациями. Сходное представление мы найдем в XX в. у О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя и др.» [там же. — С. 233]. От себя добавим — и в XIX в. у Н. Я. Данилевского.

Каждому культурному образованию в истории суждено исчезнуть: неполнота и смертность всех форм всемирно-исторической жизни — это, по Рюккерту, основной закон истории. Любой культурно-исторический тип самодостаточен и независим от других. Рюккерт считает, что европейская культура «никогда не будет в состоянии навязать всем этим различным основным типам один и тот же идеал их жизни и исторического поведения...», поскольку культура — всего лишь «...содержание нашей собственной прошедшей и будущей цивилизации» [там же. — С. 234]. Поэтому вторжения европейской цивилизации в зону других цивилизаций разрушительны. Исторический опыт подтвердил истинность положений Рюккерта. Правда, к концу книги он отступил от собственной позиции и провозгласил западноевропейскую культуру высшей и единственной полностью жизнеспособной.

Американская цивилизационная школа начала формироваться лишь со второй половины XIX в. Наиболее видным ее представителем был этнолог **Л. Морган** (1818—1881), взгляды которого на цивилизацию представлены в книге «Первобытное общество» (1877). По мнению Моргана, эпоха цивилизации — лишь небольшая часть исторического пути, пройденного человечеством. Основными признаками перехода от стадии варварства к стадии цивилизации являются установление моногамной формы брака, использование орудий труда и оружия из бронзы, развитая система земледелия, возведение крепостей из камня, усиление военной демократии, активное накопление богатств, возникновение частной собственности и государства, зарождение классового общества.

Ф. Энгельс (1820—1895) в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1894) воспринял и развил идеи Моргана, допустив в предисловии к книге отступление от строгих догм марксизма: он поставил изменения способов воспроизводства человека в один ряд со способами производства. Однако в целом марксизм не усвоил базовые положения западноевропейских цивили-

зационных школ, поскольку отводил системе цивилизационных ценностей лишь третьестепенное место, а за основу прогресса общества принял развитие материальных производительных сил и системы экономических отношений. В то же время при изучении смены общественно-исторических формаций марксизм широко использовал конкретные достижения цивилизационных школ.

Российская цивилизационная школа возникла значительно позднее западноевропейских и во многом отражала достижения последних.

А. Д. Кантемир (1708—1744) в своей концепции всемирной истории исходил из идеи круговорота истории, так называемой теории четырех монархий — культурного развития человечества по замкнутому кругу: светоч знаний, перейдя из Греции в Италию, затем в Англию, Францию и Германию, будет перенесен в Россию, а потом вновь в Грецию.

В. И. Татищев (1686—1750) в своей «Истории российской» (завершена в 1739 г.) принял за основу периодизации истории переход от естественного состояния к цивилизации. Общество прошло несколько этапов духовного развития: соперничество человеческого духа (детство); создание письменности (юность); распространение христианства и изобретение книгопечатания (период возмужания); развитие гражданского общества (зрелость).

А. Н. Радищев (1749—1802) видел в истории тенденцию к прогрессу. С течением времени происходит обогащение разума, знаний, достигаемое за счет преемственности поколений. «Переход от первобытности к цивилизации Радищев объяснил тремя причинами: "нуждой", ростом "хозяйственного накопительства" и, наконец, изобретательностью людей, способных совместными трудами создавать блага цивилизации...» Он придавал большое значение географической среде: «Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов». Однако главной движущей силой для Радищева все-таки является «шествие человеческого разума» [там же. — С. 115].

В первой половине XIX в., после победоносной войны с наполеоновской Францией и более тесного знакомства русского общества с европейской научной мыслью, его интерес к философии истории, поиску своего места в мировой цивилизации значительно усилился. Немало идей о сопоставлении исторического пути России и Европы было высказано декабристами, **М. П. Погодиным**, **П. Я. Чаадаевым**, славянофилами и **А. С. Хомяковым** в его «Записках о всемирной истории».

П. Я. Чаадаев (1794—1856) видел задачу философии истории в том, чтобы воссоздать религиозно-нравственный смысл «великих исторических эпох, событий, действий» [там же. — С. 203]. Чаадаев негативно оценивал культуры Индии и Китая, приводя их как поучительный пример упадка, неизбежно постигающего замкнутую, не подчинившуюся общему закону цивилизацию, лишенную просветляющего воздействия христианства. Цель цивилизации, конечный результат истории, по мнению Чаадаева, — слияние всех культур и народов в единый всемирный организм. Чаадаев и славянофилы преувеличивали особенности и достоинства славянской локальной цивилизации.

Любопытно отметить, что уже в 1839 г. в Харькове вышло в свет первое в мире исследование теории цивилизаций — книга **А. Л. Метлинского** «О сущности цивилизации и о значении ее элементов» (факсимильное ее издание воспроизводится в приложении к тому II).

Автор видел сущность цивилизации в физико-моральном развитии человека и общества. Главными элементами цивилизации он считал человека, его физическое и моральное развитие; распространение образования; лучшим строем он считал монархию. Метлинский отмечал благотворное влияние науки на все остальные элементы цивилизации — язык, характер, обычаи, организацию общества, промышленность, искусства и религию. Отмечая особенности проявления цивилизации у разных народов, автор не задавался вопросом, существуют ли локальные цивилизации. Книга А. Л. Метлинского свидетельствует о том, что исследование проблем цивилизаций в России началось примерно в одно время с Западом; это первая публикация по теории цивилизаций. Более глубокие исследования цивилизационных проблем появились во второй половине XIX в.

Значительное внимание этой проблеме уделил **Н. Г. Чернышевский** (1828—1889). Главной движущей силой успехов цивилизации он считал распространение знаний: «Пусть политика и промышленность шумно движутся на первом плане в истории, история все-таки свидетельствует, что знания — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни». Знания, приобретенные людьми, порождают те блага, совокупность которых называется цивилизацией» [там же. — С. 289]. Чернышевский связывал успех цивилизации с факторами, благоприятными для человеческой жизни, — особенностями географической среды, отсутствием войн и т. п. Он не поддерживал идею о цикличном развитии цивилизации, отстаивал позицию непрерывности прогресса, возобновления сил народа с каждой сменой поколений.

П. Л. Лавров (1823—1900) в своих «Исторических письмах» развил во многом оригинальные взгляды на цивилизацию и культуру. Он рассматривал ее как традицию, ведущую к застою; потребности же развивают культуру в цивилизацию. Прогресс реализуется небольшим кругом интеллектуальной элиты, «цивилизованным меньшинством». Главный критерий уровня цивилизации — способность к трансформации: «История мысли, обусловленной культурой, в связи с историей культуры, изменяющейся под влиянием мысли, — вот вся история цивилизации» [там же. — С. 296]. Любопытно здесь то, что, говоря современным языком, способность к инновациям, к трансформациям рассматривается как критерий уровня цивилизации.

Как идеолог народничества, Лавров не мог оставить в стороне социальную сторону цивилизационного прогресса: «Единственное средство для цивилизации быть более прочной — это постоянно связывать со своим существованием материальные, умственные и нравственные интересы неимущего большинства» [там же. — С. 297]. Сегодня это звучит особенно актуально, когда и между локальными цивилизациями, и внутри них все шире становится пропасть экономической стратификации.

Крупным событием в развитии российской (да и мировой) теории цивилизации стала публикация книги **Н. Я. Данилевского** (1822—1885) «Россия и Европа» (1869). Само по себе исследование было неоднородно и получило как положительные, так и отрицательные отзывы в России и за рубежом. Годы, когда оно создавалось, были непростыми для России: совсем недавно она потерпела сокрушительное поражение в Крымской войне, но еще были свежи в памяти триумфы начала века, когда империя играла лидирующую роль в европейской и мировой политике. Кроме того, после отмены крепостного права и последовавших за ней реформ, в корне изменивших общество со столетними традициями, прошло всего несколько лет. Все это побуждало интеллектуальную элиту страны искать новое видение ее цивилизационного будущего и модели взаимоотношений с Западной Европой, которая представлялась тогда опасным и вероломным соседом. Ответом на геополитический вызов того времени стали некоторые реакционные панславистские идеи. В то же время в книге содержался ряд новых положений, которые позволили продвинуть вперед теорию локальных цивилизаций (вслед за Г. Рюккертом, не особенно известным в научных кругах). Это дало основание для следующей оценки роли Данилевского в развитии теории цивилизаций: «Целостная концепция, охватывающая различные аспекты всемирно-исторического процесса и жизни локальных цивилизаций, была создана

лишь в конце 60-х годов Н. Данилевским» [там же. — С. 323]. И далее: «Настоящим прорывом в области теории цивилизаций в России является работа Н. Я. Данилевского "Россия и Европа", резко выделяющаяся на общем фоне мировой науки. Данилевскому не только удалось достаточно последовательно провести идею о дискретности всемирно-исторического процесса и существовании множества независимых друг от друга культурных (или культурно-исторических) типов, ценность которых заключается прежде всего в их несхожести. Впервые в истории мировой науки он сделал это не на пути усложнения представлений об исторических путях Европы, где родилось понятие "цивилизация", а вопреки этим представлениям, использовав данное понятие для развития самосознания иной культурой общности, российской, которая после Крымской войны училась отделять себя от Европы. Тем самым понятия "цивилизация" и "теория локальных цивилизаций" из инструмента исследования европейских цивилизаций, каким они оставались до 1869 г., превратились в инструмент самосознания и самоидентификации неевропейских цивилизаций, а также в инструмент критики западноевропейской цивилизации. Это открыло перед теорией цивилизации огромные перспективы и определило новые познавательные проблемы, на решение которых ушел XX век, и многие из которых все еще остались нерешенными» [там же. — С. 362]. Может быть, здесь заслуги ученого несколько переоценены, но новизна его подхода раскрыта убедительно.

В чем кратце суть вклада Данилевского в теорию локальных цивилизаций?

Автор выделяет в историческом прошлом и современном ему настоящем крупные общности — *культурно-исторические типы*, играющие важнейшую роль в истории народов и континентов: «Эти культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации, расположенные в хронологическом порядке, суть следующие: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский» [55. — С. 88]. К ним он добавляет находящийся в стадии становления славянский и в стадии зарождения — североамериканский типы.

Данилевский сформулировал закономерности развития культурно-исторических типов [там же. — С. 91–113] и выделил период цивилизации как сравнительно короткого времени расцвета духовной деятельности каждого из них, который быстро истощает их силы [там же. — С. 106].

В то же время Данилевский отрицал существование всеобщей (в нашем понимании — глобальной) цивилизации: «Всеобщей цивилизации не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразной деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в настоящем, прошедшем и будущем» [там же. — С. 124]. Это была реакция на попытки некоторых деятелей того времени выдать западноевропейскую цивилизацию за образец цивилизации общечеловеческой, к которому рано или поздно придут все культурно-исторические миры. Подобные попытки предпринимаются и в наши дни.

Публикация книги Данилевского вызвала резкую полемику между противниками и сторонниками выдвинутой им концепции. Известный российский историк **Н. И. Кареев** (1850–1930) выступил резко против нее. Признавая многообразие путей развития различных народов, он все же считал важнейшей, стержневой линией всемирной истории постепенное объединение человечества. Кареев утверждал, что Данилевский напрасно отрицает всемирно-исторический синтез культурных продуктов отдельных наций, и скептически относился к понятию исторических законов и единым схемам: «История не прямая линия, не правильный узор, построенный по математическому плану, а живая ткань линий, неправильных и извилистых» [71. — С. 299]. При этом в ней существует главная линия — теория прогресса. Кареев различал в истории две эпохи — органическую, воспроизводящую традиционные формы, и критическую (говоря современным языком — инновационную), в которой идет интенсивный поиск новых путей решения социальных проблем.

Любопытно, какое различие Кареев проводил между понятиями «общество» и «цивилизация»: «Цивилизация может погибнуть, общества — совокупность индивидов, распадаются, объединяются, входят в состав других, подвергаются трансформации, но не исчезают полностью... Кареев писал, что общество обновляется с каждым новым поколением, и потому его прогресс может длиться бесконечно» [там же. — С. 301].

Не поддерживал идеи Данилевского известный историк **В. О. Ключевский** (1841–1911). Он рассматривал историю как смену различных форм человеческого общежития (союзов) и считал, что цивилизационный подход можно реализовать лишь на уровне анализа всеобщей истории, ибо «успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации созданы совместными или преемственными

ми усилиями всех культурных народов» [там же. — С. 306]. В изучении истории он объединил аспекты всеобщий и локальный, цивилизационный и социологический. Ключевский считал цивилизационное развитие человечества многомерным и многосторонним и подчеркивал роль в нем «цивилизационного преимущества», которое «вооружает новое общество средствами развития, выработанными в прежнем, ускоряет и усложняет его развитие» [там же. — С. 309]. По сути дела речь идет о закономерности наследственности в историческом процессе.

Среди немногочисленных защитников концепции Данилевского отметим **К. Н. Леонтьева** (1831–1891), который создал оригинальную, но полную противоречий и всевозможных парадоксов теорию цивилизаций и концепцию всемирно-исторического процесса. Особое внимание он уделит цикличной динамике цивилизаций и мультилинейности всемирно-исторического процесса. Леонтьев сформулировал закон «триединого процесса» — от первоначальной простоты к усложнению и укреплению единства — и «вторичному смесительному упрощению» в стадии разложения системы [там же. — С. 351]. Леонтьев предчувствовал близкий конец истории: «Где новые, сильные духом, неизвестные племена? Все человечество старо» [там же. — С. 352]. Он отстаивал принцип разнообразия, плюрализма культур, опасался унификации общества, выступал против европейского мира. «Однообразно настроенное и блаженное человечество — это призрак, и вовсе даже не красивый и не привлекательный... Гармония не есть мирный унисон, а плодотворная, чреватая творчеством, по временам и жесткая борьба» [там же. — С. 354]. Тревожила его судьба России: «Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела» [там же. — С. 355].

С тревогой Леонтьев относился и к успехам научно-технического прогресса, способного разрушить многообразие органического мира, уничтожить поэзию, привести к катастрофам. Леонтьев — пожалуй, наиболее пессимистически настроенный теоретик цивилизаций. Опасения его были небеспочвенными: многое из того, о чем он говорил, к сожалению, реализовалось в XX столетии.

Несколько особняком в российской цивилизационной науке XIX в. стоят имена ученых, которые исследовали конкретное разнообразие локальных цивилизаций. Среди них нужно прежде всего назвать **Л. И. Мечникова** (1838–1888) и его получившую широкий отклик (в том числе и у **Г. В. Плеханова**) книгу «Цивилизация и великие исторические реки». Автор отводил решающую роль в формировании древних цивилизаций Востока природно-географическому фактору, «вызову великих исторических рек», которые требовали «ответа» в виде кооперации труда и возникновения государства. Это по-

ложило начало эволюции цивилизаций. Мечников выделял три периода в истории цивилизаций: речной (в долинах великих рек — Египет, Вавилон, Индия, Китай), морской («средиземноморский» — Карфаген, Древняя Греция, Рим, средневековая Европа) и океанический (Британская империя). Но успел он описать лишь первый период. Любопытно его замечание о том, как складывается глобальная цивилизация: наше столетие, писал Мечников, «характеризуется ясной тенденцией цивилизации сделаться повсеместной, универсальной и подавить все различия, все местные культурные оттенки» [там же. — С. 305].

Еще одним конкретно-историческим исследованием локальных цивилизаций стал трехтомник **П. Н. Милокова** (1859–1943) «Очерки по истории русской культуры» (1896–1903). «Культуру Милоков понимал в широком смысле, тождественном с цивилизацией, — и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую» [там же. — С. 344]. К закономерностям исторического процесса он шел через изучение исторических фактов. Исследование прошлого России заставило его сделать вывод, что она отнюдь не повторяет и никогда не повторит стадий исторической жизни Европы, но со временем сходство двух цивилизаций возрастет. Рост населения, успехи промышленности и торговли, постепенное ослабление государственной опеки, усиление самостоятельности общества — все это сближает Россию с Западом, не лишая ее своеобразия. Такая тенденция действительно наблюдалась в конце XIX — начале XX вв., но после революции октября 1917 г. расхождения резко усилились.

Следует отметить и такую особенность исследования П. Н. Милокова, как переход от историко-хронологического к проблемному методу изложения, основанному на богатом статистическом и фактическом материале. «В его книге рассматриваются своеобразные природные условия, в которых формировалась русская цивилизация, процессы роста народонаселения и территориальной экспансии, экономическое развитие и технические усовершенствования, изменения в этническом составе, особенности складывания государственности и ее роль в социальной динамике России, отношения между властью и обществом, а также своеобразии русской религиозности, национального самосознания, развитие литературы, живописи, музыки, архитектуры, системы образования. Впервые история России, начиная с древнейших времен и заканчивая XIX в., излагается, подчиняясь не хронологическому и событийному принципу, а *проблемному*» [там же. — С. 346].

Таким образом, к концу XIX в. в России сложились богатые и разнообразные цивилизационные школы, отнюдь не уступавшие запад-

ноевропейским, а кое в чем и опережавшие их. И в то же время они шли в общем русле соединения всемирно-исторического цивилизационного процесса с изучением особенностей и взаимодействия локальных цивилизаций. Это стало важнейшей составной частью завершившейся формации и утвердившей свое преобладание индустриальной парадигмы общественнознания, отражавшей уровень познания закономерностей и противоречий индустриальной цивилизации и локальных цивилизаций. Циклично-стадиальный и локальные подходы характеризовали с разных сторон один и тот же процесс многомерной цивилизационной динамики.

1.3 Теории цивилизаций XX века

В первые два десятилетия XX в. исследователи разных стран, вовлеченных в события Первой мировой войны, уделяли меньше внимания цивилизационным теориям. Однако уже с 1918 г., со времени публикации книги О. Шпенглера «Закат Европы», эта проблема вновь вышла на передний план. Но лишь в одном своем аспекте — теории развития локальных цивилизаций, в исследование которых крупнейший вклад внесли **О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, Ф. Бродель**. Циклично-стадиальные теории общепристорического масштаба не представляли в это время большого интереса для ученых, уступив место марксистской формационной школе. В СССР цивилизационные исследования (помимо изучения частных вопросов развития древних цивилизаций) вообще были прекращены как не отвечающие идеям ортодоксального (а по сути вульгарного) марксизма, исторического материализма. В условиях противостояния двух мировых систем, быстрого расширения социализмом сферы своего влияния и, казалось, неизбежной в будущем победы коммунизма вопросы дифференциации и динамики цивилизаций, свойств их духовного мира и системы их ценностей потеряли актуальность.

Положение радикально изменилось с конца 80-х годов, когда конфликт двух мировых систем фактически исчерпал себя, а одна из них, казавшаяся ранее неизбежной, буквально рассыпалась на глазах, как и ее ядро — Советский Союз. Одновременно с российской науки упали оковы ортодоксального марксизма, тормозившего развитие цивилизационных исследований. Тогда начался их бум: появились десятки монографий и учебников на эту тему — как переводных и переизданных, так и оригинальных. Сменилась сама парадигма обществоведе-

ния, формационный подход к истории уступил место цивилизационному, повышенное внимание уделялось проблемам взаимодействия локальных цивилизаций, предотвращения их столкновения, перехода к сотрудничеству, партнерству. Это стало одной из центральных задач для всего человечества. Не случайно ООН провозгласила первый год нового тысячелетия годом диалога между цивилизациями.

Рассмотрим более подробно содержание первого и второго этапов развития теории цивилизаций XX в.

Как уже было сказано, всплеск интереса к исследованиям локальных цивилизаций дала книга **О. Шпенглера** (1880—1936) «Закат Европы» [233], опубликованная в 1918 г. Под цивилизацией ученый понимал завершающую стадию в развитии той или иной локальной культуры на закате ее цикла: «Цивилизация — неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии» [233. — С. 163]. Однако Шпенглер отрицал существование всемирной истории и полагал, что каждая мировая культура развивается самостоятельно и независимо, проходя свой полный жизненный цикл. Эта позиция нашла выражение в четырех составленных им исторических таблицах одновременных эпох («весна», «лето», «осень», «зима»), через которые проходят четыре великие культуры (индийская, античная, китайская, западная), эпох искусств (для тех же культур) и политических эпох (для египетской, античной, китайской и западной культур).

Шпенглер отмечал полицикличность в динамике культур и цивилизаций, сочетание циклов разной продолжительности: «Каждая культура, каждая ранняя пора, каждый подъем и спад, каждый из ее внутренне необходимых уровней и периодов имеют определенную, всегда равную, всегда со значимостью символа периодически возвращающуюся деятельность... Что значит резко выделяющиеся во всех культурах 50-летний период в ритме политического, духовного и художественного становления? Или 300-летние периоды барокко, готики, великих математик, аттической пластики, мозаичной живописи, контрапункта, галилеевской механики? Что означает идеальная продолжительность жизни в одно тысячелетие для каждой культуры?» [там же. — С. 55]. Здесь содержится идея сочетания полувековых, трехсотлетних и тысячелетних циклов в динамике духовной жизни цивилизаций.

Книга Шпенглера содержала не так уж много теоретических новаций по сравнению с опубликованными в предыдущем столетии сочинениями Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского на ту же тему о локальных цивилизациях. Однако она написана ярким языком, изобилует

фактами и рассуждениями. Поскольку она вышла в конце Первой мировой, вызвавшей разочарование западной цивилизацией, то имела шумный успех.

Гораздо более основателен вклад в исследование теории локальных цивилизаций английского историка **А. Тойнби** (1889—1975), который опубликовал 12-томное исследование по этой проблеме, обобщенное в сводном томе «Постижение истории» [191]. К чему сводятся основные положения теории цивилизаций А. Тойнби?

Исследуя структуру человечества последнего тысячелетия, Тойнби обнаружил пять живых цивилизаций:

- 1) западное общество, объединяемое западным христианством;
- 2) православно-христианское, или византийское, общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России;
- 3) исламское общество — от Северной Африки и Среднего Востока до Великой Китайской стены;
- 4) индуистское общество в тропической субконтинентальной Индии;
- 5) дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районе Юго-Восточной Азии.

Исследования предыстории этих обществ навели Тойнби на мысль, что они составляют уже третье поколение цивилизаций. Всего же на культурную карту Старого и Нового Света им было нанесено 37 цивилизаций, из них 21 была тщательно исследована и описана. В отличие от цивилизаций первого и второго поколений — примитивных обществ, обладавших сравнительно короткой жизнью, территориально ограниченных и малочисленных, — жизнь цивилизаций 3-го поколения «более продолжительна, они занимают обширные территории, а число людей, охватываемых цивилизациями, как правило, велико. Они имеют тенденцию к распространению путем подчинения и ассимиляции других обществ» [там же. — С. 80].

Цивилизации постоянно развиваются, они «представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа» [там же. — С. 87]. Каждая из них проходит в своем развитии несколько фаз — возникновения (генезиса), роста, надлома и распада. Причины генезиса цивилизаций следует искать не в расовых чувствах или окружающей среде, а в ответе на вызов, в реакции на кризис, в котором оказывается общество.

Следствием территориальной экспансии становится военизация общественной жизни, милитаризм, который «является на протяжении четырех или пяти тысячелетий наиболее общей и распространенной причиной надломов цивилизаций. Милитаризм надламывает цивили-

зацию, втягивая локальные государства в междоусобные братоубийственные войны. В этом самоубийственном процессе вся социальная ткань становится горючим для всепожирающего пламени Молоха» [там же. — С. 222]. Социальный распад оказывается весьма благоприятным условием для географической экспансии. «Общество, переживающее упадок, стремится отодвинуть день и час своей кончины, направляя все свои жизненные силы на материальные проекты гигантского размаха, что есть не что иное, как стремление обмануть агонизирующее сознание, обреченное своей собственной некомпетентностью и судьбой на гибель» [там же. — С. 224].

Тойнби подробно раскрывает механизм распада цивилизаций, давая возможность полнее понять содержание переходного периода. Он отмечает, что «по мере укрепления власти над окружением начинается процесс надлома и распада, а не роста. Проявляется это в эскалации внутренних войн. Череда войн ведет к надлому, который, усиливаясь, переходит в распад» [там же. — С. 335]. Нарастают социальные противоречия. Начинается раскол общества — вертикальный, когда «общество распадается на ряд локальных государств, что служит основанием для кровопролитной междоусобной войны» [там же. — С. 336], и горизонтальный, когда оно разделяется на три типа групп: доминирующее меньшинство, не желающее расстаться со своим господствующим положением и создающее для его поддержания универсальное государство; внутренний пролетариат, рождающий вселенскую церковь; внешний пролетариат, который организуется в мобильные военные отряды, наносящие удары по гибнущей цивилизации. В борьбе между этими тремя силами происходит распад цивилизации. «В истории падения любой цивилизации можно уловить ритм распада... За спадом, который начинается в момент надлома, следует оживление, что совпадает с моментом основания универсального государства. Однако и этот процесс завершается в свою очередь надломом, знаменующим начало нового спада, за которым уже не наступит оживления, но последует окончательный распад» [там же. — С. 477]. В распаде цивилизаций заметную роль могут сыграть сторонние влияния — то, что Тойнби называет внешним пролетариатом, который нередко взрывает границы стагнирующего общества.

Концепция Тойнби ценна не только значительным объемом использованного материала по истории цивилизаций, но и тем, что она дает развернутую картину жизненных циклов локальных цивилизаций, механизмов смены их поколений. Последнее в значительной мере является следствием смены мировых цивилизаций, но этому вопросу английский ученый не уделил должного внимания.

Отмечая значение вклада Тойнби в теорию и историю цивилизаций, в предисловии к его книге **В. И. Уколова** делает обоснованный вывод: «Никто до Тойнби, пожалуй, не придавал такого значения категории "цивилизация" — категории, которая в последние годы приобретает все большее гносеологическое значение и уверенно включается не только в исследовательский инструментарий философов, социологов и историков, но и в духовный арсенал человечества. Сегодня стало совершенно очевидным, что философия Тойнби не является ни пророческой, ни безупречной, но без нее невозможно представить ментальность XX века... Тойнби постарался доказать доступными ему средствами, что история открыта для постижения и что человечество способно дать достойный ответ на вселенский Вызов» [там же. — С. 13].

Оптимизмом пронизана и другая книга Тойнби — «Цивилизация перед судом истории» [192]. Отвечая на вопрос, способна ли история дать нам какую-нибудь информацию относительно наших собственных перспектив, Тойнби пишет: «Урок истории больше похож не на гороскоп астролога, а на навигационную карту, которая дает мореходу, умеющему ею пользоваться, средство, употребив свое умение и мужество, проложить курс между указанными на карте скалами и рифами» [там же. — С. 35].

Этому способствует изучение истории цивилизаций: «Если мы нарисуем схему основных фаз истории цивилизаций — рождение, рост, надлом и падение, — мы сможем сравнить их опыт от фазы к фазе, сопоставить общие моменты в их истории как некие специфические черты, отделив их от единичных моментов, представляющих черты индивидуальные. Таким способом мы можем разработать морфологию видов общества, называемых цивилизацией» [там же. — С. 102].

Изучив историю взаимодействий цивилизаций, периодов столкновений между ними, причины решающего воздействия в XX в. западной цивилизации на все другие общества, Тойнби предсказывал в будущем контрастное Востока: «Не исключено, что русский залп в виде коммунизма покажется нам чем-то несущественным, когда гораздо более мощные цивилизации Индии и Китая в свою очередь ответят на наш западный вызов» [там же. — С. 132]. Задолго до С. Хантингтона Тойнби заговорил о проблеме конфликта цивилизаций: «Возможно, когда-то столкновение Запада с остальным миром будет признано наиболее значительным событием современной истории... Сравнительное исследование хода и последствий этих столкновений между цивилизациями, современными друг другу, дает ключ к пониманию истории человечества» [там же. — С. 155]. Он обратил внимание на сложность и противоречивость взаимопроникновения технологий и культур разных цивилиза-

ций: «Все отдельные элементы культурного пространства имеют глубинную внутреннюю связь между собой, так что, отбрасывая старую и привычную технологию и овладевая новой и чужой, нельзя удержать изменения на чисто технологическом уровне, они постепенно будут проникать все глубже, подтачивая исконную культурную традицию и завоевывая все новые и новые пространства для пришлой культуры, которая продвигается шаг за шагом, проникнув клином техники» [там же. — С. 127–128]. Нынешнее массовое распространение информационных технологий вместе с ценностями западной цивилизации и культуры подтверждает истинность этого предостережения английского историка.

Параллельно с Тойнби исследованием теории цивилизаций занялся крупнейший макросоциолог XX в. **П. Сорокин** (1889–1968).

Предпринятое им в 1937–1941 гг. издание фундаментального четырехтомного труда «Социальная и культурная динамика» [183] (переведенного В. В. Саповым и опубликованного в России в 2000 г.) — это, по сути дела, капитальный труд по истории и теории цивилизаций (преимущественно древних средиземноморских и европейской). В нем впервые широко использованы количественные методы измерения различных сторон социокультурной динамики цивилизаций за два с половиной тысячелетия их существования.

В своей работе Сорокин сделал крупнейшее открытие в сфере макросоциологии, философии истории, теории и истории цивилизаций. Он обосновал периодическую смену социокультурных строев (систем культуры) — идеационального (сверхчувственного), чувственного, идеалистического (позднее названного интегральным) и смешанного.

По сути дела, речь идет о закономерной смене эпох в динамике глобальной цивилизации. Основной темой своего исследования Сорокин называет социокультурные флуктуации, то есть процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории [там же. — С. 80]. Он исследует циклическую траекторию социокультурной динамики во времени и пространстве: «В относительно циклическом кризисе траектория следующего цикла не совпадает полностью с траекторией предыдущих циклов. От цикла к циклу наблюдаются некоторые отклонения» [там же. — С. 91]. Это вариантный, или творческий, повторяющийся образ исторической динамики: «Исторические и социальные процессы постоянно претерпевают вечно новые вариации старых тем. В этом смысле они полны неожиданностей и редко предсказуемы во всей своей совокупности. В этом смысле и история в целом никогда не повторяется» [там же. — С. 92].

Питирим Сорокин на богатом историческом материале исследовал флуктуации идеациональной, чувственной и идеалистической форм

в циклической динамике различных сфер общественной жизни (разных сторон цивилизации):

➔ в области искусства (живописи и скульптуры, архитектуры, музыки, литературы, театра) — на примере греко-римской и западноевропейской цивилизаций, показав особенности флуктуации главных стилей искусства [там же. — С. 245–253];

➔ в области систем познания, различных направлений поиска истины, научных открытий и технических изобретений, основных категорий мышления, общих и частных научных теорий, в том числе теорий циклического, волнообразного хода исторического процесса [там же. — С. 440–441], флуктуации теорий в социальных и гуманитарных науках, в том числе в изучении культуры и цивилизации [там же. — С. 467–471]. Любопытно замечание Сорокина о циклах смены теорий: «Когда мы, в своем рвении, чрезмерно абсолютизируем некую данную теорию, наступает реакция, приводящая ее к упадку. Но и новая теория заходит слишком далеко, отрицая не только ценность предшествовавшей ей теории, но и зачастую то зерно истины, которое в ней содержится. Вот почему и она в свою очередь обречена на то, что период ее господства закончится и на смену ей придет новая теория, которая очень часто оказывается модификацией той, которая уже раньше была развенчана. И так продолжается бесконечно» [там же. — С. 472].

Сорокин исследовал и колебания различных форм этики и права, систем социальных отношений (семейных, договорных, принудительных), циклов усиления и ослабления правительственного контроля — от абсолютного тоталитаризма до абсолютного *laissez-faire*, идеальной анархии [там же. — С. 577–585]. «Когда кризисная ситуация ухудшается, то правительственное вмешательство, принуждение и регламентация усиливаются, когда кризис проходит — уменьшаются» [там же. — С. 598]. Изучение динамики экономических условий показало наличие в ней краткосрочных и долговременных флуктуаций, периодов подъемов и спадов, причем типы экономических отношений модифицируются при смене социокультурного строя: «Экономические формы и способы деятельности в рамках идеациональной, идеологической и чувственной культур принципиально различны» [там же. — С. 616].

Питирим Сорокин показывает наличие циклических колебаний в истории войн (на примере военных конфликтов в Древней Греции и Риме, Китае и европейских странах), внутренних беспорядков, прибегая и к количественным измерениям — процент военных лет, относительная величина вооруженных сил (в процентах к числу граждан) и потеря. Исследование не показало здесь четкого ритма. Это заставило Сорокина думать о том, что характер войн у идеационального и чувст-

венного типов культуры различен. Он обнаружил также, что при смене этих типов военная активность усиливается [там же. — С. 657–658]. Такая же тенденция наблюдается и в динамике социальных потрясений.

Исследование всех сторон процесса развития цивилизаций привело Питирима Сорокина к выводу о глубочайшем кризисе нашего времени, а значит, скорой смене социокультурного строя: «Не только экономическая и политическая системы — кризисом охвачены все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества. Больны его плоть и дух, и едва ли найдется на его теле хоть одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань» [там же. — С. 723]. И хотя Питирим Сорокин подчеркивал, что его концепция имеет мало общего с теориями жизненного цикла, согласно которым культура и общество проходят стадии детства, зрелости, старости и увядания, — на деле в его работе убедительно показано, что жизненный цикл преобладающих на Западе чувственной культуры и типа общества завершается. На смену им идет идеалистический (интегральный) социокультурный строй. Сорокин подчеркивает прогностическую ценность своей концепции: «Если я знаю, что возможны только три основные формы культурных суперсистем: идеациональная, идеалистическая и чувственная, то у меня есть все основания предполагать, что, во-первых, эти формы будут повторяться в истории культуры (или культур), во-вторых, ритм их последовательности будет, вероятно, тройным, хотя порядок фаз может быть разным» [там же. — С. 767].

Таким образом, главный труд Питирима Сорокина представляет целостную, во всем многообразии составляющих ее элементов, картину циклических колебаний (флуктуаций) в динамике социокультурного строя (понимаемого в широком смысле слова и совпадающего с нашим понятием «глобальная цивилизация») по крупным историческим эпохам. Хотя не все положения этого учения бесспорны (например, положение о «бесцельных флуктуациях»), вклад Сорокина в теорию динамики цивилизаций невозможно переоценить.

В 1966 г. в книге «Современные социологические теории» Питирим Сорокин специально обратился к анализу, сопоставлению и оценке теорий цивилизаций. Толчком к этому, вероятно, послужило создание на международной конференции в Зальцбурге под председательством П. Сорокина и А. Тойнби Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций (это общество и поныне ежегодно собирается на конференции, издает журнал; в 2003 г. такая конференция состоялась в Санкт-Петербурге).

Питирим Сорокин подверг критическому анализу макросоциологические теории, рассматривающие функционирование крупных

культурных и социальных систем, дав им общую высокую оценку: «Какovy бы ни были их недостатки, эти теории составляют, может быть, величайшее достижение современной социологии и смежных наук» [185. — С. 38–39]. Речь идет о теориях локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, А. Кребера, Ф. Конечны и других ученых. Сорокин отметил и общие принципы цивилизационных теорий [там же. — С. 47–49]:

➔ существуют крупные культурные суперсистемы (цивилизации), которые функционируют как реальное единство и не совпадают с государством, нацией или любой другой социальной группой;

➔ знание принципов устройства суперсистемы, всех основных культурных суперсистем дает макрокатегории для анализа всего культурного космоса;

➔ суперсистемы определяют большую часть изменений, происходящих на поверхности социокультурного океана, в том числе исторические события и жизнедеятельность входящих в них малых социокультурных единиц — их идеологию, поведение, материальную культуру, их жизненный путь и судьбу;

➔ общее число суперсистем в истории человечества невелико (у Тойнби не превышает тридцати), число же малых культурных систем практически безгранично;

➔ каждая суперсистема зиждется на конечной ценности, которую цивилизация порождает, развивает и реализует на протяжении своего жизненного пути, и становится причинно-смысловым единством;

➔ каждая суперсистема сохраняет свою самобытность, саможественность вопреки изменениям в составляющих ее компонентах, а внешние воздействия ускоряют либо замедляют, затрудняют или облегчают развертывание ее внутреннего потенциала;

➔ в каждый данный момент жизненный путь суперсистемы и человечества в целом претерпевает изменения и вместе с тем обеспечивает сохранение преемственности, подвергаясь сходным повторам, ритмам, тенденциям;

➔ в жизненном цикле всех цивилизаций существуют сходные фазы; в процессе развития цивилизации следуют собственным курсом, проходя по этапам зарождения, роста, расцвета, увядания, упадка и возрождения;

➔ наше время отмечено глубочайшим кризисом — символом конца эпохи преобладания чувственной, теоретической, секулярной, прометеевской, научно-технологической культуры и перехода к интегральному типу цивилизации.

В то же время Питирим Сорокин выделил нюансы своего подхода к изучению локальных цивилизаций. Он понимал их не столько как

культурные, сколько как социальные системы, сложившиеся на основе центрального ядра, состоящего из культурных смыслов, ценностей, норм или интересов. Цивилизации относятся к разным типам социальных систем. «Основная организованная общность с присущей ей центральной культурной системой составляет ядро этих цивилизаций и служит основой их бытия. Однако помимо этой основной общности в каждой цивилизации имеется одна или несколько инородных групп с собственной культурой, отличной от культуры основной общности» [там же. — С. 50]. Короче говоря, цивилизации отличаются неоднородностью. Каждая из них взаимодействует с несколькими внешними группами и их культурами, которые проникают в нее и существуют там в качестве скоплений. Неверно называть цивилизациями совершенно несходные социальные системы с различающимися совокупными культурами.

Питирим Сорокин выступал против утверждений об органическом и стандартном пути развития цивилизаций. Их жизненный путь крайне многовариантен — и по причинам возникновения, и в этапах развития, и по продолжительности существования. Некоторые «проходят только один цикл возникновения — существования — гибели, в то время как другие проходят через несколько волн роста и упадка, расцвета и увядания, а некоторые временно распадаются, чтобы возродиться впоследствии» [там же. — С. 53]. Фактически в каждой цивилизации есть творческие достижения в различных сферах культуры в разные периоды их существования.

Следовательно, Питирим Сорокин значительно обогатил теорию локальных цивилизаций, раскрыв сложность и неоднородность их структуры, многообразие типов их возникновения и жизненных путей, неоднозначность судеб.

Завершающие штрихи в теории цивилизаций Питирима Сорокина содержатся в его монографии 1964 г. «Главные тенденции нашего времени» (The Basic Trends of Our Times), изданной в России в 1997 г. Основным содержанием книги является выявление тенденций и долгосрочный прогноз динамики цивилизаций, который начал осуществляться с конца XX в. и займет почти все пространство XXI в.

Еще раз подчеркнув различия между чувственным, идеациональным и интегральным социокультурным строем, Питирим Сорокин показал, что первый из них, возникший в западной культуре в конце XII в. и доминировавший с XV в. (вытеснив предшествующий религиозный, идеациональный строй, который преобладал с VII до XIII в.) [181. — С. 19], находится в стадии разложения и подлежит замене очередным, интегральным строем, который «обещает обеспечить добро-

вольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты» [там же. — С. 86]. «В настоящее время первые "весенние ростки" этого интегрального порядка появляются и медленно растут. Эпохальная борьба между умирающим чувственным и нарождающимся интегральным порядками имеет первостепенную важность; это глубочайшая и величайшая борьба нашего времени и грядущих десятилетий» [там же. — С. 101]. В то же время это не означает унификации цивилизаций; «интегральный социокультурный строй будет иметь свои особенности на Западе и на Востоке» [там же. — С. 102].

Питирим Сорокин отмечает, что при перестройке глобального цивилизационного пространства обязательно произойдет «перемещение творческого лидерства человечества из Европы и европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку» [там же. — С. 111]. «Европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершившимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы, Америки и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [там же. — С. 114].

Несмотря на использование Западом современных информационных технологий для распространения в глобальных масштабах своих культурных ценностей, голоса иных цивилизаций во всемирном театре звучат все более отчетливо — прогноз Питирима Сорокина начинает осуществляться в цивилизациях 5-го поколения. Однако пока еще не осознана и не осваивается другая часть наследия Сорокина — учение о творческой силе альтруистической любви. Лишь она способна противостоять потокам ненависти и терроризма, угрозе столкновения цивилизаций: «Незабываемый урок катастрофы этого века убедительно показывает, что без увеличения "производства, накопления и распространения" энергии неэгоистической любви никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармоничное устройство человеческого универсума» [там же. — С. 248].

Огромное значение для развития теории и истории цивилизаций имели работы одного из крупнейших историков XX в. **Ф. Броделя** (1902—1985). В двухтомнике «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [22] он посвятил специальный раздел

цивилизациям, сосредоточив внимание на их взаимодействии: «Цивилизации могут быть дружелюбными и щедрыми и вместе с тем замкнутыми и неприветливыми; они обмениваются визитами друг с другом; они миролюбивы и одновременно воинственны; удивительно устойчивы, они также подвижны, непоседливы» [там же. — С. 589]. Бродель исследовал культурные заимствования и товарооборот между цивилизациями Средиземноморья [там же. — С. 594] и подчеркивал, что «признаком жизнеспособности цивилизаций является их способность к распространению своих ценностей, к экспансии». «Нельзя представить себе цивилизации, представители которой не утверждали бы за ее пределами ее образ мыслей и жизненный уклад... Жизнь цивилизаций немислима без обмена, без передачи и заимствования» [там же. — С. 597, 598]. По сути речь идет об истории диалога и взаимодействия локальных цивилизаций.

В то же время Бродель настаивает на том, что одна из характерных черт цивилизаций — их устойчивость: «Несмотря на радикальные перемены, иногда происходящие с цивилизациями, они проявляют удивительное пространственное постоянство» [там же. — С. 504]. «Силой сопротивления цивилизаций, цепляющихся за родную почву, объясняется медленность некоторых процессов их взаимодействия. Их изменение происходит с большим запозданием, бросающиеся в глаза сдвиги подготавливаются долго и незаметно» [там же. — С. 609].

Средиземноморье является ярким образцом взаимодействия культур Востока и Запада: «Первый поворот в пользу Запада произошел при Александре Македонском; эллинизм был первым опытом "европеизации" Ближнего Востока и Египта, продлившимся вплоть до византийских времен. С падением Римской империи и великими переселениями V века Запад утрачивает античное наследие; его богатства переходят к византийскому и мусульманскому Востоку, который на протяжении веков возвращает их варварскому Западу. Все западное Средневековье насыщено влиянием восточной культуры» [там же. — С. 639].

Любопытно отметить, что уже в этой работе Бродель пишет о долговременных колебаниях в истории Средиземноморья, чередовании периодов подъема (1483, 1529, 1595, 1650 гг.) и провалов (1460, 1509, 1539, 1575, 1621 гг.). «Итак, перед нами четыре последовательные волны, каждая из которых включает фазу взлета и падения; их продолжительность — 49, 30, 36 и 46 лет» [там же. — С. 796]. Причем эти колебания охватывают всю структуру цивилизации — экономическую конъюнктуру, глубинные демографические сдвиги, изменения территорий государств и империй, циклы социальной мобильности, темпы промышленного роста; «в долгосрочную конъюнктуру вписываются

опять-таки степень индустриализации, состояние государственных финансов, войны. Конъюнктурные леса помогают нам строить здание истории» [там же. — С. 800].

Идея исторических циклов развита Броделем в трехтомнике «Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.» [23]. Он рассматривает «миры-экономики» как пространства развития цивилизаций и активного экономического взаимодействия между ними [там же. — С. 15], располагающие собственным полюсом — городом, обеспечивающим деловую активность. Последний является центром концентрации товаров, капиталов, кредита, торговой корреспонденции [там же. — С. 21].

Бродель исследует конъюнктурные ритмы в исторической динамике миров-экономик: краткосрочные циклы Китчина, цикл Жюгляра (10 лет); интерцикл Лабруса (10–12 лет); гиперцикл Кузнецца (удвоенный цикл Жюгляра); цикл Кондратьева (50 лет и более); вековые тенденции — логистические циклы Камерона (150–300 лет) [там же. — С. 67, 72]. «Разумеется, все эти циклы были современниками друг друга, были синхронны; они сосуществовали, смешавшись, добавляли свои колебания к колебаниям целого или отделялись от него» [там же. — С. 67]. Бродель выделяет в истории Европы четыре вековых цикла: первый [с 1250 г. (кульминация в 1350 г.) — до 1507–1510 гг.]; второй [с 1510 г. (максимум — в 1650 г.) — до 1733–1743 гг.]; третий [с 1743 г. (кульминация — в 1817 г.) до 1896 г.] и четвертый [с 1896 г. (с кульминацией, возможно, в 1979 г.)]. Бродель отметил также тенденцию сокращения продолжительности циклов: «Эти бесконечные глубинные волны проявляли тенденцию к тому, чтобы сокращаться» [там же. — С. 73].

Циклы взаимодействуют: «Если сложить... вековую тенденцию и цикл Кондратьева, то мы будем располагать "музыкой" долгосрочной конъюнктуры, звучащей на два голоса... Добавляя свои движения к подъему или спаду вековой тенденции, циклы Кондратьева усиливали или смягчали ее» [там же. — С. 76].

По оценке Броделя, поворот 1973–1974 гг. открыл период продолжительного спада: «Современный кризис, который не отрицает нас, более грозен, как если бы ему не удавалось показать свой действительный облик, найти для себя название и модель, которая бы его объясняла» [там же. — С. 77]. Мы можем предложить такое название: это цивилизационный кризис, обусловленный началом замены индустриальной мировой цивилизации следующей за ней постиндустриальной. Впрочем, Бродель, признавая, что кризис 70-х годов XX в. угрожает капитализму, все же полагал, что капитализм как система

имеет все шансы, чтобы в экономическом плане выйти из передышки окрепшим [там же. — С. 647]. Предвидение историка подтвердилось, если не считать того, что это уже не столько индустриальный, сколько постиндустриальный, глубоко трансформированный капитализм.

Одну из своих работ Бродель специально посвятил истории цивилизаций; она опубликована в 1987 г. на французском и 1993 и 1995 гг. на английском языках [252].

В первом разделе книги ученый исследовал проблемы теории цивилизаций, подчеркивая, что их история есть история их взаимодействий, однако каждая цивилизация сохраняет при этом свою самобытность [там же. — С. 8]. При этом он использовал понятие цивилизации как в единственном («индустриальная»), так и во множественном числе (в нашем понимании это различие между мировой и локальными цивилизациями). Бродель обоснованно подчеркивает, что изучение цивилизаций требует объединения усилий всех социальных наук — истории, географии, социологии, экономики, коллективной психологии [там же. — С. 9]. Он рассматривает цивилизации с разных точек зрения: географической (климат, природная среда и условия для жизни), как определенный тип общества (городского, деревенского и т. п.), как экономическое и технологическое единство, как определенный образ мыслей; изучает их временные рамки, их судьбы в рамках долгосрочного исторического процесса.

Во второй и третьей частях монографии Бродель исследовал исторический путь и особенности развития отдельных цивилизаций — как Востока и Юга (исламский мир, Африка, Китай, Индия, Индокитай, Индонезия, Филиппины, Корея, Япония), так и Запада (Европа, Америка), а также России.

Бродель отмечал историческую устойчивость, длительность существования цивилизаций, проходящих через различные этапы своей жизнедеятельности: «Всякое общество, всякая социальная группа в близком или отдаленном прошлом были прочно включены в цивилизацию, а точнее — в ряд цивилизаций, связанных друг с другом и зачастую весьма отличных друг от друга. Каждая из этих цивилизаций и их ансамбль в целом входят в огромный поток истории, и этот поток является для каждого общества источником присущей ему внутренней логики, равно как и многочисленных противоречий... цивилизации являются сущностями, которым присуща очень длительная временная протяженность» [22. — С. 229].

Интересное исследование по истории цивилизаций выполнил известный английский ученый и писатель-фантаст **Г. Уэллс** (1886—1946). В фундаментальном труде «Очерки истории цивилизации» [204] он аргументированно и в яркой форме изложил основные этапы предыстории и истории человечества, ключевые моменты развития первых и последующих цивилизаций. Большое внимание он уделил социокультурным факторам — письменности, искусству, мировым религиям. Уэллс считал Первую мировую войну катастрофой империализма, а русскую революцию — крахом современной западной цивилизации в этой стране [там же. — С. 898]. Он сочувственно относился к социалистическим идеям (хотя и отмечал, что по сути своей марксистская доктрина бесплодна), приветствовал первый пятилетний план: «Если этот план увенчается успехом, то через пять лет Россия должна превратиться в страну огромных производственных комплексов, управляемых народным правительством» [там же. — С. 906].

Преодолеть противоречия в развитии цивилизаций, писал Уэллс, можно путем создания Всемирного федерального государства. Столпами его станут единая мировая религия (значительно упрощенная, а значит, более доступная для понимания), всемирная образовательная организация («процесс образования в соответствии с будущими потребностями будет продолжаться всю жизнь» [там же. — С. 931]) и всемирная демократическая политическая организация. Не остались вне поля зрения ученого и вопросы экономики Всемирного государства: она, по мысли Уэллса, должна «...заключаться в использовании для общего блага всех естественных ресурсов и новейших научных достижений посредством органов и чиновников единого правительства» [там же. — С. 932]. При этом Уэллс не считал необходимым сохранять цивилизационное разнообразие.

Знаменитый писатель, разумеется, понимал, насколько трудно будет человечеству сформировать подобное Всемирное государство (говоря современным языком — государственно-правовую базу глобальной цивилизации). «Возможно, историкам придется отложить, едва начав, написание главы о Всемирном государстве и приступить к написанию других глав, о которых мы и не догадываемся. Эти главы могут быть столь же длинными и столь же полными конфликтов, как и наш рассказ о возникновении, развитии и соперничестве великих держав. Возможно, еще предстоят трагические экономические столкновения, жестокие схватки между расами и классами... Мы не можем отважиться на пророчество и заявить, что главы, которые еще предстоит написать, расскажут об окончательном достижении всемирного

политического и социального единства, хотя, возможно, на пути к нему человечество пройдет сквозь длительные паузы поражений и катастроф» [там же. — С. 937—938].

После написания Уэллсом «Очерков истории цивилизации» прошло более семидесяти лет, и мы видим — человечество выбрало второй из описанных Г. Уэллсом, скорбный, путь. В историю Земли вписаны главы о самой кровопролитной в мире войне — Второй мировой, о холодной войне, поставившей человечество на грань самоуничтожения, об угрозе столкновения цивилизаций и волне международного терроризма. Тем не менее, тенденция движения глобальной цивилизации, пусть и в отдаленной перспективе, к политическому единству на основе диалога и партнерства локальных цивилизаций сохраняет свою силу и жизненную необходимость.

В послевоенный период получила новое развитие американская цивилизационная школа, сконцентрировавшая внимание на проблемах взаимодействия цивилизаций. Отметим двоих выдающихся представителей этой школы — **У. Мак-Нила** и **С. Хантингтона**, которые, правда, придерживаются во многом противоположных взглядов на содержание и роль взаимодействия цивилизаций в их прогрессе.

Книга Мак-Нила «Восхождение Запада. История человеческого сообщества» [118] была опубликована в 1963 г. и сразу стала бестселлером — она была издана небывалым для научных монографий тиражом 75 тыс. экземпляров. В 1988 г. ее переиздали с авторским предисловием, где во многом были переосмыслены прежние подходы, а в 2005 г. выпустили и на русском языке.

Мак-Нил исходит из того, что решающее значение в историческом прогрессе имеют контакты цивилизаций, из «понимания контакта с туземцами, обладающими новыми, неизвестными знаниями и умениями, как основного фактора, способствующего исторически значимым социальным изменениям» [там же. — С. 13]. Отсюда логически следует вывод: «Контакты между цивилизациями, существовавшими в одно и то же время, также должны быть основным объектом при изучении мировой истории, поскольку именно они призваны изменить сумму и разнообразие знаний и технологий, присущих каждой цивилизации, и повлиять на общую картину взаимопроникновения культур» [там же. — С. 14].

В работе американского ученого показано все богатство взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций — шумерской, египетской, хеттской в древнем мире, культур Среднего Востока, Индии, Китая в последующие периоды, цивилизаций Запада, Востока, Евразии в современную нам эпоху.

Интересно утверждение Мак-Нила о периодической смене лидирующих цивилизаций: «Средиземноморские эллинистические цивилизации (500 г. до н. э. — 200 г. н. э.), Индии (200–600 гг.), реинтегрированный исламом Средний Восток (600–1000 гг.), гегемония китайской цивилизации (1000–1500 гг.), европейской цивилизации Запада (1500–2000)» [там же. — С. 19]. При этом происходит заимствование накопленного цивилизационного наследия: «Расцвет Китая после 1000 г. так же опирался на цивилизацию Среднего Востока, как и успех Европы после 1500 г. основывался на заимствовании из ранее сложившихся центров» [там же. — С. 30–31].

Автор подчеркивает, что с усовершенствованием средств транспорта и связи разные культуры все чаще и сильнее влияют друг на друга [там же. — С. 21], что приводит к «возникновению ойкуменической всемирной системы, объединяющей все больше людей по разные стороны культурных границ» [там же. — С. 22]. Наряду с культурным обменом происходил и обмен изделиями и технологиями, что привело к возникновению в 1700–1500 гг. до н. э. на Среднем Востоке транснациональной системы космополитического типа, великих империй — Египетской, Хеттской, Ассирийской, Вавилонской и Персидской [там же. — С. 24]. Представляется, что говорить применительно к этому периоду о существовании транснациональной системы цивилизаций космополитического типа и великих империй (кроме, пожалуй, Персидской) преждевременно, — хотя мы и отмечаем формирование, начиная с эпохи Древнего мира, глобальной цивилизации как совокупности локальных плюс пространство взаимодействий между ними.

Ключевым моментом современной истории цивилизаций Мак-Нил считает 1917 г., когда США вступили в Первую мировую войну, а в России произошла революция. «Эти события сделали 1917 год поворотной вехой в истории, обозначив новую фазу в развитии западной и мировой цивилизации, характеризующейся превращением России в коммунистическую страну, достижением Соединенными Штатами статуса мировой державы, уменьшением роли Западной Европы как бесспорного центра и арбитра Западной цивилизации и громадным прогрессом возможностей манипулировать как человеком, так и различными видами энергии» [там же. — С. 1016]. Американский специалист отмечает процесс сближения, конвергенции советской и американской социальных систем, а также историческую роль российской революции, «которая не просто напоминала Французскую и была ее следующим логическим шагом. Российская революция успешно сконцентрировала власть в прежде невиданных военно-поли-

тических и экономико-психологических масштабах, как это в свое время сделала Французская революция» [там же. — С. 1021, 1023].

В разгар холодной войны внимание ученых к проблемам цивилизаций вновь ослабло; исследователей занимали в основном проблемы борьбы двух мировых систем, капитализма и социализма, выбора пути обретения независимости странами третьего мира. Однако с окончанием холодной войны, после распада мировой системы социализма вопросы развития различных мировых культур и их взаимоотношений опять заинтересовали ученых и политиков. Этому немало способствовала публикация сначала статьи, а затем и книги американского политолога С. Хантингтона о столкновении цивилизаций [259].

Объективной причиной такого перемещения центра внимания стал ответ на вызов новой эпохи, вызов, связанный с формированием постиндустриальной мировой цивилизации, глобализацией и становлением интегрального социокультурного строя и нашедший выражение в формировании пятого (более дифференцированного, чем четвертое) поколения локальных цивилизаций.

Суть концепции С. Хантингтона состоит в том, что после окончания холодной войны «...культурная самобытность, которая в самом широком плане отождествляется с цивилизационной самобытностью, формирует принципы как единства, так и дезинтеграции и конфликтов в международных отношениях» [185. — С. 508], порождает угрозу столкновения цивилизаций, прежде всего западной и мусульманской. Концепция аргументируется следующими положениями:

➔ впервые в мировой истории международная политика стала как многополярной, так и многоцивилизационной; модернизация не порождает универсальной цивилизации и не приводит к вестернизации незападных обществ;

➔ соотношение сил между цивилизациями меняется — влияние Запада относительно уменьшается, азиатские цивилизации наращивают свою экономическую, военную и политическую мощь, ислам переживает демографический взрыв;

➔ формируется новый мировой порядок, основанный на отношениях между цивилизациями, страны группируются вокруг ведущих государств своей цивилизации;

➔ универсалистские претензии Запада все больше приводят его к столкновениям с другими цивилизациями, особенно с исламским миром и Китаем; на локальном уровне войны по линиям разломов приводят к дальнейшей эскалации конфликтов;

➔ выживание Запада зависит от способности американцев утвердить свою западную идентичность, а Запада — принять свою цивили-

зацию как уникальную, а не универсальную, способности объединиться для сохранения цивилизации против вызовов обществ Востока и Юга. Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания [там же. — С. 509];

➔ необходимы различные культурные, образовательные и социальные программы, имеющие цель развивать диалог между цивилизациями, в том числе путем организации конференций и учебных материалов на эту тему.

Тем самым признаются два понятия — единой человеческой цивилизации и разнообразия локальных цивилизаций.

Новые импульсы для развития теории цивилизаций на рубеже XXI в. были получены после решения Генеральной Ассамблеи ООН провозгласить 2001 г. Годом диалога между цивилизациями.

Для теоретического обоснования диалога цивилизаций Генеральный секретарь ООН **Кофи Аннан** сформировал группу в составе 18 ученых и политических деятелей из 17 стран (от России в нее вошел профессор **С. П. Капица**). Они подготовили доклад «Crossing the Divide. Dialogue among Civilizations» (в русском переводе — «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» [165]), который был представлен на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 2001 г. В предисловии к докладу Кофи Аннан отметил, что «потребность в диалоге между цивилизациями столь же стара, как и сама цивилизация. Но сегодня эта потребность ощущается острее, чем когда-либо. Сегодня глобализация, миграция, интеграция, возможность общения и путешествия привели к тому, что представители различных рас, культур, этнических групп могут теснее контактировать друг с другом. Более чем когда-либо люди стали понимать, что они формируются под влиянием многих культур и что умение одновременно воспринимать и свое, и чуждое становится мощным источником знания и понимания» [там же. — С. 15].

Авторы доклада отмечают: события конца XX в. показали несостоятельность концепции «конца истории» и «столкновения цивилизаций» [там же. — С. 25]. Они подчеркивают, что диалог — это надежный инструмент для построения новой парадигмы международных отношений в рамках глобальной цивилизации: «Мы признаем существование «глобального общего знаменателя», который кто-то, вероятно, назовет «глобальной цивилизацией», имея в виду общие для нас этические стандарты и ценности как основу глобальной этики» [там же. — С. 37]. Страх столкновения цивилизаций делает диалог между ними неизбежным: «В XXI веке самыми серьезными угрозами между-

народной безопасности будут культурные, а не экономические или политические проблемы... Опасения, связанные с неизбежным конфликтом цивилизаций, делают диалог между цивилизациями не просто желательным, но необходимым» [там же. — С. 51].

Предпосылкой его является признание равенства и различия цивилизаций: «Диалог между цивилизациями признает множество человеческих цивилизаций, признает равенство и различие культур. Без равенства не существовало бы общей почвы для контактов, без различий не было бы нужды в контактах» [там же. — С. 61]. «Для диалога требуется мудрость — целостное понимание, глубокое самосознание, видение долгосрочной перспективы, здравый смысл и здоровое суждение, требуется постоянное образование» [там же. — С. 77]. Обществу необходимы «новая парадигма международных отношений в условиях глобализации, включающая равноправие, децентрализацию власти, переосмысление понятия "враг", заинтересованность, личную ответственность, создание союзов для решения общих проблем» [там же. — С. 90].

Авторы доклада уделяют большое внимание повышению роли ООН как важнейшего инструмента плодотворного диалога цивилизаций. Есть и конкретные предложения: дать ученым шанс «занять первые ряды кресел в работе этой всемирной организации и внести свой вклад в политические дебаты», создать консультативный совет безопасности ученых при Генеральном секретаре ООН [там же. — С. 130].

Вопросы теории, истории, диалога цивилизаций изучаются во все большем числе научных трудов во всем мире. Эта проблема прочно и надолго заняла одно из центральных мест в формирующейся постиндустриальной парадигме обществоведения.

1.4. Современные российские цивилизационные школы

В СССР, в условиях господства марксистского мировоззрения и формационного подхода к истории, вопросы цивилизаций были отодвинуты на второй, если не на третий план. В основном они рассматривались в историческом аспекте (история древних цивилизаций, переход от варварства к цивилизации). Однако в 90-х годах ситуация кардинально изменилась: произошел настоящий взрыв научного творчества в этой области. В наши дни издаются десятки монографий и учебников по теории, истории, взаимодействию и будущему цивили-

лизаций, месту России в глобальном цивилизационном поле. Не пытаясь дать общий обзор всем подчас противоречащим друг другу взглядам и школам, остановимся только на некоторых основных течениях современной российской цивилизационной мысли.

Среди работ, относящихся к теории цивилизаций, отметим прежде всего монографию **Е. Б. Черняка** «Цивилиография. Наука о цивилизации» [227]. В своей работе ученый попытался дать общее определение цивилизации: «В широком понимании цивилизация — это целостная, саморазвивающаяся система сущностных отношений между людьми — микрогруппами, крупными коллективами, взятая со средой обитания и создаваемыми материальными и духовными благами и особенной системой ценностей, именуемой культурой» [там же. — С. 11]. Определение не самое удачное, тем более что речь идет не о микрогруппах, а систему ценностей не стоит отождествлять с культурой. Автор считает, что наука о цивилизации (цивилиография) находится еще в стадии становления, и пытается восполнить пробелы теоретической части этой науки [там же. — С. 15]. Более удачным представляется другое определение в той же книге: «Цивилизация — это самодвижущаяся, целостная система, охватывающая одну или несколько социоэтнических общностей либо все человечество в целом» [там же. — С. 71].

Ценным в монографии Черняка является четкое разграничение понятий «локальная» и «мировая цивилизация» (в нашем понимании — глобальная цивилизация): «Всемирная цивилизация существовала уже в неолитическую эпоху. О мировой цивилизации можно говорить как о совокупности локальных цивилизаций, поддерживающих друг с другом постоянные связи и придерживающихся некоторых общих ценностей» [там же. — С. 181–182]. Автор исследует особенности всемирной и локальных цивилизаций: «Локальная цивилизация создается на основе одного господствующего или, в крайнем случае, немногих этносов, мировая цивилизация — множества таких этносов. Если локальная цивилизация включает, как правило, регионы со сравнительно одинаковым уровнем хозяйственного развития в экономических отношениях, то мировая цивилизация — регионы, находящиеся на всех ступенях социально-экономической эволюции. Локальная цивилизация обычно имеет приверженцев одной религии, мировая — всех религий Земного шара... Локальная цивилизация состоит из людей, связанных общей исторической судьбой, общим культурным наследием, мировая цивилизация — это все население Земли с его огромным разнообразием исторических судеб и культуры» [там же. — С. 184].

Черняк исследует влияние социальных перемен на развитие цивилизаций и вводит понятие «цивилизационной революции». «В цивилизационном ряду отчетливо выделяются периоды наиболее быстрых и масштабных сдвигов. Эти периоды вполне заслуживают название цивилизационных революций» [там же. — С. 339]. Причиной революций является неравномерность развития цивилизаций: «...одной из причин цивилизационной революции — региональной и континентальной — может быть влияние закона исторической корреляции, выражающееся в "подтягивании" цивилизационной структуры данного общества к другим — региональным, континентальным — и мировой цивилизации» [там же. — С. 742]. Цивилизационные революции могут быть внутри- или межцивилизационными.

Весомый вклад в теорию локальных цивилизаций и их сравнительное изучение внес **Б. С. Ерасов** (1932–2001). Принимая активное участие в деятельности Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций, он взял на себя труд по составлению обширной хрестоматии «Сравнительное изучение цивилизаций» [185]. В ней нашли отражение взгляды ученых на содержание понятия «цивилизация», развитие цивилизационных школ и теорию цивилизаций, структуру общества, взаимоотношение культур и религий, государства и войн, динамику цивилизаций. Здесь же даны характеристики основных локальных цивилизаций — европейской, исламской, индийской, дальневосточной, буддийской, латиноамериканской (к сожалению, почти ничего не сказано о сущности и особенности евразийской, российской, цивилизации). В книге рассматриваются важнейшие проблемы взаимодействия цивилизаций, изучается возможность их столкновения, их место в мировой системе. Тем самым хрестоматия обобщает и включает в научный оборот для русскоязычных читателей сумму основных понятий о теории локальных цивилизаций, их структуре и взаимоотношениях.

В посмертно изданном фундаментальном труде Б. С. Ерасова «Цивилизации. Универсалии и самобытность» [63] содержится глубокое обоснование современной теории локальных цивилизаций. Автор исходил из цивилизационной парадигмы, которая «подразумевает преодоление "линейной" истории и рассмотрение картины сосуществования различных обществ, имеющие в своей основе универсальные принципы устройства, но претворенные в определенной модели, присущей только данной социокультурной системе» [там же. — С. 10]. Он поставил перед собой несколько крупных задач — раскрыть содержание и эволюцию подходов к изучению цивилизаций; системно изложить общие принципы цивилизационного устройства общества; вы-

явить динамику цивилизаций, их специфику и факторы, определяющие перспективы их взаимодействия или противостояния [там же. — С. 111]. Эти цели были успешно достигнуты.

Рассмотрим, как отражена в монографии интересующая нас проблема динамики цивилизаций. Ерасов подчеркивает, что историческому процессу присущи цикличность и наследственность: «Категория цивилизации отразила существенную дилемму в понимании исторического процесса, в котором что-то подвержено изменениям, но вместе с тем что-то сохраняется и составляет основу устойчивости и преемственности... Далеко в глубь веков уходит идея жизненных циклов развития общества, его зарождения, расцвета, разума и упадка общественной жизни» [там же. — С. 221].

Б. С. Ерасов формулирует три предпосылки научного подхода к проблемам цивилизационной динамики: «Первая заключалась в том, что время в цивилизации имеет циклический характер и обладает способностью двигаться вначале вперед, в сторону развития и совершенствования, а затем назад, в сторону опрощения, архаизации и дезинтеграции. Вторая предпосылка... состоит в том, что важное значение придается духовной и моральной сфере, от которой так или иначе зависит материальная сторона жизнедеятельности... Третья... состоит в утверждении плюрализма исторического процесса, наличия параллельных линий культурного бытия, которые в существенных чертах повторяют друг друга, но тем не менее сосуществуют независимо одна от другой» [там же. — С. 236].

Большое внимание в монографии уделено динамике цивилизаций, смене фаз их жизненного цикла, причинам трансформации, особенностям развития культур Запада и Востока, проблемам революций с позиции теории цивилизации: «Революции были вехами единого мирового процесса, подтверждением его инвариантности, а значит, и предсказуемости протекания» [там же. — С. 253].

В книге исследуются также этатистская и цивилизационная ипостаси государства, в том числе роль империй и мировых религий в развитии цивилизаций (гл. 9); принципы и пределы цивилизационной компаративистики, опыт среднеэтического изучения цивилизаций, специфика цивилизации Запада (гл. 10). Подробно изучаются соотношение этнических, национальных и цивилизационных подходов (гл. 11); цивилизационные аспекты модернизации и культурной самобытности, синтез наследия и заимствований (гл. 12). Специальная глава посвящена специфике и динамике цивилизационного устройства российского общества, пессиморфизму, а также социокультурной, политической и экономической дезинтеграции.

В ряде работ одного из крупнейших мыслителей-энциклопедистов XX в. **Н. Н. Моисеева** (1917–2000) тщательно исследованы вопросы теории, истории и будущего цивилизаций; наиболее концентрированно взгляды ученого на эти проблемы выражены в изданной в 1998 г. монографии «Судьба цивилизации. Путь разума» [136].

Моисеев подчеркивает решающую роль духовного мира в формировании и жизнедеятельности цивилизаций: «Культура и технологические основы жизни — это еще не цивилизации. Это всего лишь составляющие цивилизации. В качестве фундамента цивилизационной общности я, наверное, выделил бы общность духовных миров. Я думаю, что именно она рождает и общность действия» [там же. — С. 175].

В отличие от Тойнби, Моисеев не считает конституирующим признаком цивилизации религию: «...вряд ли прав Тойнби, утверждавший, что религии формируют цивилизации. Ведь цивилизации старше любой религии. И мне кажется, что в данном случае все происходит как раз наоборот» [там же. — С. 42].

Истоки рождения цивилизаций ученый видит в неолитической революции: «Неолитическая революция послужила началом всех существующих ныне цивилизаций» [там же. — С. 32].

Цивилизации прошли долгий и трудный исторический путь. «Он не был прямой формой, не был подобен спокойному течению реки, и прерывался порогами, когда эффективность старых механизмов, поддерживавших развитие человечества, исчерпывалась. Тогда наступали сумерки. И перед новым рассветом людям приходилось искать новые формы жизни и платить огромную цену за то, чтобы научиться жить в новых условиях» [там же. — С. 63].

До сих пор каждый раз человечеству удавалось находить эффективный выход из цивилизационного кризиса. Но к концу XX в. оно оказалось на пороге надвигающегося общепланетарного кризиса. В таких условиях просто необходима своевременная смена цивилизационной парадигмы, иначе вселенской катастрофы не избежать. Биосфера вряд ли исчезнет, но в ней может не остаться места для существования человека [там же. — С. 75]. Выход только один — человечество должно войти «в эпоху ноосферы, то есть в тот период истории, когда биосфера и общество развиваются как единый организм, эволюция которого следует целенаправленному началу, стремящемуся (но не гарантирующему) обеспеченность гомеостаза... человека и биосферы» [там же. — С. 79]. Иными словами, речь идет о становлении ноосферной цивилизации. Исследователь предупреждает об опасностях, которые несут в себе современные тенденции развития информационного общества. Он пред-

лагает свое понимание его содержания как общества, в котором «...коллективный интеллект (коллективный разум) играет роль, аналогичную той, которую играет разум человека в его организме, то есть содействует развитию общества и преодолению все возрастающих трудностей... и действует на благо всего человечества...» [там же. — С. 86].

Ученый подчеркивает, что в условиях «...наступающего общепланетарного кризиса должна быть выработана некоторая общепланетарная идеология, цементирующая усилия планетарного сообщества, а также усилия, необходимые для его выживания» [там же. — С. 97]. Причем выработку ноосферной идеологии нужно начинать с системы образования: «Надо научиться жить в согласии с природой и ее законами. И эти принципы должны войти в плоть и кровь человека... Я отдаю этим проблемам приоритет: новая цивилизация должна начаться даже не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ» [там же. — С. 100].

Препятствием на этом пути является всевозрастающая угроза конфликта цивилизаций: «Я вижу неизбежное столкновение цивилизаций — не столько народов, сколько именно цивилизаций, несущих разное мировоззрение, разное понимание места человека в обществе и общества в природе, весьма неодинаковую ранжировку человеческих ценностей» [там же. — С. 105]. Этой опасности нужно противопоставить коллективные усилия человечества по ее преодолению: «Цивилизационным особенностям предстоит сыграть важнейшую, решающую роль в трансформации общепланетарной ситуации. Только совместные, хорошо скоординированные действия различных цивилизаций, способные выработать необходимые универсалии во взаимоотношениях природы и человека, дают надежду на благополучный исход наступающего экологического кризиса» [там же. — С. 173]. Подобные универсалии предполагают сохранение цивилизационного многообразия: «Логика взаимодействия цивилизаций, основанная не на их стандартизации, а на учете их различий, — это очередная страница логики истории. И она отвечает логике природы» [там же. — С. 184].

Можно сделать общий вывод: если В. И. Вернадский сформировал основы учения о ноосфере, то заслуга Н. Н. Моисеева состоит в том, что он заложил краеугольный камень *теории ноосферной цивилизации* как будущего глобальной цивилизации — при условии, что она будет развиваться по оптимистическому сценарию.

Теорию цивилизаций на основе циклично-генетических закономерностей развития общества развивает *современная школа русско-го циклизма*. Ее лидер **Ю. В. Яковец** активно разрабатывает проблемы теории цивилизации и цивилизационного подхода к истории и бу-

дущему человечества, основных этапов развития мировых и локальных цивилизаций, их взаимодействия, формирования гуманистически-ноосферной постиндустриальной мировой цивилизации 5-го поколения в XXI веке.

В марте 1992 г. состоялась международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева. В рамках ее проведения был сделан доклад Ю. В. Яковца «Становление постиндустриальной цивилизации» [246]. Автор сформулировал понятие мировой цивилизации как определенной ступени «в историческом ритме динамики и генетики общества как целостной системы, в которой взаимно переплетены, дополняя друг друга, материальное и духовное воспроизводство, экономика и политика, социальные отношения и культура» [там же. — С. 2]. История человечества представлена как ритмичная смена цивилизационных циклов, продолжительность которых неумолимо сокращается. В работе выдвинута оригинальная схема последовательной смены шести мировых цивилизаций начиная с неолитической [там же. — С. 160] и показано, что с конца XX в. начался переход к постиндустриальной цивилизации. В докладе также определены основные ее черты — более высокий уровень знаний и творческого потенциала человека, гуманизация воспроизводства, многоукладная социально-рыночная экономика, демократически-правовое государство, возрождение высокой культуры [там же. — С. 8–9]. Перечислены преимущества цивилизационного подхода к истории и будущему по сравнению с марксистским формационным методом. Выявлены причины кризиса начала 90-х в России и рассмотрены сценарии выхода из него.

Все указанные идеи были развиты, аргументированы и детализированы в монографии «У истоков новой цивилизации» [247], опубликованной в 1993 г. на русском и английском языках.

В этом исследовании рассмотрены закономерности циклической динамики и генетики, определяющие биение пульса человеческой истории. Уточнено понятие мировой цивилизации и очерчена ее структура («пирамида цивилизации») [там же. — С. 40], описан механизм смены цивилизаций, показаны основные их черты и особенности, обоснована тенденция сокращения длительности цивилизационных циклов [там же. — С. 55–58]. Указаны характерные черты всеобщего кризиса индустриальной цивилизации, намечены основные контуры идущего ей на смену постиндустриального общества, раскрыты основные противоречия длительного переходного периода.

Автор не мог обойти стороной вопрос о месте России, ее прошлого, настоящего и будущего в ритме смены цивилизаций и о специфи-

ческих чертах цивилизационных циклов и кризисов на ее территории. В работе показано, что кризис начала 90-х годов является кризисом цивилизационным. Рассмотрены сценарии будущего России и сделан такой вывод: «Нужно овладеть историческим опытом выхода из кризисных ситуаций и четко просчитать возможные пути и последствия выхода России на магистральную дорогу следования человечества к новой цивилизации» [там же. — С. 131]. К сожалению, этот вывод не был принят во внимание теми, кто встал на путь неолиберальных рыночных реформ, ведущих к распаду евразийской цивилизации.

Более полное изложение предложенного подхода к теории, истории и будущему мировых цивилизаций содержится в монографии «История цивилизаций», опубликованной двумя изданиями (1995 г. и 1997 г. [242]) и в расширенном виде напечатанной в США в 2000 г. под названием «The Past and the Future of Civilizations» [276].

Книга состоит из четырех частей. В первой изложены основы теории исторического процесса, его закономерности — исторические циклы, понятие и структура цивилизаций, механизм их смены. Определены витки спирали исторического прогресса. Впервые введено понятие исторических суперциклов, объединяющих триаду родственных мировых цивилизаций. Показана взаимосвязь в динамике мировых и локальных цивилизаций. Уточнено определение мировой цивилизации: «*Мировая цивилизация* — этап в истории человечества, характеризующийся определенным уровнем потребностей, способностей, знаний, навыков и интересов человека, технологическим и экономическим способами производства, строем политических и общественных отношений, уровнем развития духовного воспроизводства. По сути, речь идет о сверхдолгосрочном (вековом) историческом цикле. Смена цивилизаций выражает поступательное движение исторического прогресса, саморазвитие человечества» [242. — С. 41]. Такое саморазвитие находит выражение в динамике локальных цивилизаций: «*Локальные цивилизации* выражают культурно-исторические, этнические, религиозные, экономико-географические особенности отдельной страны, группы стран, этносов, связанных общей судьбой, отражающих и преломляющих ритм общеисторического прогресса, то оказываясь в его эпицентре, то удаляясь от него. Каждая локальная цивилизация имеет свой почерк, свой ритм, более или менее синхронизированный с ритмом мировых цивилизаций» [там же. — С. 42].

Во второй и третьей частях книги рассматривается динамика мировых и локальных цивилизаций по историческим суперциклам.

Дается характеристика самих мировых цивилизаций и изменений в основных элементах их структуры — конкретном индивиде и всем населении, технике и экологии, экономике (в расчетах использована многомерная воспроизводственно-циклическая макро модель), социально-политических отношениях и духовной жизни — науке, культуре, образовании, нравственности и идеологии (включая религию). Тем самым динамика цивилизаций представлена в трехмерном измерении — по смене мировых цивилизаций, переменам их основных составляющих и в динамике локальных цивилизаций.

Последняя глава книги посвящена судьбе человечества в XXI в., в период становления постиндустриальной цивилизации. Здесь дан прогноз развертывания третьего исторического суперцикла, включающего три мировые цивилизации в пространстве XXI—XXIV вв. Рассмотрены альтернативные сценарии переходного периода, очерчены основные контуры постиндустриальной цивилизации как гуманистически-ноосферной цивилизации [там же. — С. 270—273]. Изучены перспективы трансформации всех этажей «пирамиды» цивилизации (демографического, технологически-экологического, экономического, государственно-политического и социокультурного) в развитых странах и России. В заключении сделаны выводы о спирали истории, векторе исторического прогресса, перспективах становления постиндустриальной цивилизации и будущем России.

Тем самым впервые в мировой науке в одной книге комплексно изложены основы цивилизационного подхода — теории, истории и будущего мировых и, частично, локальных цивилизаций.

В работе «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» [239], издававшейся в 2001 и 2003 гг., автором развита теория динамики локальных цивилизаций в условиях глобализации. Сформулированы положения об их взаимодействии как осевой проблеме XXI века [там же. — С. 3—4]. Показаны черты исторического перелома, связанного с переходом к третьему историческому суперциклу и формированием четвертого (по современным теориям — пятого) поколения локальных цивилизаций [С. 23]. Раскрыты структура и состав этого поколения (включающего 12 локальных цивилизаций), перспективы их взаимодействия. Подвергнуты критике идеи растворения цивилизаций в глобальном сверхобществе, неизбежности их столкновения, а также утраты человечеством цивилизационного многообразия [С. 44—45]. Рассмотрен вопрос, какое место займут Россия и СНГ (евразийская цивилизация) в постиндустриальном пространстве XXI в. Сформулированы основные подходы к формированию многомерной гецивилизационной модели [§ 1.7].

Сложная ткань взаимодействия цивилизаций четвертого поколения рассматривается в шести аспектах, соответствующих блокам геодивизиональной модели: демографическом, экологическом, технологическом, геоэкономическом, геополитическом и социокультурном. В составе последнего рассмотрены проблемы оценки динамики социокультурного строя по цивилизациям, становления интегрализма как ядра постиндустриальной парадигмы обществоведения, цивилизационные аспекты социальной стратификации и мобильности, двойственности современной информационной революции.

Новый подход к экономическому взаимодействию цивилизаций представлен в монографии того же автора «Рента, антирента и квазирента в глобально-цивилизационном измерении», опубликованной в 2003 г. на русском [244] и английском [277] языках. Экономические взаимоотношения между локальными цивилизациями пятого поколения здесь рассмотрены с точки зрения формирования и присвоения сверхприбыли. Последняя образуется на мировом рынке в результате использования ограниченных ресурсов (мировая природная рента), хищнического использования природных ресурсов и загрязнения окружающей среды (экологическая антирента), экспорта высокотехнологичных товаров и услуг (технологическая квазирента) и операций на мировых финансовых рынках (финансовая квазирента). За счет отчислений от такой сверхприбыли предлагается создать глобальные фонды (экологический, технологический, социокультурный). Средства будут направлены для решения глобальных проблем и помощи отстающим цивилизациям. В книге также рассмотрены возможности построения и использования геодивизиональной модели.

Важным вкладом в разработку современной теории цивилизаций и развитие идей школы цикличности Н. Д. Кондратьева являются авторские и созданные в соавторстве теоретические разработки **Б. Н. Кузика** и фундаментальные научные исследования, проводимые научными коллективами под его руководством. К работам подобного рода относятся труды: «У России один эффективный путь развития — свой» [98], «Высокотехнологичный комплекс в экономике России» [96], «Россия в пространстве и времени» [97], «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» [103], «Россия и мир в XXI веке» [99] и др. В названных книгах получила научное оформление разработка механизмов продвижения России в мировое цивилизационное пространство.

В монографиях «У России один эффективный путь развития — свой» и «Высокотехнологичный комплекс в экономике России» поставлены и изучены вопросы, от решения которых зависит судьба на-

шей страны. Речь идет прежде всего об активной инновационной деятельности в экономике, которая меняет ее содержание и структуру, создает условия для формирования прогрессивного технологического уклада, формирует новую систему отношений людей в процессе организации производства, экономики и самой жизни.

В проведенном автором исследовании доказано наличие объективных, национально-особенных факторов ускорения развития России и определения их роли в современном цивилизационном процессе. Показано, как на смену традиционным социально-экономическим эволюционным преобразованиям, проводимым в рамках второго и третьего технологических укладов, приходит современный этап развития, основанный на последних достижениях науки, гарантирующий быстрый экономический и технологический рост и продвижение России на глобальном экономическом и геополитическом пространстве.

В книге обобщен опыт исследования научных и практических проектов в этой сфере, осуществленных российскими и зарубежными учеными и открывающих новую страницу познания цивилизационного процесса.

Автор проводит анализ глобальных изменений, происходящих в мире на рубеже тысячелетий, в первую очередь в сфере мировой экономики и политики. Они, по мнению автора, столь значительны, что могут привести (и уже приводят) к трансформации так называемого геоэкономического глобуса Земли.

В книге всесторонне изучаются сложные проблемы войн как социального явления, средства и способы их предотвращения. Показаны место и роль оборонной отрасли в развитии высокотехнологичного комплекса страны.

В коллективных трудах **Б. Н. Кузика**, **А. И. Агеева** и др. «Ритмы российской истории» [100], «Россия в пространстве и времени» [101] выдвинуты качественно новые подходы к измерению динамики российской цивилизации. По существу впервые создан научный инструмент измерения этапов развития государства и цивилизаций.

В основу анализа истории России за два тысячелетия и прогноза почти до 2080 г. положена оценка девяти базовых факторов, объединенных в стратегическую матрицу: управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия (вооруженные силы), внешняя политика (геополитическая среда) [101. — С. 19].

Применение такой матрицы дает реальную возможность оценить технологический уровень экономики, отнести ее к тому или иному технологическому укладу, определить потенциал страны в геодивизиональном пространстве.

На основе оценки событий истории России за 2000 лет были выявлены два вида циклов — продолжительностью 400 и 80 лет. «Анализ исторической динамики позволил выявить и обосновать гипотезу о наличии в российской истории жизненных циклов, своего рода частоты проявления устойчивой совокупности факторов. Данная гипотеза сформулирована на основе анализа динамики девяти важнейших факторов за 2000 лет российской истории после Рождества Христова. Обнаруженная нами повторяемость относительных значений этих факторов указывает на наличие двух видов циклов, условно названных нами длинными и сверхдлинными волнами социальной жизни, примерной продолжительностью соответственно 80 и 400 лет. Эти циклы определяют уникальный "хронон" российской истории, ее своеобразный хронологический "квант" [там же. — С. 9]. Установлено, что 400-летние циклы начинались и заканчивались периодами смуты, военно-политических поражений, экономической дискриминации страны со стороны других государств. 80-летние циклы «более разнородны по своей топологии, хотя принципиально едины по динамической структуре» [там же. — С. 235].

Выявление ритма российской истории позволяет прогнозировать пути эволюции страны в XXI столетии: «Стратегически и циклически осмысленное прошлое предстает уже не экстраполяцией прошлых тенденций, а существенно более содержательной процедурой предвидения характера проблем, времени их обострения, арсенала возможных решений... Сценарный контур прогноза на разворачивание стратегических событий в течение XXI века... показывает спектр возможностей для позиционирования России в мировом пространстве и внутреннего развития» [там же. — С. 236]. В книге дается развернутый анализ пяти 400-летних исторических циклов за два тысячелетия (с характеристиками составляющих их 80-летних циклов) и прогноз очередного 80-летнего цикла до 2080 г. Этот материал использован в 14-й главе настоящей книги при рассмотрении циклов, кризисов и будущего российской цивилизации.

В исследованиях **Б. Н. Кузика**, **Ю. В. Яковца** «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» [103], **В. В. Ивантера**, **Б. Н. Кузика** «Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв?» [69], а также ряде других работ указанных авторов продолжается изучение путей развития России в XXI в. с использованием той методологии, которая была разработана в ранее изданных работах и прежде всего в книге «Россия в пространстве и времени».

Центральная, животрепещущая проблема современной России — вопрос: в каком направлении нам надо идти? Дать ответ на него спо-

собна только наука. Предлагаемая учеными стратегия развития России до 2050 г. и прогноз ее инновационного развития, изложенные в книге «Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв?», базируются на следующих основных положениях. Будущее российской экономики и достижение поставленных перед страной стратегических целей в решающей степени зависит от обоснованного выбора и последовательной реализации долгосрочной государственной политики, ориентированной на переход к инновационному пути развития России, на технологический прорыв.

Прогноз инновационно-технологического развития мира и России на период до 2050 г., основанный на теории предвидения циклической динамики Н. Д. Кондратьева, позволил выявить тенденции на несколько десятилетий вперед. Одна из важнейших тенденций заключается в том, что в первой половине XXI в. развитые страны захлестнет очередная научная революция. Она станет базой для формирования постиндустриальной научной парадигмы и человеческого сообщества, основанного на знаниях. В этот период завершится переход к постиндустриальному технологическому способу производства и шестому технологическому укладу, которые будут определять стратегии экономического и социального развития всего мира.

Основопологающим моментом в исследовании цивилизационных циклов и путей развития России, проводимом группой ученых под руководством Б. Н. Кузика, является доведение общих теоретических выводов, сделанных ими в ранее изданных фундаментальных работах, до реальных практических проектов XXI века. Уникальным примером такой тесной связи фундаментальной теоретической и прикладной науки является проект, посвященный исследованию ключевых для всего мира проблем глобальной энергетической революции, которая тесно связана с процессами ускорения развития России и всей земной цивилизации. Этому посвящена книга Б. Н. Кузика, В. И. Кушлина и Ю. В. Яковца «На пути к водородной энергетике» [102].

Этот поистине авангардный проект обозначает переход от использования ископаемого топлива к водородной энергетике, которая базируется на практически неисчерпаемом и экологически чистом источнике энергии. Проект доказывает, что современная наука действительно способна найти выход из мирового энергетического кризиса, а вместе с этим и поднять планку возможностей государств в преодолении всех социально-экономических проблем.

Данный проект опирается на теорию и методологию инновационного развития, изложенную в указанных выше работах, а также опыт разработки программ в области водородной энергетике, освоения ра-

кетно-ядерных и космических технологий, разработанных в России, Европейском союзе, США, Японии и других странах. Этот проект доводит исследования авторов до обоснования механизмов реализации двух сценариев развития России на перспективу до 2050 г.: инерционного и инновационного.

Приоритет отдан инновационному пути развития страны, при котором технологический прорыв осуществляется путем повышения ответственности государства и бизнес-сообщества за технологический уровень и конкурентоспособность экономики, выбора ограниченного числа стратегических приоритетов и концентрации ресурсов на их реализации.

Результатом внедрения такой стратегии станут возрождение и реструктуризация научного потенциала страны на основе интеграции науки, высшего образования и инновационно-ориентированного производства. Произойдет освоение новых рыночных ниш и на этой основе — ускорение темпов экономического роста и создание условий для повышения уровня и качества жизни населения, укрепления позиций страны на мировом рынке высоких технологий, усиление ее безопасности.

Расскажем вкратце и о публикациях других современных российских ученых по вопросам теории, истории и перспектив развития цивилизаций.

Выше уже упоминалась монография **И. Н. Ионова** и **В. И. Хачатуряна** [71] по теориям цивилизаций — от античности до конца XIX в. (материалы этого издания использованы в настоящей главе). Опубликовано ряд учебников по истории цивилизаций. Отметим учебник **А. В. Островского** «История цивилизации» (для высшего профессионального образования), в котором дается характеристика цивилизаций аграрных обществ, цивилизаций эпохи индустриализации. Однако подробного анализа истории современных локальных цивилизаций в учебнике мы не найдем.

В другом исследовании, в курсе лекций **Л. А. Моисеевой** «История цивилизаций» [137], рассмотрены альтернативные концепции развития мировых цивилизаций и дается характеристика древних и средневековых цивилизаций Востока, Америки и Запада, а также предпринята попытка определить место России в контексте мировых цивилизаций. Непомерно большое внимание уделено изотерической концепции развития цивилизаций, созданной Е. И. Блаватской [там же. — С. 30—49], поклонницей которой, вероятно, является автор. Она также убеждена и в том, что Россия обязана принять ценности европейской цивилизации: «Процесс европеизации неизбежен: Россия в своем генезисе была составляющей частью Европы, к ней и идет. Отрицая Европу, Россия у нее училась, заимствовала

оттуда технологию. Даже идеологию — марксизм — взяла европейскую... Время нас заставляет войти в мировую цивилизацию» [там же. — С. 324]. Хотя в дальнейшем Моисеева смягчает свою позицию: «Россия на протяжении тысячелетия является вполне цивилизованной страной. И эта особая цивилизация... не является ни азиатской, ни европейской» [там же. — С. 364].

Взгляды российских ученых на будущее цивилизаций, их судьбу в XXI веке весьма разнообразны, порой прямо противоположны. Так, **И. В. Бестужев-Лада** в книге «Альтернативная цивилизация» [14] утверждает, что если нынешние тенденции развития индустриальной цивилизации не претерпят изменений, то глобальная катастрофа неизбежна. В связи с этим ученый предлагает и обосновывает собственный проект альтернативной цивилизации. «Так родилась наиболее распространенная формула альтернативной цивилизации: низкоэнергетическая (в смысле экономичности потребления энергии), высокоустойчивая (в смысле восстановления глобальных балансов, на которых зиждется человечество), экологически чистая, демилитаризованная и предельно человеческая» [там же. — С. 67]. В книге рассмотрены направления движения по каждому из этих путей. Фактически речь идет об основных характеристиках постиндустриальной мировой цивилизации. В конце, правда, кратко сказано и о судьбах локальных цивилизаций — европейской, восточноазиатской, южноазиатской, африканской, евразийской (с наиболее трагической судьбой), североамериканской, латиноамериканской и исламской [там же. — С. 427—431]. В опубликованном в 2005 г. прогнозе Бестужева-Лады «Россия и мир 2005—2015: вызовы и ответы» [15] изложены узловые проблемы развития материальных ресурсов, экономики и политики, социальной и информационной сферы мировой и российской цивилизаций в наступающем десятилетии.

Иное мнение о перспективах развития цивилизаций у **В. Л. Иноземцева**. В книге «Расколота цивилизация» [70] он подразделяет их на три разряда, каждому из которых предрекает разную судьбу. Так, наиболее развитые цивилизации — североамериканская и западноевропейская — вступили в постиндустриальную эпоху, переживают постэкономическую революцию. Последняя представляет собой сложный процесс, который составит содержание развития цивилизаций на протяжении XXI столетия [там же. — С. 8]. Результатом ее станет расцвет производства материальных и нематериальных благ, что позволит человеку окончательно преодолеть зависимость от природы. Труд как деятельность, диктуемая внешней материальной необходимостью, будет заменен творчеством. Произойдет деклассификация и дематериа-

лизация производства, мир сможет «преодолеть три главных системообразующих явления экономического общества — товарный обмен, частную собственность, эксплуатацию» [там же. — С. 54]. Ну чем не высшая фаза коммунизма? Но это коммунизм для избранных, для элиты цивилизаций. Большая же их часть (включая Россию, Японию), исчерпав возможности «дополняющего развития», навеки останутся на стадии индустриального общества. «Постоянно возрастающие инвестиции в развитие как материального производства, так и человеческого потенциала приводят к углублению и расширению разрыва между постиндустриальными странами и остальным миром» [там же. — С. 103]. И, наконец, третья группа стран, которые не в состоянии самостоятельно решить проблемы развития, окажутся в системе обновленного колониализма. В течение ближайших десяти лет они должны быть лишены своего суверенитета посредством вмешательства международных сил на основе мандата ООН или иного подобного нормативного акта, а управление ими передано группе международных наблюдателей и экспертов, опирающихся на войска ООН. На протяжении следующих 15–20 лет после установления такого режима на средства, выделяемые из бюджетов ведущих стран и международных финансовых организаций, должны быть проведены мероприятия по обеспечению прожиточного минимума для граждан этих государств, формированию у них производственного потенциала на основе сбалансированных аграрных технологий и предотвращению дальнейшей деградации их природных экосистем [там же. — С. 445]. В качестве «подопытных кроликов» для подобных экспериментов автор рекомендует избрать 15–20 беднейших стран. Любопытно, что не прошло и пяти лет с момента публикации работы В. Л. Иноземцева, как США начали проводить в жизнь доктрину «обновленного неоконилиализма» сначала в Афганистане, а затем и в Ираке.

Немалое число исследований посвящено **российской цивилизации**, ее месту в современном мировом сообществе; суждения ученых на сей счет также весьма разнообразны. Выше упоминалось учебное пособие **Л. И. Семенниковой** «Россия в мировом сообществе цивилизаций» [176], где рассмотрены проблемы цивилизационного подхода к истории, межцивилизационного диалога и дана характеристика основным этапам становления и развития российской цивилизации. Автор отрицает наличие единой мировой цивилизации [там же. — С. 83–88] и считает западную цивилизацию образцом прогрессивного развития [там же. — С. 57].

Противоположной точки зрения придерживается известный философ **А. А. Зиновьев** [172], который вообще отрицает наличие само-

стоятельной российской (евразийской) цивилизации и предвидит конец локальных, растворение их в едином глобальном сверхобществе: «Время цивилизаций на планете вообще прошло... Народы североазиатского региона планеты исключительно своими силами не способны создать цивилизацию на уровне современных достижений и в современных условиях жизни человечества. Это касается и народов других регионов — африканского, южноамериканского, южноазиатского и т. д. Процесс западнизации этого региона зашел так далеко, что ни о какой особой российской цивилизации и думать нечего» [там же. — С. 24]. С этим категорически не согласен **Н. Н. Моисеев**. В статье, опубликованной в том же сборнике, он пишет: «Россия не просто север Евразии, населенный народами разного этнического происхождения, как это иногда пытаются представить. Россия — целостная самостоятельная цивилизация... Россия — симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни» [там же. — С. 6]. Подход Н. Н. Моисеева разделяют большинство российских цивилиграфов.

Оригинальная научная позиция относительно будущего России изложена в монографии **С. Н. Сухоноса** «Российский Ренессанс в XXI веке» [188]. Автор вводит понятие двухтысячелетних научных цивилизационных циклов. В мировой истории он выделяет пять таких циклов: египетский (3001–1500 до н. э.); античный (1500 г. до н. э. — 500 г. н. э.), восточный (500 до н. э. — 1500 н. э.); западный (500–2500); славянский или российский (1000–3000). Каждый цикл состоит из полутысячелетних этапов. Они таковы: этап пробуждения; подготовительный; созидательный (максимальная активность и расцвет); итоговый, консервативный, этап ослабления творческой активности [там же. — С. 154–155]. Исследователь приходит к выводу: «Системный анализ истории цивилизаций показал, что именно Россия с 2000 года вступает в эпоху своего Высокого Возрождения. Она призвана создать новое, Космическое мировоззрение, которое целостно объединит в себе искусство, религию, философию и науку... Причем речь идет не о победе над другими цивилизациями во имя могущества одной. Нет, речь идет об исторической необходимости спасти мир от энергетической и экологической катастрофы вопреки его движению к саморазрушению, возглавляемому либо слепыми, либо эгоистическими лидерами» [там же. — С. 68]. Во многом эти слова напоминают прогноз Питирима Сорокина о становлении интегрального социокультурного строя.

Такой же подход разделяет **И. Б. Орлова** в монографии «Современные цивилизации и Россия» [149]. Рассмотрев теорию цивилиза-

ционного подхода к анализу социально-исторического процесса и сам этот процесс как движение цивилизаций, автор исследует евразийскую цивилизацию как одну из культурно-исторических систем. Исследователь показывает контуры современной евразийской концепции, которая строится «на общеметодологическом принципе мультимедийности социально-исторического процесса и параллельном сосуществовании и развитии различных культурно-исторических систем (цивилизаций)» [там же. — С. 176]. В книге сформулирована и альтернатива цивилизационного развития в XXI столетии: «Для России и других евразийских государств еще не утрачена возможность альтернативного выбора: либо дальнейшее рассредоточение, превращение в «этнографический материал», в питательную среду для других цивилизаций, либо реинтеграция, возвращение к нерастратченному потенциалу собственной культуры, к самобытности, собственной исторической памяти и технологическая модернизация для восстановления своего существования на высокой стадии цивилизационного развития» [там же. — С. 178].

Некоторые ученые делают акцент на религиозном содержании российской цивилизации. Так, в работе **А. С. Панарина** «Православная цивилизация в глобальном мире» [153] проанализированы особенности православной цивилизации. Автор пишет: «Православный мировой регион характеризуется своеобразным сплавом цивилизационных и формационных механизмов; он характеризуется перманентной полемикой с местными особенностями (то есть с самим собой) во имя движения к самобытному универсальному» [там же. — С. 10]. Панарин видит мировое призвание православия «в том, чтобы заново утвердить, "переоткрыть" единство человечества, которое впервые явилось вместе с христианством и было утрачено на пути секуляризации» [там же. — С. 485]. В этом исследователь видит шанс для постиндустриального мира: «Тайна истинного постиндустриализма — в сохранении "архаической" пассионарности морально-религиозного типа. Без такого архаизма современность рискует соскользнуть в варварство и даже дикость. Православие является шансом человечества, одной из гарантий того, что творческий цивилизационный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире» [там же. — С. 493]. Однако остается непонятным, как православие может быть реально воспринято многократно превышающими его по числу верующих исламом, католицизмом, протестантизмом, индуизмом, буддизмом. Не будем забывать и о значительном количестве атеистов.

В подготовленном Фондом Горбачева и Институтом философии РАН коллективном труде «Диалог цивилизаций. Повестка дня» [60]

рассмотрен широкий круг актуальных проблем взаимодействия и диалога цивилизаций, определены контуры их будущего. Во вступительной статье **М. С. Горбачев** пишет, что в условиях нарастающих противоречий глобализации «акцент и ставка на диалог цивилизаций и культур приобретает особое значение. Я бы сказал — значение разделительного знака или столба между прошлым и будущим...» [там же. — С. 8].

Процессы *глобализации*, имеющие тенденцию к универсализации и вестернизации, обострили интерес ученых к проблеме *судьбы цивилизаций*. Под редакцией **Т. Т. Тимофеева** опубликовано несколько сборников, посвященных этой проблеме, в частности работа «Глобализация и судьба цивилизаций» [44] — сборник материалов к конференции, проведенной в сентябре 2003 г. в Санкт-Петербурге Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева совместно с Международным обществом по сравнительному изучению цивилизаций. Сборник интересен тем, что на его страницах ведется диалог ученых многих государств (России, США, Японии, Франции, Италии, Китая и др.) по проблеме глобализации и развития цивилизации. Важно отметить: при всем разнообразии подходов представители разных стран и научных школ едины в одном: глобализация, преобразующая мир, не устраняет цивилизационного разнообразия. Это подчеркивает **В. С. Степин**: «Ведущие тенденции глобализации требуют сопряжения траекторий развития различных цивилизаций, а не насильственного навязывания одной модели развития в ущерб другим» [там же. — С. 264]. **У. Бледсо** (США) считает, что «глобализация представляет собой скорее поляризацию цивилизаций, чем эволюцию в единой культуре» [там же. — С. 249]. **А. Марчери** (Италия) настаивает на необходимости расширения диалога цивилизаций: «*Цивилизация диалога* — это также, и, возможно, в первую очередь, *новая глобализация*, экономика сотрудничества с учетом интересов развития наиболее бедных, политическое управление борьбой против голода и нищеты» [там же. — С. 253]. **Ш. Ито** (Япония) анализирует сущность пяти великих цивилизационных революций в истории человечества и развитии сфер межцивилизационных взаимодействий. Он выражает надежду, что в XXI столетии человечеству удастся не только избежать столкновения цивилизаций, достичь еще больших успехов в их сотрудничестве и кооперации, но и создать новую систему глобализации, приносящую мир и благополучие на Земле [там же. — С. 91–92].

В монографии **О. А. Сергеевой** «Особенности современных цивилизационных процессов» [178] исследованы различные типы межцивилизационного взаимодействия и их последствия — вооруженный

конфликт цивилизаций или доминирование одной из них (вестернизация). Правда, вариант равноправного сотрудничества, партнерства на основе диалога цивилизаций остался почти вне поля зрения автора. Ею также рассмотрены влияние глобализации на межцивилизационное взаимодействие, статику и динамику цивилизационного функционирования, механизм смены цивилизаций. Далеко не бесспорны выводы Сергеевой о том, что «наивысшая форма развития материально-технической сферы бытия цивилизации приводит к упрощению ценностно-нормативной системы, застою или деградации культуры, следствием чего становится системный цивилизационный кризис, трансформация или гибель цивилизации» и что «цивилизационная концепция допускает на какое-то время построение единой планетарной государственно-политической системы, но не допускает единой мировой цивилизации, так как подобная цивилизация должна существовать на основе данной культуры, ценностно-нормативной системы, базовых принципов, общности менталитета. Это невозможно» [там же. — С. 250]. Однако единство в любой системе, включая и цивилизацию, не исключает, а предполагает многообразие ее элементов, что обеспечивает ее жизнестойкость и адаптивность.

Неолиберальное течение российской цивилизационной мысли наиболее ярко представлено в работе **Е. Т. Гайдара**, который заслуженно считается главным теоретиком (да и практиком) российского неолиберализма. Опубликованная им в 2004 г. монография «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории» [38] является катехизисом современного неолиберализма в его российском варианте. Не останавливаясь на всех сторонах данной теории, охарактеризуем лишь один аспект этого богато оснащенного историческими экскурсами труда, относящийся к месту России в мировом цивилизационном пространстве.

Прежде всего следует отметить такой парадокс, что экономист, возглавляющий поход против марксизма в России, весьма высоко оценивает вклад **К. Маркса** в науку: «Пожалуй, никто из ученых, занимавшихся проблемами общественного развития, не оказал такого влияния на исторические процессы в мире последних полутора веков, как К. Маркс» [там же. — С. 47]. И хотя Гайдар критикует «железные законы истории» и другие положения марксизма, заметно, что он с уважением относится к данному учению. И это не случайно. Дело в том, что, несмотря на непримиримое противостояние марксизма и либерализма, эти теории являются двумя сторонами одной и той же медали — индустриальной парадигмы обществоведения. Оба эти течения социально-экономической мысли исходят из примата экономики (производитель-

ных сил, экономических отношений) в структуре и динамике общества, стремятся к его унификации по западному образцу. В этом смысле они противостоят цивилизационным школам, которые отдают приоритет духовной сфере, исходят из разнообразия цивилизаций.

Гайдар четко противопоставляет две эпохи в истории общества: длившийся в течение тысячелетий период застойных аграрных цивилизаций — и эпоху современного стремительного экономического роста. «Всего за два прошедших века, время жизни восьми-девяти поколений, в мире произошли беспрецедентные перемены. На их фоне трудно поверить, насколько устойчивыми, статичными были основные контуры общественной жизни на протяжении тысячелетий, последовавших за формированием первых аграрных цивилизаций в Междуречье и долине Нила с их постепенным распространением по земле... Важнейшие черты экономической и социальной жизни на протяжении тысячелетий оставались стабильными, претерпевая лишь медленные, эволюционные изменения» [там же. — С. 18, 20].

Однако подобные теории, утверждающие, что на протяжении тысячелетий вплоть до промышленной революции темпы экономического роста цивилизаций были низкими, в корне расходятся с реальной картиной динамики последних. В трудах Ф. Броделя, Д. Бернала, Л. Мечникова, К. Ясперса, П. Сорокина, И. Дьяконова, десятков других ученых, исследовавших историю цивилизаций, показано, какие революционные перемены, радикально менявшие лицо общества, происходили при смене мировых цивилизаций. Эти преобразования нельзя свести только к усредненным за столетия и тысячелетия темпам экономического роста. Наиболее заметные перемены в жизни человечества произошли в период формирования раннеклассовой мировой цивилизации в III тыс. до н. э. Именно тогда было освоено высокопродуктивное ирригационное земледелие, созданы важнейшие общественные институты — локальные цивилизации, государство и право, получили распространение такие столь любезные сердцу неолибералов экономические инструменты, как деньги и выраженные с их помощью цены на товары, а также налоги, международная торговля и т. п. Вспомним «осевое время» Карла Ясперса — эпоху формирования монотеистических религий; времена расцвета цивилизаций Индии, Китая, арабского мира; эпохи Возрождения и Великих географических открытий. Не заметить подобных революционных переворотов в истории цивилизаций можно лишь в том случае, если смотришь на историю сквозь очень сильно усредняющие экономические очки.

Противоречит реальности и взгляд Гайдара на место России в мировом цивилизационном процессе. Манипулируя статистическими

данными, он приходит к выводу: «на протяжении полутора веков практически неизменной сохраняется дистанция между Россией и лидерами современного экономического роста по важнейшим показателям социально-экономического развития на фоне крупномасштабных изменений в мире» [там же. — С. 44]. Однако открытый Гайдаром «закон устойчивого отставания России» вступает в противоречие с реальными фактами. По данным А. Мэддисона [264], отношение России к Западной Европе по уровню ВВП на душу населения (в сопоставимых ценах) в 1820 г. составляло 57%, в 1913 г. — 43%, в 1973 г. — 53%. Лишь в результате нелиберальных рыночных реформ, предпринятых по рецептам самого Гайдара, произошел «скачок назад» — в 2001 г. указанное соотношение сократилось до 24%. Разрыв увеличился более чем в 2,8 раза! [там же. — С. 262]. Какое уж тут «закономерное отставание»!

Даже краткий и далеко не полный обзор научной литературы по проблемам цивилизаций показывает, с одной стороны, что в последние годы наблюдается всплеск интереса к этим проблемам — они становятся объектом продвинутого междисциплинарных исследований, одним из узловых направлений формирующейся постиндустриальной парадигмы обществоведения. И российские ученые играют в этом процессе ведущую роль. С другой стороны, налицо разнообразие цивилизационных школ, подходов к теории, истории и будущему цивилизаций. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего развития столь продуктивного направления российской и мировой социально-экономической мысли.

1.5. Основы теории цивилизаций

Рассмотрев длительный и противоречивый путь формирования и развития теории цивилизаций, кратко представив труды ученых, внесших свою лепту в эту область социально-экономической мысли, перейдем теперь к изложению нашего видения этой проблемы, основ теории цивилизаций в том виде, в каком она предстает перед нами в итоге многолетних исследований, размышлений и дискуссий. Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что наша работа отнюдь не является завершающим этапом в познании столь сложной категории, как цивилизация, а есть лишь один из последовательных шагов на долгой дороге познания.

Построим наши рассуждения по следующей логике:

➔ **содержание понятия** цивилизации, его дифференциация в трех категориях — глобальная, мировые и локальные цивилизации;

➔ **структура** цивилизаций, последовательность и взаимосвязь их главных элементов, «пирамида» цивилизаций;

➔ **развитие цивилизаций в историческом времени**, их изменения по стадиям жизненного цикла и эпохам;

➔ **развертывание цивилизаций в пространстве**, поэтапное распространение на населенную часть Земли (ойкумену) и выход за ее пределы;

➔ **цивилизационный подход** к истории и будущему цивилизаций, его отличие от иных подходов;

➔ **место теории цивилизаций в системе наук**, в формирующейся постиндустриальной парадигме, в более общем понятии интегрализма.

В последующих главах исследования будет представлено наше видение циклической динамики цивилизаций, основные этапы их исторического пути и возможная их судьба. Кроме того, будут приведены результаты клиометрических измерений динамики цивилизаций.

1.5.1. Понятие и виды цивилизаций

Цивилизация — это высшая ступень организации и развития человеческого общества, высшая и в логическом, и в историческом плане. Общество как совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих личностей состоит из ряда иерархических ступеней (рис. 1.1).

Рисунок 1.1.

Иерархическая структура общества

Первичной ячейкой организации общества, клеточкой, кирпичиком, из которых строится вся его структура, является **семья**. Именно здесь осуществляется воспроизводство главного атома всего общественного мироздания — человека, формируется его биосоциальный генотип, потребляется большая часть созданного конечного продукта. Распад семьи, уменьшение ее роли в обществе является важнейшим признаком кризиса, поразившего общество, всю цивилизацию.

Второй уровень представляют **объединения людей**. Они могут создаваться либо для совместного проживания (деревни, города), либо для совместной производственной деятельности (предприятия, учреждения) или же совместной общественно-политической деятельности (профсоюзы, политические партии и т. п.).

Третий уровень составляют **этносы, нации**. Хотя по характеру эти формы взаимодействия людей, проживающих на более или менее обширной территории, различны, но они имеют схожие структурирующие признаки — общность языка, уклада жизни, традиций, исторического опыта, верований.

Четвертый уровень — **государства**, объединяющие несколько этносов или наций и имеющие характерные, общепризнанные институты — границы, государственную власть, гражданство, экономическое и культурное пространство, свою историю.

Наконец, **пятым, высшим элементом** в структуре общества является **цивилизация**, объединяющая все человечество, находящееся на определенной ступени развития, или его крупную составную часть. Цивилизации могут совпадать с границами государства, но происходит это далеко не всегда. Главное в цивилизации — определенная система ценностей, выработанная и подкреплённая длительным историческим опытом, общими или близкими условиями существования и развития.

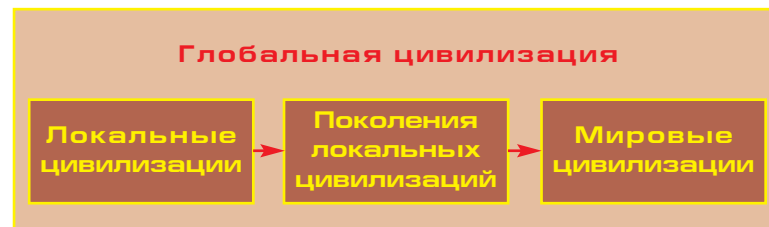
Цивилизации, в свою очередь, мы рассматриваем в трехмерном пространственно-временном разрезе (рис. 1.2):

➔ **глобальная цивилизация** — часть (или все) человечество, достигшая уровня цивилизационного развития и проходящая определенные ступени, фазы жизненного цикла;

➔ **локальные цивилизации** как важнейшие составные части глобального сообщества, различающиеся по системе цивилизационных ценностей, условиям обитания и деятельности, историческому опыту. Они также проходят через определенные этапы исторического пути — смену поколений локальных цивилизаций и фаз жизненного цикла каждой цивилизации и каждого их поколения;

Рисунок 1.2.

Система цивилизаций

➔ **мировые цивилизации** как крупные этапы развития глобальной цивилизации и циклы поколений локальных цивилизаций, эпохи в развитии человечества как единой мегасистемы.

Каждый из перечисленных видов цивилизаций выполняет свою функцию в процессе формирования и динамики цивилизаций. В начальной стадии (после неолитической революции) возникает узкое поле глобальной цивилизации. Оно постепенно расширяется, происходит его дифференциация на локальные цивилизации. С течением времени их число возрастает, а состав в общем историческом потоке динамики глобальной цивилизации меняется. Система цивилизаций непрерывно эволюционирует, периодически происходят качественные скачки в ее развитии, находящие выражение в смене мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций.

1.5.2. Структура цивилизаций

Цивилизация — сложный, многослойный социальный организм высшего порядка. Его структуру можно представить в виде **«пирамиды» цивилизаций**, состоящей из нескольких «этажей» и множества «квартир» (рис. 1.3).

Вершину этой пирамиды занимает **духовная сфера**, формирующая и передающая от поколения к поколению систему цивилизационных ценностей — главное, что отличает одну цивилизацию от другой.

В духовную сферу (или сферу духовного воспроизводства) включаются следующие элементы:

➔ **наука** — уровень познания закономерностей природы и общества и умения их использовать для развития технологического, экономического и экологического способов производства, в социально-политическом устройстве общества;

➔ **культура** — эстетическое восприятие природы и общества, их гармония в динамике, чувство прекрасного;

Рисунок 1.3.

«Пирамида» цивилизации

➔ *образование* — способы передачи накопленных знаний и опыта, научного и культурного наследия, позволяющие подрастающему поколению воспринять социальный генотип, адаптироваться к окружающему миру и переменам в нем;

➔ *этика* — система правил поведения человека в обществе, нравственных оценок поступков, соблюдения норм общезжития;

➔ *религия* — миропредставление человека и общества, системы целей и мотиваций деятельности людей, исходя из их этических норм и взаимоотношений с другими конфессиями.

Все эти элементы тесно связаны, переплетены, различаются от цивилизации к цивилизации, меняются от эпохи к эпохе.

Ниже «этажом» находится *социально-политический строй*, характеризующий формы и способы объединения и дифференциации людей по большим социальным группам (социальная стратификация), этнической и национальной принадлежности, формам полити-

ческой деятельности, государственно-правовому устройству. Этот строй регулярно изменяется в результате войн и революций.

Третьим сверху «этажом» расположен *экономический способ производства*. Его основные институты таковы:

➔ формы *собственности*, присвоения средств производства и произведенных продуктов;

➔ способы *распределения* произведенного продукта (включая прибавочный) между различными социальными группами;

➔ формы *обмена*, развитие рынка со всеми его категориями (деньги, цена, кредит и т. п.);

➔ динамика *структуры* экономики по функциональному назначению производимой продукции (воспроизведенная структура) и по другим критериям;

➔ формы и методы *управления* экономической деятельностью.

Состав и характер этого «этажа» во многом определяются следующим за ним *технологическим способом производства*. Последний включает следующие элементы:

➔ *средства труда*, система орудий труда (машин), зданий, сооружений, транспортных путей и т. п.;

➔ *источники энергии* — как в производственной деятельности, так и в быту;

➔ *предметы труда* — природные и прошедшие переработку;

➔ *технологии*, способы соединения рабочей силы со средствами и предметами труда с помощью энергетических источников;

➔ общественное, отраслевое и профессиональное *разделение труда* в процессе производственной деятельности;

➔ формы *организации производства*, его специализации, концентрации, кооперации, диверсификации.

От взаимодействия всех этих элементов зависит уровень эффективности производства, степень удовлетворения потребностей людей.

Фундаментом «пирамиды» цивилизации является *народонаселение* — его численность, темпы динамики (рождаемость, смертность, естественный прирост), состав семей, половозрастная структура, миграция, объем потребностей и степень их удовлетворения (уровень и качество жизни). На нижнем «этаже» проявляются конечные результаты функционирования и динамики цивилизаций.

Однако под этим «этажом» находится еще один, определяющий внешние условия функционирования цивилизаций, — *природа и экология*: масштабы территории цивилизации, климатические условия, плотность населения (демографическая нагрузка на природную среду), обеспеченность разнообразными видами природных ресурсов,

уровень загрязнения окружающей среды и вмешательства в биосферные процессы. Именно здесь расположена зона взаимодействия природы и цивилизации, зона их коэволюции.

Как видно, каждый из «этажей» цивилизации выполняет свои функции и имеет свою структуру. Но они постоянно взаимодействуют и согласованно, сбалансированно трансформируются, выражая тем самым сущность **закона пропорциональности в структуре и динамике цивилизации**, строгой гармонии в их развитии. Нарушения данного закона, особенно в переходные эпохи, снижают эффективность цивилизационной системы.

1.5.3. Развертывание цивилизаций во времени

Цивилизация — подвижная категория, постоянно трансформирующаяся. Развертывание ее во времени можно проследить в трех аспектах.

Каждая цивилизация имеет свой **жизненный цикл**. Он состоит из нескольких стадий:

- ➔ *зарождения* (в недрах предшествующего общества);
- ➔ *становления* в эпицентре, *распространения* (в пространстве) и *совершенствования* по структуре;
- ➔ *зрелости*, полной реализации присущего ей потенциала;
- ➔ *кризиса*, упадка (уступая место следующей цивилизации);
- ➔ *пребывания* в остаточном, *реликтовом состоянии* на следующем этапе развития общества, в новой цивилизационной системе.

Жизненные циклы свойственны и локальным, и мировым, и глобальной цивилизациям. Не все локальные цивилизации проходят все стадии жизненного цикла, в полном масштабе разворачиваясь во времени. Цикл некоторых из них прерывается в силу природных катастроф (так произошло, например, с минойской цивилизацией и легендарной Атлантидой) либо столкновений с другими культурами (доколумбовы цивилизации Центральной и Южной Америки, скифская протоцивилизация).

Динамика во времени находит выражение в периодической **смене поколений локальных цивилизаций**, меняющихся по своему характеру и составу. Первое поколение появилось на планете в конце IV — начале III тыс. до н. э., когда завершалось формирование «пирамиды» цивилизации — был построен социально-политический «этаж» (появились классы, государство, право) и радикально изменился экономический «этаж» (возникла частная собственность

и в развернутом виде — рынок со свойственными ему институтами). Локальные цивилизации сменяли друг друга, и на рубеже XXI в. пришло время формирования очередного, пятого по счету, их поколения.

Глобальная цивилизация разворачивается во времени через **смену мировых цивилизаций**. Их отсчет ведется со времени неолитической революции, становления производящего хозяйства и постепенного усложнения структуры общества. Первые четыре тысячелетия этого периода мы называем *неолитической мировой цивилизацией*, хотя это скорее протоцивилизация, в зарождающемся, неполном составе «пирамиды». Лишь на следующем этапе, со становлением 1-го поколения локальных цивилизаций и «укомплектованием» всех ее «этажей» и «квартир», можно говорить о существовании мировых и глобальной цивилизации в полном объеме. Друг друга сменяли, по нашей классификации, раннеклассовая, античная, средневековая, раннеиндустриальная и индустриальная мировые цивилизации. В конце XX в. пришло время формирования постиндустриальной цивилизации, и этот ритм продолжится в будущем.

Следует отметить еще одно изменение глобальной цивилизации во времени — **смену исторических суперциклов**, объединяющих триаду родственных мировых цивилизаций и одно-два поколения локальных цивилизаций. Суперциклы — самый большой из элементов временной динамики цивилизаций. Первый исторический суперцикл (конец IV тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.) объединил неолитическую, раннеклассовую и античную мировые цивилизации и соответственно 1-е и 2-е поколения локальных. Второй исторический суперцикл (его хронологические рамки — VI—XX вв.) включил в себя средневековую, раннеиндустриальную и индустриальную мировые цивилизации, 3-е и 4-е поколения локальных. Третий суперцикл начинается в XXI в., пока известны лишь его первые ступени — постиндустриальная мировая цивилизация и пятое поколение локальных цивилизаций.

Исследование истории цивилизаций заставило нас сделать вывод о закономерности сжатия исторического времени. Каждый очередной шаг в истории цивилизаций (мировых, поколений локальных) характеризуется более коротким жизненным циклом, ускорением темпа исторического прогресса, учащением пульса циклической динамики общества. Если временное пространство первых мировых цивилизаций и поколения локальных составляло несколько тысячелетий, то последних — всего несколько столетий. Такая тенденция, надо полагать, сохранится и в будущем.

1.5.4. Распространение цивилизаций в пространстве

История цивилизаций началась на сравнительно небольшом участке суши к северу от экватора на афро-евразийском континенте и к северу и югу от экватора — в Америке. Остальная населенная часть земли (ойкумена) находилась еще на доцивилизационной стадии развития, а огромные территории вообще были необитаемыми.

Этап за этапом, одной мировой цивилизацией за другой, цивилизационное пространство расширялось, связи между отдельными локальными цивилизациями углублялись и крепились. Этому способствовало развитие транспортных путей (речных, морских, сухопутных), появление все новых средств транспорта — лошадей и верблюдов, речных и морских судов, паровозов и пароходов, автомобилей и самолетов. Эпоха Великих географических открытий в период раннеиндустриальной цивилизации завершилась тем, что практически вся территория Земли (за исключением Антарктиды, некоторых районов Крайнего Севера, отдельных участков девственных тропических лесов и пустынь) вошла в состав глобального цивилизационного пространства. Оно охватило всю ойкумену и к концу индустриальной цивилизации вышло за пределы планеты — началось освоение космоса.

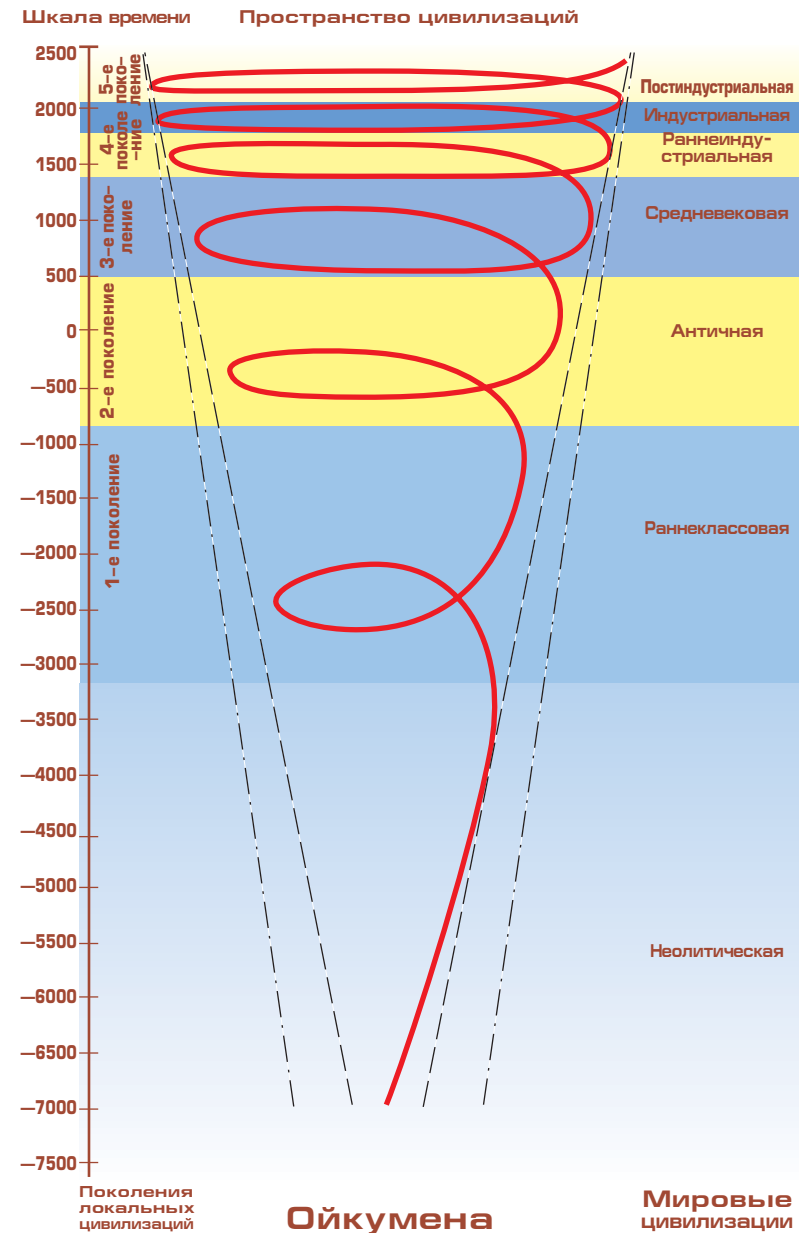
Однако это не означает, что цивилизация распространилась по Земле равномерным, однородным «слоем». На планете существуют сгустки цивилизационной энергии — **авангардные цивилизации**. За ними следуют (во втором эшелоне) родственные, близкие по уровню развития. На периферии прогресса находятся цивилизации отстающие, которые с запозданием на один-два ритма поднимаются на следующую его ступень. В четвертом эшелоне — слаборазвитые цивилизации и страны, которые без посторонней помощи не способны вырваться из засасывающего болота отсталости.

Следовательно, территория Земли, глобальное цивилизационное пространство в каждый конкретный период времени представляет собой разноцветное «лоскутное одеяло», в котором прочно «сшиты» между собой цивилизации, находящиеся на различных стадиях развития. Цвет этого «одеяла» время от времени меняется: то одни, то другие цивилизации выходят вперед, становятся лидерами цивилизационного прогресса, а другие отходят во второй, третий эшелон.

Единство пространственно-временной динамики цивилизаций можно образно представить в виде **спирали цивилизационного прогресса** (рис. 1.4), витки которой расширяются в пространстве и изменяются во времени.

Рисунок 1.4.

Спираль динамики цивилизаций

Первый виток спирали охватывает жизненный цикл неолитической цивилизации. По продолжительности он самый большой — включает (в эпицентре) более четырех с половиной тысячелетий — почти половину всего исторического времени. В этот период формировался генотип цивилизации, постепенно вырисовывались контуры «пирамиды» цивилизаций, заселялись ее «этажи» и «квартиры».

Второй виток начался со второй половины IV тыс. до н. э., когда сложилось 1-е поколение локальных цивилизаций, возникли классы, государство, право, частная собственность, рынок. Все «этажи» и «квартиры» были уже заняты, создана система цивилизаций — мировых, локальных, глобальной (хотя охватывали они небольшую часть ойкумены — около 15–20%).

Третий виток включает время преобладания античной мировой цивилизации и 2-го поколения локальных цивилизаций, когда их ареал расширился до 35% ойкумены, возникли первые мировые империи. Это пик развития первого исторического суперцикла.

Переход к **четвертому витку** спирали — средневековой мировой цивилизации и третьему поколению локальных — оказался тяжелым и длительным, поскольку он совпал со сменой исторических суперциклов. Центр цивилизационного прогресса переместился на Восток (в Индию, Китай), начала формироваться западноевропейская цивилизация, которая почти непрерывно находилась в состоянии военного конфликта с вновь возникшей мусульманской и иными цивилизациями. Те, в свою очередь, также были весьма агрессивны (покорение монголами почти всей Евразии). Возобладал идеациональный социокультурный строй, укрепилось господство мировых религий в духовной и политической сферах.

Старт **пятого витка** цивилизационной спирали ознаменовался переходом человечества к раннеиндустриальной мировой цивилизации, мануфактурному, технологическому способу производства, началом развития промышленного капитала, классов капиталистов и наемных рабочих, первыми буржуазными революциями (нидерландской и английской) и формированием буржуазной демократии как политического строя — после периода абсолютизма в авангардных странах. Сформировалось 4-е поколение локальных цивилизаций. Хотя по количеству населения и объему ВВП в то время преобладали китайская и индийская цивилизации, фактически лидерство перешло к молодой и агрессивной западноевропейской, которая развивалась ускоренными темпами. В эпоху Великих географических открытий она захватила большую часть мира и уничтожила доколумбовы цивилизации Америки. Именно в Европе развернулась великая научная революция

XV–XVII вв., были освоены блестящие достижения Ренессанса, произошли важнейшие для духовной сферы перевороты Реформации и Просвещения. Западу были способны противостоять лишь евразийская (Российская империя) и мусульманская (Османская империя) цивилизации.

Вершина второго исторического суперцикла была достигнута на **шестом витке** цивилизационной спирали, в период индустриальной мировой цивилизации, расцвета, а затем и заката 4-го поколения локальных цивилизаций, торжества чувственного социокультурного строя. Промышленная революция преобразила технологическое и экономическое пространства, многократно ускорила темпы экономического роста, что стало одним из факторов стремительного роста населения. Война за независимость в Северной Америке и Великая французская революция открыли путь радикальным трансформациям социально-политического строя и утверждению буржуазной демократии. Все эти события сопровождались чередой войн и революций, происшедших в конце XVIII — начале XIX в. и в XX в. Закат индустриальной цивилизации ознаменовался становлением тоталитарных государств, глубоким кризисом культуры. В XIX в. возникла колониальная система империализма, в которую были вовлечены многие древние цивилизации. XX столетие отмечилось серией национально-освободительных революций, распадом системы империализма, а к концу века — и мировой системы социализма, уничтожением биполярного мироустройства. Планету захлестнул глубокий цивилизационный кризис, связанный с завершением второго исторического суперцикла.

На рубеже XXI в. начинается **седьмой виток** цивилизационной спирали, который, вероятно, охватит пространство двух столетий и приведет к радикальному преобразованию глобальной цивилизации в начале третьего исторического суперцикла. Формируются гуманистически-ноосферная постиндустриальная цивилизация и 5-е поколение локальных цивилизаций. Есть признаки, что преобладавший на Западе чувственный социокультурный строй заменяется гармоничным интегральным в его западной, восточной и российской модификациях.

В начале седьмого витка глобальная цивилизация столкнулась с тремя эпохальными вызовами. Первый из них — демографический: во все большем числе стран наблюдается депопуляция, старение населения. Второй — экологический: важнейшие энергетические и другие природные ресурсы почти исчерпаны, возникла угроза глобальной экологической катастрофы. Третий вызов бросает человечеству

глобализация, ее неолиберальная модель, когда пропасть между богатыми и бедными народами и цивилизациями становится уже непреодолимой. Разворачивающаяся в наши дни научно-технологическая революция и формирование интегрального социокультурного строя создают предпосылки для разрешения указанных противоречий, для достойного ответа на вопросы века. От того, в какой мере будут использованы эти предпосылки, от своевременности и сути ответа зависит, вступит ли глобальная цивилизация в XXIII столетии в очередной, **восьмой, виток** цивилизационной спирали или человечеству придет конец.

1.5.5. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества

Теория цивилизаций входит в состав ядра *постиндустриальной парадигмы обществоведения*, которая утвердится в итоге разворачивающейся в XXI в. великой научной революции, формирующейся сейчас новой картины вечно меняющегося мира. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества как главная составная часть *интегрализма* идет на смену либеральному и марксистскому формационным подходам, которые преобладали в период расцвета и заката индустриальной цивилизации (XIX—XX вв.) и при всем кажущемся антагонизме имели общие корни и черты как составные части индустриальной научной парадигмы.

В чем главные отличия этих подходов?

Во-первых, и либерализм, и марксизм исходят из *примата экономики* в структуре и динамике общества — собственности и рынка, Homo economicus (либерализм), производительных сил, производственных отношений как базиса (марксизм). Цивилизационный подход утверждает первенство духовной сферы — науки, культуры, образования, этики, религии, *приоритет системы цивилизационных ценностей*, которые определяют мотивацию человеческой деятельности во всех ее ипостасях. Именно на этом принципе строятся «пирамида» цивилизации, логика взаимодействия и динамики всех ее «этажей» и «квартир».

Во-вторых, и либерализм, и марксизм берет за основу *линейно-прогрессивную траекторию развития общества*, прямое восхождение его от ступени к ступени. Несмотря на то, что все научные школы либерализма и марксизма уделяют внимание изучению циклов и кризисов, делают они это лишь для того, чтобы доказать, что отступления от прямого развития являются исключениями. Теория цивилизаций, напротив, делает упор на признании *циклично-генетических законо-*

мерностей динамики общества ее фундаментальными основами, неизбежно присущими ему в прошлом, настоящем и будущем. Эти закономерности считаются не отклонениями от нормы, а самой нормой. Поэтому исследование циклов и кризисов во всех сферах общества и на всех стадиях его динамики является краеугольным камнем теории цивилизаций.

В-третьих, следствием приведенных выше двух отличий является разный подход формационных и цивилизационной теорий к *периодизации истории человечества*. Либерализм выделяет предысторию, до рыночную стадию развития; собственно историю, когда происходило становление и распространение капиталистической рыночной экономики и буржуазной демократии; конец истории, когда эти системы восторжествовали во всем мире. Дальше двигаться некуда и незачем. Марксистский исторический материализм основан на теории сменяющих друг друга общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, длившейся миллионы лет; рабовладельческой; феодальной; капиталистической; коммунистической, которая начинается с социализма и утвердится навсегда. Это тоже конец истории, только под иным, чем у либерализма, соусом.

Интегрализм основывается на том, что цивилизационный этап в развитии человечества (начало его истории) начался с неолитической революции; что ритм исторического процесса находит выражение в периодической смене исторических суперциклов, мировых цивилизаций, поколений локальных цивилизаций, социокультурного строя; что в основе этой циклической ритмики лежат закономерности социогенетики — наследственности, изменчивости и отбора.

Наконец, в-четвертых, три указанных течения социально-экономической мысли имеют принципиально отличные *представления о будущем общества*. И либерализм, и марксизм представляют будущее как полную реализацию и окончательное торжество исповедуемых ими идеалов — либо капиталистической рыночной экономики и буржуазной демократии, либо унифицированного, преодолевшего все социальные различия, однообразного коммунистического общества, в котором «богатства польются полным потоком», будет реализован принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» и каждая кухарка будет управлять обществом.

Напротив, сторонники интегрализма уверены, что циклы и кризисы, периодическая смена исторических суперциклов, мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций сохранятся столько, сколько будет существовать человеческое общество. Точно так же будут возникать и новые вызовы времени, и необходимость давать

на них адекватные ответы, сохранится цивилизационное разнообразие. Успокоиться человечеству не суждено и в будущем: риски модифицируются, но не исчезнут, и людям придется напрягать все силы, чтобы их минимизировать.

1.5.6. Место теории цивилизаций в системе наук

Остается ответить на последний вопрос: какое место занимает теория цивилизаций в системе наук, прежде всего общественных?

Теория цивилизаций (цивилиография) имеет в основном фундаментальный характер, относится к фундаментальным исследованиям. Но на них строятся прикладные исследования, причем в области не только общественных и гуманитарных, но и естественных, технических и экологических наук.

Главное поле действия и использования теории цивилизаций — **общественные науки**, поскольку она, как было отмечено выше, входит в состав ядра постиндустриальной парадигмы обществоведения, интегрализма как современного выражения этой парадигмы. Однако данная теория отнюдь не претендует на исключительное место в системе общественных наук, предполагая наличие других течений и направлений (синергетики и др.). Являясь ключевым элементом в таких науках, как история (прежде всего философия истории) и археология, теория цивилизаций используется также в системе экономических, политологических, культурологических и иных общественных наук.

Ведущие позиции занимает теория цивилизаций в фундаментальных и частично в прикладных исследованиях в области **гуманитарных наук** — лингвистике, искусствоведении, этнографии и др. То, как будут развиваться объекты этих наук, невозможно понять, не разобравшись в сущности смены цивилизаций, содержании и взаимосвязи их элементов (духовной сферы, демографического и социально-политического факторов).

Знание теории цивилизаций необходимо и для развития **экологических наук**, понимания роли природно-экологического фактора и становления ноосферы.

Технические науки также имеют смежное поле с теорией цивилизаций, особенно в вопросах изучения и использования технологического фактора в развитии общества, закономерностей, предпосылок и последствий смены технологических способов производства, технологических укладов и поколений техники.

Знание теории цивилизаций важно и для представителей **естественных наук**, изучающих циклично-генетические закономерности развития науки, изменения научных парадигм, особенности распространения новых знаний и становления общества, основанного на знаниях, в разных локальных цивилизациях.

Таким образом, базируясь прежде всего на общественных науках, теория цивилизаций по существу носит **междисциплинарный характер**, она проникает во все отрасли знаний, ее понимание необходимо для ученых и специалистов любых наук, хотя, конечно, в разных объемах и в различных аспектах.

Из сказанного следует, что теория и история цивилизаций должна занять одно из ведущих мест **в системе образования** — как общего и профессионального, так и непрерывного и дистанционного. Необходимо не только разрабатывать специализированные учебники по теории, истории и будущему цивилизаций (на разных языках и с различной структурой для разных стран и цивилизаций), но и включать соответствующие разделы в учебники по другим специальностям. Нужно создавать сайты и порталы в Интернете, где бы освещались эти проблемы. Все это позволит сделать цивилизационные знания более доступными для новых поколений.

Представляется, что этот комплекс работ должен занять видное место в программах Всемирного десятилетия образования в интересах развития, провозглашенного ЮНЕСКО. Это будет способствовать не только более глубокому освоению и распространению новой парадигмы обществоведения, но и развитию взаимопонимания, диалога и сотрудничества цивилизаций, воспитанию толерантности, профилактике международного терроризма, становлению гуманитарно-ноосферной постиндустриальной цивилизации.

Подводя итоги, отметим: современные цивилизационные школы как в России, так и во всем мире отличаются чрезвычайно широкой палитрой концепций и идей. Это свидетельствует о том, что становление науки о цивилизациях (цивилиографии) еще не завершилось, ее общепризнанная парадигма пока не сформулирована. Очевидно одно — проблемы сущности, динамики, разнообразия, взаимодействия цивилизаций занимают центральное место в социально-экономической мысли конца XX — начала XXI в.

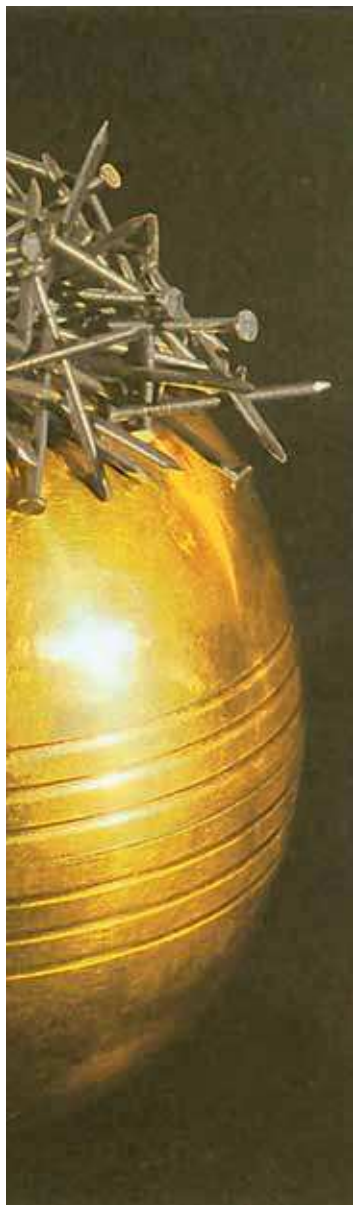
Глава 2

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦИКЛЫ И КРИЗИСЫ

Мир цивилизаций неоднороден и изменчив. Сменяют друг друга мировые цивилизации. То вспыхивают, то гаснут в историческом пространстве локальные цивилизации. Происходит смена этапов исторических суперциклов — в динамике глобальной цивилизации. Кажется, что вся эта пестрая картина полна неопределенности, что она есть хаос, набор случайных событий, зигзагов исторического прогресса. Задача исследователя — обнаружить среди всех хитросплетений внутренние закономерности циклической динамики цивилизаций, чтобы, опираясь на выявленные тенденции и закономерности, исследовать этапы развития и смены цивилизаций в прошлом и со сравнительно высокой степенью достоверности предвидеть их судьбу в будущем. В этом состоит сейчас ключевая проблема развития теории цивилизаций.

2.1. Закономерности цикличной динамики социальных систем

Начнем с краткого изложения закономерностей социоциклической динамики, выявленных в трудах **Н. Кондратьева, П. Сорокина, А. Богданова, Ф. Броделя, У. Митчелла, Й. Шумпетера**, представителей современной школы русского циклизма.

1. Цикличность является всеобщей формой развития общественных систем. Нет ни одной системы в обществе — от семьи до глобальной цивилизации, которая не была бы подвержена закономерностям циклической динамики, не проходила бы через фазы зарождения, освоения, распространения, зрелости, кризиса и перехода либо к новому витку спирали развития, либо в реликтовое состояние. Цикличность динамики измерима, но не имеет стройной математической определенности, подобно циклам движения небесных тел или смене дня и ночи. На траекторию движения социальной системы влияют различные виды циклов, случайные колебания. Поэтому закономерности циклической динамики социальных систем действуют как тенденции, грозят неожиданными отклонениями и поворотами и гораздо труднее поддаются предвидению, чем циклы и кризисы в развитии естественных (природных) систем. Тем не менее циклы и кризисы

в обществе познаваемы и предсказуемы, учет их в экономической и социальной политике государств, в деятельности предприятий и организаций повышает эффективность этих социальных объединений.

2. Кризисы являются обязательным элементом циклической динамики социальных систем. Они служат болезненной, но необходимой фазой их развития, выполняя полезные функции:

➔ разрушают устаревшие, но все еще преобладающие элементы системы, исчерпавшие свой потенциал и тормозящие развитие системы (*разрушительная функция*);

➔ создают условия для утверждения и распространения новой системы или новых элементов существующей системы — уже сформировавшихся, но подавляемых устаревшими, консервативными (*созидательная функция*);

➔ очищают от устаревших элементов и обогащают новыми генотип системы (либо надсистемы) и передают его следующему поколению (*наследственная функция*).

Кризис является импульсом, толчком для дальнейшего прогресса, хаосом, из которого, согласно **И. Р. Пригожину**, рождается новый порядок.

Кризисы бывают разной глубины и длительности — в зависимости от характера цикла, фазой которого они являются. Кризисы предсказуемы и поддаются регулирующему воздействию общества — не в смысле перехода к бескризисному развитию (как некоторые понимают устойчивость развития), а в смысле заблаговременного предвидения срока наступления кризисной фазы, правильной ее диагностики и прохождения ее в возможно короткие сроки и с наименьшими потерями за счет целенаправленного и своевременного инновационного обновления социальной системы. Иными словами, речь идет о своеобразной «социальной медицине», опирающейся на теорию кризисов и методологию антикризисного управления (хотя приставка «анти» здесь не особенно подходит, поскольку оставляет место для утопической надежды на полное избавление от кризисов).

Неоднократные попытки преодолеть кризисы, объявив их присущей лишь капитализму социальной болезнью, и заменить их планомерным государственным управлением экономикой и социальными процессами ни к чему хорошему не привели: проблема лишь загонялась внутрь, своевременно не решалась, что в конечном счете привело к краху сверхцентрализованной социалистической системы.

3. Кризисы в цикличной динамике цивилизаций и других социальных систем преодолеваются с помощью революций, реформ и инноваций. *Революции* в технике, экономике, социально-политической и социокультурной (наука, культура, образование, этика, религия) сферах являются наиболее острой, болезненной, разрушительной формой социальной трансформации. Социальные революции могут проходить как в жесткой (с кровопролитием и значительными разрушениями), так и в более мягкой форме («бархатные» революции). В период революций генотип системы либо претерпевает серьезные изменения, либо полностью разрушается. Тогда ее место занимает новая система с иным генотипом. *Реформы* означают планомерную, сравнительно мягкую и менее болезненную замену устаревших элементов системы. *Инновации* позволяют заменить устаревшие элементы системы новыми, более прогрессивными и эффективными, адаптироваться к изменившимся условиям. Однако революции и реформы не могут быть бесконечными, поскольку снижают устойчивость системы. Болезненный период революционных преобразований сменяется длительным периодом эволюционного развития, когда новые элементы системы получают шанс реализовать свой потенциал. Если же революции и реформы затягиваются на слишком долгий срок, они подрывают систему изнутри, снижают ее эффективность, а иной раз приводят ее к гибели. Необходима смена форм трансформаций на разных фазах циклов.

4. Циклы и кризисы разной продолжительности и в различных социальных системах взаимодействуют. Это взаимодействие осуществляется в трех основных формах: резонансной (усиливая амплитуду колебаний по фазам цикла, углубляя кризис), демпфирующей (уменьшая амплитуду колебаний, смягчая кризисные явления) и деформирующей (нарушающей структуру цикла, прерывающей его нормальный ход; таким образом на экономический цикл воздействует, например, война).

Налагаются друг на друга циклы разной длительности — среднесрочные, долгосрочные (кондратьевские), сверхдолгосрочные (цивилизационные). Закономерность взаимодействия экономических циклов разной продолжительности впервые доказал в своих работах **Н. Д. Кондратьев**. «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов» [86. — С. 379].

Вслед за ним эту же закономерность охарактеризовал **Йозеф Шумпетер** [268] (рис. 2.1). Взаимодействие циклов и кризисов разной продолжительности показано на рис. 2.2.

Циклы и их кризисные фазы взаимодействуют территориально (во взаимосвязанных странах и цивилизациях) и в разных областях (демографии и экологии, технологии и экономике, государственно-политической и социокультурной сферах).

5. Каждый цикл имеет свою структуру, свои лидирующие страны и отрасли. Например, долгосрочный технологический цикл характеризуется набором базовых (технологическим ядром) и прикладных направлений (трансформации техники материального производства, вооружений и сферы услуг). Через смену технологических укладов (долгосрочных циклов) реализуется сверхдолгосрочный цикл — технологический способ производства. В каждом технологическом укладе выделяется группа лидирующих, наиболее быстро развивающихся отраслей, где в первую очередь проявляются преимущества новой системы. При смене циклов эти отрасли могут отойти на задний план либо, трансформировавшись, остаться в группе лидеров.

Каждый цикл имеет своих лидеров — страну или группу стран, в которых первоначально осуществляется переворот, распространяясь затем на страны второго эшелона; отдельные

Рисунок 2.1. Взаимодействие экономических циклов по Й. Шумпетеру

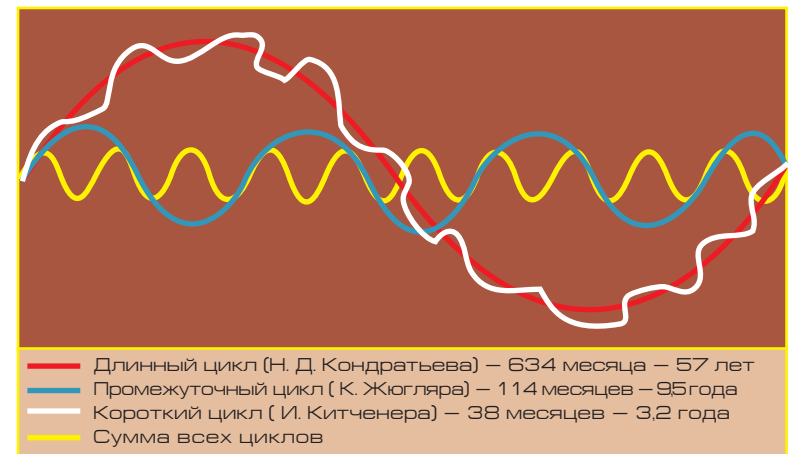
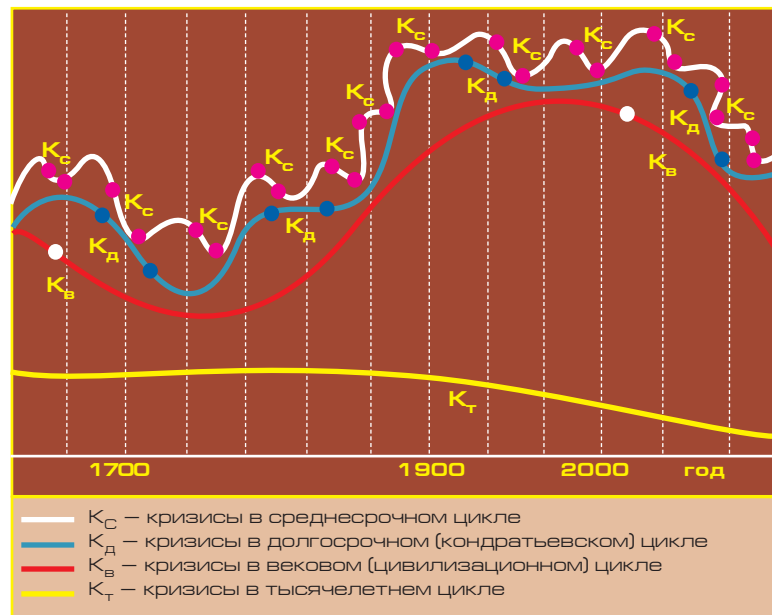

Рисунок 2.2.
Взаимодействие циклов разной длительности

страны и цивилизации могут отставать, оставаться на обочине прогресса. Да и в стране-эпицентре выделяются лидирующие регионы.

6. Циклы и кризисы индивидуальны и неповторимы и в то же время закономерны и предсказуемы. Не существует однородности, строгой, математически четко выраженной периодичности и длительности циклов и кризисов в обществе. В движении его нет шаблонов, стандартных величин. Каждый цикл своеобразен во всем богатстве обусловивших его факторов, длительности фаз, глубине и последствиях кризисных потрясений. В то же время за этой пестротой просматриваются общие черты и тенденции. Это позволяет классифицировать циклы и кризисы, выявлять закономерности их движения и главное — предвидеть, с большей или меньшей степенью надежности, циклические колебания и кризисные потрясения на ближайшее и отдаленное будущее, диагностировать характер, структуру, продолжительность и возможные последствия каждого конкретного кризиса, каждой фазы циклов. В результате общество получает возмож-

ность принять необходимые меры, с тем чтобы не допустить «перегрева» системы в конце фазы подъема и пройти мучительную, но неизбежную кризисную фазу с меньшими потерями.

Здесь можно провести аналогию с физиологией человека и медициной. Физиология изучает ритмику нормальной жизнедеятельности человека, структуру и взаимодействие его органов, колебания в ритме суточных, годовых циклов и фаз жизненного цикла. Медицина исследует отклонения от нормального функционирования человека как системы, разрабатывает способы диагностики и лечения болезней. Она не в силах вообще ликвидировать эти отклонения от нормы, ибо несть им числа, но помогает вовремя обнаружить и диагностировать их, предложить способы лечения и профилактики болезней. Таковы же задачи «кризисологии» — своего рода социальной медицины, которая пока еще не получила должного развития. Обществоведы больше занимаются социальной физиологией — исследованием состояния равновесия, чем изучением всевозможных кризисных ситуаций и путей выхода из них — социальной медициной.

Не надо ставить перед собой утопическую задачу преодолеть циклические колебания и кризисы как болезни, присущие лишь определенному этапу развития общества — капитализму. Подобные цели не раз ставились и в марксистской, и в либеральной литературе, и каждый раз попытки их достичь кончались провалом. В равной мере утопиями являются широко используемые термины антициклической и антикризисной политики на государственном или корпоративном уровне, устойчивого развития, понимаемого как равномерно-прямолинейное. Циклы и кризисы невозможно изжить (как невозможно преодолеть суточный или годовой ритм в движении Земли), хотя в обществе, конечно, траектория циклической динамики более причудлива и труднопредсказуема, чем в природе.

Прогнозирование циклов и кризисов — одна из наиболее сложных и пока слабо развитых ветвей общественной науки и практики. Тем не менее решение этой задачи вполне под силу науке, вооруженной знанием закономерностей циклической динамики, и практике, основанной на такой науке.

7. Общей закономерностью циклической динамики социальных систем является сокращение продолжительности циклов и кризисов, учащение пульса исторического прогресса. Если на первых этапах истории общества продолжительность жизненных циклов мировых цивилизаций (неолитической, раннеклассовой) измеря-

лась тысячелетиями, то в современную эпоху — столетиями. Наблюдается подобная тенденция и в динамике локальных цивилизаций. Да и продолжительность кризисных периодов также постепенно сокращается. Другое дело, что сжатие исторического времени — процесс нелинейный, он имеет и противоположные элементы. Например, с увеличением средней продолжительности жизни человека цикл смены, обновления символических поколений удлиняется: сейчас он составляет 30—35 лет, а на первых этапах истории не превышал 20—25 лет. Разумеется, процесс сжатия исторического времени имеет свои пределы — вряд ли стоит думать, что сроки смены мировых цивилизаций к концу третьего тысячелетия сократятся до нескольких десятилетий. Каждый цикл в динамике общества должен реализовать свой потенциал, прежде чем наступит время следующего цикла. Попытки искусственно ускорить или замедлить эти процессы ни к чему хорошему не приводят. Торможение ведет к застою, загниванию, а порой и гибели общественной системы. Напротив, принудительное ускорение процесса смены циклов приводит к «выкидышу», длительному кризису. Так случилось с попытками осуществить принципы коммунизма в России и Китае.

Приведенный выше перечень закономерностей циклической динамики цивилизаций и других общественных систем — далеко не исчерпывающий. Наши знания о циклах и кризисах еще неполны, они будут расширяться по мере развития этого важнейшего элемента постиндустриальной научной парадигмы.

2.2. Циклы и кризисы в динамике локальных цивилизаций

Каждая локальная цивилизация имеет свою судьбу, свою неповторимую траекторию циклической динамики, периодически прерываемой разными по длительности и глубине кризисными фазами. В этой пестрой, причудливой картине, в бурлящем котле исторических судеб цивилизаций можно выделить несколько разновидностей циклов и кризисов.

1. Жизненный цикл локальной цивилизации включает период от зарождения до завершения жизненного пути. Этот цикл включает несколько фаз: зарождения; становления; распространения; подъема, расцвета; зрелости с нарастанием элементов старения;

кризиса; пребывания в реликтовом состоянии, схода с исторической арены — либо перехода в новую спираль исторической динамики.

Сама продолжительность жизненного цикла различных локальных цивилизаций неодинакова. Из ныне живущих цивилизаций 4-го поколения **первый эшелон** составляют индийская и китайская. Это наиболее древние культуры — им от 4 до 5 тыс. лет. За столь долгий срок они прошли ряд исторических эпох, периоды взлетов и падений; сейчас, после длительного периода застоя, они вновь находятся в фазе возрождения. Они входили в состав всех поколений локальных цивилизаций, каждый раз трансформируясь, модифицируясь после трудного и длительного переходного периода.

Второй эшелон — цивилизации с более короткой историей, сформировавшиеся в составе 3-го поколения и впитавшие в себя реликты цивилизаций предыдущих поколений. К ним нужно отнести прежде всего западноевропейскую цивилизацию, являющуюся наследницей греко-римской античной цивилизации 2-го поколения; восточноевропейскую цивилизацию, во многом связанную с западноевропейской (в перспективе, судя по наметившимся тенденциям, они могут слиться). Это также восточнославянская (евразийская) цивилизация, существующая уже около 13 столетий и переживающая сейчас период полураспада, но сохранившая свое ядро — российскую цивилизацию. Во второй эшелон входят и мусульманская цивилизация, которая впитала в себя, модифицировав наследство, реликты древнеегипетской и персидской культур и находится сейчас в стадии пассионарного подъема, а также африканская цивилизация, проходящая ныне фазу становления.

Третьим эшелоном по возрастному составу идут самые молодые, дочерние от западноевропейской цивилизации 4-го поколения: североамериканская, латиноамериканская, океаническая. Они возникли на базе уничтоженных древних культур Центральной и Южной Америки и во многом носят смешанный характер, вобрав в себя элементы разных цивилизаций. Эти три цивилизации, особенно североамериканская, находятся в фазе подъема. Последняя уже в XX в. заняла лидирующие позиции в мире, а в нынешнем столетии претендует на абсолютное лидерство при однополярном мироустройстве. Океаническая цивилизация лишь начинает свой жизненный цикл.

Многие локальные цивилизации, уже сошедшие с исторической арены, имели различные по длительности жизненные циклы.

Весьма долгим — более 3 тыс. лет — был путь древнеегипетской цивилизации, которая пережила за это время несколько периодов подъема и кризиса. Цивилизации Двуречья, эламская, персидская цивилизация, доколумбовы цивилизации Нового Света (инков, майя, ацтеков) также существовали достаточно долго. Яркой вспышкой оказалась судьба монгольской цивилизации, в течение нескольких столетий охватившей большую часть Евразии и затем продолженной в истории Казанского, Астраханского и Крымского ханств.

Циклы и кризисы в динамике российской цивилизации исследовали **Б. Н. Кузык**, **А. И. Агеев** и другие ученые. Они выявили сверхдлинные 400-летние и долгосрочные 80-летние циклы; переход от одного цикла к другому сопровождается кризисами разной глубины [100; 101].

Жизненный цикл каждой локальной цивилизации (как ныне живущей, так и ушедшей в историческое прошлое, как древней, так и молодой) неповторим. Но он обязательно состоит из периодов зарождения (формирования), подъема и кризиса. Иной раз цивилизация не проходит полного жизненного цикла, уничтожается или поглощается более сильным соперником на первых фазах своего цикла, в таком случае можно говорить о *протоцивилизации*.

2. Пространство существования локальных цивилизаций динамично изменяется. В периоды подъема они находятся в состоянии территориальной экспансии, расширяют свои границы, захватывают сопредельные земли, а то и подчиняют смежные цивилизации, формируя мировые империи. В фазах же кризиса и распада цивилизации сжимаются, подобно шагреновой коже, теряют часть территории. Мировые империи распадаются, а сама цивилизация зачастую входит в состав или попадает в орбиту влияния более сильного и агрессивного соседа (как это было с Древней Грецией, Византией, доколумбовыми цивилизациями Америки, а после распада СССР — с евразийской цивилизацией).

Следует также учитывать, что локальные цивилизации часто не имеют четких территориальных границ, не охватывают всю населенную часть планеты. Существуют территории, находящиеся на доцивилизационной стадии развития, а также смежные земли, служащие своего рода пространством взаимодействия и одновременно противоборства цивилизаций. В качестве примера приведем Вьетнам. В начале новой эры он находился под влиянием индийской цивилизации, затем в течение тысячелетия подчинялся

китайской. После нескольких веков самостоятельного развития он стал колонией западноевропейской цивилизации. После Второй мировой войны (когда на его территории происходило столкновение западной и евразийской цивилизаций) он превратился в арену противоборства США и СССР и лишь затем обрел независимость. Но и сейчас вряд ли можно говорить о самостоятельной вьетнамской цивилизации, здесь наблюдаются наслоения самых разных культур.

3. Циклы и кризисы поколений локальных цивилизаций — феномен более четко ограниченный во времени, но менее различимый по составу и последовательности фаз, поскольку каждое поколение состоит из множества локальных цивилизаций, живущих в определенное историческое время и выражающих особенности мировой цивилизации в ту или иную эпоху. Как и поколения людей, поколения цивилизаций — понятие скорее символическое, но в то же время и реальное, имеющее определенную структуру, смену фаз развития.

1-е поколение локальных цивилизаций зародилось более пяти тысячелетий назад и существовало на протяжении более чем двух тысячелетий. Его состав был довольно пестрым. Назовем лишь самые крупные из древних цивилизаций — культуры Египта, Индии, Китая, Двуречья, Элама, ближе к концу периода — крито-микенскую цивилизацию. Фазы подъема, зрелости 1-го поколения относятся ко II тыс. до н. э. В начале I тыс. до н. э. большинство входивших в него цивилизаций уже находилось в стадии кризиса.

В первой половине I тыс. до н. э. начался процесс формирования **2-го поколения** локальных цивилизаций, адекватного периоду античности. Жизненный цикл этого поколения растянулся примерно до середины I тыс. н. э. Период его подъема пришелся на конец I тыс. до н. э., некоторые из цивилизаций 2-го поколения пережили несколько периодов подъема и упадка. Так, в истории греко-римской цивилизации выделяются этапы лидерства греческих городов-полисов, расцвета Александрии, долгий период Римской республики, а затем империи. Однако уже с III–IV вв. н. э. цивилизации 2-го поколения в большинстве своем попали в полосу кризиса, растянувшегося на столетия.

С середины I тыс. н. э. на мировую арену вышло **3-е поколение** локальных цивилизаций — византийская, западноевропейская, мусульманская, российская (затем евразийская). Наибольшего могущества достигли китайская и индийская цивилизации:

в 1000 г. они составляли соответственно 22 и 28% от общей численности населения мира и 23 и 29% от мирового ВВП, а в 1500 г. — 24 и 25% населения и 25 и 24% мирового ВВП [262. — С. 258, 261].

С XV в. зародилось *4-е поколение* локальных цивилизаций; его жизненный цикл охватил периоды раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций и подошел к завершению к концу XX в.

Сначала лидерство перешло к западноевропейской цивилизации: если в 1500 г. она занимала 13,1% от численности населения и 17,8% от мирового ВВП, то к 1820 г. — 12,8 и 23%, а к 1870 г. — 14,7% и 33% соответственно. Затем лидерство перехватила североамериканская цивилизация: в 1700 г. доля США составляла 0,2% населения мира и 0,1% ВВП, а в 1913 г. — 5,4% и 19%. Для китайской, индийской, африканской цивилизаций это было время кризиса и застоя, резкого сокращения доли в мировом ВВП [там же].

Однако уже в XX в. 4-е поколение локальных цивилизаций вошло в фазу кризиса, что нашло выражение в двух мировых войнах. Их основой стал конфликт ведущих держав западноевропейской цивилизации, в который были втянуты также евразийская, японская, индийская цивилизации.

Период холодной войны охарактеризовался противостоянием двух цивилизаций — западной (возглавляемой США) и евразийской (под руководством СССР). В это же время начался процесс возрождения китайской, индийской, африканской цивилизаций, что стало возможно после крушения колониальной системы, созданной западноевропейскими державами. Западная и евразийская цивилизации балансировали на грани ядерной войны и боролись за влияние в третьем мире, в странах которого проживала большая часть населения планеты.

Геополитическая и геочивилизационная картина мира круто изменилась с конца XX столетия. Окончание холодной войны, крах образа смертельного врага привели к кризису 4-го поколения цивилизаций, усилению центробежных тенденций. Первой жертвой этого кризиса стала евразийская цивилизация, ее центральное звено — СССР, являвшийся ядром одного из полюсов биполярного мира и имевший обширную зону влияния в рамках СЭВ, а также в ряде развивающихся стран социалистической ориентации. Второй жертвой, хотя это менее заметно, становится в наши дни западная цивилизация. Она утрачивает былое единство, распадается на несколько цивилизаций, все более ориентирующихся

лишь на собственные интересы, — западноевропейскую, североамериканскую, латиноамериканскую, океаническую. Повышается активность и самостоятельность китайской, индийской, японской, мусульманской цивилизаций; последняя переживает период пассионарного подъема в противостоянии с Западом. *На наших глазах формируется 5-е поколение локальных цивилизаций.* Становление его займет, по крайней мере, первую половину XXI в., после чего наступит фаза зрелости.

4. Система локальных цивилизаций в начале XXI столетия переживает кризисную фазу в своей пятитысячелетней динамике. Ей брошены два вызова, которые приобретают все более явные черты. Это прежде всего *вызов глобализации*. При преобладающей ныне неолиберальной ее модели и стремлении к однополярному миру, в котором доминирует единственная оставшаяся сверхдержава, реальной становится угроза уничтожения цивилизационного разнообразия. Эту угрозу четко выразил российский философ **А. А. Зиновьев**, заявивший, что время цивилизаций прошло, что они растворяются в глобальном сверхобществе; уступают место социальной организации иного рода и более высокого уровня, включаются в «новую социальную организацию глобального масштаба» [172. — С. 24].

Размывание особенностей отдельных цивилизаций действительно происходит. Этому способствуют не только единство глобального рынка, но и попытка навязать молодым поколениям всех цивилизаций глобальное информационное пространство (Интернет, телекоммуникационные системы), построенное на основе западной системы ценностей и шаблонного английского языка.

Но осознавшие опасность и ориентированные на самоидентификацию и собственные интересы цивилизации 4-го поколения противостоят этой угрозе. Наряду с глобализацией развивается *процесс локализации*, усиления разнообразия цивилизаций и культур. Это нашло выражение и в международных документах 2001 г. — резолюции ООН «Глобальная повестка для диалога цивилизаций» и декларации ЮНЕСКО о сохранении культурного разнообразия.

Борьба этих двух тенденций займет, видимо, несколько десятилетий. Но нет сомнений в ее исходе: возьмет верх стремление к сохранению цивилизационного и культурного разнообразия. Восторжествует принцип — «разнообразие в единстве, единство в разнообразии». Человечество никогда не станет шаблонизированной,

безликой массой. Пойдет процесс, который некоторые называют **глокализацией** — противоречивым, динамическим разнообразием. Ибо утрата последнего грозит обществу застою, вырождением и гибелью, потерей источника и стимула продвижения от стадии к стадии, от цикла к циклу через фазы подъемов и кризисов, периоды радикального инновационного обновления.

Другой вызов XXI в. — **угроза столкновения цивилизаций**, которую отчетливо выразил **С. Хантингтон**, вызвав своей теорией взрыв возмущения во всем мире. Однако угроза эта вполне реальна, она имеет объективные корни. Дело не только в том, что каждая цивилизация все сильнее осознает собственные, особые интересы, а в том, что в периоды кризисов эти интересы все больше расходятся.

Стратификация, определенный уровень дифференциации внутри единой системы (колеблющийся по фазам цикла, углубляющийся в период кризиса и уменьшающийся в фазе зрелости), неизбежна и прогрессивна, поскольку она определяет динамику общества, является движущей силой, импульсом для его перехода от фазы к фазе, от цикла к циклу. Однако когда стратификация становится чрезмерной, вырождается в **поляризацию**, система теряет устойчивость и энергию движения и может погибнуть. В этом состоянии система, по выражению **А. А. Богданова**, становится дезорганизованной, когда целое меньше суммы его частей. Растущая часть энергии системы уходит на противоборство ее элементов, что может оказаться пагубным для нее. Поиск ответа на этот вызов, вероятно, займет всю первую половину XXI столетия.

2.3. Цикличность динамики мировых цивилизаций

Мировые цивилизации, согласно нашему пониманию данной категории, — это крупные этапы развития истории общества, начало которой нами датируется, как и **Н. Н. Моисеевым**, неолитической революцией: «Неолитическая революция послужила началом всех ныне существующих цивилизаций... После неолитической революции... началась современная история — история "производящей" цивилизации, вернее — цивилизаций!» [136. — С. 32, 37].

Каждая мировая цивилизация проходит через определенные фазы своего жизненного цикла:

- ➔ зарождения в авангардных странах в недрах предыдущего цикла, предшествующей мировой культуры;
- ➔ становления в рамках переходного периода, в противоборстве с отживающими элементами уходящей в историю цивилизации;
- ➔ распространения по странам и континентам, развертывания заложенного в ней потенциала;
- ➔ зрелости, преобладания в большей части мира;
- ➔ трансформации локальных цивилизаций, находящихся на предыдущих этапах исторического прогресса;
- ➔ истощения в основном энергии движения, состояния застоя, переходящего в кризисную фазу;
- ➔ постепенного схода с исторической сцены, сужения ареала распространения;
- ➔ пребывания в реликтовом, подчиненном состоянии в странах и локальных цивилизациях, отстающих по тем или иным причинам от авангардных цивилизаций и стран.

Следовательно, структура мировой цивилизации в каждый исторический момент имеет трехслойную, если не более сложную структуру: цивилизации и страны, представляющие преобладающую, будущую, уходящую, а порой и реликтовые мировые цивилизации.

При этом отсчет исторического времени идет по авангардным странам преобладающих цивилизаций.

Мы выделяем следующие мировые цивилизации, сменяющие друг друга:

- ➔ **неолитическую** (VIII— IV тыс. до н. э.), не полностью сформировавшуюся по своей структуре; в конце периода локальные цивилизации только начали складываться;
- ➔ **раннеклассовую** (конец IV — начало I тыс. до н. э.), когда структура цивилизации полностью оформилась и произошло наибольшее количество эпохальных инноваций, определивших лицо общества;
- ➔ **античную** (начало I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.), достигшую наибольших высот в духовной («осевое время») и в государственно-правовой сферах (Римская империя, римское право);
- ➔ **средневековую** (VI—XV вв.), когда зародилось 3-е поколение локальных цивилизаций, а лидерство перешло к западное-

вропейской и восточным (китайской, индийской, мусульманской) цивилизациям. Господствующую роль в жизни общества играли религии, главенствовал идеациональный социокультурный строй;

➔ **раннеиндустриальную** (XVI–XVIII вв.) — период доминирования западноевропейской, китайской, индийской и евразийской цивилизаций, становления и распространения 4-го поколения локальных цивилизаций, капитализма, чувственного социокультурного строя, первых буржуазных революций;

➔ **индустриальную** (конец XVIII — конец XXI в.), начавшуюся с промышленного переворота, Французской буржуазной революции и установления независимости США. В это время господствовала западная цивилизация, которой противостояла российская; сформировалась, а затем распалась система колониализма; был проведен социалистический эксперимент, охвативший значительную часть мира;

➔ **постиндустриальную** (начало XXI — предположительно конец XXII в.), отличительными признаками которой, вероятно, будут гуманистически-ноосферный характер, глобализация экономических, социально-политических и информационных процессов, тенденция к депопуляции, становление новой научной парадигмы и интегрального социокультурного строя.

Жизненный цикл каждой мировой цивилизации имеет свой пик, когда наиболее полно раскрываются ее характерные черты и реализуется заложенный в ее генотипе потенциал. Заканчивается же все длительным переходным периодом, выражающим общецивилизационный кризис, исчерпание потенциала преобладающей мировой цивилизации и постепенное ее свертывание под агрессивным нажимом ее преемницы, которая применительно к новому этапу исторического прогресса воспринимает и модифицирует накопленное предыдущими культурами наследство (генотип мировой цивилизации).

Следовательно, **цивилизационные кризисы бывают двух типов**. К первому относится кризисная фаза в развитии каждой локальной цивилизации, причем в различных цивилизациях они могут не совпадать во времени и по глубине. Ко второму — кризис преобладающей мировой цивилизации в последней фазе ее жизненного цикла, в конце перехода к следующему этапу исторического развития общества. Назовем первый тип **локальным цивилизационным кризисом**, а второй — **мировым цивилизационным кризисом**.

Последний включает ряд взаимосвязанных локальных кризисов, прежде всего в авангардных для данного этапа истории цивилизациях.

Каждый из мировых и локальных цивилизационных кризисов имеет свою сложную структуру. Она состоит из ряда взаимосвязанных элементов — демографического, экологического, технологического, экономического, государственно-политического и социокультурного, причем тот или иной элемент может играть лидирующую роль в кризисе, увлекая за собой остальные. Например, демографический элемент имел решающее значение в кризисе средневековой цивилизации, когда в результате эпидемии чумы («черной смерти») численность населения Европы сократилась за столетие (с 1300 по 1400 г.) с 73 до 43 млн человек. Нечто подобное было и одной из причин распада монгольской цивилизации. Весомыми основаниями для кризиса индустриальной цивилизации стали демографический взрыв и экологические противоречия второй половины XX в. Наконец, острейший экологический кризис конца мезолита оказался важнейшим фактором неолитической революции, возникновения первой мировой цивилизации. Технологический фактор явился содержанием промышленной революции, замены раннеиндустриальной мировой цивилизации на индустриальную. Кризис экономического, социально-политического и социокультурного строя отчетливо проявляется в переходные периоды при смене мировых цивилизаций. Можно предвидеть, что циклы и кризисы сохранятся и в дальнейшем, при смене следующих друг за другом в учащенном ритме мировых цивилизаций, если обезумевшее человечество не переречеркнет ход истории в итоге термоядерной войны, столкновением цивилизаций, глобальной экологической или технологической катастрофой.

2.4. Исторические суперциклы в развитии глобальной цивилизации

Высшей формой исследуемых нами циклических процессов в динамике общества являются **циклические колебания в развитии глобальной цивилизации** как единой системы, подверженной общим закономерностям эволюции систем.

В *жизненном цикле человечества* как вида Homo sapiens, насчитывающем 40 тыс. лет, можно выделить несколько фаз:

➔ *зарождения* (примерно 30 тысячелетий), когда человек еще не оторвался от пуповины породившей его природы, жил за счет охоты, рыболовства, собирательства, подобно другим представителям живой природы; это предыстория человеческого общества;

➔ *становления производящего общества*, когда сформировалась полная структура общества — «пирамида» цивилизации. Речь идет о первом историческом суперцикле, который охватывает триаду древних цивилизаций (неолитической, раннеклассовой, античной). Завершается этот период «осевым временем», в течение которого сформировалась структура цивилизации;

➔ *диффузии, распространения вширь и вглубь* в период второго исторического суперцикла (триады средневековой, раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций), охватившего практически всю ойкумену и трансформировавшего все стороны жизни общества.

Если следовать этой логике, то можно ожидать, что **с XXI века человечество (общество) вступит в фазу зрелости своего жизненного цикла, в третий исторический суперцикл, который распространится на три следующие друг за другом мировые цивилизации** и продлится 500–600 лет (с учетом сжатия исторического времени). Конечно, это только предположение, гипотеза с высокой степенью неопределенности, поскольку может возникнуть немало непредсказуемых факторов, которые повлияют на траекторию исторической динамики и судьбу человечества.

Смена исторических суперциклов сопровождается цивилизационными кризисами необычайной длительности и глубины. Когда генотип общества радикально трансформируется, меняется и его судьба. Назовем такие цивилизационные кризисы *суперисторическими*. Каждый из них реализуется в глубочайших кризисах локальных и мировых цивилизаций, сопровождающихся полной перестройкой глобальной цивилизации.

Возникновению первого исторического суперцикла предшествовал глубочайший и длительный кризис конца мезолита — начала неолита, о чем речь шла выше. Смена первого исторического суперцикла вторым заняла значительную часть I тыс. н. э. (3–4 столетия) и сопровождалась уменьшением численности населения мира, сменой лидерства среди локальных цивилизаций, глубокой трансформацией всей структуры общества. Не меньшие

перемены сулит человечеству развертывающийся с конца XX в. глобальный кризис, связанный с переходом с третьего историческому суперциклу и интегральному социокультурному строю. Этот кризис, период трансформации займет, вероятно, большую часть пространства XXI в. и будет сопровождаться переменами, многие из которых человечество пока не в силах предугадать. Одно можно сказать с уверенностью: общество XXII–XXIII вв. будет гораздо больше отличаться от индустриального общества XIX–XX вв., чем последнее от раннеиндустриального общества XV–XVIII вв.

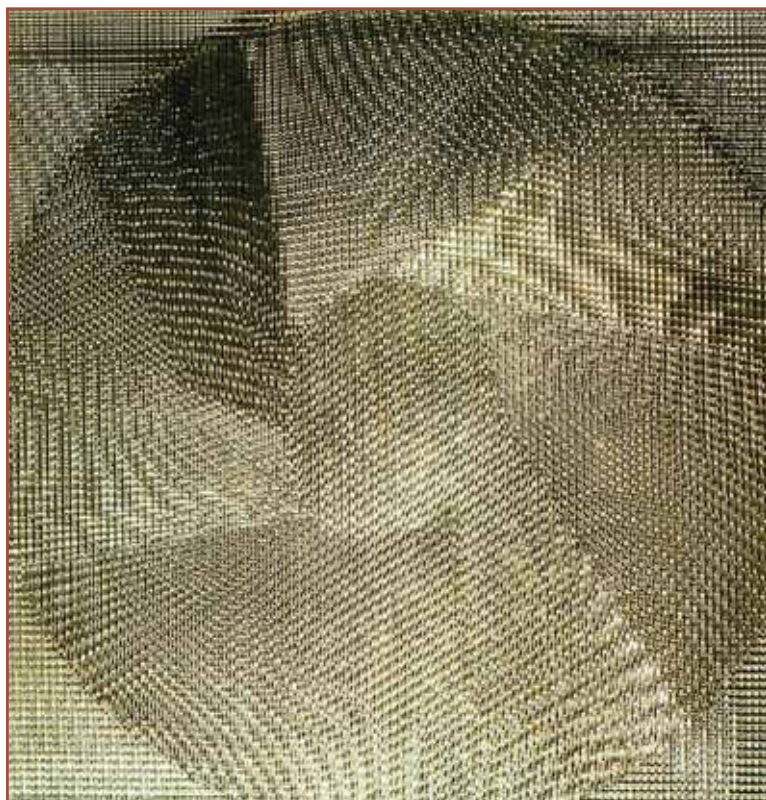
Чем и когда завершится жизненный цикл человечества как единой мегасистемы? Согласно приведенной выше логике, четвертый исторический суперцикл во второй половине III тыс. (если позволительно столь смело заглянуть в весьма отдаленное будущее) станет фазой заката, кризиса рода человеческого как глобальной социальной системы. Закончится эта фаза вырождением и гибелью человечества или станет исходной базой, импульсом для нового витка его истории — на этот вопрос пока невозможно дать определенный ответ. Оставим его следующим поколениям. Наши возможности и наш долг — указать им на возможные исторические альтернативы. А уж выбор они сделают сами.

Помимо суперисторических существуют также *мировые и локальные цивилизационные кризисы*.

Особенность современной эпохи — с конца XX в. — состоит в том, что на нее приходится, взаимодействуя друг с другом, все три вида цивилизационных кризисов, обусловленных переходом к третьему историческому суперциклу, к постиндустриальной мировой цивилизации и к пятому поколению локальных цивилизаций. Это вызывает резонансный эффект, особую длительность, глубину и болезненность происходящих в обществе трансформаций, требует от ученых осмысления сущности, предвидения предстоящих перемен и их последствий, осознанного, целенаправленного выбора. Необходимо объединить усилия всех цивилизаций и социальных сил, чтобы пройти критический отрезок исторического пути с меньшим риском, минимальными потерями и страданиями.

Глава 3

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СОЦИОГЕНЕТИКА

Мировая и отечественная социально-экономическая мысль накопила значительный объем знаний об истории, развитии и перспективах мировых и локальных цивилизаций. Однако теория цивилизаций не может считаться завершенной, пока не вскрыты глубинные закономерности циклично-генетической динамики этих сложнейших социальных систем, обуславливающие их возникновение, развитие, вступление в полосу кризиса, завершающегося либо их переходом в качественно новое состояние (новый виток исторической спирали), либо исчезновением с исторической арены. Иными словами, нужно понять *механизм саморазвития цивилизаций*, реализации генетической триады — наследственности, изменчивости и отбора — в их циклической динамике.

Краеугольные камни в формирование социогенетики заложили Питирим Сорокин и Николай Кондратьев еще в 20–30-е годы XX в. Однако долгое время эта вершина теории познания общества оставалась непокоренной. Лишь в 90-е годы эта отрасль общественных наук начала активно разрабатываться. Пришло время дополнить ее еще одной гранью — исследованием генетических закономерностей динамики цивилизаций.

3.1. Социогенетика – вершина познания закономерностей динамики общества

Н. Д. Кондратьев в 1930 г., находясь в Бутырской тюрьме, продолжал развивать свои идеи. В одной из рукописей он отмечал, что существует три уровня развития номографической (абстрактной) науки – статика, динамика и генетика: «Современная методология экономической науки выделяет и стремится констатировать лишь понятия экономической статики и динамики, не зная экономической генетики» [90. – С. 275].

В письме от 7 ноября 1934 г., отправленном из Суздальского политизолятора, Кондратьев наметил грандиозный план подготовки рукописей пяти монографий: теория тренда; большие циклы конъюнктуры; малые циклы и кризисы; основные проблемы экономической статики и динамики; «завершу все пятой книгой по синтетической теории социально-экономической генетики» [90. – С. 520].

Ему удалось закончить только первую работу – «Теория тренда», рукопись которой после его расстрела была уничтожена, а также

создать макромодель экономической динамики, которую он сам считал научным открытием. Если бы замысел Кондратьева был реализован, российская и мировая наука обогатилась бы ценнейшими идеями в области экономической динамики и генетики, что во многом изменило бы ход дальнейших исследований, приблизило время формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. Сталинские репрессии нанесли урон не только российской, но и мировой социально-экономической мысли.

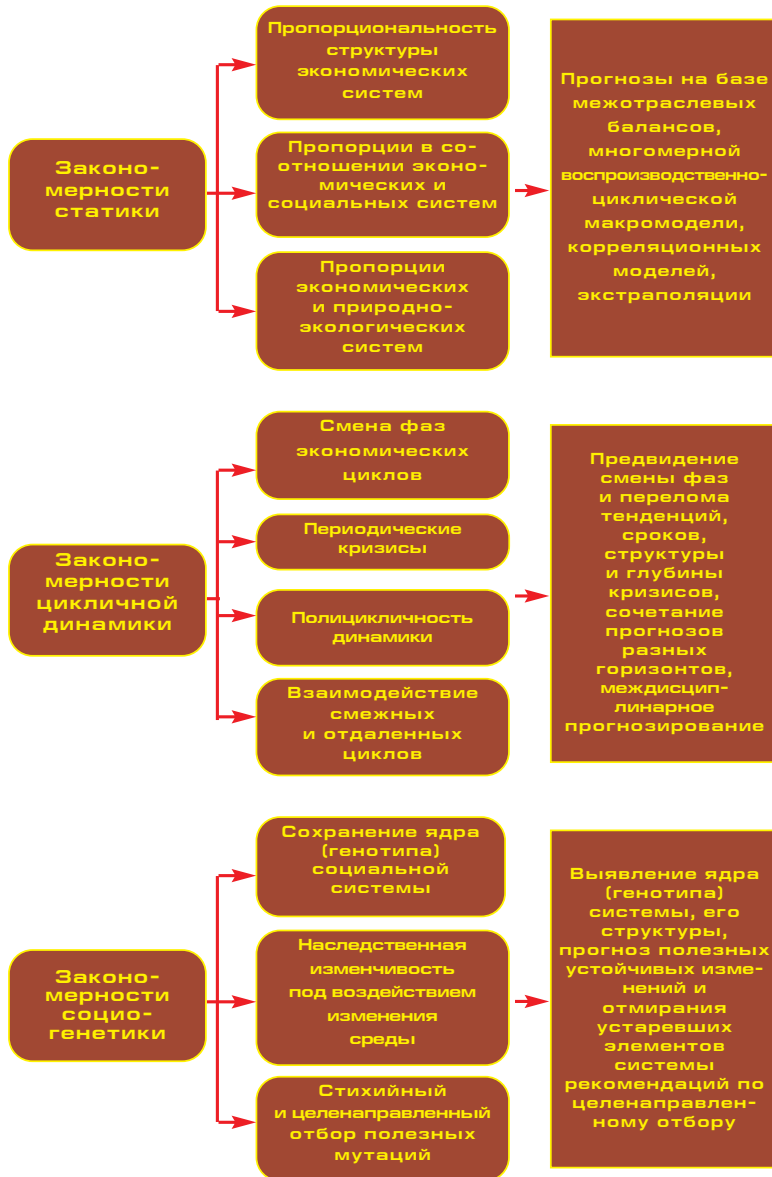
Наука, согласно мысли Кондратьева, состоит из трех частей, трех последовательных ступеней познания: статики, динамики и генетики (рис. 3.1). **Статика** изучает структуру (пропорции) функционирования и взаимосвязей системы в состоянии покоя или относительно спокойного, эволюционного развития. **Динамика** исследует циклы и кризисы в развитии систем, причины нарушения и восстановления равновесия в них, взаимовлияние циклов и кризисов разной продолжительности, возникающих в смежных и отдаленных друг от друга сферах. Цель **генетики** – раскрыть закономерности наследственности, изменчивости и отбора в динамике систем, исследовать их генотип (наследственное ядро), механизм и последствия его обновления и обогащения, пределы его изменений в кризисных ситуациях.

Генетика – вершина, высшая степень научного познания. Эта ступень была достигнута в естественных, прежде всего биологических, науках лишь в XX в., хотя законы наследственности были открыты чешским монахом Менделем еще в конце XIX в.

К сожалению, в СССР развитие социогенетики прервалось более чем на полвека – сама суть ее противоречила господствовавшему в нашей науке вульгарному марксизму. Лишь в 90-е годы интерес к этой проблеме вспыхнул с новой силой. Первопроходцем выступил **А. И. Субетто**, опубликовавший несколько работ по системогенетике [187] и удостоенный за них медали Н. Д. Кондратьева. В 1993 г. состоялась V Междисциплинарная дискуссия «Социогенетика: закономерности, содержание, перспективы», был опубликован научный доклад по этой проблеме, намечена обширная программа исследований; однако она не была реализована, исследования велись лишь по отдельным направлениям. Тогда же была сделана попытка применить закономерности социогенетики к изучению динамики цивилизаций, что нашло отражение в монографии **Ю. В. Яковца** «У истоков новой цивилизации» [247]. В монографии **Б. Н. Кузика**

Рисунок 3.1.

Закономерности статики, циклической динамики и социогенетики

и Ю.В. Яковца «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» исследованы социогенетические закономерности развития потребительского сектора [103. — С. 248–300].

И все-таки приходится признать, что социогенетика как особая, обобщающая, находящаяся на высшей ступени познания общества наука, несмотря на значительный вклад в ее развитие Н. Д. Кондратьева, П. Сорокина, современных российских исследователей, все еще находится в стадии формирования. При этом она, наряду с теорией циклической динамики, занимает одно из ключевых мест в рождающейся постиндустриальной научной парадигме. Видимо, пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем можно будет говорить о социогенетике как о сложившейся (но продолжающей развиваться) отрасли общественных наук. Для этого потребуется найти ответ на ряд сложных вопросов:

- ➔ о сущности социального генотипа (наследственного ядра) различных систем общества, включая локальные, мировые и глобальную цивилизации;
- ➔ о закономерностях и механизмах передачи социальных генотипов от поколения к поколению, в том числе о смене мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций;
- ➔ о закономерностях наследственной изменчивости, обновления и обогащения генотипа применительно к переменам во внутренних и внешних условиях развития, в том числе переменам в генотипе мировых и локальных цивилизаций;
- ➔ о механизме отбора необходимых и полезных изменений в системе, закономерностях и движущих силах инновационного обновления общества, становлении новых мировых и локальных цивилизаций.

Ниже проблемы социогенетики рассматриваются лишь в одном, геоцивилизационном аспекте — применительно к наследственности, изменчивости и отбору (инновационному обновлению) в динамике мировых и локальных цивилизаций и в рамках смены фаз жизненного цикла глобальной цивилизации. Эта проблема требует дальнейшей разработки в увязке с другими разделами социогенетики — науки XXI века. Ее предстоит еще создать, включить в систему образования и практически использовать в долгосрочном прогнозировании и стратегическом планировании.

Необходимо также будет исследовать генетическую структуру цивилизаций, соотношение и состав составляющих ее элементов:

наследственное ядро, пояс наследственной изменчивости и пояс полной трансформации (рис. 3.2), а также оценить глубину (коэффициент интенсивности) трансформаций цивилизаций при смене различных видов циклов — среднесрочных, долгосрочных (кондратьевских), сверхдолгосрочных (цивилизационных) и тысячелетних исторических суперциклов (рис. 3.3). Разумеется, все оценки носят приблизительный характер и не претендуют на абсолютную точность.

3.2. Наследственность: социальный генотип цивилизаций

Любая система в живой природе и обществе существует и эффективно функционирует до тех пор, пока сохраняется ее наследственное ядро, генотип, выражающий ее сущность, характерные

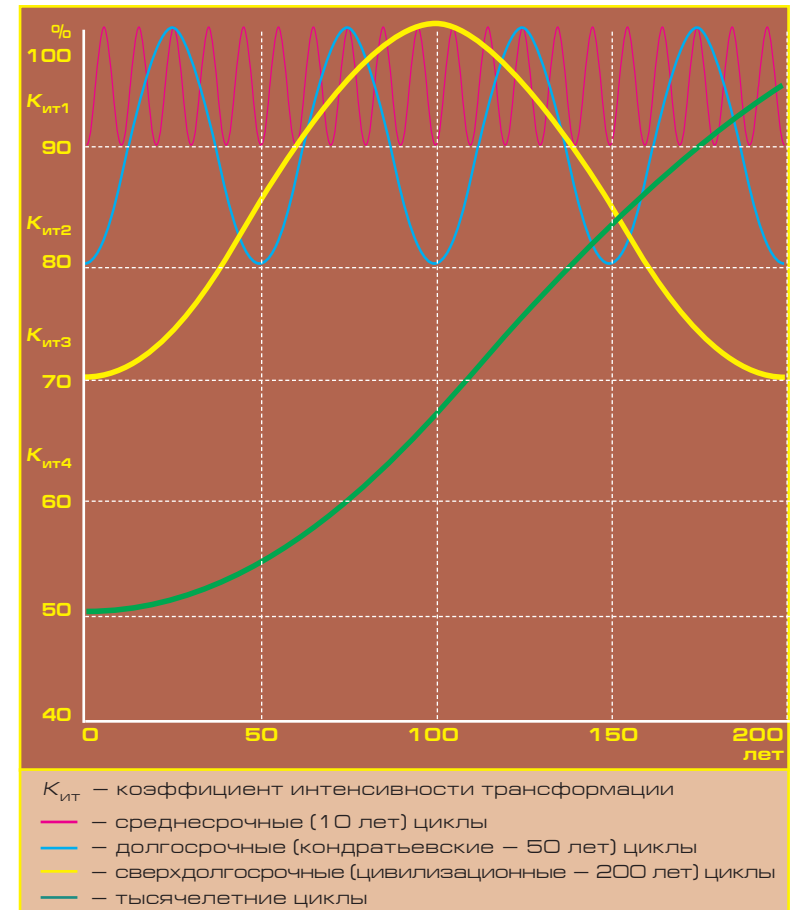
Рисунок 3.2.

Схема трансформации социальной системы

Рисунок 3.3.

Глубина трансформаций социальной системы

черты, пропорциональность и взаимодействие образующих генотип элементов. Высшим достижением научного познания общества является раскрытие генотипа, наследственного ядра социальных систем начиная с человека (генотип которого носит биосоциальный характер) и семьи и заканчивая глобальной цивилизацией, человечеством в целом во всем разнообразии входящих в него элементов.

Нужно признать, что до сих пор раскрытию генотипа цивилизаций (как мировых, так и локальных) в научной литературе

не уделялось внимания. Сделаем первую попытку исследования этой сложнейшей проблемы, не претендуя на ее окончательное решение.

По нашему мнению, в **структуре цивилизационного генотипа** (если вести речь о локальных цивилизациях) можно выделить восемь основных элементов (своеобразных социальных хромосом).

1. Природно-экологическая среда, в которой формируется и функционирует цивилизация. Эта среда включает:

➔ **климатические условия** на территории, где возникает и развивается цивилизация, — жаркий, холодный или умеренный климат, уровень и сезонные колебания температуры, обильность или недостаток осадков и т. п. Не случайно возникновение первого поколения локальных цивилизаций в IV—III тыс. до н. э. произошло в областях с теплым климатом, наиболее благоприятных для жизни. **А. Л. Чижевский** отмечал: «Если мы проследим условия возникновения и развития цивилизаций, то ясно увидим, что величайшие центры умственной жизни человечества первоначально локализируются в местах с оптимумом температуры. Это распространяется на культуры китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую» [229. — С. 21]. Лишь через тысячелетия ареал цивилизаций распространился к северу и югу, охватив почти всю сушу;

➔ **обилие, достаточный уровень или недостаток природных ресурсов**, необходимых для обеспечения жизнедеятельности общества. Цивилизации возникали прежде всего там, где имелись значительные запасы природных ресурсов, необходимых для достижения высокого уровня производительности труда. **Г. Бокль** называл в своих трудах две группы факторов, определяющих условия развития цивилизаций: физические, находящие выражение в климате, пище, почве и «общем виде природы», и умственные — говоря современным языком, уровень познания законов природы и их технологического применения [20. — Т. 1. — Гл. 2]. Первые цивилизации возникли в долинах больших рек, где земли были плодородны, а избыток воды позволял создавать мощные системы ирригации;

➔ **уровень экологической безопасности**, подверженность территорий стихийным бедствиям — наводнениям, землетрясениям, тайфунам, извержениям вулканов, засухам и т. п.;

➔ **степень воздействия человека на природную среду**, способность последней к самовоспроизводству и преодолению отрицательных последствий этого воздействия.

Природно-экологический фактор во многом определяет характерные черты цивилизации, но он не является ведущим мотивом в формировании ее генотипа.

2. Демографическая составляющая генотипа цивилизации во многом связана с природно-экологической, находится на стыке природы и общества, носит в силу этого двойственный характер, но имеет самостоятельное значение. Основные ее элементы:

➔ **численность населения и темпы его динамики**, его критический минимум, без которого невозможно формирование крупномасштабного, сложного общества; необходимый уровень плотности населения, его концентрации в городах и т. п. Низкая плотность и невысокие темпы роста населения на тысячелетия задержали начало формирования цивилизаций в северо-восточной части Евразии;

➔ **расовый состав** общества (преобладание той или иной расы во многом зависит от природных факторов);

➔ **условия воспроизводства** населения, его половозрастной состав, характер и состав семей;

➔ **национальный и этнический состав** общества, языковая общность, наличие лидирующей (преобладающей) нации (этноса), уровень национальных и этнических связей;

➔ **миграционные характеристики** населения — его сравнительная однородность и устойчивость (например, нынешние японская, китайская или индийская цивилизации) либо, напротив, формирование за счет притока иммигрантов. Население подобных цивилизаций либо «переплавляется», как в тигле, в единый народ (пример — североамериканская цивилизация), либо сохраняет анклавы разных культур (как это происходит в ряде стран западно-европейской и евразийской цивилизаций).

Влияние демографической составляющей генотипа возрастало со временем, по мере роста численности и плотности населения и его дифференциации по цивилизациям. Согласно расчетам **А. Мэддисона**, в I тыс. н. э. среднегодовые темпы прироста населения составляли всего 0,01% и колебались от 0,09% в Японии, 0,07% — в Африке и Латинской Америке, 0,06% в США и СССР до 0% в Западной Европе, Китае и Индии. В следующие же 500 лет (1000—1500 гг.) темпы прироста возросли в 10 раз — до 0,10% в мире в целом (0,17% — в СССР, 0,16% — в Западной и 0,15% — в Восточной Европе, 0,07% — в Африке и 0,08% в Индии). Дальше темпы прироста мирового населения эпоха за эпохой возрастали (0,27% в 1500—1820 гг., 0,40% — в 1820—1870 гг., 0,80% — в 1870—1913 гг.,

0,93% — в 1913–1950 гг.). Пик был достигнут в 1950–1973 гг., когда среднегодовой темп прироста достиг 1,93%, а дифференциация — от 2,73% в Латинской Америке, 2,37% — в Африке до 0,71% в Западной Европе. С последней четверти XX в. в кривой демографической динамики произошел перелом: мировой прирост населения составил 1,62% (2,69% — Африка, 2,05% — Индия, 1,96% — Латинская Америка; 0,32% — Западная и Восточная Европа, 0,54% — СССР) [264. — С. 257]. В XXI столетии эта ситуация закрепится: по среднему варианту демографического прогноза ООН, темпы прироста населения в целом по миру снизятся в 2045–2050 гг. до 0,33% (чуть выше темпов 1500–1820 гг.). Дифференциация составит от 1,08% — в Африке, 0,41% — в США, 0,26% — в Индии, 0,2% — в Латинской Америке до –0,86% в России, –0,56% — в Японии, –0,15% — в Германии, –0,37% в Китае [272]. При сохранении подобной тенденции, по нашим оценкам, общая численность населения в мире вернется к концу XXII в. к 6 млрд человек — уровню 2000 г. Демографическая динамика, рост или депопуляция населения будут играть все большую роль в судьбе как локальных цивилизаций, так и всего человечества.

3. Технологическая составляющая генотипа цивилизации предполагает определенный технологический уровень (меняющийся от эпохи к эпохе, с переходом к очередному технологическому способу производства и технологическому укладу в его рамках) развития производительных сил цивилизаций и всех их элементов: наборов средств производства и технологий их функционирования, энергетических и сырьевых источников, форм организации производства, уровня квалификации работников. Технологический уровень цивилизации определяет конкурентоспособность продукции, уровень производительности труда, качество жизни населения, место цивилизации в мировом технологическом пространстве — будет ли она находиться в авангарде или отставать. Это не означает технологической однородности всех отраслей и регионов цивилизации. Напротив, налицо технологический разрыв между отраслями и регионами, технологическая многоукладность экономики. Но этот разрыв имеет свои пределы, лидирующие отрасли и регионы играют роль локомотива, тянущего за собой отстающих. Можно определить средний технологический уровень каждой цивилизации, его динамику по эпохам, ранжировать цивилизации по этому показателю. В переходные эпохи нередко происходит смена технологических лидеров. В начале XXI в. технологическими лидерами являются североамерикан-

ская, западноевропейская, японская и океаническая (ее часть — Австралия) цивилизации, отстающими — африканская, мусульманская (кроме нефтеэкспортирующих стран Ближнего Востока); остальные занимают промежуточное положение.

4. Экономическая составляющая цивилизационного генотипа включает несколько элементов, меняющихся от эпохи к эпохе вместе с экономическими способами производства:

➔ *уровень экономического развития*, что находит выражение в производстве ВВП на душу населения;

➔ *преобладающая форма собственности* на природные ресурсы, другие средства производства (государственная, частная в той или иной форме, общинная или общественная и т. п.); формы ее реализации;

➔ *преобладающие формы обмена*, уровень товарности производства и развитость рыночных механизмов, товарно-денежных отношений, соотношение рыночных и нерыночных секторов экономики;

➔ *характер и формы распределения произведенного продукта*, уровень экономической стратификации социальных слоев (экономической поляризации);

➔ *роль государства в функционировании и развитии экономики*, в присвоении средств производства, ренты и других составляющих чистого дохода, в регулировании внутренней экономики, межгосударственных и межцивилизационных связей, в выработке и реализации долгосрочной стратегии и степени планомерности в развитии экономики.

К богатым, развитым в экономическом отношении относятся североамериканская, японская, западноевропейская, океаническая (в части Австралии и Новой Зеландии) цивилизации. К бедным, с низким уровнем среднедушевого дохода, — африканская (южнее Сахары, кроме Южной Африки), индийская, буддийская (кроме Южной Кореи, Сингапура и Таиланда), мусульманская (за исключением Саудовской Аравии и других нефтеэкспортирующих стран). Остальные цивилизации можно отнести к среднему уровню развития.

В каждой цивилизации наблюдаются экономическая неоднородность, взаимодействие разных форм собственности и экономических укладов, разное соотношение рыночного и нерыночного секторов, разрыв между богатыми и бедными слоями населения. Все эти соотношения меняются от эпохи к эпохе, при смене мировых цивилизаций и кондратьевских циклов.

Таблица 3.1.

Динамика темпов роста ВВП*

Регионы		1— 1000	1000— 1500	1500— 1820	1820— 1870	1870— 1913	1913— 1950	1950— 1973	1973— 2001
Мир в целом	a ¹	0,01	0,15	0,32	0,93	2,11	1,82	4,90	3,05
	b ²	0,00	0,05	0,05	0,54	1,30	0,88	2,92	1,41
Западная Европа	a	-0,01	0,29	0,40	1,68	2,11	1,19	4,79	2,21
	b	-0,01	0,13	0,14	0,98	1,33	0,76	4,05	1,88
Восточная Европа	a	0,03	0,19	0,41	1,41	2,33	0,86	4,86	1,01
	b	0,00	0,04	0,10	0,63	1,39	0,60	3,81	0,68
Бывший СССР	a	0,06	0,22	0,47	1,61	2,40	2,15	4,84	-0,42
	b	0,00	0,04	0,10	0,63	1,06	1,76	3,35	-0,96
США	a			0,86	4,20	3,94	2,84	3,93	2,94
	b			0,36	1,34	1,82	1,61	2,45	1,86
Латинская Америка	a	0,07	0,09	0,23	1,22	3,48	3,42	5,38	2,89
	b	0,00	0,01	0,16	-0,03	1,82	1,43	2,58	0,91
Япония	a	0,10	0,18	0,31	0,41	2,44	2,21	9,29	2,71
	b	0,01	0,03	0,09	0,19	1,48	0,88	8,06	2,14
Китай	a	0,00	0,17	0,41	-0,37	0,56	-0,02	5,02	6,72
	b	0,00	0,06	0,00	-0,25	0,10	-0,62	2,86	5,32
Индия	a	0,00	0,12	0,19	0,38	0,97	0,23	3,51	5,12
	b	0,00	0,04	-0,01	0,00	0,54	-0,22	1,40	3,01
Африка	a	0,07	0,07	0,15	0,75	1,32	2,57	4,43	2,89
	b	0,00	-0,01	0,00	0,35	0,57	0,92	2,00	0,19

* [264. — Р. 260, 261, 263].

¹a — темпы роста ВВП, %, в сопоставимых ценах;

²b — темп роста ВВП на душу населения.

Цивилизационный прогресс находит выражение в ускорении темпов экономического роста и изменении доли цивилизации в мировом ВВП, особенно в индустриальную эпоху (табл. 3.1).

Меняется и доля цивилизаций в мировом ВВП. Если в доиндустриальную эпоху лидерами были Китай и Индия (на их долю в 1 г. н. э. приходилось 57% мирового ВВП, в 1000 г. — 51,6%, в 1500 г. — 29,3% и в 1700 г. — 46,7%), то уже к 1913 г. их доля упала до 14,3%, а к 1973 г. — до 7,7%. Первенство перешло к западноевропейской (с 21,9% в 1700 г. до 33% в 1913 г.), а затем

североамериканской (доля США выросла с 0,1% в 1700 г. до 18,9% в 1913 г. и 27,3% в 1950 г.) и японской цивилизациям (с 2,9% в 1600 г. до 7,8% в 1973 г.) [264. — Р. 261]. Экономическая составляющая генотипа локальных цивилизаций меняется на разных фазах их жизненного цикла, периоды подъема уступают место временам застоя и кризиса; их доля во всемирном экономическом пространстве то увеличивается, то уменьшается. Евразийская цивилизация (бывший СССР) в 90-е годы XX в. вообще совершила беспрецедентный скачок назад — катастрофа стала результатом неолиберальных рыночных реформ и распада СССР.

5. Социальная структура цивилизации не менее важна. Общество разделяется на классы и социальные слои, которые играют неодинаковую роль в воспроизводстве, присвоении произведенного продукта и управлении. С момента раннеклассовой цивилизации (с IV—III тыс. до н. э.) можно выделить несколько различных для каждой цивилизации социальных страт:

➔ *правлящий слой* — правители государств и представители знатных родов, высшее духовенство, военачальники, крупные бизнесмены;

➔ *средний слой* — чиновники, офицеры, промышленники, ученые, деятели культуры, земледельцы, представители среднего и малого бизнеса, служители культа;

➔ *основной слой* — крестьяне, ремесленники, рабочие, мелкие торговцы, низшие чиновники, солдаты;

➔ *нижний слой* — рабы, крепостные, каста неприкасаемых, люди, лишённые гражданских прав и лично зависимые, нищие.

Социальная структура цивилизации трансформировалась вместе с экономической и политической ее составляющими. С отменой рабства в Северной и Южной Америке, а затем кастового строя в Индии нижний слой общества практически исчез. В современную эпоху все цивилизации имеют трехслойную социальную структуру, хотя кое-где встречаются реликты и рецидивы личной зависимости. Но каждая цивилизация имеет особенности, традиционные характерные черты социальной составляющей своего генотипа. Так, североамериканская, западноевропейская и океаническая (в части Австралии и Новой Зеландии) цивилизации по социальной структуре существенно отличаются от китайской, индийской, мусульманской или африканской; социальная структура евразийской цивилизации дважды принципиально менялась — в начале и в конце XX в.

6. Государственно-политическая составляющая цивилизационного генотипа включает следующие основные элементы:

➔ *государственное устройство*, форма политической власти (монархия, парламентская или президентская республика, диктатура, тоталитарный строй и т. п.);

➔ *уровень демократии*, участия граждан в решении основных вопросов, формы самоуправления и т. п.;

➔ *правовое устройство*, регулирование законодательством различных сторон жизни общества, степень независимости судебной системы;

➔ *политическое устройство*, количество партий, представляющих интересы разных социальных слоев, и острота борьбы между ними;

➔ *наличие гражданского общества*, его институтов, уровень его контроля над государственным аппаратом.

Государственно-политическая составляющая — наиболее сложный и быстро меняющийся элемент цивилизационного генотипа. Еще в «Государстве» **Платона** показана смена форм государственного устройства. Историческим трендом в динамике цивилизаций является нарастание демократических начал, вовлечение все более широких слоев населения в решение политических вопросов. Однако и здесь наблюдаются резкие колебания в периоды политических переворотов и революций. И если в одних цивилизациях и странах политическая составляющая не меняется в течение длительного времени (например, североамериканская цивилизация), то в других (евразийская, западноевропейская) она подвержена частым трансформациям, неустойчива. С конца XX в. наблюдается тенденция сближения государственно-политического устройства в разных цивилизациях, хотя существенные различия сохраняются.

7. Социокультурная составляющая (сфера духовной жизни) является важнейшим компонентом наследственного ядра любой цивилизации. Она включает следующие основные элементы:

➔ *уровень и характер научного познания*, состав и развитие сменяющих друг друга научных школ, своеобразие философского мышления, цивилизационные особенности в обновлении научных парадигм;

➔ *разнообразии культур* — как в сравнении цивилизаций, так и в их внутреннем строении (национальное и этническое разнообразие), различия художественных и архитектурных стилей, литературного и музыкального наследия, эстетических оценок;

➔ сложившаяся система передачи знаний и культуры следующим поколениям через *систему образования*, обучения и переподготовки кадров, сложившиеся педагогические школы и традиции;

➔ *система этических ценностей*, критерии оценки деятельности и поступков людей в семье и обществе, частично закрепленная в правовых нормах, но носящая более широкий характер и тесно связанная с преобладающей религией;

➔ *религиозное мировоззрение*, господствующая или преобладающая конфессия и проводящие ее в жизнь религиозные институты. Некоторые современные цивилизации моноконфессиональны (мусульманская), другие допускают наличие нескольких религий, сотрудничающих и противоборствующих (западноевропейская, североамериканская, евразийская, африканская), третьи безразличны к религиозным верованиям (японская, китайская).

А. Тойнби считал принадлежность к той или иной религии конституирующим признаком цивилизации, выделяя на его основе западно-христианскую, православно-христианскую, мусульманскую и индуистскую цивилизации [191. — С. 133]. Иной точки зрения придерживался **Н. Н. Моисеев**, который утверждал, что цивилизация сама выбирает адекватную ее духовному строю религию: «В отличие от Тойнби, я полагаю, что не религия формирует цивилизации, а цивилизации усваивают те нравственные принципы и то религиозное миропонимание, которое в наибольшей степени отвечает цивилизационным традициям народа. То есть цивилизация "выбирает" религию и приспособливает под свои потребности и идеалы» [136. — С. 105].

Такой подход основан на следующих аргументах. Во-первых, локальные цивилизации возникли за три тысячелетия до становления монотеистических мировых религий; первоначально цивилизации прошли через стадию политеизма. Во-вторых, формирование монотеистических мировых религий в «осевое время», по **Карлу Ясперсу**, было связано с кризисной стадией развития цивилизаций 2-го поколения и стало одним из факторов становления 3-го поколения. В-третьих, формирование 5-го их поколения на рубеже третьего тысячелетия связано с появлением все большего числа разнообразных верований и расширением межконфессионального диалога.

8. Историческая составляющая генотипа каждой локальной цивилизации выражает тот исторический опыт, который накоплен как в понимании единства коренных интересов народов и этносов, из которых она складывается, так и во взаимоотношениях

с другими цивилизациями. Формы этих взаимоотношений могут быть совершенно различными — от диалога и сотрудничества до противостояния и столкновения, которое иной раз завершается гибелью или поглощением более слабой цивилизации. Исторический опыт служит цементирующей силой, кристаллизирующей значимость и взаимодействие всех элементов генотипа локальной цивилизации, обеспечивающей его сохранение и обогащение на разных этапах жизненного цикла цивилизации.

Структура генотипа локальной цивилизации представлена на рис. 3.4.

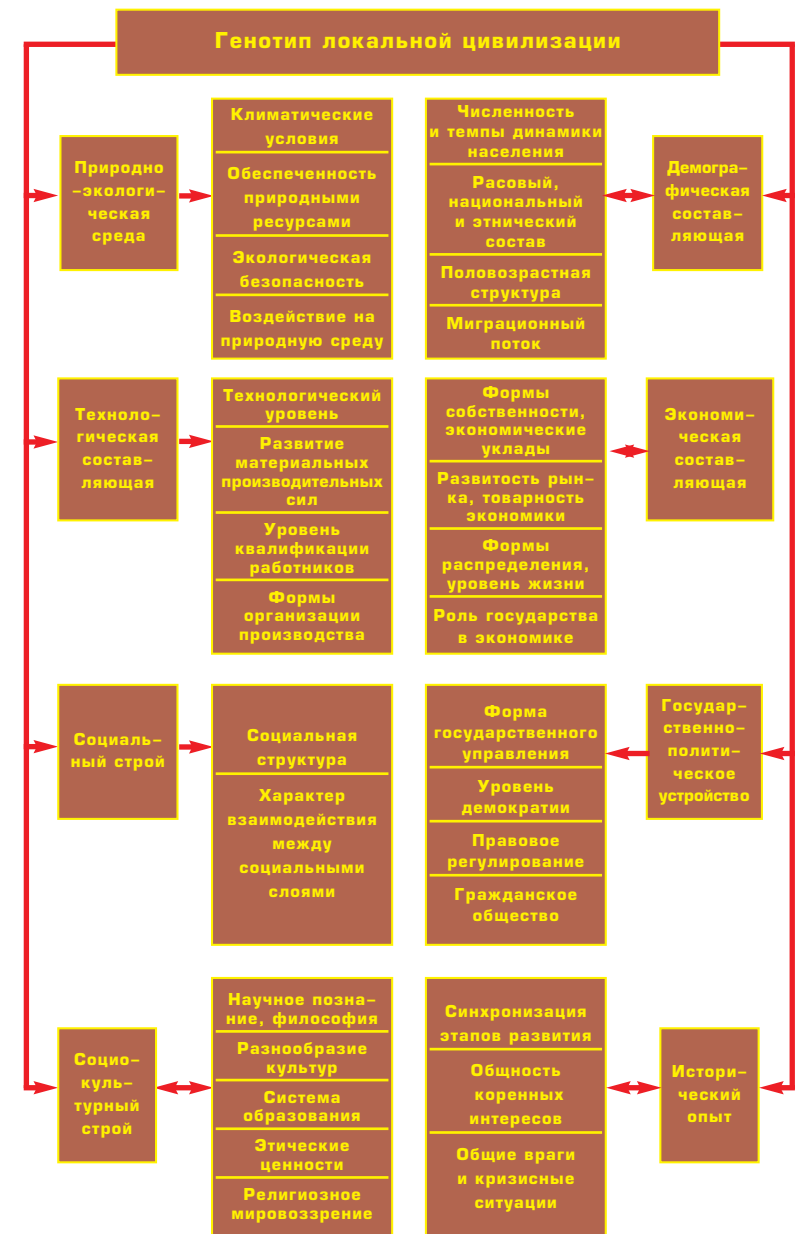
Несколько иной состав имеет **генотип мировой цивилизации** как крупного этапа в истории развития глобальной цивилизации — всего человечества на определенной фазе развертывания его жизненного цикла. Отсчет истории глобальной цивилизации мы ведем, как и **Н. Н. Моисеев**, с неолитической революции, со времени зарождения производящего хозяйства и начала социального расслоения общества (на базе общественного разделения труда). Произошло это около 10 тыс. лет назад, после глубочайшего экологического кризиса в позднем мезолите, поставившего вид *Homo sapiens* перед угрозой вымирания и вынудившего его пойти на эпохальные инновации — освоить животноводство, земледелие, а затем ремесла и строительство.

За время существования первой из мировых цивилизаций — *неолитической* — генотип их только складывался. Он включал природно-климатическую, демографическую, технологическую, частично экономическую и социокультурную составляющие, но отсутствовали такие элементы, как социальное расслоение, государство и право; не сформировались еще локальные цивилизации. Поэтому первые тысячелетия истории можно рассматривать как фазу зарождения глобальной цивилизации, двух ее частей — мировых и локальных цивилизаций, их генотипов.

Полностью эти генотипы развились в период *раннеклассовой мировой цивилизации* (примерно с середины IV до начала I тыс. до н. э.). Началось социальное расслоение общества, развивались товарно-денежные отношения, возникли государство и право, произошли качественные перемены в социокультурной сфере (совершена революция этических норм, подкрепленная религиями; создана письменность, заложены основы научного познания и образования), накапливался исторический опыт. Возникло и прошло стадии своего жизненного цикла 1-е поколение локаль-

Рисунок 3.4.

Структура генотипа локальной цивилизации

ных цивилизаций, опиравшихся на сеть городов («городская революция»). Эта эпоха наиболее богата на революционные перемены в жизни общества, на судьбоносные инновации, заложившие основы развития общества на многие тысячелетия. Используя терминологию **К. Ясперса**, можно сказать, что это было *первое «осевое время»*. Именно тогда окончательно сформировался генотип как мировых, так и локальных цивилизаций, образующих матричную структуру динамически развивающейся глобальной цивилизации.

В течение последующих мировых цивилизаций — античной (начало I тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.), средневековой (VI—XIII вв.), раннеиндустриальной (XIV — середина XVII в.), индустриальной (середина XVIII — конец XX в.) и складывающейся на наших глазах постиндустриальной (начало XXI — конец XXII в.) — эти генотипы развивались, обновлялись и обогащались, сплетаясь в едином потоке движения человечества от ступени к ступени, через циклы разной длительности и кризисы различной глубины.

В чем же состоит кардинальное различие генотипов мировой и локальной цивилизаций? И тот и другой состоят из восьми сходных элементов, но в генотипе мировой цивилизации эти элементы рассматриваются применительно к определенному этапу развития человеческого общества, что дает возможность более четко определить качественные и количественные показатели каждого из них. Кроме того, в генотипе мировой цивилизации возникает еще два элемента, две составляющие. Первый — это *определенный набор локальных цивилизаций*, выражающих цивилизационное разнообразие на данном этапе исторического прогресса. Второй — *геоцивилизационное пространство*, все возрастающая с развитием человечества часть ойкумены, занятой цивилизациями (цивилизационный пояс). Оно коренным образом отличается от пространства, где цивилизации еще не сложились либо находятся в зачаточном состоянии. При этом следует учитывать *многослойный характер геоцивилизационного пространства*: в нем одновременно сосуществуют и преобладающая мировая цивилизация; и уходящие, вытесняемые; и реликтовые, время которых давно прошло; и новая, только зарождающаяся, идущая на смену преобладающей.

Многослойный характер носит и сообщество локальных цивилизаций. Одни из них являются лидерами в освоении и распространении основ преобладающей мировой цивилизации.

Другие догоняют, постепенно осваивая ее достижения. Третьи, представляющие отжившее свое историческое время мировые цивилизации, оказываются в арьергарде. В одно и то же время живут локальные цивилизации, относящиеся к разным поколениям.

Столь же неоднородна и каждая отдельно взятая из локальных цивилизаций, в развитии которых иногда наблюдаются причудливые сочетания и зигзаги. Например, в Северной Америке до гражданской войны середины XIX в. господствующий индустриальный строй сочетался с реликтами рабовладельческого строя. Разительную противоположность представляют составные части современной океанической цивилизации. С одной стороны, Австралия и Новая Зеландия находятся в стадии перехода к постиндустриальной мировой цивилизации; с другой — в Полинезии, Микронезии, Меланезии еще сохранились реликты первобытно-общинного строя, свойственного неолитической цивилизации.

Однако не следует понимать глобальное цивилизационное пространство как набор изолированных элементов. Это *единая, развивающаяся система, между отдельными составляющими которой с каждой исторической эпохой связь становится теснее*. На этом пространстве действуют все более синхронизирующиеся глобальные циклы (хотя каждое звено этой системы имеет собственную циклическую ритмику), ее периодически потрясают кризисы, охватывающие большую или меньшую часть геоцивилизационного пространства (хотя в каждой части этого пространства они проявляются по-своему).

Следовательно, социогенетическая закономерность наследственности действует в многомерном геоцивилизационном пространстве путем передачи в видоизмененном и обогащенном виде наследственных генотипов трех уровней: глобальной цивилизации, переходящей через определенные стадии своего исторического развития; мировых цивилизаций, выражающих сущность каждой из этих стадий; локальных цивилизаций, отражающих разнообразие отдельных звеньев единого человечества и специфику своей динамики, единство через многообразие. Образно это можно представить как огромную спираль сложнейшей структуры, отдельные витки которой состоят из взаимопереплетающихся нитей локальных цивилизаций. Направленность данной спирали выражает общий тренд исторического развития человечества (глобальной цивилизации), движущегося со все большим ускорением от этапа к этапу своего жизненного цикла.

3.3. Изменчивость: трансформации цивилизационного генотипа

Не следует представлять себе, что наследственный генотип каждой локальной или мировой цивилизации остается неизменным на протяжении столетий, всего отведенного ей историей жизненного цикла. Хотя состав «социальных хромосом», перечисленных выше, остается стабильным, но каждая из них периодически претерпевает трансформации большей или меньшей глубины. Это необходимо для того, чтобы цивилизация адаптировалась к изменяющимся внешним и внутренним условиям развития. Следовательно, генотип является постоянно трансформирующимся наследственным ядром цивилизации и передается следующим поколениям более или менее видоизмененным. В этом суть наследственной изменчивости как закономерности социогенетики.

Факторы, обуславливающие изменчивость, — внутренние и внешние. *Внутренние* связаны с разворачиванием цивилизации во времени, сменой фаз ее жизненного цикла (зарождения, становления, распространения, зрелости, старения, общего кризиса) и прохождения вновь через те же фазы в очередном цикле (как это было с китайской или индийской цивилизациями) либо поглощением иной цивилизацией или сходом с исторической сцены (как случилось со многими культурами древности). Воздействие *внешних* факторов также имеет громадное значение. В числе таких факторов назовем изменение природно-экологической среды в результате приращения территорий цивилизации (как это было с недолговечной монгольской цивилизацией, охватившей большую часть Евразии); мощные стихийные бедствия и экологические катастрофы; крупные военные конфликты, меняющие геополитическую картину мира; мировые религии и идеологические течения, радикально трансформирующие духовную жизнь цивилизаций.

Закономерность изменчивости действует в ритме циклической динамики локальных цивилизаций и в ритме смены мировых цивилизаций. Каждая из последних как общественная система имеет собственный генотип, который оказывает значительное влияние на состав и наследственный генотип локальных цивилизаций, существующих в то же историческое время. **А. Тойнби** считал, что за всю историю человечества было *37 локальных цивилизаций, распределенных на три поколения*. В своих трудах ученый детально описал 24 из них. Однако это не означает, что перечень исчерпывающий. Новые археологические находки и исторические данные

позволяют внести в него уточнения и дополнения. Кроме того, существовало немало *протоцивилизаций*, формирование генотипа которых не завершилось по тем или иным причинам.

1-е поколение локальных цивилизаций, адекватное раннеклассовой мировой цивилизации (конец IV — начало I тыс. до н. э.), было самым многочисленным. Ареал распространения этих цивилизаций ограничивался тропиками и субтропиками к северу от экватора, они часто не проходили полный жизненный цикл, об истории некоторых из них сохранились лишь весьма скромные свидетельства. В Центральной и Южной Америке цивилизации 1-го поколения (инков, ацтеков, майя) просуществовали намного дольше — вплоть до XVI в., когда они были практически уничтожены агрессивной западноевропейской цивилизацией 3-го поколения. Генотип локальных цивилизаций 1-го поколения был неустойчив, он сам еще переживал фазу зарождения и становления.

Количество *цивилизаций 2-го поколения*, охватывающего период античной мировой цивилизации (примерно с начала I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э.), уменьшилось, а их генотип стабилизировался. Некоторые из них перешли во 2-е поколение непосредственно из 1-го, радикально трансформировав свой генотип (индийская, китайская), другие были совершенно новыми (античная греко-римская, персидская). Цивилизационный пояс расширился и на север, и на юг, между цивилизациями развивался активный диалог, торговый, технологический и культурный обмен, что ускоряло прогресс. Однако в Северной и Южной Америке, из-за изолированности материков, его темпы были не столь велики.

В середине I тыс. н. э. цивилизации 2-го поколения вошли в полосу длительного кризиса, переходного периода, занявшего несколько столетий. Одновременно началось зарождение *3-го поколения* локальных цивилизаций — византийской, западноевропейской, восточнославянской, с VII в. — мусульманской, которая стремительно распространила свое влияние на Персию, Северную Африку, Пиренеи, часть Поволжья. Недолговечным оказался взлет монгольской цивилизации, впитавшей наследие Китая. В XII—XIV вв. она подчинила себе большую часть Евразии и многие древние культуры. Византийская цивилизация сохранила наследие греко-римской и вместе с арабским миром передала основную часть этого наследия западноевропейской цивилизации. В Восточной Европе формировалась восточнославянская (будущая евразийская) цивилизация, которая также во многом носила гибридный, смешанный характер.

4-е поколение локальных цивилизаций сформировалось в период раннеиндустриальной мировой цивилизации XV—XVII вв. и заняло пространство индустриальной цивилизации до конца XX в. Согласно **А. Тойнби**, оно включало пять «живых обществ»:

- ➔ западное, объединенное западным христианством (католичество, протестантство);
- ➔ православно-христианское, или византийское, расположенное в Юго-Восточной Европе и России;
- ➔ исламское — от Северной Африки и Среднего Востока до Великой Китайской стены;
- ➔ индуистское в тропической субконтинентальной Индии;
- ➔ дальневосточное в субтропическом и умеренном районах Юго-Восточной Азии [191. — С. 133].

Однако эта классификация страдает определенными недостатками. Она базируется на религиозном принципе, хотя он не проводится последовательно. Так, дальневосточное общество не имеет общей религии, кроме того, к нему причислены древние китайская и буддийская цивилизации и сравнительно более молодая японская. К мусульманской цивилизации отнесена Индонезия. Выпала из поля зрения ученого Африка (кроме Северной) с ее богатым цивилизационным прошлым. И вряд ли стоит сводить суть православно-христианского общества лишь к византийскому наследию. В классификации Тойнби не нашлось места и для самостоятельной восточнославянской (позднее евразийской) цивилизации. Можно с уверенностью говорить о том, что цивилизационное пространство раннеиндустриальной и индустриальной эпох было более пестрым, разнообразным и изменчивым, чем это определил Тойнби. В отличие от него мы также считаем, что в период с VI по XX вв. существовало не одно, а два поколения локальных цивилизаций: 3-е поколение охватывает эпоху средневековой (VI—XIV вв.), а 4-е — раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций (XV—XX вв.).

Центральным агентом изменчивости в гецивилизационном поле стала молодая, агрессивная западноевропейская цивилизация. Она распространила свое влияние на большую часть ойкумены, уничтожила древние цивилизации Центральной, Южной и Северной Америки, завоевала Индию, Африку, Австралию, большинство мусульманских стран, установила контроль над Китаем. Островками независимости остались евразийская (Российская империя, затем СССР) и японская цивилизации.

Еще ни одна цивилизация в мире не получала столь широкого распространения и не оказывала столь сильного влияния на модификацию генотипов иных цивилизаций, как западноевропейская. Это уникальное явление в истории человечества. Да и сам генотип ее, особенно после промышленной революции и серии буржуазно-демократических революций (нидерландской, английской, французской, североамериканской), претерпел серьезные трансформации во всех своих элементах. Резко ускорились темпы исторического прогресса, изменений в генотипе как мировой, так и локальных цивилизаций.

Однако и сама западная цивилизация не была однородной. Сохранялась острота противоречий между составляющими ее нациями, то и дело вспыхивали военные конфликты. Самым трагичным оказался XX век, когда индустриальная мировая цивилизация вступила в фазу заката, тогда разразились две самые кровопролитные в истории мировые войны, а в результате изобретения атомного оружия человечество было поставлено на грань самоуничтожения — конечной эпохальной антиинновации.

К счастью, конца света удалось избежать. Вместе с прекращением холодной войны, противостояния двух мировых систем на первый план вновь выдвинулось *цивилизационное разнообразие*. Его основы были заложены в ходе национально-освободительных войн и движений, волна которых прошла после Второй мировой войны. Результатом падения колониальной системы империализма стало возрождение в освободившихся странах их самобытных цивилизационных ценностей, а доминирование западной цивилизации с присущим ей генотипом ослабло. Однако тут же возникла новая угроза столкновения цивилизаций, наиболее отчетливо выраженная **С. Хантингтоном** [259].

В этих условиях начался процесс формирования *5-го поколения локальных цивилизаций*. Его основой стала дифференциация и трансформация цивилизационных генотипов. Бывшая прежде единой, западная цивилизация разделилась теперь на материнскую — западноевропейскую и дочерние — североамериканскую, латиноамериканскую, океаническую. Переживают процесс возрождения древние китайская и индийская цивилизации. Им предшествовал подъем японской цивилизации, вошедшей в число лидеров индустриального мира. После распада СССР евразийская цивилизация оказалась в кризисе, а восточноевропейская начала дрейф в сторону западноевропейской. Активизировалась и с каждым годом становится все более агрессивной мусульманская цивилизация. Она

весьма неоднородна по своему составу, но объединяющий ее ислам является очень крепким связующим. После недолгого послевоенного подъема в состоянии деградации впадала африканская (южнее Сахары) цивилизация. Таким образом, речь может идти о существовании ныне 12 локальных цивилизаций 5-го поколения. Они хотя и находятся на разных стадиях жизненного цикла, но все более осознают свои особые интересы в геодивизиационном пространстве. Так в современных условиях действует закономерность изменчивости генотипа локальных цивилизаций.

Возможно, что процесс дифференциации нового поколения локальных цивилизаций еще не завершен. Не исключена ситуация, когда в середине или в конце XXI в. (если потеряет накал нынешнее противостояние североамериканской и мусульманской цивилизаций) последняя распадется на арабскую, персидскую (иранскую), индомусульманскую и индонезийскую, сохранив общие для них исламские ценности.

В меньших масштабах процесс обновления и обогащения генотипов происходит в рамках **исторических эпох** (цивилизационных циклов) и при смене долгосрочных (в индустриальную эпоху — кондратьевских) циклов. Меняются соотношения технологических и экономических укладов, политическое устройство, происходят войны и революции, возникают новые стили в искусстве и т. п.

Закономерность изменчивости действует и в отношении **мировых цивилизаций** на всем протяжении их жизненного цикла, обеспечивая адаптацию к изменению внутренних и внешних условий развития. Генотип очередной мировой цивилизации формируется в переходный период, впитывая и трансформируя здоровые элементы отживающей свое цивилизации и пополняя их новыми. При этом возможна смена центров цивилизационного прогресса, лидирующих стран и цивилизаций. Генотип глобальной цивилизации сильнее всего обновляется при смене цивилизационных циклов (в период общецивилизационного кризиса), но тем не менее он сохраняется и передается по наследству новым мировым и локальным цивилизациям. Перемены в генотипе отдельных цивилизаций оказываются куда более значительными, может измениться и их состав. Переломные эпохи, когда наблюдаются радикальные перемены генотипов мировых и локальных цивилизаций, длятся столетиями, но постепенно их временные рамки сокращаются.

Новым моментом в развитии генотипа глобальной цивилизации на рубеже тысячелетий стал процесс *глобализации*. Одной из

основных его черт является тенденция к сглаживанию цивилизационных различий. Этот факт послужил основой для появления идей о том, что время цивилизаций прошло, что в скором времени они растворятся в едином глобальном сверхобществе — «глобальном человеичике» [172. — С. 24]. Идет процесс навязывания всем цивилизациям системы ценностей, свойственной одной только западной, для чего активно используются информационные каналы, Интернет. Это своего рода «цивилизационный колониализм», подобный созданию колониальных империй в XV—XIX вв. Причем лидирующую роль сейчас играет не западноевропейская, а североамериканская цивилизация.

Однако тенденция унификации, угрожающей цивилизационному и культурному разнообразию, является временной и вряд ли станет преобладающей. Генотипы локальных цивилизаций имеют многотысячелетнюю историю, устойчивы, способны адаптироваться к переменам. Да и определять генотип постиндустриальной мировой цивилизации как информационно-технологическое общество неверно; те, кто ставит подобный диагноз, всего лишь пытаются распространить и на XXI век устройство и систему ценностей позднеиндустриального общества XX столетия. В действительности, как показывают исследования [238], отличительными чертами постиндустриального гуманистически-ноосферного общества будет приоритет человека и рациональная коэволюция природы и общества. Это потребует изменения модели, принципов и механизма глобализации, осуществления ее в интересах большинства людей на основах диалога, сотрудничества и партнерства цивилизаций, обновляющих и обогащающих свой генотип применительно к новым условиям и проблемам развития человечества. В какой-то мере эти черты просматриваются в модели глобализации, используемой в рамках Европейского союза.

3.4. Отбор: механизм развития и смены цивилизаций

В переходные эпохи, в периоды цивилизационных кризисов (как при смене мировых, так и в кризисных фазах динамики локальных цивилизаций) возникает необходимость ответа на вызовы эпохи, усиливается действие **социогенетической закономерности отбора**. В результате из хаоса, согласно идеям лауреата Но-

белевской премии **И. Пригожина**, рождается новый порядок — возникает новая мировая или локальная цивилизация либо начинается новый этап их жизненного цикла.

Если в динамике природы преобладает естественный отбор (хотя в наши дни на нее активное воздействие оказывает человек), то **динамике общества присущ искусственный отбор**. Его производят люди, социальные слои (классы, группы, государства, цивилизации), руководствуясь своими задачами и интересами. Можно выделить две разновидности этого отбора: *целенаправленный*, с заранее поставленными целями и определенными путями их достижения, и *стихийный*, являющийся следствием рыночной конкуренции, борьбы социальных и политических сил. Его результаты заранее неизвестны, а подчас и противоположны ожидаемым.

Какие социальные силы осуществляют отбор в динамике цивилизаций — мировых и локальных?

Это прежде всего *интеллектуальная элита* — научная, художественная. Она первой ощущает назревшие в обществе противоречия и активно ищет пути их решения, предлагая различные варианты будущего развития общества. Многие из них оказываются утопическими, недостижимыми, иные — реакционными, зовущими в «золотой век» прошлого, но в целом они заставляют общество почувствовать неудовлетворенность существующими порядками, искать и находить новые.

Первыми откликаются на эти сигналы те *социальные слои*, которые представляют элементы еще не сформировавшегося, но уже зародившегося общества. Это инженеры, предприниматели, политические и общественные деятели. Они активно воспринимают новые идеи и стремятся воплотить их в жизнь, хотя на первых порах подавляются господствующими слоями, чьи интересы связаны с преобладающим, но уже почти исчерпавшим свой потенциал устройством общества.

Основной движущей силой цивилизационного отбора становятся новые поколения людей. Решающую роль играет **закон смены поколений**. Речь идет не о демографическом поколении (людях, родившихся в один год) и не о поколениях одного рода (генеалогическое древо), а о символическом поколении — людях, родившихся примерно в одно время и сформировавшихся под влиянием одних и тех же социально-экономических и политических перемен и исторических событий [239. — С. 4–6]. Сущность поколения выражают не среднестатистические «граждане», а 15–20% наиболее ярких представителей данного поколения,

последовательно отражающих его интересы и пытающихся дать ответы на вызовы эпохи.

Закон смены поколений является, пожалуй, главным механизмом наследственности, изменчивости и отбора. Каждое следующее поколение, как показал **А. Шлезингер-младший** [232], первые 15 лет своей активной деятельности тратит на то, чтобы воспринять наследие предыдущих поколений и модифицировать его применительно к своим интересам и изменившимся условиям развития. Следующие 15 лет у него уходит на то, чтобы сделать свой собственный вклад в развитие цивилизации и передать его потомкам в возможно более полном виде.

Разрыв между поколениями при отборе, передаче и восприятии такого наследия незначителен на эволюционной стадии развития цивилизации — как мировой, так и локальной. Однако в кризисной стадии этот разрыв резко увеличивается, расширяется диапазон выбора альтернативных вариантов. Система становится, согласно **А. А. Богданову**, дезорганизованной, и достаточно сравнительно небольших усилий, чтобы траектория ее движения существенно изменилась.

На основе союза интеллектуальных и социальных сил и представителей нового поколения, заинтересованных в прогрессивных переменах, формируются **институты гражданского общества**, проводящие эти перемены в жизнь: общественные движения, политические партии, религиозные течения и т. п. Все они стремятся к государственной власти, чтобы сделать ее инструментом трансформации общества.

Государство играет противоречивую роль в механизме цивилизационного отбора. Отражая интересы господствующих классов и преобладающих укладов, оно стремится законсервировать сложившиеся порядки, противодействует переменам, тормозит отбор. Однако после революционной смены власти государство превращается в активный инструмент цивилизационного отбора, закрепляя новые элементы с помощью системы правовых норм (как это было, например, с Кодексом Наполеона после Французской революции). В то же время оно может стать и силой реакционной, осуществляющей крупные антиинновации (как это случилось с Российским государством в 90-е годы).

Отбор в динамике мировых, локальных и глобальной цивилизаций осуществляется посредством **закономерности периодического инновационного обновления общества**. Инновационные волны разной высоты и длительности время от времени

прокатываются по всем составляющим цивилизационных генотипов, трансформируя их структуру, вымывая из нее устаревшие и добавляя новые элементы, адаптированные к изменившимся внешним и внутренним условиям развития. Инновационным волнам предшествует кризисное состояние цивилизации, в значительной мере исчерпавшей потенциал развития. С помощью инноваций цивилизация преодолевает кризис и выходит на качественно новый уровень. Если локальная цивилизация теряет способность к обновлению или избирает ошибочный путь (осуществляет волну антиинноваций), она сходит с исторической арены (как это случилось с евразийской цивилизацией в конце XX в.).

Кластер эпохальных инноваций раз в несколько столетий становится основой формирования очередной мировой цивилизации, нового поколения локальных цивилизаций. Роль эпохальных инноваций раскрыл нобелевский лауреат **С. Кузнец**: «Основные прорывы в развитии человеческого знания, те, которые явились главными источниками долгосрочного экономического роста и широко распространились в мире, можно назвать эпохальными нововведениями. Изменчивый курс экономической истории можно, пожалуй, разделить на экономические эпохи, каждая из которых определяется эпохальным нововведением с присущими ей характеристиками роста» [146. — С. 105].

Мы рассматриваем состав и роль эпохальных инноваций более широко, распространяя их на все составляющие цивилизационного генотипа, которые более или менее согласованно радикально трансформируются при переходе к новой исторической эпохе.

Первым таким переворотом в истории общества можно считать неолитическую революцию, происшедшую около 10 тыс. лет назад. Ее эпохальными инновациями стали общественное разделение труда (освоение земледелия и животноводства, а затем ремесел и строительства), городская революция, возникновение товарного обмена и имущественного неравенства, появление письменности. В тот период сформировались и первая мировая цивилизация с присущим ей генотипом (неолитическая), и предпосылки для появления 1-го поколения локальных цивилизаций.

Эпохальными инновациями раннеклассовой цивилизации были освоение выплавки металлов (меди, бронзы, золота) и орошаемого земледелия, появление классов, государства и права,

формирование многоукладной экономики, товарного производства, рынков, прикладных наук, образования. Именно тогда появились первые крупные социальные образования — локальные цивилизации 1-го поколения.

Следующий кластер эпохальных инноваций приходится на период античной мировой цивилизации. К числу эпохальных инноваций этой эпохи можно отнести освоение и распространение железных орудий; морское судоходство; появление демократии в полисах и возникновение первых империй; развитие абстрактных наук и мировых религий в «осевое время».

Среди эпохальных инноваций средневековой цивилизации назовем трехпольную систему земледелия, феодальный строй и цеховую организацию ремесла в городах, появление огнестрельного оружия, возникновение книгопечатания и открытие университетов, формирование 3-го поколения локальных цивилизаций.

Главными событиями в жизненном цикле раннеиндустриальной цивилизации стали распространение мануфактур, Великие географические открытия, освоение Америки (с эпохальной антиинновацией — уничтожением местных цивилизаций). Кроме того, ими оказались становление капитализма и парламентской демократии, первые буржуазные революции, радикальные преобразования в науке и Ренессанс в искусстве, формирование 4-го поколения локальных цивилизаций.

Наиболее высокая волна эпохальных инноваций пришлась на период индустриальной цивилизации. Их основой стала промышленная революция; «прорыв в эволюционном развитии науки, который создал потенциал для развития технологии, во много раз больший, чем существовавший до того» [Там же. — С. 108]. Машинная индустрия трансформировала все без исключения сферы производства. Важнейшее значение имели энергетическая (освоение энергии пара, электричества и атома), а затем компьютерная революции; всемирный рынок и господство монополий; мировые войны и появление оружия массового уничтожения; возвышение науки и распространение всеобщего образования. В этот период преобладало 4-е поколение локальных цивилизаций, доминирующей оказалась западная цивилизация. Все это вместе взятое радикально изменило цивилизационные генотипы.

С конца XX в. началось внедрение эпохальных инноваций постиндустриальной цивилизации, которая предположительно охватит почти два столетия. Ожидается, что ими станут гуманизация и экологизация (ноосферизация) экономики и общества в целом;

глобализация и утверждение многополюсного мироустройства без войн, на основе диалога и партнерства цивилизаций (что позволит избежать крупнейшей глобальной антиинновации — столкновения цивилизаций); появление надгосударственных (цивилизационных и глобальных) объединений; становление интегрального социально-экономического и социокультурного строя; дифференциация локальных цивилизаций и формирование 5-го их поколения с присущим ему генотипом.

Следствием кластеров эпохальных инноваций является периодическое обновление и обогащение генотипа глобальной цивилизации, траектория ее движения от эпохи к эпохе, увеличение ее потенциала. Однако нельзя не отметить и нарастающую опасность того, что человечество с помощью созданного им оружия, имеющего огромную разрушительную силу, может осуществить такие эпохальные антиинновации, которые прекратят само его существование.

Наряду с кластерами эпохальных инноваций в рамках цивилизационных циклов наблюдаются менее высокие, но более многочисленные, массовые *волны базисных инноваций*. Они не вызывают столь глубокие трансформации генотипа, но расширяют пространство для эпохальных инноваций, становятся основой для формирования новых экономических и технологических укладов, новых поколений техники и технологий, более эффективных форм организации производства и политического устройства, новых художественных стилей и т. п. Такие волны инициируются кризисными фазами долгосрочных кондратьевских и среднесрочных циклов и приводят к частичному обновлению и обогащению цивилизационного генотипа.

Инициаторами и двигателями инновационных перемен являются активные представители социальных слоев — ученые и инженеры, бизнесмены и политические деятели, учителя и врачи. Для проведения своих идей в жизнь они объединяются в различные социальные институты. Однако их устремления ко всему новому неизбежно встречают сопротивление консервативных лиц и институтов, заинтересованных в сохранении сложившихся порядков и утвердившегося генотипа. Такое сопротивление полезно, поскольку оно позволяет подвергнуть испытанию предлагаемые инновации и отобрать наиболее эффективные и жизнеспособные из них. Кроме того, оно дает возможность сдержать попытки некоторых новаторов чрезмерно забежать вперед во время революций и эпохальных инноваций.

Осуществление эпохальных и базисных инноваций, обновление и обогащение на их основе цивилизационных генотипов, отбор наиболее насущных и эффективных изменений в них — это результат борьбы: конкуренции в экономике, политического и идеологического противоборства, соперничества новаторства и консерватизма. Исход этой борьбы не предрешен заранее; немало нововведений терпят крах, а иные вообще тянут в прошлое, являются антиинновациями. Роль науки состоит в том, чтобы, опираясь на понимание закономерностей и механизмов социогенетики, своевременно предвидеть назревшие перемены в цивилизационном генотипе, определить их направленность, характер, движущие силы, ресурсы и эффективность. Это позволит обществу быстрее и с меньшими потерями проходить кризисные фазы в своем развитии, избежать соблазнов антиинноваций, за которые придется потом дорого расплачиваться. Поэтому насущными задачами являются развитие социогенетики, в том числе ее цивилизационного аспекта, исследование циклично-генетических закономерностей динамики цивилизаций и выработка эффективных механизмов использования этих закономерностей в долгосрочном социально-экономическом прогнозировании.

Глава 4

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Эпохальной инновацией начала XXI века стало глобальное движение за диалог цивилизаций и культур, возглавленное ООН. Перед теорией цивилизаций встают теперь новые проблемы: выяснить, в чем с точки зрения науки заключается сущность такого диалога и каково его место в тысячелетиями складывающемся взаимодействии локальных цивилизаций? Каковы сферы и институты диалога цивилизаций, главные его участники? Как от диалога перейти к партнерству, альянсу цивилизаций в решении глобальных проблем XXI века, преодолеть веками складывавшиеся взаимные непонимание и враждебность? Ответы на эти непростые вопросы предлагаются в настоящей главе.

4.1. Содержание диалога цивилизаций и его место в системе цивилизационных взаимодействий

Мир локальных цивилизаций не только разнообразен и изменчив. Его отличают чрезвычайная широта и богатство взаимодействий — от противостояния и конфликтов до сотрудничества и партнерства. Одно из центральных мест в системе взаимодействий занимает *диалог цивилизаций* — сравнительно новая геополитическая категория, получившая признание и широкое распространение с конца XX столетия. Именно тогда по инициативе президента Ирана **М. Хаттами**, поддержанной другими странами (в том числе и Россией), 1 ноября 1998 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившая 2001 г. Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН [57. — С. 3]. Генеральный секретарь ООН **Кофи Аннан** поручил группе ученых и политических деятелей из 17 стран (от России в нее вошел профессор **С. П. Капица**) подготовить доклад по этой проблеме. 7–8 ноября 2001 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН доклад был обсужден и принята резолюция «Глобальная повестка дня

для диалога между цивилизациями». Этот документ определил основные цели, принципы и программу действий по проблеме на десятилетия вперед. В резолюции отмечалось, что «все цивилизации прославляют единство и многоликость человечества, становятся богаче и получают дальнейшее развитие благодаря диалогу с другими цивилизациями», что «глобализация является не только экономическим, финансовым и технологическим процессом, который может принести большую пользу, но и вызовом, заключающемся в необходимости сохранения и прославления огромного интеллектуального и культурного многообразия человечества и цивилизаций». В документе особо подчеркивалось: «Необходимо признавать и уважать богатство всех цивилизаций и искать то общее, что объединяет цивилизации, с целью комплексного решения всех проблем, стоящих перед человечеством». Представители стран, подписавших резолюцию, выражали единство в том, что «диалог между цивилизациями — это процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога» [там же. — С. 14–15]. Такое определение диалога цивилизаций является достаточно широким и открывает цивилизованному сообществу пространство для выработки на основе научных исследований концепции диалога цивилизаций как основы системы практических действий. В программе действий наметен ряд конкретных мер в этом направлении: «Развитие науки и образования в целях достижения объективного понимания характеристик каждой цивилизации и различий между ними, а также путей и средств достижения более конструктивного взаимодействия и более глубокого взаимопонимания между ними»; «активизация и поощрение перевода и распространения основополагающих рукописей книг и исследований, отражающих различные культуры и цивилизации»; «организация конференций, симпозиумов и семинаров в целях содействия взаимопониманию, терпимости и диалогу между цивилизациями» [там же. — С. 16–17]. Подготовка и издание на нескольких языках настоящей работы, которая затем будет представлена и обсуждена на конференциях в разных странах, направлены на достижение конкретных задач, поставленных в программе действий.

Что же понимается под диалогом цивилизаций?

Само по себе понятие *диалога* (от греческого *dialogos* — разговор, беседа) не ново. Оно возникло в античной Греции, использовано в философских трудах Платона, получило широкое распространение в драматургии, научной и политической литературе. Диалог означает общение между людьми с целью достижения взаимопонимания. Это не просто разговор, вербальное общение между людьми; разговор может представлять собой и высказывание враждебных взглядов, оскорблений. Диалог же есть обмен мыслями и опытом, направленный на взаимопонимание, искренне заинтересованное выяснение различий во взглядах, обычаях, образе жизни и нахождение общих подходов. Диалог предполагает равноправие, взаимное уважение его участников. Его целью является не просто пополнение знаний или навязывание своих взглядов собеседнику, а поиск общих подходов к решению существующих и вновь возникающих проблем и противоречий; диалог носит конструктивный, а не деструктивный характер.

Указанные выше характеристики диалога касаются общения между людьми, двумя или более личностями, в том числе и между учеными, выражающими разные теоретические взгляды, позиции. Однако сказанное относится и к взаимоотношениям между большими социальными группами — общественно-политическими организациями, социальными слоями, государствами, нациями, культурами, цивилизациями. Разумеется, сами по себе общественные институты не обладают даром речи; они общаются через конкретных людей, наиболее полно выражающих специфические интересы каждого из этих институтов.

Говоря о диалоге цивилизаций, имеют в виду прежде всего обмен идеями, концепциями между представителями локальных цивилизаций — как одного, так и нескольких существующих одновременно поколений; в широком смысле — и между выразителями интересов сменяющих друг друга мировых цивилизаций. Такими выразителями могут быть ученые, политические деятели, мастера культуры, представители общественных организаций, а также туристы и прочие граждане, представляющие разные цивилизации. В упомянутой выше резолюции ООН намечен широкий круг участников диалога:

«Диалог между цивилизациями будет глобальным по своему кругу участников и будет открытым для всех, включая:

- ➔ представителей всех цивилизаций;

- ➔ теологов, мыслителей, интеллектуалов, ученых, работников искусства, культуры и средств массовой информации, молодежи, которые играют важную роль в инициировании и продолжении диалога между цивилизациями;

- ➔ членов гражданского общества и представителей неправительственных организаций в качестве партнеров, содействующих диалогу между цивилизациями» [там же. — С. 16].

Следовательно, речь идет не об узком круге чиновников международных организаций и государственного аппарата стран, входящих в ту или иную цивилизацию, а о самом широком, массовом движении, меняющем сознание миллионов, устраняющем враждебность и непонимание между народами и цивилизациями. Это движение, выражающее результаты развития культуры мира и толерантности, является важнейшим инструментом, истребляющим корни вражды и столкновения цивилизаций, истоки международного терроризма.

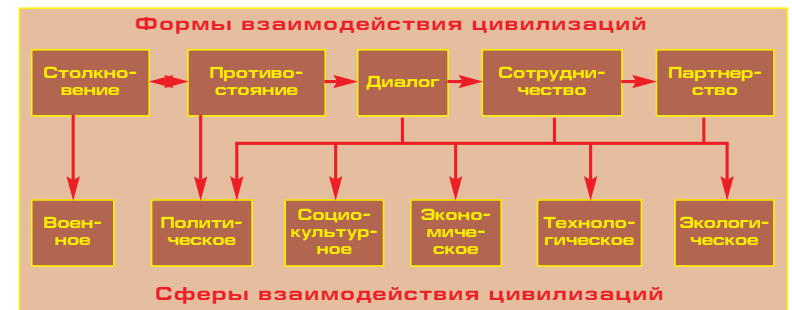
В связи с этим важно понять место диалога в системе взаимодействия цивилизаций.

Мы выделяем следующие **формы взаимодействия цивилизаций** (рис. 4.1):

- ➔ **столкновение цивилизаций** — вооруженный конфликт на разных уровнях, от мировой до региональной войны. Оно может завершиться либо установлением нового равновесия между воюющими государствами, либо покорением или уничтожением потерпевшей поражение цивилизации, уходом ее с исторической арены, с включением ее остатков в состав цивилизации-победителя

Рисунок 4.1.

Формы и сферы взаимодействия локальных цивилизаций

ля (как это случилось, например, с включением персидской цивилизации в состав мусульманской или гибелью древнеамериканских культур);

➔ *противостояние*, противоборство цивилизаций в геополитическом пространстве, которое может длиться столетиями, иной раз перерастая в конфликты. В качестве примера приведем противостояние евразийской и западной цивилизаций в период холодной войны, сопровождавшееся их непрямыми столкновениями в Корее и Вьетнаме;

➔ *диалог* между цивилизациями в различных аспектах, постепенно расширяющий взаимопонимание между ними, содействующий ослаблению враждебности, повышению толерантности, готовности к сотрудничеству. Примером может служить взаимоотношение между евразийской и японской цивилизациями после Второй мировой войны;

➔ *сотрудничество* цивилизаций в решении общих проблем на взаимовыгодной основе: при военных конфликтах (например, между евразийской, североамериканской цивилизациями и частью западноевропейских стран во время Второй мировой войны), в решении общих стратегических задач (например, нераспространения ядерного оружия), при экологических катастрофах и т. п. Полям такого сотрудничества служат ООН и другие международные организации;

➔ *партнерство* — высшая форма сотрудничества цивилизаций на долгосрочной, устойчивой, взаимовыгодной основе при наличии широкой сферы общих интересов, что не исключает их расхождения в некоторых вопросах. Примером партнерства может служить взаимодействие западноевропейской и североамериканской цивилизаций в послевоенный период.

Какова *роль диалога* между цивилизациями в отношении основных форм их взаимодействия?

1. *Диалог ликвидирует социокультурные основы столкновения цивилизаций* в любом проявлении — от войн до международного терроризма. Он помогает лучше понять сущность другой цивилизации, общность интересов и базовых ценностей всех локальных цивилизаций в рамках глобальной, способствует развитию культуры мира, противостоящей культу войны. Развитие диалога цивилизаций с 80-х годов способствовало прекращению холодной войны, отдалению угрозы, по выражению **П. Сорюкина**, самокремации человечества в пламени мировой термоядерной войны. В настоящее время диалог цивилизаций является важнейшим ин-

струментом предотвращения столкновений между ними, разрастающейся эпидемии терроризма. Это подчеркнул Генеральный секретарь ООН **Кофи Аннан** в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 9 ноября 2001 г.: «Диалог между цивилизациями является краеугольным камнем глобального ответа на любого рода конфликты и насилие, прежде всего те, что основаны на фанатизме и нетерпимости. Поскольку этот диалог охватывает все части света, призывы к войне будут встречены призывами к компромиссу. Ненависть будет встречена толерантностью. Насилие — решимостью. Диалог между цивилизациями является лучшим ответом своим злейшим врагам... На протяжении всей истории такой диалог поощряет понимание и компромисс, и он способен делать это даже в сужающемся и все более связанном мире. Он может содействовать и поддерживать каждое усилие по достижению мира и каждую попытку разрешить конфликты как внутри государств, так и между ними» [там же. — С. 11, 12].

2. *Диалог помогает преодолеть противостояние цивилизаций*, возникающее на почве различия систем ценностей, непонимания значимости любой культуры и цивилизации, их многообразия, формирующего разноцветную палитру глобальной цивилизации и увеличивающего ее жизненную силу, способность адаптироваться к радикальным переменам как во внешней среде, так и во внутреннем строении каждой цивилизации, сочетая наследственность и изменчивость. Диалог противостоит представлениям об универсальности той или иной цивилизации, стремлениям некоторых политических и общественных деятелей навязать ее ценности всему миру, игнорируя и подавляя особенности прочих цивилизаций (что было свойственно западноевропейской цивилизации в период ее доминирования, а в наши дни характерно для североамериканской). В упоминавшемся выше выступлении Кофи Аннана подчеркивалось: «Диалог между цивилизациями основан скорее на понимании того, что мы представляем множественность культур и что наши убеждения отражают эту множественность, а не на послышке о том, что мы, как человечество, все одинаковы и всегда согласны друг с другом. Идея о том, что есть лишь один народ, который знает правду, один ответ на мировые проблемы или одно решение, удовлетворяющее нужды человечества, на протяжении истории причиняла огромный вред... Разнообразие является основой диалога между цивилизациями и той реальностью, которая делает этот диалог необходимым» [там же].

3. *Диалог цивилизаций является необходимой предпосылкой сотрудничества между ними*, решения нарастающего вала глобальных проблем, справиться с которыми в одиночку не способна ни одна, даже самая мощная, локальная цивилизация и которые требуют объединения усилий всего человечества. Необходимость этого доказывается в разработанной Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева к IV Международной Кондратьевской конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век» (Москва, май 2001 г.) Концепции становления многополярного мира на началах диалога и партнерства цивилизаций. В этом документе подчеркивается: «С разворачиванием глобализации взаимозависимость стран в решении узловых проблем транснационального характера будет возрастать; потребуются объединение усилий на началах сотрудничества и партнерства стран и цивилизаций для решения узловых глобальных проблем, от которых зависит будущее всего человечества. Эти проблемы относятся к шести сферам: демографической, экологической, технологической, геоэкономической, геополитической и социокультурной. Постановка и решение этих проблем позволят наполнить конкретным содержанием диалог и партнерство цивилизаций» [59. — С. 43].

4. *На основе диалога строится высшая форма взаимодействия цивилизаций — их партнерство* в решении глобальных проблем. Партнерство предполагает более глубокую степень взаимопонимания и доверия цивилизаций, устойчивость широкой сферы взаимосвязей, объединение потенциалов, создание общих институтов, необходимых для решения глобальной проблемы, что, однако, не означает поглощения одной цивилизации другой, стирания различий между ними. Так, на организованном Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева во время встречи на высшем уровне по проблемам устойчивого развития в Йоханнесбурге (2002) заседании «круглого стола» «Рентные источники глобального устойчивого развития» особо указывалось: устойчивое развитие глобальной цивилизации как единой системы, где уровень разбалансировки, поляризации локальных цивилизаций достиг критической величины, может быть достигнуто лишь на основе диалога и партнерства цивилизаций, создания общего экономического и международно-правового механизма. Последний должен предусматривать, в частности, функционирование трех глобальных фондов — экологического, технологического и социокультурного, — создаваемых за счет отчислений от

сверхприбылей, получаемых транснациональными компаниями и государствами, — мировой природной ренты, экологической антиренты, технологической и финансовой квазиренты [там же. — С. 203—207]. Это предложение, поддержанное участниками «круглого стола» (среди которых, правда, преобладали представители развивающихся стран), было направлено в ООН. Вряд ли оно может быть реализовано в ближайшие годы, так как присваивающие себе сверхприбыли ТНК и некоторые государства оказывают внедрению подобных концепций активное сопротивление, но в любом случае развитие партнерства цивилизаций в глобальном или региональном масштабе потребует формирования общих институтов. Об этом свидетельствует опыт такого цивилизационного объединения, как Европейский союз. В него входят страны западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций; туда стремятся попасть и некоторые страны иных цивилизаций (Турция, Украина). Хотя процесс создания такого партнерства из-за отрицательных результатов референдумов по конституции ЕС во Франции и Нидерландах затормозился, однако вряд ли его можно повернуть вспять. Этот урок лишь подтверждает истину: создавая институты партнерства государств и цивилизаций, нужно избегать поспешных, слишком радикальных шагов. Большинство жителей стран, столетиями отстаивавших свой суверенитет и независимость перед угрозой потерять свою социокультурную идентичность, экономическую и государственную самостоятельность, не воспринимают подобные шаги положительно.

Если рассматривать главную тенденцию развития взаимодействия цивилизаций в наши дни, можно сделать вывод: **общей тенденцией взаимодействия цивилизаций в XXI столетии будет переход от их противоборства к диалогу, сотрудничеству и партнерству**. Однако этот процесс не развивается равномерно и прямолинейно. В переходные периоды — при смене исторических эпох, мировых цивилизаций, изменениях соотношения сил и мироустройства — неизбежно обострение противоречий, усиление угрозы столкновения цивилизаций. Именно такая ситуация наблюдается в первые десятилетия XXI в., при смене исторических суперциклов и мировых цивилизаций. Однако уже во второй половине наступившего столетия можно ожидать более отчетливого проявления главной тенденции движения — через диалог к сотрудничеству и партнерству цивилизаций. Таков **исторический императив**, ибо без этого невозможно не только глобальное устойчивое развитие, но и само выживание человечества, сохране-

ние глобальной цивилизации в условиях нарастающего потока сложных проблем и противоречий. События ноября 2005 г. во Франции и других европейских странах показали, что проблемы взаимопонимания и диалога возникают и внутри цивилизаций между носителями разных систем цивилизационных ценностей.

4.2. Сферы диалога и взаимодействия локальных цивилизаций

Отношения диалога и других форм взаимодействия локальных цивилизаций охватывают практически все сферы их жизнедеятельности — социокультурную, технологическую, экономическую, экологическую, государственно-политическую. Эти отношения имеют различный уровень интенсивности для разных цивилизаций (соседних и отдаленных) и в различных фазах исторических циклов, то усиливаясь, то ослабевая.

1. Диалог цивилизаций в социокультурной сфере. Наиболее очевидный и интенсивный характер имеет диалог цивилизаций в сфере духовного воспроизводства — науки, культуры, образования, этики, религии, идеологии.

Наука (как и реализующие ее достижения инновации) не имеет четко выраженных цивилизационных признаков. Научные открытия, изобретения, концепции, теории, парадигмы появляются в разных цивилизациях в те или иные периоды времени и распространяются в пространстве глобальной цивилизации, способствуя ее прогрессу на основе эпохальных, базисных и улучшающих инноваций. Каждый переворот в науке, реализующие его научные школы имеют свой эпицентр — страну, цивилизацию, находящуюся в данный период на вершине научного творчества, затем он подхватывается и развивается учеными других стран и цивилизаций.

Обычно отсчет истории науки ведут от научной революции, происшедшей в Древней Греции в VI—IV вв. до н. э. Именно тогда в Афинах и других греческих городах-полисах наблюдался взлет научной мысли, началось формирование абстрактных наук, которые и поныне составляют фундамент научного мировоззрения. Однако в действительности наука зародилась еще в эпоху первых локальных цивилизаций в Египте, Двуречье, Индии, Китае.

В. И. Вернадский, выступая в ноябре 1926 г. на первом публич-

ном заседании Комиссии по истории знаний АН СССР, отмечал исторический характер науки: «Впервые входит в сознание человека *чрезвычайная древность человеческой культуры*, в частности древность появления на нашей планете научной мысли... Появление пачками и сосредоточение в определенных поколениях умов, могущих создавать переворот в научных исканиях человечества, и, следовательно, и в энергетике биосферы, не является случайностью и, вероятно, связано с глубочайшими биологическими особенностями Homo sapiens» [29. — С. 221, 222].

Для появления в той или иной цивилизации новой научной парадигмы требуются определенные предпосылки: научный потенциал; достаточное количество ученых, вооруженных запасом научных знаний; критическая ситуация в обществе, побуждающая творческие умы искать решения вновь возникающих проблем, поднимаясь на более высокую ступень познания.

Для распространения полученных знаний, научных открытий и парадигм в других цивилизациях необходимы те же предпосылки. Страны и цивилизации, не имеющие их, пребывают на ушедших в историческое прошлое ступенях познания. Да и в авангардной стране или цивилизации многие ученые настойчиво придерживаются устаревших воззрений, отвергая научные инновации. Поэтому и внутрицивилизационному, и глобальному пространствам присуща пестрота научных школ и парадигм, если так можно выразиться — многоукладность науки.

Диалог цивилизаций в области науки, обмен научными достижениями и открытиями осуществляется в различных формах: путем изучения опубликованных трудов; посредством личных контактов во время конференций, симпозиумов; с помощью докладов Римского клуба; во время научных экспедиций, обучения и стажировок студентов и специалистов в разных странах; с помощью современных информационных технологий — телевидения, радио, Интернета и т. п. Скорость распространения новых знаний по планете с течением времени нарастает, равно как и объем научных знаний, которые могут быть получены в результате диалога цивилизаций в научной сфере. Этому способствуют международные объединения ученых и научные организации (в качестве примера может служить деятельность Международного фонда Н. Д. Кондратьева, Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева).

Особенно актуален и плодотворен диалог цивилизаций в сфере познания в периоды научных революций, становления и распространения новых общенаучных парадигм. Такая революция развора-

чивается и в наши дни, являясь неперменной составной частью смены индустриальной мировой цивилизации постиндустриальной, а чувственного социокультурного строя — интегральным. Лидерами переворота в области естественных и технических наук являются североамериканская, западноевропейская и японская цивилизации; в области общественных наук на первые позиции имеет шансы выйти российская цивилизация. Но для распространения новой, радикально меняющейся картины мира необходимо еще большее расширение диалога и партнерства цивилизаций в научной сфере. Одной из эффективных его форм может стать создание под эгидой ЮНЕСКО интернет-портала «Всемирное научное наследие». С такой инициативой выступили Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Санкт-Петербургский государственный университет.

В области *культуры* диалог цивилизаций развивается на всем протяжении их существования, но имеет иные формы, чем в области науки, поскольку культура каждой цивилизации своеобразна и неповторима, входит в состав ее оригинального генотипа. И хотя цивилизационный обмен культурными ценностями идет полным ходом, распространяются художественные и архитектурные стили, унифицируются технические средства распространения культур (печатный станок, радио, телевидение, Интернет), по-прежнему важно сохранять культурное разнообразие, избегать стандартизации культур. В истории человечества неоднократно происходила гибель культур в результате столкновения цивилизаций (пример — минойская культура). Огромный ущерб культурному наследию наносят войны, особенно мировые.

Общей тенденцией является усиление взаимовлияния национальных и цивилизационных культур, обмена культурными ценностями, формирование глобального информационно-культурного пространства, что способствует взаимопониманию народов, входящих в разные цивилизационные сообщества. Авторы доклада ООН о диалоге цивилизаций считают, что «в XXI веке самыми серьезными угрозами международной безопасности будут культурные, а не экономические и политические проблемы» [165. — С. 51].

Однако нельзя не отметить и опасную тенденцию, проявившуюся в период заката индустриального общества, когда с помощью современных информационных технологий в мире началось распространение массовой культуры. Она лишена каких-либо национально-цивилизационных особенностей и все больше вытесняет высокую и народную культуру. В противовес этой тенденции

в конце XX в. возникли и признаки приближающегося ренессанса высокой культуры.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятая в ноябре 2001 г., отмечает, что «процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием информационных и коммуникационных технологий, хотя и представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями» [44. — С. 14]. В декларации подчеркивается: «будучи и источником новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [там же. — С. 15]. ЮНЕСКО призывает осуществить переход от культурного разнообразия к культурному плюрализму: «В нашем обществе, которое становится все более разнообразным, следует обеспечить гармоничное взаимодействие и стремление к сосуществованию людей и сообществ с плюралистической многообразной и динамичной культурной самобытностью... Политический плюрализм представляет собой политический ответ на реалии культурного разнообразия. Культурный плюрализм, неразрывно связанный с демократией, создает благоприятную среду для культурных обменов и расцвета творческих способностей, питающих жизненные силы общества» [там же. — С. 15].

В начале XXI в. усилились две тенденции, угрожающие культурному разнообразию и препятствующие диалогу культур. С одной стороны, современные информационные коммуникационные технологии, и прежде всего Интернет, являются мощным каналом навязывания культурных и цивилизационных ценностей Запада иным цивилизациям и культурам, особенно молодому поколению, в формировании мировоззрения которого все большую роль играют технологии. Это реальная и быстро возрастающая угроза уничтожения культурного и цивилизационного разнообразия, деградации духовной сферы человечества. С другой стороны, усиление национальной и цивилизационной идентификации, подчеркивание самобытности культур, попытки обособить их от глобального культурного прогресса обедняют духовный мир каждой нации и всего человечества. Подобные негативные установки отчетливо проявились на постсоветском пространстве в 90-е годы, когда русский язык как язык межнационального и межцивилизационного общения, представляющий богатство русской культуры, в ряде

стран СНГ и бывших стран СЭВ стал ограничиваться и вытесняться. Мало того, в отдельных государствах проводится активная дискриминация русскоязычного населения, преподаванию русского языка и литературы ставятся всевозможные препоны. Тем самым небольшим народам не дают возможности участвовать в межгосударственном и международном диалоге культур.

Надо полагать, что в перспективе эти ограничения и реальные угрозы будут преодолены, будет найдено оптимальное соотношение между самобытностью культур и цивилизаций и их открытостью для диалога и взаимообогащения.

Важнейшим пространством диалога и сотрудничества цивилизаций является **образование**. С его помощью у подрастающего поколения формируются необходимые знания и навыки, молодежь воспринимает цивилизационный генотип, духовное наследие, созданное предыдущими поколениями. Каждая цивилизация имеет свою, веками создаваемую систему образования, которая отвечает специфическим условиям ее развития, ее культурным ценностям.

У одних цивилизаций преобладает светское образование, у других — религиозное; есть различия и в общем уровне грамотности населения, и в количестве и структуре ступеней образования. В то же время преобладает тенденция сближения национальных систем образования, требований к их содержанию и институциональным формам. Между странами и цивилизациями идет активный диалог в области образования как через деятельность ЮНЕСКО, провозгласившей Всемирное десятилетие развития образования, так и через обмен студентами и преподавателями, учебными материалами и технологиями, распространение систем непрерывного образования и дистанционного обучения, использование в образовательных целях Интернета.

Однако этот процесс имеет и свои отрицательные стороны. Они связаны со стремлением к стандартизации и излишней прагматичности образовательных систем, к их унификации по западным образцам, ослаблением творческих начал, запоздалой передачей следующему поколению постиндустриальной научной парадигмы. Эти тревожные признаки все более проявляются в проводимой в России реформе образования, ориентированной на западные стандарты. Результат — утрата сложившихся в России школ и течений креативной педагогики, которые позволяли бы специалистам находить эффективные решения в нестандартных ситуациях.

Диалог и взаимодействие цивилизаций в **религиозной сфере** играют двоякую роль. С одной стороны, с помощью мировых

религий (католицизма, православия, ислама, буддизма и т. д.) формируется и цементируется духовная общность различных народов, этносов, наций, входящих в одну цивилизацию. С другой — межконфессиональные противоречия нередко становятся причиной межцивилизационных столкновений, религиозных войн для «истребления неверных». Общей тенденцией XIX в. и большей части XX в. было ослабление влияния религий. Однако в конце прошлого столетия оно вновь усилилось, во всем мире появилось множество религиозных сект и верований, что было вызвано общим кризисом духовной сферы в период заката индустриального общества.

Ренессанс религий и диалог между ними имеет свои положительные стороны, способствуя укреплению моральных устоев цивилизаций, семейных уз, противодействуя потере духовности и подрыву веками складывавшихся этических норм. В основе всех мировых религий лежат общие моральные устои, и диалог конфессий помогает их выявить, преодолеть враждебность к инаковому или неверующим, победить религиозный фанатизм.

В то же время опасной тенденцией стало распространение религиозного фундаментализма, человеконенавистнических сект, а также стремление церковных институтов занять доминирующее положение в обществе и государстве, подчинить себе иные формы духовной жизни и политическую сферу, вернуться к господствующему положению церкви периода средневековья, восстановить преобладание идеационального (сверхчувственного) социокультурного строя с присущими ему институтами. Предсказанное Питиримом Сорокиным становление интегрального социокультурного строя поможет установить оптимальные пропорции и взаимоотношения между различными составляющими духовной жизни, чему будет способствовать диалог между конфессиями и цивилизациями.

Одной из фундаментальных основ развития диалога между цивилизациями авторы доклада ООН считают выработку **глобальной этики**, которая должна синтезировать ценности всех цивилизаций. Идея глобальной этики была выдвинута Парламентом мировых религий в 1993 г.: «Глобальная этика для институтов гражданского общества, для лидеров и представителей требует страстного желания и стремления к миру, справедливости, партнерству, правде. Это четыре стояка системы глобальной этики, которые помогут нам выйти из порочного лабиринта бесконечной ненависти и встать на путь примирения» [165. — С. 158]. Глобальная этика

поможет преодолеть «семь социальных грехов человека», названных **Махатмой Ганди**:

«Политика без принципов,
Богатство без труда,
Удовольствие без совести,
Знание без честности,
Бизнес без морали,
Наука без гуманности,
Религия без жертвенности» [там же. — С. 160].

Необходимость выработки свода этических правил и морали, меняющего характер глобализации и ставящего ее на службу всему человечеству, подчеркивал папа Иоанн Павел II в обращении к Папской академии социальных наук в 2001 г.: «Глобализация априорно не хороша и не плоха. Она будет такой, какой ее делают люди. Никакая система не может завершить самое себя, поэтому следует настаивать, чтобы глобализация, как любая другая система, была бы на службе у человечества; она должна служить солидарности и общему благу... Человечество, начав процесс глобализации, не может обходиться без общего свода этики и морали. Этот свод не означает единственную доминирующую социально-экономическую систему или культуру, которая бы навязывала свои ценности и критерии этической аргументации. Всеобщие человеческие ценности существуют во всем многообразии культурных форм, и их следует найти и выделить как ведущую силу всего развития и прогресса» [там же. — С. 159].

Диалог религий, являющийся важной составной частью диалога цивилизаций, должен способствовать выработке и распространению основ глобальной этики. И не путем замены ныне существующих, закреплённых столетиями этических ценностей отдельных культур, а путем выявления их общего знаменателя — общечеловеческой системы ценностей как неперемного элемента генотипа глобальной цивилизации, путем преодоления межцивилизационных конфликтов, религиозного фундаментализма, в какой бы форме и в рамках какой бы конфессии или секты они ни проявлялись. В этом заключается важнейшая функция всех религий и религиозных институтов, их ответственность перед прошлыми, настоящим и будущими поколениями. Это одна из тех ниш, которую религия может занять в будущем интегральном обществе.

Не следует думать, что становление диалога цивилизаций во всем многообразии его форм и сфер действия — процесс быстрый.

Он займет десятилетия, если не столетия, потребует преодоления веками складывавшихся стереотипов взаимного недоверия и вражды, *обучения диалогу* следующих друг за другом поколений людей. Лишь на этой основе можно реализовать ту оптимистическую надежду, которую выразили авторы доклада ООН о диалоге цивилизаций: «Мы верим, что позитивные силы глобализации и здоровый поиск национально-культурной идентичности могут создать благую тенденцию, которая в ближайшие десятилетия поднимет на новый уровень духовность людей. Единство, взаимное обучение и многообразие человеческого наследия определяют благоприятные последствия глобализации, которая приветствует и стимулирует развитие общества. Это укрепит взаимные связи между цивилизациями и сделает возможным их диалог, в ходе которого голос каждой цивилизации отзовется эхом, воодушевит и вдохновит других. Звучащий стройный аккорд — это настоящая многонациональная гармония, отражающая культуры разных народов и разных времен. В связи с этим хотелось бы отметить, что самой фундаментальной и широко распространенной ценностью, лежащей в основе всех общих ценностей, становится гуманизм» [там же. — С. 64].

Однако, оценивая нынешнюю ситуацию в мире с позиции трезвого реализма, следует отметить, что для такой гармонии и торжества гуманизма пока еще далеко (хотя, по нашему мнению, гуманизм вместе с ноосферным мышлением и образом действий является ядром постиндустриальной мировой цивилизации, ее специфической особенностью). Пока же голоса и инструменты «мирового оркестра» звучат в духе враждебности, противостояния государств и цивилизаций. Потребуется мобилизация всех здоровых сил человечества и десятилетия работы, чтобы межцивилизационная гармония, диалог и партнерство стали преобладающими.

2. Диалог и взаимодействие цивилизаций в сфере экономики являются важнейшими условиями прогресса локальных цивилизаций уже с момента их возникновения. В основе диалога лежит международное разделение труда, нарастающий обмен товарами и услугами, поэтапное формирование континентальных и мировых рынков. Рынок является миротворцем, он порождает взаимный экономический интерес к укреплению межгосударственного и межцивилизационного сотрудничества.

Каждая историческая эпоха, каждая последующая мировая цивилизация вносит свой вклад в упрочение экономических связей

и развитие их форм. В конце XX в. экономическое взаимодействие осуществляется путем обмена товарами и услугами, валютно-финансовых отношений, создания международных финансовых институтов (Всемирный банк и Международный валютный фонд), интеграционных союзов (Европейский союз, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество, НАФТА), транснациональных корпораций, обучения менеджеров, интенсивного обмена опытом экономического управления и ведения деловых операций и т. д.

Объем мировой торговли между странами и цивилизациями растет опережающими темпами по сравнению с ВВП. Экспортная квота (отношение экспорта к ВВП) в целом по миру выросла с 10,8% в 1960 г. до 20,2% в 2000 г., в том числе по развитым странам с 9,1% до 16,7%, по развивающимся странам — с 12% до 31,4%, по странам с переходной экономикой — с 7,4% (1970 г.) до 37,7% [202. — С. 45].

Собственно говоря, вся система экономических отношений как внутри страны, так и в мировом хозяйстве пронизана диалогом — между продавцами и покупателями, производителями и потребителями товаров и услуг, кредиторами и должниками, плательщиками налогов и фискальными органами, инвесторами и реципиентами, государствами и международными экономическими организациями. Исторический опыт подтверждает это. Не случайно разведчиками и первопроходцами в диалоге цивилизаций были купцы, рисковавшие товарами и жизнью в своих дальних странствиях. Чтобы продать свои товары в чужих странах, купцы должны были не только найти общий язык с местными покупателями, но и погрузиться в иную цивилизацию, понять ее сущность и особенности, определяющие спрос на те или иные товары. Великие торговые пути — Великий шелковый путь, пути «из варяг в греки» и «из варяг в персы», Великий Волжский путь, морские и океанические пути в Индию и Америку одновременно были магистральями диалога цивилизаций. Движение по ним не только способствовало более полному насыщению рынков разнообразными товарами, развитию международной конкуренции и кооперации, но и благоприятствовало экономическому прогрессу, помогало осваивать более эффективные формы экономических отношений, распространять и унифицировать товарно-денежные институты и инструменты.

Однако следует сразу отметить, что межцивилизационные экономические отношения бывают двух типов. Один из них предполагает неравноправные отношения между экономическими парт-

нерами, доминирование более сильной цивилизации, экономическое принуждение, неэквивалентный обмен. Так было и в древности, когда мировые империи, включавшие экономики разных цивилизаций (империя Ахеменидов, Александра Македонского, Римская империя), организовывали обмен между центром и периферией, выкачивая из провинций значительную часть прибавочного, а то и необходимого продукта. Так было в период завоевания западноевропейской цивилизацией Америки, Африки, Океании, когда потоки золота и серебра, экзотических товаров устремились в метрополии колониальных империй. Такого же рода неравноправные отношения наблюдаются и сейчас, когда ТНК забирают у более слабых стран и цивилизаций (не только из африканской, латиноамериканской, но и из распавшейся в 90-е годы евразийской) ресурсы, капиталы, рабочую силу. Это дало основание **Н. Н. Моисееву** характеризовать современный «мир ТНК» как дьявольский насос, выкачивающий из отсталых стран капиталы, ресурсы, таланты [136. — С. 151].

Конечно, и здесь можно говорить об экономическом диалоге цивилизаций; но это скорее форма, поскольку содержанием является господство сильных цивилизаций над слабыми, поляризация с помощью экономических инструментов доходов разных стран и цивилизаций. Так, с 1950 по 2000 г. разрыв по уровню ВВП на душу населения по паритету покупательной способности между североамериканской и африканской цивилизациями вырос с 8,9 до 37,8 раза [133. — С. 511—512].

Диалог между цивилизациями в экономической сфере предполагает перелом сложившихся ранее форм неравноправного обмена, формирование такого типа отношений, который будет способствовать сближению уровней экономического развития разных стран, опережающему темпу роста ВВП и уровня жизни в отсталых, наиболее бедных государствах. В 2003 г., по данным Всемирного банка, средний доход на душу населения стран с высоким уровнем доходов (972 млн человек — 15,5% населения мира) превышал аналогичные показатели в странах с низким уровнем доходов (3312 млн человек — 36,9% населения мира) в 65 раз по текущему валютному курсу и в 14 раз — по паритету покупательной способности [271. — С. 24]. Глобализация же, базирующаяся на неолиберальной модели, углубляет пропасть между богатыми и бедными народами и цивилизациями.

Авторы доклада ООН о диалоге между цивилизациями выражают надежду, что он будет способствовать преодолению этой

пропасти: «Мы надеемся, что с помощью диалога между цивилизациями можно поддержать позитивные силы глобализации, чтобы укрепить материальное, моральное, эстетическое и духовное благосостояние, а также позаботиться о тех безгласных и обездоленных, кто оказался в непривилегированном положении из-за современных тенденций развития экономики» [165. — С. 57].

Но эту надежду нужно наполнить конкретным содержанием, выработать новый глобальный экономический порядок, систему межцивилизационных экономических отношений, имеющих целью сократить разрыв между богатыми и бедными странами и цивилизациями. Этому могли бы способствовать выработанные Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и предложенные на заседании «круглого стола» Глобального гражданского форума в рамках Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002) механизмы формирования глобальных фондов за счет отчислений от сверхприбылей, полученных в результате использования преимуществ мировой торговли и глобализации (рис. 4.2).

Фонды эти пополнялись бы следующим образом:

➔ **глобальный экологический фонд** — за счет отчислений от мировой природной ренты при экспорте природного сырья, а также изъятия мировой экологической антиренты, полученной вследствие хищнического использования природных ресурсов и нанесения ущерба окружающей среде (здесь может быть использован модифицированный механизм Киотского протокола);

➔ **глобальный технологический фонд** — за счет отчислений от мировой технологической квазиаренты, то есть сверхприбыли при экспорте продукции машиностроения, высокотехнологичной продукции, вооружений;

➔ **глобальный социокультурный фонд** — за счет отчислений от мировой финансовой квазиаренты, полученной в результате операций на мировых фондовых биржах.

Создание таких фондов стало бы конкретной формой диалога и партнерства цивилизаций в экономической сфере, позволило бы изменить характер глобализации, используя ее преимущества для сближения уровня жизни населения в разных странах и цивилизациях, ослабить вопиющее неравенство между ними, которое служит питательной средой для межнациональных конфликтов и международного терроризма.

3. Диалог цивилизаций в технологической сфере очевиден. Энергетические источники, технологии, новые орудия и предметы

Рисунок 4.2.

Система глобальных фондов

труда, формы его организации, доказавшие свою эффективность и способствующие росту его производительности, — все это путем обмена технологическим опытом тут же становится достоянием многих цивилизаций, находит выражение в смене поколений техники и технологий, технологических укладов, технологических способов производства и способствует переходу мировой и гло-

бальной цивилизации на новый технологический уровень. Это проявляется в том, что периодически по планете прокатываются волны базисных и эпохальных инноваций, которые реализуются в потоках улучшающих инноваций.

Однако этот путь диалога и прогресса цивилизаций не так прост, последователен и безоблачен, как может показаться с первого взгляда.

Во-первых, технологический прорыв осуществляется авангардными цивилизациями и странами, которые располагают необходимыми предпосылками и условиями для него. Остальные страны и цивилизации находятся либо во втором эшелоне, подхватывая освоенные лидерами технологические достижения, либо в третьем эшелоне, где преобладают ушедшие в прошлое технологические уклады, а то и технологические способы производства, и нет ни кадровых, ни производственных, ни финансовых ресурсов для осуществления прорыва.

Во-вторых, авангардные страны и цивилизации используют свои конкурентные преимущества для того, чтобы в максимальном объеме и возможно дольше получать сверхприбыль — мировую технологическую (инновационную) квазирену, эксплуатируя технологическую отсталость своих партнеров на мировом рынке.

В-третьих, страны-лидеры активно используют механизмы реализации патентного права для присвоения технологической квазирену (включая ее интеллектуальную составляющую), монополизации технологических достижений. По данным Всемирного банка, в 2002 г. страны с высоким доходом получили 97,9% роялти и лицензионных платежей (90,5 млрд долл.), тогда как страны с низким доходом — всего 0,05%, Россия — 0,19% [271. — С. 316].

Разница технологических уровней развития цивилизаций, определяя конкурентоспособность их продукции на мировых рынках, лежит в основе их экономической стратификации. Поэтому важнейшим направлением диалога и партнерства цивилизаций должно стать их сотрудничество в освоении и распространении постиндустриального технологического способа производства, современного пятого и перспективного шестого технологических укладов. Это позволит сократить технологический разрыв между странами мира, многократно возросший за два с лишним века преобладания индустриальной мировой цивилизации.

4. Экологическая сфера диалога цивилизаций обусловлена значительной разницей как по уровню обеспечения цивилизаций разнообразными природными ресурсами, необходимыми для жиз-

недеятельности населения планеты, так и по уровню загрязнения окружающей среды (в том числе радиационному), объему вредных выбросов в атмосферу и т. п. Так, в 2002 г. на страны с высоким уровнем доходов (североамериканская, западноевропейская и японская цивилизации) приходилось 37,3% производимой в мире энергии и 51% ее потребления, а в 2000 г. — 51,4% выбросов в атмосферу двуокиси углерода. На страны же с низким уровнем дохода (в основном индийская, африканская и мусульманская цивилизации) — соответственно 11,2%, 10,6% и 7,7%.

Во взаимоотношениях человека и природы, в борьбе с природными катаклизмами и катастрофами, с растущим загрязнением окружающей среды ярче всего проявляется общность интересов локальных цивилизаций. По мере того как усиливается влияние человеческой деятельности на биосферу, развивается ноосфера, нарастает угроза локальных и глобальных экологических катастроф, эта общность интересов становится все более очевидной. Однако влекомые ближайшими целями, в погоне за прибылями и экономическим ростом страны-лидеры потребляют неизмеримо больше природных ресурсов, в глобальных масштабах загрязняют вредными выбросами атмосферу, моря и океаны; это же относится и к странам с высокой концентрацией населения.

Экологическое взаимодействие локальных цивилизаций осуществляется в различных формах:

- ➔ совместного использования на основе международной торговли и прямых иностранных инвестиций природных ресурсов, имеющих глобальный характер, прежде всего энергетических;
- ➔ объединения усилий по сокращению вредных выбросов в природную среду и при ликвидации природных катастроф и бедствий межцивилизационного и планетарного значения;
- ➔ выработки общей концепции устойчивого развития, перспективной экологической политики, международных экологических стандартов, мер по предупреждению разрушения озона.

Наиболее полное выражение диалог и сотрудничество цивилизаций в сфере экологии нашли выражение в следующих документах и мероприятиях:

- ➔ проведение Стокгольмской конференции по окружающей среде, создание Программы ООН по окружающей среде (1972);
- ➔ разработка Всемирной стратегии охраны природы (1980);
- ➔ образование Глобальной системы наблюдения за климатом (1990);
- ➔ образование Глобального экологического фонда (1991);

➔ подготовка и публикация доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Our Common Future» («Наше общее будущее»), с обоснованием концепции устойчивого развития. Суть ее выражена в краткой формуле: «Устойчивое развитие является процессом изменений, в которых эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и институциональные изменения находятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений» [142. — С. 53], оптимально сочетая интересы настоящего и будущих поколений. Доклад был опубликован в 1987 г., русский перевод — в 1989 г.;

➔ проведение конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992), одобряющей концепцию устойчивого развития;

➔ одобрение Киотского протокола (1997), наметившего формирование глобального экономического механизма, стимулирующего сокращение вредных выбросов в окружающую среду;

➔ подготовка и публикация ЮНЕП доклада «Глобальная экологическая перспектива — 3. Прошлое, настоящее и будущее» (2002). В нем рассмотрены четыре сценария глобального экологического развития на перспективу до 2032 г. и намечена программа совместных действий [46. — Разд. 3, 4];

➔ организация Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию и Глобального гражданского форума в Йоханнесбурге (2002), на которых была подтверждена и развита глобальная концепция устойчивого развития, особое внимание уделено проблемам альтернативной энергетики, водных ресурсов.

Пожалуй, в сфере экологии достигнут наиболее впечатляющий прогресс в диалоге и сотрудничестве цивилизаций, хотя многие вопросы еще не решены.

5. Диалог цивилизаций в геополитической сфере носит наиболее сложный, противоречивый, неустойчивый характер. Если первая половина XX в. была отмечена двумя самыми кровопролитными в истории человечества меж- и внутрицивилизационными конфликтами — Первой и Второй мировыми войнами, то во второй половине столетия взял верх диалог цивилизаций, хотя и шедший на фоне холодной войны, сопровождавшейся конфликтами межцивилизационного характера (войны в Корее и Вьетнаме). Конец биполярного мира, распад СССР, СЭВ, Варшавского договора ознаменовало обострение локальных межци-

визационных конфликтов (Югославия, Таджикистан, Закавказье, Молдавия, оккупация Афганистана и Ирака), всплеск международного терроризма как новейшей формы противоборства цивилизаций. Это делает проблему их диалога еще более актуальной.

Не менее важным является формирование нового геополитического мироустройства, гарантирующего равноправие, сотрудничество, взаимный учет интересов всех цивилизаций, независимо от их масштабов, экономической и военной силы. Эту идею подчеркивал президент Ирана Саид Мухаммед Хаттами в речи на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 1998 г.: «Признание необходимости, а также важности диалога и отказа от силы, содействие пониманию в культурной, экономической и политической областях, укрепление основ свободы, справедливости и прав человека находятся в числе самых ценных достижений этого столетия. Укрепление взаимного уважения, будь то на национальном или международном уровнях, является условием для диалога среди общества и цивилизаций, представляющих различные взгляды, традиции и подходы. Если человечество в начале нового века и тысячелетия приложит свои силы к тому, чтобы наладить диалог, заменив враждебность и конфликты на вступление в переговоры и взаимопонимание, оно оставит бесценное наследие на благо будущих поколений» [165. — С. 26].

Препятствием на пути к диалогу становится стремление самой мощной цивилизации — североамериканской — установить глобальное доминирование единственной оставшейся сверхдержавы — США, навязать западную систему ценностей всем остальным цивилизациям. Однако эти действия встречают все возрастающее сопротивление и становятся опасным импульсом для межцивилизационных конфликтов. Преодолеть подобные угрозы можно лишь путем диалога и сотрудничества всех цивилизаций в рамках многополярного мира, признавая их многообразие и равноправие, учитывая своеобразие интересов и исторического опыта. Глобализация и расширение личных контактов между представителями разных цивилизаций создают для этого благоприятные условия, что отмечает Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан: «Сегодня глобализация, миграция, возможность общения и путешествий привели к тому, что представители разных рас, культур, этнических групп могут чаще общаться друг с другом. Более чем когда-либо люди стали понимать, что они формируются под влиянием многих культур и что умение одновременно воспринимать и свое,

и чужое становится мощным источником и знания, и понимания» [там же. — С. 15].

Любая локальная цивилизация и составляющие ее государства находятся в постоянном контакте с соседями. Взаимодействие цивилизаций здесь находит выражение в двух крайних формах (войны либо, напротив, военно-политические союзы) и множестве промежуточных состояний. Речь не обязательно идет об общецивилизационном партнерстве или столкновении — такое встречается редко (пример тому — монгольское нашествие, крестовые походы, наполеоновские войны). Чаще войны и союзы возникают между соседними государствами, входящими в разные цивилизации. При любых формах соперничества и сотрудничества происходит активный обмен техническими средствами и приемами ведения войны, стремительное распространение технических достижений в этой области (огнестрельное оружие, танки и самолеты, атомное оружие и т. п.). Но столкновение не исключает и диалога. Заимствуются эффективные формы организации политической власти: в XIX в. так произошло распространение парламентаризма, а во второй четверти XX столетия — организации вооруженных сил и военно-политических союзов. Поскольку от военно-политических успехов зависят выживание государств, судьбы народов и цивилизаций, то в этой области наблюдаются концентрация интеллектуальных и финансовых ресурсов и острое соперничество. Общей тенденцией является нарастание (неравномерное, с пиком в периоды войн и военных приготовлений) роли милитаризма в экономике и в целом в обществе. Достижения военно-технического прогресса со временем осваиваются и в гражданских отраслях. Однако на деле войны и милитаризм сдерживают развитие глобальной цивилизации, поскольку производством духовной и гражданской продукции занимается наиболее активная и квалифицированная часть населения, а в войнах гибнут миллионы людей, разрушаются материальные ценности народов, уничтожаются культурно-исторические памятники.

6. Диалог цивилизаций наблюдается даже в условиях военных конфликтов.

Создание оружия массового уничтожения делает столкновение между цивилизациями в глобальных масштабах бессмысленным: в нем не будет победителей. Это делает насущной потребностью диалог цивилизаций в области разоружения, что находит выражение в российско-американских договоренностях и практических шагах по ограничению и сокращению некоторых видов оружия

массового поражения, уничтожению части такого оружия, в противодействии распространению ядерного вооружения.

4.3. Институты диалога цивилизаций

Во второй половине XX в. сформировался ряд международных институтов, через которые осуществляется диалог цивилизаций; роль этих институтов будет возрастать в наступившем столетии, одновременно с дальнейшим расширением и интенсификацией диалога и сотрудничества цивилизаций.

1. Универсальные институты — ООН и ее организации.

Наиболее всеобщим, охватывающим все цивилизации институтом диалога цивилизаций является Организация Объединенных Наций: ее главные органы (Генеральная Ассамблея ООН, Совет Безопасности, Генеральный секретарь ООН) и специализированные подразделения (Экономический и Социальный совет, ЮНЕСКО, ЮНЕП, ПРООН, Всемирная организация здравоохранения, Всемирная продовольственная организация и др.). Хотя основными действующими лицами в этих организациях выступают государства, однако в реальной работе все более отчетливо проявляется тенденция диалога цивилизаций (тем более, что отдельные члены ООН представляют самостоятельные цивилизации — китайскую, индийскую, японскую) и взаимодействия с неправительственными организациями, выражающими интересы глобального гражданского общества. Эта тенденция отчетливо проявилась на встрече в верхах по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002), когда наряду с заседаниями правительственных делегаций проходил и Глобальный гражданский форум. В его работе приняли участие около 50 тыс. ученых, политических деятелей, экологов, представителей молодежных организаций. Авторы доклада ООН по диалогу между цивилизациями предвидят, что такая тенденция в дальнейшем усилится: «В известном смысле система ООН предлагает рамки, в которых когда-нибудь будет создана великая коалиция между гражданским обществом и институтами... После создания такой коалиции институты смогут выжить лишь в том случае, если будут удовлетворительно отвечать на вопросы, предъявляемые гражданским обществом, а гражданское общество сможет сохранить лидирующие позиции, если будет отвечать нашим общим убеж-

дениям, ценностям и надеждам на расцвет многообразия при отсутствии страха» [165. — С. 134–135].

Постепенно прорисовываются контуры будущего властного механизма самоуправления глобальной цивилизации, основанного на принципе разделения и кооперации властей:

➔ *глобальный представительный орган* — Генеральная Ассамблея ООН, которая постепенно будет наделяться все большими законодательными функциями, определять перспективы глобального устойчивого развития;

➔ *исполнительные органы* — Совет Безопасности ООН, Генеральный секретарь ООН и его аппарат — нечто вроде Всемирного правительства;

➔ *международные трибуналы и суды*, реализующие функции глобальной судебной власти на основе глобального права.

В деятельности ООН все более активно будут принимать участие международные неправительственные организации, сообщества ученых, религиозных деятелей и т. п. Эта тенденция отмечена в том же докладе: «Вероятно, ряд уже существующих сообществ следовало бы так или иначе подключить к деятельности ООН. Не логично ли предположить, что во времена богатой технологической эволюции, во времена биотехнологии и генной инженерии ученые могли бы занять первые ряды кресел в работе этой всемирной организации и внести свой вклад в политические дебаты? Такая деятельность подходит им как ничто другое, ибо научное сообщество по необходимости было глобализировано раньше других, еще до наступления последнего десятилетия. Быть может, в ближайшем будущем станет возможной консультативная роль Совета безопасности ученых при Генеральном секретаре» [там же. — С. 130]. Вероятно, уместнее говорить о Совете мудрецов, чем о Совете безопасности. Во всяком случае, очевидна необходимость привлекать лучшие интеллектуальные силы планеты для решения сложнейших вопросов функционирования и развития глобальной цивилизации, диалога и конфликтов между локальными цивилизациями.

Предложения о трансформации ООН в этом направлении высказывались авторами настоящего исследования на заседании «круглого стола» Всемирной встречи по устойчивому развитию в Йоханнесбурге и были опубликованы. Эти предложения включают следующие элементы:

➔ придание Генеральной Ассамблее ООН некоторых функций глобального законодательного органа; расширение состава

Совета Безопасности, дабы он представлял все локальные цивилизации;

➔ возложение на специализированные организации ООН функций по отдельным направлениям реализации глобальной стратегии устойчивого развития;

➔ создание под эгидой ООН и ЮНЕСКО глобального научного совета по устойчивому развитию, в который вошли бы выдающиеся ученые всех цивилизаций.

Расширение функций глобальных органов вовсе не означает отказ от суверенитета национальных государств; однако они вынуждены передавать некоторую часть своих функций на глобальный уровень, чтобы обеспечить выживание и развитие всего человечества, предотвратить самоубийственное столкновение цивилизаций.

Мы полагаем, что исторической тенденцией развития глобальной цивилизации на ближайшие десятилетия станет трансформация ООН и других международных институтов во *Всемирную конфедерацию государств и цивилизаций* (см. т. II, §15.2).

Глобальные институты должны строиться на основе равноправного диалога и сотрудничества всех цивилизаций, чтобы избежать опасности гегемонии одной сверхдержавы, на что ориентирует **З. Бжезинский**: «Американская мощь проявляется через глобальную систему явно американского покроя, отражающую внутренний американский опыт... Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия... Американское превосходство, таким образом, породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы» [17. — С. 36, 40–41].

Это откровенная заявка на формирование глобальной империи, в которой США принадлежит доминирующая роль, а остальные цивилизации копируют и воспроизводят ее ценности. К счастью, такой унифицированный, однополярный мир не имеет шансов стать удручающей реальностью. Более реален другой путь — формирование многополярного мира на основе диалога и сотрудничества всех цивилизаций, сохраняющих свою самобытность.

2. Региональные межцивилизационные объединения типа Европейского союза, Африканского союза, НАФТА, Азиатско-

Тихоокеанского экономического сообщества, Шанхайской организации сотрудничества, НАТО и т. п. Они объединяют государства, принадлежащие к нескольким цивилизациям, выражают общность их интересов, являются широким полем диалога и сотрудничества цивилизаций. Некоторые из этих организаций достигли высокой степени взаимодействия (например, Европейский союз, объединяющий ныне западноевропейскую и восточноевропейскую цивилизации). Для других характерны менее интенсивные связи, но широкое пространство для диалога цивилизаций (АТЭС). Можно ожидать, что подобные межцивилизационные институты будут усиливать плодотворность диалога и сотрудничества цивилизаций. Однако следует учитывать и опасность противостояния интересов некоторых из этих организаций.

3. Международные экономические организации — Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная туристская организация и т. п. — осуществляют диалог цивилизаций в определенной сфере экономических интересов. Однако и здесь есть угроза доминирования развитых цивилизаций, как это проявляется в деятельности ВТО и МВФ.

4. Глобальное право — постепенно формирующийся институт диалога и сотрудничества государств и цивилизаций. Это новый этап в развитии давно существующего международного публичного и частного права. Отдельные его элементы уже созданы — общепризнанные нормы, целями которых является запрет распространения ядерного оружия и его испытаний, мирное использование атомной энергии, борьба с наркотиками, улучшение экологии. В этом же ключе действуют нормативные правила, принимаемые в рамках ООН, ВТО и других подобных организаций. Однако они охватывают лишь некоторые сферы правового регулирования жизни глобальной цивилизации. Во взаимодействиях между государствами и ТНК действуют нормы международного права, выражающие компромисс их интересов. Формирование системы глобального права растянется, вероятно, на весь XXI век. Это создаст определенные правовые рамки для диалога и сотрудничества цивилизаций, разрешения конфликтов, периодически возникающих между ними в различных сферах — экономической, экологической, в борьбе с международным терроризмом и наркобизнесом и т. п.

При этом может быть очень полезен опыт регулирования внутри- и межцивилизационных отношений в рамках существующих региональных международных организаций, например Европейского союза.

Формирование глобального права, его использование в процессе диалога и сотрудничества цивилизаций предполагает решение ряда непростых проблем. Во-первых, необходимо придать международным представительным органам, выражающим интересы всех стран мира (например, Генеральной Ассамблее ООН), законодательные функции, признать издаваемые ими акты обязательными для всех участников глобальных отношений — государств, цивилизаций, ТНК, неправительственных организаций и др. Во-вторых, сформировать систему глобальных органов, которые бы следили за соблюдением норм глобального права и имели право в случае необходимости принудить нарушителей к их исполнению. В-третьих, нужно распространить правосубъектность не только на государства, но и на цивилизации. Это проще сделать, когда границы тех и других совпадают (Япония, Индия). В иных случаях субъектом права может выступать цивилизационное объединение (Европейский союз) либо потребуются наделить глобальной правосубъектностью организации, представляющие интересы всех входящих в данную цивилизацию стран. Эти вопросы требуют исследования и решения с участием правоведов. Проблема институционализации цивилизаций еще ждет своего решения.

5. Транснациональные корпорации и мировые финансовые центры, предприятия, действующие в сфере экономических отношений между цивилизациями. Эта сфера взаимодействия цивилизаций наиболее интенсивна и значима для усиления их заинтересованности в диалоге и сотрудничестве. По данным Всемирного банка, в 2003 г. объем мирового экспорта товаров составил 7573,7 млрд долл., экспорта услуг — 1729,1 млрд долл. (суммарно 9307,8 млрд долл., или 25,5% от мирового объема ВВП, причем эта доля нарастает) (табл. 4.1).

Экономический обмен между странами растет опережающими темпами: доля экспорта товаров и услуг в ВВП выросла за 13 лет с 19,6% до 25,5%, а их общий объем — в 2,2 раза, причем основную долю в нем занимают страны с высоким доходом (77% в 2003 г.). Конечно, далеко не весь этот объем относится к межцивилизационному обмену; значительная его доля приходится на товарообмен внутри западноевропейской цивилизации.

Таблица 4.1.

Динамика и структура экспорта товаров и услуг*

Показатели	Объем ВВП, млрд долл.		Объем экспорта, млрд долл.			Доля экспорта в ВВП, %		Экспорт 2003 г., в % к 1990
	1990	2003	1990	2003	% к миру	1990	2003	
Весь мир	21 688	36 461	4255	9305	100	19,6	25,5	219
Страны с высоким доходом	17 691	29 341	3493	7208	77,4	19,7	24,6	206
США	5757	10 949	527	1012	10,9	9,2	9,2	192
Страны с низким и средним доходом	3948	7125	761	2298	24,7	19,0	32,2	302
Китай	355	1417	68	484	5,2	21,8	34,2	712
Индия	317	601	25	81	0,9	7,9	13,5	324
Латинская Америка	1103	1741	169	426	4,6	15,3	24,5	252
Средний Восток и Северная Африка	421	745	141	254	2,7	33,5	34,1	180
Африка южнее Сахары	278	439	78	123	1,3	262	28,0	158
Россия	516	433	...	150	1,6	...	34,6	...

* [271. – P. 204, 216, 224].

Однако если посмотреть структуру экспорта товаров и услуг в цивилизационном разрезе, то выявятся глобальные тенденции. Стремительными темпами растет экспорт из Китая (в 7,1 раза), Индии (в 3,2 раза) и Латинской Америки (в 2,5 раза). Наиболее высокая зависимость от экспорта у Китая (34,1%), Среднего Востока и Северной Африки (34,1%), Африки южнее Сахары (28%). Наименьшую зависимость от экспорта испытывают США

(9,2%) и Индия (13,5%). Что касается России, то ее доля в мировом экспорте составила в 2003 г. всего 1,6%, зато зависимость экономики от экспорта наивысшая (34,6%). Следовательно, влияние глобализации и взаимного обмена товарами и услугами наиболее высоко для цивилизаций со средним и низким уровнем развития (исключение составляет Индия) и в меньшей мере затрагивает США.

Интенсивный обмен между цивилизациями происходит и в форме прямых иностранных инвестиций. В 2002 г. они составили (по отношению к ВВП) в Центральной Азии 45,8%, Латинской Америке – 44,7%, Западной Европе – 31,4%, Китае – 31,2%, Африке – 27,5%, Северной Америке – 14,2%, Индии – 5,1%, России – 6,5%, Японии – 1,2% [там же. – С. 284–291]. Участники экономического диалога заинтересованы в устойчивости и благоприятном климате взаимоотношений между цивилизациями. Эта тенденция в перспективе будет усиливаться, составляя основу многоцветной ткани диалога между цивилизациями.

6. Цивилизационный туризм. Международный туризм – наиболее массовая и эффективная форма личного участия десятков миллионов граждан в диалоге между цивилизациями. До 2001 г. туризм развивался опережающими темпами, однако после трагедии в Нью-Йорке поток туристов сократился во всем мире, отрасль оказалась в состоянии кризиса (табл. 4.2). Этому способствовали и природные катаклизмы.

В последнее десятилетие XX в. число прибывающих туристов выросло в 1,5 раза, доходы от международного туризма – в 1,8 раза; наивысшие темпы роста наблюдались у Китая, однако основными получателями доходов (включая мировую туристскую ренту) оказались страны с высоким уровнем доходов – на их долю в 2000 г. пришелся 71% доходов.

В первые годы XXI в. ситуация изменилась. За три года общее число туристов уменьшилось на 3% при росте доходов на 27%, что свидетельствует о существенном удорожании туров. Количество приезжающих в США туристов снизилось на 21% (при росте доходов на 17%). Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах.

Программа действий резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» включает рекомендации по содействию историческому и культурному туризму. Видимо, стоит пойти дальше и развивать новый вид специализированного туризма – *цивилизацион-*

Таблица 4.2.

Динамика международного туризма*

Показа- тели	Число прибывающих туристов					Доходы от туризма				
	млн человек			%		млрд долл.			%	
	1990	2000	2003	2000 к 1990	2003 к 2000	1990	2000	2003	2000 к 1990	2003 к 2000
Весь мир	463,6	701,9	681,7	151	97	265,1	475,8	605,7	180	127
Страны с высоким доходом	311,0	435,4	432,5	140	99	211,0	337,0	452,7	160	134
США	39,4	50,9	40,4	129	79	43,0	85,2	99,8	198	117
Западная Европа	184,1	255,0	257,5	140	101	10,9	152,2	227,4	151	149
Страны со средним и низким доходом	149,3	263,6	242,6	257,5	140	53,4	139,5	153,9	261	110
Россия	3,0	10,3 ¹	7,9	—	77 ²	0,8	7,5	5,9	938	79
Китай	10,5	31,2	33,0	297	106	2,2	16,2	18,7	736	115
Индия	1,7	2,6	2,4	153	92	1,5	3,3	3,5	220	106
Латинская Америка	33,0	51,1	45,3	155	89	15,2	33,1	29,3	218	89
Средний Восток и Северная Африка	17,1	28,1	32,3	164	115	7,1	13,1	—	185	—
Африка южнее Сахары	7,1	17,5	19,4	246	111	3,1	6,6	11,8	212	134

* [264. — P. 366–368].

¹ 1995 г.

² 2003 г. в % к 1995 г.

ный туризм, который позволит прибывающим в ту или иную страну туристам более полно и системно ознакомиться с ее культурой, духовными ценностями, историческим опытом, бытом и нравами живущих в ней народов, ее природно-географическими особенностями. Это может стать конкретно-личной формой диалога цивилизаций.

Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева в 2000 г. выступил с инициативой развития цивилизационного туризма. Она была поддержана Петербургским экономическим форумом. Вместе с туркомпанией «Мир» разработаны программы цивилизационных туров «Санкт-Петербург — город диалога цивилизаций», «Северо-Западная Русь: истоки и вершины российской цивилизации». С участием Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций в 2003 г. был проведен такой тур, участники которого посетили Санкт-Петербург, Старую Ладугу, Великий Новгород, Псков, Изборск. Видимо, ЮНЕСКО и Всемирной туристской организации стоит способствовать распространению подобных инициатив.

В июле 2005 г. Институт экономических стратегий и Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева организовали научно-цивилизационную экспедицию, по итогам которой будет опубликована книга «Северное Причерноморье — пространство диалога цивилизаций». Представляется, что этот регион может служить основой для организации пилотного проекта по развитию цивилизационного туризма в рамках Черноморской организации экономического сотрудничества, раскрывая богатейший опыт диалога и взаимодействия цивилизаций в течение более чем двух с половиной тысячелетий.

В конце XX — начале XXI в. динамика цивилизаций — глобальной, мировой, локальных — находится на крутом изломе. В муках рождается новое, пятое по счету, поколение локальных цивилизаций. Индустриальное общество болезненно трансформируется в постиндустриальное. Развертывается длительный переход от второго к третьему историческому суперциклу. Господствовавший в течение пяти столетий чувственный социокультурный строй сменяется интегральным. Сквозь густую, запутанную сеть хаотичных перемен необходимо разглядеть контуры формирующейся системы цивилизационных отношений наступившего столетия. Это трудно, почти невозможно, но необходимо для выработки долгосрочной стратегии диалога и партнерства цивилизаций в стремительно меняющемся мире.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

5. Природно-экологические циклы и кризисы в эволюции цивилизаций
6. Демографическая основа трансформации цивилизаций
7. Инновационно-технологические циклы и кризисы: цивилизационный аспект
8. Цикличность экономической динамики цивилизаций
9. Циклическая динамика социально-политического строя, революций и войн
10. Циклическая динамика духовной сферы цивилизаций

Все три рассмотренных выше типа цивилизаций — глобальная, мировые и локальные — постоянно меняются не только в пространстве и времени. Периодически трансформируется *структура цивилизаций* по основным элементам их наследственного ядра, генотипа: природно-экологического, демографического, технологического, экономического, социально-политического и духовной сферы. Рассмотрим, как проявляются в этих элементах циклические колебания разной длительности и сопровождающие их кризисы. Каждый элемент структуры цивилизаций имеет собственную ритмику развития, в то же время эти элементы взаимодействуют между собой, образуя сложную гармонию цивилизационного прогресса в трех измерениях — в смене фаз жизненного цикла каждой локальной цивилизации; в периодическом, раз в несколько столетий, переходе к очередной мировой цивилизации; в имеющих наибольшее историческое протяжение суперисторических циклах развития глобальной цивилизации.

Глава 5

ПРИРОДНО- ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И КРИЗИСЫ В ЭВОЛЮЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Человек стремится понять закономерности естественной эволюции и использовать их в своих интересах. В той микроскопически малой части Вселенной, где человек на время занял небольшую нишу, наблюдаются определенные закономерности взаимодействия природы и общества, человека и окружающей его природной среды. Во-первых, все более усиливается воздействие разума, труда и жизнедеятельности человека, общества на окружающую природную среду, биосферу. Во-вторых, налицо взаимопроникновение естественных и социальных циклов и кризисов, которое оказывает влияние на все виды циклических колебаний в генезисе человека и общества. Поэтому логично начать наше исследование разнообразных циклов и кризисов в динамике структуры цивилизаций с изучения закономерностей циклической эволюции природы (природных циклов) и ее взаимодействия с человеком и обществом (экологических циклов), с предпосылок и путей становления принципиально новой — ноосферной — цивилизации.

5.1. Природный фактор возникновения и эволюции цивилизаций

Любые природные системы — от микромира до Вселенной — развиваются по законам циклической динамики, проходят через сменяющиеся друг друга фазы своей эволюции, переживают катастрофы и бифуркации. Поэтому правомерно говорить, что **природные циклы являются собой всеобщую форму движения** материи; что периодически происходящие катастрофы, бифуркации приводят к усложнению мира природы (это одна из закономерностей естественной эволюции).

Детальное исследование природных циклов и кризисов не является предметом нашей книги; этой проблеме посвящены десятки научных трудов. Попробуем предложить **общую классификацию** этих циклов, прежде чем перейти к интересующему нас вопросу — роли природно-экологических циклов в возникновении и эволюции цивилизаций, в их будущем.

1. Циклы в динамике Вселенной, согласно современным (но не всеми учеными разделяемым) представлениям, начались с Большого

взрыва, породившего сотни галактик. До сих пор они двигались центробежно, но, согласно предположению **А. А. Фридмана** и некоторых других специалистов, на какой-то стадии начнется сжатие, центростремительное перемещение галактик или иных сгустков материи. Когда же все они сожмутся в бесконечно малую точку, последует новый Большой взрыв. Однако это весьма вольное изложение труднодоказуемой гипотезы.

Каждая галактика состоит из совокупности звезд (звездных систем) и имеет свой жизненный цикл, измеряемый многими миллиардами лет. Время от времени в галактике возникают новые звезды, а существующие поглощаются черными дырами, природа которых ученым до сих пор не совсем ясна. Поглощение завершает жизненный цикл звезды.

На судьбу отдельного человека и целых цивилизаций циклы и катастрофы в эволюции Вселенной оказывают ничтожное влияние, хотя астрологи утверждают обратное и пытаются угадать судьбу и поведение человека по расположению звезд и планет в момент его рождения.

2. Солнечные циклы — объект более определенный и исследованный; в изучение их влияния на жизнь человечества большой вклад внесли **А. Л. Чижевский** и его последователи. Исследования ведутся в трех разрезах:

➔ **жизненный цикл Солнца и Солнечной системы**: возникновение, источники активности, фазы развития, факторы и сроки гибели;

➔ **солнечные циклы** разной продолжительности, их фазы, периодические взрывы солнечной активности — следствие происходящих на Солнце катастроф и катаклизмов. Выделяются как среднесрочные (в среднем 11-летние, но с колебаниями от 7,5 до 16 лет), так и долгосрочные (в среднем 22 года и 80–90 лет) циклы;

➔ **воздействие солнечных циклов на земные** — климатические, биосферные, годовые, сезонные, суточные; на циклы и кризисы в динамике социальных систем (включая цивилизации) и жизнедеятельности человека.

Образно выразил это воздействие **А. Л. Чижевский**: «За огромный промежуток времени воздействия космических сил на Землю утвердились определенные циклы явлений, правильно периодически повторяющиеся как в пространстве, так и во времени. Начиная с круговорота атмосферы, углекислоты, океанов, суточной, годовой и многолетней периодичности в физико-химической жизни Земли и заканчивая сопутствующими этим процессам изменениями в органическом мире, мы всюду находим циклические

процессы, являющиеся результатами воздействия космических сил. Если бы мы попытались графически представить картину многообразия этой цикличности, мы получили бы ряд синусоид, накладывающихся одна на другую или пересекающихся одна с другой. Все эти синусоиды в свою очередь оказались бы изрыты мелкими зубцами, которые также представляли зигзагообразную линию, и т. д. В этом бесконечном числе разной величины подъемов и падений сказывается биение общемирового пульса, великая динамика природы, различные части которой созвучно резонируют одна с другой» [229. — С. 18].

Ученый непосредственно связывал колебания активности исторических процессов (историометрические циклы) с солнечными циклами: «Количество протекающих одновременно в различных участках Земли исторических событий с приближением к максимуму солнечной деятельности постепенно увеличивается, достигая наибольшего числа в период максимума и уменьшаясь с приближением к минимуму... Каждый цикл всеобщей исторической, военной или общественной деятельности равен, в среднем арифметическом, 11 годам. Эпохи концентрации исторических событий совпадают с эпохами максимумов солнечной деятельности, эпохи разряжений совпадают с эпохами минимумов» [229. — С. 27—28]. Исследователь попытался даже измерить интенсивность и длительность фаз историометрического цикла: 3 года минимальной возбудимости (5% исторических событий); 2 года нарастания возбудимости (20% событий); 2 года максимальной возбудимости (60% событий); 3 года падения возбудимости (15% событий) [там же. — С. 28, 29, 33]. Значимость солнечных циклов для земных процессов и исторической активности бесспорна, но вряд ли она так однозначна и математически строга. На жизнь людей и исторические события влияет множество факторов, часто противоположно направленных. Они оказывают на социальные циклы резонирующее, демпфирующее (смягчающее) или деформирующее воздействие.

3. В геологической истории Земли за весь период ее существования как одной из планет Солнечной системы также наблюдается чередование периодов сравнительно спокойной эволюции с периодами катастроф, смены магнитных полюсов, наступления и отступления ледников и т. п. Эту закономерность отметил **В. И. Вернадский**: «В истории земной коры выясняются критические периоды, в которые геологическая деятельность в самых разнообразных ее проявлениях усиливается в своем

темпе... Можно считать эти периоды *критическими* в истории планеты. Одновременно наблюдается усиление вулканических, орогенических, ледниковых явлений... трансгрессий моря и других экологических процессов, охватывающих большую часть биосферы одновременно на всем ее протяжении. Эволюционный процесс совпадает в своем усилении, в своих самых больших изменениях с этими периодами» [30. — С. 29]. Этими кризисными периодами современная наука определяет переходы от одной геологической эпохи к другой. Само появление человека и его расселение по планете связано с критическим периодом в истории Земли.

4. Климатические циклы тесно связаны с солнечными и геологическими. Они выражают неравномерность процессов, происходящих в атмосфере и гидросфере Земли: периодические колебания уровней Мирового океана и морей; изменения направлений океанических течений; усиление или ослабление активности тайфунов и смерчей; образование аридных зон, пустынь и полупустынь; изменения распространения ледников; колебания среднегодовой температуры и количества осадков и т. п. Несмотря на то, что все указанные явления хорошо изучены, ученые до сих пор спорят, в какую климатическую эпоху мы живем — в период продолжающегося потепления климата или в начале эпохи похолодания, нового ледникового периода.

5. Циклы в динамике органической жизни — флоры и фауны — проявляются в появлении и исчезновении видов, родов и целых классов животных и растений; в периодической смене их поколений; в жизненном цикле каждого из них. Эту закономерность также отмечал **В. И. Вернадский**: «Проявляющееся в симметрии пространство — время в нашем окружении характеризуется: а) *геологически вечной сменой поколений* для всех организмов; б) *для многоклеточных организмов — старением*; в) смерть есть разрушение пространства... времени тела организмов; г) в ходе геологического времени это явление выражается эволюционным процессом, меняющим скачками морфологическую форму организма и темп смены поколений» [там же. — С. 285]. Смена поколений имеет циклический характер: «Поколения генетически сменялись, постоянно меняясь в своих морфологических признаках, причем это изменение или совершалось скачками через большие промежутки времени, или, наоборот, накапливалось от поколения к поколению незаметно, становясь видным только через большое число поколений» [там же. — С. 226—227].

В периоды геологических или космических (вызванных падением на Землю крупных метеоритов) катастроф происходило изменение состава флоры и фауны, темпов смены поколений растений и животных. Теорию катастроф в эволюции фауны развивал **Ж. Кювье**. И хотя **Ч. Дарвин** и научная школа дарвинизма отрицали роль катастроф и настаивали на эволюционной теории видообразования, однако внезапное появление, равно как и исчезновение, некоторых видов, родов, классов животных в определенные исторические эпохи (например, исчезновение динозавров около 65 млн лет назад) они объяснить не могли.

Эволюция органического мира, сочетания периодов сравнительно плавной эволюции и волн катастроф детально исследованы **Н. Н. Моисеевым** [135].

6. Биосферные циклы выражают периодические колебания при взаимодействии живой и неживой природы (верхней части литосферы, нижней части атмосферы, гидросферы и сферы жизнедеятельности микроорганизмов, растений, животных и человека). Понятие биосферы было введено в 1875 г. **Э. Зюссом**, но учение о биосфере, ее циклической динамике и тенденции трансформации в ноосферу создано **В. И. Вернадским**. Русский ученый отмечал, что биосфера подвержена законам эволюции, периодически происходящих кризисов и переворотов; что одним из таких переворотов стало появление человека — мыслящего существа. Оно стало началом новой эры в истории Земли — антропогенной. С появлением человека «в истории планеты выявился *мощный геологический фактор*, который по возможным последствиям превосходит те тектонические перемещения, которые положены были... в основу геологических разделений земного пространства — времени» [30. — С. 58].

Стоит, пожалуй, уточнить, что само по себе появление древнейших предков человека, равно как и современного вида *Homo sapiens* — кроманьонца — около 40 тыс. лет назад, еще не означало возникновения новой геологической силы. О влиянии человека на геологические процессы можно говорить лишь с момента создания им около 5 тыс. лет назад в долинах великих рек мощных оросительных систем, преобразивших окружающую среду. Реально же человеческое общество превратилось в геологическую силу, трансформирующую биосферу, лишь в индустриальную эпоху, особенно в XX в. Именно тогда деятельность быстро прибавлявшегося в численности и вооруженности орудиями труда челове-

ства стала причиной всепланетного биосферного (экологического) кризиса.

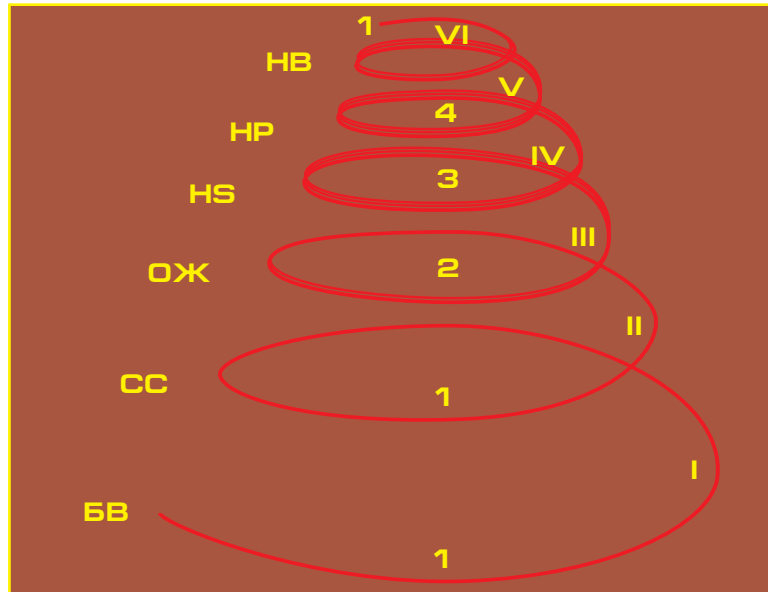
Как связаны природные циклы с возникновением и развитием цивилизаций? Можно высказать несколько постулатов о *роли природных циклов в истории цивилизаций* — как локальных, так и мировых и глобальной.

В естественной истории, природно-экологической динамике наряду с циклами и катастрофами периодически наблюдаются *бифуркации*, ведущие к ускорению развития природных и социальных систем и укреплению взаимоотношений между ними. Это дает основание говорить о существовании *спирали коэволюции природных и социальных систем* и сценариев ее развертывания в будущем (рис. 5.1). Начальные витки этой спирали появились за миллиарды лет до появления человека и социальных систем. Первый виток соответствует периоду от момента Большого взрыва, начала эволюции Вселенной, до формирования Солнечной системы и Земли как планеты в ее составе. Второй составляет геологическую историю Земли до этапа формирования биосферы и появления жизни, простейших организмов на планете. Третий виток охватывает эволюцию жизни на Земле от простейших организмов до человека, который появился 3–4 млн лет назад. Это событие стало величайшей бифуркацией в естественной истории — возможно, уникальной, если окажется, что мы одиноки во Вселенной. Затем начинаются витки *коэволюции* природных и социальных систем, биосферы и гомосферы. Следующей бифуркацией, началом очередного витка спирали коэволюции стала неолитическая революция, и на ее основе — становление мировых, а затем и локальных цивилизаций. Темп коэволюции нарастал, витки ее спирали сужались во времени. Сменяющие друг друга мировые цивилизации и поколения локальных цивилизаций вносили свой вклад, свои бифуркации во все усложняющуюся структуру взаимоотношений природы и общества. Человек, его разум и труд вовлекали в процесс воспроизводства все новые естественные силы и оказывали все большее влияние на биосферу.

С конца XX в., в период экологического кризиса индустриальной цивилизации, начинается новый виток коэволюции природы и общества. Человечество оказалось лицом к лицу с крупнейшим в своей истории вызовом, перед очередной бифуркацией, которая приведет к качественному изменению характера эволюции. Есть лишь два, причем противоположно направленных, варианта развития событий: либо переход к ноосфере, рациональной коэволю-

Рисунок 5.1.

Спираль эволюции природных и социальных систем

1 – неорганический мир; 2 – органический мир (биосфера); 3 – человек, духовный мир; 4 – общество; I-VI – витки спирали эволюции; БВ – Большой взрыв, начало эволюции Вселенной (I цикл); СС – образование Солнечной системы; начало эволюции Земли (II цикл); ОЖ – возникновение органической жизни на Земле; исходный пункт эволюции биосферы (III цикл); HS – возникновение вида *Homo sapiens*; начало эволюции человека, гомосферы (IV цикл); HP – неолитическая революция, образование общества и начало социальной эволюции (V цикл); НВ – ноосферный вызов – выбор между созидательным вариантом ноосферы (гармонизацией коэволюции социальных и природных систем) и катастрофой (конец эволюции общества и, возможно, биосферы)

ции природных и социальных систем, гармоничным взаимоотношениям человека и природы, что станет эпохальной инновацией XXI века; либо экологическая катастрофа, сопровождаемая деградацией человечества как мегасоциальной системы, что в конечном счете приведет к исчезновению человеческого общества, а вместе с ним и значительной части (или всей) биосферы с лица Земли и превращению планеты в безжизненное космическое тело, коих миллиарды во Вселенной. Если все сложится

именно так, нынешний виток коэволюции станет последним, и после него продолжатся лишь многократно более длительные витки эволюции Солнечной системы – вплоть до угасания ее ядра, Солнца, а затем и распада Вселенной.

Следовательно, спирали коэволюции природы и человека (общества) – лишь эпизод, миг в истории эволюции Вселенной. От способности человека и общества понять суть новой бифуркации, ноосферного вызова и дать на него адекватный ответ зависит судьба человечества, судьба мировых, локальных и глобальной цивилизаций. Уже ясно, что она решится в XXI столетии. Это потребует перестройки всех «этажей» «пирамиды» цивилизаций, что подчеркивал **Н. Н. Моисеев**: «Диалектика нашей жизни такова: из-за развития технических новшеств мы оказались на краю пропасти, но без них мы не сможем перекинуть мост в будущее и отойти от края пропасти – в этом противоречивость антропогенеза... Техническое развитие абсолютно необходимо, но его недостаточно: иной должна стать цивилизация, иным – духовный мир человека, его потребности, его ментальность» [136. – С. 70].

Начало истории цивилизаций около 10 тыс. лет назад было связано с определенным этапом эволюции природы, некоторыми природными циклами. В частности, с тем, что произошло нарушение цикла воспроизводства крупных животных: человек, стремительно размножившийся в эпоху мезолита и вооруженный эффективным метательным оружием, истребил почти всю фауну. Дополнительным фактором стало похолодание – начался очередной ледниковый период. Ответом человечества на смертельно опасный вызов природы (который мог закончиться вымиранием кроманьонцев, как это случилось с неандертальцами) стала неолитическая революция, переход к воспроизводящей экономике, становление мировой, а затем и локальных цивилизаций.

Возникновение локальных цивилизаций, их дифференциация и распространение по планете также были связаны с природными факторами и циклами. 1-е поколение цивилизаций сформировалось на территориях с благоприятным климатом, сравнительно небольшими колебаниями по сезонам года температуры и осадков, в долинах великих рек с их годовыми циклами разливов, приносящих в долины плодородный ил. Главной заботой этих цивилизаций было создание и поддержание функционирования мощных оросительных систем – основного источника богатства и процветания. Цивилизации 2, 3 и 4-го поколений распространили свой

ареал почти на всю пригодную для обитания человека часть суши. Однако и здесь влияние природно-климатических условий не ослабло: природные катастрофы иной раз приводили к гибели целых цивилизаций (Атлантиды, крито-микенской культуры, цивилизаций на юге Урала, в Средней Азии).

Судьба глобальной цивилизации, стадии ее жизненного цикла также зависят от природных факторов и их цикличной динамики. Да и конечная стадия этой цивилизации, завершение ее жизненного цикла (если она сама себя не уничтожит в процессе эволюции) обусловлено угасанием через миллиарды лет энергии Солнца и, следовательно, уничтожением биосферы и жизни на Земле.

5.2. Спираль экологических циклов и кризисов

Экологические циклы как выражение периодических, закономерных колебаний во взаимодействии природы и общества, носят разнообразный характер.

Выделяются следующие **уровни** такого взаимодействия:

➔ *индивидуальный* — в жизнедеятельности любого человека, потребляющего природные ресурсы и выбрасывающего отходы в окружающую среду;

➔ *микроуровень* — для отдельного предприятия, особенно в добывающих отраслях (сельскохозяйственные, горные, лесные, рыболовецкие предприятия, ГРЭС и т. п.);

➔ *локальный и региональный;*

➔ *в масштабах отдельного государства;*

➔ *в пределах одной цивилизации;*

➔ *в глобальных масштабах, охватывающих всю планету.*

По сути дела экологические циклы являются одной из разновидностей биосферных циклов и выражают взаимодействие двух мегасистем — общества и природы.

Экологические циклы имеют **две основные формы**:

➔ *неравномерность в обеспечении жизни человека и производства природными ресурсами* — в результате исчерпания имевшихся и вовлечения новых ресурсов. Все это влияет на продуктивность (эффективность) воспроизводства, характер потребления и т. п.;

➔ *изменения характера и уровня загрязнения окружающей природной среды* отходами производства и жизнедеятельности лю-

дей вследствие появления новых производств, систем оружия, создания мегаполисов, техногенных (типа Чернобыльской) и экологических (типа исчезновения Аральского моря) катастроф.

Представляется правомерным с точки зрения цикличной динамики взаимодействия общества и природы ввести в научный оборот новые категории: экологический способ производства и экологический уклад, экологические кризисы и революции.

Экологический способ производства — система вовлеченных в производство, используемых обществом на данном этапе его исторического развития (определенной мировой цивилизации) естественных производительных сил и достигнутая степень воздействия человечества на окружающую природную среду. Ритмика смены экологических способов производства отвечает логике смены мировых цивилизаций — неолитической, раннеклассовой, античной, средневековой, раннеиндустриальной, индустриальной, а с начала XXI в. — постиндустриальной, а также логике следующих друг за другом технологических способов производства. К природным ресурсам относятся как используемые для изготовления орудий источники сырья (по этому принципу различают исторические периоды — палеолит, мезолит, неолит, энеолит, века бронзы, железа), так и источники энергии.

Под **экологическим укладом** следует понимать модификацию экологического способа производства в соответствии со сменой технологических укладов. Например, в период индустриального экологического способа производства сменялись экологические уклады. Их главнейшими энергетическими источниками были каменный уголь, электричество, нефть и ее производные, природный газ в сочетании с энергией атомного ядра, а в перспективе — водородное топливо или другие возобновляемые источники энергии.

Экологический кризис — фаза экологического цикла, когда резко снижается эффективность использования природных ресурсов (некоторые из них истощаются) и возрастает уровень загрязнения окружающей среды.

Экологическая революция — крупномасштабное вовлечение в производство новых, более эффективных природных источников сырья и энергии, а также освоение технологий, существенно снижающих загрязнение окружающей среды при переходе к новому экологическому способу производства.

Взаимодействие природы и человека началось сразу после появления его далеких предков. Но вряд ли можно говорить, что тогда существовали четко выраженные экологические циклы и кри-

зисы, настолько незначительным было влияние человека на природу; напротив, это она определяла возможности и ресурсы для жизни небольших первобытных общин.

Положение изменилось с эпохи мезолита с изобретением лука и стрел и других метательных орудий, когда увеличившиеся в численности общины, объединившиеся в племена, столь активно истребляли крупных животных, что те оказались на грани вымирания. Возник *первый экологический кризис*, охвативший значительную часть населенной части планеты. Итог — сокращение общей численности людей.

Кризис был преодолен в результате *неолитической революции*, когда для обеспечения жизни людей были привлечены дополнительные естественные ресурсы — обрабатываемые плодородные земли (*земледелие*) и специально выращиваемые животные, которые прежде просто уничтожались (*животноводство*). Это вызвало резкий приток ресурсов и рост численности населения, означало становление цивилизации.

Решающую роль земледелия в изменении взаимоотношений человека с природой отмечал **Дж. Бернал**: «Земледелие привело к существенно новым отношениям между человеком и природой. Человек перестал вести паразитический образ жизни за счет растений и животных с того момента, как он смог вырастить на небольшом участке столько же продуктов питания, сколько мог добыть с помощью охоты и собирательства на обширной территории. Занимаясь земледелием, он установил *господство* над живой природой благодаря познанию ее законов воспроизводства и тем самым добился новой и еще большей независимости от внешних условий» [16. — С. 60].

Однако выяснилось, что подсечное (огневое) земледелие не в силах обеспечить потребности столь значительной массы людей в пище. Да и огромные стада домашних животных быстро опустошали пастбища, племенам приходилось постоянно кочевать в поиске новых территорий. В конце IV тыс. до н. э. разразился *второй экологический кризис*. Однако и он был преодолен путем перехода к *системе орошаемого земледелия* как экологической основе первых локальных цивилизаций. В воспроизводство оказался вовлечен новый природный ресурс — плодородные долины больших рек; реки служили также основными транспортными артериями. Это дало возможность многократно повысить производительность труда, построить крупные города и сформировать локальные цивилизации в долинах великих рек — Нила, Тигра и Евфрата,

Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхе. Природные условия возникновения цивилизаций показал тот же Дж. Бернал (*рис. 5.2*). Стало возможным говорить о первых шагах ноосферы. Вот что по этому поводу писал **В. И. Вернадский**: «Можно считать, что в пределах 5–7 тыс. лет, все увеличиваясь в темпах, идет непрерывное создание ноосферы и рост культурной биохимической энергии человечества» [28. — С. 143].

Рисунок 5.2.

Природные условия возникновения цивилизаций

Условные обозначения:

1 — орошаемые речные долины; 2 — пустыня; 3 — луга, пастбища; 4 — берега с поселениями железного века.

А — Афины; Аб — Абдера; Ак — Аккад; А.К. — Александрия Крайняя; Ан — Антиохия; Ар — Акрагант; Ас — Александрия; Ау — Ашшур; В — Вавилон; ВЗ — Византия; ВЛ — Велия; Га — Газа; Ги — Гизе; ГЛ — Гиндукуш; Д — Дамаск; И — Иерусалим; К — Карфаген; Ка — Кирена; Ки — Кнос; Ко — Коринф; Кс — Кос; Кр — Кротон; Ла — Лагаш; Лв — Лаврион; М — Мемфис; Ми — Милет; Мк — Микены; Мн — Метапонт; Мо — Мохенджодаро; Н — Ниневия; На — Навкартис; Нп — Неаполь; П — Персиполь; Па — Пальмира; Пм — Пергам; Р — Рим; С — Сузы; Се — Семне; Си — Сиракузы; Сп — Спарта; Ср — Сарды; Ту — Тир; Тр — Троя; Ту — Таксашила; У — Ур; Ум — Умма; Х — Хиос; Ц — Целебс; Эб — Экбатаны.

Источник: [16].

Но и этот экологический цикл, достигший вершины во II тыс. до н. э., привел затем к очередному, *третьему, экологическому кризису*. Наиболее плодородные, пригодные для орошаемого земледелия земли были уже освоены, а часть из них подверглась засолению, урожайность непрерывно снижалась, и человечество снова ощутило недостаток в продуктах питания. А для обработки твердых почв при богарном (без полива) земледелии оказались непригодными прежние орудия труда из мягких металлов — меди и бронзы.

Для преодоления кризиса понадобилась *экологическая революция железного века*, происшедшая в середине I тыс. до н. э. Изготовление орудий труда из железа позволило освоить новые плодородные почвы на значительной части территории Евразии. Многократно увеличилась площадь пахотных земель и объем получаемого на них урожая, что позволило людям развивать ремесла, строительство, торговлю и искусство. В воспроизводство оказались вовлечены два новых источника энергии: мускульная сила животных (они использовались и прежде, но в меньших масштабах) для вспашки земель и перевозки грузов, а также энергия ветра (в парусном флоте). Последнее достижение позволило значительно расширить границы ойкумены: люди начали осваивать побережья Средиземного, Черного и Азовского морей.

Обновление естественной базы производства (переход к новому экологическому способу производства) создало условия для формирования *второго поколения локальных цивилизаций*, появления первых мировых империй (Ахеменидов, Александра Македонского, Римской, Индии и Китая), развития товарообмена по речным и караванным маршрутам.

Но к концу античной мировой цивилизации становилась все более очевидной ограниченность ее естественной базы, назревание *четвертого экологического кризиса*, исчерпание ресурсов роста, особенно в лидирующих цивилизациях. Пришли в движение крупные массы скотоводческого населения Востока, которые устремились на Запад (готы, гунны и др.), что вызвало гибель многих центров цивилизаций. По расчетам **А. Мэддисона**, в течение I тыс. до н. э. численность населения планеты возросла с 230,8 млн до 267,6 млн человек (что составляет 0,01% среднегодового прироста), мировой ВВП — с 102,6 до 116,8 млрд долл. (в ценах 1999 г.), то есть 0,01% прироста, а ВВП на душу населения практически не изменился [264. — Р. 256–261]. Это было тысячелетие стагнации мировой экономики, с отрицательными показателями в его середине.

Переход к *средневековому экологическому способу производства* в Европе начался в условиях, когда за основу был принят более низкий уровень освоения природных ресурсов, земля стала основным источником общественного богатства и феодальной ренты, а добыча минерального сырья сократилась. Однако ко времени расцвета средневековья, в XII в., продуктивность использования земли значительно возросла. В качестве главных энергетических ресурсов, наряду с мускульной силой животных, широко применялась сила воды и ветра (мельницы и ремесленные производства), что способствовало развитию товарного производства и добыче руд черных и цветных металлов.

Ф. Бродель писал о «революции мельниц» этого периода, о «мощной земледельческой революции, которая двинула крестьян сплоченными рядами против препятствий в виде леса, болот, морских и речных побережий и благоприятствовала расцвету трехпольного севооборота» [23. — С. 561, 563]. Рост городов, развитие внутренней и международной торговли сопровождалось увеличением добычи благородных металлов. Рост численности населения планеты в первой половине II тыс. на 64% (в Западной Европе — в 2,3 раза) и увеличение объема производства (рост ВВП в мире — в 2,1 раза, в Западной Европе — в 4,3 раза) [264. — С. 256, 259] стали причиной широкого вовлечения естественных ресурсов в производство и роста загрязнения окружающей среды. Вырубались леса, исчерпывались доступные при технике того времени месторождения полезных ископаемых. Это привело в конце средневековой эпохи к очередному *экологическому кризису*, хотя и не столь глубокому и длительному, как на предыдущем историческом разломе, при смене исторических суперциклов.

Раннеиндустриальная цивилизация началась с освоения нового экологического способа производства. Его предпосылками (и последствиями) стало ускорение темпов роста населения (с 0,10% в предыдущую эпоху до 0,27% в 1500–1820 гг.) и темпов прироста ВВП за тот же период (с 0,32% до 0,93%) [там же]. Многократно увеличились объемы добычи руд и каменного угля, в производство были вовлечены новые месторождения, открытые в завоеванных колониях. Потоки золота и серебра устремились из Нового Света в Старый. Строились металлургические заводы, мануфактуры, угольные копи. «Добыча золотой, серебряной, медной, оловянной, кобальтовой, железной руд породила серию нововведений... и создание гигантских для того времени устройств, предназначенных для откачки подземных вод и для подъема руды, — писал

Ф. Бродель. — Одновременно город завершал капиталистическое освоение своих деревень с перегруппировкой земель в крупные владения, развитием орошаемых лугов и скотоводства, прорытием каналов, используемых для орошения и для перевозок, с введением новаторской культуры риса и даже зачастую с исчезновением культуры паров, с непрерывной ротацией зерновых и трав» [23. — С. 565, 567]. Однако переворот в использовании сельскохозяйственных земель произошел лишь в некоторых из западноевропейских государств (в Италии, Нидерландах, Англии). В остальных же странах и цивилизациях преобладало традиционное экстенсивное земледелие. Большой урон природе наносили частые военные столкновения. Возникало противоречие между бурно растущей мануфактурной промышленностью и стремительно возрастающей численностью городского населения, с одной стороны, и устаревшей природно-экологической базой — с другой. В XVII в. признаки экологического кризиса уже были налицо.

Это противоречие было разрешено *в начале индустриальной эпохи* на основе *очередной экологической революции*, которая развивалась одновременно с промышленной революцией и по сути дела была производной от нее. Переход к машинному производству, энергии пара, а затем строительство железных дорог, паровозов и пароходов многократно повысили спрос на каменный уголь как основной источник энергии, на руды черных и цветных металлов, новые способы их добычи и выплавки металлов. Технологический переворот преобразил и сельское хозяйство, заставил внедрять системы повышения плодородия почв путем внесения минеральных удобрений, что потребовало увеличения объемов добычи агрохимических руд. Результатами преобразований транспортной системы стали отвод значительного количества земель под железнодорожные пути и станции, интенсивное использование морских и речных водных путей, строительство сети каналов, включая Суэцкий и Панамский. Зародившись в Западной Европе, экологическая революция распространилась на Северную Америку, Восточную Европу, Австралию. С запозданием она осваивалась в Китае, Индии, Африке, где система природопользования не только отставала в своем развитии, но нередко и деградировала, что вызывало гибель сотен тысяч людей от голода в неурожайные годы. В эту эпоху усилилась поляризация экологического развития разных локальных цивилизаций.

В развитии индустриального экологического способа производства можно выделить несколько сменявших друг друга эколо-

гических укладов, тесно связанных с полувековыми кондратьевскими циклами. Наиболее четко динамика этих укладов проявлялась в авангардных странах, по которым и ведется отсчет циклов и кризисов. Начало внедрения *первого уклада* относится к последней четверти XVIII в. До 30-х годов XIX в. его основу составляло освоение энергии пара, каменного угля, развитие добычи руд черных металлов и выплавка стали как основного материала для производства машин. В сельском хозяйстве преобладали технологии предыдущей цивилизации, уровень загрязнения окружающей среды в сельской местности был сравнительно невысоким.

Второй экологический уклад охватил период 30–70-х годов XIX в. Его внедрение потребовало резкого увеличения объемов добычи энергетического и коксующегося угля, руд черных металлов (для развития машиностроения), расширения сетей железнодорожного и морского транспорта. Воздействие промышленности и транспорта на окружающую среду заметно усилилось. В крупных промышленных центрах складывалась напряженная экологическая обстановка, отрицательно влиявшая на жизнь и здоровье городского населения, особенно беднейших его слоев. Активное применение в земледелии химикатов еще более повысило спрос на агроруды — исходное сырье для минеральных удобрений, но масштабы загрязнений в сельской местности оставались по-прежнему незначительными.

Формирование и развитие *третьего экологического уклада* происходило в последние два десятилетия XIX в. и первые три десятилетия XX в. Освоение электроэнергии потребовало многократного увеличения объема добычи руд цветных металлов, особенно меди и алюминия. Развитие автомобильного и авиационного транспорта строилось на использовании продуктов переработки нефти, поэтому объемы ее добычи стремительно росли. Сельское хозяйство требовало применения все большего количества минеральных удобрений. Возрастал уровень загрязнения окружающей среды. Огромный ущерб ей был нанесен в ходе двух мировых войн.

В 40–70-е годы XX в. преобладал *четвертый экологический уклад*. Его характерные черты таковы: в топливном балансе решающее место занимают нефть и природный газ; поверхность планеты опутана сетью трубопроводов; компьютерная революция становится импульсом к ускоренному развитию добычи редкоземельных и рассеянных металлов, необходимых для создания элементной базы электронной промышленности. Разработка атомного

оружия и атомной энергетики привела к развитию добычи урана и загрязнению окружающей среды радиоактивными отходами. Испытания атомного оружия, аварии на АЭС, особенно Чернобыльская катастрофа, убедительно доказали, что в случае применения оружия массового поражения, особенно ядерного, человечеству и биосфере грозит смертельная опасность. Одновременно возросла угроза экологической катастрофы вследствие многократного увеличения численности населения и объемов производства, а следовательно, выбросов в атмосферу парниковых газов и загрязнения водных источников и земли. С 1938 по 1980 г. численность народонаселения мира удвоилась — с 2200 до 4400 млн человек, мировой ВВП вырос в 4,8 раза — с 5625 до 37 105 млрд долл. [133. — С. 497, 503]. Высокими темпами росла добывающая промышленность, хотя и не такими быстрыми, как вся промышленность (табл. 5.1).

Наиболее высокие темпы прироста добывающей промышленности наблюдались в 50-е годы (2,7%), на этапе становления четвертого экологического уклада. При этом достигалось это в основном за счет нефтегазовой промышленности, где темпы прироста

Таблица 5.1.

Динамика мировой промышленности*

Показатели		1900	1938	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Вся промышленность	а ¹	384	925	1355	2475	4040	5780	7730	10 190
	б ²		241	146	184	163	143	134	132
	в ³		2,3	3,2	6,3	5,0	3,6	3,0	2,8
Добывающая промышленность	а	133	247	342	446	556	711	858	1058
	б		186	138	130	125	128	121	123
	в		1,6	2,5	2,7	2,3	2,5	1,9	2,1
в т. ч. угольная	а	65	96	1,7	120	131	132	135	132
	б		148	122	102,6	109	100,8	102,3	98,8
	в		1,0	1,7	0,3	0,9	0,1	0,2	-0,2
нефтегазовая	а	10,5	52	100	170	256	379	500	692
	б		495	192	170	151	148	132	138
	в		4,4	5,6	5,5	4,2	4,0	2,8	3,3
металлорудная	а	20	46	69	80	80	88	99	101
	б		230	150	116	100	110	112,5	102
	в		2,2	3,2	1,5	1,0	1,0	1,2	0,2

*[133. — С. 551, 561].

¹а — млрд долл. в ценах и по ППС 2000 г.;

²б — в % к предыдущему периоду;

³в — среднегодовые темпы прироста за предыдущий период, в %.

Таблица 5.2.

Прогноз ООН динамики потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды*

Показатели	1970	1980	1990	2000	2000 к 1970, %
Население, млн человек	3620	4404	5344	6405	177
Индекс урожайности земли	100	131	184	276	276
Добыча ресурсов, млн т					
Нефть	3003	4998	9340	14 138	471
Природный газ (млрд куб. м)	1426	2336	4262	5910	414
Уголь	2185	3307	5232	8313	384
Железо	424	660	1 111	1612	380
Медь	6,4	9,3	46,5	23,6	369
Бокситы	11,4	16,7	27,9	38,5	338
Цинк	5,4	7,5	12,4	17,8	330
Свинец	3,5	5,4	9,7	14,7	420
Улов рыбы, млн т.	66,0	66,0	66,0	66,0	100
Чистый совокупный выброс, млн т					
Пестициды	2,6	5,4	13,4	16,0	615
Твердые частицы	14,9	13,3	22,7	16,2	109
Деятельность по снижению уровня загрязнения окружающей среды					
Воздух	54,3	93,0	123,4	165,0	304
Первичная очистка воды	11,0	21,0	39,1	55,2	502
Твердые отходы	534,9	902,1	1208,5	1977,3	370

* [24. — С. 207—208].

зачастую опережали средние по промышленности. Если в 1938—1950 гг., особенно в период Второй мировой войны, темпы прироста в металлорудной промышленности сравнивались с общепромышленными, то в последующий период, особенно в 70-е годы, они заметно упали. Подобная тенденция наблюдалась и в добыче угля.

В долгосрочном прогнозе, разработанном в 70-е годы группой экспертов под руководством нобелевского лауреата **В. В. Леонтьева**, указывалось: к 2000 г. (если развитие мировой экономики пойдет по благоприятному сценарию) темпы прироста валового продукта в развитых странах составят 3,6%, в развивающихся — 6,9%; на душу населения соответственно 3% и 4,9%; разрыв в доходах сократится с 12:1 до 7:1 [24. — С. 29]. При этом предполагалось, что темпы вовлечения в производство природных ресурсов будут высокими, а загрязнение окружающей среды уменьшится (табл. 5.2).

Намечалось, что при росте численности населения планеты за 30 лет на 70% (фактический рост составил 64%) ВВП увеличится в 3,4 раза. При этом плодородие земли возрастет в 2,8 раза, добычи нефти — в 4,7 раза, природного газа — в 4,1 раза, угля — в 3,8 раза, цветных металлов — от 3,3 (цинк) до 4,3 раза (свинец), а объем улова рыбы стабилизируется. В то же время темпы роста выбросов в окружающую среду сократятся по твердым отходам в 1,1 раза и значительно (в 6,2 раза) возрастут по пестицидам. Объем деятельности по очистке воздуха увеличится в 3 раза, первичной очистке воды — в 5 раз и утилизации твердых отходов — в 3,7 раза.

Резким контрастом этому оптимистичному прогнозу, отрезвляющим душем стали доклады Римскому клубу, и прежде всего доклад **Донеллы и Дениза Медоуз** «Пределы роста», опубликованный в 1972 г. Авторы доклада пришли к неутешительному выводу: если сложившиеся к началу 70-х годов темпы роста численности населения, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания, а также темпы сокращения природных запасов сохранятся в течение XXI столетия, мир подойдет к пределам роста. В результате произойдет неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объем производства [168. — С. 127]. В докладе раскрывался механизм реализации этого пессимистичного сценария: «Приближение к предельным значениям и коллапс неизбежны, и причиной этого в данном случае становится истощение запасов невозобновимых ресурсов. Объем промышленного капитала достигнет уровня, требующего огромного притока ресурсов. Сам процесс этого роста истощает запасы доступного сырья. С ростом цен на сырье и истощением ресурсов требуется все больше средств и, значит, все меньше становятся капиталовложения в будущий рост. Наконец, капиталовложения не могут компенсировать истощения ресурсов; тогда разрушается индустриальная база, а вместе с ней система услуг и сельскохозяйственного производства, зависящие от промышленности... За короткий срок ситуация серьезно осложнится, потому что численность населения все еще растет... В конце концов численность населения снижается, поскольку повышается смертность в результате нехватки продуктов питания и медицинских услуг... Рост прекращается около 2100 г.» [там же. — С. 129]. Резонансно усиливают друг друга экологический и другие глобальные кризисы: «...в этом повинны три одновременных кризиса. Нагрузка на землю вызывает эрозию, и производство продовольствия сокращается. Высокий уровень благосостояния населе-

ния, хотя и не превышает современного уровня благосостояния в США, обуславливает значительное истощение ресурсов. Загрязнение среды растет, снижается, а затем снова растет, в результате чего опять сокращается производство продовольствия и повышается смертность. Технологические решения могут лишь продлить период демографического и промышленного роста, но не отодвинуть его пределов» [там же. — С. 131].

Развернувшийся в 70-е годы *мировой экологический кризис* в энергетике, сердцевиной которого стал скачкообразный рост мировых цен на нефть (с 2,11 долл. за баррель в 1970 г. до 35,69 долл. в 1980 г. — в 16,8 раза [202. — С. 71], подтвердил опасения ученых. Индекс мировых цен на сырье за 1971—1980 гг. вырос в 11,5 раза (по сравнению с общим ростом индекса мировых цен в 1,8 раза); при этом темпы роста ВВП снизились до 46% (по сравнению с 67% за предыдущее десятилетие); рост производства сырьевых товаров упал до 30% (против 69%), сельскохозяйственных продуктов — до 24% (против 29%), готовых изделий — до 53% (против 104%) [там же. — С. 61—62].

Кризис подтолкнул переход к *пятому экологическому укладу*, неразрывно связанному с аналогичным технологическим укладом. Однако он уже не дал столь заметного эффекта, как предыдущий (табл. 5. 3). Основные усилия были направлены на природосбережение — уменьшение расхода топлива и сырья на производство единицы ВВП, прирост разведанных запасов минерального сырья, развитие наименее природоемкого сектора услуг.

В последние три десятилетия XX в. резко замедлились темпы прироста добычи и потребления минерального сырья и топлива; экспортные цены на сырьевые товары в 2000 г. в 16,9 раза превосходили уровень 1970 г. — при превышении общего индекса экспортных цен в 20,1 раза. Следует отметить, что и покупательная сила доллара как международной валюты за это время упала в несколько раз.

Пятый экологический уклад также не ознаменовался существенным ростом эффективности природопользования и уменьшением загрязнения окружающей среды. Темпы прироста сельхозпродукции снизились с 2,6% (в 1950—1970 гг.) до 2% (в 1991—2000 гг.). В 1990—2000 гг. на планете ежегодно уничтожалось 95 тыс. кв. км лесов, в том числе в Африке южнее Сахары — 53 тыс., в Латинской Америке — 46 тыс. Среднегодовой темп прироста потребления энергии составил 1,5%, выбросов CO₂ в атмосферу — 0,7% [271. — Р. 130, 142]. Ухудшение климатических ус-

Таблица 5.3.

Среднегодовые темпы прироста мирового производства и цен за 1950—2000 гг., %*

Темпы прироста	1951—1960	1961—1970	1971—1980	1981—1990	1991—2000
Темпы прироста ВВП мира в год	4,7	5,3	3,9	3,2	2,3
Темпы прироста производства:					
всего	5,2	6,1	3,7	2,5	2,0
сельхозпродукция	2,8	2,6	2,1	2,5	1,5
сырье	4,5	5,4	2,0	0,1	2,7
готовые изделия	6,3	7,4	4,3	2,9	2,3
Среднегодовые темпы прироста индекса экспортных цен:					
всего	7,2	8,4	20,7	5,4	6,1
сельхозпродукция	3,6	4,1	16,8	3,5	3,1
сырье	7,2	9,6	27,7	-1,3	5,4
готовые изделия	11,6	10,3	18,8	8,3	6,9

* [202. — С. 61—62].

ловий под влиянием человеческой деятельности стало очевидным фактом. Нарастает угроза глобальной экологической катастрофы, хотя мнения отдельных ученых о ее причинах, характере и сроках противоречивы.

Индустриальный экологический способ производства, ориентированный на покорение природы, на нарастающее вовлечение в производство все новых ресурсов и усиление давления на биосферу, в основном исчерпал свой потенциал. Несмотря на ряд предпринятых в развитых странах мер по экологическому оздоровлению, глобальная ситуация продолжает ухудшаться. Развертывание очередного глобального экологического кризиса свидетельствует о том, что пришло время перехода к *постиндустриальному, ноосферному экологическому способу производства.*

Центральным звеном экологического кризиса конца индустриальной мировой цивилизации является обеспечение потребностей общества в природных источниках энергии. В индустриальную эпоху главным источником энергоресурсов стало ископаемое топливо — уголь, нефть, природный газ, со второй половины XX в. к ним присоединился уран. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в *табл. 5.4.*

Если предыдущие мировые цивилизации ориентировались на возобновляемые источники энергии, то энергетической базой ин-

дустриальной цивилизации стало невозобновляемое ископаемое топливо, доля которого к 2000 г. достигла 95%. Из них 62% составляет доля жидкого и газообразного топлива — нефти и природного газа. Хотя разведанные запасы нефти и газа в результате геолого-разведочных работ растут, однако лучшие месторождения постепенно обрабатываются, что требует все больших капиталовложений и трудозатрат на добычу, транспортировку, переработку ископаемого топлива. Кроме того, его запасы весьма неравномерно распределены по планете, по локальным цивилизациям (*табл. 5.5*).

Основные запасы нефти и газа сконцентрированы в локальных цивилизациях с низким и средним уровнем доходов — мусульманской, африканской, евразийской, латиноамериканской. В то же время наиболее развитые цивилизации — североамериканская, западноевропейская, японская, — являющиеся к тому же основными потребителями энергии, имеют незначительный объем запасов углеводородов, которого хватит ненадолго. К концу индустриальной цивилизации в энергосекторе возникла своеобразная поляризация: на одном полюсе — страны с высокими доходами, где проживает 15,6% населения мира и потребляется 52% энергии (5423 кг в нефтяном эквиваленте на душу населения); на другом — страны с низкими доходами, где проживает 40,2% населения и потребляется 12,3% энергии (518 кг на душу населения — в 10,5 раза мень-

Таблица 5.4.

Доля отдельных источников энергии в мировом энергобалансе, %*

Источники энергии	2000 до н. э.	1000 до н. э.	1900	1935	1973	2000
<i>Возобновляемые источники:</i>	100	100	32	26	15	5
Мускульная сила человека	70	10	-	-	-	-
Органические вещества	25	20	16	13	-	-
Древесина	5	70	16	8	-10	1
Водная энергия	-	-	-	5	5	4
<i>Невозобновляемые источники (минеральное топливо):</i>	-	-	68	74	85	95
Уголь	-	-	65	55	32	28
Нефть	-	-	3	16	34	43
Природный газ	-	-	-	3	18	19
Уран (атомная энергия)	-	-	-	-	1	5

* [145. — С. 698].

Таблица 5.5.

Распределение доказанных запасов нефти и газа по регионам мира (на 01.01.2002)*

Регионы мира	Запасы нефти			Запасы газа		
	млрд т.	% к миру	отношение к добыче, раз	трлн куб. м	% к миру	отношение к добыче, раз
Ближний Восток	93,4	65,3	86,8	55,91	36,1	26,0
Латинская Америка	13,7	9,1	38,8	7,16	4,6	71,6
Россия и СНГ	9,0	6,2	21,1	56,14	36,2	78,5
Африка	10,2	7,3	27,4	11,18	7,2	90,2
Азиатско-Тихоокеанский регион	5,9	4,2	15,6	12,27	7,9	43,8
Северная Америка	8,4	6,1	13,5	7,59	4,9	10,0
Европа	2,5	1,8	7,8	4,86	3,1	16,1
Мир в целом	143,0	100	40,3	155,08	100	61,9

*[145. — С. 621, 666].

ше) [271. — С. 142]. Четверть населения мира, как отмечалось на встрече на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002), вообще не имеет доступа к электричеству. Такая поляризация является одним из признаков глобального энергетического (и экологического) кризиса уходящей цивилизации.

5.3. Экологическое будущее цивилизаций

В XXI в. произойдет переход к постиндустриальному экологическому способу производства, на знамени которого будет написано одно слово: «Ноосфера». Это найдет выражение в трех глобальных тенденциях: относительном, а затем и абсолютном сокращении потребления первичных природных ресурсов; относительном, а затем и абсолютном сокращении выбросов загрязняющих веществ всех видов в окружающую природную среду; формировании экологического мышления, национальной, цивилизационной, глобальной экологической политики и стратегии. Общим итогом этих тенденций станет обеспечение рациональной коэво-

люции природы и общества. Обе эти мегасистемы не могут остановить развитие по циклично-генетическим законам, однако развитие одной из них не должно осуществляться за счет другой, как это было в индустриальную эпоху.

Учение о ноосфере создано **В. И. Вернадским** и развито применительно к современному периоду **Н. Н. Моисеевым**.

Ноосфера как усиливающееся воздействие человеческих ума и деятельности на природную среду (биосферу) имеет давнюю историю. «В последние тысячелетия, — писал **В. И. Вернадский**, — наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в *ноосферу*. Человечество закономерным движением, длившимся миллион-другой лет, со все усиливающимся в своем проявлении темпе, охватывает всю планету, выделяется, отходит от других живых организмов как новая небывалая геологическая сила. Процесс эволюции биосферы, переход ее в ноосферу, явно проявляет ускорение темпа геологических процессов... в течение [последних] немногих тысяч лет в связи с ростом научной мысли и социальной деятельности человечества» [28. — С. 20–21, 23].

Следовательно, речь идет не о миллионах, а о последних четырех-пяти тысячах лет, когда сформировавшиеся локальные цивилизации и созданные ими системы орошаемого земледелия стали оказывать ощутимое воздействие на биосферу в долинах великих рек. Этот факт точно подметил **Л. И. Мечников**: «Исторические реки, эти великие воспитатели человечества, обращают орошаемые ими области то в плодородные житницы, питающие миллионы людей за труд нескольких дней, то в заразные болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Специфическая географическая среда этих рек могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших народных масс» [129. — С. 358]. Добавим — и человеческим разумом, пониманием цикличности разлива рек и умением использовать эту их особенность в интересах человека.

В индустриальную эпоху сила воздействия человека, его ума и деятельности на биосферу многократно усилилась и достигла критического уровня, что отметил **В. И. Вернадский**: «В XX в., впервые в истории Земли, человек узнал и охватил всю биосферу, закончил геологическую карту планеты Земля, расселился по всей ее поверхности... Человечество, взятое в целом, становится мощ-

ной геологической силой, и перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы... и есть "ноосфера". **Ноосфера** — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней» [28. — С. 240–242]. Последующие десятилетия подтвердили истинность прозрения великого ученого и в то же время обнаружили как позитивные, так и негативные стороны усилившегося влияния человечества на биосферу: оно обладает теперь столь мощными средствами воздействия на нее, что может как перестроить и облагородить биосферу в интересах рациональной коэволюции природы и общества, так и нанести ей непоправимый ущерб, а то и уничтожить в результате термоядерного или иного столкновения либо трансформировать ее столь глубоко, что в ней не останется той узкой ниши, которую занимают мыслящие существа.

Об этой опасности, необходимости сознательного выбора предупреждал **Н. Н. Моисеев**, когда писал об **экологическом императиве как средстве разрешения глобального экологического кризиса**: «Человечество подходит... к той грани, которая отделяет нынешнюю эпоху преимущественно техногенной цивилизации от совершенно нового периода своей истории. Он будет характеризоваться новой цивилизационной парадигмой, когда основной заботой людей делается преодоление наступающего экологического кризиса. Этому постиндустриальному обществу... предстоит найти пути сохранения на Земле самого вида *Homo sapiens*. Человеку придется настолько изменить свой образ жизни, что не будет большим преувеличением назвать этот этап истории новым витком антропогенеза... Жизненно важно, чтобы проявилась **стратегия** цивилизации, и она необходимо должна быть увязана со Стратегией Природы... Нас ожидает не только экологический, но и цивилизационный кризис... Для продолжения своей истории человеку необходимо научиться согласовывать не только локальную, но и собственную глобальную (общепланетарную) деятельность с потребностями Природы в установлении жестких рамок собственного развития, своей деятельности, их согласования с развитием остальной биосферы. Эти требования столь суровы, что их правомерно называть экологическим императивом... С развитием цивилизации на определенном ее этапе у всего человечества появляется некоторая общая цель — обеспечение условий экологического императива» [135. — С. 281–282, 288, 289].

Организация Объединенных Наций, представляющая интересы всего человечества, все более отчетливо осознает угрозу глобального экологического кризиса и стремится найти пути выхода из него. В 1972 г. в Стокгольме состоялась конференция ООН по окружающей человека среде, была создана организация под названием Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В 1980 г. разработана Всемирная стратегия охраны природы. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро прошел Всемирный саммит по окружающей среде и развитию, на котором одобрена стратегия устойчивого развития, учитывающего интересы как настоящего, так и будущих поколений. В 2002 г. в Йоханнесбурге на Всемирном саммите по устойчивому развитию были подведены итоги выполнения стратегии за 10 лет и намечены новые рубежи. ЮНЕП разработала и опубликовала глобальную экологическую перспективу на период до 2032 г., в которой на основе долгосрочного экологического прогноза были рассмотрены четыре возможных сценария и их последствия:

➔ **приоритет** — рынок, бесконтрольное использование механизмов которого приведет к полному разрушению окружающей среды;

➔ **приоритет** — стратегия, предполагающая усиление государственного и межгосударственного регулирования экологических процессов;

➔ **приоритет** — безопасность для развитых стран при активной экологической деградации развивающихся стран;

➔ **приоритет** — устойчивость, основой которой станет стратегическое региональное и глобальное планирование и реализация условий рационального использования природных ресурсов, уменьшение загрязнения окружающей среды [46. — С. 383–401].

При этом, правда, в расчет не принят еще один возможный сценарий, который можно назвать **«Приоритет — технология»**, то есть использование достижений разворачивающегося инновационно-технологического переворота, шестого технологического уклада для перехода к ресурсосберегающим, экологически чистым технологиям.

В монографии «Эпохальные инновации XXI века» [250] становление ноосферы рассматривается как **эпохальная инновация наступившего века**, важнейшая составная часть ядра формирования генотипа гуманистически-ноосферного постиндустриального общества. Рассмотрим основные составляющие этого процесса.

1. Сокращение потребления природных ресурсов в XXI в. определяется несколькими долгосрочно действующими факторами:

➔ замедлением, а к концу века — прекращением роста численности населения;

➔ переходом к преобладанию шестого (в первой половине века) и седьмого (во второй половине) технологических укладов, освоением широкого круга ресурсосберегающих, экологически чистых технологий;

➔ очередной энергетической революцией, содержанием которой станет преобладание возобновляемых источников энергии, становление водородной энергетики;

➔ изменением структуры мировой экономики, сокращением доли природоёмких отраслей в структуре ВВП.

О переломе в тенденциях динамики численности населения свидетельствуют данные *табл. 5.6*. Темпы прироста населения в мире сократятся (с 2,04% в 1965–1970 гг. и 1,36% в 1995–2000 гг. до 0,38% в 2045–2050 гг.), а по развитым странам станут отрицательными (–0,1%). В состоянии депопуляции — сокращения численности населения — к середине XXI в. окажутся западноевропейская, российская, японская и китайская цивилизации. В то же время менее развитые регионы сохраняют относительно высокие, но гораздо меньшие, чем в XX в., темпы прироста населения: Африка (1,21%), Индия (0,32%). Сравнительно высокими они сохранятся и для США (0,38%).

Плотность населения, в значительной мере определяющая нагрузку на окружающую среду, в целом по миру возрастет на 48% (в 1950–2000 гг. этот показатель составил 137%), однако распределяться по цивилизациям население, как и теперь, будет неравномерно. Наиболее низкой его плотность окажется в Океании (в 2050 г. — 5 человек на 1 кв. км, в том числе в Австралии — 3 человека), России (6 человек); наиболее высокой — в Индии, ряде стран мусульманской цивилизации, Японии и Западной Европе. Сокращение темпов роста населения, а затем его стабилизация к концу XXI в. значительно сократит потребность в природных ресурсах.

Вторым фактором станет *технологический переворот*, связанный с распространением постиндустриального технологического способа производства, реализующий его достижения и преимущества технологических укладов — шестого (в 2000–2050 гг.) и седьмого (в 2050–2100 гг.). Приоритетные направления этих укладов — нано- и биотехнологии, информатика — в минимальной степени задействуют природные ресурсы, ориентированы на интеллектуальные, экологически чистые товары и услуги. Их применение

Таблица 5.6.

Динамика численности и плотности населения (прогноз ООН, версия 2004 г., средний вариант)*

Регионы	Среднегодовые темпы прироста численности населения, %					Плотность населения, человек на 1 кв. км				
	1950-1955	1965-1970	1995-2000	2020-2025	2045-2050	1950	2000	2025	2050	2050 к 2000, %
Мир в целом	1,80	2,04	1,34	0,85	0,38	19	45	58	67	149
Более развитые регионы	1,20	0,83	0,33	0,07	-0,10	15	22	23	23	105
Менее развитые регионы	2,08	2,51	1,59	0,99	0,45	21	59	80	95	161
Европа	0,99	0,68	0,02	-0,22	-0,37	24	32	31	28	88
Великобритания	0,23	0,47	0,34	0,37	0,17	204	242	262	276	115
Германия	0,56	0,57	0,17	-0,08	-0,17	192	231	230	221	96
Франция	0,75	0,81	0,37	0,14	-0,13	78	107	115	114	107
Италия	0,64	0,65	0,14	-0,29	-0,52	156	192	187	169	88
Россия	1,63	0,57	-0,22	-0,59	-0,59	6	9	7	7	78
Северная Америка	1,71	1,10	1,04	0,68	0,36	8	14	18	20	143
США	1,61	1,05	1,09	0,68	0,38	17	30	36	41	137
Латинская Америка	2,65	2,57	1,56	0,87	0,22	8	25	34	38	152
Бразилия	3,06	2,59	1,49	0,78	0,20	6	18	27	30	167
Азия	1,95	2,41	1,38	0,75	0,19	44	115	148	164	143
Япония	1,43	1,07	0,25	-0,30	-0,49	221	336	330	297	88
Китай	1,87	2,81	0,88	0,24	-0,35	55	137	150	145	106
Индия	2,00	2,28	1,75	0,93	0,32	109	311	425	485	156
Индонезия	1,67	2,37	1,34	0,61	0,06	42	110	138	149	135
Африка	2,19	2,60	2,34	1,81	1,21	7	27	44	64	237
Нигерия	2,24	2,53	2,48	1,58	1,0	2	127	206	279	220
Южная Африка	2,34	2,60	1,70	0,08	0,06	11	37	39	40	108
Океания	2,15	1,93	1,42	0,95	0,45	2	4	5	6	150
Австралия	2,26	1,91	1,22	0,85	0,44	1	2	3	4	200

*[271].

значительно сократит спрос на природные ресурсы и объемы вредных выбросов в окружающую среду.

Третий фактор — *энергетическая революция*, которая будет ориентирована преимущественно на возобновляемые источники энергии, прежде всего на водород и топливные элементы. Это приведет к сокращению доли ископаемого топлива в балансе потребления энергоресурсов. Согласно одному из сценариев Международного энергетического агентства, показатели снизятся с 85% в 2000 г. до 60% в 2050 г. и 20% в 2100 г.; соответственно уменьшится выброс парниковых газов в атмосферу.

Четвертый фактор — *структурные сдвиги в экономике*, дальнейшее сокращение доли природоёмких отраслей (сельского хозяйства, добывающих отраслей промышленности) при значительном повышении доли высокотехнологичных отраслей и сферы услуг, в минимальной степени потребляющих природные ресурсы и загрязняющих окружающую среду. Так, доля сельского хозяйства в мировом ВВП сократилась с 5% в 1990 г. до 4% в 2002 г., в том числе в странах с высоким уровнем доходов — с 3% до 2% [271. — Р. 188]. Доля добывающей промышленности в структуре мирового промышленного производства сократилась с 34,5% в 1900 г. и 25,2% в 1950 г. до 10,4% в 2000 г., а доля машиностроения и металлообработки возросла с 10,1% и 19,8% до 35,9% [133. — С. 561].

Согласно одному из сценариев сверхдолгосрочного прогноза, энергопотребление в мире с 13,1 млрд т у. т. в 2000 г. увеличится до 19,2 млрд в 2020 г., 22,5 млрд в 2050 г., 23,9 млрд в 2070 г. и 24,2 млрд в 2100 г. [145. — С. 736]. Однако если в 2000–2020 гг. среднегодовые темпы прироста энергопотребления составят 1,9%, то в 2070–2100 гг. они не превысят 0,05%. Объемы добычи нефти, согласно тому же сценарию, с 2002 по 2020 гг. вырастут на 47%, а к 2050 г. сократятся на 5%; добыча газа с 2002 по 2020 г. увеличится на 20%, а в последующие 30 лет уменьшится на 8% [там же]. Добыча угля возрастет в 2002–2050 гг. на 29%, потребление атомной энергии — на 8% [там же. — С. 720–721]. Ожидается опережающий рост нетрадиционных возобновляемых источников энергии (табл. 5.7).

2. Уменьшение загрязнения окружающей среды — сперва относительное (по сравнению с темпами роста населения и ВВП), а затем и абсолютное. Оно определяется в основном теми же факторами, которые указаны выше: сокращением темпов прироста, а затем стабилизацией численности населения; технологическим переворотом, распространением природосберегающих технологий;

Таблица 5.7.

Динамика мирового производства нетрадиционных источников энергии*

Виды энергии	2002	2010	2020	2020 к 2002	Среднегодовой темп прироста, %
Геотермальных источников	28	65	1150	441	8,2
Малых рек	70	175	220	314	6,6
Ветра	18	76	125	694	11,4
Солнца	1,2	19	35	2917	20,6
Приливов	0,3	13	25	8333	27,9
Биомассы	18	92	150	833	12,5
Всего	135,5	440	670	494	9,3

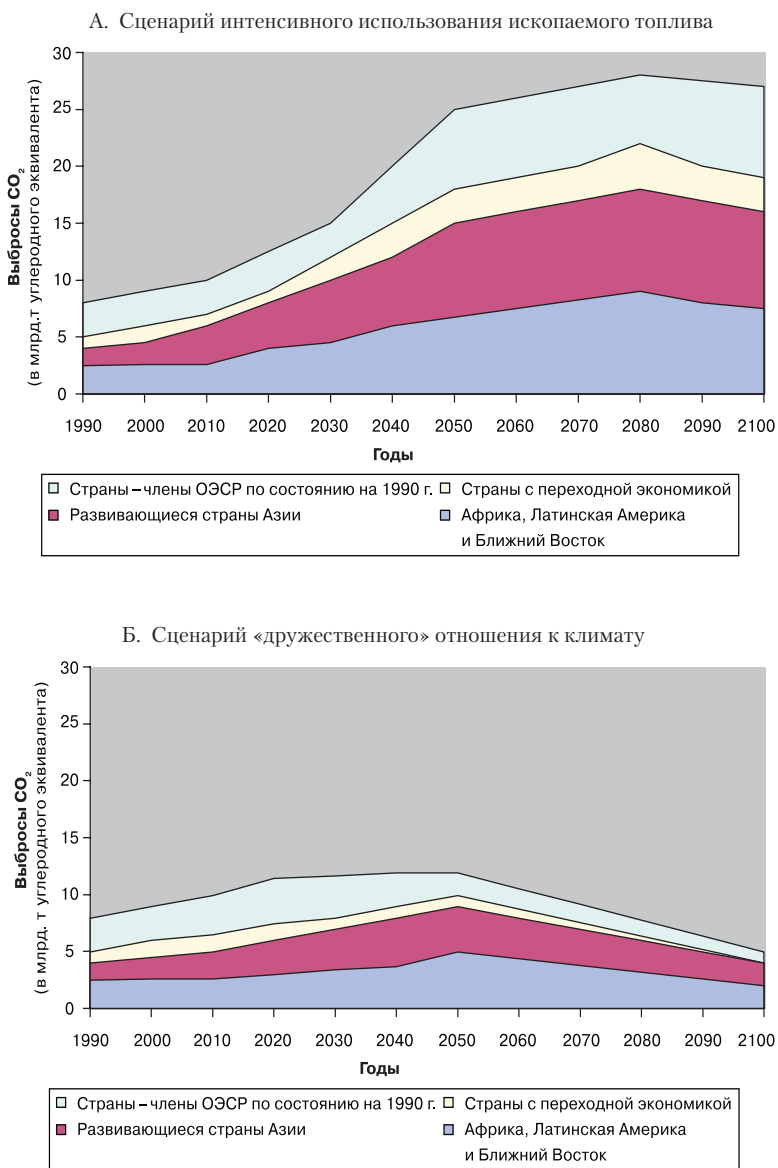
* [145. — С. 698].

энергетической революцией, переходом к возобновляемым источникам энергии, в минимальной степени загрязняющим атмосферу; сдвигами в структуре экономики в пользу ресурсосберегающих, экологически чистых отраслей. К ним следует добавить еще один фактор: усилия мирового сообщества по разработке и реализации экологических программ, введение экономических механизмов, которые сделают загрязнение окружающей среды невыгодным для агентов рынка. Эта тенденция становится все более очевидной, хотя и наталкивается на немалое сопротивление. Переход к альтернативным источникам энергии и энергосберегающим технологиям позволит со второй половины XXI в. существенно сократить объем вредных выбросов в атмосферу, ликвидировать, хотя бы частично, угрозу потепления климата (рис. 5.3, сценарий Б).

3. Формирование ноосферной цивилизации — одно из ведущих направлений эпохальных инноваций XXI века. Но ошибкой будет считать, что взаимоотношения общества и природы сводятся только к проблемам экономики и технологий. Чтобы реализовать позитивный вариант ноосферы, человечеству придется перестроить всю «пирамиду» цивилизации, все ее «этажи» и «квартиры». И начинать нужно с каждого конкретного человека, его духовного мира и потребностей; с формирования у него с детских лет ноосферного мышления, со всеобщего экологического образования; с разработки и реализации на всех уровнях — от муниципального до глобального — системы жестких национальных и международных экологических нормативов и правовых норм и не менее

Рисунок 5.3.

Сценарии динамики выбросов CO₂ в XXI в.*

* [103.– С. 259].

жесткого контроля за ними; с введения экономических санкций за нарушение данных нормативов и норм; с создания глобальных экологических фондов за счет отчислений от природной ренты и полного изъятия экологической антиренты — сверхприбыли, получаемой в результате хищнического использования природных ресурсов.

Указанные три тенденции — основа для перелома в глобальной экологической динамике. Однако **для предотвращения глобальной экологической катастрофы и перехода к ноосферной цивилизации необходима выработка глобальной экологической стратегии на XXI столетие.** Основные контуры такой стратегии можно представить в следующем виде.

1. **Приоритет человека, учет интересов будущих поколений при организации природопользования и охраны окружающей среды.** Равно пагубны, тупиковы и бесперспективны как хищническое истребление природных ресурсов, которое ведут в погоне за прибылью национальные предприниматели и ТНК, оставляющие после себя лишь истощенные недра и землю, вырубленные леса, загазованную атмосферу, так и призывы отдельных ультраэкологов — сторонников бесчеловечной теории «золотого миллиарда» — вшестеро сократить численность населения Земли ради сохранения биосферы. Обе эти, казалось бы, противоположные концепции сходятся в конечном результате: они лишают будущего новые поколения людей. Выход в другом: на основе сверхдолгосрочного, рассчитанного на столетие многовариантного (сценарного) прогноза возможной коэволюции человечества и природы выработать с горизонтом в три поколения *глобальную экологическую стратегию*. Она должна обеспечивать выбор и реализацию путей оптимальных взаимоотношений природы и общества с учетом сбалансированности интересов всех поколений. Цель такой стратегии — ориентировать человечество не только на рациональное использование ограниченных природных ресурсов, сохранение биосферы и облагораживание окружающей среды, но и на создание оптимальных естественных условий для собственной жизнедеятельности и развития, ликвидации проблемы голода и установки на депопуляцию, которая охватывает все большее число стран и цивилизаций и в отдаленной перспективе грозит вырождением рода человеческого, виду Homo sapiens. Экологическая и демографическая катастрофы — две стороны одной самоубийственной «медали», и предотвращать их нужно одновременно исходя из концепции гармоничной

коэволюции природы и общества. Любые крены в ту или иную сторону опасны для будущего человечества.

2. Сочетание глобального, цивилизационного и локального подходов к решению проблем экобудущего и устойчивого развития.

В XXI веке, с углублением и расширением процессов глобализации, формированием в масштабах планеты единого экологического, демографического, технологического, экономического, геополитического и социокультурного пространства, становится все более очевидным факт: человечество развивается как единая мегасистема в рамках природных мегасистем более высокого уровня — биосферной, планетарной, космических (Солнечной системы, нашей Галактики, Вселенной). Динамика всех этих мегасистем взаимосвязана, прочно переплетена. Если человечество еще способно влиять на биосферу в рамках ноосферы, то в отношении космических мегасистем оно бессильно, может лишь учитывать закономерности их динамики в своей деятельности. Но и человеческое сообщество тоже представляет собой «матрешку», состоящую из ряда социальных систем более низкого ранга: локальных цивилизаций, государств, регионов, муниципальных образований, семей и в конечном счете из первичного, неделимого атома этой социальной пирамиды — отдельного человека, индивидуума.

Циклическая динамика каждой сложной социальной системы, включающей в себя несколько подсистем, развивается, по крайней мере, по двум законам: статическому *закону пропорциональности всех элементов системы*, обеспечивающему эффективность ее функционирования, и динамическому *закону периодической сменяемости состояний* организованности и хаоса системы в каждом цикле. В переходные периоды, в состоянии кризиса система становится дезорганизованной, отдельные ее элементы находятся в противоборстве. Тогда ее эффективность становится меньше суммы эффективностей ее составных частей, система превращается в диспропорциональную, а при крайней поляризации обречена на гибель. В фазах же оживления и подъема она вновь самоорганизуется, ее общая эффективность превышает эффективность ее элементов, система получает дополнительную, синергическую энергию движения.

Глобализация открывает новые возможности для ускорения движения человечества как системы по пути прогресса. Однако преобладающая ныне неолиберальная модель глобализации, углубление и расширение пропасти между государствами в эконо-

мической, экологической, технологической и социокультурной сферах, международный терроризм и угроза столкновения цивилизаций — все это дезорганизует и снижает эффективность системы, ослабляет ее способность справиться с нарастающим потоком проблем и противоречий. Поэтому **центральная задача ноосферной модели глобализации, основанной на диалоге и партнерстве цивилизаций в решении глобальных проблем, есть преодоление установки на поляризацию в динамике цивилизаций и стран.** Следует учитывать, что проблема обеспечения устойчивого развития не может быть решена в рамках отдельной цивилизации, как бы богата она ни была, а только в глобальных масштабах, при согласовании целей и интересов всех цивилизаций, при сохранении единства в их многообразии и многообразия в их единстве.

3. Магистральным путем реализации глобальной экологической стратегии является глобальный технологический переворот, освоение и распространение ресурсосберегающих, экологически чистых технологий сначала шестого, а затем седьмого технологических укладов. Только таким путем возможно сократить спрос на невозобновимые природные ресурсы и существенно уменьшить уровень загрязнения окружающей среды, обеспечить рациональную коэволюцию общества и природы. Но для этого нужно, чтобы высокие и экологически чистые технологии не были монополией лишь узкой группы развитых стран и ТНК, а в возможно короткие сроки стали достоянием всего человечества. Для этого требуется, чтобы авангардные страны организовали широкий трансфер технологий в отстающие страны, помогли им заложить необходимый уровень образования населения и инновационной инфраструктуры. На встрече на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге авторы настоящей работы предложили создать для этого при ПРООН *Глобальный технологический фонд*, направлять в него определенный процент от мировой технологической квазирыбы — сверхприбыли, получаемой при экспорте продукции машиностроения, вооружения и высокотехнологичных услуг [244. — С. 205—206].

4. Экологизация глобальной экономики, ее переориентация на эффективное природопользование и снижение уровня загрязнения окружающей среды может развиваться в нескольких направлениях:

➔ включение (в полном объеме) в издержки производства и стоимость продукции природоёмких отраслей всех общественно необходимых затрат на воспроизводство природных ресурсов (гео-

логоразведку, лесное, водное и рыбное хозяйство, мелиорацию и рекультивацию земель и т. п.); концентрация этих ресурсов и целевое их использование в интересах природопользования. Представление о том, что учет подобных затрат является одной из форм налогов, ложно и опасно, ибо лишает природосберегающую деятельность обособленных и гарантированных источников финансирования (подобно фонду зарплаты для воспроизводства другого первичного ресурса — рабочей силы);

➔ кадастровая оценка используемых в национальных и мировом хозяйствах ограниченных природных ресурсов и введение системы рентных платежей, выравнивающих условия хозяйствования для природоэксплуатирующих компаний и ТНК. Отчисление части сверхприбыли (мировой природной ренты), полученной при экспорте продукции добывающих отраслей, в *Глобальный экологический фонд* для финансирования экологических проектов межцивилизационного характера и проектов в странах с низкими доходами, лишенных ресурсов природного сырья;

➔ оценка ущерба, причиненного настоящему и будущим поколениям в результате хищнического использования природных ресурсов и сверхнормативного загрязнения окружающей среды. Введение национальных и международных штрафных платежей за подобные действия, полное изъятие и направление экологической антиренты в *Глобальный экологический фонд*.

Экологизация экономики означает, что используемые природные ресурсы и наносимый природе ущерб получают объективную оценку. Будут гарантированы источники средств для воспроизводства ресурсов, подобные тем, какие применяются предприятиями при использовании трудовых и материальных ресурсов. При этом будет более полно и объективно оцениваться эффективность осуществляемых экологических мероприятий и возмещаться наносимый обществу и природе ущерб.

5. Экологическое партнерство государств и межгосударственных организаций, предпринимателей и институтов гражданского общества для выработки и реализации глобальной и национальных экологических стратегий.

Государства в условиях долгосрочного экологического кризиса (нет страны, которая бы его не ощущала в большей или меньшей степени) должны более эффективно выполнять свою экологическую функцию. Их задача — формировать и выполнять долгосрочные стратегии по рациональному использованию имеющихся в стране природных ресурсов и охране окружающей среды в интересах настоящего

и будущих поколений, по обеспечению естественных условий устойчивого развития. Такие стратегии уже приняты во многих странах в соответствии с рекомендациями ООН и в некоторых из них показывают неплохие результаты — экологическая ситуация в них явно улучшается.

Однако в рамках одной страны, даже большой и мощной, экологического благополучия достичь невозможно. Природные ресурсы, необходимые для обеспечения воспроизводства и жизни людей, распределены по планете весьма неравномерно. Загрязнение атмосферы, водной среды, радиоактивные выбросы не признают государственных границ, что показал опыт Чернобыльской катастрофы. Поэтому часть властных функций по выводу планеты из глобального экологического кризиса, проведению в жизнь глобальной экономической стратегии необходимо передать на надгосударственный уровень — *межцивилизационным организациям*. Эти функции уже частично выполняет ООН, которая созывает встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.; Йоханнесбург, 2002 г.), принимает стратегические программы и организует их выполнение с помощью ЮНЕП, МАГАТЭ и других международных организаций, Глобального экологического фонда. Не следует недооценивать значимость этой работы, акцентирующей внимание всех стран мира на осуществлении неотложных экологических мероприятий. Но эти меры пока не дают ожидаемого результата, поскольку не опираются на общепризнанную систему норм глобального экологического права и инструментов принуждения к их соблюдению, а выделяемые на реализацию международных экологических программ и проектов средства ничтожно малы по сравнению с насущными потребностями. На Глобальном гражданском форуме в Йоханнесбурге мы также предложили многократно увеличить размеры Глобального экологического фонда за счет отчислений от мировой природной ренты и экологической антиренты и наделить ООН властными полномочиями для реализации глобальной экологической политики [там же. — С. 200—205]. По сути дела, ООН — единственный полномочный представитель, выразитель и защитник интересов глобальной цивилизации, эта организация должна располагать всеми правами и средствами для реализации своих полномочий. Это одна из важнейших стратегических задач XXI столетия.

К числу межгосударственных организаций относятся также цивилизационные и межцивилизационные объединения типа Европейского союза, СНГ, НАФТА, АТЭС, международной организации Исламская конференция, Африканского союза и др. Число таких

объединений в перспективе возрастет, а их полномочия расширятся. Одной из важнейших их функций уже сегодня является объединение усилий государств по обеспечению устойчивого развития и решению проблем рационального природопользования, охраны окружающей среды.

Третий участник экологического партнерства — *международный бизнес*, деловые круги, ТНК, международные стратегические альянсы и другие агенты мирового рынка, а также регулирующие их деятельность организации типа Всемирной торговой организации. Экстренно необходимо направить деятельность международного бизнеса на реализацию глобальных экологических программ и проектов, повысить его ответственность за ущерб, наносимый окружающей среде, добиться согласия на отчисление средств от природной ренты и экологической антиренты в Глобальный экологический фонд. Придание международному бизнесу экологического характера — важнейшая составная часть становления ноосферной цивилизации.

Наконец, последний по месту, но не по значению участник экологического партнерства — *глобальное гражданское общество*, представляющее интересы всего человечества во всем разнообразии рас, цивилизаций, национальностей, этносов, социальных слоев, конфессий и убеждений. Это общество еще только формируется и осознает свои интересы, но отдельные его институты уже активно действуют, влияя на геополитику. Это десятки международных общественных объединений (типа Международного зеленого креста, Гринпис), тысячи неправительственных организаций, многие средства массовой информации, интернет-сайты. Они выражают и отстаивают заинтересованность представляемых ими слоев в улучшении экологической ситуации на планете, организуют протесты против экологически опасных проектов, контролируют экологическую деятельность государств, ТНК, международных организаций. Глобальный гражданский форум, состоявшийся в рамках всемирной встречи в верхах в Йоханнесбурге в 2002 г., в котором приняли участие десятки тысяч ученых, экологов, общественных и религиозных деятелей, мастеров культуры, студентов, показал высокую активность и целенаправленность действий институтов глобального гражданского общества в отстаивании экологических интересов всего человечества.

6. *Социокультурные основы глобальной экологической стратегии XXI века* — важнейшая составляющая становления интегрального социокультурного строя, формирования постиндустриальной ноосферной цивилизации.

Речь идет прежде всего об ответственности ученых за выработку новой научной парадигмы, определяющей сущность, механизм реализации и последствия становления ноосферы, гармоничной коэволюции общества и природы. **Н. Н. Моисеев** подчеркивал необходимость «наполнить конкретным содержанием принцип коэволюции, приняв для этого международную систему научных программ, ориентированных на его изучение. Подобные исследования должны иметь абсолютный приоритет перед любыми другими» [136. — С. 94]. На реализацию конкретных аспектов такой коэволюции следует направить поток научных исследований, изобретений и проектно-конструкторских разработок, — поток, подкрепляемый достаточными средствами за счет национальных и международных источников, средств ТНК.

Не менее важно, чтобы экологическая парадигма была включена в *систему образования* — от дошкольного и школьного до вузовского и послевузовского, чтобы она была воспринята следующими поколениями, органично вошла в состав его мировоззрения, определяющего характер его деятельности.

Экологическая культура должна отражать гармонию человека и природы, воспитывать эстетическое восприятие мира, отвергающее всякое насилие над природой.

Необходимо, чтобы экологические, ноосферные установки пронизывали всю *систему ценностей* каждой цивилизации, каждой нации, каждой семьи, их идеологию, этику, религиозные воззрения. На этом акцентировал внимание **Н. Н. Моисеев**, книга которого «Судьба цивилизации. Путь разума» может считаться катехизисом обновленной системы ценностей: «В нынешних условиях наступающего общепланетарного кризиса должна быть выработана некоторая общепланетарная идеология, цементирующая усилия планетарного сообщества, а также усилия, необходимые для его выживания, направленные на преодоление надвигающегося экологического кризиса. Разработка и утверждение такой идеологии должны быть стеновым хребтом того документа, который будет называться "Хартией Земли", и многочисленных программ дальнейшего развития цивилизации» [там же. — С. 97].

Освященные мировыми религиями общечеловеческие этические нормы «не убий», «не укради» и другие должны быть дополнены еще одним моральным императивом: «не нанеси вреда природе». От восприятия такого императива миллиардами людей разных конфессий, национальностей, новыми поколениями, которым предстоит принимать решения в XXI веке, зависит реализация глобальной и национальных экологических стратегий, сама судьба человечества.

5.4. Экологическое будущее России

Экологическое развитие нашей страны характеризуется сочетанием благоприятных и неблагоприятных факторов. Испокон веков характерными чертами России были обширность территории и обилие природных ресурсов. Низкая плотность населения и суровый климат стали причинами того, что на наших землях неолитическая революция, формирование государственных образований и локальной цивилизации произошли на несколько тысячелетий позднее, чем в эпицентрах цивилизационного прогресса. Но отставание было довольно быстро преодолено, и уже в последней четверти I тыс. н. э. восточнославянская цивилизация достигла уровня развития, аналогичного западноевропейской.

Колоссальные территории давали восточнославянской цивилизации определенные преимущества в многочисленных войнах. Армады завоевателей (гуннов, монголов, польско-литовских, французских, гитлеровских войск) растворялись в огромном пространстве, не имея возможности покорить всю страну. Другим преимуществом были большие реки, по которым между цивилизациями велись оживленные контакты (днепровский путь «из варяг в греки»; Великий волжский путь «из варяг в персы» по Неве, Волхову и Волге). Реки служили магистралями, вокруг которых формулировалась, консолидировалась и развивалась восточнославянская цивилизация.

Состав лидирующих природных ресурсов менялся. Сначала это были плодородные земли и леса. В древности они давали возможность поставлять через Танаис (в устье Дона) и Пантикапей (в районе Керчи) в Грецию зерно и другие продукты питания. В средние века речными маршрутами в Западную Европу и арабские государства доставлялись меха, мед и прочие товары. В индустриальную же эпоху на экспорт шло зерно, древесина, металлы. Во второй половине XX в. первые строки в экспорте заняли нефть и газ, которые с конца века стали главными источниками валютных поступлений, а также черные и цветные металлы. В 2003 г. в товарной структуре экспорта России доля минеральных ресурсов достигла 57,3% (76,5 млрд долл.); доля металлов, драгоценных камней и изделий из них — 17,7% (23,7 млрд долл.); лесопроductии — 4,2% (5,6 млрд долл.). Полученные от экспорта средства в том же году позволили России импортировать машины, оборудование и транспортные средства на сумму 21,4 млрд долл.,

продовольствие — на 12,1 млрд долл. [169. — С. 654–655]. Однако эта благостная картина имеет и свою негативную сторону. Значительно усилилась зависимость страны от конъюнктуры мировых топливно-сырьевых рынков (падение мировых цен на нефть стало одной из главных причин дефолта 1998 г.). Быстро истощаются месторождения нефти и газа; вслед за экспортными ценами растут внутренние цены и тарифы; поток импортных товаров задавил отечественные сельское хозяйство, машиностроение, легкую промышленность. Хотя в период кризиса, в результате резкого спада объемов производства, уровень вредных выбросов снизился, но с оживлением экономики вновь начал возрастать. Предельный износ основных фондов, в том числе нефте- и газопроводов, увеличивает опасность техногенных катастроф. Многократно сократились затраты государства и предприятий на воспроизводство природных ресурсов (геологоразведку, лесное, водное и рыбное хозяйство, мелиорацию и рекультивацию земель) и на природоохранные мероприятия. В результате неolibеральных рыночных реформ государство практически прекратило исполнять свою экологическую функцию. Хотя формально провозглашены принципы устойчивого развития, на деле же нынешнее поколение живет за счет будущих, оставляя в наследие потомкам истощенные природные ресурсы, загрязненную среду. Сказывается отсутствие реальной долгосрочной экологической стратегии; в ней не заинтересованы ориентированная на сиюминутную выгоду правящая и деловая элита, хозяйничающие во многих отраслях монополии и ТНК.

Насущной необходимостью для будущего страны становится разработка **сверхдолгосрочного** (на период до 2100 г.) **экологического прогноза** с учетом мировых тенденций и на его основе — **стратегии экологического развития** Российской Федерации на период до 2050 г. Каковы основные положения этого прогноза и стратегии?

1. В долгосрочном прогнозе рассмотрены содержание, тенденции и последствия реализации **двух сценариев экологического развития**: преимущественно **стихийно-рыночного** с некоторыми элементами государственного регулирования и **инновационно-прорывного**, когда государству отводится ведущая роль в разработке и реализации перспективной экологической политики и, в партнерстве с бизнесом, стратегии устойчивого развития.

Очевидно, что первый сценарий неизбежно приведет к углублению экологического кризиса в результате истощения или резкого ухудшения состояния используемых природных ресурсов (минеральных, лесных, земельных, водных), сильного загрязнения

окружающей среды. Это лишит страну возможности добиться экономического роста, приведет к сокращению объемов экспорта и валютных поступлений, значительно снизит ее авторитет в мировом сообществе. Однако эту очевидность нужно проверить и доказать количественно — по видам природных ресурсов, регионам и во времени. Следует также учитывать, что в результате перехода к ресурсосберегающим технологиям шестого уклада, вероятно, с 30-х годов на мировом рынке все больше будет сокращаться спрос на минеральное сырье и топливо, мировые цены на них упадут, что негативно отразится на экономике России.

Сценарий инновационно-прорывного экологического развития России также должен быть проработан конкретно. Нужно точно определить, какие меры требуется предпринять, чтобы:

➔ увеличить разведанные запасы минерального сырья, повысить степень извлечения его из недр, углубить комплексность переработки;

➔ обеспечить полноценные мелиорацию и рекультивацию земель, воспроизводство и охрану лесов (в том числе от лесных пожаров — только за один 2003 г. они охватили 2,4 млн га лесной площади, на корню сгорело 68,4 млн м³ леса — соответственно в 7,4 и 8 раз больше, чем в 1995 г.) [169. — С. 64];

➔ уменьшить объемы забора воды из источников и сброса неочищенных сточных вод;

➔ сократить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу;

➔ добиться перелома в экологической динамике (определить, сколько средств для этого потребуется и из каких источников они могут быть получены);

➔ изменить структуру экспорта и уменьшить зависимость от конъюнктуры мирового топливно-сырьевого рынка и т. д.

2. Детально разработанные сценарии сверхдолгосрочного прогноза с учетом мировых тенденций послужат основой для разработки и утверждения на высшем государственном уровне **долгосрочной стратегии экологического развития Российской Федерации** на период до 2050 г. Стратегия эта, по нашему мнению, должна быть нацелена на решение следующих **крупных задач долговременного характера**.

Во-первых, это *обеспечение условий воспроизводства используемых природных ресурсов* с учетом интересов будущих поколений. Речь идет о поисках и разведке месторождений полезных ископаемых, повышении плодородия почв и их рекультивации, охране и воспроизводстве лесов, ведении водного и рыбного хозяйства и т. п. Затраты на эти работы — часть издержек производства, они должны вклю-

чаться в себестоимость и не облагаться налогами. Часть ставок возмещения затрат на воспроизводство природных ресурсов, поступающая государству, должна не растворяться в общих доходах бюджета, а концентрироваться в целевых фондах, используемых на геологоразведочные работы, воспроизводство лесных массивов и их охрану от пожаров и другие подобные проекты народно-хозяйственного уровня.

Во-вторых, *освоение и распространение принципиально новых технологий*, обеспечивающих максимально эффективное использование природных ресурсов, — повышение нефтеотдачи пластов, комплексности и глубины переработки минеральных и лесных ресурсов, сокращение потерь на всех технологических стадиях, уменьшение количества отходов и их наилучшая утилизация и т. п. Следует учитывать, что сейчас лишь небольшая часть вовлеченных в воспроизводство природных ресурсов доходит до стадии конечного потребления. Необходимы экономические санкции за сверхнормативные потери, что будет стимулировать освоение малоотходных и безотходных технологий.

В-третьих, это *резкое снижение уровня загрязнения окружающей среды*. Хотя в 90-е годы в России объемы сброса загрязненных сточных вод и выбросов в атмосферу от стационарных источников существенно сократились, связано это в основном было с падением темпов промышленного производства. В то же время степень загрязненности атмосферы в крупных городах, с увеличением числа автомобилей, резко возросла, а объем выбросов СО₂ в расчете на душу населения в 2000 г. в 2,6 раза превышал среднемировые показатели. Экономический рост вызывает значительное повышение уровня загрязнения окружающей среды, тем более что экономические санкции за экологические преступления в нашей стране весьма слабые, а мониторинг — неполный. Необходимо разработать систему санкций, которые полностью возмещали бы ущерб, нанесенный природе (включая экологическую антиренту), и делали бы загрязнение окружающей среды экономически невыгодным для предприятий и их владельцев. А чтобы подобные рыночные рычаги реально работали, следует организовать полный и точный мониторинг источников и величины загрязнений и создать независимую систему органов, которые осуществляли бы этот мониторинг, оснастив их новейшими средствами наблюдения.

В-четвертых, и это главное, *экологическая стратегия должна быть нацелена на повсеместное распространение природосберегающих, экологически чистых технологий* во всех отраслях экономики и в домашнем хозяйстве. Это относится прежде всего к энерго-

сектору, потреблению электрической и тепловой энергии и т. д. В этом плане экологическая стратегия переплетается с энергетической, а также с программой освоения и распространения новых видов материалов. Критерии природосбережения и экологической чистоты должны занять одно из ключевых мест при оценке, отборе и государственной поддержке любых инвестиционных и инновационных проектов, в любой отрасли, в любом регионе.

В-пятых, предстоит *изменить структуру внешней торговли*, которая сейчас ориентирована на вывоз минеральных продуктов и металлов. Так, по данным Всемирного банка, в 2002 г. доля топлива, руд и металлов в структуре российского экспорта составила 64%. Для сравнения: средний показатель в мире составляет 9%, в странах с высоким уровнем доходов — 6%, а с низким — 27% [263. — С. 200]. Лишь мизерный процент получаемой от экспорта сырья ренты направляется на инновационное обновление основного капитала, богатые месторождения истощаются. Необходимо повысить долю в экспорте продуктов высокой степени обработки, сократив тем самым зависимость российской экономики от колебаний конъюнктуры мировых топливно-сырьевых рынков, и учитывать условия деятельности в рамках ВТО. Все это требует внедрения долгосрочной промышленной и структурной политики.

В-шестых, долгосрочная экологическая стратегия должна предусматривать *формирование ноосферного мышления*, особенно у новых поколений, которые получают в наследство страну с истощающимся природно-ресурсным потенциалом и высоким уровнем загрязнения окружающей среды. Необходимость этого подчеркивал **Н. Н. Моисеев**: «Надо научиться жить в согласии с Природой и ее законами. И эти принципы должны войти в плоть и кровь человека. Значит, первое, что можно и нужно делать сегодня, — понять, принять эти принципы и решать проблемы образования и воспитания, которые помогли бы впитать эти принципы с молоком матери... Я отдаю этим проблемам приоритет: новая цивилизация должна начаться даже не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ» [136. — С. 100].

Речь идет не только и не столько о подготовке специалистов-экологов (хотя и они весьма необходимы), сколько об усвоении ноосферных принципов и технологий в любой отрасли знаний, в каждой специальности, об органичном включении в сознание и образ действий каждого человека ноосферных знаний, экологической этики. При этом следует избегать крайностей, свойствен-

ных некоторым чрезмерно увлекающимся экологами, которые предлагают ради сохранения природы сократить численность населения Земли до одного миллиарда, ликвидировать природоёмкие отрасли экономики, превратить экологию в религию. Переход к ноосфере означает *гармоничную коэволюцию природы и человека*, обеспечение естественных условий развития общества с учетом интересов настоящих и будущих поколений, с опорой на мощь ориентированных на такую коэволюцию науки и техники.

3. Рынок и природа нередко выступают как антагонисты. Предприниматели в погоне за прибылью пренебрегают законами естественного воспроизводства, хищнически используют природные ресурсы, не обращают внимания на загрязнение окружающей среды. Этим устремлениям должны противостоять гражданское общество и представляющее его интересы государство. Речь идет о формировании *экологического партнерства государства, предпринимателей, науки и гражданского общества*. Государство здесь играет первую скрипку. Во-первых, оно обязано создать систему законов, определяющих строгие нормы эксплуатации природной среды, и жестко контролировать их выполнение предприятиями и отдельными гражданами. Во-вторых, оно должно разрабатывать долгосрочные прогнозы, стратегию и программы экологической деятельности, рационального природопользования, экологического мониторинга, развивать необходимые для этого инновационные технологии. В-третьих, государство обязано непосредственно участвовать в реализации крупных экологических проектов, выходящих за рамки интересов и возможностей частных инвесторов, — в поисках и разведке новых нефтегазоносных провинций, в освоении новых районов, богатых природными ресурсами, в развитии экологической инфраструктуры и средств экологического мониторинга. Эту деятельность государство осуществляет при участии и под контролем гражданского общества, его институтов, ученых, неправительственных организаций, средств массовой информации.

В 90-е годы, увлекшись нелиберальными рыночными реформами, Российское государство почти позабыло о том, что должно заботиться об экологии. В результате страна жила за счет будущих поколений, растрачивала накопленные в течение десятков и сотен лет резервы. Теперь пришло время реально встать на путь, ведущий к ноосферной цивилизации, чтобы сохранить и передать потомкам все богатства природы и чистую окружающую среду, избежать экологической катастрофы.

5.5. На пути к ноосферной цивилизации

Н. Н. Моисеев, развивая учение о ноосфере, выдвинул *идею коэволюции природы и человека* как реализацию экологического императива нашей эпохи. Нельзя остановить ни эволюцию биосферы, ни развитие человечества, но следует обеспечить их оптимальное взаимодействие, учитывающее коренные интересы и гармонизацию перемен в природе и обществе.

Именно в этом состоит сущность нашего подхода к вопросу о необходимости и путях становления в XXI веке *ноосферной цивилизации*, обеспечивающей гармоничное развитие как человека (общества), так и окружающей природной среды и оптимальное использование природных ресурсов. В этом суть нового этапа эволюции глобальной цивилизации. Если смотреть глубже, то, собственно, эта идея и является ядром *концепции глобального устойчивого развития*, принятой на встрече в верхах в Рио-де-Жанейро в 1992 г., подтвержденной и конкретизированной на аналогичной встрече в Йоханнесбурге в 2002 г. (хотя русский перевод термина «устойчивое развитие», как отмечал **Н. Н. Моисеев**, неточен и способен породить иллюзию о возможности бескризисного развития).

В чем суть ноосферной цивилизации? Каково ее принципиальное отличие от предшествующей ей и пока еще преобладающей техногенной индустриальной цивилизации? Каковы пути и этапы ее становления? Постараемся дать на эти важнейшие вопросы ответы, отражающие современный уровень познания коэволюции общества и природы

1. Новая модель взаимодействия общества и природы, человека и биосферы; хотя бы происходят радикальные перемены как в научной парадигме, так и в системе цивилизационных ценностей.

Индустриальная цивилизация носила техногенный характер. Ее основой было стремление использовать могущество человеческого разума, системы машин и технологий для покорения природы, для использования всех ее ресурсов ради стремительного роста производства, насыщения рынка и извлечения прибыли. В этой гонке природные ресурсы воспринимались как бесплатный дар природы, который нужно всемерно использовать, а загрязнение окружающей среды первоначально вообще не принималось во внимание. Это обеспечило быстрый экономический прогресс, но во многом за счет природы и в ущерб ей. Противоречия XX столетия обнажили бесперспективность такой модели

взаимодействия общества и природы, индустриального экологического способа производства.

Концепция ноосферной цивилизации исключает обе крайности — развитие общества за счет природы и сохранение биосферы за счет общества. Речь идет о *гуманистически-ноосферном* обществе, о гармоничной коэволюции природы и общества при максимальном учете интересов как нынешнего, так и будущих поколений людей.

Поэтому базовые предпосылки становления ноосферной цивилизации — формирование и распространение научно обоснованной концепции этой цивилизации, *ноосферной парадигмы*, как одной из главных составляющих новой картины мира XXI века, а также включение этой парадигмы, экологического мышления в сферу разума миллионов и миллиардов людей, в состав научного наследия, социального генотипа, передаваемого следующим поколениям.

Но дело не только в науке, но и в *цивилизационных ценностях*, которые предопределяют оценки и поступки людей. Общее признание во всех религиях и этических системах должна получить заповедь «не навреди природе», осознание прочного единства, коэволюции общества и природы в гармонии с гуманистическими нормами и заповедями, охраняющими жизнь и достоинство каждого человека.

Следовательно, первая предпосылка становления ноосферной цивилизации лежит в духовной сфере — в познании закономерностей и путей формирования ноосферной системы ценностей.

2. Экологизация и гуманизация технологий. Некоторые экологи видят в системе машин, в используемых технологиях главного врага природы, предлагают отказаться от приоритета науки и новейших технических систем.

При формировании ноосферной цивилизации речь идет не об отказе от науки и технологий, а об изменении их вектора, придании им гуманистически-ноосферной направленности. Это означает, что основные потоки научных исследований, изобретений, инноваций должны быть направлены не на создание все более мощных систем вооружений, добычу и переработку природного сырья, а на производство (на основе безотходных технологий) качественных товаров и услуг для удовлетворения материальных и духовных потребностей человека и укрепления его здоровья, на охрану окружающей среды, использование возобновляемых источников энергии и материалов. Экологические и эргономические критерии должны играть решающую роль при оценке новых технологий, инвестиций в их инновационном освоении и распространении. На-

учную и инженерную мысль нужно круто повернуть в сторону гармонизации развития природы и общества. В этом технологический ключ к формированию ноосферной цивилизации.

3. Экологизация и гуманизация экономики, системы рыночных отношений. Базовые ценности индустриальной экономики — всеобщность рынка и погоня за прибылью и сверхприбылью. Экологические критерии долгое время вообще не брались в расчет, затем играли лишь второстепенную роль. Рынок, тем более капиталистический, — система безжалостная по отношению к человеку и природе, так как за счет их эксплуатации можно увеличить размер прибыли и сверхприбыли, выстоять и победить в конкурентной борьбе. Особенно ярко это проявилось с конца XX в., в условиях глобализации и господства ТНК, которые умело используют рыночные механизмы для извлечения огромных сверхприбылей из мирового хозяйства, выступая, по образному выражению **Н. Н. Моисеева**, в роли «дьявольского насоса». Мир ТНК — самый сильный противник ноосферной цивилизации, и без его трансформации ноосфера останется прекрасной мечтой.

Система ТНК, умело использующая в своих корыстных интересах глобализованный рыночный механизм, несовместима с гуманистически-ноосферной цивилизацией. Ей должен быть противопоставлен иной экологический способ производства. Фундаментальную основу последнего составляют:

➔ признание того, что наряду с рыночным существует и нерыночный сектор экономики, причем его функцией является воспроизводство важнейших ресурсов — человеческого капитала, духовного мира и природных ресурсов. Без полноценного функционирования этого сектора (которое должно обеспечиваться за счет части доходов, полученных от рыночного сектора через государственный фискальный механизм) у общества нет будущего;

➔ понимание социальной и экологической ответственности бизнеса, агентов рынка, которые обязаны заботиться в той или иной форме о людях (прежде всего о занятых на производстве работниках и их семьях), о природе, науке и культуре, об устойчивости и безопасности всего общества;

➔ многоукладный характер экономики, сочетание и взаимодействие частнокапиталистического, мелкооварного (малого) бизнеса, семейно-личного, общественного и государственного укладов. Занятие каждым из них той ниши, где он может функционировать наиболее эффективно, с наивысшей социальной и экологической отдачей;

➔ перестройка международных экономических отношений в глобализованной мировой экономике на принципах партнерства и эффективного взаимодействия цивилизаций, сокращения разрыва между богатыми и бедными странами;

➔ выработка надгосударственных (цивилизационных и глобальных) механизмов контроля над агентами мирового рынка и процессами глобализации в интересах глобального гражданского общества, настоящего и будущих поколений, рациональной коэволюции человека и природы.

Конечно, в такой экономике сохранятся рыночные отношения (ничем иным их заменить невозможно) и адекватные им институты, будут наблюдаться среднесрочные, долгосрочные (кондратьевские) и сверхдолгосрочные (цивилизационные) циклические колебания, экономические кризисы большей или меньшей глубины. Но это будет уже экономика не монополистическая (государственно-капиталистическая) и не социалистическая (государственно-бюрократическая), а новая, *интегральная, гуманитарно-ноосферная*, постиндустриальная экономика, полный набор отличительных черт которой еще предстоит создать и изучить.

4. Социально-политический и государственно-правовой строй ноосферной цивилизации. Социально-политический строй любой мировой цивилизации, начиная с раннеклассовой, каждой локальной цивилизации на протяжении ее жизненного цикла полон классовой борьбы, войн и революций, социальных противоречий. Это система организованного насилия, противоборства — но одновременно диалога и взаимодействия, сотрудничества между разными социальными силами, государствами и цивилизациями. Ведь они представляют собой различные части единого целого — государства, цивилизации, мирового сообщества — и не могут существовать и нормально развиваться без такого диалога и сотрудничества, периодически прерываемого конфликтами и войнами при нарушении равновесия в обществе, смене социально-политических циклов разной длительности.

Хотя самые жесткие формы социального противостояния наблюдались уже в раннеклассовом обществе, при делении ранее единой социальной структуры на рабовладельцев и рабов, на всевластных царей и бесправных подданных, уже в античном обществе зародились (пусть и для узкого круга граждан) понятия демократии, гражданства, свободы. Они расширяли сферу своего действия от эпохи к эпохе, несмотря на колебания маятника свободы.

Крайнего предела социально-политические противоречия достигли в XX в., породив конфликты социализма и фашизма, демо-

кратических и тоталитарных государств, волны социалистических и национально-освободительных революций, две самые кровопролитные за всю историю человечества мировые войны и поставив человечество на грань самоуничтожения в термоядерной войне. Тупиковость и опасность такой социально-политической системы и такого мироустройства стали очевидны всем. Назрели коренные перемены социально-политического строя и глобального мироустройства. Оно должно быть построено не на принципах иерархии, диктатуры и глобальной империи, а на взаимопонимании, партнерстве различных социальных и политических сил, государств и цивилизаций, сохранении государственного и цивилизационного разнообразия. Только такой интегральный строй может гарантировать реализацию перечисленных выше коренных особенностей гуманитарно-ноосферной постиндустриальной мировой цивилизации.

Однако становление нового строя будет процессом длительным и противоречивым, не исключая потрясений и столкновений — внутри- и межцивилизационных, внутри- и межгосударственных. Уже сейчас понятно, что на этом пути есть немалое число подводных камней и мин. Среди них: международный терроризм, ставший мировой эпидемией начала XXI столетия и лишивший миллионы граждан чувства безопасности; экстремизм некоторых религиозных, социальных и экологических движений; стремление некоторых цивилизаций к сохранению однополярного мира и решению глобальных проблем с позиции силы; сохраняющиеся очаги международных конфликтов и войн; отсутствие контроля глобального гражданского общества за процессами и формами глобализации, за деятельностью ТНК.

Одним из направлений преобразования государственно-политической сферы на пути к ноосферной цивилизации станет передача части полномочий суверенных государств на высший уровень — цивилизационным объединениям (типа Европейского союза) и глобальным организациям (типа ООН), что позволит человечеству сформировать институты гражданского общества на глобальном уровне. Потребуется и система глобального права (зачатки ее уже есть — в области контроля за ядерным оружием и атомной энергетикой, в области экологии и т. п.). Все перечисленное станет эпохальными инновациями XXI века, закрепит основы гуманистически-ноосферного постиндустриального общества.

Наше видение структуры и особенностей этого общества представлено на *рис. 5.4*.

Рисунок 5.4.

Схема становления ноосферной цивилизации

Глава 6

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Фундаментом динамики цивилизаций являются демографические процессы. Это закономерно: динамика численности и половозрастной структуры населения, его плотность, смена поколений людей, изменение их потребностей, знаний и умений, интересов — все это предопределяет перемены в обществе и в его взаимоотношениях с окружающей средой, задает темпы технологического, экономического и социокультурного прогресса, влияет на цикличные колебания и периодические кризисы в обществе, перспективы его развития. Поэтому исключительно важно понять циклично-генетические закономерности динамики народонаселения, выявить тенденции демографических циклов и кризисов в историческом прошлом, возможные сценарии на XXI столетие, что и является предметом настоящей главы. Это тем более актуально, что к концу века ожидается перелом в многотысячелетних тенденциях динамики населения Земли, переход от роста к депопуляции, что повлечет за собой глубокие перемены в структуре и развитии цивилизаций.

6.1. Классификация демографических циклов

Жизнь и развитие человека и человечества пронизаны циклами и кризисами. Попробуем их классифицировать.

1. Жизненный цикл человека — от рождения до кончины, с переходом через периоды младенчества, детства, подросткового возраста, юности, зрелости, старения, преклонного возраста, с кризисными потрясениями при смене фаз. Далеко не каждому человеку удастся пройти все фазы жизненного цикла. Народонаселение включает все возрастные группы, однако соотношение их по периодам, цивилизациям и странам меняется (табл. 6.1).

Если разделить население по возрасту на четыре группы — допроизводственную (0–14 лет), инновационно-активную (15–34 года), консервативную (35–59 лет) и пожилую, в значительной мере выходящую из производства (60 лет и старше), то можно отметить следующие тенденции:

➔ доля первой группы достигла максимума (37,4%) в 1970 г., в период послевоенного демографического бума, затем начала снижаться и к 2050 г., согласно среднему варианту прогноза ООН, достигнет 20,2%;

Таблица 6.1.

Динамика возрастной структуры населения Земли (прогноз ООН, версия 2004 г., средний вариант)*

Возрастные группы		1950	1970	1990	2000	2020	2040	2050	2050 в % к 1950
Все возрасты	а ¹	2519	3696	5280	6086	7578	8704	9076	360
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100
0–4	а	337,9	520,1	625,8	613,8	647,3	621,2	604,4	179
	б	13,4	14,1	11,9	10,1	8,5	7,1	6,7	50
5–9	а	269,5	458,4	566,9	607,1	637,7	614,5	612,7	227
	б	10,7	12,4	10,7	10,0	8,4	7,1	6,7	63
10–14	а	258,8	402,2	519,9	607,0	618,1	616,4	615,5	238
	б	10,3	10,9	9,8	10,0	8,2	7,2	6,7	65
0–14	а	866,2	1380,7	1712,6	1827,9	1903,1	1852,6	1832,6	212
	б	34,3	37,4	32,5	30,0	25,1	21,2	20,2	59
15–19	а	238,7	365,4	514,7	560,2	598,5	624,8	612,0	256
	б	9,5	9,9	9,7	9,2	8,0	7,2	6,8	72
20–24	а	220,6	299,4	487,2	510,6	590,2	631,2	612,5	278
	б	8,8	8,1	9,2	8,4	7,9	7,2	6,8	77
25–29	а	193,8	249,6	438,1	501,2	582,5	624,1	617,6	319
	б	7,7	6,8	8,3	8,2	7,8	7,2	6,9	90
30–34	а	164,6	237,1	383,5	473,4	528,4	599,3	620,1	377
	б	6,5	6,4	7,3	7,8	7,7	7,0	6,9	106
15–34	а	817,7	1151,5	1822,5	2045,4	2189,6	2579,4	2662,2	326
	б	32,5	31,2	34,5	33,6	31,3	29,6	29,3	90
35–39	а	161,4	216,1	346,0	425,1	475,6	572,4	609,6	378
	б	6,4	5,9	6,6	7,0	6,9	6,7	6,8	106
40–44	а	146,4	198,2	282,1	369,9	464,0	557,6	583,2	398
	б	5,8	5,4	5,4	6,1	6,2	6,4	6,5	112
45–49	а	126,8	170,0	229,2	331,1	434,1	551,8	555,6	438
	б	5,0	4,6	4,3	5,4	6,1	6,3	6,2	124
50–54	а	107,1	138,2	213,5	266,2	380,5	540,5	538,5	503
	б	4,2	3,7	4,1	5,2	5,7	6,1	5,9	140
55–59	а	90,1	129,9	185,8	210,9	316,6	482,1	526,1	584
	б	3,6	3,5	3,5	3,5	5,0	5,5	5,7	158
35–59	а	631,8	852,4	1256,6	1603,2	2076,8	2704,4	2813,0	445
	б	25,1	23,1	23,8	26,3	27,3	31,1	31,0	124
60–69	а	131,1	192,1	285,7	338,7	590,1	607,6	933,9	712
	б	5,2	5,2	5,4	5,6	7,6	9,2	10,2	196
70 и больше	а	74,2	119,2	219,5	267,8	422,8	992,3	1029,0	1387
	б	2,9	3,2	4,2	4,4	5,5	11,4	11,3	390
60 и старше	а	205,3	310,5	508,0	606,5	1030,6	1661,9	1962,5	956
	б	8,2	8,4	9,2	10,0	13,6	19,1	21,7	265
Средний возраст жителей Земли, лет		23,9	22,2	24,6	26,8	31,6	36,2	37,8	158

*[272. — Vol. 1. — P. 20; Vol. 2. — P. 20–21].

¹а — млн человек;

²б — % к общей численности.

➔ удельный вес инновационно-активной группы (15–34 года) оставался сравнительно стабильным во второй половине XX в., но в перспективе будет падать. Включение в эту категорию возрастной группы 15–19 лет объясняется тем, что в развивающихся странах, составляющих большинство населения Земли, она уже участвует в производстве, хотя в развитых странах еще только проходит процесс обучения;

➔ занятое население в преимущественно консервативном возрасте (35–59 лет) в середине XX в. уступало инновационно-активной группе, однако в первой половине XXI в. их соотношение изменится в обратную сторону;

➔ доля населения в возрасте старше 60 лет, постепенно выходящего из сферы производственной деятельности и отличающегося наибольшим консерватизмом (стремлением сохранить сложившийся генотип), во второй половине XX в. составляла от 8% до 10%, однако к середине XXI в. его доля более чем удвоится (до 21,7%), а всего за столетие возрастет в 2,7 раза; в 3,9 раза возрастет доля населения в возрасте старше 70 лет.

Жизненный цикл человека имеет общую тенденцию к увеличению продолжительности. Это находит выражение в росте среднего возраста жителей Земли (с 23,6 года в 1950 г. до 26,4 года в 2000 г. и 37,8 года (по среднему варианту прогноза ООН) к 2050 г. — в 1,58 раза за 100 лет) и еще более закономерном увеличении средней ожидаемой продолжительности жизни — с 46,5 года в 1950–1955 гг. до 75,1 года в 2045–2050 гг.

2. Циклы поколений людей. Демографическая динамика выражается также в смене поколений людей. Это понятие используется в трех смыслах [240. — С. 4–5]. Первый — демографическая когорта людей, родившихся в определенном году, начавших в этом году свой жизненный цикл. Второе понятие — генеалогическое: смена поколений в жизни одной семьи, происходящей от общих предков. Третье понятие — символическое, социологическое. В докладе ПРООН о развитии человеческого потенциала в России за 2001 г. поколения людей определяются как «большие социальные группы людей, рожденных приблизительно в один исторический период и имеющих близкий набор ценностей, схожий социальный опыт и сочетающиеся структуры восприятия мира... Социобиологические этапы развития личности налагаются на череду исторических событий, и в результате этой "химической" реакции формируются поколения с их неповторимыми социальными характеристиками... Именно в поколенческих группах протекают ос-

новные процессы социализации, происходит передача обобщенного исторического опыта от старших к младшим, идет накопление социального капитала в его своеобразные зеркала цивилизации, в которых можно увидеть особенности эволюции общества в целом» [61. — С. 16–17].

Поколения людей наряду с семьей являются инструментом реализации социогенетических закономерностей наследственности, изменчивости и отбора. **С. Н. Иконникова** обоснованно отмечает: «Связь между поколениями определяет процесс преемственности культуры, трансляции ценностей и образа жизни. Каждое поколение "встает на плечах" предыдущего, осваивает достигнутый уровень развития и на этой основе становится инициатором преобразований, модернизации, трансформации общественной и личной жизни. Смена поколений создает непрерывность в истории общества и культуры, передавая накопленный опыт и стимулируя поиск нового. Эти две стороны взаимосвязи поколений — освоение культурного наследия и новаторство — выражают всеобщий закон единства исторического развития человечества» [Цит. по 240. — С. 4].

Жизненные циклы каждого поколения (а их длительность имеет общую тенденцию к увеличению, как и продолжительность жизни каждого человека) состоят из нескольких фаз:

➔ *подготовительной* — до 20 лет, когда новое поколение активно воспринимает от предыдущих социальный генотип, осваивает исторический опыт и осознает свое место в жизни, готовится к трудовой деятельности или начинает ее;

➔ *инновационной* (продолжительностью 15–20 лет), когда новое поколение в период активной трудовой деятельности стремится модернизировать полученное наследие, адаптировать его к изменившимся условиям жизни общества, вступая в более или менее ощутимый конфликт с предыдущим поколением;

➔ *относительно консервативной* (также продолжительностью 15–20 лет), когда преобладающее поколение закрепляет произведенные им модернизации в наследственном генотипе, передает их следующему и стремится защитить от неоправданных перемен;

➔ *заключительной*, в основном *послепроизводственной*, когда нарастают консерватизм, недовольство действиями следующего поколения и предпринимаются попытки передать свой опыт его потомкам (почему и наблюдается передача части наследия через поколение, от бабушек и дедушек — внукам).

Отмечая эти тенденции, американский историк **А. Шлезингер-младший** пишет: «Каждое поколение, став политически совершен-

нолетним, тратит первые пятнадцать лет на то, что бросает вызов поколению, которое уже имеет власть и защищает ее. Затем это новое поколение само приходит к власти на пятнадцать лет, после чего его политическая активность слабеет, а новое подростокое поколение претендует на роль преемника» [231. — С. 50–54].

Разрыв между смежными поколениями неизбежен. Он сравнительно невелик на эволюционной стадии развития общества, в фазах подъема и зрелости исторического цикла. Однако он возрастает, иногда выливаясь в столкновения поколений, когда наступают периоды революционных разломов, когда новое поколение отвергает наследство и стремится радикально изменить жизнь, «разрушить до основания» старый мир, нанося порой неоправданный ущерб социальному генотипу. Такие забегания вперед свойственны прежде всего революциям, но они, как отмечал **П. Сорокин**, обычно преодолеваются на втором ее этапе, завершающем функцию отбора в социальной генетике.

Характеристики каждого поколения определяются не среднеарифметическими показателями, а образом мыслей и действий активной его части (обычно не более 15–20% от общей численности). Именно эти люди наиболее четко и полно представляют особенности и интересы данного поколения, активно реализуют функции наследственности, изменчивости и отбора и увлекают за собой остальную, пассивную часть поколения.

3. Демографические циклы этносов, наций, народов, жизненные циклы их поколений могут существенно различаться. Это обусловлено как природно-климатическими (условиями жизни в районах Крайнего Севера, умеренном поясе или жарких тропиках; обеспеченностью водой, пищей, характером питания и т. п.), так и социальными факторами (расселением в городах и сельской местности, условиями труда и отдыха, уровнем жизни и экономического развития страны, затратами на здравоохранение и экологию и т. п.). О различиях демографических циклов в этом разрезе можно судить по данным о среднем возрасте и средней ожидаемой продолжительности жизни по цивилизациям и странам (табл. 6. 2).

Продолжительность жизни в целом по населению Земли во второй половине XX в. выросла на 33%; в первой же половине XXI в., по среднему варианту прогноза ООН, она увеличится лишь на 16%, то есть темпы роста значительно замедлятся. При этом продолжительность жизни опережающими темпами увеличивается в менее развитых регионах (на 19%) по сравнению с более развитыми (10%). В итоге разрыв между ними сократился

Таблица 6.2.

Прогноз ожидаемой средней продолжительности жизни по цивилизациям и ведущим странам, лет*

Цивилизации и страны		1950–1955	1965–1970	1985–1990	1995–2000	2015–2020	2030–2035	2045–2050	2045–2050 в % к 1950–1955	1995–2000 в % к 1950–1955	2045–2050 в % к 1995–2000	
		а ¹ б ²										
Мир	а ¹	466	562	629	646	689	722	751	161	139	116	
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
Западно-европейская	Западная	а	67,6	71,3	75,6	77,9	80,9	82,6	84,1	124	115	108
	Европа	б	145	127	120	171	117	114	112	77	118	65
	Южная	а	63,3	70,1	75,3	77,3	80,3	82,1	83,7	132	122	108
	Европа	б	136	125	120	120	117	114	111	82	88	93
	Северная	а	69,2	71,8	75,0	76,7	80,0	81,9	83,5	121	111	109
	Европа	б	148	128	119	119	121	113	111	75	80	93
Восточно-европейская	Польша	а	61,3	69,9	70,9	72,7	76,8	78,8	86,5	141	119	119
		б	132	124	113	113	111	109	115	87	86	102
Евразийская	Россия	а	64,5	70,1	70,2	66,0	66,9	70,1	72,9	113	102	110
		б	138	125	112	102	97	97	97	70	74	95
Североамериканская	США	а	68,8	70,5	74,4	76,7	79,4	81,1	82,7	120	111	108
		б	148	125	119	119	115	112	110	74	80	93
Латиноамериканская		а	51,4	58,8	66,7	70,2	75,0	77,6	79,5	155	137	113
		б	110	105	106	109	109	107	106	96	99	97
Японская – Япония	а	63,9	71,1	78,3	80,5	84,5	86,6	88,3	138	126	110	
	б	137	127	124	125	123	120	118	86	91	94	
Китайская – Китай	а	40,8	59,6	67,1	60,0	83,4	55,2	86,9	213	147	145	
	б	88	106	107	124	121	115	116	132	141	94	
Индийская – Индия	а	38,7	48,0	57,2	61,5	69,5	72,7	75,9	196	159	123	
	б	83	85	91	95	101	101	101	122	114	106	
Буддийская	Республика Корея	а	47,5	57,6	69,8	74,6	80,5	82,8	84,4	178	157	113
	Вьетнам	а	40,4	47,8	63,1	68,8	74,3	76,9	78,9	195	170	115
		б	87	85	100	107	108	107	105	121	123	98
Мусульманская	Северная Африка	а	42,0	49,0	60,5	65,4	70,8	74,1	76,8	188	156	117
	Индонезия	а	37,5	46,0	60,1	64,9	71,0	74,2	76,9	205	173	118
		а	37,5	46,0	60,1	64,9	71,0	74,2	76,9	205	173	118
		б	81	80	99	100	104	104	103	127	123	103
Океаническая	Австралия/Новая Зеландия	а	69,6	70,9	75,9	78,5	82,1	83,6	85,0	122	113	108
		б	149	126	121	122	119	116	113	76	82	93
Африканская	Южнее Сахары	а	37,4	43,4	49,4	47,0	50,8	57,5	63,6	170	126	135
		б	80	77	79	73	74	80	85	106	91	116

*[272. – Vol. 1, P. 632–658].

¹а – лет;

²б – % к средней по миру.

с 25 лет в 1950 г. до 12,3 года, а в перспективе до 2050 г. он уменьшится до 10,9 года. Рекордсменом по продолжительности жизни стала японская цивилизация; она опережает африканскую, самую отсталую в этом плане, на 31,1 года. Наиболее высокими темпами (на 96%) росла продолжительность жизни в Китае; в предстоящие же полвека лидерство перейдет к африканской цивилизации.

4. Демографические циклы цивилизаций можно рассматривать в трех аспектах:

➔ особенности демографической динамики сменяющих друг друга мировых цивилизаций;

➔ циклы в динамике и структуре населения поколений локальных цивилизаций;

➔ демографические циклы конкретных локальных цивилизаций.

Каждая *мировая цивилизация* имеет свои особенности в плане общей численности, плотности населения, его рассредоточенности по городам и селам, продолжительности жизни и скорости смены поколений людей. Так, в период раннеклассовой цивилизации число жителей планеты составляло от 25 до 50 млн человек. Расселены они были в основном в долинах великих рек к северу от экватора, средняя продолжительность жизни составляла 25—30 лет. В результате подъема производительных сил в период античной цивилизации общая численность населения увеличилась к началу новой эры до 230 млн человек. Площадь расселения значительно расширилась; подавляющая часть жителей Земли проживала в Азии (3/4 населения мира), чуть больше десятой части — в Западной Европе [264. — Р. 256]. Продолжительность жизни человека и длительность жизненного цикла поколений увеличились. Однако в I тыс. н. э., в период кризиса и заката античной и становления средневековой цивилизации, в условиях многочисленных войн и Великого переселения народов, демографическая динамика резко ухудшилась (за тысячу лет численность населения Земли возросла, по оценке **А. Мэддисона**, всего на 17%). Средняя же продолжительность жизни уменьшилась, сократился и жизненный цикл одного поколения.

Темпы роста населения, продолжительность жизненных циклов населения и поколений людей значительно выросли в период раннеиндустриальной и особенно индустриальной цивилизаций. Среднегодовые темпы прироста населения мира увеличились с 0,1% в 1000—1500 гг. до 0,27% в 1500—1820 гг. и 1,93% в 1950—1973 гг. [там же. — С. 257]. Это породило противоречия, связанные

с ростом демографической нагрузки на окружающую среду и ограниченностью природных ресурсов.

Существенные различия демографических циклов наблюдаются по *локальным цивилизациям*. Это обусловлено как природно-климатическими условиями, в которых они существуют, так и технологическими, экономическими и социокультурными факторами. Так, среднегодовые темпы прироста населения дифференцировались в 1973—2001 гг. от 0,32% по западноевропейской цивилизации до 2,65% по индийской и 2,69% по африканской [там же]. Существенно различия и средняя ожидаемая продолжительность жизни по цивилизациям.

Хотя каждая локальная цивилизация имеет свою траекторию демографической динамики, однако можно обобщить некоторые ее параметры по *поколениям локальных цивилизаций*, отражающих характерные черты сменяющих друг друга мировых цивилизаций. Для *1-го поколения* (в период раннеклассовой цивилизации) были характерны умеренные темпы увеличения демографических циклов. Причиной тому были большие людские потери во время войн и широкое применение рабского труда: рабы, как правило, не имели семей и рано умирали. Примерно те же черты были присущи *2-му поколению* цивилизаций в античную эпоху, хотя темпы прироста населения тогда заметно ускорились. В период существования *3-го* (в средневековую эпоху) и особенно *4-го поколения цивилизаций* (в раннеиндустриальную и индустриальную эпохи) произошло значительное ускорение темпов роста населения, удлинение срока жизни человека и поколения людей. Наибольшими эти показатели стали во второй половине XX в. С конца же столетия в некоторых цивилизациях (например, в российской) проявились признаки демографического кризиса, депопуляции.

Основные **факторы демографической динамики локальных цивилизаций** таковы:

➔ природно-климатические (условия их географического размещения);

➔ технологические и экономические — уровень развития цивилизации, дифференциация доходов групп населения. Воздействие последнего фактора парадоксально: чем ниже уровень доходов, тем выше темпы роста численности населения;

➔ миграционные — потоки мигрантов особенно увеличиваются в переходные эпохи;

➔ медицинские — уровень заболеваемости; распространенность эпидемий, которые порой уничтожают значительную часть населения (например, в период «черной смерти» в Европе);

➔ военно-политические — разрушительные внутри- и межцивилизационные столкновения, в которых гибнет значительная часть самого жизнеспособного населения;

➔ социокультурные (особенно религиозные), влияющие на рождаемость.

6.2. Исторические тенденции циклической динамики численности населения

На первых порах существования человечества оно было сравнительно малочисленным. По оценкам демографов, к концу *палеолита* на планете жило всего около 3 млн людей. Человек освоил тогда менее трети современной ойкумены, а средняя плотность населения вряд ли превышала 8–10 человек на 100 кв. км.

В период *мезолита* можно говорить о первом большом демографическом цикле, длившемся три-четыре тысячелетия. Начался он с ускорения темпов роста населения: число людей заметно увеличилось, так как они стали лучше питаться, научившись использовать лук и стрелы, более совершенные каменные орудия. Однако к концу этого периода разразился первый мировой экологический и демографический кризис. Как отмечает **Н. Н. Моисеев**, «эпоха быстрого совершенствования технологии обработки и использования камня превратила биологический вид *Homo sapiens* в хищников-монополистов: создание нового оружия (главным образом, метательного) поставило человека вне конкуренции со стороны остальных хищников. И эти возможности человек немедленно использовал. По-видимому, за считанные тысячелетия практически полностью были уничтожены все мамонты и крупные копытные — основа рационов неолитических охотников. Технические достижения в очередной раз поставили человечество на грань катастрофы. Но теперь оно оказалось перед перспективой голода, который, по-видимому, имел место почти на всей территории планеты... За время неолитического кризиса население Земли (за исключением тропических лесов) сократилось, вероятно, раз в десять» [136. — С. 33–34]. Однако следует уточнить, что демографический кризис произошел не в период неолита, а в конце мезолита и послужил импульсом для неолитической революции, которая открыла возможность для нового демографического взрыва. Более

точна позиция **С. И. Брука**: «Переход к земледелию и скотоводству, начавшийся на Ближнем Востоке около десяти тысяч лет назад и существенно ослабивший влияние природной среды на человека, сыграл решающую роль в изменении динамики численности населения. В результате этих изменений 4–5 тыс. лет назад население Земли уже насчитывало ориентировочно около 25 млн человек, а 3 тыс. лет назад — около 50 млн. Основная часть населения в это время была сосредоточена в Древнем Египте, Двуречье, на Индо-Гангской равнине, в долинах Хуанхе и Янцзы, в оазисах Средней Азии» [25. — С. 15]. Именно этот демографический взрыв стал основой формирования раннеклассовой мировой цивилизации и первого поколения локальных цивилизаций в отмеченных выше регионах мира.

Демографические кризисы, когда численность населения Земли не увеличивалась или даже сокращалась, наблюдались и в последующие эпохи, особенно в периоды смены мировых цивилизаций, хотя глубина этих кризисов не достигала величин, сравнимых с параметрами кризиса конца мезолита. По оценкам ученых, численность населения Земли не увеличивалась с 200 по 400 г. — в период заката античной цивилизации и с 1600 до 1650 г. — в последней фазе раннеиндустриальной цивилизации.

Более детальные данные о тенденциях динамики народонаселения по цивилизациям и ведущим странам имеются за последние два тысячелетия (*табл. 6.3 и 6.4*).

В I тыс. н. э. — в период заката античной и перехода к средневековой цивилизации, в эпоху всеобщего кризиса первого и становления второго исторического суперцикла — общая численность населения планеты почти не увеличилась. Рост с 230 до 268 млн человек был достигнут в основном за счет Японии, Латинской и Северной Америки и территории бывшего СССР, а среднегодовые темпы прироста составили всего 0,01%. Максимальные темпы прироста населения наблюдались в Великобритании и в Японии (0,09%), Латинской Америке, Скандинавии и Африке (0,07%). В Западной Европе и Индии численность населения осталась неизменной, а в Италии и Китае даже сократилась (с 7 до 5 млн, с 4,5 до 4 млн и с 59,6 до 59 млн соответственно). К концу периода основная масса населения была сконцентрирована в Индии (28%), Китае (22%), Африке (12,1%) и Западной Европе (9,5%). На территории бывшего СССР проживало всего 2,7% населения мира.

Следующие полтысячелетия (1000–1500 гг.) относятся к периоду распространения, подъема и заката средневековой и зарожде-

Таблица 6.3.

Динамика численности населения по цивилизациям и ведущим странам*

Страны	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001	
Мир	а ¹	230	268	438	556	603	1042	1272	1791	2524	3916	6149
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Западная Европа	а	24,7	25,4	57,3	73,8	81,5	113,0	187,5	261	305	359	392
	б	10,7	9,5	13,1	13,3	13,5	12,8	14,7	14,6	12,1	9,2	6,4
Великобритания	а	0,8	2,0	3,9	6,2	8,6	21,2	31,4	45,6	50,1	56,2	59,7
	б	0,3	0,7	0,9	1,1	1,4	2,0	2,5	2,5	2,0	1,4	1,0
Германия	а	3,0	3,5	12,0	16,0	15,0	24,9	39,2	65,1	68,2	79,0	82,2
	б	1,3	1,3	2,7	2,9	2,5	2,4	3,1	3,6	2,7	2,0	1,3
Франция	а	5,0	6,5	15,0	18,5	21,5	31,2	38,4	41,5	41,8	52,2	59,7
	б	2,2	2,4	3,4	3,3	3,6	3,0	3,0	2,3	1,7	1,3	1,0
Италия	а	7,0	5,0	10,5	13,1	13,3	20,2	27,9	37,2	47,1	54,8	57,8
	б	3,0	1,9	2,4	2,4	2,2	1,9	2,2	2,1	1,9	1,4	0,9
Восточная Европа	а	4,8	6,5	13,5	17,0	18,8	36,5	53,6	79,5	87,6	110,4	120,9
	б	2,1	2,4	3,1	3,0	3,1	3,5	4,2	4,4	3,5	2,8	2,0
Бывший СССР	а	3,9	7,1	17,0	20,7	26,6	54,8	88,7	156,2	179,6	249,7	290,3
	б	1,7	2,7	3,9	3,7	4,4	5,3	7,0	8,7	7,1	6,4	4,7
США	а	0,7	1,3	2,0	1,5	1,0	10,0	40,2	97,6	132,3	211,9	285,0
	б	0,3	0,5	0,5	0,3	0,2	1,0	3,2	5,4	6,0	5,4	4,6
Латинская Америка	а	5,6	11,4	17,5	8,6	12,0	21,7	40,4	80,9	165,9	308,4	531,2
	б	2,4	4,3	4,0	1,5	2,0	2,1	3,2	4,5	6,6	7,9	8,6
Япония	а	3,0	7,5	15,4	18,5	27,0	31,0	34,4	51,7	83,8	108,7	126,9
	б	1,3	2,8	3,5	3,3	4,5	3,0	2,7	2,9	3,3	2,8	2,1
Китай	а	59,6	59,0	103,0	160,0	138,0	381,0	358,0	437,1	546,8	881,9	1275,4
	б	25,8	22,1	23,5	28,8	22,9	36,6	28,1	24,4	21,7	22,5	20,7
Индия	а	75,0	75,0	110,0	135,0	165,0	209,0	253,0	303,7	359,0	589,0	1023,6
	б	32,5	28,0	25,1	24,3	27,3	20,1	19,9	17,0	14,2	14,8	16,6
Остальная Азия	а	36,6	41,4	55,4	65,0	71,8	89,4	119,8	184,8	392,8	677,6	1227,6
	б	15,9	15,5	12,6	11,7	11,9	8,6	9,4	10,3	13,6	17,3	20,0
Африка	а	16,5	32,3	46,6	55,3	61,1	74,2	90,5	124,7	227,3	390,0	821,1
	б	7,2	12,1	10,6	9,9	10,1	7,1	8,7	9,8	9,0	10,0	13,4

*[264. — P. 256, 258].

¹а — млн. человек;

²б — в % к миру.

ния раннеиндустриальной мировых цивилизаций. Западная Европа оправилась от цивилизационного кризиса, численность населения быстро возрастала (0,16% среднегодового прироста, в том числе в Германии — 0,25%, во Франции — 0,17%). За 500 лет она увеличилась более чем вдвое, а доля Западной Европы в населении мира выросла с 9,5% до 13,1%, несмотря на тяжелые потери, поне-

Таблица 6.4

Среднегодовые темпы прироста населения, %

Цивилизации и ведущие страны	1-1000	1000-1500	1500-1820	1820-1870	1870-1913	1913-1950	1950-1973	1973-2001
Мир	0,01	0,10	0,27	0,40	0,80	1,93	1,93	1,62
Западная Европа	0,00	0,16	0,26	0,69	0,77	0,71	0,71	0,32
Великобритания	0,09	0,14	0,53	0,79	0,87	0,50	0,50	0,22
Германия	0,02	0,25	0,23	0,91	1,18	0,63	0,63	0,15
Франция	0,03	0,17	0,23	0,42	0,18	0,96	0,96	0,48
Италия	-0,03	0,15	0,20	0,77	0,92	0,66	0,66	0,19
Восточная Европа	0,03	0,15	0,31	0,97	1,33	1,01	1,01	0,32
Прежний СССР	0,06	0,17	0,37	0,97	2,08	1,44	1,44	0,54
США	0,06	0,09	0,50	2,83	1,63	1,45	1,45	1,06
Латинская Америка	0,07	0,09	0,07	1,25	0,95	2,73	2,73	1,96
Япония	0,09	0,14	0,22	0,21	0,47	1,14	1,14	0,55
Китай	0,00	0,11	0,41	-0,12	0,43	2,10	2,10	1,33
Индия	0,00	0,08	0,20	0,38	1,01	2,11	2,11	2,05
Остальная Азия	0,01	0,06	0,15	0,59	1,01	2,40	2,40	2,19
Африка	0,07	0,07	0,15	0,40	0,75	1,64	2,37	2,69

[264 — P. 257]

сенные во время чумы XIII в. Опережающими темпами (по сравнению со среднемировыми) развивались российская (0,17%), восточноевропейская (0,15%) и японская (0,14%) цивилизации. Преодолевали период стагнации и начали наращивать темпы роста населения Китай (0,11%) и Индия (0,08%).

Период 1500—1820 гг. охватывает почти всю эпоху раннеиндустриальной цивилизации. Среднегодовые темпы прироста населения увеличились в 2,7 раза (с 0,1% до 0,27%). Лидерами выступали Великобритания (0,53%), США (0,5%), Китай (0,41%), Россия и сопредельные с ней страны (0,37%) и Восточная Европа (0,31%). Существенно отставали Индия (0,2%), Африка (0,15%) и Латинская Америка (0,07%). Здесь сказались результаты колонизации.

Следующий период (1820—2001 гг.) относится к этапам распространения, подъема, зрелости и заката индустриальной цивилизации. Темпы прироста населения увеличивались от этапа к этапу — 0,40% в 1820—1870 гг., 0,80% в 1870—1913 гг., 0,93% в 1913—1950 гг. (здесь отрицательно сказались две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней) и 1,93% в 1950—1973 гг. — рекордный

уровень за всю историю человечества. В последней четверти XX в. обнаружилась тенденция к снижению темпов прироста населения, и она усилится в XXI в.

Лидерство по темпам прироста на первых порах принадлежало США (за счет потока иммигрантов), бывшему СССР, Великобритании. Затем вперед вырвались Латинская Америка, в послевоенный период — Африка, Индия, мусульманские страны. В Китае численность населения сократилась с 381 млн в 1820 г. до 358 млн в 1870 г. (–0,12% среднегодовых). В России же она возросла с 54,8 до 88,7 млн человек — 0,97% прироста (против 0,59% среднемировых).

К концу индустриальной эпохи тенденции демографической динамики резко изменились. Можно говорить о разворачивании *мирового демографического кризиса*, который продолжится и в XXI столетии. Уже в 1973–2001 гг. темпы прироста населения в мире сократились с 1,93% до 1,62%, причем поддерживаются они в основном за счет четырех цивилизаций — африканской (2,69%), индийской (2,05%), мусульманской и латиноамериканской (1,96%). Темпы прироста населения сократились по Западной Европе с 0,71% до 0,32%, в Восточной Европе — с 1,01% до 0,32%, в бывшем СССР — с 1,44% до 0,54% (с 1992 г. идет депопуляция), в Японии — с 1,14% до 0,55%, в Китае — с 2,11% до 1,33%.

Какие **выводы** можно сделать на основе анализа этапов демографического развития цивилизаций?

Во-первых, на протяжении пяти тысячелетий *общей тенденцией был рост численности населения* Земли все ускоряющимися темпами (с их замедлением в отдельные периоды и абсолютным сокращением в некоторых странах и цивилизациях). Вид *Homo sapiens* освоил почти всю пригодную для проживания территорию планеты и к концу XX в. приблизился к пределу роста численности и демографической нагрузки на биосферу.

Во-вторых, *в темпах демографической динамики наблюдались циклические колебания*, смена периодов быстрого роста фазами замедления и кризиса, в основном совпадающими с соответствующими фазами циклов мировых цивилизаций и исторических суперциклов, а также с колебаниями темпов экономического роста.

В-третьих, *темпы роста населения возрастали в периоды подъема* жизненного цикла локальных цивилизаций, их лидирования в мировом цивилизационном процессе; на последующих фазах цикла темпы падали. Это отчетливо просматривается, например, в истории китайской культуры в период раннеиндустриальной

мировой цивилизации, западноевропейской — на ранней стадии индустриальной цивилизации или североамериканской — на следующей ее стадии. Однако из этого правила бывают и исключения. Африканская цивилизация в XX в. имела опережающие по сравнению с другими цивилизациями темпы экономического роста, хотя в экономическом, технологическом, социально-политическом аспектах она находилась в числе отстающих. Китай в последней четверти XX в. достиг высоких экономических показателей при падающих (с 2,10% до 1,33%) темпах прироста населения. Следовательно, взаимосвязь демографических, экономических и цивилизационных циклов для локальных цивилизаций неоднозначна.

6.3. Демографические вызовы XXI века

XXI столетие ставит перед человечеством три главных вызова в области динамики народонаселения. Вкратце их можно обозначить как *кризисы депопуляции, поляризации и миграции*. Каждый из них имеет свои проявления, причины и опасные последствия для будущего *Homo sapiens* на планете. Рассмотрим суть каждого из них и возможные ответы.

1. Вызов депопуляции. Как уже отмечалось, в последней четверти XX в. произошел перелом в траектории демографической динамики, и эта тенденция, по-видимому, сохранится и в последующие столетия. Рассмотрим признаки такого перелома на примере данных демографического прогноза ООН (*табл. 6.5 и 6.6*).

Судя по приведенным в указанных таблицах данным, после рекордного за всю историю демографического бума, когда в 1965–1970 гг. темпы прироста населения в мире достигли 2,04% годовых, уже в 90-е годы начался слом многовековой тенденции увеличения численности жителей планеты. В 1995–2000 гг. среднегодовые темпы прироста снизились до 1,35%, а к концу первой половины XXI в., согласно прогнозу ООН, они упадут до 0,33%. Если эта тенденция сохранится и во второй половине столетия, то с 70-х годов XXI в. темпы прироста станут отрицательными, общая численность населения Земли начнет сокращаться и в 2200–2900 гг. вернется к показателям 2000 г. (6 млрд человек).

Возникло и все шире распространяется по всемирной цивилизации принципиально новое демографическое явление —

Таблица 6.5.

Прогноз динамики численности населения по цивилизациям и ведущим странам*

Страны	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050	
Мир	а ¹	2519	3024	3697	4442	5280	6086	6843	7578	8199	8704	9076
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Более развитые регионы	а	813	915	1007	1083	1193	1194	1225	1244	1251	1247	1236
	б	32,3	30,3	27,3	24,4	21,8	19,7	17,9	16,4	15,3	14,3	13,6
Менее развитые регионы	а	1707	2109	2689	3360	4110	4892	5617	6333	6846	7454	7840
	б	67,8	69,7	72,7	75,6	78,2	80,13	82,1	83,6	84,7	85,7	86,4
Северная Европа	а	77,3	81,0	86,5	89,1	91,8	94,2	97,1	100,1	103,0	104,5	105,6
	б	3,1	2,7	2,3	2,0	1,7	1,5	1,4	1,3	1,2	1,2	1,2
Западная Европа	а	140,9	151,9	165,7	170,5	176,1	183,6	187,4	118,9	189,6	181,1	185,5
	б	5,6	5,0	4,5	3,8	3,3	3,0	2,7	2,5	2,3	2,3	2,0
Южная Европа	а	109,0	118,1	127,2	137,9	142,7	150,9	150,1	147,3	143,8	143,3	138,7
	б	4,3	3,9	3,4	3,1	2,7	2,4	2,1	1,9	1,7	1,7	1,6
Великобритания	а	49,8	51,6	54,8	55,5	56,8	58,7	60,5	62,5	64,7	65,1	67,1
	б	2,0	1,7	1,5	1,3	1,1	1,0	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7
Германия	а	68,4	72,8	78,2	78,3	79,4	82,3	82,7	82,3	81,5	80,2	78,8
	б	2,7	2,4	2,1	1,8	1,5	1,4	1,2	1,1	1,0	0,9	0,8
Франция	а	41,8	45,7	50,8	53,9	56,7	59,3	61,5	63,0	63,7	61,8	63,7
	б	1,7	1,5	1,4	1,2	1,1	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7
Италия	а	47,1	50,2	53,8	56,4	56,7	57,7	58,2	57,1	55,4	53,4	50,9
	б	1,9	1,7	1,5	1,3	1,1	0,9	0,8	0,7	0,6	0,6	0,6
Восточная Европа	а	220,2	253,5	276,4	295,0	310,8	304,6	290,4	275,6	258,3	240,7	221,5
	б	8,7	8,4	7,5	6,7	5,9	5,0	4,3	3,7	3,2	2,8	2,4
Россия	а	102,7	119,9	130,4	138,7	148,4	146,6	140,0	133,1	125,3	148,3	111,8
	б	4,1	4,0	3,5	3,1	2,8	2,4	2,0	1,5	1,5	1,4	1,2
Северная Америка США	а	171,6	204,1	231,9	255,5	213,4	315,0	346,0	375,0	400,4	420,8	437,9
	б	6,8	6,8	6,3	5,8	5,4	5,3	5,1	5,0	5,0	5,0	4,8
Латинская Америка	а	157,8	186,2	210,1	230,9	255,5	284,2	312,3	338,4	360,9	379,5	395,0
	б	6,3	6,2	5,7	5,2	4,9	4,7	4,6	4,6	4,6	4,4	4,4
Япония	а	167,3	218,6	285,2	363,2	443,7	522,9	598,8	617,0	722,4	761,3	782,9
	б	6,6	7,2	7,7	8,1	8,4	8,6	8,7	8,7	8,7	8,7	8,6
Китай	а	83,6	94,1	104,3	116,8	123,5	127,0	125,0	126,7	122,6	117,6	112,2
	б	3,3	3,1	2,8	2,6	2,3	2,1	1,9	1,5	1,5	1,3	1,2
Индия	а	55,48	65,75	83,07	98,89	115,5	127,4	138,5	142,4	144,6	143,3	134,2
	б	2,20	2,18	2,25	2,25	2,1,9	2,1,0	2,00	2,00	1,78	1,78	1,65
Океания	а	357,6	442,3	554,9	688,9	846,4	1021	1183	1332	1449	1534	1592
	б	14,2	14,6	15,0	15,5	16,1	16,8	17,2	17,4	17,4	17,6	17,4
Африка	а	12,8	15,9	19,6	22,9	26,7	30,9	35,0	38,9	42,5	45,4	47,6
	б	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Азия	а	224,1	281,7	363,5	478,8	635,9	812,5	1007,1	1228	1463	1705	1937
	б	8,8	9,2	9,7	10,6	11,8	13,1	14,4	14,4	17,2	17,2	18,9
Азия	а	139,6	169,9	214,0	263,0	316,9	367,6	413,0	455,4	487,2	509,1	521,7
	б	55,5	56,3	58,0	59,3	60,2	60,6	60,7	60,1	60,1	58,5	57,4

* [272. – Vol. 1].

¹а – численность населения, млн человек;

²б – доля в населении мира, %.

Таблица 6.6.

Прогноз среднегодовых темпов прироста населения по цивилизациям, %

Страны	1950–1955	1965–1970	1975–1980	1985–1990	1995–2000	2005–2010	2015–2020	2025–2030	2035–2040	2045–2050
Мир	1,81	2,04	1,44	1,72	1,34	1,14	0,97	0,73	0,56	0,38
Более развитые регионы	1,20	0,83	0,67	0,60	0,33	0,24	0,13	0,03	-0,05	-0,10
Менее развитые регионы	2,09	2,51	2,08	2,05	1,59	1,34	1,14	0,86	0,66	0,45
Северная Европа	0,40	0,56	0,20	0,33	0,27	0,19	0,28	0,28	0,10	0,11
Западная Европа	0,66	0,70	0,42	0,49	-0,29	0,17	0,06	0,00	-0,10	-0,15
Южная Европа	0,83	0,68	0,80	0,38	0,31	-0,19	-0,10	-0,21	-0,26	-0,40
Великобритания	0,23	0,47	0,04	0,27	0,34	0,28	0,35	0,32	0,18	0,17
Германия	0,56	0,57	-0,10	0,45	0,08	0,00	-0,05	-0,11	-0,18	-0,17
Франция	0,75	0,81	0,44	0,52	0,37	0,34	-0,20	0,10	-0,02	-0,13
Италия	0,64	0,65	0,36	0,05	0,14	0,03	-0,24	-0,32	-0,39	-0,52
Восточная Европа	1,48	0,70	0,64	0,49	-0,34	-0,47	-0,55	-0,68	-0,71	-0,76
Россия	1,63	0,58	0,65	0,69	-0,22	-0,45	-0,53	-0,61	-0,56	-0,59
Северная Америка США	1,71	1,10	0,97	1,04	1,04	0,91	0,77	0,68	0,54	0,42
Латинская Америка	1,61	1,01	0,95	1,00	1,05	0,92	0,77	0,61	0,47	0,38
Япония	2,65	2,57	2,33	1,93	1,56	1,29	1,01	0,73	0,46	0,22
Китай	1,43	1,07	0,93	0,44	0,25	0,06	-0,20	-0,36	-0,42	-0,49
Индия	1,87	2,61	1,48	1,53	0,88	0,58	0,44	0,07	-0,13	-0,35
Океания	2,00	2,28	2,08	2,07	1,75	1,40	1,11	0,75	0,53	0,32
Африка	2,15	1,98	1,46	1,58	1,42	1,15	1,03	0,83	0,58	0,45
Азия	2,21	2,62	2,82	2,78	2,34	2,11	1,93	1,70	1,47	1,21
Азия	1,96	2,42	1,87	1,86	1,38	1,12	0,91	0,60	0,40	0,19

* [272. – Vol. 1].

депопуляция. Численность населения Земли сокращалась и в прошлом, но это была лишь краткосрочная заминка в общем потоке прироста народонаселения, исключение из правил, возведенных Мальтусом в незыблемый закон. Теперь же депопуляция приобретает характер мировой эпидемии. Она началась в некоторых восточноевропейских странах в период проведения экономических реформ: в Венгрии с 1982 г. (к 2003 г. численность населения сократилась на 6,2%), затем в Болгарии (сокращение численности с 1990 г. к 2003 г. составило 1452 тыс. человек – 16,2%) и других

странах [264. — Р. 97]. Неолиберальные реформы 90-х годов подтолкнули процесс депопуляции в 9 из 15 республик бывшего СССР. С 1990 г. депопуляция наблюдается в Латвии (сокращение к 2003 г. на 12,2%), с 1991 г. — в Эстонии (на 10,4%), с 1992 г. — в Литве (на 3,1%) и России (на 2,6%). С 1993 г. аналогичные процессы пошли в Украине (сокращение на 7,5%), Казахстане (на 1,5%) и Армении (на 3,9%), с 1996 г. — в Беларуси (на 0,8%) [там же. — Р. 108–109].

Однако не стоит полагать, что эта эпидемия охватила только ряд реформируемых стран бывшей социалистической системы и является своеобразной «болезнью переходного периода». С начала XXI в., согласно среднему варианту демографического прогноза ООН, в числе стран и цивилизаций с депопуляцией окажутся Япония (сокращение численности населения к 2050 г. против 2000 г. на 11,7%), Германия (на 4,3%), Италия (на 12%) и некоторые другие западноевропейские страны, отдельные страны Южной Африки. С 30-х годов XXI в. то же самое будет происходить и в Китае, численность населения которого в 2050 г. будет на 54 млн человек (3,8%) меньше, чем в 2030 г. К середине столетия среднегодовые темпы прироста населения снизятся и в Индии (с 1,75% в 1995–2000 гг. до 0,32% в 2045–2050 гг.), в целом по Азии (с 1,38% до 0,19%), в Африке (с 2,34% до 1,21%), Латинской Америке (с 1,56% до 0,22%), США (с 1,05% до 0,38%). В России же темпы депопуляции еще более возрастут — с –0,22% до –0,59%. Это означает, что к концу XXI в. абсолютное большинство стран и цивилизаций могут оказаться в состоянии депопуляции.

Как оценить этот демографический переворот? Казалось бы, экологи должны радоваться, бить в литавры: без всякого принуждения, естественным путем сократится демографическая нагрузка на биосферу. Сначала некоторые, а затем и все страны и цивилизации начнут двигаться если не к заветному «золотому миллиарду», то, по крайней мере, к 6 млрд жителей, с которых начался отсчет населения III тыс. н. э. Значит, человечество будет меньше потреблять природных ресурсов, сократится объем выбросов в окружающую среду, отодвинется угроза глобальной экокатастрофы.

Однако растущая депопуляция всерьез угрожает будущему человечества, с этим нельзя не считаться. Человечество, как видно из *табл. 6.1*, будет стареть от десятилетия к десятилетию. Так, если в 2000 г. средний возраст жителя Земли был равен 26,8 года (на 12% выше уровня 1950 г.), то к 2050 г. он составит, согласно про-

гнозу ООН, 37,8 года — то есть за полвека увеличится на 41%. При сохранении таких темпов старения к 2100 г. средний возраст достигнет 53 лет, к 2050 г. — 75 лет, а к 2200 г. — 106 лет, то есть перейдет в состояние глубокой старости. Вряд ли кого-либо обрадует такая перспектива, хотя она вряд ли реальна.

Резко ухудшится возрастная структура населения мира. Доля населения в возрасте до 15 лет за полвека сократится с 30% до 20,2%; в инновационном возрасте 15–34 лет — с 33,6% до 29,3%. При этом доля населения в консервативном возрасте 35–59 лет увеличится с 26,3% до 31,1%, а в возрасте 60 лет и старше — с 10% до 21,7% (в 2,14 раза).

Если эта тенденция сохранится в долгосрочной перспективе, то к концу XXIII в. на Земле будут жить лишь старики, дети станут редким исключением, а доля трудоспособного населения сократится до минимума. Сбудется наше предостережение: «Тем самым в более отдаленной перспективе XXIII в. реализуется заветная мечта сторонников концепции "золотого миллиарда", но в карикатурном виде: престарелое, неспособное к здоровой естественной жизни, вымирающее человечество превратится в жалкий остаток некогда энергичного, процветавшего, жадно осваивавшего богатства Земли вида *Homo sapiens*» [239. — С. 100–101]. Этот вид подойдет к концу своего жизненного цикла и исчезнет с лика планеты. Глобальная демографическая катастрофа окажется куда страшнее экологической.

Достаточно представить себе такую перспективу, чтобы понять: человечество сумеет ответить на новые вызовы, найдет выход из угрожающего его существованию демографического кризиса. К тому же здесь действует общий популяционный закон. На угрозу своему существованию биологический вид отвечает увеличением рождаемости. Примерами могут служить демографические тенденции в современной Африке и парадокс, обнаруженный при проведении переписи 2002 г. в Чеченской Республике: на потери, которые понес сравнительно небольшой народ в предыдущие годы, он ответил рекордным для России уровнем рождаемости. Переписчики с удивлением отметили наличие нескольких сот тысяч «добавочных» жителей республики.

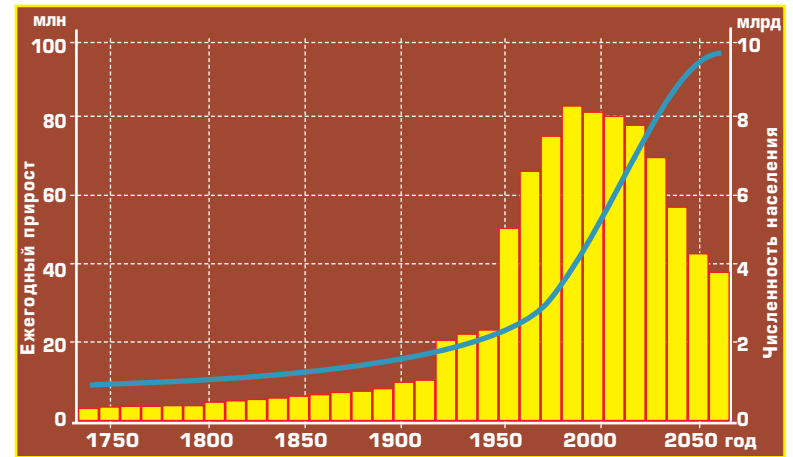
Нельзя сказать, что депопуляция — сокращение численности населения, вызванное внутренними, а не внешними причинами в условиях цивилизационного кризиса, — явление уникальное, встречающееся в истории цивилизаций впервые. Так, греческий

историк **Полибий** (201–120 гг. до н. э.), автор 40-томной «Истории», писал о демографическом кризисе, поразившем Древнюю Грецию в период ее упадка: «В наше время всю Элладу постигло бесплодие женщин и вообще убыль населения, так что города обезлюдели, пошли неурожай, хотя мы не имели ни войн непрерывных, ни ужасов чумы... Дело в том, что люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнежены, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей... Дома пустеют, и как у пчел ульи, так точно у народов города постепенно приходят в упадок и бессилие» [Цит. по 71. — С. 21]. Подобные кризисы наблюдались и в позднем Риме, и в других цивилизациях в периоды их упадка; порой это завершалось их гибелью. Но человечество в целом находило выход из демографических кризисов, и темп роста числа жителей Земли вновь ускорялся, порождая представление об угрозе ее перенаселения. Однако демографические циклы, как показывает история цивилизаций, позволяют преодолеть оба полярных вида демографических кризисов — депопуляции и перенаселения.

Поэтому представляется более вероятным, что в цивилизациях и странах, где развивается процесс депопуляции, следующие поколения осознают его опасность и ответят на вызов демографической катастрофы увеличением рождаемости, что затормозит темпы сокращения численности населения и в перспективе ее стабилизирует. Такая тенденция начинает проявляться, в частности, в России, где с 2000 г. начался рост рождаемости — за четыре года она увеличилась на 22%. Правда, при этом смертность выросла на 10,3%, так что естественная убыль уменьшилась незначительно — менее чем на 5%, но тенденция вселяет надежду. Рост численности населения, хотя и незначительный, сохраняется пока во всех западноевропейских странах, в Австралии, Новой Зеландии, Канаде. Более высокими темпами он идет в США, где за 10 лет численность населения выросла на 13%, в том числе, правда, и за счет миграции. На перспективу же до 2050 г. ожидается ее увеличение до 408,7 млн человек (43,4%). Смягчению депопуляции будут способствовать распространение здорового образа жизни (борьба с курением, алкоголизмом, наркотиками), успехи медицины и фармацевтики. Так что можно ожидать, что реальная динамика численности населения в странах и цивилизациях, которым угрожает депопуляция, будет приближаться не к нижнему, а к верхнему варианту демографического прогноза ООН на период до 2050 г., что станет достойным ответом человечества на вызов депопуляции (рис. 6.1).

Рисунок 6.1.

Долгосрочные тенденции роста численности населения мира (прогноз — средний вариант; данные ООН)

Начало изучению процессов депопуляции в цивилизационном разрезе было положено публикацией в 1890 г. книги французского демографа **А. Дюмона** (1849–1902) «Депопуляция и цивилизация». Исходя из стадийной теории динамики цивилизаций, он доказывал, что их развитие ведет к падению рождаемости и сокращению численности населения в развитых странах, прежде всего в обеспеченных слоях населения, а затем и во всем обществе. Это обусловлено рядом факторов: уменьшением детской смертности; удорожанием воспитания и образования детей, которые затем уходят из семьи; вовлечением женщин в производство и общественную жизнь; ростом достатка и усилением заботы о собственном благополучии в рабочих, а затем и крестьянских семьях. Дюмон провел историческое исследование периодов депопуляции в разных цивилизациях: в древнегреческом обществе, особенно в Спарте; в Риме III в., когда там пытались увеличить рождаемость, давая преимущества семьям с числом детей более двух и лишая холостяков права распоряжаться наследством; в католической Испании в период от Карла V до Филиппа II. Дюмон считал, что цивилизация содержит некий «токсичный элемент», уничтожающий население, и бороться надо не с цивилизацией, а с этим элементом [71. — С. 264–265]. Идеи Дюмона нашли отклик в научных и литературных кругах и были развиты **О. Шпенглером**, который писал:

«Теперь все цивилизации входят в стадию чудовищного обезлюдения, растянувшуюся на несколько столетий. Исчезает целая пирамида пригодных для культуры людей» [233. — С. 109].

В наблюдениях и выводах А. Дюмона немало ценного, что можно использовать для диагноза депопуляции, которая угрожает в XXI в. охватить многие страны и локальные цивилизации (и не только развитые) и в XXII в. привести всю глобальную цивилизацию к состоянию депопуляции, а затем и вымирания. Однако **причины и последствия демографических кризисов** гораздо более сложны и многообразны.

Во-первых, факторами уменьшения численности населения в той или иной стране или цивилизации могут быть *кровапролитные войны, губительные эпидемии, стихийные бедствия*, повлекшие многочисленные жертвы. В XIII в. эпидемия чумы сократила число жителей Европы с 73 млн в 1300 г. до 43 млн в 1400 г. — на 41% [241. — С. 158]. С 1500 по 1600 г. население Латинской Америки уменьшилось вдвое, в том числе Мексики — втрое [264. — С. 250]. В следующем столетии население Китая сократилось на 14% [Там же]. Первая мировая война и последовавшие за ней революция, Гражданская и Великая Отечественная войны сократили число жителей России с 91 млн в 1917 г. до 87,6 млн в 1923 г. и с 110,4 млн в 1941 г. до 101,4 млн в 1950 г. Прогнозируемое сокращение численности населения в Южной Африке к 2050 г. на 11% против 2000 г. [272. — С. 144] обусловлено высокой заболеваемостью СПИДом.

Во-вторых, причинами сокращения рождаемости становится *ряд экономических факторов*, особенно в периоды реформ, отрицательно сказывающихся на материальном достатке значительных слоев населения и их уверенности в завтрашнем дне. Так, в Болгарии с началом реформ рождаемость упала с 16,2% на 1000 человек населения в 1970—1975 гг. и 13,9% в 1970—1980 гг. до 8,0% в 1995—2000 гг. В Венгрии — с 16,3% в 1975—1980 гг. до 10,4% в 1995—2000 гг. В России в период нелиберальных рыночных реформ рождаемость сократилась с 16,6% в 1980—1985 гг. до 8,9% в 1991—2000 гг. и лишь в последние годы она несколько увеличилась. В целом по Восточной Европе (включая Россию) рождаемость сократилась с 16,4% в 1980—1985 гг. до 9,3% в 1995—2000 гг. [272. — Р. 76, 150, 269, 390]. Высокие темпы инфляции, падение уровня жизни, сокращение поддержки государством здравоохранения и многодетных семей, удорожание жилья, образовательных и медицинских услуг — все это ослабляет действие инстинкта продолжения рода у молодых семей.

В-третьих, депопуляции способствует *ряд демографических факторов*: сокращение численности семей до одного-двух детей; уменьшение фертильности — числа детей, приходящихся на одну женщину в детородном возрасте (с 5,02 в 1950—1995 гг. до 2,83 в 1995—2000 гг. и 2,02 по прогнозу до 2050 г.). Кроме того, это сокращение числа браков и увеличение числа внебрачных детей, которых фактически родители не хотят рожать и воспитывать; распространение противоестественных однополых семей; гендерные факторы — вовлечение женщин в общественную жизнь и производство, их нежелание обременять себя, помимо работы, заботами о содержании и воспитании детей.

В-четвертых, депопуляция вызывается или усиливается *изменениями в этике, особенно среди молодежи*. Среди них назовем поддерживаемое средствами массовой информации стремление к сексуальным удовольствиям без ответственности за рождение и воспитание детей («сексуальная революция», по терминологии **П. Сорокина**); широкое распространение проституции, добрачных и внебрачных половых связей; падение моральных устоев, ответственности перед прошлыми и будущими поколениями за судьбу собственной страны и цивилизации.

Перечисленные выше факторы взаимно усиливают действие в переломные эпохи, в периоды цивилизационного кризиса. Однако ошибочен вывод о «вирусе», «токсичном яде депопуляции», свойственном цивилизации. В истории одной и той же цивилизации периоды депопуляции сменяются периодами относительно высоких темпов роста населения. Например, в Китае темп прироста населения в 1500—1820 гг. составлял 0,41%; в 1820—1970 гг. порядка -0,12%, а в 1950—1970 гг. — 2,1%. В Западной Европе он вырос с 0,26% в 1500—1820 гг. до 0,7% в 1950—1973 гг., а затем упал.

В один и тот же период в разных странах, относящихся к одной цивилизации, наблюдаются и прогнозируются различные темпы прироста или убыли населения, например: в 1995—2001 гг. в Западной Европе — от 0,07% в Швеции, 0% в Словении и до 1,44% в Люксембурге. Да и в одной стране в разных регионах наблюдаются полярные тенденции: в России в первом полугодии 2004 г. «полюсом перенаселения» была Чеченская Республика (1,9% среднегодового прироста), а «полюсом депопуляции» — Псковская область (-1,64%).

Общей тенденцией на первой половине XXI в., согласно прогнозу ООН, являются сокращение рождаемости во всех цивилизациях и существование значительного числа локальных цивилизаций.

лизаций (российской, японской, западноевропейской, а с 2040 г. — и китайской) в устойчивом состоянии депопуляции. Это требует от ученых пристального исследования данного феномена и выработки рекомендаций по сокращению темпов и уменьшению отрицательных последствий депопуляции.

2. Демографическая поляризация. Разница в темпах, а иной раз и в направлениях демографической динамики между странами и цивилизациями всегда существовала. Например, в I тыс. н. э. при средних 0,1% прироста его значения дифференцировались от 0,09% по Великобритании и Японии до 0,0% в Китае и Индии. В 1870–1912 гг., в период расцвета индустриальной цивилизации, при среднем приросте 0,80% он дифференцировался от 2,08% в США, 1,63% в Латинской Америке до 0,43% в Индии и 0,47% в Китае. При демографическом буме в период 1950–1973 гг. и 1,93% среднемировых темпов прироста дифференциация составляла от 3,11% в Мексике, 2,37% — в Африке до 0,50% в Великобритании и 0,39% в Австрии [264. — Р. 257]. Такая дифференциация объяснима и не представляет серьезной угрозы.

Однако в первой половине XXI в. проявляется тенденция, для которой уместно употребить термин *демографическая поляризация*. Согласно среднему варианту прогноза ООН (см. выше, табл. 6.6), в 2045–2050 гг. при среднегодовых темпах прироста населения по миру 0,38% в менее развитых регионах он составит 0,45%, а в более развитых — -0,10%. Так, высокие темпы прироста сохранятся в Африке (1,21%), Латинской Америке (0,22%), тогда как в других странах они будут отрицательными: так произойдет в России (-0,59%), Западной Европе (-0,15%), Японии (-0,49%). На одном полюсе, представляющем бедные страны, будет развиваться кризис перенаселения (хотя и меньшими темпами, чем в XX в.); на другом — в богатых государствах — кризис депопуляции, сокращение численности и старение населения.

Такая поляриность глобального демографического пространства будет служить источником растущей геополитической и геосоциальной напряженности, нарастающей угрозы столкновения цивилизаций. Расчеты ООН показали, что за 1999–2050 гг. численность населения стран индийской и мусульманской цивилизаций вырастет на 56%, латиноамериканской — на 60,5%, африканской — на 74%. И если латиноамериканская цивилизация имеет простор и ресурсы для трудоустройства и увеличения доходов на-

селения, то положение индийской и мусульманской цивилизаций становится критическим. На сравнительно небольшом полуострове Индостан сконцентрировалась основная часть индийской и значительная часть мусульманской цивилизации. За полвека численность населения Индии вырастет на 526 млн человек, по максимальному варианту — вдвое; население Пакистана — соответственно в 2,6 и 3 раза при весьма ограниченных природных ресурсах и высокой плотности населения. Это делает весьма реальной перспективу индо-пакистанского конфликта, то есть по существу — столкновения цивилизаций. Угрожающее положение складывается в африканской цивилизации (южнее Сахары), собственные ресурсы развития у которой невелики, а темпы роста населения максимальны. Именно здесь таится угроза для всей мировой цивилизации.

Преодоление демографической поляризации является одной из научных задач человечества в XXI в. Выше уже говорилось о мерах, принятие которых может способствовать уменьшению темпов депопуляции в цивилизациях и странах, где эта тенденция уже проявилась или может проявиться в ближайшие десятилетия. Не менее важным является сокращение темпов роста населения в цивилизациях и странах, страдающих от перенаселения. А такая линия уже проявляется и будет все более отчетливо наблюдаться в первой половине XXI в. Согласно среднему варианту прогноза ООН, среднегодовые темпы прироста населения с 1985–1990 гг. до 2045–2050 гг. сократятся: по Африке с 2,78% до 1,21% (в 2,3 раза); по Индии — с 2,07% до 0,32% (в 6,5 раза); по Азии в целом — с 1,86% до 0,19% (в 9,8 раза); по Латинской Америке — с 1,93% до 0,22% [в 8,8 раза (см. выше, табл. 6.6)]. Тем самым угроза демографической поляризации будет постепенно ослабляться, особенно если будут сокращены темпы депопуляции в страдающих от нее странах.

3. Международная миграция. Резкое увеличение потоков мигрантов наблюдалось и прежде, в переходные периоды истории — под влиянием ли ухудшения природных условий, перенаселенности либо военных угроз. Достаточно вспомнить великую греческую колонизацию VIII–VI вв. до н. э., походы Александра Македонского, освоение новых территорий римлянами, мощные потоки гуннов, готов, монголов с Востока, переселение болгар на Среднюю Волгу и Балканы, освоение европейцами Нового Света, а Московским царством — Сибири.

Таблица 6.7.

Доля иностранцев в населении и рабочей силе отдельных стран*

Страны	Приток иностранного населения, тыс. человек		Иностранное население				Доля в рабочей силе, %	
	1990	2001	тыс. человек		% к населению		1990	2001
			1990	2001	1990	2001		
США	1536	1064	19 767	31 811	7,9	11,1	9,4	13,9
Канада	214	250	4343	5448	16,1	18,2	18,5	19,9
Австрия	-	75	456	764	5,9	9,4	7,4	11,0
Бельгия	50	66	905	847	9,1	8,2	7,1	8,9
Дания	15	25	161	267	3,1	5,0	2,4	3,5
Франция	102	141	3597	3263	6,3	5,6	6,2	6,2
Германия	842	685	5343	7319	8,4	8,9	-	9,1
Италия	-	233	781	1363	1,4	2,4	1,4	3,8
Люксембург	9	11	113	167	29,4	37,5	45,2	61,7
Нидерланды	81	95	692	690	4,6	4,3	3,1	-
Норвегия	16	25	143	185	3,4	4,1	2,3	4,9
Португалия	-	14	108	224	1,1	2,1	1,0	2,0
Испания	-	-	279	1109	0,7	2,7	0,6	3,4
Швеция	53	44	484	476	5,6	5,3	5,4	5,1
Швейцария	101	160	1100	1419	16,3	19,7	18,9	18,1
Великобритания	175	373	1723	2587	3,2	4,4	3,3	4,4
Австралия	121	89	3965	4482	22,9	23,1	25,7	24,2
Япония	-	233	1075	1778	1,9	2,4	0,1	0,2

*[271. — Р. 346].

Во второй половине XX в. переселение народов приобретает характер международной миграции — переселения части населения из стран перенаселенных и бедных в страны богатые, которым требуются либо дополнительные рабочие руки для выполнения низкоквалифицированных работ, либо интеллектуальный капитал («утечка мозгов» из России и других стран в США). Число мигрантов неуклонно возрастает. Если в 1960—1964 гг. среднегодовой поток переселенцев из развивающихся стран в Северную Америку и Западную Европу составлял 243 тыс. человек, то в 1985—1989 гг. уже 1066 тыс. — в 4,4 раза больше [271. — Р. 93]. Распад СССР и Югославии также сопровождался временным увеличением числа мигрантов и вынужденных переселенцев. В 1994 г. в Россию

прибыло 1146,7 тыс. человек (в том числе из стран СНГ и Балтии — 1146,3 тыс.), а выбыло 231,7 тыс. В 2003 г. прибыло 129,1 тыс. (из стран СНГ — 119,7 тыс.), а выбыло 94 тыс.; число вынужденных переселенцев и беженцев уменьшилось с 271 тыс. в 1995 г. до 4,7 тыс. в 2003-м. Однако значительно возросла численность неофициальных мигрантов, особенно в Москве, которая стала городом многих цивилизаций. Представление о доле мигрантов и численности населения и рабочей силы, по данным Всемирного банка, дает табл. 6.7.

В целом поток мигрантов нарастает, хотя в отдельных странах (США, Германия, Швеция, Австралия) имеет тенденцию к снижению; наиболее высок их прирост в Великобритании, Норвегии, Франции, Канаде. Иммигранты достигли значительного удельного веса в численности населения (37,5%) и занятых (61,7%) в Люксембурге, Австралии (23,1% и 24,2%), Швейцарии (18,9% и 18,1%), Канаде (18,5% и 19,9%), Германии (8,9% и 9,1%). В ряде стран экономика уже не может нормально функционировать без иммигрантов. Межцивилизационное смещение усиливается, особенно в Западной Европе, Северной Америке и Австралии.

Международная миграция имеет положительные стороны. Развитым странам она позволяет смягчить демографическую поляризацию, получить дополнительные рабочие руки и занять вакантные места (особенно низкоквалифицированных работников), а государствам, из которых идут потоки мигрантов, дает возможность занять свободные рабочие руки и получить дополнительные доходы. Но миграция порождает и серьезные противоречия, в том числе межцивилизационные. В Западной Европе и России увеличивается число анклавов иных цивилизаций (диаспор). Пример Косово и Македонии показывает, что это может привести к конфликтам и военным столкновениям на национальной почве. Среди некоторых слоев населения в принимающих странах нарастает ксенофобия, наблюдаются проявления расизма. При этом страны — доноры населения пытаются усилить свое политическое влияние, опираясь на собственные диаспоры в странах-реципиентах. Во Франции, Бельгии, Германии, Великобритании укрепляются позиции ислама, что чревато межконфессиональными конфликтами. В США, которые гордились своим «плавильным котлом», сплывающим мигрантов из разных стран в единую нацию, с тревогой прогнозируют период, когда белое население составит меньше половины жителей страны, и размышляют над последствиями этого. Меняется и цивилизационный состав населения Австралии.

Тревожные тенденции, связанные с международной миграцией, в первой половине XXI в. будут лишь усиливаться. Это требует научного осмысления данных процессов и выработки международным сообществом системы мер, которые позволят смягчить связанные с неизбежным ростом миграционных потоков противоречия. Демографический прогноз ООН предусматривает сокращение числа чистых иммигрантов в более развитые регионы с 2130 тыс. человек в среднем за год в 2001–2005 гг. до 1990 тыс. в 2050 г. [272. – Vol. 1. – P. 42].

6.4. Демографические угрозы для России

Демографические угрозы XXI столетия особенно опасны для российской цивилизации. Они отчетливо проявились в конце XX в., в период распада СССР и проведения неолиберальных рыночных реформ. В чем же они состоят?

1. Угроза депопуляции. Исторически нынешняя территория России менее приспособлена для жизни человека, чем центры древних цивилизаций, и переход к неолиту здесь начался на пару тысячелетий позднее, чем в этих центрах. Период греко-скифской цивилизации с VII в. до н. э. характеризовался быстрым ростом численности населения, который, однако, был прерван во время нашествий готов и гуннов. Однако в течение почти двух тысячелетий н. э. на территории бывшего СССР наблюдался опережающий рост населения: 0,06% против 0,01% среднемировых в I тыс. н. э.; 0,17% против 0,10% в 1000–1500 гг., 0,37% против 0,27% в 1500–1820 гг., 0,97% против 0,40% в 1820–1870 гг.; 1,33% против 0,80% в 1870–1917 гг. Доля населения прежнего СССР в населении мира поднялась с 1,7% в начале нашей эры и 2,7% в 1000 г. до 8,7% в 1913 г.

Однако в XX в. страна пережила ряд социальных катаклизмов, которые сопровождалась большими людскими потерями и падением темпов демографического роста: в 1913–1950 гг. – 0,26% против 0,93% годовых в среднем по миру, в 1950–1973 гг. – 1,44% против 1,93%, в 1973–2001 гг. – 0,54% против 1,62%.

Начиная с 1994 г. Россия вступила в период депопуляции. Среднегодовые темпы сокращения населения составили –0,22% в 1995–2000 гг., и по среднему варианту прогноза ООН увеличатся до –0,45% в 2005–2010 гг. и –0,59% в 2045–2050 гг. В итоге до-

Таблица 6.8.

Прогноз демографической динамики России*

Показатели	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020	2030	2040	2050
Численность населения, млн человек	102,7	119,9	130,4	138,7	148,2	146,6	140,0	133,1	125,3	118,3	111,8
% к миру	4,1	4,0	3,5	3,1	2,8	2,4	2,0	1,8	1,5	1,4	1,2
% к 1950 г.	100	117	128	135	144	143	136	130	122	115	109
Возрастная структура, %											
0–19 лет	38,6	36,1	36,0	29,9	29,8	26,7	21,2	23,0	21,0	20,7	22,0
20–39 лет	30,3	33,7	29,1	30,1	31,2	29,1	31,7	28,1	23,1	24,3	23,4
40–59 лет	20,0	20,9	22,7	26,5	22,9	25,9	29,2	27,6	31,0	31,8	25,5
60 лет и старше	9,2	9,3	11,9	13,5	16,0	18,3	17,8	22,4	24,9	27,0	31,3
Средний возраст, лет	25,0	27,4	30,6	31,3	33,3	36,4	37,9	40,0	43,4	44,9	43,5
	1950–1955	1955–1960	1965–1970	1975–1980	1985–1990	1995–2000	2005–2010	2015–2020	2025–2030	2035–2040	2045–2050
Среднегодовой прирост населения, %	1,63	1,11	0,58	0,65	0,66	-0,22	-0,45	-0,53	-0,61	-0,56	-0,59
Рождаемость на 1000 человек	26,5	25,1	14,9	15,9	16,0	8,9	11,2	10,3	9,4	10,7	10,5
Смертность на 1000 человек	9,5	8,7	8,2	10,3	10,9	14,2	16,0	16,0	15,9	16,0	16,8
Детская смертность на 1000 рожденных	9,7	5,7	3,2	3,0	2,4	1,7	1,6	1,3	1,1	1,0	9
Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	64,5	66,8	70,1	69,0	70,2	66,0	65,0	66,9	69,2	71,0	72,9

*[272. – Vol. 1 – P. 372; Vol. 2 – P. 726–727].

для страны в населении мира упадет с 4,1% в 1950 г., 3,5% в 1970-м, 2,8% в 1990-м и 2,4% в 2000-м до 1,8% в 2020-м и 1,2% в 2050 г. При таком положении России будет сложно претендовать на роль великой мировой державы. Тенденции демографической динамики страны за период с 1950 по 2000 г. и на перспективу до 2050 г. представлены в табл. 6.8.

Если в 1950–1990 гг. население России выросло с 102,2 до 148,2 млн человек (на 45%), то в последующий период его численность постепенно сокращается и по среднему варианту прогноза ООН к 2050 г. уменьшится до 111,8 млн – на 24%.

Если экстраполировать прогнозируемые до 2050 г. тенденции, то к концу XXI в. численность населения России сократится до 85 млн человек, а к 2150 г. – до 65 млн. Это будет означать демо-

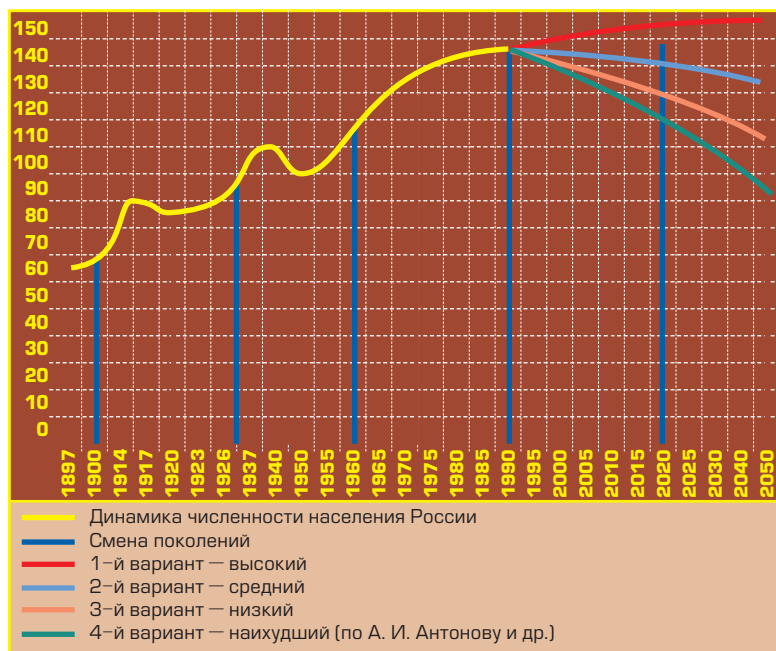
графическую катастрофу, выморочность некогда мощной цивилизации, в течение столетий успешно противостоявшей культурам Запада и Востока. Тогда на обезлюдившую территорию заявят претензии многолюдные соседи (рис. 6.2).

Однако такой сценарий демографического развития весьма маловероятен; сработают популяционные законы, которые приведут к увеличению рождаемости и сокращению смертности. Велика вероятность увеличения потока мигрантов — как внутри- (из стран СНГ), так и межцивилизационных (из стран Востока). Это позволит если не преодолеть депопуляцию, то значительно сократить ее масштабы.

Однако при этом не следует полагаться на стихийное действие популяционных законов и рыночных сил. И государству, и гражданскому обществу, и каждой семье нужно четко осознавать, что над тысячелетней цивилизацией нависла угроза вымирания, ухода с исторической арены. Незамедлительно требуется разработка

Рисунок 6.2.

Динамика численности населения России и варианты прогноза

грамотной демографической, миграционной и социальной политики на перспективу, а также антидепопуляционной программы, поддержанной весомыми ресурсами и дифференцированной по регионам, ибо демографическая поляризация наблюдается и внутри страны. Если в одних регионах численность населения стремительно сокращается (полюс депопуляции — Псковская область — 1,6% годовой убыли), то в других, особенно на Северном Кавказе, она быстро возрастает, приводя к перенаселенности и избытку рабочих рук (полюс перенаселенности — Чеченская Республика — 1,9% годового прироста) (табл. 6.9).

Демографическая политика и программа должны охватить комплекс мер:

- ➔ по поощрению рождаемости в регионах, где она низкая, особенно для молодых семей (включая жилищную политику);
- ➔ по рационализации межрегиональных и межгосударственных миграционных потоков;
- ➔ по повышению уровня и качества жизни населения, резкому сокращению числа бедных;
- ➔ по реализации функций социального государства (пока это больше лозунг, чем реальная политика, которая иной раз носит антисоциальный характер, осуществляя рыночные реформы за счет населения);
- ➔ по воспитанию подрастающего поколения в духе ответственности за судьбу цивилизации.

2. Ухудшение качественного состава населения. Эту, вторую, демографическую угрозу для России можно рассматривать в трех аспектах:

- ➔ изменение в худшую сторону возрастной структуры, старение населения, увеличение демографической нагрузки на работающих;
- ➔ рост заболеваемости, ухудшение состояния здоровья людей, особенно детей;
- ➔ снижение качества образования, рост числа неграмотных и профессионально некомпетентных людей.

Отрицательные тенденции **в возрастной структуре населения** России видны на примере табл. 6.8. Доля населения в возрасте до 20 лет — подрастающего поколения — снизилась с 38,6% в 1950 г. до 26,7% в 2000 г. и в перспективе, по среднему варианту прогноза ООН, снизится в 2040 г. до 20,7%, а к 2050 г. несколько возрастет — до 22%. Доля инновационно-активного населения

в возрасте 20–39 лет останется относительно стабильной до 2010 г., а затем резко упадет — с 31,7% до 23,4%. Соответственно, доля консервативно настроенного населения (40–59 лет) увеличится с 22,9% в 1990 г. до 31,1% в 2030 г., а к 2050 г. снизится до 25,5%. Но особенно значительным окажется рост доли населения в возрасте 60 лет и старше — с 9,2% в 1950 г. и 18,3% в 2000 г. до 31,3% в 2050 г. Быстрыми темпами пойдет старение населения: средний возраст россиян увеличится с 25 лет в 1950 г. и 33,3 года в 1990 г. до 43,5 года в 2050 г. — на 74% за 100 лет! Если эта тенденция сохранится, то еще через 100 лет (к 2150 г.) средний возраст россиян достигнет 76 лет! Но если даже взять более низкий темп старения, предусмотренный в прогнозе ООН до 2050 г., — 23% за столетия, то и тогда средний возраст к 2150 г. составит 66 лет — тоже немало. Будет расти и демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста: если с 1950 по 2000 г. она снизилась с пропорции 54 на 100 до 44 на 100, то к 2050 г. она увеличится до 66, в основном за счет старшего возраста — с 18 в 2000 г. до 38 в 2050-м [272. — Vol. 2. — P. 750–751]. Очевидно, что такая тенденция грозит российской цивилизации вымиранием.

Второй показатель качества населения — **уровень здоровья** — также имеет отрицательную динамику. Об этом свидетельствует не только значительно возросшая смертность — с 9,5 промилле (на 1000 человек) в 1950 г. до 10,9 промилле в 1990 г. (на 15% за 40 лет) и до 14,3 промилле в 2000 г. (на 31% за 10 лет) и прогнозируемый ООН дальнейший рост смертности до 16,8 промилле в 2050 г. (на 17% за 50 лет), но и повышение уровня заболеваемости населения, особенно детей.

При общем росте заболеваемости на 1000 человек населения с 651 в 1990 г. до 670 в 1998 г. заболеваемость активным туберкулезом с 1990 по 2002 г. увеличилась в 2,5 раза, сифилисом — в 22,6 раза, наркоманией подростков — в 3,1 раза. Число лиц, впервые признанных инвалидами, с 26,6 на 10 000 населения в 1970 г. увеличилось до 82,5 в 2002 г. В России затраты на здравоохранение на душу населения, по данным Всемирного банка, составили в 2001 г. 150 долл. — в 43 раза меньше среднемирового уровня и в 24,7 раза меньше, чем в развитых странах [271. — P. 90].

Третий показатель качества населения — **уровень образования** и соответствие качества рабочей силы меняющимся условиям воспроизводства (функциональная грамотность и профессиональная компетентность). Формально образование в России

находится на уровне развитых стран. Уровень грамотности составил среди населения в возрасте 15 лет и старше в 2002 г. 98,5% для мужчин и 96,5% для женщин при среднемировых показателях 84% и 71% соответственно. Охват обучением различных возрастных групп значительно превышает среднемировые показатели и близок к развитым странам [там же. — P. 78, 86].

Однако за этими усредненными показателями скрываются тревожные тенденции. Затраты государства на образование за время неолиберальных реформ резко снизились и составили в 2001–2002 гг. 3,1% ВВП против 4,1% в среднем по миру и 5,2% по развитым странам [там же. — С. 70]. Реформа школьного образования, делающая ставку на стандартизацию и контроль знаний с помощью тестов, ориентирует не на развитие творческих способностей личности, а на запоминание быстро устаревающих знаний, которые мало пригодятся в реальной деятельности через 10–15 лет. Подготовка квалифицированных рабочих через ПТУ практически свернута, недостаток рабочих рук приходится восполнять за счет мигрантов. Появление множества частных вузов снижает качество высшего образования. Резко сокращен объем подготовки инженеров, при одновременном перепроизводстве экономистов и юристов. Громогласно продекларированное введение системы непрерывного образования в основном осталось на бумаге, система переподготовки и повышения квалификации работающих почти ликвидирована, а система подготовки высших государственных служащих и руководителей крупных компаний практически отсутствует. Все это приводит к принятию руководителями всех звеньев госаппарата массы неверных решений, причиной чего является профессиональная некомпетентность этих людей, которая приобретает порой катастрофические размеры. Некому принимать и воплощать в жизнь стратегические решения, разрабатывать, производить и применять новые поколения техники, принципиально новые технологии. Россия быстрее теряет былые преимущества в образовании, которые обусловили успех в технологическом прорыве 50–60-х годов прошлого века.

3. Межрегиональная демографическая поляризация. За средними показателями по России нужно видеть значительно возросшую в последние десятилетия дифференциацию демографических показателей по регионам (*табл. 6.9*).

Разрыв между федеральными округами увеличился с 5,9 пункта в 1970 г. до 9,2 в 1990 г., затем упал до 6,4 пункта в 2000 г.

Таблица 6.9.

Дифференциация естественного прироста населения по регионам России, %*

Регион	1970	1980	1990	1995	2000	2002	2005 I полугодие
	Российская Федерация	5,0	4,9	2,2	-5,7	-6,7	-6,5
Центральный федеральный округ	3,0	1,1	-1,9	-9,2	-9,8	-10,0	-9,2
г. Москва	2,3	1,9	-2,3	-8,9	-6,7	-6,3	-3,9
Тверская область	-1,0	-2,3	-3,3	-11,9	-13,5	-14,6	-14,8
Северо-Западный федеральный округ	4,7	4,2	0,8	-7,9	-8,6	-8,6	-8,9
Ненецкий автономный округ	-	-	-	-	-	-	-
Санкт-Петербург	12,9	11,4	0,7	0,7	0,3	1,4	3,0
Псковская область	3,5	2,1	-1,4	-8,9	-9,5	-8,5	-7,8
	-1,6	-2,6	-3,2	-13,1	-14,7	-15,1	-17,0
Южный федеральный округ	6,6	7,5	5,5	-2,1	-3,6	-3,3	-2,5
Чеченская Республика	5,4	14,3	16,1	-	-	-	19,3
Республика Ингушетия	15,4	19,9	20,0	17,4	13,3	11,6	10,2
Республика Дагестан	22,1	19,9	20,0	14,4	10,2	-7,5	8,9
Ростовская область	4,4	3,4	0,0	-6,6	-7,3	-6,5	-7,9
Приволжский федеральный округ	6,3	5,0	3,1	-5,0	-6,4	-3,0	-7,2
Республика Башкортостан	9,3	8,2	6,5	-1,5	-2,9	-3,0	-3,7
Нижегородская область	3,9	1,4	-1,6	-9,5	-10,3	-11,1	-12,0
Уральский федеральный округ	7,0	6,2	3,8	-4,6	-5,2	-4,3	-4,1
Ямало-Ненецкий АО	9,7	11,4	13,0	6,7	6,2	7,4	8,5
Свердловская область	6,1	4,7	1,0	-7,1	-8,1	-7,2	-6,9
Сибирский федеральный округ	8,1	8,0	4,5	-4,2	-4,9	-4,8	-5,5
Таймырский АО	12,0	14,2	8,9	0,7	0,5	4,8	4,5
Кемеровская область	6,4	5,8	1,6	-7,7	-7,6	-7,8	-8,5
Дальневосточный федеральный округ	10,6	9,7	7,3	-2,4	-3,4	-3,1	-4,3
Республика Саха (Якутия)	12,3	12,2	12,8	5,5	3,9	4,3	4,3
Приморский край	10,1	9,6	5,9	-3,5	-5,5	-5,4	-6,5
Разрыв (в пунктах):							
Между федеральными округами	5,9	8,6	9,2	7,1	6,4	6,9	6,7
Между субъектами Российской Федерации	22,7	22,2	23,3	28,3	26,8	27,2	36,3

*[169. — С. 98—117].

Таблица 6.10.

Динамика международной миграции*

Годы	Прибыло в РФ		Выбыло из РФ		Миграционный прирост,		
	тыс. человек	в т. ч. из СНГ и стран Балтии	тыс. человек	в т. ч. в страны СНГ и Балтии	тыс. человек	% к численности	% к естественной убыли населения
1992	926,0	925,7	673,1	570,0	176,1	0,12	80
1993	923,3	922,9	483,0	369,1	440,3	0,30	59
1994	1146,7	1146,3	337,1	231,8	809,6	0,54	108
1995	842,0	841,3	339,6	229,3	502,2	0,34	60
1996	631,6	631,2	288,0	191,4	346,0	0,24	44
1997	583,3	582,8	234,3	149,5	352,6	0,24	47
1998	495,3	494,8	216,7	133,6	284,7	0,19	40
1999	367,2	366,7	238,0	129,7	154,6	0,11	17
2000	350,9	350,3	160,8	83,4	213,6	0,15	22
2001	187,4	186,2	137,6	62,5	72,3	0,05	7,7
2002	184,6	179,6	106,7	53,8	77,9	0,05	8,3
2003	129,1	121,5	94,0	47,0	35,1	0,024	4,0

*[271. —Р. 346].

(на фоне общего падения естественного прироста), затем начал медленно расти. Поляризация субъектов Федерации выросла с 23,3 пункта в 1990 г. до 29,6 в 2004 г.

4. Миграционные угрозы. Период неолиберальных рыночных реформ 90-х годов характеризовался значительным усилением подвижности населения — как международной, так и внутренней, межрегиональной. О динамике международной миграции можно судить по данным *табл. 6.10.*

Пик иммиграции был достигнут в 1994 г., когда после распада СССР поток прибывших в СССР достиг 1147 тыс. человек, а чистая миграция — 810 тыс. человек, перекрыв естественную убыль на 8%. Но затем прирост иммигрантов резко сократился до 35 тыс. в 2003 г., что в 23 раза меньше, чем в 1994 г., и составил всего 4% от естественной убыли населения.

В таблице указаны сведения по легальной иммиграции. Наряду с ней существует значительная, иной раз в несколько раз превышающая ее по масштабам, нелегальная иммиграция, особенно в Москве, Подмоскowie, Санкт-Петербурге и некоторых других регионах.

Роль миграционных потоков в жизни общества неоднозначна. Причинами резкого расширения потока иммигрантов в 90-е годы (почти полностью из СНГ и стран Балтии) были распад СССР и стремление русскоязычного населения, внезапно оказавшегося за рубежом, вернуться на историческую родину. Однако в дальнейшем поводами для увеличения притока в Россию иммигрантов из стран СНГ стали затянувшиеся кризисы в бывших союзных республиках и желание людей заработать деньги для своих семей. С одной стороны, большое количество иммигрантов помогает России заполнить ниши на рынке неквалифицированного труда (что особенно важно для Москвы) и ослабить негативное влияние депопуляции. Однако значительная часть легальных и нелегальных иммигрантов из Закавказья, Средней Азии, Китая, Северной Кореи, Вьетнама устремляется в торговлю, пополняет ряды криминальных структур, что не может не усиливать социальную напряженность в нашей стране.

Необходима перспективная иммиграционная политика, учитывающая реальные потребности российской экономики в трудовых ресурсах по их видам, квалификации, территориям и создающая условия для нормальных условий жизни и труда легальных иммигрантов и, при определенных условиях, их натурализации. При этом полезен опыт западноевропейских стран и США. Потребуется долгосрочный прогноз миграционных потоков. Следует также учитывать, что в их результате возникают, а иной раз и обостряются межцивилизационные проблемы, наблюдаются явления ксенофобии.

Иной характер носит эмиграция из России, особенно в Израиль, Германию, США. В числе эмигрантов немало талантливой молодежи, высококвалифицированных специалистов и ученых, и такая «утечка мозгов» ослабляет научно-технический и инновационный потенциал страны. Хотя некоторые из уехавших возвращаются потом на родину, обогащенные опытом и связями, но таковых пока лишь единицы; подавляющее большинство специалистов остается за рубежом, что ослабляет перспективы инновационного обновления России. Поэтому необходима перспективная эмиграционная политика, концентрирующая усилия в нескольких направлениях:

➔ создание условий для талантливых ученых, программистов, деятелей культуры, с тем чтобы они могли реализовать свой талант на родине, получая достойное вознаграждение;

➔ содействие развитию международных научно-технических и культурных связей, офшорного программирования, чтобы можно было участвовать в экспорте интеллектуальных и высокотехнологичных услуг и в присвоении интеллектуальной ренты, не покидая надолго свою страну;

➔ установление прочных связей с живущими за границей соотечественниками, предоставление им возможностей участвовать в развитии научно-технических и культурных связей с Россией.

Значительных масштабов достигла межрегиональная миграция (табл. 6.11).

Изменился вектор внутрироссийской миграции. Если в послевоенный период поток межрегиональных мигрантов направлялся из европейской части России в Сибирь и на Дальний Восток, то сейчас он идет в обратном направлении: с Дальнего Востока и Сибири в Центральный и Северо-Западный округа. Сокращается численность населения в богатых природными ресурсами районах Крайнего Севера. Это свидетельствует об отсутствии целенаправленной перспективной региональной и миграционной политики и усиливает угрозу международной миграции в высвобождающийся от российского демографического и экономического присутствия регион.

На основе долгосрочного демографического и экономического прогноза по регионам России необходимо разработать

Таблица 6.11.

Межрегиональная внутрироссийская миграция в 2002 г.*

Федеральные округа	Прибыло, тыс. человек	Выбыло, тыс. человек	Сальдо, тыс. человек	
			тыс. человек	% к населению
Российская Федерация	20 17,3	20 17,3	-	-
Федеральные округа:				
Центральный	445,8	364,4	81,4	0,21
Северо-Западный	191,5	187,5	4,0	0,03
Южный	288	301,6	-13,6	0,06
Приволжский	409	423,1	-14,1	0,05
Уральский	195,8	198,5	-2,7	0,02
Сибирский	358	385,8	-27,8	0,14
Дальневосточный	129,2	156,6	-27,4	0,41

*[168. – С. 75–78, 123].

стратегию социального и экономического развития Сибири и Дальнего Востока на перспективу до 2050 г., чтобы переломить крайне неблагоприятные и опасные для будущего российской цивилизации установки, сложившиеся в последние два десятилетия.

5. Антисоциальная политика государства. Серьезной социодемографической угрозой для России является политика неоллиберальных рыночных реформ, активно проводившаяся правительством в 90-е годы. Эта политика взвалила на плечи населения, особенно малообеспеченных слоев, все печальные последствия распада СССР, экономического спада и грабительской приватизации. Хотя все реформы проводились якобы в интересах россиян и в Конституции РФ записано положение о социальном государстве, в реальности же действия правительства чаще всего носили антисоциальный характер и резко ухудшили социодемографическую ситуацию в стране, стали причиной острейшего демографического кризиса.

Можно назвать некоторые из этих ошибочных решений:

➔ инфляционные взрывы в 1992 и 1998 гг., сопровождавшиеся резким падением реальных денежных доходов населения (в 2,5 раза за 10 лет) и обесцениванием накопленных сбережений; фактически это была экспроприация доходов большинства россиян в интересах кучки олигархов и верхушки чиновничества;

➔ ослабление социальной поддержки детей, инвалидов, пенсионеров, больных. Распространение платной медицины и многократное (по отношению к доходам населения) удорожание медикаментов;

➔ развертывающаяся «монетизация льгот», отказ от бесплатного предоставления ряда жизненно важных услуг нуждающимся в них с уравнительным распределением сумм, сокращением на федеральном уровне социальной поддержки; это приведет в конечном счете к уменьшению рождаемости и, напротив, росту смертности;

➔ свертывание социальной инфраструктуры предприятий, что болезненно сказывается на положении семей, особенно там, где есть градообразующие предприятия;

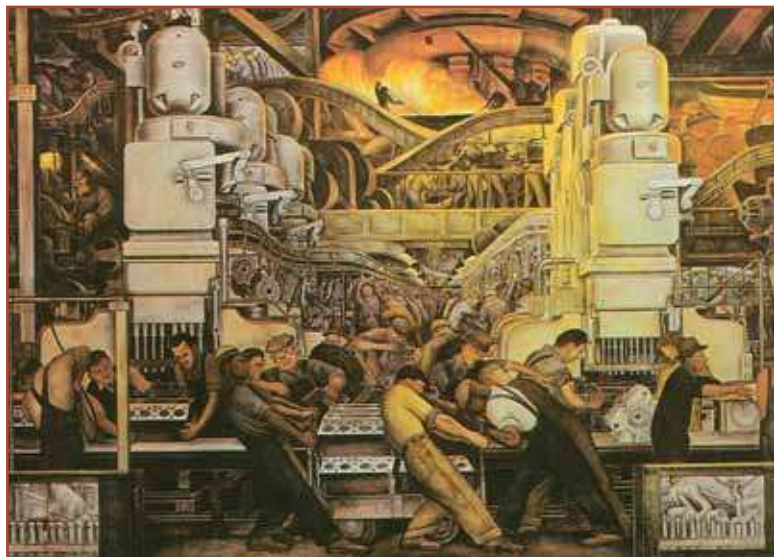
➔ сокращение доли в бюджетных доходах регионов и муниципальных образований при одновременном возложении на них дополнительных социальных функций.

Все эти меры шоковой экономической и социальной «терапии» немедленно отразились на демографических показателях: рождаемость сократилась с 1,34% в 1990 г. до 0,86% в 1997 г., смертность выросла с 1,12% до 1,62% в 2002 г., здоровье населения, как было показано выше, значительно ухудшилось. Особенно негативными оказались последствия такой политики для регионов Дальнего Востока, где активно проводятся меры по «расчистке» обширных территорий от населения. Так, его численность в Дальневосточном федеральном округе сократилась с 8045 тыс. человек в 1990 г. до 6634 тыс. в 2004 г. — на 18% [169. — С. 78].

Для сохранения и возрождения российской цивилизации, ее главной составляющей — народонаселения — нужно радикальное изменение вектора социальной политики, отказ от рыночного фундаментализма, повышение социальной ответственности государства и бизнеса. Только тогда будет обеспечена здоровая основа для экономического роста, который, конечно же, не является самоцелью. Обобщающий демографический показатель — демографическая динамика, смягчение депопуляции — должен стать определяющим в оценке эффективности деятельности государственных органов всех уровней.

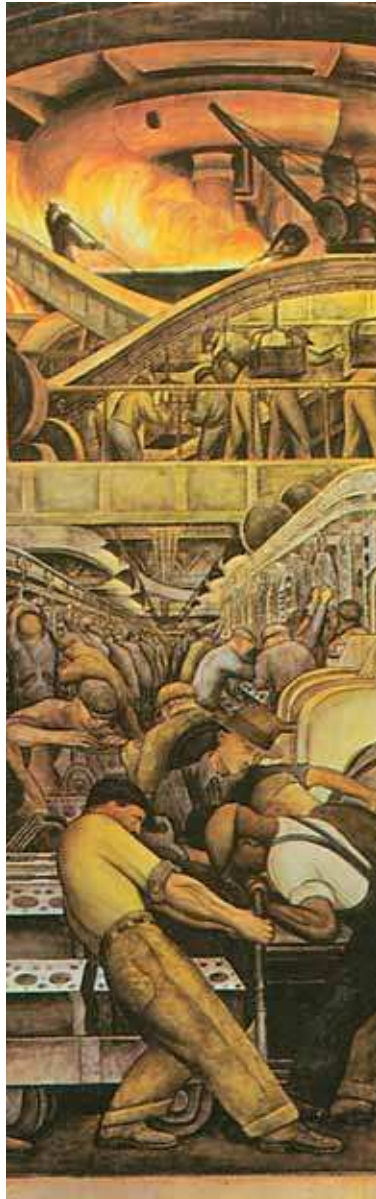
Глава 7

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И КРИЗИСЫ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Синтез трудовых и природных ресурсов находит выражение в технологической динамике цивилизаций, периодической смене технологических способов производства, технологических укладов и поколений техники, больших и средних волнах инноваций, позволяющих преодолевать технологические и экономические кризисы. Хотя инновационно-технологическая динамика исследована достаточно подробно, в том числе и в наших работах [102; 240; 247–249; 272–276], ее цивилизационный аспект заслуживает отдельного рассмотрения. Это тем более актуально, что развертывающийся в мире в начале XXI века технологический переворот может привести к увеличению технологического разрыва между цивилизациями и обострению глобальных противоречий.

7.1. Технологии в структуре и динамике цивилизаций

Казалось бы, понятие технологий — привычное и общеизвестное. Однако с позиций цивилизационного подхода в нем появляется немало неясного, требующего специального разъяснения.

Начнем с понятия «*технологический способ производства*» и его места в «пирамиде» (структуре) цивилизаций (рис. 7.1). Он может рассматриваться в трех разрезах:

➔ как *совокупность средств производства*, вовлекаемых обществом на определенной стадии его развития в процесс воспроизводства, дабы обеспечить удовлетворение широкой гаммы своих потребностей — как личных, так и коллективных. Речь идет о трех основных элементах — средствах труда (машинах, оборудовании, сооружениях), предметах труда и источниках энергии;

➔ как *совокупность рабочей силы, трудовых ресурсов* определенного уровня квалификации, вовлеченных в производство, распределенных по отраслям, регионам, видам деятельности и профессиям и приводящих в движение средства производства;

➔ как набор *технологий и способов организации производства*, отвечающих данному

уровню развития производительных сил и обеспечивающих наиболее эффективное соединение рабочей силы и средств производства.

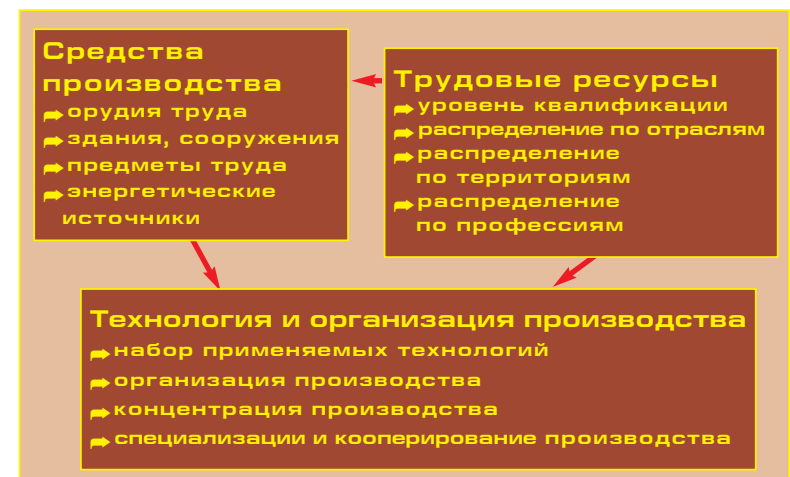
Все эти элементы технологической базы общества неразрывно связаны и не могут существовать друг без друга. Чтобы они функционировали надлежащим образом, необходима строго определенная пропорциональность — не только по количеству, но и по качеству отдельных элементов. Лишь в совокупности они определяют *технологический уровень* конкретной цивилизации (мировой или локальной), ее эффективность, находящую конечное выражение в уровне производительности общественного труда (производстве ВВП на одного занятого), а также технологические и экономические взаимосвязи между цивилизациями.

Сложность в том, что эта пропорциональность не может быть постоянной, стабильной; изменения происходят непрерывно. Одни из них носят случайный характер, а другие предсказуемы, выражают *циклично-генетические закономерности технологической динамики* (другими словами, техногенеза). Кратко охарактеризуем эти закономерности с учетом гецивилизационного подхода.

1. Технологический прогресс — общая закономерность циклической динамики цивилизаций. Он диктуется как увеличиваю-

Рисунок 7.1.

Структура технологического способа производства

щейся численностью населения, так и общей тенденцией роста потребностей каждого человека, каждой страны и цивилизации, обеспечивает опережающий рост ВВП по сравнению с темпами роста численности населения. Причем опережение от эпохи к эпохе идет, как правило, все более быстрыми темпами. Об этом можно судить по данным А. Мэддисона о соотношении темпов прироста ВВП и населения за длительный исторический период — две тысячи лет (табл. 7.1).

За последние 500 лет численность жителей планеты возросла в 14 раз, мировой ВВП — в 149,8 раза, а на душу населения — в 10,7 раза. Главным фактором, обусловившим такое опережение, был технологический прогресс, создание и использование новых поколений техники и технологий, периодически прокатывавшиеся по миру волны инноваций. Вершина этого прогресса была достигнута в 1950–1973 гг., когда среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения достигли 2,92% — в 58,4 раза больше, чем в 1500–1820 гг., и в 5,4 раза больше, чем в 1820–1870 гг. — в период промышленной революции [264. — Р. 256–263]. Технологический прогресс является основой перехода от этапа к этапу в развитии глобальной цивилизации, роста эффективности следующих друг за другом мировых цивилизаций.

2. Динамику технологической базы цивилизаций отличает неравномерность, цикличность; периоды ускоренного роста сменяются фазами застоя, стагнации, а то и технологических кризисов, когда сходит на нет потенциал преобладающих технологических способов производства и технологических укладов. Нулевые темпы прироста среднедушевого ВВП по миру в I тыс. н. э. были обусловлены прежде всего тем, что в середине тысячелетия происходила болезненная смена мировых цивилизаций и исторических (тысячелетних) суперциклов, сопровождавшаяся разрушением значительной части производительных сил. Особенно болезненным этот процесс оказался для Западной Европы: в 1000 г. объем ВВП был на 8,5% ниже, чем в начале тысячелетия; в середине тысячелетия падение было более значительным.

В результате перехода к индустриальному технологическому способу производства темпы роста ВВП на душу населения возросли с 0,05% в 1500–1820 гг. до 1,3% в 1870–1930 гг. Снижение их до 0,88% в 1913–1950 гг. было вызвано иными причинами: в этот период прошли две разрушительные мировые войны, а технический прогресс был направлен прежде всего на создание средств уничтожения человека человеком.

Таблица 7.1.

Соотношение темпов прироста населения и ВВП за два тысячелетия, %*

Страны		1—1000	1000—1500	1500—1820	1820—1870	1870—1913	1913—1950	1950—1973	1973—2001
Мир	а ¹	0,01	0,10	0,27	0,40	0,80	0,93	1,93	1,62
	б ²	0,01	0,15	0,32	0,93	2,11	1,82	4,90	3,03
	в ³	0,00	0,05	0,05	0,54	1,30	0,88	2,92	1,41
Западная Европа	а	0,00	0,16	0,26	0,69	0,77	0,42	0,71	0,32
	б	-0,01	0,29	0,40	1,658	2,11	1,19	4,79	2,31
	в	-0,01	0,13	0,14	0,98	1,30	0,76	4,05	1,88
Восточная Европа	а	0,03	0,15	0,31	0,77	0,92	0,26	1,01	0,12
	б	0,03	0,19	0,41	1,41	2,3	0,86	4,86	1,01
	в	0,00	0,04	0,10	0,63	1,39	0,60	3,81	0,60
Бывший СССР	а	0,06	0,17	0,37	0,97	1,33	0,38	1,44	0,54
	б	0,06	0,22	0,47	1,61	2,40	2,15	4,84	-0,42
	в	0,00	0,04	0,10	0,63	1,06	1,76	3,35	-0,96
США	а	0,06	0,09	0,50	2,83	23,08	1,23	1,45	1,04
	б	-	-	0,86	4,20	3,94	2,84	3,93	2,94
	в	-	-	0,36	1,34	1,82	1,61	2,45	1,86
Латинская Америка	а	0,07	0,09	0,07	1,25	1,63	1,96	2,73	1,96
	б	0,07	0,09	0,23	1,22	3,48	3,42	5,38	2,89
	в	0,00	0,01	0,16	1,82	1,82	1,43	2,58	0,93
Япония	а	0,09	0,14	0,22	0,21	0,95	1,32	1,14	0,65
	б	0,10	0,18	0,31	0,41	2,44	2,22	9,29	2,71
	в	0,01	0,03	0,09	0,19	1,48	0,88	8,06	2,14
Китай	а	0,00	0,11	0,41	-0,12	0,47	0,61	2,60	1,33
	б	0,00	0,17	0,41	-0,37	0,36	-0,02	5,02	6,72
	в	0,00	0,06	0,00	-0,25	0,10	-0,62	2,86	5,32
Индия	а	0,00	0,06	0,15	0,59	1,01	2,06	2,40	2,15
	б	0,00	0,12	0,19	0,38	0,97	0,23	3,54	5,12
	в	0,00	0,04	-0,01	0,00	0,54	-0,22	1,40	3,03
Африка	а	0,07	0,07	0,15	0,40	0,75	1,64	2,37	2,69
	б	0,07	0,07	0,15	0,75	1,32	2,57	4,43	2,89
	в	0,00	-0,01	0,00	0,35	0,57	0,92	2,00	0,19

*[264. — Р. 257, 260, 263].

¹а — среднегодовой темп прироста численности населения;

²б — среднегодовой темп прироста ВВП;

³в — темп прироста ВВП на душу населения.

В 1950–1973 гг. были достигнуты рекордные за всю историю человечества темпы прироста среднедушевого ВВП — 2,92% (в том числе в Японии — 8,06%, Западной Европе — 4,05%, Восточной Европе — 3,8%, СССР — 3,35%). Это объяснялось успехами научно-технической революции. Однако в последней четверти XX в. темпы прироста мирового ВВП снизились в 2,1 раза — до 1,41%, что свидетельствовало о закате индустриального техно-

логического способа производства. На территории бывшего СССР наблюдались отрицательные (–0,96%), а в Восточной Европе и Африке – низкие (0,60% и 0,19%) темпы роста ВВП на душу населения.

3. Технологический прогресс развивается неравномерно по локальным цивилизациям; то одна, то другая из них становится технологическим лидером, а в жизненном цикле каждой цивилизации фазы инновационно-технологического прорыва сменяются длительными периодами умеренных темпов роста, застоя, а то и технологической деградации. В I тыс. н. э., как видно из *табл. 7.1*, во всех цивилизациях наблюдались нулевые темпы роста ВВП на душу населения, а в Западной Европе даже отрицательные (–0,01%). В 1000–1500 гг. лидерство перешло к западноевропейской цивилизации, где темпы прироста составили 0,13% — в 2,6 раза выше среднемировых; опережающими темпами развивался и Китай (0,06%). Восточная Европа, бывший СССР и Индия несколько отставали от мирового темпа прогресса, у Южной Америки он был минимальным (0,01%), а в Африке даже отрицательным (–0,01%).

На следующем этапе, в период раннеиндустриальной мировой цивилизации и начала промышленной революции (1500–1820 гг.), лидировали по темпам прироста ВВП на душу населения США (0,36%), Латинская Америка (0,16%) и Западная Европа (0,14%) против 0,05% среднемировых. Восточная Европа и бывший СССР по темпам прироста (0,1%) вдвое превышали среднемировой уровень; недалеко от них находилась Япония (0,09%). В то же время крупнейшие цивилизации Востока переживали застой: у Китая — нулевой рост, у Индии — отрицательный (–0,01%).

Эти тенденции закрепились в 1820–1870 гг., в период подъема индустриальной мировой цивилизации. Лидерами являлись Латинская Америка (1,82%), США (1,34%), Западная Европа (0,98%). Выше среднемировых были темпы прироста в Восточной Европе и прежнем СССР (0,63%). Технологический кризис наблюдался в Китае (–0,25%), застой в Индии (нулевые показатели).

В период зрелости индустриальной мировой цивилизации (1870–1913 гг.) лидерство по темпам роста ВВП на душу населения закрепилось за США и Латинской Америкой (1,82%), вслед за ними шли Япония (1,48%), Восточная Европа (1,39%), Западная Европа (1,3%) — при среднем по миру приросте в 1,30%. Несколько отставала от среднемирового уровня Россия (1,06%). Началось оживление в Индии (0,54%), Африке (0,57%) и в меньшей мере в Китае (0,1%).

В первой половине XX в. (1913–1950 гг.) практически во всех цивилизациях (кроме Африки) наблюдалось падение темпов экономического и технологического прогресса, что во многом обусловлено двумя мировыми войнами и мировым кризисом. «Передовиками» оставались США (1,61% прироста среднедушевого ВВП) и Латинская Америка (1,43%) — цивилизации Нового Света, в меньшей степени вовлеченные в мировые войны. Лидерство же принадлежало СССР (1,76%), несмотря на тяжелые потери во время войн. В Западной Европе темпы прироста были ниже среднемировых (0,76%), еще меньше — в Восточной Европе (0,6%). Были отброшены назад, деградировали Китай (–0,62%) и Индия (–0,22%); в этих странах ВВП на душу населения сократился на 20,5% и 9,2% соответственно.

В послевоенный период, когда осваивался и распространялся четвертый технологический уклад, развевалась научно-техническая революция, рекордных темпов прироста среднедушевого ВВП достигла Япония (8,06% — так называемое японское чудо); за ней следовали Западная Европа (4,05%), Восточная Европа (3,81%) и СССР (3,35%). В Латинской Америке и США темпы прироста оказались несколько более низкими (2,58% и 2,45%). Сравнительно высокими были темпы в Китае (2,86%), Африке (2%) и Индии (1,40%). Это был период надежд на всемогущество прогресса науки и техники, светлое будущее всего человечества, хотя и омраченных перипетиями холодной войны и возможностью самоуничтожения человечества в ядерной войне.

Очередной перелом произошел в последней четверти XX в. В результате распада СССР и нелиберальных рыночных реформ бывшие союзные республики выбыли из гонки за лидерами и технологически деградировали: темп падения среднедушевого ВВП составил 0,96%. Ведущие позиции сохранялись за Японией (но уже с более скромным показателем — 2,14%), Западной Европой (1,88%), США (1,86%). Место абсолютного лидера по темпам прироста занял Китай (5,32%), вслед за ним шла Индия (3,03%). Резко снизились темпы прироста в Африке (0,19%), Восточной Европе (0,6%), Латинской Америке (0,93%). Идет очередная смена лидеров, связанная с переходом к постиндустриальному технологическому способу производства.

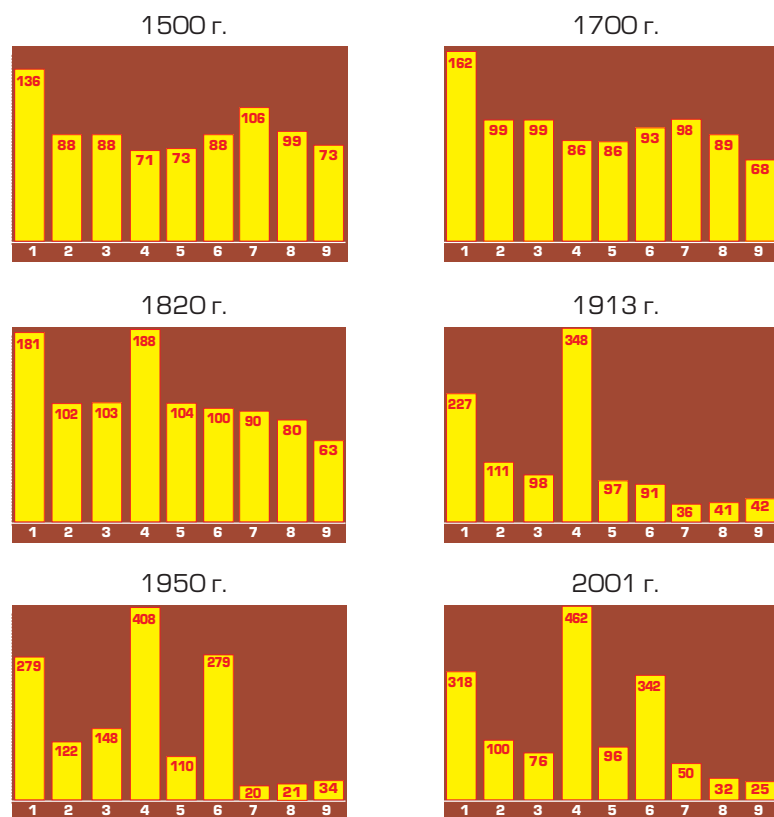
4. Наблюдается общая тенденция возрастания технологического и экономического разрыва между локальными цивилизациями (*табл. 7.2* и *рис. 7.2*). Если в I тыс. н. э. этот разрыв не

превышал 1,12 раза, то к 1500 г. он увеличился до 1,93 (Западная Европа и США), а к 1700 г. — до 2,37 раза (Западная Европа и Африка). В индустриальном же обществе он стал стремительно нарастать, достигнув к 1913 г. 9,6 раза (США и Китай).

Максимум разрыва был достигнут к 1950 г. — 21,78 раза (США и Китай), а к концу XX в. несколько снизился — до 18,77 раза (США и Африка). Во второй половине века резко улучшили свои

Рисунок 7.2.

Динамика технологического разрыва между цивилизациями

Уровень ВВП на душу населения в ценах 1990 г., в % к миру:
 1 — Западная Европа; 2 — Восточная Европа; 3 — бывший СССР;
 4 — США; 5 — Латинская Америка; 6 — Япония; 7 — Китай;
 8 — Индия; 9 — Африка

Таблица 7.2.

Технологический и экономический разрыв между цивилизациями*

Страны		1	1000	1500	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Мир	а ¹	445	436	566	615	667	875	1525	2111	4095	6049
Западная Европа	а	450	400	771	998	1204	1960	3457	4579	11 416	19 256
	б ²	101	92	136	162	181	224	227	217	279	318
Восточная Европа	а	400	400	496	606	683	937	1695	2111	4988	6027
	б	90	92	88	99	102	107	111	100	122	100
Бывший СССР	а	400	400	499	610	688	943	1488	2841	6059	4626
	б	90	92	88	99	103	108	98	135	148	76
США	а	-	-	400	527	1257	2445	5301	9561	16 689	27 946
	б	-	-	71	86	188	279	348	453	408	462
Латинская Америка	а	400	400	416	527	692	681	1481	2506	4504	5811
	б	90	42	73	86	104	78	97	119	110	96
Япония	а	400	425	500	570	669	737	1387	1921	11 343	20 683
	б	90	97	88	93	100	84	91	91	279	342
Китай	а	450	450	600	600	600	530	552	439	839	3583
	б	101	103	106	98	90	61	36	21	20	59
Индия	а	450	450	550	550	533	533	623	619	853	1957
	б	101	103	99	89	80	61	41	29	21	32
Африка	а	430	425	414	421	420	500	637	894	1410	1489
	б	97	97	73	68	63	57	42	42	34	25
Разрыв между верхним и нижним уровнем, раз		1,12	1,12	1,93	2,37	2,99	4,89	9,60	21,78	19,89	18,77

*[264 — Р. 262].

¹а — ВВП на душу населения в ценах 1990 г.;

²б — % к миру.

позиции Японии (с 91% к среднемировому уровню в 1950 г. до 342% в 2001 г.), а затем Китай (с 20,5% в 1973 г. до 59% в 2001 г.). Бывший СССР, который в XX в. улучшил свои позиции (с 98% к мировому уровню в 1913 г. до 148% в 1973 г.), в конце века сделал беспрецедентный шаг назад — до 76% в 2001 г. Столь значительной технологической и экономической деградации в результате распада локальной цивилизации не наблюдалось, пожалуй, со времен гибели Западной Римской империи (если не считать недолгого периода распада Российской империи, Гражданской войны и иностранной интервенции). Но ведь в конце века не было войны и интервенции — технологической и экономический кризис оказался «рукотворным».

5. Закономерности технологической генетики — наследственности, изменчивости и отбора — являются важнейшими факторами в динамике техносферы. Закономерности техногенетики (являющейся частью более общей научной дисциплины — социогенетики, или социально-экономической генетики, о необходимости исследования которой писал **Н. Д. Кондратьев**) пока еще слабо изучены. Стоит, пожалуй, отметить монографию **Б. И. Кудрина** [96], в которой раскрываются понятия техноэволюции, техногенеза, интеллектуального и информационного отбора. Автор называет техноэволюцией науку об общих законах развития техники и технологии и принципах создания изделий и их сообществ. Он отстаивает гипотезу, что техноэволюция на качественно ином уровне повторяет черты эволюции биологической; направляющим же техноэволюцию фактором является информационный отбор, действие которого векторизировано [там же. — С. 149].

Закономерности техноэволюции рассматриваются и в работах **А. И. Анчишкина** [6] и **С. Ю. Глазьева** [43], однако эти исследователи не выделяют понятия техногенетики.

Изложим *наше понимание техногенетики*, ее основных закономерностей в процессах наследственности, изменчивости и отбора.

Закономерность наследственности в техноэволюции означает, что уровень технологического развития, достижения науки и технологий сохраняются при переходе от цивилизации к цивилизации, передаются следующим поколениям, образуя необходимый составной элемент социального генотипа, хотя и модифицируются, видоизменяются, обогащаются на каждом следующем этапе. Умение пользоваться огнем сохраняется сотни тысяч лет; изобретенное тысячелетия назад колесо до сих пор верно служит человеку в многократно усложнившихся транспортных системах. Появившийся всего лишь полвека назад компьютер в той или иной своей разновидности навсегда останется в техногенотипе глобальной цивилизации. Тем самым последний сохраняется и обогащается.

Не меньшее значение имеет *закономерность наследственной изменчивости*, реализующаяся через технологические инновации. Каждая историческая эпоха, каждый новый технологический способ производства или уклад, каждое поколение техники (технологии) рождаются в кластере эпохальных или на волне базисных инноваций. Они в свою очередь выражают новый уровень развития науки и изобретательской деятельности человечества и отвечают его возросшим технологическим потребностям, пополняют, обога-

щают технологический генотип. Необходимость в таких инновациях, социальный заказ на них возникает в периоды технологических и экономических кризисов. В этот же период отмирают или уходят в тень устаревшие техносистемы, изменяются лидирующие в технологическом прогрессе локальные цивилизации.

В процессе выхода из кризиса резко активизируется *искусственный отбор* наиболее эффективных из множества возможных нововведений. Большинство же новых идей и изобретений отбрасываются как неэффективные или преждевременные. Структура отбираемых для инновационного освоения научно-технических достижений (открытий и изобретений) меняется по фазам технологических циклов. На стадии становления нового технологического способа производства, технологического уклада и поколения техники резко возрастает спрос на базисные инновации, формирующие принципиально новую технику и технологию. Затем на первый план выходят улучшающие инновации, необходимые для создания новых моделей техники и модификаций технологий. На завершающей фазе каждого цикла спрос на инновации резко сокращается, получают распространение псевдоинновации — частичные улучшения устаревших в своей основе поколений техники, бесполезные или даже наносящие вред. Активность инновационного отбора в разных локальных цивилизациях неодинакова.

Основным инструментом технологического отбора в рыночной экономике выступает конкуренция, механизм формирования инновационной сверхприбыли — *инновационной квазиренты*. Предприниматели, первыми освоившие эффективную инновацию, на какое-то время (пока она не станет общепринятой, определяющей общественно-нормальный уровень цены и качества товара или услуги) получают сверхприбыль — *технологическую квазиренту*. Тот, кто отстает в технологическом соревновании, терпит убытки и покидает поле экономической деятельности. В результате общий уровень затрат и цен на сравнимый объем продукции (без учета инфляции) от эпохи к эпохе снижается, а качество товаров и услуг повышается, их ассортимент расширяется. Особенно быстрыми темпами этот процесс идет в переходные периоды, при смене поколений техники и технологических укладов. В результате обогащается технологический генотип общества. Авангардные цивилизации и страны концентрируют у себя основную массу инновационной квазиренты.

Однако такой процесс проходит не одновременно в разных цивилизациях и странах, периодически происходит смена техноло-

гических лидеров, по которым определяется уровень технологического развития всего человечества (глобальной цивилизации). Поэтому вряд ли обоснованно утверждение, что отдельные цивилизации (например, западные) являются инновационными по своей природе, а иные, в силу присущего им менталитета, их технологического генотипа — инерционными, консервативными, обреченными на технологическое отставание. В действительности же знамя технологического прорыва периодически передается от одной цивилизации (или группы цивилизаций) к другой. В первом поколении локальных цивилизаций лидировали культуры Египта и Двуречья, во втором — греко-римская, индийская и китайская цивилизации. Затем первенство захватила Западная Европа, прежде всего Италия, а с эпохи промышленной революции — Великобритания, которая с конца XIX в. уступила место США. Китай в последней четверти XX в. вышел на первое место по темпам экономического роста и технологического развития, однако по технологическому уровню он далеко отстает от США, Японии, Западной Европы. Становление постиндустриального технологического способа производства в первой половине XXI в., вероятно, будет сопровождаться сменой технологического лидера, радикальной перестройкой и значительным обогащением технологического генотипа глобальной цивилизации.

Иногда говорят о генотипе системы как о *наследственном инварианте*, то есть о чем-то передающемся от эпохи к эпохе, от поколения к поколению в неизменном виде. Вряд ли такие представления соответствуют истине. На самом деле генотип любой системы, в том числе и технологической, периодически изменяется и обогащается в результате наследственной изменчивости и отбора, адаптируясь к условиям жизни и развития той или иной системы. Это и обеспечивает ее жизнестойкость и прогресс. Современный технологический генотип цивилизации на много порядков сложнее и богаче, чем он был тысячелетия и даже несколько столетий назад.

7.2. Этапы технологической эволюции цивилизаций

Отсчет технологической динамики цивилизаций можно вести с *неолитической революции*. Около 10 тыс. лет назад на основе общественного разделения труда возникли технологические сис-

темы, реализующие процессы земледелия и скотоводства, ремесла и строительства.

Конечно, набор орудий труда в эпоху неолитической мировой цивилизации был незначителен, основными материалами для производства служили камень, дерево, кость, шкуры животных и т. п., источником энергии — мускульная сила человека, а затем и прирученных животных. За основу организации производства принималась элементарная кооперация труда, а уровень концентрации производства не выходил за рамки многочисленной семьи или общины. Да и производительность труда лишь к концу эпохи позволила людям более или менее регулярно получать прибавочный продукт.

Решающее значение неолитической революции в антропогенезе и возникновении цивилизаций отмечал **Н. Н. Моисеев**: «Неолитическая революция послужила началом всех существующих цивилизаций. Так же, как революция в палеолите, которая перевела человечество в новое русло общественного развития, новая перестройка имела "техногенный характер", то есть определялась развитием искусственных орудий... Неолит, то есть эпоха быстрого совершенствования технологии обработки и использования камня, превратила биологический вид *Homo sapiens* в хищников-монополистов: создание нового оружия... поставило человечество вне конкуренции со стороны остальных хищников» [136. — С. 32–33]. Н. Н. Моисеев полагает, что после неолитической революции, собственно, и началась история цивилизаций, в разных регионах планеты возникали разные цивилизационные особенности [там же. — С. 37]. Однако вряд ли можно говорить о том, что наряду с технологическим способом производства неолитической мировой цивилизации в эпоху неолита сформировалась и технологическая база локальных цивилизаций. Археологические раскопки показывают, что набор орудий и предметов труда в разных регионах планеты хотя и отличался в частности (из-за различий в климате, в условиях жизни людей), но все же не настолько, чтобы можно было сделать вывод о формировании в эту эпоху локальных цивилизаций. Это был, скорее, период накопления технологических предпосылок для их возникновения на следующем этапе эволюции глобальной цивилизации.

В то же время именно тогда закладывалась структура *технологической базы цивилизации*. В последующие столетия ее состав менялся, но она всегда включала одни и те же основные элементы:

➔ данные природой предметы труда, которые человек модифицировал ради удовлетворения своих потребностей;

➔ средства (орудия) труда, необходимые для такой трансформации и произведенные из тех же предметов труда;

➔ источники энергии (на первых порах — мускульная сила человека и огонь), которые использовались для преобразования предметов труда (с помощью средств труда) в необходимые человеку предметы потребления и средства производства;

➔ дифференциация предметов и средств труда, источников энергии в зависимости от вида деятельности в системе общественного разделения труда (земледелие, скотоводство, ремесло, строительство);

➔ формы организации и кооперации труда, объединения усилий групп людей (большая семья, род, община, племя) для получения необходимых для воспроизводства предметов и средств труда и конечных продуктов;

➔ дифференциация знаний и навыков, необходимых для воспроизводства конечных продуктов в конкретных природно-климатических условиях, передача накопленных знаний, навыков из поколения в поколение.

Технологический, экологический и экономический способы производства неолитической цивилизации были неразрывно связаны, но пока еще не стали основой для четвертого «этажа» «пирамиды» цивилизации — государственно-политического строя, который возник лишь на следующем этапе развития человечества.

Отсутствие цивилизаций в эпоху неолита отмечают многие историки: «Обработка земли роговыми и каменными орудиями даже на самых мягких почвах была тяжелейшим трудом, дающим хотя и надежное, но скудное пропитание. Прирученные дикие козы и овцы давали еще очень мало шерсти, мало молока; молочные продукты и мясо надо было быстро потреблять, потому что долго хранить их не умели. Лишь в Малой Азии, Сирии и Палестине уже в VIII—VI тыс. до н. э. возникали развитые и богатые поселки, иногда даже окруженные стеной (значит, было что похищать и что защищать), однако это были исключения, и эти древнейшие культуры (Иерихон в Палестине, Чатай-Хююк в Малой Азии) в цивилизации не развились» [74. — Т. 1. — С. 28].

Переход к *раннеклассовой цивилизации* сопровождался крупнейшим для того времени технологическим переворотом — **технологической революцией бронзового века**. Использование металлов — меди, бронзы, золота — многократно расширило возможности производства орудий труда, оружия, предметов потребления. Использование орошаемого земледелия в долинах великих

рек в несколько раз повысило производительность труда и дало толчок к образованию государств.

Изготовление и использование орудий труда и оружия из металлов стало основой технологического переворота того времени: «Изготовление металлических орудий труда и утвари, — подчеркивает **Дж. Бернал**, — было техническим достижением, знаменовавшим новое качественное изменение в области господства человека над окружающей его средой. Металлические орудия гораздо более ценные и прочные, а металлическое оружие во много раз эффективнее каменного в борьбе как против животных, так и против своих врагов — других людей... Техника изготовления металла и использование металлических орудий имели громадное значение для других отраслей техники... Создание первых машин, в частности колесной повозки и водяного колеса, стало возможным благодаря металлу. Даже в земледелии мотыга, которую тянула упряжка быков, или плуг стали полностью эффективны лишь тогда, когда металл заменил камень в деле обработки земли» [16. — С. 69, 70]. Содержанием энергетической революции той эпохи стало дополнение мускульной силы человека силой прирученных животных — буйволов, лошадей, что во много раз увеличило масштабы применяемой в производстве энергии.

Создание *ирригационных систем* стало эпохальной инновацией, технологическим переворотом, послужившим основой для формирования первого поколения локальных цивилизаций на рубеже IV и III тыс. до н. э. в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга. «Там, где организованная речная ирригация оказалась возможной и где почва была образована из плодотворного наносного ила, урожаи стали быстро расти, чему способствовало также введение плужной вспашки, наряду с мотыгой (сначала на ослах, а потом и на волах), и общее усовершенствование техники обработки земли. Эта техника сохранялась потом почти без изменений тысячелетиями. В Египте и Шумере уже к концу IV тыс. до н. э. посевы легко давали, по-видимому, десятикратные, двадцатикратные и большие урожаи. А это значит, что каждый человек стал производить значительно больше, чем нужно для его собственного пропитания. Рост урожаев был исключительно благоприятен и для развития скотоводства, а развитие скотоводства способствует еще большему повышению жизненного уровня людей. Община оказалась способной... освободить часть своих работоспособных людей от сельскохозяйственного труда. Это способствовало быстрому росту специализированного ремесла: гончарного, ткацкого, пле-

тельного, кораблестроительного, камнерезного, медницкого и др. Особое значение имело освоение меди, сначала использовавшейся просто как один из видов камня, но вскоре ставшей применяться дляковки, а затем и литья. Из меди можно было изготавливать множество орудий и оружия, которые нельзя было сделать из камня, дерева или кости и которые к тому же даже в случае поломки могли быть переплавлены и вновь использованы. Отделение ремесла от земледелия было вторым великим разделением труда» [там же. — С. 31].

Следует отметить еще одну крупнейшую технологическую инновацию той эпохи: кооперация больших масс труда для ведения ирригационного хозяйства в долинах великих рек, сооружения дворцов, храмов, пирамид: «Приложение в широких масштабах организованного труда многих работников, действующих по единому плану, — одно из важнейших достижений, которые были подарены человечеству первыми цивилизациями» [там же. — С. 37].

Следовательно, технологический способ производства раннеклассовой цивилизации покоился на пяти величайших инновациях технологической революции той эпохи: освоении металлов и широкой гамме воспроизводимых орудий труда и оружия; дополнении мускульной силы человека энергией прирученных животных; развитии высокопродуктивного ирригационного земледелия в плодородных долинах великих рек; отделении от земледелия и скотоводства разнообразного ремесла — зародыша будущей промышленности; применении планомерной организации больших масс труда (как свободных, так и рабов) при сооружении ирригационных систем, а затем храмов, дворцов и пирамид.

Следующая эпоха — период *античной мировой цивилизации* — не отличалась богатством эпохальных технологических инноваций, но характеризовалась волной базисных инноваций, основой которых стало освоение и использование более дешевого и распространенного металла — *железа*. «Железный век не породил столь же крупных технических достижений, какие ознаменовали начало бронзового века, но его достижения базировались на применении более дешевого и имеющегося в изобилии металла, были широко распространены не только географически, но также и среди общественных классов... Народы железного века, перейдя к оседлости, оказались способными создавать процветающие сельскохозяйственные и ремесленнические общины на некогда бесплодной земле. Результатом было такое уменьшение политического и экономического превосходства ранних природно-долинных

цивилизаций, что они уже не выступали в качестве основных центров культурных достижений человечества, хотя многие из культурных, материальных, духовных достижений были переданы следующим поколениям» [там же. — С. 88, 90].

Производство углеродного железа, которое можно подвергать закалке («предка» литой стали), способствовало распространению локальных цивилизаций второго поколения на север, на просторы евразийского материка, расширению диалога и технологического обмена между цивилизациями, что отмечает **И. М. Дьяконов**: «С начала I тыс. до н. э., с падением хеттов, препятствовать ввозу железа стало некому; создается "железный путь" — от месторождений металла к греческим городам южного Причерноморья и по долине Евфрата на Ближний Восток. Но секрет добычи железа из руд был вскоре раскрыт и в ряде других стран... В IX—VII вв. до н. э. в Европе и на Ближнем Востоке было открыто производство углеродистого железа, которое можно было подвергать закалке, — стали. Только с массовым внедрением производства стали мы можем говорить о наступлении железного века. Стальные инструменты делали возможными более успешную обработку земли, вырубку лесов под пашню, прокладку оросительных каналов в твердом грунте, создание более совершенных оросительных устройств; они революционировали кузнечное, столярное, кораблестроительное ремесло и прежде всего оружейное... Кораблестроение помогло созданию приморских колоний финикийцев и греков, позволило вести регулярную войну на море. Одомашненные кони, прирученные для сопровождения стад и для военных целей сначала только в Восточной Европе и за Уралом, распространились теперь по всем цивилизованным странам, где были введены сначала колесницы, а потом конница» [62. — С. 46, 47].

Технологическая революция железного века сопровождалась радикальными инновациями в организации производства. Росло число государств — центров ремесленного производства, которые обеспечивали разнообразными продуктами своего труда не только окрестные земледельческие и скотоводческие общины, но и другие страны и цивилизации. В городах произошло новое крупное разделение труда — умственного и физического. Появились ориентированные на умственный труд социальные слои — жрецы, писцы, ученые, учителя, музыканты, скульпторы, архитекторы. Формировались магистрали диалога цивилизаций, прежде всего Великий шелковый путь — от Китая до Западной Европы. «На всем протяжении истории Древнего мира Китай оставался

единственной страной, по-настоящему освоившей культуру шелкопряда. Шелк являлся главным товаром ханьского экспорта, в Риме он ценился буквально на вес золота. Парфяне, державшие под контролем ханьско-римскую торговлю шелком, взимали за свое посредничество не менее 25% его продажной цены в качестве пошлины. Ханьский шелк, выступавший как товар товаров и нередко в функции денег, сыграл важную роль в развитии международных культурных контактов между древними народами Европы и Азии» [74. — Т. 1. — С. 480].

В железном веке произошла очередная энергетическая революция — началось использование в качестве источников энергии силы ветра и воды. Парусные лодки и суда сделали возможными дальние морские путешествия, освоение новых колоний в отдаленных районах. Примером могут служить создание финикийских колоний в IX—VII вв. н. э. на Кипре, в Северной Африке (Карфаген), в Сицилии, на побережье Южной Испании. Финикийцы вели активную торговлю медью и серебром, которые они привозили с Кипра и из Испании, железной рудой из Испании, оловом из Британии. Другой пример — великая греческая колонизация VIII—VI вв. до н. э., когда вдоль всего побережья Средиземного, Черного и Азовского морей возникли колонии городов материковой Греции. Так, только Милет основал около 90 колоний. Из них вывозили зерно, рыбу, соль, древесину для строительства, вина, рабов — в обмен на керамику, изделия из металла, ткани, масла.

Технологический способ производства средневековой мировой цивилизации характеризовался в большей степени базисными, чем эпохальными технологическими инновациями. В Европе этот период начался с отката назад (после технически развитых систем Римской империи) под воздействием разрушительных потоков кочевых цивилизаций, волна за волной прокатывавшихся с Востока на Запад. Центр технологического прогресса на время переместился на Восток, в Китай, где были изобретены порох, компас, началось книгопечатание.

Важные изменения происходили в сфере земледелия: мотыжная обработка земли уступила место пашенной, использовался усовершенствованный плуг. Широкое распространение получило трехполье, применялись органические удобрения. Все это способствовало сохранению плодородия земли, гарантировало устойчивые урожаи. «Трехполье способствовало прогрессу индивидуального мелкого хозяйства и повышало производительность земледелия:

при втрое меньших трудовых затратах на 1 га с него могли прокормиться вдвое больше людей. С XIV в. трехполье восторжествовало и на просторах русской долины» [там же. — С. 41]. Прогресс земледельческой техники давал больше прибавочного продукта, что служило источником развития городов. В свою очередь это заставило людей строить все более мощные крепости и замки, совершенствовать фортификационные навыки.

Быстро растущий спрос на земледельческую, военную, строительную технику привел к перевороту в горном деле, металлургии, производстве орудий труда. Добыча меди, железной руды, а затем и каменного угля велась шахтным способом (иногда глубина шахт достигала 500 м). Улучшались методы выплавки чугуна, стали, меди, их сплавов, производства дамасской стали. Уже в XI в. мастера знали такие методы, как кузнечная сварка, горячая и художественнаяковка, термическая обработка, инкрустация, литье колоколов. Развитие торговли и дальние военные походы вынуждали прокладывать дороги, возводить мосты через реки, развивать колесный транспорт. Строились многопалубные парусные суда, оснащенные пушками. Использование компаса сделало плавание по морям и океанам более безопасными.

Основой энергетической революции того периода стало массовое применение водяных и ветряных мельниц, конструкция которых постоянно совершенствовалась. Европа, особенно северная ее часть, была просто усеяна ветряками. Вершиной технического прогресса эпохи стали механические часы — от башенных до карманных.

Ф. Бродель считает период XI—XIII вв. первой европейской промышленной революцией. Ее базис составляли: земледельческая революция (трехполье, плуговая вспашка на лошадях); энергетическая революция; революция городская, связанная с демографическим подъемом [23. — С. 563]. Успехи техники того периода позволили **Р. Бекону** еще в 1260 г., задолго до Леонардо да Винчи, «предсказать великое будущее машине: "Может статься, что изготовят машины, благодаря которым самые большие корабли, управляемые одним-единственным человеком, будут двигаться быстрее, чем если бы на них было полно гребцов; что построят повозки, которые будут перемещаться с невероятной быстротой без помощи животных; что создадут летающие машины... Машины позволят проникнуть в глубины морей и рек".» [Цит. по: 23. — С. 195].

Прогрессу в ремеслах способствовало широкое распространение цехов, объединявших семейные ремесленные мастерские. Це-

ховое производство стимулировало специализацию орудий труда, стандартизацию технологий и изготавливаемых изделий, в которых воплощалось искусство мастеров, расширение кооперации труда. Однако жесткая регламентация и технологическая консервативность привели к тому, что к XV в. цеховое производство уже тормозило прогресс, а потому уступило первенство мануфактурам, преимуществом которых было использование внутрипроизводственного разделения труда.

В первые полтора тысячелетия нашей эры разрыв в уровне технологического и экономического развития между различными цивилизациями был еще незначительным. Обмен между ними — не только товарный, но и технологический — развивался по многочисленным торговым магистральям как с востока на запад, так и с севера на юг (Великий шелковый путь, Великий волжский путь, пути «из варяг в греки» и «из варяг в персы» и т. п.).

Технологический способ производства раннеиндустриальной мировой цивилизации достиг своей вершины в XVI в. и основывался на достижениях общетехнической (мануфактурной) революции.

Великие географические открытия, развитие международной торговли дали толчок к стремительному развитию судостроения, что способствовало революционным изменениям в смежных отраслях. Освоение доменного процесса и применение в качестве топлива каменного угля обеспечили массовое производство дешевого металла. Приток новых источников сырья из заморских колоний, освоение более эффективных технологических процессов его обработки обусловили бурное развитие шерстяных, хлопчатобумажных, стекольных, фарфоровых и других мануфактур. Быстрыми темпами развивалось книгопечатание. Книга становится одним из инструментов ускорения технического прогресса, расширяет возможности применения на практике новых научных знаний.

На новой технической базе строится мануфактурное производство огнестрельного оружия, особенно пушек, ружей и пистолетов. Создаются оружейные дворы, арсеналы. Формируется военноморской флот, оснащенный мощной артиллерией. Основной формой организации производства становится *мануфактура*, основанная на разделении труда и специализированных орудиях производства. Она преобладала в Европе с середины XVI до конца XVII в. и стала причиной скачкообразного роста производительности труда, быстрого накопления капитала, открыла простор для инновационного преобразования производства.

Лидером технологического переворота раннеиндустриального общества явилась западноевропейская цивилизация, хотя количественно в промышленном производстве преобладали китайская и индийская. Доля Западной Европы в мировом ВВП выросла [(с 17,8% в 1500 г. до 21,9% в 1700 г. (в том числе Великобритании с 1,1% до 2,9%)); доля Китая снизилась (с 24,9% до 22,3%), а доля Индии осталась неизменной (24,4%)]. Рост наблюдался в Восточной Европе (с 2,7% до 3,1%), странах бывшего СССР (с 3,4% до 4,4%), Японии (с 3,1% до 4,1%). В результате разрушительного колониального завоевания, столкновения западноевропейской и американских цивилизаций за два столетия сократились доли в мировом ВВП как США (с 0,3% до 0,1%), так и Латинской Америки (с 2,9% до 1,7%).

Одновременно значительно возрос разрыв в уровне среднедушевого ВВП в локальных цивилизациях (табл. 7.3).

За два столетия Великобритания вырвалась вперед, стала мировым лидером по уровню ВВП на душу населения, на 25% превысив западноевропейский уровень и вдвое — среднемировой.

Таблица 7.3.

Соотношение среднедушевого ВВП по цивилизациям и ведущим странам*1

Цивилизации и страны	1500	1700	1820	1913	1950	1973	2001
Западная Европа в т. ч. Великобритания	100	100	100	100	100	100	100
Восточная Европа	64	61	57	49	46	44	31
бывший СССР	64	63	37	43	79	53	24
Япония	65	57	56	40	42	100	107
Китай	78	60	50	16	10	7	19
Индия	71	55	44	20	14	7	10
США	52	53	104	153	209	146	145
Латинская Америка	54	53	57	43	55	39	30
Африка	54	43	35	18	20	12	8
Мир в целом	73	62	55	46	46	36	31

*[264. — Р. 262].

¹В ценах 1900 г.; Западная Европа — 100%.

Отставание Китая, Индии, Японии и Африки, бывшего СССР, США и Латинской Америки от Западной Европы осталось на прежнем уровне. Можно сделать вывод, что в раннеиндустриальную эпоху по сравнению с предыдущими возросла неравномерность технологической и экономической динамики цивилизаций.

Ф. Бродель констатирует, что к середине XVII в. Англия была ведущей промышленной страной Европы; позаимствовав у других стран великие инновации того времени (доменные печи, оборудование для подземных горных работ, вентиляционные системы, насосы для водоотлива, подъемные машины, стекловую промышленность, изготовление шерстяных и шелковых тканей и т. п.) и дополнив их использованием каменного угля, который стал главной характеристикой английской экономики, Британия придала этим инновациям невиданный до того размах [23. — С. 569—570]. «В техническом отношении посредством увеличения своих предприятий, посредством нарастающего потребления каменного угля Англия внедряла инновации в промышленной сфере. Но тем, что толкало промышленность вперед и, вероятно, порождало инновацию, был сильный рост внутреннего рынка» [там же. — С. 571]. Аналогичные процессы наблюдались в других странах Западной Европы, определяя лидирующую роль западноевропейской цивилизации в технологическом перевороте того времени.

Англия стала центром зарождения и распространения *промышленной революции* последней трети XVIII — начала XIX в., которая преобразила технологическую базу общества и стала основой для многократного ускорения темпов экономического роста. Так, если в 1500—1820 гг. в целом по миру среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения составлял 0,05%, то уже в 1820—1870 гг. он увеличился в 11 раз — до 0,54%, в 1870—1913 гг. — до 1,3%, а в 1913—1973 гг. достиг рекордного уровня за всю экономическую историю — 1,92%. Это в 38,4 раза больше, чем в доиндустриальную эпоху! Еще более высокие показатели роста ВВП были у западноевропейской цивилизации (от 0,14% в 1500—1820 гг. до 4,05% в 1913—1973 гг.) и Японии (от 0,09% до 8,06%).

Столь впечатляющие достижения стали результатом периодически повторяющихся технологических переворотов, когда сама экономика в авангардных странах приобрела инновационный характер, одна за другой шли волны базисных и улучшающих инноваций, нарастающими темпами сменяли друг друга поколения техники (примерно раз в десятилетие) и технологические уклады (раз в полвека).

Индустриальная мировая цивилизация с присущим ей технологическим способом производства ведет отсчет с *промышленной революции*, которая развернулась в 60-х годах XVIII в. в Англии. Сначала технический переворот произошел в текстильной промышленности в результате изобретения прядильной машины, мюль-машины, механического ткацкого станка. Это дало возможность резко повысить производительность труда, снизить стоимость пряжи и тканей. С 1785 по 1850 г. производство тканей в Англии выросло в 50,6 раза, а цена на них снизилась в 5,5 раза; ткани составляли половину британского экспорта. Ремесленники не могли конкурировать с индустриальным производством и тысячами разорялись. Умерли от голода тысячи индийских ткачей, не выдержавших конкуренции с машинным производством.

Широкое использование текстильных машин потребовало нового, сравнительно дешевого источника энергии — машины-двигателя. В 1784 г. механик Джеймс Уатт изобрел паровую машину с маховиком — автоматическим регулятором, которая могла с постоянной скоростью приводить в действие текстильные машины. Почва для подобной инновации была подготовлена, и она распространялась по миру с фантастической скоростью.

Создание машин открыло простор для освоения новых методов производства чугуна и стали (с применением кокса), расширения добычи каменного угля, изобретения паровоза и парохода. Возникло и стало стремительно развиваться машиностроение, индустриальная технология обрела свою собственную базу, что сделало технологическую структуру индустрии более однородной и способствовало ее стремительному росту. В Англии возникли десятки машинных фабрик как адекватная форма применения машин, пришедшая на смену мануфактуре.

Таким образом, Англия стала центром технической революции, которая в корне преобразила технологическую базу всех сфер экономики, а затем стремительно распространилась в Западной Европе и Северной Америке. Это увеличило технологический разрыв между странами-лидерами и большинством государств Азии, Латинской Америки, Африки, где преобладали доиндустриальные технологические способы производства. Если в 1700 г. разница в производстве ВВП на душу населения между Великобританией и Африкой составляла 2,9 раза, то к 1820 г. она выросла до 4,7 раза, а к 1913 г. — до 7,9 раза.

Следующий технологический переворот индустриальной эпохи развернулся в середине XIX в., он явился логическим продол-

жением промышленной революции. Его ядром стало тяжелое машиностроение. Высокими темпами развивалось производство паровозов и пароходов, строительство железных дорог и судоходных каналов. Был открыт электромагнетизм, изобретены телеграф, динамомашинка. Бурно развивалась химическая промышленность.

Однако на этот период не приходится столько революционных инноваций, сколько было в конце XVIII в.; скорее, это была новая стадия их освоения и распространения на базе второго технологического уклада индустриального технологического способа производства. Во многих странах еще преобладали прежние, архаичные способы производства.

Гораздо более крупной по масштабам и глубине была **техническая революция конца XIX — начала XX в.**, на базе которой в авангардных странах возобладали третий технологический уклад. Ее сердцевиной стала энергетика: основными источниками энергии были теперь не пар и каменный уголь, а электричество и продукты переработки нефти. Люди освоили эффективные способы производства и передачи электроэнергии на дальние расстояния, началось бурное развитие электротехники. В результате активной добычи и переработки нефти, массового применения нефтепродуктов в двигателях внутреннего сгорания значительно снизилась стоимость перевозки грузов и пассажиров, возникли новые виды транспорта (автомобильный, авиационный). Электрификация производственных процессов и быта открывала новые возможности для улучшения условий труда и жизни миллионов людей.

Автомобиль и самолет революционизировали транспортные системы, дали толчок к преобразованию ряда смежных отраслей — металлургии, машиностроения, химии. Потребовалось увеличить объемы выпуска разнообразных видов качественных сталей и проката, цветных металлов. Это подстегнуло развитие таких отраслей, как разведка, добыча, обогащение и переработка минерального сырья.

Прогресс химической промышленности позволил организовать массовое производство красителей, катализаторов, лекарств, минеральных удобрений. Применение последних в сельском хозяйстве наряду с эффективными агротехническими приемами и современными сельхозмашинами стало основой технологического переворота в земледелии, позволило повысить урожайность основных сельскохозяйственных культур и продуктивность скота.

Достижения науки и техники послужили базой и для очередной военно-технической революции. Появление военной авиации и тан-

ков, создание мощного военно-морского флота, новых видов взрывчатых веществ, отравляющих газов, использование средств радиосвязи — все это способствовало усилению гонки вооружений, стало причиной огромных людских потерь во время Первой мировой войны.

Каковы основные итоги **технических революций эпохи становления и зрелости индустриальной цивилизации?**

Во-первых, *резко возросла роль науки* в преобразовании технологической базы производства. Новые, бурно развивавшиеся отрасли (электротехника, моторостроение, авиация, нефтепереработка, производство минеральных удобрений и т. п.) непосредственно формировались на базе научных открытий и крупных изобретений. Производство все более становилось технологическим применением науки. В свою очередь технический прогресс открывал дополнительные возможности для познания.

Во-вторых, *технические революции индустриальной эпохи развертывались на базе машинного производства*, все более расширяя ассортимент товаров и услуг, увеличивая глубину преобразования различных областей их применения. Система машин позволила преодолеть узкие рамки ручного труда, стремительно повысить его производительность.

В-третьих, *на службу человеку были поставлены новые естественные производительные силы*. Источниками энергии стали каменный уголь и сила пара, затем нефтепродукты и электроэнергия. Расширился набор продуктов, изготавливаемых из минерального и лесного сырья, масштабы вовлечения его в производство. Новые горизонты открылись перед добывающей промышленностью и земледелием.

В-четвертых, *радикальные перемены произошли в формах организации общественного труда и капитала*. Место ремесленных мастерских и мануфактур заняли гиганты индустрии. Огромные масштабы производимых технических преобразований потребовали создания акционерных обществ, а в конце XIX в. — монополий, прежде всего в отраслях, представлявших новые технологические уклады.

В-пятых, технологический прогресс и машинное производство потребовали *качественных изменений в составе и уровне квалификации рабочей силы*. Резко возросло число ученых, инженеров, техников, непосредственно включенных в процессы разработки, производства и использования сложной техники, в инновационное обновление экономики. Повысились требования к квалификации рабочих.

В-шестых, в результате технологических переворотов *возросла производительность труда, удешевились многие товары*, их ассортимент резко расширился, а качество — улучшилось. Произошло общее (хотя и неравномерное) повышение эффективности воспроизводства, уровня жизни большинства населения в развитых странах.

В-седьмых, *усилилась неравномерность в технологической динамике локальных цивилизаций*, их технологическая (и соответственно — экономическая) поляризация. Если к началу индустриальной эпохи, в середине XVIII в., разрыв в уровне технологического развития и производительности труда основных цивилизаций составлял десятки процентов, то к началу XX в. этот показатель увеличился в пять раз (см. табл. 7.3). Плоды технологических переворотов индустриальной эпохи присвоила западная цивилизация: используя свое превосходство, она нещадно эксплуатировала отстающие цивилизации, в огромных масштабах накапливала технологическую квазирену.

Все это означало качественно новый этап в развитии технологической базы глобальной цивилизации. Но происходило это на фоне многократного увеличения нагрузки на природную среду, растущих экологических дисбалансов.

7.3. Инновационные волны XX века

Для *технологических переворотов XX в.* характерно тесное переплетение двух главных движущих сил инновационного обновления материально-технической базы цивилизации — научного интеллекта и его материализации в новых поколениях техники. Это дает основание говорить о *научно-техническом прогрессе* и его воплощении в периодических волнах инновационных преобразований. Сколько-нибудь существенное развитие техники теперь практически невозможно без новых научных идей и их технологической проработки. Но и научный прогресс нереален без новейших приборов, средств обработки полученной информации. Берет верх тенденция взаимного проникновения, сращивания науки и производства. В то же время все более четко проявляются закономерности циклической динамики науки и техники, смены поколений машин, технологических укладов. В состав единого научно-

технического цикла — среднесрочного и долгосрочного — органически вошла фаза рождения и технологической отработки новой научной идеи (научного открытия, крупного изобретения), лежащей в основе базисного нововведения или очередного поколения техники.

Тенденция превращения науки в непосредственную производительную силу, органического сращивания ее с технологическими инновациями породила в XX в. новую форму технологических переворотов — *научно-технологические революции (НТР)*.

Первая НТР развернулась в развитых странах мира в 40–50-х годах XX в., хотя ее исходная научная база была создана несколькими десятилетиями раньше в результате ряда крупных научных открытий и изобретений. Она определила содержание четвертого технологического уклада, время преобладания которого в странах-лидерах выпало на 50–70-е годы XX в. Ее истоком были крупнейшие достижения в области физики (открытие структуры и деления атомного ядра, квантовая теория), химии, биологии, технических наук. Первая НТР базировалась на трех научно-технических направлениях: освоении энергии атома; квантовой электронике, создании лазерной техники, электронных преобразователей энергии; кибернетике и вычислительной технике, создании ЭВМ.

Однако все это — лишь вершина айсберга научно-технического переворота. Для его реализации потребовались коренные преобразования всей прежней жизни общества. Были созданы ЭВМ, станки с ЧПУ и обрабатывающие центры, автоматические линии и автоматизированные системы управления производством и предприятиями, атомная энергетика.

Бурное развитие получили искусственные материалы — синтетические смолы, пластмассы, химические волокна. Освоение реактивных двигателей вызвало переворот в авиации. Изобретены технологии непрерывной разливки стали. Высшим научно-техническим достижением XX в. стало освоение человеком космического пространства в результате синтеза ряда научно-технических направлений: математики и космонавтики, теории управления и ЭВМ, металлургии и приборостроения, ракетной и оптической техники. Технический прогресс стал широко проникать в быт, менять условия жизни десятков миллионов семей.

Создание атомного и термоядерного оружия, средств его доставки в любую точку планеты, втайне проводимые эксперименты с химическим и бактериологическим оружием, производство новых поколений самолетов, вертолетов, танков, артиллерии,

автоматического стрелкового оружия, военных кораблей, атомных подводных лодок — все эти достижения военно-технической революции середины XX в. поставили человечество на грань самоуничтожения.

Распространение на базе первой НТР четвертого технологического уклада привело к рекордным за всю историю цивилизаций темпам экономического роста. В целом по миру среднегодовые темпы прироста ВВП составили в 1950—1973 гг. 4,9%, по Западной Европе — 4,79%, США — 3,93%, Японии — 9,29%, — Восточной Европе — 4,86%, СССР — 4,84%, Китаю — 5,02%, Индии — 3,5%, Латинской Америке — 5,38%, Африке — 4,43% [264. — Р. 260]. НТР послужила локомотивом беспрецедентного экономического роста. У человечества возникло ощущение, что уже в самом скором времени глобальную цивилизацию ожидает процветание. Однако «воздушные технологические замки» были разрушены неумолимым ритмом смены технологических и экономических укладов.

Головокружительные успехи первой НТР имели и теневые стороны. Никогда ранее природные (прежде всего минеральные) ресурсы не вовлекались столь активно в производство. Теперь же их месторождения стремительно оскудевали, а степень загрязнения окружающей среды, напротив, возрастала в геометрической прогрессии, так что многим горнодобывающим и металлургическим регионам уже угрожала экологическая катастрофа.

Все это послужило причиной серии кризисов, разразившихся в мире в 70-х годах: технологического, энергетического, экологического, экономического, социального. Материальной основой их преодоления стала **вторая НТР**, которая стартовала в последней четверти XX в. и ознаменовала собой становление пятого технологического уклада.

Его ядром стала триада базовых научно-технических направлений: микроэлектроники, биотехнологии, информатики. Они отражают фундаментальные достижения квантовой физики, молекулярной биологии, кибернетики и теории информации. Создание больших и сверхбольших интегральных схем открыло дорогу для развития микропроцессорной техники, поколений персональных компьютеров, мобильной связи, миниатюризации и повышения автономности технических систем во всех отраслях народного хозяйства, ресурсосбережения. Возможность расширить и изменить структуру наследственного вещества методами генной инженерии позволила конструировать штаммы бактерий с полезными для человека свойствами, воздействовать на наследственность,

создавать принципиально новые технологические процессы и вещества. Новейшие информационные технологии, средства сбора, переработки, передачи, использования информации открывают горизонты для познания сложных процессов в природе и обществе и их регулирования, для информатизации производства, управления и быта людей.

Базовые направления второй НТР служат фундаментом качественных преобразований всех сфер производственной техники. Развитие программируемых производств, робототехники, гибких производственных систем, систем автоматизированного проектирования делают возможной комплексную автоматизацию.

Истощение традиционных энергоресурсов и их высокая экологическая опасность вынуждают искать и осваивать нетрадиционные, практически неисчерпаемые источники энергии (солнечную, ветровую, энергию приливов и отливов и т. п.), использовать энергосберегающую микропроцессорную технику. Но подлинная энергетическая революция еще впереди.

Завершается век железа, господствовавшего в качестве основного конструкционного материала в течение почти трех тысячелетий. Приоритет отдается обладающим заданными свойствами материалам — композитам, керамике, пластмассам и синтетическим смолам.

Осваиваются принципиально новые технологии в производстве — геобиотехнология при добыче сырья, малоотходные и безотходные технологии при его переработке, мембранные, плазменные, лазерные, электроимпульсные. Это позволяет с меньшими затратами и в более короткие сроки получать конечный продукт, опуская ряд промежуточных операций и процессов.

Коренные сдвиги происходят в технике связи и сфере транспорта. Волоконно-оптические линии связи, космическая, факсимильная, сотовая связь производят подлинный переворот в этой области. Ряд принципиальных новшеств создается на транспорте (суда на воздушной подушке, экранолеты, поезда на магнитной подвеске, электромобили и т. п.). Однако эти новшества внедряются медленно, транспортная революция запаздывает, что ведет (вместе с ростом цен на топливо) к удорожанию транспортных услуг. Насыщенность крупных городов автомобилями уже превысила все разумные пределы.

Ответом на эти проблемы становится очередная, вторая «зеленая революция». На первый план в ней выдвигается производство (основывающееся на методах биотехнологии) экологически чис-

тых продуктов, сокращение объемов используемых гербицидов и пестицидов, минеральных удобрений, применение микропроцессорной агротехники и интенсивных технологий, обеспечивающих программируемые урожаи.

Если для первой НТР было характерно научное и военное освоение космоса, то для второй — производственное. Время научных подвигов и гонки приоритетов, в которой состязаются стороны не считались с затратами, прошло. Обычным делом стали коммерческие запуски спутников, без которых невозможна современная связь.

Использование персональных компьютеров и информационных технологий позволило автоматизировать тонкие и сложные процессы управления производством, экономикой и социальными процессами, повысить обоснованность принимаемых решений, осуществлять контроль за качеством продукции. Иллюзии о вытеснении человека из сферы управления развеялись, но стало очевидно, что решать стратегические и тактические вопросы без необходимого информационного обеспечения, методом проб и ошибок чрезвычайно неэффективно и даже опасно. Уровень автоматизации управленческого труда, его фондовооруженность вплотную приблизились к аналогичным показателям в сфере материального производства.

Создаются принципиально новые средства медицинской техники и лекарства, получаемые биотехнологическими методами, средства диагностики и лечения. Компьютеризация и информатизация образования помогают интенсифицировать учебный процесс, активизировать внимание обучающихся.

Однако нужно отметить, что эффективность второй НТР и основанного на ней пятого технологического уклада оказалась ниже, чем на предыдущем этапе научно-технического прогресса. Среднегодовые темпы прироста ВВП по миру снизились с 4,90% в 1950—1973 гг. до 3,05% в 1973—2001 гг., в том числе по Западной Европе — с 4,79% до 2,21%, США — с 3,93% до 2,94%, Японии — с 9,29% до 2,71%, Латинской Америке — с 5,38% до 2,89%, Африке — с 4,43% до 2,89%, Восточной Европе — с 4,86% до 1,81%. В бывшем СССР произошло абсолютное падение — с 4,84% в 1950—1973 гг. до 0,42% в 1973—2001 гг. [264. — Р. 260].

На фоне общего ускорения темпов роста производительности труда во всем мире наблюдались две тенденции: неравномерность этого роста по фазам циклов и увеличение технологического разрыва между локальными цивилизациями. Об этом можно судить по данным *табл. 7.4.*

Таблица 7.4.

Динамика производительности труда по цивилизациям и ведущим странам в XX в.*

Регионы		1900	1913	1929	1938	1950	1960	1970	1980	1990	2000	1950	2000
												к 1900, %	к 1950, %
Весь мир	а ¹	3,9	4,7	5,7	5,9	6,9	9,3	12,1	14,4	16,8	18,7	177	271
	б ²	-	1,4	0,4	1,3	1,3	3,7	2,7	1,8	1,6	1,1	1,1	2,1
Западная Европа	а	9,9	11,1	15,2	14,5	14,5	20,9	31,1	38,6	46,7	53,9	146	372
	б	-	-0,9	1,6	0,0	-0,4	3,7	4,0	2,0	1,9	1,3	0,7	2,0
США	а	17,0	21,9	29,0	35,3	35,3	38,2	49,6	59,6	69,5	72,1	208	204
	б	-	2,0	-0,6	1,6	1,6	0,8	2,6	1,9	1,5	0,5	1,4	1,4
Япония	а	3,1	3,9	7,8	6,2	6,2	12,0	27,6	37,8	53,3	54,9	200	885
	б	-	1,8	2,6	-1,9	0,0	6,8	7,9	3,2	3,6	0,2	1,4	4,5
Австралия	а	14,0	17,0	18,2	23,1	23,1	27,0	35,4	43,7	51,4	58,8	165	254
	б	-	1,5		2,0	0,0	1,6	2,7	2,1	1,6	1,4	1,0	3,5
Восточная Европа	а	5,3	5,5	6,1	6,4	12,2	30,8	27,8	31,4	30,6	33,6	230	275
	б	-	0,3	0,6	0,5	5,5	5,5	2,3	1,2	0,2	0,9	1,7	2,0
Бывший СССР	а	4,1	5,2	5,4	6,5	9,9	18,7	24,2	28,9	26,6	14,6	241	147
	б	-	1,8	0,2	2,1	3,6	6,6	2,1	1,8	-1,0	-5,8	1,8	0,8
Россия	а	5,2	5,9	7,1	8,0	10,7	10,8	26,8	29,5	27,9	15,0	206	141
	б	-	1,0	1,2	1,3	2,5	6,9	2,6	1,0	-0,5	-5,8	1,5	0,7
Китай	а	1,0	1,0	1,1	1,1	0,9	1,2	1,1	1,3	3,1	7,0	90	778
	б	-	0,0	0,6	0,0	0,0	-1,7	2,9	-0,9	1,7	9,1	85	-0,2
Индия	а	1,7	1,8	1,8	1,7	1,6	1,8	2,0	2,5	3,4	5,9	94	369
	б	-	0,4	0,0	-0,7	-0,5	1,2	1,0	2,3	3,2	5,7	-0,1	2,6
Таиланд	а	2,0	1,9	2,0	2,0	2,5	3,5	5,6	9,2	17,0	19,4	125	776
	б	-	-0,4	0,3	0,0	1,9	3,7	4,8	5,1	6,3	1,3	0,4	4,2
Индонезия	а	2,3	2,3	3,0	3,4	2,7	2,9	3,5	6,5	9,8	10,0	117	370
	б	-	0,0	1,9	0,9	-1,9	0,7	1,9	6,4	4,2	0,2	0,3	2,7
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	а	1,7	2,0	2,3	3,2	5,0	8,4	13,4	19,5	19,0	20,9	209	418
	б	-	1,3	0,9	4,1	3,5	5,3	4,8	3,8	-0,3	1,0	2,2	2,7
Африка южнее Сахары	а	2,0	2,2	2,3	2,4	3,0	3,5	3,7	4,0	4,3	4,6	150	153
	б	-	0,7	0,3	0,5	1,9	1,6	0,5	0,8	0,7	0,6	0,8	1,0
Разрыв между верхним и нижним уровнем раз	а	17,0	21,9	26,3	32,1	39,2	31,8	45,1	45,8	22,4	15,6	326	578
	б	-											

*[133. — С. 539—541].

¹а — выработка ВВП на одного занятого в ценах и по ППС 2000 г., тыс. долл.;

²б — среднегодовые темпы прироста производительности труда; за предшествующий период.

Какие выводы можно сделать из этой таблицы?

1. Среднегодовые темпы роста производительности труда (на основе научно-технического прогресса) в целом по миру колебались от 0,4% в 1929–1938 гг. (под воздействием крупнейшего за всю историю мирового экономического кризиса и падения эффективности третьего технологического уклада) до 3% в 1951–1960 гг. и 2,7% в 1961–1971 гг. — в период повышательной волны пятого кондратьевского цикла, на основе ускоренного распространения четвертого технологического уклада. Освоение пятого технологического уклада, завершающего индустриальный технологический способ производства, уже не вызвало скачкообразного повышения производительности труда: среднегодовые темпы его прироста в целом по миру составили 1,6% в 80-е годы и 1,1% в 90-е. В целом вторая половина века существенно опередила первую по темпам роста производительности труда (2,1% против 1,1%), хотя к концу века они снизились до уровня 1900–1950-х гг.

2. Плоды научно-технологического прогресса в XX в. были присвоены в основном развитыми, богатыми странами: производительность труда здесь выросла за столетие в 6,3 раза, тогда как в развивающихся странах — в 5,9 раза. Межцивилизационный разрыв по уровню производительности труда вырос с 17 раз в 1900 г. до 45,8 раз в 1980 г. Однако в последние два десятилетия он сократился до 15,9 раза — в основном за счет опережающих темпов роста производительности труда у ранее сильно отстававших, а порой и деградировавших китайской и индийской цивилизаций. Положение замыкающей по этому показателю цивилизации перешло к Африке южнее Сахары, у которой темпы прироста в 1950–2000 гг. не превысили 1%.

3. Если по уровню производительности труда в течение всего столетия первое место занимала североамериканская цивилизация (США), то по темпам роста лидерство менялось: в начале века в авангарде шли США (2% против 1,4% средних по миру, 0,9% — в Западной Европе, 1,8% — в Японии и бывшем СССР); в 1929–1938 гг. вперед вырвались Северная Африка, Ближний и Средний Восток (4,1%), Япония (2,6%), СССР (2,1%) и Западная Европа (1,6%), а в США (–0,6%) и Индии (–0,7%) наблюдалось падение.

В 50-е и 60-е годы безусловным лидером по темпам роста производительности труда (и, следовательно, инновационному развитию) стала Япония — соответственно 6,8% и 7,9% среднегодового прироста. Ускорила темпы роста Западная Европа (3,7% и 4%). У США показатели оказались гораздо более скромными (0,8% и 2,6%).

4. Высокие темпы роста производительности труда на базе освоения четвертого технологического уклада наблюдались в 50-е годы в социалистических странах — СССР (6,6% среднегодовых), странах Восточной Европы (5,5%) и Китае (2,9%). Однако в последующие десятилетия потенциал централизованно-плановой, мобилизационной модели научно-технического прогресса снизился, темпы роста производительности труда резко упали: в СССР — до 2,1% в 60-е и 1,8% в 70-е годы, в Восточной Европе до 2,3% и 1,2% соответственно, а в Китае до –0,9% в 60-е годы и 1,7% в 70-е.

5. Картина в глобальном технологическом пространстве резко изменилась к концу XX в., что было обусловлено мировым технологическим кризисом в связи с переходом от индустриального к постиндустриальному технологическому способу производства. В целом по миру темпы роста производительности труда существенно снизились — до 1,6% в 80-е годы и 1,1% в 90-е. Появились новые лидеры по темпам роста — Китай (соответственно 9,1% и 8,5% среднегодового прироста) и Индия (3,2% и 5,7%). Из числа лидеров выбыла Япония, где темпы прироста производительности труда упали в 90-е годы до 0,2%. Заметно снизились эти показатели в США (0,5%), Западной Европе (1,3%), Австралии (1,4%). Замедлился темп роста производительности труда в буддийской и мусульманской цивилизациях.

Наиболее парадоксальная ситуация сложилась в евразийской цивилизации — на территории бывшего СССР, где в результате неолиберальных рыночных реформ производительность общественного труда упала в 80-е годы на 8% и в 90-е — на 45%, то есть вдвое за два десятилетия. Это был беспрецедентный регресс, результат технологической деградации экономики. Всего за пять лет (1991–1995 гг.), по нашим оценкам, доля пятого технологического уклада в экономике России снизилась втрое, тогда как доля третьего и реликтовых укладов резко выросла. Это привело к падению конкурентоспособности и вытеснению российской продукции как с внешнего, так и с внутреннего рынков.

Те же тенденции свидетельствуют о том, что к концу XX в. созрели предпосылки для очередной научно-технической революции, содержанием которой станет переход в масштабах глобальной цивилизации к постиндустриальному технологическому способу производства и его первому этапу — шестому технологическому укладу.

7.4. Инновационный прорыв в технологическое будущее цивилизаций

Как изменится технологическая база общества в XXI столетии? Конечно, дать на этот вопрос ответ, имеющий высокую степень достоверности, невозможно — слишком много факторов определяет технологическую динамику, да и наши знания о будущих научных открытиях, крупнейших изобретениях и эпохальных инновациях, которые, несомненно, изменят лицо планеты и судьбу человечества, весьма ограничены.

Тем не менее положение не безнадежно. Мы можем опираться на уже известные нам закономерности и тенденции развития науки, техники и технологии, на сложившийся в прошлом ритм смены в динамике цивилизаций технологических способов производства и технологических укладов, исходя из той предпосылки, что эти закономерности и тенденции в основном сохраняются и в будущем, если внешние факторы (столкновение цивилизаций, глобальная технологическая или экологическая катастрофа и т. п.) не изменят общей траектории развития общества и не приведут к его самоуничтожению.

Принимая во внимание эту оговорку, попытаемся в самой общей форме очертить *контуры технологического будущего цивилизаций* — глобальной, мировой и локальных.

1. Выше уже отмечалось, что **глобальная цивилизация в третьем тысячелетии вступает в качественно новый этап своего развития — третий исторический суперцикл**, который охватит по крайней мере первую половину наступившего тысячелетия и включит три сменяющих друг друга, но покоящихся на общих базовых принципах мировые цивилизации (с сокращающейся продолжительностью их жизненных циклов).

Возьмем на себя смелость набросать крупными мазками *отличительные черты технологической базы нового исторического суперцикла* по сравнению с предыдущим, который охватил почти полтора тысячелетия и включил три мировые цивилизации — средневековую, раннеиндустриальную и завершающуюся индустриальную.

Во-первых, закрепляется *ведущая, определяющая роль науки*, воплощенная в технологиях научных открытий и технических изобретений, в функционировании и развитии общества, в удовлетворении его возросших потребностей. В предыдущем историческом суперцикле значение науки от ступени к ступени возрастало. Но ис-

ходным пунктом технологических прорывов нередко были изобретения, сделанные практиками — инженерами, техниками, рабочими, менеджерами. На новом этапе это практически исключено, что объясняется как множеством задач, которые приходится решать с помощью техники и технологий в производстве и в быту, так и на порядки возросшей сложностью самих технологий, в которых воплощена научная и изобретательская мысль многих специальностей и поколений и отдаленные последствия применения которых нередко труднопредсказуемы и таят в себе немало неожиданностей.

Сейчас уже общепризнанна мысль, что *мир вступает в общество знаний*. И это надолго, навсегда, пока существуют человечество, глобальная цивилизация. Наука становится неременной компонентой обогащенного генотипа цивилизации — как глобальной, так и очередных мировых и все более широкого круга локальных (сейчас распространить такую оценку на все локальные цивилизации было бы преждевременным). Вступление в общество знания означает, что ни одно сколько-нибудь значимое технологическое (равно как и экономическое, экологическое, социальное и т. д.) решение не может быть принято без опоры на науку, без всестороннего учета закономерностей, факторов, тенденций циклической динамики того или иного объекта в общем потоке научно-технического и социально-экономического развития. Лицо, ответственное за то или иное решение, само должно обладать достаточным уровнем образования и широким кругозором, желать и уметь привлекать к работе ученых разных специальностей. Печальный опыт смелых, но непрофессиональных, игнорирующих научный подход реформ 90-х годов XX в. в России показывает, какими разрушительными для страны и тягостными для народа могут быть лишены научного обоснования решения.

Непрерывное, продолжающееся всю жизнь образование должно давать возможность всем членам общества постоянно пополнять и обновлять багаж знаний, вовремя расставаться с устаревшими научными парадигмами и теориями и осваивать новые, современные. В этом главная, креативная функция сферы образования, о чем порой забывают ретивые реформаторы, преследующие совсем иные цели — ее стандартизации, коммерциализации, причем любой ценой. Если подобные планы будут воплощены в реальность, это приведет к потере значительной части научного наследия при смене поколений, к тому, что люди окажутся неспособными к принятию творческого решения в нестандартных ситуациях, в изобилии преподносимых жизнью.

Наконец, формирование общества знаний означает, что к ученым, людям науки будут предъявляться все более высокие требования, что они несут ответственность перед прошлыми, настоящим и будущими поколениями за качество, полноту, достоверность, своевременное обновление приобретаемых, пополняемых и передаваемых для практического использования знаний. Скальпель практики становится более точным и безжалостным для ученых. Именно сообщество ученых (а отнюдь не чиновники) должно решать вопросы поддержки новых научных школ, создавать условия для молодых талантов. Человечеству нужны не чиновники в научных мантиях, а самозабвенные исследователи, отдающие всю душу и силу интеллекта поиску и утверждению нового, чувствующие моральную ответственность за последствия применения разработанных ими технологий.

Во-вторых, меняется взаимоотношение технологий и природы. Величайшие достижения предыдущего исторического суперцикла основывались на том, что в производство вовлекались все новые силы природы (энергия воды и ветра, пороха и динамита, электричества и нефтетоплива и т. п.). Это позволяло многократно повысить производительность труда, умножить количество и качество производимых и потребляемых конечных продуктов, но одновременно сопровождалось прямым и косвенным экологическим ущербом: истощением плодородных земель и лучших месторождений полезных ископаемых, вырубкой лесов, загрязнением атмосферы и водных источников и т. п. Деятельность одного из созданных природой видов, человека, стала угрожать самому существованию биосферы.

Для наступившего исторического суперцикла, нового этапа в развитии глобальной цивилизации, характерно принципиально иное — *ноосферное взаимоотношение общества и природы*, человека и биосферы. И это тоже надолго, и это тоже должно стать непреходящим элементом гено типа глобальной цивилизации, ее технологической базы. **Н. Н. Моисеев** совершенно обоснованно подчеркивал: «Цивилизации (точнее, современным цивилизациям) придется пройти по лезвию бритвы — опираясь на достижения научно-технического прогресса, развивая технику, уберечь человечество от их опасных последствий, нарушающих логику природы» [136. — С. 81]. Это предполагает перелом не только в технологиях, но и в мышлении, в характере цивилизаций: «Мы подошли не только к перелому тысячелетий, но и к перелому цивилизаций, который требует от людей утверждения нового образа мыслей

и новой системы ценностей... Общество стоит на пороге катастрофы, требующей перестройки всех оснований планетарного бытия. Я думаю даже, что мы находимся в преддверии смены характера самой эволюции биологического вида *Homo sapiens*. То есть мы стоим на пороге нового витка антропогенеза» [там же. — С. 19, 21].

Ноосферный характер технологической основы третьего витка в динамике глобальной цивилизации конкретно найдет выражение в следующем:

➔ сужении природной базы общественного воспроизводства — сначала относительно, а затем и абсолютном уменьшении объема вовлеченных в производство невозобновляемых природных ресурсов — с каждым последующим технологическим способом производства и технологическим укладом;

➔ резком сокращении вредных выбросов в окружающую среду и ее облагораживании на основе безотходных, экологически чистых технологий, которые служат приоритетом инновационного развития;

➔ формировании новой системы наук — наряду с естественными, техническими и общественными — *экологических*, которые обеспечат становление ноосферы, рациональную коэволюцию природы и общества, уменьшат вероятность глобальной экокатастрофы.

В-третьих, сама технологическая база цивилизаций приобретает инновационный характер. Это означает, что осознанно и своевременно будут реализовываться и сменяться модели техники и модификации технологий, поколения техники (технологий), технологические уклады и способы производства, причем с ускоряющимся со временем ритмом. Это не означает, что перемены будут происходить постоянно и непрерывно, каждая технологическая система должна в полной мере реализовать свой потенциал. Однако поле для технологического застоя, ниши для использования устаревших технологий будут сокращаться. Отсюда не следует, что все общество, все отрасли производства станут технологически однородными и по одной команде стройными рядами будут переходить от ступени к ступени. Технологическая неоднородность сохранится, как и рыночные ниши для эффективного функционирования разных технологических укладов. Но устранился та технологическая отсталость, которая ныне держит миллиарды людей за гранью достойного существования.

В-четвертых, процессы глобализации, пронизывая технологическую сферу, *будут способствовать сближению технологического развития разных стран и цивилизаций,* преодолению «технополи-

ческих заповедников», в которых до сих пор преобладают доиндустриальные или раннеиндустриальные технологии, нанося ущерб как человеку, так и природе. Ускоренное распространение на планете эффективных эпохальных и базисных инноваций поможет подтянуть ныне отстающие страны и цивилизации до мирового уровня. Но для этого придется сломить ныне преобладающую неолиберальную модель глобализации, отчаянное сопротивление ТНК, чувствующих себя всевластными и безнаказанными в глобальном пространстве.

В-пятых, будет разворачиваться *демилитаризация научно-технологической базы* общества. В течение двух предыдущих исторических суперциклов непрерывно возрастала доля общественного труда, производства и продукта, направляемого на военные цели, — создание и производство оружия, строительство оборонительных сооружений, содержание армии. Также постоянно увеличивались (хотя и неравномерно во времени) потери, вызванные войнами. Начиная с III тысячелетия эта историческая тенденция может быть переломлена. Сила человеческого гения и труда, направлявшаяся на создание средств уничтожения человека человеком, будет использована для производства товаров и услуг, необходимых для повышения уровня и качества жизни, облагораживания окружающей среды. Конечно, произойдет это не сразу, в течение десятилетий. Возможны (и наблюдаются в последние годы) рецидивы милитаризации технологической базы общества, но то, что цивилизация движется к разоружению, представляется весьма вероятным. Все это будет способствовать повышению гуманистически-ноосферной направленности цивилизаций — глобальной, мировых и локальных.

Таковы, как нам представляется, некоторые характерные черты технологического развития глобальной цивилизации на третьем ее витке (разумеется, при благоприятном, *оптимистичном сценарии* ее будущего). В противном случае, при воплощении в реальность неблагоприятного сценария, ее существование вообще может прекратиться, в том числе в результате активного проявления разрушительных последствий научно-технического прогресса. Таково наше видение технологического будущего глобальной цивилизации на предстоящую половину тысячелетия.

2. Сократим горизонт предвидения и попытаемся представить характерные черты более близкого для нас времени — **жизненного цикла постиндустриального технологического способа произ-**

водства, который начал в XXI в. утверждаться на планете и достигнет апогея, вероятно, в период преобладания восьмого технологического уклада.

В эпоху постиндустриального технологического способа производства будут формироваться и развиваться названные выше характерные черты трансформации технологического генотипа глобальной цивилизации, присущие третьему витку спирали ее жизненного цикла.

В то же время на протяжении первой половины XXI в. сохранятся, постепенно сокращаясь по масштабам и сфере действия, остатки индустриального технологического способа производства. Более того, его носители и адепты по-прежнему будут стремиться продлить его существование под лозунгами информационной, биотехнологической, водородной цивилизации — выдвигая на передний план не человека и его взаимоотношения с природой, а ту или иную сторону технологического прогресса и пытаясь сохранить технократический характер цивилизации. В этом крайне заинтересованы монополии и ТНК, представляющие то или иное направление научно-технологического переворота и заинтересованные в извлечении максимальных сверхприбылей (технологической квазиаристократии) из приоритетного направления НТР. Недавний опыт первого мирового информационного кризиса 2001—2002 гг., когда обанкротились или понесли крупные потери многие глобальные информационные компании-гиганты, показал опасность тенденции, когда роль отдельного направления технологического переворота чрезмерно преувеличивается. Еще не в полной мере осознано, какие последствия для человека несет такое преувеличение. Об этом предупреждал **Н. Н. Моисеев**: «Представим себе, что вся грандиозная информационная система, которая уже создана на нашей планете и мощность которой возрастает экспоненциально с каждым десятилетием, окажется однажды в руках небольшой группы людей, преследующих собственные корыстные интересы. Последствия предугадать нетрудно — это постепенное усвоение миллиардами людей неких новых стандартов мышления, оценок происходящего и восприятия действительности, выгодных этой своекорыстной группе лиц. В подобной ситуации произойдет глобальное зомбирование планетарного человечества. Это будет изощренный информационный тоталитаризм, который страшнее любых форм тоталитаризма, известных человечеству, хотя он и будет носить вполне "цивилизованный" характер» [136. — С. 85].

Жизненный цикл постиндустриального технологического способа производства будет включать несколько сменяющих друг друга преобладающих **технологических укладов (ТУ)**:

→ **шестой ТУ**, когда в авангардных странах и на мировом рынке будут реализованы основные характерные черты постиндустриального технологического способа производства (20–60-е годы XXI в.);

→ **седьмой ТУ** – планетарное распространение этого способа производства, когда он принесет наибольший социально-экономический и экологический эффект и утвердится в большинстве цивилизаций (70-е годы XXI в. – начало XXII в.);

→ **восьмой ТУ**, отражающий фазу зрелости постиндустриального технологического способа производства, когда его эффективность начнет падать (20–50-е годы XXII в.);

→ **девятый ТУ** периода заката постиндустриального технологического способа производства и зарождения в авангардных странах следующего за ним технологического способа производства очередной мировой цивилизации (60–90-е годы XXII в.).

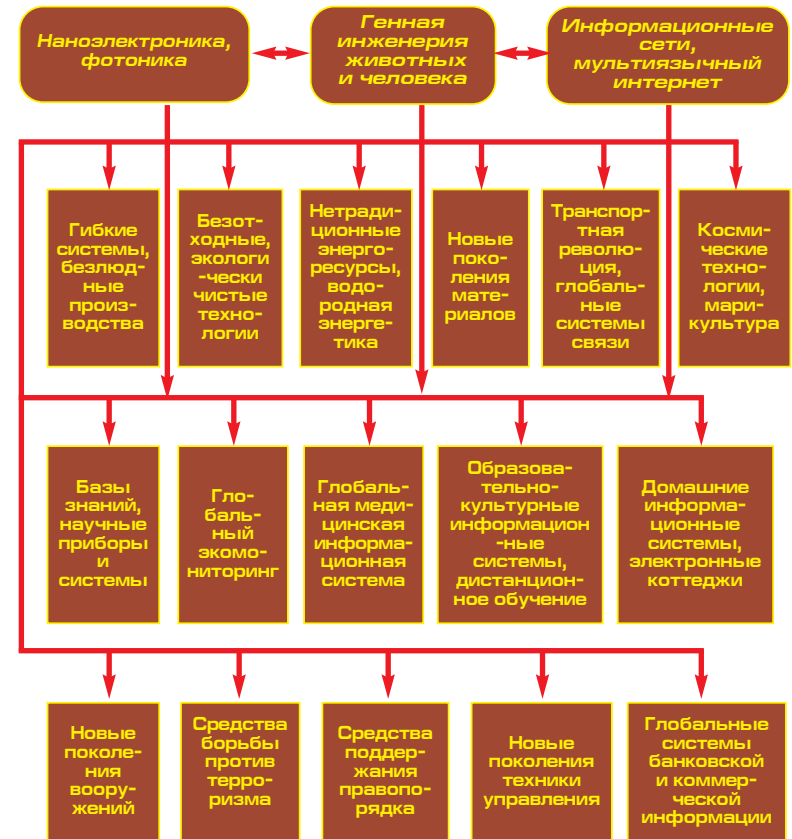
Конечно, это лишь предварительный и оптимистичный глобальный технологический прогноз, исходящий из двух основных предпосылок: ритм цикличной технологической динамики не будет нарушен внешними возмущениями и средний срок преобладания ТУ сократится с примерно 50 лет в XIX–XX вв. до примерно 40 лет в XXI–XXII вв.

Следует также учитывать, что ритм смены ТУ определяется по времени их преобладания в авангардных странах, на глобализованном мировом рынке. Однако технологическая база каждой страны и цивилизации останется многоукладной, сочетающей уходящий (реликтовый), преобладающий и новый уклады, каждый из которых в той или иной пропорции занимает наиболее подходящие для него рыночно-технологические ниши. Равным образом и глобальное технологическое пространство будет включать страны и цивилизации, где преобладают те или иные технологические уклады, причем возможна (и неизбежна) периодическая смена лидеров технологического прорыва.

Будет меняться **структура технологических укладов**. Сейчас уже более или менее отчетливо вырисовывается структура шестого ТУ, основные научно-технические направления которого можно распределить по четырем уровням (рис. 7.3). Это базисные направления; производственные технологии; технологии, непосредственно связанные с воспроизводством и функционировани-

Рисунок 7.3.

Структура шестого технологического уклада (прогноз)

ем человеческого капитала; технологии военной сферы, государственного управления и правопорядка.

Базовыми направлениями шестого ТУ становятся нанозлектроника и фотоника (оптоэлектроника); генная инженерия растений и животных (в дальнейшем – и человека) и высокоэффективная биотехнология; глобальные информационные сети, включая мультязычный интернет (что позволит включить большинство человечества в информационные системы, сохраняя цивилизационные особенности и ценности).

Радикально изменится сфера *производственных технологий*: массовое распространение получают гибкие, быстро перенастраиваемые, непосредственно ориентированные на меняющийся спрос гибкие системы, КАЛС-технологии; безотходные, экологически чистые технологии. Постепенно будет происходить замена ископаемого топлива как главного энергетического ресурса воспроизводимыми, экологически чистыми источниками энергии и прежде всего водородной энергетикой. Широкое применение получают новые высокоэффективные поколения материалов, в первую очередь композиты и интеллектуальные материалы; завершится революция в области связи и наберет обороты транспортная революция, будут осваиваться экологически чистые транспортные системы. Начнется крупномасштабное внедрение космических и марикультурных технологий.

Значительные изменения предстоят в технологической среде *жизнедеятельности и обитания человека*. Широкое распространение получают новые высокоэффективные поколения технологий в сфере науки, образования, культуры, медицины, способные обеспечить воспроизводство и эффективное функционирование человека как рабочей силы. Появятся разнообразные домашние информационные системы, «электронные жилища», создание которых предсказывал еще в 1970 г. **Э. Тоффлер** [194]. Все это позволит миллионам людей работать, не выходя из дома, улучшить свои бытовые условия и рационализировать использование свободного времени.

Крупные перемены ожидаются и в *сферах обороны, правопорядка и управления*. Уже сейчас создаются новые поколения высокоточного оружия и технологии двойного назначения, которые можно отнести к шестому ТУ. Обострение проблемы международного терроризма выдвигает на первый план создание технологических средств борьбы с ним. Инновационное обновление охватывает и сферу поддержания правопорядка. Наконец, формируются и получают широкое распространение новые поколения техники и технологий в сфере государственного и коммерческого управления (идея «электронного правительства» и т. п.).

Каждое из перечисленных направлений будет включать несколько сменяющих друг друга поколений техники (технологий), взаимосвязанных по горизонтали и вертикали со смежными технологическими системами и с аналогичными системами в других странах и цивилизациях. Создается своеобразная трехмерная глобальная технологическая система, развивающаяся по отраслям

и направлениям, в территориальном пространстве и во времени, более или менее синхронизированно переходящая от этапа к этапу во всех трех измерениях.

3. На основании всего сказанного можно определить подходы к *технологическому будущему локальных цивилизаций*.

Очевидно, что локальные цивилизации вступили в XXI столетие, имея весьма различный уровень технологического развития. Нами выполнена экспертная оценка динамики технологического уровня цивилизаций в ретроспективе за 1950–2000 гг. и на перспективу до 2050 г. (табл. 7.5). За основу принят интегральный технологический уровень по локальным цивилизациям со сле-

Таблица 7.5.

Динамика технологического уровня локальных цивилизаций за 1950–2050 г. (экспертная оценка)

Цивилизации 5-го поколения	1950	1960	1970	1980	2010	2020	2030	2040	2050
Мир в целом	2,1	2,4	2,7	2,9	3,7	3,8 ^a 3,9 ^b	4,3	4,7	4,9
Североамериканская	3,0	3,3	3,7	3,9	4,7	4,9	5,2	5,5	5,7
Западноевропейская	2,6	2,9	3,4	3,7	4,4	4,5	4,9	5,2	5,4
Восточноевропейская	2,2	2,5	2,9	3,2	3,7	3,9	4,2	4,5	4,8
Евразийская	2,3	2,7	3,1	3,4	3,5	3,7	4,1	4,4	4,6
Японская	2,4	3,0	3,5	3,8	4,5	4,7	5,0	5,3	5,7
Китайская	1,8	2,2	2,5	2,3	3,3	3,5	3,8	4,1	4,2
Индийская	1,6	1,9	2,2	2,5	3,1	3,3	3,6	3,9	4,1
Буддийская	1,5	1,8	2,2	2,5	3,5	3,7	4,1	4,4	4,7
Мусульманская	1,4	1,6	1,9	2,3	2,7	2,9	3,3	3,6	3,8
Латиноамериканская	2,1	2,5	2,7	2,9	3,5	3,7	4,0	4,3	4,5
Африканская	1,3	1,7	1,9	2,1	2,4	2,6	2,9	3,2	3,4
Океаническая	2,5	2,7	3,0	3,3	4,7	4,3	4,6	4,9	5,1
Цивилизации с высоким доходом	2,6	3,7	4,1	4,2	4,5	4,7	5,1	5,3	5,5
Цивилизации с низким доходом	1,7	2,5	2,8	2,9	3,4	3,7	4,1	4,5	4,8
Разрыв между цивилизациями с высшим и низшим технологическим уровнем, раз	2,0	2,1	1,9	1,7	1,7	1,8	1,9	1,7	1,5

Прогноз: *a* — сценарий инновационно-технологического прорыва; *b* — инерционный сценарий; экспертная оценка.

дующими коэффициентами: реликтовые доиндустриальные уклады = 1, раннеиндустриальные (1-й и 2-й ТУ) = 2; последующие уклады — с 3-го по 7-й — в соответствии со своим номером.

К началу XXI в. локальные цивилизации распределились на три группы по технологическому уровню экономики:

➔ **авангардные цивилизации** (североамериканская, западноевропейская, японская, океаническая — в части Австралии и Новой Зеландии), где преобладает пятый ТУ и коэффициент технологического уровня составляет от 4,4 до 4,7;

➔ **цивилизации среднего технологического уровня**, где преобладает четвертый ТУ, но имеются значительные вкрапления как пятого, так и третьего ТУ (восточноевропейская, евразийская, латиноамериканская, китайская, индийская, буддийская) и где коэффициент колеблется от 3,1 до 3,7;

➔ **технологически отставшие цивилизации** с преобладанием третьего и доиндустриальных укладов (африканская, мусульманская; в последней имеются вкрапления четвертого и пятого ТУ); средний технологический уровень от 2,4 до 2,7.

Какие сдвиги в глобальном цивилизационном технологическом пространстве можно ожидать в первой половине XXI в., в период становления постиндустриального технологического способа производства?

Лидерство на протяжении этого периода сохранится за североамериканской цивилизацией, обладающей наиболее мощным научно-техническим и экономическим потенциалом. Однако превышение ее показателей над среднемировым уровнем несколько сократится в связи с тем, что китайская и индийская цивилизации ускорят свое развитие. Вплотную к североамериканской приблизятся западноевропейская (используя преимущество технологической интеграции и подтягивая к своему уровню восточноевропейскую цивилизацию), а также японская и океаническая цивилизации.

В группе со средним технологическим уровнем по-прежнему будут находиться буддийская, евразийская, латиноамериканская, китайская и индийская цивилизации. При благоприятном сценарии они несколько превысят среднемировой уровень и приблизятся к группе лидеров, при неблагоприятном — их отставание возрастет. В числе замыкающих останутся африканская и мусульманская цивилизации. При благоприятном сценарии, реальной помощи со стороны авангардных цивилизаций их показатели несколько улучшатся, что создаст технологическую базу для глобального

устойчивого развития. При неблагоприятном сценарии разрыв не только сохранится, но даже возрастет. Неблагоприятный сценарий реализуется в том случае, если сохранится ныне преобладающая неолиберальная модель глобализации, проводимая в интересах ТНК и богатых цивилизаций. Чтобы переломить эту тенденцию и сократить разрыв, необходимо сменить модель глобализации.

Российская цивилизация при воплощении в жизнь стратегии инновационного прорыва, ориентированной на распространение пятого и приоритетное освоение ряда направлений шестого ТУ, имеет шанс значительно повысить технологический уровень и приблизиться к лидирующей группе. Однако если будет продолжена преобладающая ныне инерционно-рыночная стратегия, Россия окажется ниже мирового технологического уровня (4,1 против 4,5), потеряет значительную часть своего научно-технологического потенциала и превратится в объект эксплуатации со стороны высокотехнологичных цивилизаций и ТНК.

Следовательно, в перспективе XXI столетия при благоприятном сценарии технологическая поляризация локальных цивилизаций уступит место их сближению на фоне повышения общемирового технологического уровня в результате инновационного освоения достижений очередной (третьей по счету) НТР. Однако при сохранении ныне преобладающих тенденций пропасть между авангардными и технологически отстающими цивилизациями может даже возрасти, со всеми вытекающими из этого отрицательными социально-экономическими и геополитическими последствиями.

Глава 8

ЦИКЛИЧНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Циклические колебания экономической деятельности, периодически потрясающие экономику кризисы (спады, рецессии) — наиболее исследованная область циклической динамики. Ей посвящены сотни, если не тысячи книг во многих странах мира. Тем не менее цивилизационный аспект этой динамики, циклические колебания и кризисные потрясения в динамике экономики локальных, мировых и глобальной цивилизаций, перспективы экономических циклов и кризисов в постиндустриальном обществе XXI века в этом аспекте остаются малоисследованными, требуют особого рассмотрения, что и будет сделано в настоящей главе.

8.1. Палитра экономических циклов и кризисов

Циклические колебания и кризисные потрясения экономической деятельности чрезвычайно многообразны, они охватывают все ее виды, сферы и уровни, вершат судьбы всех ее субъектов. Попытаемся классифицировать экономические циклы и кризисы в цивилизационном аспекте.

1. По иерархическим уровням экономики, ее субъектам можно выделить циклы и кризисы:

➔ *в жизни каждого человека*, суточную, недельную, годовую, этапную (по периодам жизни) ритмику его трудовой деятельности, ее отсутствие в начале и в конце жизненного цикла, следующие друг за другом подъемы и спады трудовой активности и производительности труда;

➔ *в развитии семейной экономики*, домашнего и подсобного хозяйства, в экономической деятельности, связанной с рождением и воспитанием детей, содержанием семьи;

➔ *в экономике отдельных предприятий и организаций* (как рыночного, так и нерыночного секторов экономики);

➔ *в развитии локальной экономики* в пределах села, города, муниципального образования;

➔ *в динамике региональной экономики*, охватывающей значительную часть национального хозяйства и отражающей особен-

ности природно-климатического, технологического, социально-экономического развития каждого конкретного региона;

➔ *в развитии национальной экономики*, являющейся объектом регулирования государства, каких бы размеров оно ни было — от крошечного, существующего за счет игорного бизнеса Монако до охватывающих значительную часть территории и населения планеты государств (России, Китая) и мировых империй (Римской, Британской и т. п.);

➔ *в экономике локальных цивилизаций*, представленных группой взаимосвязанных национальных экономик (хотя иногда — как в случае современной Японии или Индии — границы национальной и локально-цивилизационной экономики совпадают);

➔ *в экономике мировых цивилизаций* в периоды их возникновения, распространения, зрелости, кризиса и ухода в реликтовое состояние, схода с исторической арены;

➔ *в развитии глобальной экономики*, с момента возникновения воспроизводящей экономики в результате неолитической революции и до завершения жизненного цикла вида *Homo sapiens* в весьма (или не столь?) отдаленном будущем.

Объекты дальнейшего нашего рассмотрения — экономические циклы и кризисы в трех измерениях применительно к динамике локальных, мировых и глобальной цивилизаций.

2. По видам экономической деятельности, ее сферам выделяются следующие виды циклов и кризисов:

➔ в сфере *производства* на всех его уровнях, связанные со сроками службы и периодическим обновлением основного капитала, моделей продукции и модификаций технологий, поколений техники, технологических укладов и способов производства, форм организации производства и менеджмента и т. п.;

➔ в сфере *обращения* — торговые, финансовые, кредитные, валютно-денежные, биржевые циклы и кризисы;

➔ в сфере *распределения и потребления* — в динамике доходов и потребления разных групп занятых в производстве и вне его, в содержании еще или уже не работающих, в экономической стратификации;

➔ в сфере *управления* — как на уровне предприятий и организаций, так и на государственном и межгосударственном (в том числе цивилизационном) уровнях.

Нас будут интересовать циклические колебания всех видов экономической деятельности на цивилизационном уровне — в динамике локальных, мировых и глобальной цивилизаций.

3. По длительности, периоду действия экономические циклы подразделяются на:

➔ **краткосрочные** — суточные, недельные, месячные, сезонные, годовые, определяемые в основном ритмами природных циклов; сюда относятся также жизненные циклы изделий и экономические колебания в 3–4 года (**циклы Китчина**);

➔ **среднесрочные** в 8–12 лет, обусловленные сменой поколений техники и технологий, известные как **бизнес-циклы, или циклы Жюгляра**; они наиболее детально исследованы, равно как и происходящие при их смене периодические экономические кризисы;

➔ **долгосрочные** — 20-летние инвестиционные **циклы Кузнеца** и полувековые большие **циклы конъюнктуры Кондратьева**, связанные со сменой преобладающих технологических и экономических укладов;

➔ **сверхдолгосрочные**, вековые (многовековые) циклы в динамике мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций;

➔ **тысячелетние** циклы, являющиеся составной частью исторических суперциклов, охватывающих триаду родственных мировых цивилизаций;

➔ **жизненный цикл экономики глобальной цивилизации**, начавшийся около десяти тысячелетий назад и заканчивающийся вместе с концом рода человеческого и проходящий через определенные этапы в виде вековых и тысячелетних циклов.

В дальнейшем мы будем исследовать преимущественно долгосрочные, сверхдолгосрочные и тысячелетние циклы и кризисы в динамике цивилизаций.

Предлагаемая нами классификация циклов представлена на рис. 8.1. Экономические кризисы разворачиваются, как правило, при смене указанных на рисунке циклов.

8.2. Экономические циклы и кризисы в динамике цивилизаций

Возникновению воспроизводящей экономики предшествовал самый глубокий и длительный **экономический кризис конца мезолита** (9–10 тыс. лет назад). Изобретение и использование метательных орудий (лука и стрел, копий, дротиков, гарпунов) настолько повысило производительность труда в охоте — основ-

Рисунок 8.1.

Классификация экономических циклов

ном занятии и источнике средств существования первобытных общин, что стада крупных животных были практически уничтожены, а большая часть населения планеты хронически голодала, многие первобытные общины полностью вымерли. Этому способствовало и ухудшение климата.

Этот кризис был преодолен на основе *самой крупной эпохальной инновации: освоения искусственного воспроизводства* — земледелия и животноводства, а затем ремесла и строительства. Общественное разделение труда многократно повысило его производительность, уменьшило зависимость людей от природы, стало

началом первого большого экономического цикла периода неолитической цивилизации и одновременно первого суперисторического цикла. Его эпицентром стали регионы севернее экватора, имеющие благоприятные условия для земледелия и скотоводства, — Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Индия и Китай. В остальной части территории ойкумены племена по-прежнему промышляли охотой, рыболовством, собирательством. Пик этого цикла пришелся на VI—V тыс. до н. э. Тогда же возникли и первые города. Однако уже в IV тыс. до н. э. произошел **экономический кризис первой мировой цивилизации**: возросшие потребности увеличившегося по численности населения было все труднее удовлетворять с помощью набора каменных орудий, требовавших больших усилий на их изготовление и ненадежных в использовании. Темпы роста производительности труда и экономического развития затормозились.

Выход был найден в конце IV — начале III тыс. до н. э. на основе очередного технологического переворота. Его отличительными чертами были освоение выплавки металлов и изготовления обширного набора орудий труда и оружия из меди и бронзы, украшений из золота; создание крупных оросительных систем в долинах великих рек, что обеспечивало высокую урожайность; концентрация населения в городах, где развивались разнообразные ремесла, строились дворцы и храмы. В период *второго экономического цивилизационного цикла* произошли кардинальные изменения в экономических отношениях: место общинной собственности заняли частная, государственная, храмовая; экономически выгодным стал труд рабов; он послужил основой для создания средних и крупных хозяйств; получила развитие торговля (начатки обмена были заложены еще в неолите), появились такие категории товарно-денежного хозяйства, как деньги, цены, ростовщичество, налоги и др. Можно сказать, пользуясь терминологией **К. Ясперса**, что это *осевое время экономики*, когда были заложены ее основы, сохранившиеся в развитом и модифицированном виде до настоящего времени.

В тот же период сложилась и *экономика локальных цивилизаций первого поколения*. Хотя она имела поразительно много общего для цивилизаций, размещенных вдалеке друг от друга — в южной части Евразии, Северной Африке и в изолированно развивающихся цивилизациях Нового Света, тем не менее она отличалась своеобразием в зависимости от природно-климатических условий существования, демографических и исторических особенностей

конкретных культур. Причем это были в основном земледельческо-ремесленные цивилизации, скотоводство играло вспомогательную роль, а часть его продуктов получалась в результате обмена с окрестными скотоводческими племенами, находившимися на доцивилизационной стадии развития. Особенностью экономики первого поколения локальных цивилизаций было то, что войны органично вписывались в процесс воспроизводства рабочей силы, стали источником пополнения числа рабов, лишенных семей.

В начале I тыс. до н. э. **развернулся экономический кризис раннеклассовой мировой цивилизации и первого поколения локальных цивилизаций**. Плодородные долины великих исторических рек уже освоены, оросительные системы местами пришли в негодность и не давали уже существенного прироста урожая. Запасы меди и олова были ограниченными, бронзовые орудия — непрочными и недолговечными. Во время многочисленных войн разрушались города, погибали целые племена, уничтожались посевы. Все труднее стало удовлетворять возросшие потребности населения в пище. И если в 5 тыс. до н. э. прирост населения планеты составлял 0,09% в год при общей численности 30 млн человек, то к 2000 г. до н. э. среднегодовые темпы прироста населения упали до 0,02%, при численности населения 50 млн человек.

Эти противоречия на время были разрешены переходом со второй трети I тыс. до н. э. к экономическому циклу *античной мировой цивилизации и локальных цивилизаций второго поколения*. Использование железных орудий дало новый толчок росту производительности труда, позволило экономически выгодно осваивать богарные земли, значительно расширило ареал локальных цивилизаций. «Народы железного века, — писал **Дж. Бернал**, — перейдя к оседлости, оказались способными создавать процветающие сельскохозяйственные и ремесленнические общины на некогда бесплодной земле. Результатом было такое уменьшение политического и экономического превосходства ранних приречно-долинных цивилизаций, что они больше уже не выступали в качестве основных центров культурных достижений человечества, хотя многие из их культурных, материальных и духовных достижений были переданы последующим поколениям... Центры прогресса переместились на окраины древних цивилизаций, к поселениям ближайших варваров, которые опустошали старые центры цивилизаций. В результате изобилия железа земледелие должно было распространиться на целые континенты — появилась возможность рубить лес, осушать болота, а получившиеся в результате этого по-

ля можно было вспахать... Город железного века превратился почти с самого начала в центр ремесла и торговли, имеющий возможность получать извне сырье и даже рабочую силу — рабов в обмен на продажу своих продуктов» [16. — С. 90, 92].

Наиболее ярким достижением греческого периода античной цивилизации стала экономика городов-полисов, опиравшаяся на развитие ремесла и торговлю, товарный обмен с другими государствами и варварскими племенами. В римский период были созданы крупные земельные латифундии и ремесленные эргастерии, активно развивались товарно-денежное хозяйство и международная торговля. Однако базисных, а тем более эпохальных инноваций в экономике в этот период оказалось гораздо меньше, чем в предыдущую эпоху.

В первые столетия нашей эры экономика античной цивилизации, большинства локальных цивилизаций второго поколения вновь оказалась в состоянии длительного кризиса. Рабский труд становился все менее выгодным, пополнение числа рабов за счет войн — ненадежным. Нашествия варваров разрушали центры античной цивилизации, прерывали торговые пути. В течение I тыс. н. э. темпы прироста мирового ВВП, по оценке **А. Мэддисона**, составили всего 0,01%. За тысячелетие мировой ВВП вырос всего на 14%, а на душу населения даже сократился на 2% (табл. 8.1–8.3). В середине же I тыс., в разгар кризиса, объем ВВП и численность населения еще более сократились.

В этот период экономика глобальной цивилизации находилась в состоянии стагнации, хотя в пределах тысячелетнего периода наблюдались фазы подъемов и спадов в динамике локальных цивилизаций (например, подъем мусульманской цивилизации во времена Арабского халифата), а разрыв между цивилизациями по ВВП на душу населения оказался весьма незначительным (в 1 г. н. э., как и в 1000 г., он находился в пределах от 400 до 450 долл.). Более высокий уровень наблюдался в Китае, Индии и остальной Азии, на долю которых приходилось в 1000 г. 68% от объема мирового ВВП.

В следующие полтысячелетия — к 1500 г., в период *средневековой мировой цивилизации* и начала эпохи Возрождения, темпы роста ВВП повысились до 0,15% (на душу населения — 0,05%), причем наиболее активно развивалась Западная Европа (темпы прироста ВВП — 0,29%), прежний СССР (0,22%), Восточная Европа (0,19%), Япония (0,18%) и Китай (0,17%). Замыкала ряд Африка с незначительным приростом ВВП (0,07%) и сокращением

Таблица 8.1.

Динамика ВВП по цивилизациям и ведущим странам*

Страны		1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Весь мир	а ¹	1026	1168	2483	3310	3713	6953	11127	27321	53297	16023	37194
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Западная Европа	а	111	102	442	656	813	161,1	3676	902,3	1396,2	4096	7550
	б	10,8	8,7	17,8	19,8	21,9	23,0	33,0	33,0	26,2	25,6	20,3
Великобритания	а			2,8	6,0	10,7	16,2	100,2	224,6	147,8	675,9	1202
	б			1,1	1,8	2,9	5,2	9,0	8,2	6,5	4,2	3,2
Германия	а			8,3	12,7	13,6	26,8	72,1	237,3	265,4	944,8	153,7
	б			3,3	3,8	3,7	3,9	6,5	8,7	5,0	5,9	4,1
Франция	а			10,9	15,6	19,5	35,5	72,1	144,5	220,5	684,0	1258
	б			4,4	4,7	5,3	5,1	6,5	5,3	4,1	4,3	3,4
Италия	а			11,6	14,4	14,6	22,5	41,8	95,5	165,0	582,7	1101,4
	б			4,7	4,4	3,9	3,2	3,8	3,5	3,1	3,6	3,0
Восточная Европа	а	1,9	2,6	6,7	9,3	11,4	24,9	50,2	134,8	185,0	550,8	728,8
	б	1,9	2,2	2,7	2,8	3,1	3,6	4,5	4,9	3,5	3,4	2,0
Бывший СССР	а	1,6	2,8	8,5	11,4	16,2	37,7	83,6	232,4	510,2	153,1	134,3
	б	1,5	2,4	3,4	3,5	4,4	5,4	7,5	8,5	9,6	9,4	3,6
США	а			0,8	0,6	0,5	12,5	98,4	517,4	1455,9	3536,6	7965,8
	б			0,3	0,2	0,1	1,8	8,8	18,9	27,3	22,1	21,4
Латинская Америка	а	2,2	4,6	7,3	3,8	6,3	15,0	27,5	119,9	415,9	1389,9	3087
	б	2,2	3,9	2,9	1,1	1,7	2,2	2,5	4,4	7,8	8,7	8,3
Япония	а	1,2	3,2	7,7	9,6	15,4	20,7	25,4	71,7	161,0	1242,9	2624,5
	б	1,2	2,7	3,1	2,9	4,0	3,0	2,3	2,6	3,0	7,8	7,1
Китай	а	26,8	26,5	61,8	96,0	82,8	228,6	189,7	241,3	239,9	740,0	4569,8
	б	26,1	22,7	24,9	29,0	22,3	32,9	17,1	8,8	4,5	4,6	12,3
Индия	а	33,8	33,8	60,5	74,2	90,8	111,4	134,9	204,2	222,2	494,8	2003
	б	32,9	28,9	24,4	22,4	24,5	16,0	12,1	7,5	4,2	3,1	5,4
Остальная Азия	а	16,5	18,6	31,3	36,7	40,6	52,2	78,0	163,1	363,0	1388,1	4908,2
	б	16,0	16,0	12,6	11,1	10,9	7,5	6,9	6,0	6,8	8,7	13,2
Африка	а	7,1	13,7	19,3	23,3	25,7	31,2	45,2	79,5	203,1	550,0	1227,6
	б	6,9	11,7	7,8	7,1	6,9	4,5	4,1	2,9	3,8	3,4	3,3

*[264. — Р. 252, 260].

¹а — ВВП в ценах 1990 г., млрд долл.;

²б — доля в мировом ВВП, %.

его на душу населения (–0,01%). Разрыв между цивилизациями по уровню экономического развития значительно возрос: от 771 долл. для Западной Европы (а для Италии — 1100 долл.) до 400 долл. в США, 414 долл. в Африке и 416 долл. в Латинской Америке.

В период *раннеиндустриальной мировой цивилизации* темпы экономического роста заметно ускорились — до 0,32%; однако, поскольку численность населения мира в этот период росла быстрее, темпы прироста ВВП на душу населения остались теми же, что

Таблица 8.2.

Динамика ВВП на душу населения по цивилизациям и ведущим странам*

Страны		1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Весь мир	а ¹	445	436	566	595	615	667	875	1525	2111	4090	6049
	б ²	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Западная Европа	а	450	400	771	890	998	1004	1960	358	4579	11416	19256
	б	101	92	136	150	162	150	224	235	217	279	318
Великобритания	а			714	974	1250	1706	3190	4921	6439	12025	20127
	б			126	164	203	256	365	323	305	294	333
Германия	а			688	791	910	1077	1839	3648	3881	11966	18677
	б			121	133	148	161	210	239	184	292	309
Франция	а			727	841	910	1135	1876	3485	5271	13114	21092
	б			128	141	148	170	214	228	250	321	349
Италия	а			1100	1100	1100	1117	1499	2564	3502	10634	19040
	б			194	185	179	167	171	168	166	260	315
Восточная Европа	а	400	400	496	548	605	663	937	1695	2111	4988	6027
	б	90	92	88	92	99	102	107	111	100	122	100
Бывший СССР	а	400	400	499	552	610	688	943	1488	2841	6059	4626
	б	90	92	88	92	99	103	108	98	135	148	76
США	а			400	406	527	1257	2445	5301	9561	16689	27948
	б			71	68	86	188	279	348	453	408	462
Латинская Америка	а	400	400	416	438	527	692	681	1481	2506	4501	5811
	б	90	92	73	74	86	104	78	97	119	110	96
Япония	а	450	425	500	520	570	669	737	1387	1921	11434	20683
	б	101	97	88	87	93	100	84	91	91	279	342
Китай	а	450	450	600	600	600	600	530	552	439	839	3583
	б	101	103	106	101	98	90	61	36	205	205	59
Индия	а	450	450	550	550	550	533	533	673	619	853	1957
	б	101	103	97	92	89	80	61	44	29	21	32
Остальная Азия	а	450	450	565	656	565	584	643	882	926	2049	3980
	б	101	103	100	110	92	87	73	58	44	50	66
Африка	а	430	425	414	422	421	420	500	637	894	1410	1489
	б	97	97	73	71	68	63	57	42	42	34	25

*[264. — P. 262].

¹а — в ценах 1990 г., млрд долл.;

²б — в % к миру.

и в предыдущем периоде (0,05%). Тогда же стали отчетливо проявляться признаки нарастающей поляризации уровней экономического развития: разрыв в уровне ВВП на душу населения по цивилизациям увеличился с 1,93 раза в 1500 г. и 2,22 раза в 1600 г. (Западная Европа и США) до 2,37 в 1700 г. и 2,89 раза в 1820 г. (Западная Европа и Африка). Все более уверенно роль мирового

Таблица 8.3.

Темпы прироста ВВП по странам и цивилизациям*

Страны		1-1000	1000-1501	1500-1820	1820-1870	1870-1913	1913-1950	1950-1973	1973-2001
Весь мир	а ¹	0,01	0,15	0,32	0,93	2,11	1,82	4,90	3,05
	б ²	0,00	0,05	0,05	0,54	1,30	0,88	2,92	1,41
Западная Европа	а	-0,01	0,29	0,40	1,68	2,11	1,19	4,79	2,21
	б	-0,01	0,14	0,14	0,98	1,33	0,76	4,05	1,88
Великобритания	а			0,80	2,05	1,90	1,19	2,93	2,08
	б			0,27	1,26	1,01	0,93	2,42	1,86
Германия	а			0,37	2,00	2,81	0,30	5,68	1,75
	б			0,14	1,08	1,61	0,17	5,01	1,60
Франция	а			0,37	1,43	1,63	1,15	5,05	2,20
	б			0,17	0,76	1,44	1,91	4,25	2,19
Италия	а			0,21	1,24	1,94	1,49	5,64	2,30
	б			0,00	0,59	1,26	0,85	4,95	2,10
Восточная Европа	а	0,03	0,19	0,41	1,41	2,33	0,86	4,86	1,01
	б	0,10	0,04	0,10	0,63	1,39	0,60	3,81	0,68
Бывший СССР	а	0,06	0,22	0,47	1,61	2,40	2,15	4,84	-0,4
	б	0,00	0,04	0,10	0,63	1,06	1,76	3,35	-0,96
США	а			0,86	4,20	3,94	2,84	3,93	2,94
	б			0,36	1,34	1,82	1,61	2,45	1,86
Латинская Америка	а	0,10	0,09	0,23	1,22	3,48	3,42	5,38	2,89
	б	0,00	0,01	0,16	-0,03	1,82	1,43	7,58	1,86
Япония	а	0,07	0,18	0,31	0,41	2,44	2,21	9,29	2,71
	б	0,01	0,03	0,09	0,19	1,48	0,88	8,06	0,91
Китай	а	0,00	0,17	0,41	-0,37	0,56	-0,02	5,02	6,72
	б	0,00	0,06	0,00	-0,25	1,10	-0,62	2,86	2,14
Индия	а	0,00	0,12	0,19	0,35	0,97	0,23	3,54	5,12
	б	0,00	0,04	-0,01	0,00	0,54	-0,22	1,40	5,32
Остальная Азия	а	0,01	0,10	0,16	0,78	1,76	2,19	6,00	4,61
	б	0,00	0,05	0,01	0,19	0,74	0,13	3,51	3,01
Африка	а	0,07	0,07	0,15	0,75	1,32	2,57	4,43	2,89
	б	0,00	-0,01	0,00	0,35	0,57	0,92	2,00	2,42

*[264. — P. 262].

¹а — в ценах 1990 г., млрд долл.;

²б — в % к миру.

экономического лидера завоевывала Западная Европа. Ее доля в мировом ВВП выросла с 8,7% в 1000 г. до 17,8% в 1500 г. и 23% в 1820 г., а превышение мирового среднедушевого производства ВВП увеличилось с 36% в 1500 г. до 81% в 1820 г. (в Великобритании — с 26% до 156%). Этому способствовало ускоренное развитие мануфактур, речного и морского транспорта, колониза-

ция Америки. Выше мировых были темпы развития Восточной Европы и бывшего СССР: их доля в мировом ВВП за этот период поднялась соответственно с 2,7% до 3,6% и с 3,4% до 5,4%. Китай, на долю которого приходилось в 1500 г. 24,9% мирового ВВП, а в 1600 г. — 29%, в XVII в. понес крупные потери и к 1700 г. уменьшил свою долю до 22,3% мирового ВВП, но к 1820 г., развиваясь опережающими темпами, достиг максимума за всю свою историю — 32,9%. Однако по ВВП на душу населения он отставал не только от Западной Европы, но и от среднемирового уровня. Еще более заметной эта тенденция была для Индии, которая в 1500 г. производила почти четверть (24,4%) мирового ВВП, а в 1820 г. — 16%, в 2,3 раза отставая от средневропейского уровня и в 3,1 раза — от Великобритании по ВВП на душу населения. Самыми низкими темпами развивалась Африка, доля которой в мировом ВВП снизилась с 7,8% в 1500 г. до 4,1% в 1820 г., а отставание от мирового среднедушевого уровня увеличилось с 27% до 37%. В этот период капитализм начал победоносное шествие по планете.

Перелом в экономической динамике произошел в период *индустриального цивилизационного цикла*, в XIX—XX вв. Это проявилось в резком ускорении темпов экономического роста — с 0,32% в 1500—1820 гг. до 0,93% в 1820—1870 гг., 2,11% в 1870—1913 гг. и после падения в 1913—1950 гг. до 1,82% (в связи с двумя мировыми войнами и самым сильным экономическим кризисом 1929—1933 гг.) — подъем до 4,90% за 1950—1973 гг. (на душу населения — 2,92%). Это был всемирно-исторический рекорд экономического роста, золотой период индустриальной цивилизации, после чего показатели резко снизились (3,05% в 1973—2001 гг., на душу населения 1,4% в последней четверти XX в.).

Лидерство в экономике надолго перешло к западной цивилизации — сначала к Западной Европе, а затем к США. Доля Западной Европы в мировом ВВП выросла с 21,9% в 1700 г. и 23% в 1820 г. до 33% в 1870 и 1913 г. (в том числе Великобритании — с 1,8% в 1600 г. до 9% в 1870 г., США — с 0,1% в 1700 г. до 18,9% в 1913 г. и 27,3% в 1950 г.).

Лидировавшие прежде китайская и индийская цивилизации были оттеснены на задний план, находились в состоянии затяжного кризиса. Так, доля Китая в мировом ВВП снизилась с 32,9% в 1820 г. до 4,5% в 1950 г., Индии — с 24,5% в 1700 г. и 16% в 1820 г. до 3,1% в 1973 г. Лишь в последней четверти XX в. они стали брать реванш, повысив к 2001 г. свою долю по Китаю до 12,3% и Индии — до 5,4%. В состоянии длительного экономического застоя оказа-

лась Африка, замыкающая ряд по производству ВВП на душу населения. Примерно на среднемировом уровне находится Латинская Америка; доля ее в мировом ВВП поднялась с 2,2% в 1820 г. и 2,5% в 1870 г. до 7,8% в 1950 г. и 8,35% в 2001 г., а отношение к среднедушевому производству ВВП снизилось со 104% в 1820 г. до 78% в 1870 г., затем возросло до 119% в 1950 г., но к концу XX в. упало до 96%.

Японская цивилизация в течение длительного периода развивалась среднемировыми темпами: ее доля в мировом ВВП в 1820 г. составляла 3%, в 1870 г. снизилась до 2,3%, затем поднялась до 2,6% в 1913 г. и 3% в 1950 г. Однако затем случилось «японское экономическое чудо», и к 1973 г. ее доля выросла до 7,8%, снизившись, правда, к 2001 г. до 7,1%. В 1950—1973 гг. темпы прироста ВВП здесь составили рекордные 9,29% (на душу населения 8,06%). В последующие четверть века пальма первенства по темпам прироста перешла к Китаю (6,72%), за ним следовала Индия (5,12%).

Евразийская цивилизация (бывший СССР) развивала экономику опережающими темпами, повысив свою долю в мировой экономике с 5,4% в 1820 г. до 9,6% в 1950 г., однако в 90-е годы она резко откатилась назад — до 3,6%.

В период индустриального экономического цикла высшего развития достигла система денежных отношений и рыночных институтов, сформировалось мировое хозяйство. Резко возросла поляризация экономического развития (уровня ВВП на душу населения): с 3 раз в 1820 г. (США и Африка) до 9,8 раза в 1913 г. (США и Китай), 19,9 раза в 1973 г. (США и Китай) и 18,8 раза в 2001 г. (США и Африка).

Характерными чертами XX в. стали монополизация рынка, активное вмешательство государства в экономику — в формах государственно-монополистического капитализма и социалистического планового хозяйства. Основой такого вмешательства послужила милитаризация экономики. Почти все XX столетие прошло под этим флагом: Русско-японская и Балканская, Первая и Вторая мировые войны, холодная война с гонкой ядерных вооружений, Корейская и Вьетнамская войны — список можно продолжать. Эти военные конфликты не были случайностью: они выражали тенденцию к преобразованию позднеиндустриального общества, действие сформулированного **П. Сорокиным** социального закона флуктуации тоталитаризма и свободы. Во многих странах — как капиталистических, так и социалистических — сформировалась, по выражению П. Сорокина, *тоталитарная система экономи-*

ки: она появилась давно и не раз встречалась в истории человечества при разных правительственных режимах и идеологиях — в некоторые периоды Древнего Египта, в Древней Спарте, императорском Риме, Византийской империи, в Китае и Индии [181. — С. 122]. «Типы экономик, системы управления и идеологий во всех странах не являются чем-то постоянным, непрерывно колеблются между полюсами тоталитарного и совершенно свободного режимов... В течение чрезвычайного периода правительственный контроль может увеличиваться, и соответствующие системы экономики, управления и идеологий в разной степени подвергаются тоталитарной конверсии; в другой период в том же самом обществе масштаб и жесткость правительственной регламентации может уменьшаться, и его экономика, управление, идеология и образ жизни конвертируются в направлении свободной экономики, управления, идеологии и образа жизни» [там же. — С. 123—124]. Тотализация экономики усиливается «всякий раз, когда в определенном обществе возникает значительный кризис в форме войны или угрозы войны, большого голода, большой экономической депрессии или опустошительной эпидемии, землетрясения или наводнения, анархии, беспорядков и революции» [там же. — С. 124]. И чем сильнее кризис, тем значительнее эта трансформация.

В XX в. наблюдались *четыре волны тотализации экономики* в периоды сильных кризисных потрясений вступившего в фазу заката индустриального общества: во время Первой мировой войны и прокатившейся за ней волны революций и гражданских войн; во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда, по данным **Н. П. Федоренко**, мировое промышленное производство сократилось на 46%, реальные доходы населения — на 58%, безработица достигла 26 млн человек — четверти всей рабочей силы [206. — С. 65]; в годы Второй мировой войны, охватившей почти всю планету; в период развертывания холодной войны, противостояния двух военных блоков и гонки ядерных вооружений. Периоды возврата к «свободной» экономике были недолгими и слабыми передышками на фоне общей тенденции усиления тоталитаризма, государственной регламентации экономики.

Однако примерно с 80-х годов XX в. ситуация начала меняться. Становилась все более очевидной бесперспективность мировой термоядерной войны, в которой не может быть победителей, и неизбежной стала бы, по выражению **Питирима Сорочкина**, «самокремация человечества». Вместе с тем нарастала тенденция к детотализации экономики и управления, сокращению воен-

ных расходов, что нашло выражение в экономических реформах Рейгана, Тэтчер, Горбачева, в китайском, а затем и вьетнамском «рыночном социализме». Это открывало простор для действия рыночных сил, а в условиях глобализации — для усиления контроля транснациональных корпораций (ТНК) над экономикой государств (одновременно с расширением доли малого и среднего бизнеса). Крушение централизованных плановых экономик в СССР и странах Центральной и Восточной Европы сопровождалось необычайно длительным и глубоким экономическим кризисом. Расширилось поле для конкуренции при ослаблении государственного контроля как в национальных экономиках, так и на мировом рынке, чем не преминули воспользоваться мощные ТНК. Однако передышка оказалась недолгой: с первых лет нового века маятник колебаний тоталитаризма и свободы вновь качнулся в сторону «крепкой руки». Эта тенденция начинает проявляться, хотя пока и в слабой форме, во многих странах. В основе ее лежит глубокий *глобальный экономический кризис*, связанный с переходом к постиндустриальной экономике, с противоречиями преобладающей ныне неолиберальной модели глобализации.

8.3. Структурная динамика экономики цивилизаций

Важнейшим направлением и результатом циклично-генетической динамики цивилизаций являются *структурные сдвиги в экономике* цивилизаций — как мировых и локальных, так и глобальной. Они в конечном счете и определяют эффективность процесса воспроизводства, темпы экономического роста, уровень жизни населения. Темпы структурных сдвигов неодинаковы в разных фазах экономических циклов и заметно ускоряются на стадиях оживления и подъема экономики.

Каждая локальная цивилизация характеризуется своей структурой, меняющейся по фазам ее жизненного цикла. Отличительной чертой каждой мировой цивилизации являются присущие ей пропорции в воспроизводственной, технологической, отраслевой, институциональной, стоимостной, иерархической структуре экономики. Можно говорить об общих тенденциях в динамике структуры глобальной экономики по суперисторическим циклам — о преобладании аграрной экономики в период первого цикла,

нарастании индустриальной экономики во время второго цикла, расширении сферы услуг и высокотехнологичных продуктов с переходом к третьему циклу. Следует выделять *структурные циклы и кризисы* в динамике локальных, мировых и глобальной цивилизаций — как важнейшей разновидности и составной части экономической их динамики. В ее основе лежит *закон пропорционального развития*. Любая экономическая система — от семейного хозяйства до мировой экономики — эффективно функционирует и развивается лишь при оптимальном соотношении ее элементов и своевременном изменении пропорций с учетом внутренних и внешних условий ее существования. **К. Маркс** говорил о «железном законе строго определенных пропорций» в распределении рабочих рук и средств производства в рамках капиталистического предприятия (мануфактуры, фабрики). Такой же закон действует и в рамках регионального, национального, мирового хозяйства, экономики локальных и мировых цивилизаций, хотя реализуется он стихийно, через постоянное нарушение пропорциональности, в конкурентной борьбе на рынках, при большем или меньшем воздействии структурной политики государства.

Структура экономики цивилизаций многогранна. Мы предлагаем измерять эту многогранность с помощью *многомерной воспроизводственно-циклической макромодел*. Теоретические основы ее построения и опыт применения для выявления тенденций структурной динамики экономики мировых цивилизаций, для анализа и прогноза структурных сдвигов в экономике России и ее внешних связей изложены в нескольких наших работах [242, 249, 276, 103].

Состав многомерной модели приведен на *рис. 8.2*. Модель позволяет исследовать структуру экономики цивилизаций и ее динамику с шести различных, но взаимосвязанных сторон:

- ➔ *воспроизводственная структура* — распределение общественного продукта по производственным секторам;
- ➔ *отраслевая структура* — распределение продукта по межотраслевым комплексам;
- ➔ *иерархическая структура* — распределение продукта по иерархическим уровням воспроизводства;
- ➔ *технологическая структура* — распределение продукта по технологическим способам производства, а внутри них — по технологическим укладам;
- ➔ *экономическая структура* — распределение средств производства и продукта общественного воспроизводства по формам собственности (экономическим укладам);

Рисунок 8.2.

Многомерная воспроизводственно-циклическая макромодел

➔ *стоимостная структура* продукта — соотношение элементов стоимости произведенного продукта.

Предложенная макромодель позволяет представить экономику в ее многомерном, объемном составе, в совокупности и взаимосвязи составляющих ее разнообразных элементов.

Тенденции структурных сдвигов при смене мировых цивилизаций на основе экспертной оценки показаны в *табл. 8.4*. За основу оценки принят период расцвета каждой мировой цивилизации по ее эпицентру — авангардной локальной цивилизации. Измерения отображаются в виде доли в структуре валового продукта.

В период *неолитической цивилизации* абсолютно преобладал сектор личного потребления, за ним следовали сектора добычи сырья и изготовления орудий труда из камня, кости, дерева. Соответственной была и отраслевая структура аграрной экономики с небольшой долей ремесла и строительства. Господствовал натурально-патриархальный уклад на базе семейного и общинного хозяйства. Почти весь произведенный продукт направлялся на личное и общественное потребление; доля накопления была невелика (около 4%).

С переходом к *раннеклассовой цивилизации*, появлением частной собственности и государства возникли сектор государственного потребления, мелкотоварный и крупный частный уклады, возросла доля производства средств производства (хотя в основном экономика оставалась аграрной), повысилась доля материальных затрат и амортизации в стоимости продукции, выделилась национальная экономика в иерархической структуре хозяйства. Эти тенденции закрепились во время преобладания *античной мировой цивилизации*.

В периоды *раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций* существенно возросла доля промежуточного и интеллектуального секторов, рыночной инфраструктуры, госпотребления за счет снижения доли первичного продукта и личного потребления. То же касается и производства орудий труда и оружия, топлива и энергии, предметов личного потребления, транспорта — за счет сельского хозяйства; крупнокапиталистического, мелкотоварного и государственного секторов — за счет семейного и общественного хозяйства. В стоимостной структуре повысилась доля амортизации, непроизводственного потребления и накопления при значительном падении доли оплаты труда, повысился удельный вес предприятий и национальной экономики и возник интернациональный уровень (ТНК, совместные и межгосударственные предприятия) при сокращении удельного веса семейного и личного натурального хозяйства.

Таблица 8.4.

Структура экономики мировых цивилизаций*

Показатели	НЦ	РКЦ	АЦ	СЦ	РИЦ	ИЦ	ПИЦ
Воспроизводственная структура (воспроизводственные сектора)	100	100	100	100	100	100	100
Личного потребления	69	50	40	42	37	35	40
Госпотребления	-	8	12	11	12	15	12
Первичного продукта	20	18	15	15	13	8	5
Промежуточного продукта	8	15	17	18	20	18	16
Интеллектуального продукта	3	6	10	6	8	10	15
Рыночной инфраструктуры	-	3	6	8	10	14	12
Технологическая структура (технологические способы производства)	100	100	100	100	100	100	100
Мезолитический	30	5	-	-	-	-	-
Неолитический	70	35	5	-	-	-	-
Раннеклассовый	-	60	25	10	-	-	-
Античный	-	-	70	20	10	-	-
Средневековый	-	-	-	70	25	10	-
Раннеиндустриальный	-	-	-	-	65	25	10
Индустриальный	-	-	-	-	-	65	30
Постиндустриальный	-	-	-	-	-	-	60
Отраслевая структура (межотраслевые комплексы)	100	100	100	100	100	100	100
Охота, рыболовство, собирательство	26	12	5	1	-	-	-
Агропромышленный	35	30	25	30	27	12	10
Предметы личного потребления и личные услуги	8	12	13	14	15	16	19
Орудия труда и оружие	12	15	18	16	20	22	20
Топливо и энергия	6	7	8	10	11	13	14
Сырье и материалы	6	11	12	10	12	13	11
Строительство	7	10	12	12	12	13	12
Транспорт и связь	-	3	5	7	9	11	14
Институциональная структура (экономические уклады)	100	100	100	100	100	100	100
Семейное хозяйство	55	40	35	40	30	20	18
Мелкотоварное хозяйство	10	17	25	20	28	22	32
Крупное частное хозяйство	-	8	15	14	20	33	27
Государственное хозяйство	-	15	10	14	12	17	14
Общественное хозяйство	35	20	15	12	10	8	9
Стоимостная структура (элементы стоимости)	100	100	100	100	100	100	100
Материальные затраты	16	20	25	26	27	25	22
Амортизация	4	7	10	8	9	11	10
Оплата труда	50	42	37	38	30	25	27
Общественное потребление	23	15	10	7	9	11	14
Накопление	4	7	8	9	11	13	13
Непроизводственное потребление	3	9	10	12	14	15	14
Иерархическая структура (уровни воспроизводства)	100	100	100	100	100	100	100
Домашнее и личное хозяйство	67	50	43	45	35	22	20
Индивидуальные хозяйства (предприятия)	8	14	22	33	38	45	50
Региональная экономика	4	6	8	12	12	11	12
Национальная экономика	-	10	12	10	12	14	13
Интернациональное воспроизводство	-	-	-	-	3	7	15

* В % к валовому продукту.

Цивилизации: НЦ — неолитическая; РКЦ — раннеклассовая; АЦ — античная; СЦ — средневековая; РИЦ — раннеиндустриальная; ИЦ — индустриальная; ПИЦ — постиндустриальная.

Каких структурных сдвигов в экономике *постиндустриальной цивилизации* можно ожидать? Некоторые тенденции уже просматриваются на основе структурных сдвигов в экономике конца XX — начала XXI в. Возможны повышение доли интеллектуального сектора (в связи с переходом к обществу, основанному на знаниях) и сектора личного потребления (что отражает тенденции гуманизации экономики) при падении доли первичного и промежуточного продукта и госпотребления (если сохранится тенденция к демилитаризации экономики). Станет преобладающим постиндустриальный технологический способ производства, хотя сохранятся и ниши для индустриального и даже раннеиндустриального способов производства (особенно в семейном и мелком частном хозяйстве). Будет продолжаться падать доля агропромышленного комплекса и сырьевых отраслей при росте доли производства промтоваров и особенно услуг для населения, транспорта и связи.

Все более очевидным станет перелом в институциональной структуре экономики: существенно повысится доля мелкотоварного хозяйства за счет сокращения крупнокапиталистического (монополизированного) и государственного. При этом домашнее и личное подсобное хозяйства сохраняют свои позиции. Процесс глобализации находит выражение в существенном возрастании доли интернационального уровня воспроизводства при падении доли индивидуальных предприятий.

Разумеется, приведенные оценки и прогнозы носят во многом условный, экспертный характер; с их помощью количественно выражаются мнения авторов о происходивших и предстоящих сдвигах в структуре экономики авангардных локальных цивилизаций на стадии зрелости сменяющих друг друга мировых цивилизаций.

8.4. Циклы и кризисы в экономике цивилизаций XXI века

Приступая к долгосрочному экономическому прогнозу с вековым горизонтом в гецивилизационном разрезе, нужно постараться ответить на *три главных вопроса*:

➔ сохранится ли в постиндустриальную эпоху ритмика циклической динамики экономики, наиболее отчетливо проявившаяся в период индустриальной мировой цивилизации? Если да, то ка-

кие модификации циклично-генетических закономерностей экономической динамики ожидаются в перспективе в XXI столетии?

➔ каковы возможные контуры среднесрочных, долгосрочных (кондратьевских) и сверхдолгосрочных (цивилизационных) экономических циклов?

➔ экономические кризисы какой глубины и длительности и примерно в какие сроки достигнут экономику глобальной и локальных цивилизаций в наступившем веке?

Отвечая на эти кардинальные вопросы, мы рассматриваем собственно экономическую динамику и абстрагируемся от внешних факторов (возможности природно-экологических катастроф, столкновения цивилизаций и т. п.), которые способны оказать существенное влияние на траекторию экономической динамики.

1. Сохранение и модификация закономерностей циклической динамики экономики. В XXI в. появляется ряд новых факторов, которых не было в предыдущие столетия: становление глобальной, наднациональной экономики в результате интенсивно разворачивающихся процессов глобализации; возможность (при благоприятных условиях) перехода к глобальному направляемому развитию; сокращение темпов прироста, а затем стабилизация численности населения планеты при одновременной депопуляции во многих странах и локальных цивилизациях, что уменьшает демографическую нагрузку на экономический рост, но подрывает его основы. Как эти новые тенденции повлияют на циклическую динамику экономики? Не сделают ли они ее траекторию сравнительно равномерной, с гораздо меньшими колебаниями, и не приведут ли к сокращению темпов роста?

Не стоит думать, что закономерности циклической динамики уйдут в прошлое, и надеяться на равномерное, планомерное и устойчивое развитие экономики глобальной, мировых и локальных цивилизаций. Подобные иллюзии если и были у сторонников плановой социалистической и устойчивой мировой экономики, то в последние десятилетия развеялись. Цикличность — всеобщий закон развития; он не может не проявляться в экономической сфере, тем более, что в ней действуют объективные предпосылки и условия циклов: периодическая смена поколений техники, технологических укладов и технологических способов производства с колебаниями эффективности по фазам циклов; смена поколений людей с различными потребностями, способностями, знаниями, эффективностью деятельности на разных стадиях жизненного цикла; сохранение рыночной экономики с присущими ей диспропорциями и стихийно-

стью, с периодическими колебаниями равновесия и неравновесия. Можно причислить к этим объективным основаниям и цикличную неравномерность природно-экологических и социокультурных процессов. Не может экономика развиваться линейно (или экспоненциально) по строгим математическим законам, если все вокруг находится в состоянии постоянных циклических флуктуаций.

Однако из сказанного отнюдь не следует, что существовавшие в течение многих столетий закономерности и тенденции циклической динамики экономики автоматически переносятся в век наступивший. Напротив, можно с уверенностью утверждать, что они подвергнутся существенной модификации. Это отвечает выявленной **Н. Д. Кондратьевым** особенности социальных законов и законов развития природы: «Меняется закономерность социально-экономических явлений с изменением структурных признаков социального строя и характера человека... Закономерности социально-экономической жизни по существу имеют исторический характер» [90. — С. 220, 221].

Какие же модификации экономических циклов ожидают нас в наступившем веке?

Во-первых, глобализация экономики, становление ее как единой сложной системы, меняющейся в едином ритме, усиление зависимости между отдельными ее составными звеньями ведет к *синхронизации циклических колебаний в масштабах глобальной экономической системы*. Эта тенденция наглядно проявилась во время первого в новом тысячелетии мирового экономического кризиса 2001–2002 гг., особенно в инвестиционной и информационной сферах. Покажем это на примере прямых иностранных инвестиций — наиболее чуткого барометра мировой экономической конъюнктуры (табл. 8.5).

В 1986–1990 гг. темпы прироста мирового притока прямых иностранных инвестиций составляли 23,1% среднегодовых. В конце следующего среднесрочного цикла они выросли до 40,2%, в том числе в 1999 г. до 57,3%. Это был инвестиционный перегрев мировой экономики, предшествующий кризису. Уже в 2000 г. показатели снизились до 29,1%, а затем наступил кризисный обвал: в 2001 г. — сокращение на 40,9%, в 2002 г. — на 21%, то есть за два года на 53%. Это очевидный *мировой инвестиционный кризис*. Он развивался сравнительно синхронно. Лидерами являются США (падение в 10,4 раза при предшествующем росте в 1,8 раза), Германия (падение в 5,3 раза при предшествующем росте в 8,2 раза) и Великобритания (падение в 5,2 раза, предшест-

Таблица 8.5.

Приток прямых иностранных инвестиций*

Страны		1990-1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Все страны	а ¹	254,3	481,9	686,0	1079,1	1393,0	823,8	651,1
	б ²		190	142	157	129	59	79
Развитые страны	а	154,6	269,7	473,3	824,6	1120,5	589,4	460,3
	б		174	175	175	136	53	78
Западная Европа	а	91,0	139,3	263,0	496,2	709,9	400,8	384,4
	б		153	189	189	143	56	96
в т. ч. Великобритания	а	16,5	33,2	74,3	84,2	130,4	62,0	24,9
	б		201	224	113	155	48	40
Германия	а	4,8	12,2	24,6	55,8	203,1	33,9	38,0
	б		254	202	227	364	17	112
Франция	а	18,4	23,2	31,0	46,5	43,2	55,2	51,5
	б		126	134	150	93	128	93
Северная Америка	а	53,4	114	197,2	308,1	380,7	172,8	50,6
	б		215	172	156	102,4	45	29
в т. ч. США	а	46,8	103,4	174,4	283,4	304,0	144,0	30,0
	б		221	169	162	111	46	21
Япония	а	0,9	3,2	3,2	12,7	8,3	6,2	9,3
	б		356	100	397	65	75	150
Развивающиеся страны	а	91,5	193,2	191,3	229,3	246,1	209,4	162,1
	б		211	99	120	107	85	77
Африка	а	4,6	10,7	8,9	12,2	8,5	18,8	11,0
	б		233	83	137	70	221	59
Латинская Америка	а	27,1	73,3	82,0	108,3	95,4	83,7	56,0
	б		270	112	132	88	88	67
Азия	а	59,4	109,1	100,0	108,5	142,1	106,8	95,0
	б		184	92	108	131	75	89
Китай	а	25,5	44,3	43,8	40,3	40,8	46,8	52,7
	б		173	99	92	101	115	113
Индия	а	1,1	3,6	2,6	2,2	2,3	3,4	3,4
	б		327	72	85	105	198	100
Россия	а	1,45	4,86	2,76	3,31	2,71	12,47	2,42
	б		335	57	120	82	91	98

*[148. — Р. 258–260].

¹а — млрд долл.;

²б — в % к предыдущему периоду.

вующий рост в 1,8 раза). Однако и здесь наблюдаются исключения: во Франции за 2001–2002 гг. объем прямых иностранных инвестиций даже вырос по сравнению с предыдущим периодом.

Развивающиеся страны также были вовлечены в орбиту инвестиционного кризиса, хотя и не в столь острой форме: падение прямых иностранных инвестиций за 2001–2002 гг. составило 34% против 29% роста за 1999–2000 гг. Однако и здесь картина пест-

рая. В Латинской Америке падение составило 41% (по сравнению с 1997 г. — 48%), в Азии в целом — 33%. Однако в Китае продолжился рост иностранных инвестиций — на 29,1% за два года, в Индии они увеличились в 2001 г. на 48%. В России пик прямых иностранных инвестиций пришелся на 1997 г. (335% по сравнению со среднегодовым показателем за 1991—1996 гг.). Однако в 1998 г. они упали на 43% в результате дефолта; к 1999 г. несколько поднялись, а затем ежегодно сокращались, составив в 2002 г. 73% от уровня 1999 г. и 0,37% от мировых прямых инвестиций. Основной поток прямых инвестиций идет в развитые страны (в 2000 г. — 80%, в 2002-м — 71%), Латинскую Америку (6,9% и 8,6% соответственно) и Китай (2,9% и 8,8%). Любопытно отметить, что в Китай — страну с плановой экономикой — в 2002 г. поступило 8,8% прямых иностранных инвестиций, а в Индию, государство с рыночной экономикой, всего 0,5%. Рыночные реформы по неолиберальной модели в России не привели к желанному притоку прямых иностранных инвестиций — в 2002 г. их объем оказался в 23 раза меньше, чем объем вливаний в экономику социалистического Китая.

Из табл. 8.5 становится очевидным, с одной стороны, наличие четко выраженного ритма циклов и кризисов в мировой экономике, образующей в итоге единое целое глобализации; с другой — неповторимая траектория циклической динамики каждой цивилизации, которая иной раз оказывается в противофазе к мировому циклу. Но это скорее исключение, чем правило.

Во второй половине XX в. циклы экономической динамики локальных цивилизаций нередко находились в противофазах: кризисы 70-х и 80-х годов в западных цивилизациях при фазах подъема в китайской и зрелости в евразийской и восточноевропейской цивилизациях. В 90-е годы фазы оживления и подъема западных цивилизаций сочетались с застоём японской и глубоким экономическим кризисом евразийской и восточноевропейской цивилизаций. В перспективе XXI в. можно ожидать, что ритмика экономических циклов будет все больше синхронизироваться для разных цивилизаций, хотя особенности в ритмике каждой из них, естественно, сохранятся.

Во-вторых, от преобладающей модели глобализации (неолиберальной или гуманистически-ноосферной) зависит вектор *движения поляризации* в мировой экономике — будет ли разрыв между богатыми и бедными странами и цивилизациями возрастать или сокращаться. ООН уже ставила в конце 70-х годов задачу сократить разрыв по ВВП на душу населения между развитыми и раз-

Таблица 8.6.

Разрыв в ВВП на душу населения между цивилизациями с высшими и низшими доходами*

Цивилизации и ведущие страны	1820	1870	1913	1950	1973	2001	2001 к 1913, %
<i>ВВП на душу населения, долл. 1990 г.</i>							
Западная Европа	1204	1960	3458	4579	11 416	19 256	557
США	1257	2445	5301	9561	16 689	27 948	527
Индия	533	533	673	619	853	1957	291
Африка	420	500	637	894	1410	1489	234
<i>Отставание низших доходов от высших, раз:</i>							
Индия от Западной Европы	2,3	3,7	5,1	7,4	13,4	9,8	192
от США	2,4	4,6	7,9	15,4	19,6	14,3	181
Африка от Западной Европы	2,9	3,9	5,4	5,1	8,1	12,9	239
от США	3,0	4,9	8,3	10,7	11,8	18,8	227

*[264. — P. 262].

вивающимися странами к 2000 г. почти вдвое — с 12 до 7 раз; возможность этого была обоснована группой экспертов ООН во главе с нобелевским лауреатом **В. В. Леонтьевым** [24]. Однако результат оказался противоположным — пропасть между цивилизациями с высшим и низшим уровнем экономического развития в течение всего XX в. только расширилась (*табл. 8.6*).

Хотя за последние четверть века отставание Индии от Западной Европы и США заметно сократилось, однако в целом за XX в. этот показатель вырос в 1,9 раза относительно Западной Европы и в 1,8 раза относительно США, сохранившись к 2001 г. соответственно на уровне 9,8 и 14,3 раза. Отставание Африки нарастало по всем периодам, в целом за столетие оно увеличилось в 2,4 раза от Западной Европы и в 2,3 раза от США и к 2001 г. достигло соответственно 12,9 и 18,8 раза. Напомним, что в 2001 г. население Индии было в 1,7 раза больше, чем Западной Европы и США вместе взятых, а Африки — в 1,35 раза больше [263. — С. 256].

Учитывая, что развитые страны ускоренно осваивают в ближайшие десятилетия более эффективный шестой технологический уклад, а отстающие цивилизации не имеют для этого необходимых ресурсов, то при сохранении господства современной неолиберальной модели глобализации разрыв между ними в будущем только возрастет. Лишь смена этой модели на гуманистически-

ноосферную, решение проблемы глобального устойчивого развития при опережающем росте ныне отстающих стран может сменить тенденцию на противоположную, постепенно смягчить поляризацию стран и цивилизаций по уровню экономического развития.

В-третьих, в перспективе в XXI в. можно рассчитывать на *сокращение средней продолжительности экономических циклов*: среднесрочных — с нынешних 9–11 до 7–9 лет к концу столетия (ускорение темпов обновления поколений техники и технологий); долгосрочных кондратьевских — с 45–55 до 40–45 лет (и соответственно — частоты смены технологических укладов); сверхдолгосрочных (цивилизационных) — с 2,3–2,5 столетия для индустриального экономического способа производства примерно до двух столетий для интегрального постиндустриального.

Суцность наступающего способа производства как интегрального впервые обосновал **П. Сорокин** [181. — С. 115–116]. Эту идею развил **Л. И. Абалкин** на основе выдвинутой им *теории исторического синтеза*: «Логика исторического прогресса... может быть описана с помощью теории исторического синтеза. Ее суть состоит в рассмотрении социально-экономических перемен на широком историческом фоне как результата соединения и переплетения тенденций развития личных прав и свобод, социализации общественной жизни и общественного устройства» [1. — С. 48]. Этому будет способствовать изменение характера глобализации: «Беда не в самой глобализации, а в политических и экономических механизмах ее регулирования. Человечество не бессильно перед угрозами глобализации, оно в состоянии — в планетарном масштабе — наиболее разумно и успешно направлять ее ход. Потенциально глобализация позволит резко повысить эффективность производства, ослабить экологические последствия роста, более равномерно распределять богатства между богатыми и бедными» [там же. — С. 125]. Использование резервов исторического синтеза и позитивной модели глобализации уменьшит напряженность и противоречия в глобальной экономической системе и тем самым будет способствовать ускорению темпов цивилизационного прогресса, сокращению средней продолжительности экономических и технологических циклов.

Следовательно, ответ на первый вопрос однозначен: **цикличность экономической динамики в постиндустриальной мировой цивилизации сохранится, но существенно модифицируется.**

2. Контуры циклов XXI столетия. Ответим теперь на второй вопрос: каковы контуры ожидаемых экономических циклов разной длительности в течение наступившего века?

Начнем с более простой, очевидной и регулярной формы циклической динамики — со *среднесрочных экономических циклов*. Выше было сказано, что они сохранятся в новом веке, равно как и определяющие их циклы смены поколений техники (технологий). Еще **К. Маркс** отмечал, что периодичность кризисов определяется этапами обновления основного капитала (стоило бы добавить — активной его части). Частота обновления поколений техники (технологий) скорее всего будет сокращаться, особенно в фазах оживления и подъема долгосрочных (кондратьевских) и сверхдолгосрочных (цивилизационных) экономических циклов. Поэтому, возможно (если абстрагироваться от влияния внешних факторов), в течение столетия сменится не 10, а 11–12 среднесрочных экономических циклов.

Первый из циклов XXI в. уже начал свой путь с мирового экономического кризиса 2001–2002 гг. Это привело к резкому замедлению темпов роста ВВП, особенно в странах с высоким уровнем доходов (*табл. 8.7*), и падению производства в Латинской Америке.

В то же время в ряде стран с низкими и средними доходами, в том числе в Китае, Индии, России, темпы роста ВВП ускорились. Этот факт отражает своеобразие экономического цикла упомянутых стран, находящегося в противофазе к общемировому циклу.

Следующие кризисы будут происходить ориентировочно в начале каждого десятилетия, а в перспективе, возможно, и чаще. Если учитывать выявленную Н. Д. Кондратьевым закономерность взаимовлияния среднесрочных и долгосрочных циклов [86. — С. 339, 379–380], то можно ожидать, что на понижательных волнах больших (кондратьевских) циклов кризисы среднесрочных циклов будут глубже, а подъемы — меньше. На повышательных же волнах картина окажется обратной. Поскольку с начала XXI в. наметилась, согласно нашему подходу, понижательная волна пятого кондратьевского цикла, то ближайшие два среднесрочных цикла охарактеризуются более глубокими спадами и меньшими подъемами, а с 30-х годов на пару циклов вверх возьмет обратная тенденция. Во второй половине столетия эта смена тенденций скорее всего вновь повторится, если в ход экономической динамики не вмешаются внеэкономические факторы.

Что касается *долгосрочных экономических циклов*, то, по нашей оценке, с начала века совершился переход от повышательной к понижательной волне пятого кондратьевского цикла. Можно

Таблица 8. 7.

Среднегодовые темпы прироста ВВП, %*

Цивилизации и ведущие страны	ВВП			ВВП на душу населения		
	1999- 2000	2001- 2002	2002- 2003	1999- 2000	2001- 2002	2002- 2003
<i>Весь мир</i>	3,9	1,9	2,8	2,5	0,7	1,6
<i>Страны с высоким доходом</i>	3,5	1,6	2,2	2,8	1,0	1,7
в т. ч. США	4,2	2,4	3,1	3,0	1,4	2,2
Великобритания	3,1	1,8	2,2	2,7	1,5	2,0
Германия	3,0	0,2	-0,1	2,9	0,0	-0,1
Франция	3,1	1,2	0,5	2,6	0,7	0,0
Япония	2,4	0,3	2,7	2,2	0,2	2,5
<i>Страны с низким доходом</i>	4,2	4,0	6,9	2,2	2,1	5,7
<i>Страны с низким и средним доходом</i>	5,4	3,3	5,2	3,9	2,0	3,9
в т. ч. Китай	7,9	8,0	9,3	7,2	7,3	8,6
Индия	3,9	4,0	8,6	2,0	3,0	7,1
Россия	8,3	4,3	7,3	8,9	4,8	7,8
Латинская Америка	3,8	-0,8	1,6	2,3	-2,2	0,1
Африка южнее Сахары	3,1	2,8	2,2	0,6	0,5	1,7
Средний Восток и Северная Африка	4,0	3,0	5,7	2,0	1,0	3,7

*[271. — P. 22—24].

ожидать, что примерно в 20-е годы начнется повышательная волна шестого кондратьевского цикла (и адекватного ему технологического уклада). Он зарождается в недрах уходящего цикла и в 20—40-е годы будет определять конкурентоспособность товаров и услуг на мировом (следовательно, и на внутреннем) рынке. С учетом некоторого сокращения длительности долгосрочных циклов, шестой цикл будет преобладать примерно в течение четырех десятилетий, после чего уступит место следующему, седьмому кондратьевскому циклу, который сохранит лидерство до конца XXI века. Впрочем, мы берем здесь логику экономической динамики «в чистом виде», не учитывая влияния факторов из смежных сфер.

Видимо, *к середине XXI столетия в основном завершится становление постиндустриального экономического способа производства (сверхдолгосрочного экономического цивилизационного цикла) в группе авангардных стран.* Во второй половине века этот способ производства будет распространяться вширь, охватывая все новые страны и цивилизации, и к концу века станет преобладающим в глобальном экономическом пространстве.

3. Экономические кризисы XXI в. Трудно предсказывать экономические потрясения в «светлом будущем» постиндустриального

мира, но делать это необходимо, чтобы заранее подготовиться к будущим кризисам, обоснованно их диагностировать и выбирать надежные средства для прохождения кризисной фазы в возможно короткий срок и с меньшими потерями. Что же нас ждет?

Во-первых, думать, что переход к так называемому устойчивому развитию позволит навсегда распространиться с экономическими кризисами (их можно называть спадом, рецессией и т. п. — суть от этого не меняется) — опасная утопия, несбыточные надежды. **Н. Н. Моисеев** показал, что понятие «устойчивое развитие» в русском переводе содержит противоречие в самом себе: *развитие не может быть устойчивым*, оно вытекает из неустойчивости в динамике системы и порождает новую неустойчивость [136]. Кризисные фазы в цикличной динамике экономических систем сохранятся до тех пор, пока существуют и развиваются сами эти системы. Более того, кризисы в этой динамике необходимы и полезны, поскольку они освобождают экономическое пространство от устаревших элементов, открывая тем самым простор для становления и развития новых составляющих ее наследственного генотипа. Пытаться «очистить» экономическую систему от кризисов — значит, обрекать ее на застой и в конечном счете на гибель.

Во-вторых, сохранится ритм повторения — примерно каждое десятилетие — кризисных фаз среднесрочных экономических циклов. Другое дело, что они могут быть совершенно непохожими друг на друга в разных странах и цивилизациях. Будучи синхронизированными в ведущих странах данной цивилизации, они значительно различаются по цивилизациям и странам, удаленным от эпицентра. Например, в 90-е годы, когда западные цивилизации переживали оживление и подъем, евразийская цивилизация находилась в состоянии глубокого кризиса. В период мирового экономического кризиса 2001—2002 гг. экономика России и других стран евразийской цивилизации находилась в противофазе, в периоде оживления. Однако глобализация экономики, вероятно, сократит возможность таких отклонений от общего ритма.

В-третьих, переход от пятого к шестому кондратьевскому циклу вызовет, как можно ожидать, более глубокий и длительный кризис в начале 20-х годов, после чего, на повышательной фазе шестого цикла, возможно смягчение глубины кризисов. Противоположная тенденция может наблюдаться с 60-х годов, с переходом к понижательной волне шестого цикла. Следующий глубокий кризис будет наблюдаться, возможно, в 80-е годы XXI столетия.

В-четвертых, длительная кризисная фаза цивилизационного цикла, связанная с переходом от индустриальной к постиндустриальной мировой цивилизации, протянется, вероятно, с 90-х годов XX в. до 20–30-х годов XXI в., а на периферии еще дольше. Цивилизационный кризис приведет к серьезному преобразованию структуры экономики и механизма ее функционирования; не все параметры этой трансформации еще ясны.

Однако следует учитывать, что экономические циклы и кризисы XXI столетия будут разворачиваться на фоне новых тенденций, порождаемых глобализацией: «В грядущие десятилетия, — предсказывает Э. Тоффлер, — мы станем свидетелями титанической борьбы за власть между сторонниками глобальной и национальной концепций экономики, битвы за регулирование на мировом рынке капитала. Эта борьба отразит противоречие между умирающим индустриальным порядком и новой глобальной системой создания материальных ценностей, идущей ему на смену» [193. — С. 85]. В обществе, основанном на знании, главным действующим лицом становится новатор: «Новый герой — уже не неквалифицированный рабочий, не финансист и не менеджер, а новатор (внутри или вне крупной организации), который сочетает воображение и знания с действием» [Там же. — С. 288]. Знания становятся основой власти: «Знания дают власть высочайшего качества» [Там же. — С. 575].

8.5. Механизмы воспроизводства и инновационного обновления ресурсов

XXI столетие вносит *новые элементы в процесс воспроизводства и инновационного обновления основных производственных ресурсов реальной экономики цивилизаций*:

➔ *основного капитала* — как пассивной (здания, сооружения, транспортные пути и т. д.), так и активной (машины, оборудованные приборы и т. д.) его составляющих;

➔ вовлеченных в процесс воспроизводства *природных ресурсов* (земельных, минеральных, лесных, водных и др.) и той части общественного капитала, которая направляется на охрану и облагораживание окружающей природной среды (очистные сооружения и т. п.);

➔ *человеческого капитала* — используемой в процессе производства рабочей силы, ее восстановления, пополнения, подготовки, переподготовки, обновления;

➔ *интеллектуального капитала* — накопленной, постоянно пополняющейся и обновляющейся суммы знаний, открытий, изобретений и технологий, лежащих в основе потока инноваций.

Какие же новшества в воспроизводстве, сочетании и инновационном обновлении этих ресурсов ожидаются в наступившую эпоху, с переходом к постиндустриальной цивилизации?

Во-первых, меняются соотношения и значимость ресурсов, выступающих в едином потоке воспроизводства. Если в индустриальном обществе первую скрипку играл основной капитал, периодическое обновление которого определяло ритм экономической динамики, а технологического уровня — эффективность воспроизводства, то в постиндустриальной мировой цивилизации, в обществе, основанном на знаниях, на ведущие позиции выходит *интеллектуальный капитал*. Уровень познания закономерностей природы и общества, способов использования этих закономерностей в практической деятельности лежит в основе конкурентоспособности и эффективности как отдельных предприятий, так и отраслей, регионов, национальных экономик, экономик локальных цивилизаций, да и самой системы управления, государственной власти. По определению Э. Тоффлера, прежние системы «власти силы» и «власти денег» уступают место «власти знаний»: «Контроль над знаниями — вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества; знание становится основным источником развития экономики» [193. — С. 572].

Второе по значимости место принадлежит *человеческому капиталу* — совокупности работников всех уровней (от рабочих до руководителей государств), производящих товары, платные и бесплатные услуги. Данный показатель учитывает уровень знаний и навыков этих работников, их умение пополнять и обновлять свои знания, овладевая интеллектуальным капиталом и приводя его в действие, их инновационную активность, мотивацию, уровень и качество жизни, оптимальность их распределения по профессиям, отраслям, регионам, странам, локальным цивилизациям. Разрыв между уровнем знаний и навыков работников и сложностью задач, которые им необходимо решать в процессе инновационного обновления технологий и экономики, в эпоху радикальных перемен становится тормозящим фактором.

Третью позицию в иерархии ресурсов занимают *природные ресурсы*, которые являются естественной основой воспроизводства и жизни людей и в то же время все более отчетливо выступают в качестве ограничителей в беспредельном стремлении человечества к экономическому росту и экспансии потребления, диктуя необходимость вкладывать все больше средств в воспроизводство, рациональное использование и сбережение природных ресурсов и охрану окружающей среды, обеспечение рациональной коэволюции природы и общества, становление ноосферной цивилизации.

Замыкает эту иерархическую лестницу *основной капитал*, его предназначение — обеспечить эффективное функционирование и инновационное обновление перечисленных выше ресурсов, воспроизводство и конкурентоспособность всей обширнейшей гаммы товаров и услуг, необходимых для удовлетворения постоянно растущих и усложняющихся потребностей человека, общественного и производственного потребления. Основной капитал перестает быть самостоятельной силой, он быстро обесценивается и требует своевременного обновления, стареет экономически, технически (морально), экологически и социально. Если он своевременно не обновляется в периоды технологических переворотов, то висит камнем на шее общества, вызывая падение конкурентоспособности и эффективности экономики.

Соотношение основных воспроизводственных ресурсов оказывается специфическим для каждой цивилизации, определяя уровень конкурентоспособности ее экономики. Во многом специфичны и методы воспроизводства ресурсов.

Во-вторых, в условиях активных процессов глобализации, формирования глобальной экономики сам *процесс воспроизводства основных ресурсов приобретает глобальный характер*. Наиболее очевидно это в отношении интеллектуальных ресурсов — новые знания не имеют национально-государственных границ (хотя в виде патентов изобретения «надевают» национальные «мундиры»). Не менее очевиден глобальный характер природного капитала — энергетических, земельных, водных, лесных ресурсов. Они локализованы в рамках отдельных государств и цивилизаций, но выполняют функцию удовлетворения потребностей всего человечества в энергии, продовольствии, пресной воде, регенерации кислорода и т. п. Да и человеческий капитал все свободнее мигрирует по планете: и в рамках локальных цивилизаций, и в межцивилизационных перемещениях (мощный «миграционный насос» в США). То же самое можно сказать об основном

капитале и его внешнем финансовом источнике — прямых иностранных инвестициях, которые в целом по миру увеличились с 254 млрд долл. в 1982 г. до 1393 млрд в 2000 г., но затем спазматически сократились до 651 млрд в 2002 г. [147. — С. 258], потом вновь восстановили свой стремительный бег.

Если посмотреть на цивилизационную структуру потока прямых иностранных инвестиций, то окажется, что в 2000 г. 51% его приходился на западноевропейскую цивилизацию, 27% — на североамериканскую, 7,4% — на Китай с Гонконгом, 6,8% — на Латинскую Америку и менее чем по 0,2% — на Индию и Россию [Там же. — С. 258—260].

Можно ожидать, что в последующие десятилетия тенденция глобализации воспроизводства, использования и обновления основных воспроизводственных ресурсов будет нарастать, формируя единую воспроизводственную базу в планетарных масштабах для всей глобальной цивилизации, способствуя сближению уровня экономического развития локальных цивилизаций.

В-третьих, процесс воспроизводства и инновационного обновления основных ресурсов все более отчетливо приобретает цивилизационный характер. Это находит выражение не только в том, что переход от индустриальной к постиндустриальной мировой цивилизации меняет сам характер воспроизводства и использования ресурсов, их иерархию, но и в том, что формируется наднациональный, надгосударственный уровень воспроизводства в рамках существенно различающихся между собой локальных цивилизаций. Эта тенденция наиболее отчетливо проявляется в рамках западноевропейской (поглощающей теперь и восточноевропейскую) и североамериканской цивилизаций, но начинает просматриваться и в евразийской; применительно к японской, китайской и индийской цивилизациям рамки государственного и цивилизационного воспроизводства в основном совпадают. Менее заметен этот процесс в африканской (южнее Сахары), буддийской и мусульманской цивилизациях. Но и здесь в перспективе можно ожидать усиления интеграционных тенденций.

В-четвертых, ритм циклов и кризисов все более отчетливо и синхронизированно просматривается в динамике и инновационном обновлении воспроизводственных ресурсов, особенно при смене преобладающих технологических укладов и кондратьевских циклов, а также в длительный, охватывающий примерно половину XXI в. период становления постиндустриальных технологического, экономического и экологического способов производства.

Трансформационные процессы происходят неравномерно во времени и пространстве. На нисходящей волне пятого кондратьевского цикла, начиная с кризиса 2001–2002 гг., видимо, будет наблюдаться углубление кризисных потрясений среднесрочных экономических циклов, особенно к 20-м годам, когда потребуются радикальное обновление основного и человеческого капитала при реализации кластера базисных инноваций шестого технологического уклада, адекватного постиндустриальному технологическому способу производства. В дальнейшем, на повышательной волне шестого кондратьевского цикла, вероятно, глубина потрясений и обновлений несколько уменьшится, центр тяжести будет перенесен на распространение, диффузию новых технологического, экономического и экологического способов производства из центра на периферию. В это время окончательно станет ясно, сохранится ли лидерство в транснациональных процессах лишь за североамериканской и западноевропейской цивилизациями либо число лидеров пополнится китайской или какой-то иной цивилизацией.

В любом случае очевидно, что в первой половине наступившего столетия нас ждут радикальные перемены в иерархии используемых воспроизводственных ресурсов, механизмов их использования и обновления.

Обратимся теперь к **финансовым потокам воспроизводства и обновления каждого из основных ресурсов** и к тем новациям, которые нас ждут в этой области.

1. Воспроизводство и инновационное обновление основного капитала. Общепринятой формой для этого является *амортизация* — отчисления от стоимости основных фондов, включаемые в издержки производства и цены производимых с их помощью товаров и услуг, исходя из срока службы этих фондов. При этом обычно используется либо линейная, равномерная по годам шкала амортизационных отчислений, либо дегрессивная шкала (ускоренная амортизация), когда в первые годы амортизируется основная часть стоимости с последующим уменьшением отчислений. Механизм ускоренной амортизации приобретает все более широкое распространение, однако он таит в себе немалые опасности, особенно для принципиально новой продукции, освоение которой связано с крупными стартовыми издержками и немалым риском. Включение в издержки и цену этой продукции повышенных амортизационных отчислений ведет к существенному ее удорожанию и ограничивает спрос, сокращает масштабы рынка и удлиняет сроки окупаемости первоначальных вложений.

Однако общие направления динамики амортизационных отчислений очевидны. Они должны учитывать тенденцию сокращения длительности технологических циклов, техническое, экологическое и социальное старение используемых основных фондов. Уровень амортизационных отчислений должен быть достаточным для того, чтобы они стали главным источником инвестиций в основной капитал и финансирования небольших улучшающих инноваций (микроинноваций), поскольку осуществлять инвестиции на прежней технологической базе невозможно — ранее выпускавшегося оборудования на рынке часто уже нет. Особенно важно это в фазе оживления экономического цикла, когда происходит массовое обновление основного капитала. Мешает этому процессу высокая инфляция, когда происходит обесценение основного капитала, падает доля амортизации в цене.

Другими источниками инновационного обновления основного капитала служит *капитализация прибыли* (и особенно сверхприбыли) в рыночном секторе и *бюджетные инвестиции* в нерыночном секторе. Доля и значение этих источников в перспективе будет возрастать, особенно в периоды выхода из кризисов.

2. Источники воспроизводства природных ресурсов. Вовлеченные в процесс воспроизводства месторождения полезных ископаемых, земельные и лесные массивы, источники водоснабжения во многом подобны основному капиталу; они локализованы по регионам, странам и цивилизациям. В поиски и разведку месторождений полезных ископаемых, землеустройство и поддержание плодородия почвы, лесное и водное хозяйство, охрану лесов от пожаров в течение ряда лет вкладываются крупные суммы, которые должны возмещаться через цены произведенной с использованием этих ресурсов продукции. Поэтому в стоимости природоёмких товаров добывающей промышленности и сельского хозяйства необходима специальная статья, аналогичная амортизации основных фондов, а на балансах предприятий (и страны в целом) должна отражаться стоимость воспроизводства используемых природных ресурсов.

Именно из этого методологического подхода исходили ВИЭМС и НИИ цен, когда предложили включать в себестоимость и цены минерального сырья ставки возмещения затрат на геологоразведочные работы. Эти предложения были приняты правительством и в конце 70-х годов внедрены в практику. Однако в ходе нелиберальных рыночных реформ отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы сперва были включены в состав налогов за счет прибыли, а с 2001 г. поглощены единым уравнительным

налогом на добычу полезных ископаемых, то есть практически ликвидированы. В результате резко сократился объем геологоразведочных работ, прирост разведанных запасов покрывает лишь около половины объема добычи. По данным бывшего министра геологии СССР **Е. А. Козловского**, объем затрат на геологоразведочные работы по нефти и газу должен составлять не менее 3 млрд долл. в год. В 2003 г. было затрачено 1,3 млрд, в том числе из федерального бюджета всего 200 млн долл. Государство, присваивая основную часть горной ренты, старается сбросить с себя ответственность за воспроизводство минерально-сырьевой базы. Подобная картина наблюдается и по другим природным ресурсам.

Кроме того, дополнительными источниками расширенного воспроизводства природных ресурсов и охраны окружающей среды должны стать штрафные платежи за нерациональное использование этих ресурсов и сверхнормативное загрязнение среды (изъятие экологической антиренты и направление части прибыли и бюджетных расходов на эти цели).

Воспроизводство (в экономическом смысле слова) используемых природных ресурсов необходимо обеспечить за счет обособленных финансовых потоков, образуемых в основном путем отчислений (подобных амортизации) предприятий, эксплуатирующих эти ресурсы (минеральные, лесные, земельные и т. п.). Это не прибыль и тем более не рента, а элемент себестоимости, издержек производства. Часть поступивших средств может использоваться добывающими предприятиями на детальную разведку и доразведку эксплуатируемых месторождений, часть — направляться централизованно для финансирования общегеологических и поисковых работ в новых провинциях и других работ, выходящих за рамки компетенции действующих предприятий.

3. Воспроизводство человеческого капитала. Понятие человеческого капитала ввел в научный оборот нобелевский лауреат **Г. Беккер** [11]. Однако содержание этого понятия известно давно: еще **К. Маркс** писал о зарплате как стоимости и цене используемой капиталом рабочей силы, причем в эту стоимость включались не только издержки содержания рабочего и его семьи, но и так называемый исторический и моральный элемент — затраты социокультурного характера. Со временем величина этого элемента нарастает: увеличиваются расходы на общее и специальное образование работника, повышение его квалификации, средства массовой информации, культуру и развлечения, а также расходы на лечение, спорт и отдых. Это ведет к увеличению массы необхо-

димого труда, хотя доля его в общей стоимости продукции падает. Затраты на воспроизводство человеческого капитала дифференцируются по странам и цивилизациям; наиболее высоки они в североамериканской, западноевропейской и японской цивилизациях; наиболее низки — в африканской и мусульманской.

В России уровень затрат на воспроизводство рабочей силы ниже, чем в развитых странах; он повышался до начала 90-х годов, после чего резко упал в период кризиса, затем начал расти, но далеко не возместил еще понесенные потери, обесценение человеческого капитала.

Фонд воспроизводства трудовых ресурсов (человеческого капитала) состоит из нескольких элементов: заработной платы работников и доходов членов их семей (включая всевозможные надбавки); социальных трансфертов — дополнительных выплат и бесплатных услуг, осуществляемых за счет федерального, регионального и муниципальных бюджетов и других источников; доходов от собственности; натуральных продуктов от личного и домашнего хозяйства. В любом случае в данной стране, регионе, цивилизации общий размер рабочего фонда имеет объективную основу и должен расти по мере увеличения стоимости воспроизводства рабочей силы, с колебаниями по фазам экономических циклов.

Во время рыночных реформ в России эта закономерность была нарушена: реальные располагаемые денежные доходы населения составили в 1999 г. (по отношению к 1990 г.) всего 46%, реальная заработная плата — 38%. Резко усилилась дифференциация доходов, так что значительные слои населения не имели возможности осуществлять даже простое воспроизводство рабочей силы, что стало одним из факторов увеличения смертности и сокращения средней ожидаемой продолжительности жизни населения. Лишь с 2000 г. тенденция изменилась, доходы населения стали расти опережающими темпами, но докризисный уровень будет достигнут еще не скоро. Так называемая монетизация социальных льгот и уравнительное распределение выделяемых на них ресурсов могут еще более ухудшить условия воспроизводства значительной части человеческого капитала, так как конкретные потребности различных людей и семей, нуждающихся в таких льготах, многократно различаются, а уравнительная платность этого не учитывает. Важнейшую роль среди источников расширенного воспроизводства человеческого капитала играют бюджетные вложения государства в здравоохранение,

образование, культуру, социальное обеспечение, которые относятся в основном к нерыночному сектору экономики. Абсолютная масса и доля затрат государства на эти цели в постиндустриальном обществе будут возрастать.

Сложной проблемой является *миграционный аспект воспроизводства человеческого капитала*. Возникает несколько проблем в этом плане. Одна из них — миграция квалифицированной рабочей силы (ученых, программистов, деятелей культуры) из бывшего СССР и других стран в США и Западную Европу. Не возмещающая крупные суммы на подготовку квалифицированной рабочей силы, развитые страны по существу получают своеобразную «дотацию» от стран — доноров рабочей силы, которую можно исчислять десятками миллиардов долларов ежегодно. Другой аспект — мигранты низкой квалификации, которые, перебираясь в развитые страны, пользуются там развитой системой социальных услуг, не приложив труда к ее созданию. Третья проблема состоит в том, что в результате межцивилизационной миграции размывается сравнительно однородный состав населения, возникают анклавные культуры, что все чаще вызывает вспышки межнациональных конфликтов. Наиболее яркий пример — гражданская война в Косово, завершившаяся (при поддержке западных цивилизаций) фактическим отделением Косово от Сербии. Поскольку объем миграции в перспективе будет нарастать, эти проблемы требуют глубокого исследования и взвешенного решения.

4. Воспроизводство интеллектуального капитала. Интеллектуальный капитал страны, цивилизации формируется в течение длительного времени и требует крупных затрат. Его воспроизводство предполагает значительные вложения государства и предпринимательского сектора в образование, формирование научных и конструкторских школ, подготовку исследователей, содержание и развитие научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, патентование изобретений и т. п. Эти затраты покрываются в основном государством, но чем ближе к инновациям, тем больше доля вложений со стороны бизнеса (хотя в нерыночном секторе экономики эти затраты все равно остаются за государством). В условиях формирования общества, основанного на знаниях, новой научной парадигмы, научно-технологического переворота должны значительно увеличиваться затраты на воспроизводство и обновление интеллектуального капитала, иначе страна, цивилизация окажутся на задворках глобального научно-технологического переворота, утратят конкурентоспособность.

К сожалению, именно такая тенденция сложилась в России в 90-е годы, когда многократно уменьшились затраты государства и предпринимательского сектора на науку и изобретения. В результате в 1991—1995 гг. среднегодовые темпы сокращения численности исследователей составляли 10,8%, расходов на науку — 23,9%, числа впервые использованных изобретений — 12,1%. В итоге доля России в мировых роялти и лицензионных платежах составила в 2001 г. 0,18% (при доле в уплаченных 0,5%), а доля в мировом экспорте высоких технологий всего 0,25% — исчезающе малые величины. Старение корпуса ученых и научных сотрудников, закрытие многих научных и большинства конструкторских школ — весьма опасные тенденции, грозящие отставанием в научной и инновационно-технологической сферах в будущем.

Выход может быть найден в преодолении искусственного разрыва между наукой, высшей школой и инновационно-активным производством, в создании исследовательских университетов, учебно- и научно-производственных объединений, инновационно-внедренческих зон, стратегических научно-технологических альянсов и других форм интеграции. Все это позволило бы включить в орбиту творческого процесса талантливую молодежь и реализовать принципиально новые идеи на практике. Должна быть создана сеть научных, венчурных и иных фондов для обеспечения расширенного воспроизводства интеллектуального капитала как основы конкурентоспособности страны в условиях разворачивающегося в мире научно-технологического переворота.

Подобные тенденции обеспечения воспроизводства и изменения пропорций основных воспроизводственных ресурсов будут наблюдаться в ближайшие десятилетия и в других цивилизациях, адаптирующихся к характеру постиндустриального общества, основанного на знаниях. Наиболее сложной является эта трансформация для цивилизаций, отставших в технологическом и экономическом развитии, особенно африканской. Потребуется объединение усилий всего человечества, партнерство цивилизаций для решения кардинальных проблем обеспечения глобального устойчивого развития и преодоления сложившегося за время индустриальной эпохи чрезмерного разрыва в экономическом развитии локальных цивилизаций.

Глава 9

ЦИКЛИЧНАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ, РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

Взбираясь от основания цивилизационной «пирамиды» к ее вершине, остановимся на предпоследнем «этаже», характеризующем циклы и кризисы в динамике социально-политических и государственно-правовых отношений, революций и войн. Как и в предыдущих главах, исследование ведется в цивилизационном разрезе — в ритме пульсации и взаимодействия локальных, мировых и глобальной цивилизаций, в историческом прошлом и на перспективу XXI столетия.

В цикличной динамике социально-политического строя, в периодически потрясающих общество революциях и войнах находят отражение глубинные перемены в окружающей среде и народонаселении, технологиях и экономике. Но палитра перемен на этом этаже богаче и разнообразнее, в ней находят выражение и разрешение назревшие устремления социальных масс, субъективные подходы, а порой и заблуждения их лидеров.

9.1. Цивилизационная динамика социальной стратификации и мобильности

С момента своего возникновения общество подразделяется на определенные, четко различаемые слои — *страты*, определяющиеся как биологическими особенностями конкретного человека и его жизненного цикла (деление по полу, возрасту, расе), так и приобретенными в процессе социального развития (классовая, экономическая, политическая, социокультурная, цивилизационная стратификация). Естественная стратификация сравнительно стабильна, возможность перехода из одной страты в другую ограничена, если не считать перехода в другую возрастную группу по фазам жизненного цикла. Социальное деление более подвижно, налицо процессы социальной мобильности — движения вверх или вниз по лестнице экономической, политической, социокультурной цивилизационной стратификации, а также перемещение в другие группы по горизонтали.

Теория социальной стратификации и мобильности разработана **П. Сорокиным** [184]. Он ввел в научный оборот ряд новых макро-социологических категорий:

➔ *социальное пространство* как структура народонаселения планеты: «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли» [там же. — С. 298];

➔ *социальные координаты* того или иного человека или социального слоя (группы) в этом пространстве — отношения человека к определенной группе, отношение этих групп друг к другу и отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество [там же. — С. 299];

➔ *социальная стратификация* как распределение людей и социальных групп (страт) по определенному классификационному признаку (имущественному, политическому, профессиональному, религиозному), по горизонтальному и вертикальному параметрам социальной вселенной [там же. — С. 300];

➔ *социальная мобильность* — перемещение человека по вертикали (вверх или вниз по иерархической лестнице) или по горизонтали — из одной страты в другую на одном уровне [там же. — С. 301].

Питирим Сорокин детально исследовал различные формы социальной стратификации (экономической, политической, профессиональной), циклические колебания (флуктуации) их высоты и профиля, а также формы и флуктуации социальной мобильности — вертикальной и горизонтальной, и вывел закономерности вертикальной мобильности [там же. — С. 379–382, 387]:

➔ интенсивность и всеобщность вертикальной социальной мобильности изменяются от общества к обществу, то есть в пространстве;

➔ интенсивность и всеобщность вертикальной мобильности — экономической, политической и профессиональной — колеблются в рамках одного и того же общества в разные периоды его истории, усиливаясь в периоды социальных потрясений и революций;

➔ в вертикальной мобильности нет постоянного направления ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности. Применительно к нашей теме эти закономерности можно толковать как разнообразие циклов социальной мобильности в различных цивилизациях и как циклические колебания самой мобильности, смену периодов ее интенсификации и ослабления.

Рассмотрим социальную стратификацию и мобильность в цивилизационном аспекте; впервые эта проблема применительно к локальным цивилизациям исследована в одной из наших работ [239. — С. 260–276].

1. Стратификация и мобильность в динамике мировых цивилизаций. В отличие от естественной (половозрастной, расовой), социальная стратификация и связанная с ней социальная мобильность возникли вместе со становлением общественного разделе-

ния труда в период *неолитической мировой цивилизации*. Именно тогда люди начали заниматься (наряду с охотой, рыболовством, собирательством) земледелием, скотоводством, а также ремеслом и строительством, то есть возникла **профессиональная стратификация**. К концу неолита на базе моногамных семей и формирования частной собственности создались условия для **имущественной стратификации** и мобильности, экономического неравенства социальных групп внутри племени, рода, общины

Решающий шаг в формировании социальной стратификации и мобильности, основы которой сохраняются поныне, был сделан в период *раннеклассовой мировой цивилизации*, в III тыс. до н. э.; это было подлинное «осевое время» с точки зрения формирования социально-политического строя, государства и права. В этот период окончательно оформилась имущественная стратификация, сформировались классы и крупные социальные группы — рабовладельцев и рабов, мелких независимых или полунезависимых крестьян, ремесленников, торговцев, государственных служащих, жрецов. Многократно усилилась профессиональная стратификация. Известно, что в Древнем Египте существовало множество профессий — земледельцы и пастухи, рыболовы и гребцы, огородники и садовники, гончары и каменотесы, ткачи и сандалящики, плотники и столяры, строители зданий и судов, художники и скульпторы, музыканты и певцы, танцовщики и парикмахеры, писцы и учетчики, надсмотрщики и управляющие. С возникновением государства появилась правящая верхушка (фараоны, цари, их приближенные), разнообразные государственные институты (армия, суды, тюрьмы, фискальные службы и т. д.). Люди закреплялись в определенной структуре и профессии, передвигаясь по вертикали, а иногда и по горизонтали. Эта мобильность резко усиливалась в периоды войн и социальных потрясений, когда свободные становились рабами (а иногда и наоборот), люди быстро продвигались по служебной лестнице, меняли профессии.

В эту эпоху возник еще один вид социальной стратификации — **цивилизационный**. Большие группы людей различались по принадлежности к той или иной локальной цивилизации, приверженности к определенной системе социокультурных ценностей. Здесь также наблюдалась мобильность — передвижения из одной цивилизации в другую, особенно в периоды межцивилизационных войн, распространения мировых религий, а также в связи с развитием международной торговли.

В *античную эпоху* сохранялись основы социальной стратификации и мобильности, заложенные в период раннеклассовой цивилизации, с небольшими модификациями. К концу этой эпохи, в период цивилизационного кризиса, «осевое время» по **Карлу Ясперсу**, когда возникли мировые религии, сформировался еще один вид стратификации — **конфессиональный** — по принадлежности к той или иной религии и месту среди сторонников этой религии. Развивалась и конфессиональная (религиозная) мобильность по горизонтали (смена религиозных верований при распространении буддизма, христианства, иудаизма, а с VII в. н. э. — ислама) и по вертикали (от простых верующих до верховных священнослужителей). «По мере развития общества поздней древности уже повсюду традиционных идеологий не хватало для обслуживания усложнившихся социумов... Повсюду возникали этико-догматические учения... Этические учения иной раз принимали нерелигиозную форму, но постепенно не только складывались в догматические религии, но и переходили к письменной фиксации общеобязательного для верующих канона (зороастризм, различные формы брахманизма-индуизма; учения, растущие из иудаизма, и в первую очередь христианство, значительно позже ислам; конфуцианство; даосизм, манихейство и т. д. и т. п.)» [73. — Vol 1. — С. 373].

Своеобразные формы социальной стратификации, закрепленные кастовой системой, сложились в индийской цивилизации. При этом переход из касты в касту был практически невозможен.

Становление *средневековой цивилизации* с середины I тыс. н. э. привело к разрушению сложившейся в античном обществе социальной стратификации, ускорило процесс мобильности. Место двух прежних полярных классов — рабовладельцев и рабов — заняли феодалы (крупные землевладельцы, цари и короли, иерархи церкви) и зависимые крестьяне, уплачивавшие феодальную ренту в той или иной форме. Однако было множество других социальных групп, особенно в вольных городах: ремесленников и купцов, организованных в цеха и гильдии, художников и артистов, архитекторов и строителей, ростовщиков и мытарей, государственных служащих разных профессий и рангов, солдат и офицеров и т. п. Сохранились сословные ограничения на социальную мобильность, на переход из одной группы в другую. Усилилась цивилизационная, и особенно конфессиональная, стратификация, поскольку религия господствовала в сфере духовной жизни и претендовала на лидерство в экономической и политической сферах.

Сословные перегородки в социальной стратификации были ослаблены в период *раннеиндустриальной мировой цивилизации* и сломаны в буржуазном обществе, в период *индустриальной мировой цивилизации*. Рыночно-капиталистическая система хозяйства, буржуазная демократия, секуляризация общества создавали формально равные условия для свободной конкуренции и передвижения человека в социальных стратах по горизонтали и вертикали. Однако деление на классы (со своими антиподами — капиталисты и наемные рабочие, а также землевладельцы, крестьяне, ремесленники, люди свободных профессий), на профессиональные и политические группы не исчезло, хотя по-прежнему обеспечивалась социальная мобильность по вертикали и горизонтали. Усилилась значимость цивилизационной и конфессиональной стратификации и мобильности.

В тоталитарных государствах (как социалистического, так и фашистского типа) в позднеиндустриальном обществе чрезвычайно возросла роль партийно-государственной верхушки как особой страты, стоявшей на вершине пирамиды политической и экономической (имущественной) стратификации. Были возведены новые, основанные на принадлежности к той или иной политической партии преграды на пути социальной мобильности. Однако к концу XX в. тоталитарный строй в основном сошел с исторической сцены.

Цивилизационный кризис конца XX — начала XXI в., итогом которого будет становление *постиндустриальной мировой цивилизации*, стал причиной очередного взрыва социальной мобильности, глубоких преобразований в системе социальной и цивилизационной стратификации. Ее контуры еще не вполне определены, но некоторые тенденции можно отметить. Это прежде всего усиление цивилизационной и конфессиональной стратификации в результате становления 5-го поколения локальных цивилизаций и ожесточения борьбы между ними; возрождение влияния религии (хотя и не в той степени, которая наблюдалась в средневековом обществе). Гражданское общество пытается смягчить имущественное и политическое расслоение общества, но это не всегда удается. В переходный период активизируется социальная мобильность — формируются новые элиты (как это произошло в России и других постсоветских странах), увеличивается число мигрантов, происходит энергичное перемещение по вертикали и горизонтали в имущественных и политических стратах. Вероятно, лишь к середине XXI в., когда постиндустри-

альное общество войдет в фазу зрелости, социальная мобильность уменьшится, утвердится социальная структура, адекватная условиям и сущности постиндустриальной гуманистически-ноосферной цивилизации.

2. Стратификация и мобильность локальных цивилизаций.

Локальные цивилизации всех поколений существенно различались между собой по социально-политическому строю, экономическому положению, системе ценностей и характеру внутрицивилизационной стратификации и мобильности. С приходом каждого нового поколения локальных цивилизаций (и, одновременно, со сменой мировых цивилизаций) трансформировались и их социальная структура, а также уровень и механизмы мобильности.

Цивилизации 1-го поколения (египетская, шумерская, ассирийская, вавилонская, эламская, минойская, древнегреческая, месопотамские, индийская, китайская) имели много общего в своей социальной структуре, а их социальная мобильность была ограничена. Все они были, по оценке **Л. И. Мечникова**, цивилизациями великих рек, располагались в схожих природных условиях, а основой благосостояния для них служило высокоэффективное земледелие. Имущественная и политическая стратификация внутри цивилизаций 1-го поколения достигала значительных масштабов, но между цивилизациями она не была столь заметной. При этом доля рабского труда в густонаселенных Индии и Китае была существенно меньше, чем в Древнем Египте и Месопотамии.

Цивилизации 2-го поколения по своей внутренней структуре и социальной стратификации отличались от цивилизаций 1-го поколения. Хотя цивилизационное пространство в этот период расширилось, но разрыв между цивилизациями по уровню их экономического развития (экономическая стратификация) оставался незначительным. Об этом можно судить по данным о среднедушевом ВВП (*табл. 9.1*): в 1 г. н. э. разрыв между Западной Европой и Африкой составлял всего 12%. В таблице одной чертой подчеркнуты цивилизации с низшим, а двумя — с высшим уровнем ВВП.

В течение I тыс. н. э. разница увеличилась всего лишь с 12% до 18%, причем Западная Европа, где переход от античной к средневековой мировой цивилизации стал наиболее тяжелым и разрушительным процессом, не просто утратила первенство, а оказалась в числе отстающих (92% к среднемировому уровню). А лидером была Латинская Америка, где в это время процветали цивилизации инков, майя и ацтеков.

Таблица 9.1.

Динамика соотношения среднедушевого ВВП по цивилизациям, в % к мировому уровню*

Цивилизации	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Мир	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Западная Европа	101	92	136	150	162	181	224	227	217	279	318
Восточная Европа	90	109	88	92	99	102	107	129	100	122	100
Бывший СССР	90	109	88	93	99	103	108	98	135	148	76
США			71	67	86	188	279	348	453	408	462
Латинская Америка	90	109	73	74	86	104	78	97	119	110	96
Япония	100	97	88	87	93	100	84	91	91	279	342
Китай	100	103	106	101	98	90	61	36	21	21	59
Индия	100	103	97	92	89	80	61	44	29	21	32
Африка	97	97	73	71	68	63	57	42	42	34	25
Отношение верхнего уровня к нижнему, %	112	118	192	224	238	298	457	967	2157	1942	1848

[264. — P. 262].

Однако в период жизни 3-го поколения локальных цивилизаций, средневековой мировой цивилизации Западная Европа вновь оказалась в авангарде, а диспропорция в уровне экономического развития увеличилась до 192% (в 1500 г.). Затем, в индустриальную эпоху, когда достигли стадии зрелости цивилизации 4-го поколения, ведущие позиции заняла молодая североамериканская цивилизация с центром в США, а уровень экономической стратификации стал стремительно повышаться, достигнув к 1913 г. 967%, а к 1950 г. — 2157%. Китай и Индия, которые в средневековую и раннеиндустриальную эпохи находились примерно на среднемировом уровне, утратили былое преимущество: Китай был замыкающим в 1870 г. (61%), 1913 г. (36%), 1950 г. и 1973 г. (21%), а Индия — в 1973 г. (21%).

Лишь с конца XX в., с началом формирования 5-го поколения локальных цивилизаций, их экономическая стратификация несколько сократилась — с 2157% в 1950 г. до 1848% в 2001 г. (на 14%), в основном за счет стремительного развития китайской и индийской цивилизаций. На нижней ступени экономической «лестницы» оказалась Африка, положение которой продолжает ухудшаться (с 42% к мировому уровню в 1950 г. до 25% в 2001 г.).

Евразийская цивилизация, которая в 1000 г. была в числе лидеров (109% к мировому уровню ВВП), к 1500 г., в результате феодальных войн и монгольского нашествия, опустилась до 88%.

В последующие столетия она вновь приблизилась к мировым показателям, а в XIX в. немного превысила их (103% в 1820 г. и 108% в 1870 г.). В начале XX в. она оказалась несколько ниже этого уровня (98% в 1913 г.), но затем, несмотря на тяжелые потери во время Первой и Второй мировых войн, снова превзошла мировой уровень (в 1950 г. на 35% и в 1973 г. на 48%). Однако стагнация экономики в 80-е годы и особенно неолиберальные рыночные реформы 90-х годов и распад СССР отбросили ее до уровня 76% от мировых показателей в 2001 г. В столь бедственном положении евразийская цивилизация оказывалась разве что во время предыдущих национальных катастроф — монгольского нашествия XIII в., Смуты начала XVII в. и Гражданской войны начала 20-х годов XX в.

Периодически менялась и геополитическая стратификация локальных цивилизаций. В 1-м поколении лидировали цивилизации Древнего Египта, Междуречья, Индии, Китая. Во 2-м поколении первое место заняла греко-римская цивилизация, а китайская и индийская остались на ведущих позициях. В период становления цивилизаций 3-го поколения в авангарде оказалась Западная Европа. В раннеиндустриальную и в начале индустриальной эпохи она распространила свое влияние на большую часть ойкумены, создав огромные колониальные империи. Евразийская цивилизация располагала гораздо меньшими ресурсами и влиянием. После Второй мировой войны утвердился биполярный мир, СССР достиг военно-технического паритета с Западом.

С конца XIX в. политическое лидерство постепенно захватывают США. В 90-е, после распада СССР и советского блока, они превратились в единственную сверхдержаву, которая диктует свои условия остальному миру. Установилось неустойчивое равновесие, которое вряд ли сохранится надолго — слишком быстро возрастает экономическое могущество и политическое влияние китайской, индийской и мусульманской цивилизаций.

Что касается мобильности локальных цивилизаций, то она также менялась от эпохи к эпохе, то нарастая, то ослабевая. Например, в период Великой греческой колонизации VII—VI вв. до н. э., в результате столкновения персидской и греческой цивилизаций, мощный поток мигрантов устремился из городов-полисов материковой Греции в поселения на побережье Средиземного, Черного и Азовского морей. На I тыс. н. э. приходится два пика мобильности цивилизаций. В IV—VII вв., во время так называемого Великого переселения народов, армады готов, гуннов, венгров,

аваров устремились с Востока в Западную Европу, а с середины VII до начала IX в. арабы активно продвигались на Запад и Восток, подчинив молодой исламской цивилизации страны Ближнего и Среднего Востока, Северную Африку и Пиренейский полуостров. В XIII—XIV вв. мир стал свидетелем покорения монгольской цивилизацией востока и юга евразийского континента. В периоды Великих географических открытий и колониальных войн потоки европейцев освоили Северную, Центральную и Южную Америку, уничтожив местные цивилизации, устремились в Африку, Австралию и Азию.

В XIX—XX вв. цивилизационная мобильность сократилась, увеличиваясь лишь во время и сразу после двух мировых войн, а также в годы, когда страны Азии и Африки получили независимость. С конца XX в. мобильность снова начала нарастать, приняв форму международной миграции. Центрами притока мигрантов становятся Западная Европа и США, источниками — страны Азии, Африки, Латинской Америки. На время усилились миграционные потоки и во время распада Советского Союза и Югославии.

Чем сильнее экономическая стратификация цивилизаций, тем мощнее потоки легальных и нелегальных мигрантов, тем сильнее межцивилизационное взаимопроникновение и связанные с ним противоречия. Многие страны Западной Европы, США, Австралия постепенно превращаются в смешанные цивилизационные, многоконфессиональные образования.

3. Стратификация и мобильность в масштабах глобальной цивилизации. Стратификация глобальной цивилизации, выражающей единство человеческого рода на разных стадиях его развития, началась с возникновением системы локальных цивилизаций 1-го поколения и модифицировалась в основном в индустриальную эпоху, особенно к ее концу, когда начались процессы глобализации. Эпоха за эпохой формировалось глобальное экологическое, технологическое, экономическое, социокультурное пространство, нарастала тенденция синхронизации в динамике авангардных и следующих за ними цивилизаций.

Вместе с тем, как было показано выше, возрастала экономическая стратификация локальных цивилизаций, а глобальная становилась все более многомерной: в ее рамках сосуществовали и взаимодействовали (согласно закономерностям циклической динамики и социогенетики) технологические, экономические, экологические способы производства, политические и социокультурные системы,

присущие разным эпохам. Социальная стратификация и мобильность возрастали в кризисных фазах цивилизационных исторических циклов, когда происходило обновление и обогащение социального генотипа глобальной цивилизации, определялись пути ее дальнейшего развития. Перемены происходили в трехмерном цивилизационном пространстве: со сменой мировых цивилизаций, поколений локальных цивилизаций и исторических суперциклов, отражающих смену фаз жизненного цикла глобальной цивилизации.

В первой половине XXI в., в период становления постиндустриального гуманистически-ноосферного, интегрального общества, следует ожидать интенсификации перемен, радикальных сдвигов в социальных стратах, усиления межцивилизационной социальной мобильности, перестройки глобального цивилизационного пространства во всех его измерениях. Однако к концу столетия, когда человечество минует сложный переходный период (если он окончится благополучно, без столкновения цивилизаций и глобальных катастроф), интенсивность перемен ослабнет, наступит время сравнительной стабильности, а следующее столетие ознаменуется расцветом постиндустриальной мировой цивилизации и третьего исторического суперцикла.

9.2. Государственно-правовые циклы, кризисы и трансформации

Политическая власть и присущие ей институты — государство, которое обеспечивает упорядоченное функционирование общества, система правовых норм, вырабатываемая и поддерживаемая государством, и государственный аппарат, принуждающий к выполнению этих норм, — возникли примерно пять тысячелетий назад, на начальной стадии формирования раннеклассовой мировой цивилизации, вместе с 1-м поколением локальных цивилизаций. Формирование политической власти и ее институтов — одна из важнейших черт цивилизационного прогресса, нового этапа становления глобальной цивилизации.

Созданию государственно-политического строя предшествовал многократно более длительный период социального устройства, когда основные вопросы жизни общины, рода, племени на примитивно-демократических (вечевых) началах решали избранные

(либо доказавшие силой свое превосходство) главы семей и старейшины, опираясь на сложившуюся систему обычаев и табу (запретов).

Такое социальное устройство было весьма эффективным в эпохи палеолита и мезолита. Однако уже в период неолита оно перестало обеспечивать выживание и развитие многократно увеличившихся по численности и усложнившихся по социальной структуре общин, вступило в противоречие с интересами наиболее трудоспособной части населения, а также родовой и племенной верхушки, вело к господству права силы и не давало возможности организовать большие массы работников при строительстве и эксплуатации оросительных систем. Кроме того, участились межплеменные конфликты, в результате которых разорялись и уничтожались многие общины.

В конце неолита человечество попыталось решить эти противоречия путем создания так называемых вождистских, полугосударственных племенных и межплеменных объединений (чифдомов). Их социальная структура состояла из правящей верхушки, обслуживающей ее части населения и группы профессиональных воинов, которые защищали общину от набегов соседних племен и сами осуществляли такие набеги. Однако эта переходная форма была неустойчивой и на рубеже III тыс. н. э. завершилась формированием государств как политической формы локальных цивилизаций 1-го поколения.

Тогда же определились основные **функции государства** в системе цивилизационных отношений.

1. Законодательная, то есть создание системы норм права, регулирующих отношения между отдельными людьми и целыми социальными слоями. Возникновение права как системы означало не просто упорядочение и закрепление сложившихся при первобытно-общинном строе отношений, а настоящий переворот в этих отношениях. Ведь место вечевой демократии, предполагавшей равенство всех членов общины, заняла система властных отношений, которая закрепляла господство верховного правителя, опиравшегося на силу закона и считавшегося олицетворением бога на земле. Верховный правитель имел право издавать законы, судить, казнить, собирать налоги, объявлять и вести войну и т. п. Закреплялось классовое деление прежде имевших одинаковое социальное положение членов общества. При этом рабы объявлялись вне закона: они не имели никаких прав, любой член общины имел право продать или даже убить раба. Одновременно нормы права регу-

лировали взаимоотношения между членами общества, устанавливали систему наказаний за совершенные преступления. Историкам известны законы Шульги, царя Ура (2093—2046 гг. до н. э.), вавилонского царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.). Эти законы определяли основные принципы правосудия; здесь мы видим нормы, охраняющие собственность царя, храмов и царских людей; устанавливающие порядок проведения операций с движимым и недвижимым имуществом; определяющие наказания за телесные повреждения, неуплату долгов и т. п.

2. Экономическая. Государство заменило архаичное право общинной собственности правом частной собственности, прежде всего государственной и храмовой, и жестоко карало за его нарушение, а также регулировало отношения товарного обмена, которых не было в первобытном обществе. Государство как форма социальной организации было необходимо человечеству, чтобы закрепить переворот в системе экономических отношений.

3. Военная. Власть брала на себя ответственность за жизнь и безопасность своих граждан, защищая их от посягательств со стороны других государств и организуя нападения на последние с целью расширить свои территории, захватить богатства. Для этого создавалась профессиональная армия, а в критические моменты в войска призывалось почти все взрослое мужское население страны.

4. Воспроизводственная. В период жизни цивилизаций 1-го поколения эта функция государства имела особое значение, так как только общими усилиями можно было построить и поддерживать работу оросительных систем в бассейнах великих рек. Кроме того, нужно было предвидеть периоды их разлива, прорывать и регулярно прочищать оросительные каналы, защищать города и засеянные поля от возможного затопления. Все это требовало от власти поддержания суровой дисциплины и порядка.

5. Фискальная. Государство собирало налоги и другие доходы и использовало их для выполнения всех остальных своих функций. Кроме того, оно в лице верховного правителя и представителей госаппарата устанавливало величину налоговых сборов, достаточных для удовлетворения потребностей государства и в то же время дающих налогоплательщикам возможность не только выживать, но и приумножать свое благосостояние. Если же аппетиты государства оказывались чрезмерными, население поднимало бунт, а иногда и свергало слишком жадного правителя. Государство определяло и размеры таможенных платежей для внешней торговли.

6. Социокультурная. Во все времена власть так или иначе поддерживала ученых, поэтов, художников, финансировала строительство дворцов и общественных зданий, способствовала укреплению морали и господства определенной религиозной и политической системы — идеологической основы своего господства.

Все сказанное заставляет сделать вывод, что приверженцы марксизма неоправданно сводили функции государства только лишь к подавлению одного класса другим. Такой подход обедняет реальное разнообразие функций государства. На самом деле оно является важнейшим институтом цивилизационного устройства общества, а потому не может исчезнуть, как утверждают марксисты. Однако роль государства и его функции постоянно трансформируются, именно поэтому они отличаются в разных мировых и локальных цивилизациях.

Каковы же были **формы политико-правового устройства** в различных цивилизациях?

В *раннеклассовой цивилизации* государство было предельно централизованным, оформлялось в виде монолитных **деспотических царств** (Египет, Вавилон). За отступление от установленных правовых норм верховная власть карала весьма жестоко, чаще всего виновного ждала смертная казнь.

В цивилизациях *античного общества* жесткость государственного регулирования ослабевает, особенно в Средиземноморье. В Афинах времен **Перикла** (VI в. до н. э.) возникают понятия демократии, выборности и сменяемости должностных лиц. Образцами демократической власти стали греческие **полисы** — города-государства, управляемые выборными правителями; однако гражданских прав были лишены женщины и рабы. Существовали различные формы политической власти — **демократии, охлократии, тирании, олигархии, аристократии**. Платон и Аристотель, исследуя эти формы, отмечали цикличность в их смене.

В античную эпоху возникла и такая форма политической власти, как **мировые империи**, носившие, как правило, межцивилизационный характер. В качестве примеров можно назвать персидскую империю Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), империю **Александра Македонского** (IV в. до н. э.) и служившую эталоном в течение столетий Римскую империю, которая с конца IV в. н. э. разделилась на Западную и Восточную (Византийскую) империи; последняя просуществовала до 1453 г. Римская империя создала наиболее совершенную систему права, которая лежит в основе современных правовых систем.

В середине I тыс. н. э. античная система государственности оказалась в состоянии длительного кризиса, итогом которого стало формирование третьего большого государственно-политического цикла периода *средневековой мировой цивилизации*. Политически господствующим классом этой эпохи был многослойный класс феодалов, на вершине которого находился верховный правитель — король, царь, император. Значительную роль во властной иерархии **феодальной монархии** играла церковь, которая иногда соперничала с верховным правителем. Лично зависимые крестьяне в отличие от рабов предшествовавших эпох имели некоторые права и были объединены в общины, где сочетались частное и общинное права собственности. Особые правовые системы были у **вольных городов**, где имелись определенные демократические институты самоуправления ремесленных цехов и купеческих гильдий. Именно в вольных городах начались перемены, которые привели *раннеиндустриальную цивилизацию* к нидерландской и английской буржуазным революциям, рождению **парламентских буржуазных республик**, прикрытых завесой **конституционной монархии**. Эталоном утверждения буржуазного политического строя, адекватного политическому строю *индустриальной цивилизации*, стали Великая французская революция, война за независимость Соединенных Штатов Америки и создание США как государства с самой устойчивой конституцией, в полной мере воплотившей принципы политической системы индустриальной цивилизации. В XIX—XX вв. эта система получила широкое распространение во всем мире.

Политико-правовое устройство локальных цивилизаций в раннеиндустриальную и индустриальную эпохи отличалось значительной пестротой. Можно было наблюдать несколько его типов. В западных цивилизациях в XX в. постепенно утвердился буржуазно-демократический строй в виде **президентской или парламентской республики**, иной раз прикрытой легким флером монархии. В восточных цивилизациях преобладали более или менее открытые формы **монархии или диктатуры**. Инновацией XX в. стали **тоталитарные государства** — в виде фашистских диктатур в Германии и Италии либо социалистических «диктатур пролетариата» при всевластии партийно-государственной бюрократической верхушки в СССР и других социалистических странах.

В XX в. произошли радикальные перемены в геополитическом пространстве, в распределении территории и населения планеты между локальными цивилизациями. Об этом можно судить по данным, проведенным **С. Хантингтоном** (табл. 9.2).

Таблица 9.2.

Доля населения мира под политическим контролем цивилизаций, %*

Цивилизации	1900	1920	1971	1990	1995	Прогноз	
						2010	2025
Западная (в т. ч. США)	44,3	48,1	14,4	14,7	13,1	11,5	10,1
Евразийская	8,3	13,9	10,0	6,5	6,1	5,4	4,9
Мусульманская	4,2	2,4	13,0	13,4	15,9	17,9	19,2
Китайская	19,3	17,3	22,5	24,3	24,0	22,3	21,0
Индийская	0,3	0,3	15,2	16,3	16,0	17,1	16,9
Японская	3,5	4,1	2,8	2,3	2,2	1,8	1,5
Латиноамериканская	3,2	4,6	8,4	9,2	9,3	10,8	9,2
Африканская	0,4	0,7	5,6	8,2	9,5	11,7	14,4
Прочие	16,3	8,6	5,5	5,1	3,5	2,0	2,8

*[259. – Р. 41].

Доля населения мира, находившегося под политическим контролем западной цивилизации, достигла максимума в 1920 г. Однако после Второй мировой войны этот показатель резко сократился и продолжает падать. Также уменьшается и доля евразийской цивилизации. Во второй половине XX в. значительно укрепили свое положение на геополитической арене мусульманская, индийская, латиноамериканская цивилизации (за счет ускоренного роста населения). Процесс демографической стратификации в цивилизационном разрезе усилится в XXI в.

К концу XX в. большинство тоталитарных государств и мировых империй прекратило свое существование, буржуазно-демократическое устройство распространилось почти во всех цивилизациях. Это дало основание американскому политологу **Ф. Фукуяме** заявить о том, что мы являемся свидетелями «конца истории», наступившего в результате окончательной и глобальной победы буржуазной демократии.

Однако на деле столь унылое однообразие было лишь предвестником **глубокого кризиса политической системы индустриального общества**, предсказанного **Э. Тоффлером**: «Построенная в неправильном масштабе, неспособная адекватно заниматься транснациональными проблемами, неспособная идти вровень с тенденцией ускорения, неспособная справиться с высокими

уровнями разнообразия, перегруженная, устаревшая политическая технология индустриальной эпохи разваливается на наших глазах» [194. – С. 647–648].

Одним из проявлений такого кризиса на рубеже тысячелетий стало радикальное переустройство геополитического пространства, разбалансировка глобальной политической системы. С распадом СССР и мировой системы социализма ушла в прошлое эпоха биполярного мироустройства. Его возрождение в том же составе, по крайней мере в перспективе XXI в., невозможно: настолько глубока катастрофа, постигшая евразийскую цивилизацию.

Более реальна геополитическая биполярная модель в виде противостояния двух других гигантов – США и Китая. Последний постепенно набирает все большую силу и политический вес, опираясь к тому же на поддержку мощной диаспоры во многих странах мира. По прогнозам китайских экономистов, к 2030 г. КНР обгонит США по общему объему ВВП и в дальнейшем его преимущество будет только нарастать. Если прибавить к китайским показателям достижения Гонконга и Тайваня, то мы увидим, что китайская цивилизация действительно имеет все шансы со второй четверти XXI в. выйти на лидирующие позиции в мире и бросить открытый вызов североамериканской цивилизации, единственной сверхдержаве – США. Противостояние этих двух локальных цивилизаций во второй половине XXI в. будет нарастать, и многим цивилизациям придется выбирать, к какому из центров биполярного мира примкнуть. На сторону США наверняка встанут западноевропейская и постепенно сливающаяся с ней восточноевропейская, латиноамериканская и океаническая (Австралия, Новая Зеландия) цивилизации, так что эта группа стран будет преобладать в технологическом, экономическом и геополитическом отношениях скорее всего до конца XXI столетия. Однако по численности населения, потенциалу роста, социокультурной и политической активности первенство будет за Китаем, особенно если его сторонниками окажутся индийская, мусульманская и буддийская цивилизации.

Влияние евразийской (если она сумеет возродиться) или российской (если такое возрождение не состоится) цивилизации на геополитической арене сохранится и даже возрастет в том случае, если она не примкнет ни к одному полюсу, а по-прежнему будет самостоятельной и избрет для себя роль своеобразного моста между противоборствующими сторонами. Что касается африканской цивилизации (южнее Сахары), то ныне она политически

разобщена и, несмотря на то, что ее доля в населении мира возрастает, вряд ли будет реально влиять на развитие геополитического пространства XXI в.

При определении геополитического будущего следует учитывать такой альтернативный сценарий, как **возможность столкновения цивилизаций**, о чем предупреждает в своей работе С. Хантингтон.

Противоречия, столкновения интересов различных цивилизаций неизбежны. Вопрос в том, каковы формы этих конфликтов и методы их разрешения. Назовем лишь основные **формы межцивилизационных конфликтов**:

- ➔ *политические разногласия;*
- ➔ *торговые войны;*
- ➔ *вооруженные столкновения;*
- ➔ *цивилизационные конфликты и войны в рамках одного государства, которые завершаются новым компромиссом (Ливан) либо распадом государства (Югославия);*
- ➔ *войны между государствами, принадлежащими к разным, соперничающим между собой цивилизациям (такая война едва не началась в 2003 г. между Индией и Пакистаном — столкновение индийской и мусульманской цивилизаций);*
- ➔ *точечные столкновения в форме международного терроризма, которые приобрели характер террористической волны в начале XXI в. Основным источником ее нарастания являются экстремистские круги мусульманской цивилизации;*
- ➔ *крупномасштабное военное столкновение локальных цивилизаций с применением оружия массового уничтожения. Подобный конфликт может приобрести масштабы новой мировой войны и закончиться самоубийством человечества. Возможные результаты такого столкновения показаны в сценарии «ядерной зимы», разработанном под руководством Н. Н. Моисеева [134, 136].*

Последний вариант — столкновение цивилизаций — весьма маловероятен в современной геополитической обстановке, по крайней мере в первой половине XXI в. Наибольшую опасность в начале века приобретает **волна международного терроризма** как острейшее проявление геополитического кризиса современного переходного периода. Чтобы преодолеть его, нужно осознать всю серьезность терроризма как социального феномена, раскрыть его причины, формы, последствия.

Как социальное явление терроризм возник одновременно с государством. Суть терроризма состоит в убийстве людей без суда

и следствия, вне правовых рамок. Известны три **основные формы терроризма**:

- ➔ *государственный*, когда органы государственной власти уничтожают своих политических противников вне рамок закона; так было и в древних государствах, и во времена Ивана Грозного, и в годы гражданских войн и революций, и при гитлеровском фашизме, и во время сталинских репрессий;
- ➔ *политический*, провозглашаемый политическими партиями и движениями и осуществляемый террористами-одиночками или их группами против государства и его органов, мирных граждан. В качестве примера приведем убийства народовольцами и эсерами императора Александра II и ряда министров царского правительства в России в конце XIX — начале XX в., а также террористические акции «красных бригад» во Франции и Италии, секты «Аум Сенрикё» в Японии;
- ➔ *международный*, носящий межнациональный характер и развязанный экстремистами одной цивилизации против государственных органов и мирного населения другой цивилизации. Самые свежие примеры — теракты в США 11 сентября 2001 г., в Мадриде в мае 2004 г., в Беслане в сентябре 2004 г., в Лондоне в июле 2005 г., серия терактов в других странах, деятельность своеобразного «террористического интернационала» — «Аль-Каиды».

Динамика террористической деятельности, как и любого другого процесса, имеет циклический характер. Частота терактов увеличивается в периоды политических кризисов, когда одна из противоборствующих сторон прибегает к крайнему средству для реализации своих целей, находя исполнителей среди экстремистски настроенной молодежи, беднейших слоев населения. Далеко не всегда с террором можно справиться методами антитеррора, основанными на насилии. Об этом свидетельствует многолетний опыт борьбы с терроризмом в Израиле, Испании, Северной Ирландии, Чечне, Дагестане. Необходимы меры политического и социального характера, направленные на уничтожение социальных корней терроризма, объединение усилий государства и общества. Опыт Италии, Германии, Японии показал, что подобное партнерство весьма результативно.

Все возрастающий разрыв в экономическом и социальном развитии ведущих и отстающих стран мира становится одной из причин точечного столкновения цивилизаций. Нужно активно выявлять его социальные, экономические, демографические причины, а совместные усилия по их преодолению должны предпринимать не только отдельные страны и межгосударственные организации,

но и все глобальное гражданское общество. Необходимо также ужесточение всеми странами наказаний, вплоть до смертной казни, для террористов, их заказчиков и пособников. Следует особо отметить негативную роль телевидения, кино и Интернета в распространении терроризма: регулярные показы на экранах сцен насилия и убийств привели к обесценению человеческой жизни, воспитали у подрастающего поколения склонность к насилию.

Можно ожидать, что по мере ослабления социально-политического кризиса в среднесрочной перспективе, в 20–30-х гг. XXI в. накал терроризма снизится. Однако, чтобы подобные прогнозы сбылись, всему глобальному сообществу нужно вести активную антитеррористическую политику, принимать целенаправленные долгосрочные меры по искоренению экономических, социально-политических и идеологических основ терроризма.

Как будет в будущем формироваться государственно-правовая сфера с точки зрения цивилизационных циклов? Возможны два сценария развития событий. Оба они исходят из той посылки, что в первые десятилетия XXI в. противоречия между цивилизациями еще более обострятся, а преобразование глобальной цивилизации достигнет пика; в последующие же десятилетия ситуация стабилизируется, утвердятся постиндустриальный социально-политический строй. Однако в начале второй половины столетия, когда трансформационные процессы усилятся в связи с формированием нового биполярного мира, возможен очередной кризис.

Пессимистичный сценарий возможен в том случае, если сохранится однополярный мир, по-прежнему будет делаться ставка на неолиберальные реформы, а ТНК оставят за собой монополию на определение стратегии политического и экономического развития всей планеты.

При **оптимистичном сценарии**, если гуманистически-ноосферная модель постиндустриальной цивилизации и глобализации станет преобладающей, уже в 20–30-е годы сформируется глобальный уровень геополитического устройства, который будет включать два надгосударственных правовых типа:

➔ **локально-цивилизационный уровень** типа Европейского союза, в рамках которого будут сформированы законодательная, исполнительная и судебная власти (в пределах полномочий, переданных национальными государствами). Для некоторых локальных цивилизаций (японской, индийской) этой проблемы практически не существует: границы государства обеспечивают цивилизационное пространство. Возможны преобразования в ки-

тайской цивилизации: не исключено вхождение Тайваня в состав КНР на испробованном в Гонконге принципе — «одно государство, две системы». Для евразийской цивилизации речь может пойти о реинтеграции (но не в той степени, как это было характерно для СССР) в рамках СНГ или еще более узких рамках. Наиболее сложна и отдаленна эта перспектива для слабо интегрированных буддийской и африканской цивилизаций;

➔ **глобально-цивилизационный уровень**, который реализуется как поэтапное, длительное формирование государственно-правовых институтов, выражающих общие интересы всего человечества, всех стран и цивилизаций, проводящих в жизнь общую стратегию развития, разрешающих международные конфликты и наделенных для выполнения этих функций необходимыми и достаточными полномочиями и ресурсами.

Просматриваются **два варианта формирования глобального государственно-политического устройства XXI века**: в виде глобальной империи со всемирным правительством во главе или глобальной федерации; в виде глобального сообщества стран и цивилизаций на базе трансформации ООН и других ныне существующих межгосударственных институтов в рамках многополярного мира.

Тенденция **формирования глобальной империи** с центром в единственной ныне сохранившейся сверхдержаве довольно четко проявляется в экспансионистской политике США, заявивших претензии на мировое лидерство и глобальное руководство. Весьма откровенно претензии на господство Америки сформулировал **З. Бжезинский**: «Цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войн» [17. — С. 254]. По сути, речь идет о формировании единого глобального государства (в форме федерации) с системами законодательной, исполнительной, судебной власти, общей правовой системой.

Однако нужно сказать, что перспектива создания такого государства в форме всемирной федерации на перспективу всего XXI столетия нереальна. Слишком глубоки социально-политические различия между странами, слишком противоречивы их интере-

сы, слишком сильно стремление к власти их политических и экономических элит, чтобы государства добровольно отказались от суверенитета в пользу всемирного государства. Опыт Европейского союза показывает, что даже в рамках одной цивилизации интеграционный процесс, не дошедший еще до уровня конфедерации, растянулся более чем на полвека и по-прежнему встречает препятствия. Тем более это касается глобальной цивилизации, включающей более двух сотен национальных государств, имеющих самые разные формы государственно-политического устройства и противоречивые интересы. Если такой сценарий и возможен теоретически, то за пределами переживающей период становления постиндустриальной мировой цивилизации, где-то во временном пространстве XXIII столетия. А до этого глобальной цивилизации еще нужно дожить.

Более реалистичен другой вариант: *постепенное формирование властных структур*, правовых и экономических механизмов взаимодействия государств на глобальном уровне в форме *глобальной конфедерации государств и цивилизаций*. Этот сценарий был сформулирован в докладе на Втором всемирном конгрессе по глобальной цивилизации «Глобальная цивилизация: структура, циклическая динамика, вызовы и ответы XXI века», прошедшем в Нью-Йорке 14–16 ноября 2005 г.

Суть этого сценария состоит в формировании в перспективе глобальной конфедерации государств и цивилизаций и трансформации ныне существующих межгосударственных органов (ООН и других организаций) с расширением их властных полномочий (формирование глобального права) и наделением ресурсами, достаточными для реализации этих полномочий.

Понятно, что для воплощения такого сценария в жизнь обществу необходимо будет преодолеть сложившиеся стереотипы, сопротивление ТНК и многих политических сил, на что уйдет не менее 50 лет.

9.3. Революции в цивилизационной динамике

Одна из центральных, наиболее сложных проблем в циклической динамике цивилизаций — происходящие время от времени революции, своего рода точки бифуркации, знаменующие собой начало новых социально-политических циклов.

Революционные потрясения никого не оставляют равнодушными. Одни их воспевают, другие проклинают. Долг ученых — не этические оценки, а беспристрастный, возможно более полный анализ этого социального феномена. Но здесь мы наблюдаем огромную пестроту подходов, взглядов, определений, оценок, прогнозов. Не будем их классифицировать, а сформулируем свое понимание революции с точки зрения цивилизационной динамики. Определим основные постулаты нашей теории.

1. Революция выражает качественный скачок в развитии мировой или локальной цивилизации или ее элементов, перевод ее в новое состояние, переход (вслед за кризисом) к новой фазе жизненного цикла или к новому циклу. Ее причиной становится весь комплекс назревших противоречий в развитии системы или подсистемы, а сама революция является способом разрешения этих противоречий. С точки зрения *социогенетики* революция — это период, когда происходит обновление и очищение генетического ядра (генотипа) системы, в острой форме проявляется действие закономерностей изменчивости и отбора. С точки зрения закономерностей *циклической динамики* кризис системы служит толчком к революции, с помощью которой разрешаются вызванные им противоречия. Революция становится импульсом для перехода человечества к очередному этапу в развитии цивилизации или к новой цивилизации.

Во время революционной ломки система становится неустойчивой, дезорганизованной (по выражению **А. А. Богданова**), когда возможны множество траекторий ее дальнейшей динамики и подчас достаточно случайного толчка, чтобы нынешняя траектория круто изменилась. Революция выражает сущность, момент этого изменения. После ее окончания избранная траектория динамики цивилизации вновь становится устойчивой, инерционной, развертывающей потенциал новой фазы жизненного цикла данной цивилизации или ее наследницы.

2. Революции возникли одновременно с самими цивилизациями, развивались и видоизменялись вместе с ними. Само зарождение цивилизаций стало результатом двух величайших социальных революций: неолитической, которая примерно 10 тыс. лет назад привела к возникновению воспроизводящей экономики и основанного на ней социального устройства (неолитической мировой цивилизации), и революции начала бронзового века (конец IV — начало III тыс. до н. э.), когда появились локальные цивилизации, классы, государства, социальные слои, рынок с основны-

ми его категориями. Каждый следующий шаг в развитии глобальной цивилизации — переход к очередной мировой цивилизации или крупному этапу в ее развитии, становление нового поколения локальных цивилизаций или крутой перелом в траектории их динамики — начинался с революционной ломки. Поэтому логично рассматривать революции в потоке динамики цивилизаций как точки перелома траектории, бифуркации. Очевидно и то, что революционные преобразования — это не болезненные отклонения в судьбе цивилизаций, вызванные трагическими случайностями, а закономерный, неизбежный элемент их циклично-генетической динамики.

3. Революции разнообразны по объектам, масштабу, глубине и последствиям трансформации цивилизаций и их элементов.

Революционные волны в жизненном цикле *глобальной цивилизации* находят свое выражение в преобразовании *мировой цивилизации* (происходит либо смена фаз ее жизненного цикла, либо рождение очередной, более прогрессивной мировой цивилизации) и *локальных цивилизаций* (становление очередного их поколения или переход к новой фазе жизненного цикла).

Революции в динамике *элементов цивилизаций* охватывают всю их шестимерную структуру — качественные перемены происходят в демографической, экологической, технологической, экономической, социально-политической сферах и в духовной жизни общества (науке, образовании, культуре, системе этических и религиозных ценностей). Все это находит выражение в смене социокультурного строя или этапов в его развитии.

Следовательно, мир революций многолик. В исследованиях и дискуссиях нужно прежде всего определить, каков объект и масштаб революционных преобразований, их глубина и место в циклической динамике системы или подсистемы.

4. Структура революции включает четыре стадии:

➔ *латентный период*, когда накапливаются предпосылки революции, формируется ее идеология, зреют социальные силы, готовые осуществить трансформацию, и слабеют их противники;

➔ *первая стадия*, когда происходит революционный прорыв, цивилизацию или страну захлестывает волна радикальных преобразований, разрушающих часть генотипа системы, резко возрастают неустойчивость в динамике системы, неопределенность ее будущей траектории;

➔ *вторая стадия*, когда преодолеваются анархия и крайности предыдущей стадии, восстанавливается многое из необоснованно

отброшенного, осуществляется выбор новой траектории цивилизационной динамики, отбрасываются иллюзии, питавшие энергию масс во время переворота. По сути речь идет о контрреволюции, но чаще всего не о возврате к исчерпанному свой жизненный потенциал состоянию, а о крахе революционных иллюзий и утверждении нового цикла или фазы в его развитии;

➔ *нормальный период* нового цикла в развитии цивилизации, фаза эволюционного ее развития, проходящего уже на качественно новом уровне. В это время возрастает инерционность в движении системы по избранной траектории.

Длительность стадии революционных трансформаций, их глубина неодинаковы для разных видов циклов.

5. Каждая революция имеет свой эпицентр и своих лидеров, она постепенно распространяется на периферию, вовлекая в свою сферу все больше социальных слоев и стран. Например, эпицентром промышленной революции стала Великобритания, буржуазно-демократических революций — Франция, социалистических — Россия. На каждом периоде истории цивилизации эпицентры и движущие силы революционных переворотов могут меняться. Идет своеобразная «гонка за лидером». Но порой оказывается, что революционный переворот требует существенной корректировки (как это произошло с серией социалистических революций XX в.) или вектор коренных трансформаций выбран ошибочно, тянет цивилизацию назад (череда неolibеральных реформ в России и других постсоветских странах). Со временем этот исторический зигзаг выправляется, но обходятся такие ошибки странам и цивилизациям слишком дорого.

6. Революции, как правило, сопровождаются крупными потерями для общества, гибелью людей, разрушением производительных сил, ломкой традиций, дезорганизацией общественной жизни, но их результатом обычно бывает переход к новому, более высокому состоянию цивилизации, новому витку цивилизационной спирали. Революция — это цена, которую приходится платить обществу за решение назревших проблем. Эта цена может быть минимальной (при «бархатных революциях») или максимальной (например, если вслед за относительно бескровной революцией следует многолетняя гражданская война, как это было в России).

Теоретическое осмысление революций и их места в трансформации общества развернулось еще в XVIII—XIX вв., когда в Европе произошла серия буржуазно-демократических революций. Значительный вклад в формирование этой теории внесли **К. Маркс**

и **Ф. Энгельс**, для которых революционное насилие выступало в качестве неперменной составной части исторического прогресса.

В начале XX в. крупнейшим теоретиком и практиком социально-политических революций стал **В. И. Ленин**, который не только раскрыл предпосылки, сущность, социальные силы и механизм осуществления социалистической революции, но и руководил грандиозным экспериментом по ее осуществлению в России — в расчете на ее перерастание в мировую революцию. И хотя на первой стадии революции масштаб преобразований оказался значительно больше задуманного, а конечный результат, как обычно, оказался весьма далек от идеала, — тем не менее недооценивать значимость революции не следует. Она стала крупной вехой на завершающем этапе жизненного цикла индустриальной мировой цивилизации и круто изменила траекторию развития локальной российской цивилизации, хотя той и пришлось заплатить чрезмерную цену.

Пожалуй, наиболее глубокое социологическое обоснование теории революций предложено **П. Сорокиным** в книге, написанной в 1922—1923 гг., почти сразу после того, как в России произошла революция (в которой автор сыграл далеко не последнюю роль), и опубликованной в США (на английском языке) в 1925 г., а в России (на основе первоначального русского оригинала) — лишь в 2005 г. [182]. Поле его исследования — социально-политические революции в разных цивилизациях, начиная с древнеегипетской и заканчивая революциями в России в 1905-м, феврале и октябре 1917-го. Особое внимание уделено русской революции: «Она заслуживает этого внимания и потому, что по своей глубине и размаху является одной из самых великих революций, и потому, что я имел возможность изучать ее непосредственно, и потому, что она проливает свет на многие стороны прошлых революций» [там же. — С. 25. Далее — сноски на страницы этой книги]. Остановимся на основных положениях *теории революций* Питирима Сорокина, она поможет уяснить суть и перспективы происходящих в конце XX — первой половине XXI в. в мире и в России глубоких преобразований (не забываем, что речь идет преимущественно о социально-политических революциях и их влиянии на динамику цивилизаций).

1. Исследуя основные *причины революций*, Питирим Сорокин видит их в невозможности основной части общества удовлетворить важнейшие и минимально-необходимые инстинкты. К числу таких «ущемленных инстинктов», согласно П. Сорокину, относятся потребности:

➔ в *питании* (голод — одна из причин волнений и революций);

➔ в *индивидуальном самосохранении* (поводом для бунтов часто становятся казни безвинных людей, массовые убийства, кровавая резня);

➔ в *групповом самосохранении* (люди выступают на защиту членов семьи, близких, единоверцев; против издевательств над святынями);

➔ в *жилище, одежде, тепле* в минимальном размере;

➔ в *удовлетворении половых рефлексов* (в противном случае происходит изнасилование жен и дочерей, принудительные браки и т. п.);

➔ в *удовлетворении инстинктов собственности* (социальный взрыв неминуем, если подавляющее число граждан находится за чертой бедности, а все богатства сосредоточены у нескольких человек);

➔ в *самовыражении и признании собственного достоинства* (недовольство вызывает игнорирование заслуг и достижений одних людей при завышенной оценке других, менее достойных);

➔ в *борьбе и конкуренции, творческой работе, разнообразии жизни и приключениях, в свободе* [С. 219—220].

Чтобы общество созрело до революции, должны быть ущемлены интересы подавляющей или по крайней мере значительной его части. П. Сорокин отмечает и такую предпосылку революции, как «бессилие групп порядка уравновесить принципиально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов» [С. 221].

Подобное социологическое объяснение причин революции в основном верно. Сходную характеристику революционной ситуации давал **В. И. Ленин**: когда верхи не могут управлять по-новому, а низы не хотят жить по-старому. Однако такие интерпретации неполны: необходимо учитывать и глубинные, цивилизационные причины революций. Среди них — исчерпание потенциала преобладающего технологического, экологического и экономического способов производства, сложившегося государственно-политического и социокультурного строя, их неспособность удовлетворить возросшие потребности большинства населения, сократить поляризацию противостоящих социальных сил, а также неспособность правящего слоя своевременно разрешить все указанные противоречия мирным, эволюционным путем.

2. Питирим Сорокин дает глубокую *социологическую оценку изменения поведения людей* во время революций. Революция —

это прежде всего изменение поведения членов общества, их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок [С. 26]. Отличительными чертами таких изменений являются их массовость, быстрота и резкость, специфический характер, интенсивная циркуляция, социальные перегруппировки, неустойчивость и постоянные колебания строения общества [С. 38–39]. Государственно-политическая революция характеризуется в первой своей стадии угасанием реакции повиновения у значительной части граждан [С. 55]. Общество или начинает гибнуть, или же ему прививаются новые рефлексы повиновения [С. 56]. На первой стадии угасают также трудовые рефлексы, на второй они вновь прививаются обществу [С. 65]. Происходит деформация рефлексов собственности, все усилия направляются на захват чужого достояния, что приходится тормозить на второй стадии [С. 73–74]; гипертрофируются такие черты, как алчность, жадность, хищничество [С. 83]; деформируются половые рефлексы, распространяется половая распущенность, увеличивается число половых извращений [С. 83–84]. Первая стадия революции ведет к деморализации, ослаблению религиозных, морально-правовых, этических ограничений, возрастает количество преступлений против личности [С. 94–96]. Общество захлестывают волны грабежей, разбоев, краж, мошенничества, взяточничества и других имущественных преступлений [С. 106]. Второй период революции кладет начало возрождению правовых, моральных и религиозных рефлексов [С. 111]. Во время революционной ломки духовная деятельность людей снижается до примитивного уровня, в результате растет число психических заболеваний. Это содействует распространению в обществе радикальных (анархических или, напротив, реакционных и шовинистических) теорий [С. 121].

3. По мысли Питирима Сорокина, *революция (если за ней следует гражданская война) отрицательно влияет на демографические процессы*: резко сокращается численность населения; повышается кривая смертности и понижается кривая рождаемости; ухудшается качественный состав населения. «В ней [революции] гибнут главным образом биологически наиболее здоровые, энергетически — трудоспособные; психически — самые волевые, талантливые и умственно-развитые; морально — наиболее устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами» [С. 125]. Одновременно ухудшается генетический фонд положительных свойств народа, что способствует его деградации и вырождению; ухудшается жизнеспособность и здоровье выживших

людей. Теорию П. Сорокина подтверждают статистические данные: так, с 1917 по 1922 г. убыль населения в советских республиках составила 15–16 млн человек [С. 125]. Аналогичные процессы наблюдались и во время других революций — английской, французской, китайской.

4. *В периоды революций ухудшается социальный агрегат*, радикальные перемены происходят в структуре общества, многократно возрастает социальная мобильность. Во второй стадии революционных преобразований происходит некоторый откат, наблюдаются обратная циркуляция и уменьшение амплитуды колебаний объемов групп, восстановление прежнего механизма отбора и размещения индивидов [С. 146]. Некоторые классы и социальные группы исчезают с исторической сцены, другие, напротив, появляются на ней.

5. *Происходят радикальные перемены в самих социальных процессах*. На первой стадии революции организация общества деформируется в сторону нерегулируемого анархического автономизма; однако он быстро сменяется деспотическим этатизмом, который с окончанием революции начинает хиреть [С. 178–179]. На второй стадии автономность ликвидируется, притесняются права и свободы граждан, растет вмешательство в их жизнь со стороны власти; свобода слова, печати, собраний сводится на нет, свобода воспитания, обучения, передвижения ограничивается [С. 179, 182]. Падают объемы производства, усиливается экономическое неравенство, стремительно растет число бедных, дезорганизуется экономическая жизнь общества [С. 186]. Огосударствление последнего приводит к тому, что место инициативного предпринимателя, подгоняемого стимулами выгоды и риска, занимает чиновник, со всеми вытекающими последствиями [С. 194]. Недостатки этатизма усиливаются многократно из-за неудачного подбора и абсолютной непрофессиональности новоиспеченных руководителей; огромная армия чиновников тормозит развитие страны [С. 195].

6. *Противоречиво влияние революции на духовную жизнь общества*. С одной стороны, революция играет роль реактива, помогающего отличать «псевдознания» и «псевдоопыт» от подлинного знания и опыта; представляя собой колоссальную и прямую, а не косвенно-книжную «школу жизни», революция учит многому, «в ряде отношений ведет к обогащению знаний и опыта» [С. 196]. Революция содействует новаторству и дает обществу необходимый ему новый опыт, «пробуждает интерес, расширяет умственный прогноз» [С. 198].

На завершающей стадии революции идеологии первого ее периода теряют популярность, успех имеют консервативные теории, призывающие к уничтожению самих условий для развития революции [С. 204].

7. В любой революции действует закон социального иллюзионизма. Результат революции всегда оказывается иным, чем это казалось в ее начале, противоречащим ее лозунгам. Причем все отрицательные последствия революции больше всего бьют по наименее защищенным слоям общества [С. 217]. Это подтверждается опытом всех великих революций.

Книга Питирима Сорокина, написанная под свежим впечатлением участия — на стороне проигравших — в русской революции, носит на себе печать впечатлений и переживаний автора, а потому не может дать полного и объективного представления о революционных трансформациях в обществе, тем более — в цивилизационном разрезе. Однако в ней содержится точное и яркое описание причин, механизмов, этапов, последствий революции с точки зрения социологии. Многое из того, что сказано П. Сорокиным, поразительно напоминает процессы, происходившие в 90-е годы в России и некоторых других странах. В последующих его книгах — «Социальная и культурная динамика» [183], «Главные тенденции нашего времени» [181] — мы видим уже более широкий и объективный подход автора к революционным трансформациям в разных цивилизациях и в различных сторонах жизни общества.

Однако обратимся к другой работе, специально посвященной роли революции в плане сравнительного изучения цивилизаций — монографии **Ш. Эйзенштадта** «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций», вышедшей в свет в 1978 г., но в России изданной лишь в 1999 г. [236].

В монографии преобладает социологический подход к пониманию содержания, форм и последствий революций, а также их роли в динамике традиционных обществ и цивилизаций нового времени. Автор расценивает революции как движения в обществе, ориентированные на радикальные преобразования, на будущее: «Великие революции можно рассматривать как наиболее драматичные, а может, и наиболее успешные попытки в истории человечества осуществить на макросоциальном уровне этические представления... Для революций характерна была ориентация на будущее как центральный компонент культурной программы современности» [там же. — С. 30]. Подобная направленность обуславливает ведущую роль независимой интеллигенции в револю-

ционных преобразованиях, которые являют собой интенсивную форму социальных перемен: «Революции характеризуются как самый интегральный, насильственный и осознанный процесс всех социальных движений. В ней видят предельное выражение свободной воли и глубоких чувств, проявления незаурядных организационных способностей и высокоразвитой идеологии социального протеста» [там же. — С. 44]. С этой точки зрения автор анализирует революции нового времени, отождествляя их с этапами распространения цивилизации из Западной Европы и Северной Америки по всему миру [там же. — С. 234]. Все сказанное относится и к социалистическому типу революций новейшего времени, которые порождены западноевропейской цивилизацией: «Начало развития в Западной Европе социализма было предопределено спецификой европейской цивилизации. Распространение социализма за пределами Европы было предопределено распространением цивилизации Нового времени и сопровождалось выявлением свойственных ей фундаментальных противоречий» [там же. — С. 239].

Важнейшими внешними факторами революций являлись войны. Внутренними же факторами были экономические изменения, структурные сдвиги, связанные с расширением рынков и техническими нововведениями, формированием нового способа производства и новых идеологических систем, а также борьба между элитами, массовые народные восстания, религиозные и идеологические движения [там же. — С. 245].

Следует отметить, что социально-политические революции как наиболее яркая форма радикальных перемен сопутствовали всей истории цивилизаций и сопровождали как смену циклов в их динамике (а подчас и рождение новых локальных цивилизаций), смену мировых цивилизаций, так и переход к новым фазам их жизненного цикла.

Рассмотрим теорию и историю революций в интересующем нас разрезе: революции в динамике глобальной, мировых и локальных цивилизаций.

Сущность революционных переворотов в развитии цивилизаций состоит в их радикальной трансформации, завершающейся возникновением новой цивилизации или переходом к очередному крупному этапу в ее развитии, изменениями в ее структуре и ускорением темпов преобразований. Революции служат поворотными точками в жизни цивилизации, изменяют ее генотип (наслед-

ственное ядро), очищая его от устаревших, отживших свой срок элементов и обогащая новыми элементами, позволяющими ей адаптироваться к переменам во внутренних и внешних условиях ее развития. Это сравнительно длительный и болезненный процесс, нередко сопровождающийся социальными катастрофами, но он необходим для повышения жизнеспособности и прогресса этого сложного социального организма.

С точки зрения динамики цивилизаций можно выделить следующие **виды цивилизационных революций** (рис. 9.1):

➔ **революции в динамике глобальной цивилизации**, связанные с ее возникновением (неолитическая революция), переходом к новому историческому суперциклу и к очередной мировой цивилизации как крупному этапу жизненного цикла глобальной цивилизации. Примером может служить промышленная революция, ставшая причиной перехода к индустриальной мировой цивилизации в рамках второго исторического суперцикла;

➔ **революции в развитии мировых цивилизаций**, знаменующие их становление (например, переворот в развитии общества в момент возникновения раннеклассовой мировой цивилизации в конце IV — начале III тыс. до н. э.) или переход к очередному этапу в их развитии;

➔ **революции в динамике локальных цивилизаций**, находящие выражение в становлении нового поколения локальных цивилизаций (что мы наблюдаем в конце XX — начале XXI в.) или конкретной локальной цивилизации (например, западноевропейской, монгольской и др.).

Можно говорить о **контрреволюционном перевороте** в жизненном цикле той или иной локальной цивилизации, когда она совершает исторический зигзаг, двигаясь в противоположном общей цивилизационной динамике направлении (так можно оценить переворот начала 90-х годов, приведший к распаду евразийской цивилизации, и устремление российской цивилизации назад, к деформированному строю стихийного капитализма XIX в.). В этом случае можно говорить об эпохальной антиинновации.

Структура цивилизационной революции неоднородна. В ней выделяется то или иное ведущее звено в составе генотипа цивилизации, влекущее за собой качественные преобразования остальных составляющих генотипа. В одних случаях это может быть смена социокультурного строя, в других — становление нового технологического, экономического и экологического способов производства, в третьих — радикальные перемены в социальной

структуре и государственно-политическом устройстве общества (социальные либо политические революции).

В любом случае революция ограничена во времени, хотя она может длиться от нескольких недель, месяцев и лет до нескольких десятилетий, а то и (на ранних стадиях развития общества) до нескольких столетий. За это время она проходит, согласно П. Сорокину, два этапа развития. На этапе революционного прорыва реализуются идеалы, движущие мотивы революции и происходит разрушение части наследственного ядра. На этапе частичной контрреволюции в эти идеалы вносятся радикальные коррективы, меняются движущие силы, устраняются необоснованные нарушения генотипа и утверждается новый строй, новая цивилизация или этап ее развития. Так революционный прорыв уступает место сравнительно плавному, эволюционному развитию, закрепляющему происшедшие в революционную эпоху перемены (основную, исторически оправданную их часть).

Если брать **пространственный разрез цивилизационной революции**, то в ней можно выделить эпицентр, в котором она начинается (например, для промышленной революции — Великобританию); зону развертывания (для той же промышленной революции — ведущие страны Западной Европы и США); периферию, где процесс освоения революции осуществляется с запозданием на один-два исторических такта (например, Россия в XIX в.); «болото» — страны, которые надолго остаются на предшествующих стадиях развития, подчиняясь вырвавшимся вперед цивилизациям (пример — Индия и страны Африки в эпоху колониального господства).

Обратимся теперь к **истории революций в динамике цивилизаций** (вкратце, так как более полное и конкретное описание этих революций представлено в следующей части нашей книги).

Исходным пунктом истории стала **неолитическая революция**, в ходе и результате которой сформировались технологическая, экологическая и экономическая составляющие наследственного генотипа (воспроизводящая экономика, общественное разделение труда, преобразование природных ресурсов, зачатки имущественного расслоения, социальной стратификации, товарного обмена и рынка). При этом сохранялся родоплеменной, догосударственный строй, примитивный идеациональный социокультурный строй, еще не сложились локальные цивилизации. Было положено начало глобальной и первой мировой цивилизации, закончилась предыстория и начался отсчет истории общества.

Цивилизационная революция раннеклассового общества (конец IV — начало III тыс. до н. э.) завершила процесс формирования генотипа цивилизации, положила начало раннеклассовой мировой цивилизации и 1-му поколению локальных цивилизаций. Изменился социокультурный строй — возникли наука, система образования, иерархически организованные религии как общественный институт. Примером может служить Древний Египет, где фараон **Эхнатон**, правивший с 1419 по 1400 гг. до н. э., предпринял неудачную попытку ввести монотеистическую религию. В период раннеклассовой цивилизации произошел переворот в технологии, экологии и экономике — в результате освоения выплавки иковки металла, формирования в долинах великих рек мощных ирригационных систем, создания сети городов, развития ремесла и строительства, институтов рынка. Был надстроен пустовавший до того социально-политический «этаж» «пирамиды» цивилизации: возникали государства, классы, политические системы, рабовладение, жесткая политическая стратификация. Здание цивилизации утвердилось во всей полноте составляющих его элементов. Значение этой революции часто недооценивают, отдавая дань лишь «осевому времени» **К. Ясперса**; между тем грандиозность преобразований в обществе, сумма эпохальных инноваций намного превосходили то, что было достигнуто цивилизационными революциями последующих эпох.

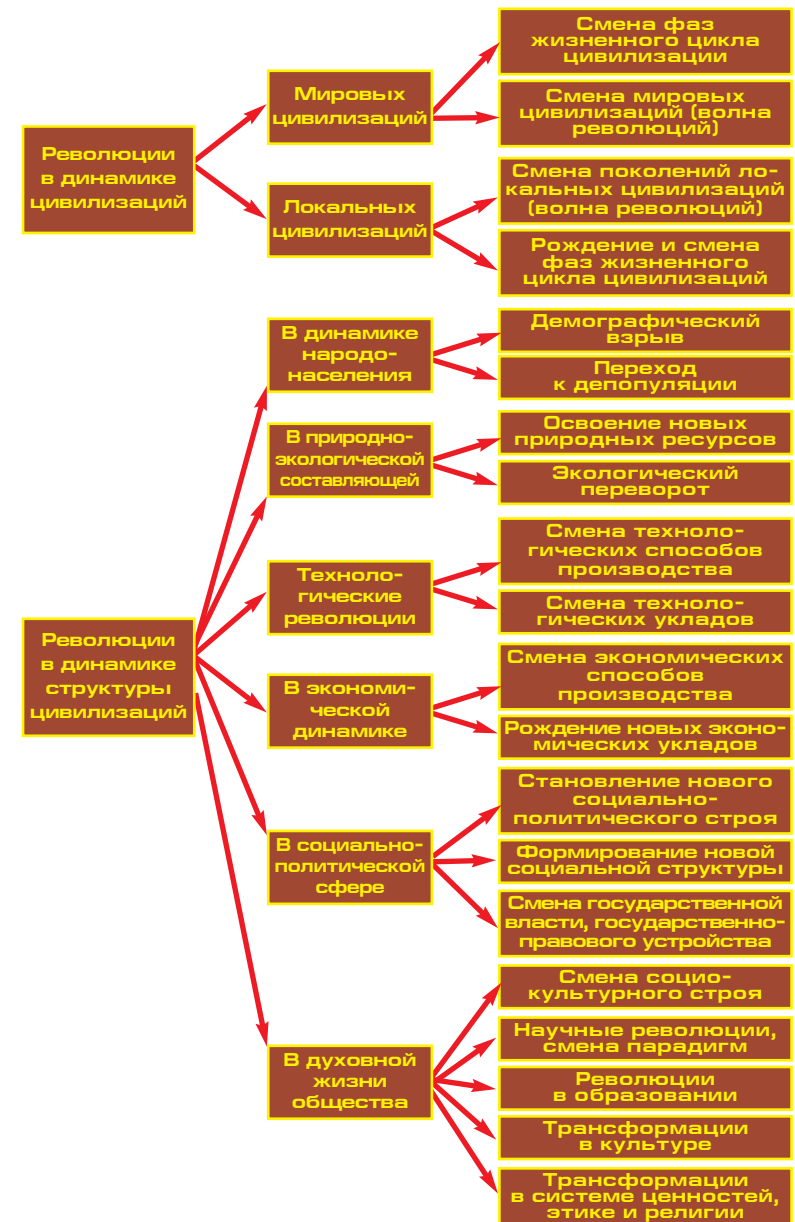
Цивилизационная революция античной эпохи (первая треть I тыс. до н. э.) записала в свой актив не только освоение орудий и оружия из железа, но и значительное распространение ареала локальных цивилизаций, формирование 2-го их поколения, а также появление мировых империй, зарождение в греческих городах-полисах принципов демократии, небывалый расцвет наук и искусств и недолгое торжество интегрального социокультурного строя, после которого утвердился строй чувственный.

Революция средневековой эпохи проходила (в эпицентре) в течение V—VIII вв. н. э. и носила глубокий характер, будучи связанной со становлением второго исторического суперцикла, средневековой мировой цивилизации, 3-го поколения локальных цивилизаций, утверждением феодального социально-политического и идеационального социокультурного строя, господства мировых религий и олицетворяющих их церковных институтов. Эпицентр революционных преобразований сначала переместился на Восток, затем вернулся в Западную Европу.

Революция периода раннеиндустриальной цивилизации (XIV—XV вв.) не отличалась столь радикальными преобразованиями.

Рисунок 9.1.

Классификация революций в динамике цивилизаций

Ее главными достижениями стали расцвет науки и искусства в период Ренессанса, утверждение мануфактурного способа производства, становление капитализма и формирование «третьего сословия» (основной движущей силы нидерландской и английской буржуазных революций), формирование 4-го поколения локальных цивилизаций и распространение чувственного социокультурного строя, колоссальные сдвиги в науке и образовании. При этом уничтожение локальных цивилизаций Нового Света, протоцивилизационных или доцивилизационных обществ Африки и Австралии можно считать основными антиинновациями того периода.

Успехи раннеиндустриальной цивилизации были закреплены *революцией индустриальной эпохи* (последняя треть XVIII — начало XIX в.). Основным ее содержанием стали промышленная революция, политические революции во Франции, Северной Америке, повсеместное распространение колониальных империй и буржуазно-демократического строя. Контрреволюциями эпохи заката индустриальной цивилизации можно считать две мировые войны и утверждение тоталитарных режимов в середине XX столетия.

С конца XX в. пришло время *постиндустриальной цивилизационной революции*. По сравнению с предшественницей она носит более глубокий и радикальный характер, охватывает более длительный временной отрезок, поскольку в ее основе лежит переход к очередному историческому суперциклу в развитии глобальной цивилизации, формирование 5-го поколения локальных цивилизаций, становление интегрального социокультурного строя, гуманистически-ноосферного общества. Контуры этой революции еще только вырисовываются. Но очевидно, что она будет продолжаться в течение почти всего XXI в. и приведет к радикальной трансформации всех составляющих генотипа цивилизации. В то же время возрастает риск, что глобальная цивилизация (человечество) будет уничтожена в результате столкновения цивилизаций, глобальной термоядерной войны, грандиозной техногенной или экологической катастрофы.

При оптимистичном сценарии глобальная цивилизация будет жить и дальше, и по-прежнему каждый крупный этап в ее развитии будет начинаться с цивилизационных революций, которые станут изучать, познавать и предвидеть мыслители будущего.

Содержание современного переходного периода в динамике цивилизаций по-разному оценивается в научных кругах. Так,

И. Г. Яковенко исходит из того, что «история человечества идет через историю цивилизаций, а цивилизациям свойствен жизненный цикл — рождения, разворачивания, угасания — всеобщая история циклична. В ней обнаруживаются как циклы разворачивания поколения цивилизаций, так и эпохи относительного безвременья, или “темные века”, разделяющие угасание одного поколения цивилизаций от рождения второго. Переход от одного поколения цивилизаций к другому всегда — смена исторического качества, иными словами — революция» [220. — С. 107]. Как раз такая цивилизационная революция — смена поколений цивилизаций — происходит в наше время: «Мы находимся внутри процесса смены исторических эпох... Логика всемирно-исторического процесса позволяет предположить, что по завершении переходной эпохи сформируется новое поколение локальных цивилизаций» [там же. — С. 111]. Можно согласиться с этой позицией.

Э. В. Сайко придерживается иного взгляда на исход современного переворота, полагая, что его результатом станет исчезновение цивилизаций с исторической арены: «В настоящее время практически разрушаются не только свойственные европейской модели цивилизации или модели цивилизации нового времени характеристики, структуры, но и многие базовые основания функционирования и *интегративные нормы организации сообщества*, активно действующие и объективно обеспечивающие направленность исторического развития, принципы и формы воспроизводства общества на протяжении нескольких тысячелетий *истории* цивилизаций в ее стадийном определении... Создаются условия формирования элементов, структур, системных образований, не свойственных системе цивилизаций, выпадающих из закономерностей ее функционирования... Все происходящие изменения позволяют говорить об исторической выработанности системы обществ цивилизации, поскольку происходит не просто возникновение нового, свидетельствующего об усилении, дальнейшем развертывании ее, а разрушение базовых оснований системы» [там же. — С. 48].

Представляется, что нет достаточных резонансов для того, чтобы считать нынешнюю цивилизационную революцию столь радикальной (а точнее, контрреволюцией, ибо уничтожение цивилизационного разнообразия было бы шагом назад в динамике общества). Базовые основания как для периодической смены мировых цивилизаций, так и для их реализации в смене поколений локальных цивилизаций не только сохраняются, но и усиливаются в новом историческом суперцикле, со становлением гума-

нистически-ноосферного постиндустриального общества. По локальным цивилизациям рано служить заупокойную мессу.

Теория революций помогает правильно оценить причины, сущность и последствия поворотных точек в циклической динамике цивилизаций, а также предвидеть такие перевороты в будущем, осуществлять их своевременно и с меньшими потерями для общества.

9.4. Войны в структуре и динамике цивилизаций

Непременным спутником истории цивилизаций и отдельных государств являются войны. Они выступают в разных ипостасях. Это могут быть вооруженные конфликты (вплоть до гражданских войн) между различными политическими и социальными силами внутри одного государства, нередко сопровождающие революции и завершающиеся сменой социально-политического строя либо правящей верхушки. Такими внутренними войнами наполнена история каждого государства. Второй тип войн — вооруженные столкновения, иногда длящиеся многие годы, между государствами внутри одной цивилизации (например, Столетняя и Тридцатилетняя войны в истории западноевропейской цивилизации). Третий тип вооруженных конфликтов — столкновение государств, принадлежащих к разным цивилизациям (пример — Крестовые походы христианской Западной Европы против мусульманского Востока, Крымская война середины XIX в.). Наконец, изобретение XX в. — мировая война, в которую втянуто большинство государств планеты, как это было во время Второй мировой войны. Глобальный характер носила и холодная война, ядром которой стало противостояние западной и евразийской цивилизаций и их сторонников. Их политическая борьба порой переходила в вооруженные конфликты (войны в Корее и Вьетнаме). К этому перечню можно добавить колониальные войны, порой завершавшиеся разгромом и уничтожением локальных цивилизаций (как это было, когда Западная Европа покоряла Северную, Центральную и Южную Америку), а также национально-освободительные войны периода распада колониальных империй. Все эти конфликты носят характер межцивилизационных войн. Конец XX в. добавил еще один тип войн, сопровождающих распад федеральных государств,

которые объединяли народы разных цивилизаций. Ярким примером могут служить вооруженные столкновения государств, входивших прежде в федеративную Югославию.

В этой палитре войн нас будут интересовать преимущественно конфликты внутри- и межцивилизационного характера. Это тем более актуально, что XXI столетие пополнило классификацию двумя новыми типами войн: так называемыми асимметричными, в основе которых лежат локальные столкновения цивилизаций, а также точечными террористическими актами. Последние принимают порой характер партизанской войны, как это случилось в Афганистане и Ираке.

Но остановимся сначала на самом понятии «война». Согласно нашей теории, *война есть крайняя форма противостояния социально-политических слоев и групп, этносов и национальностей, государств и цивилизаций, принимающая характер вооруженной борьбы и приводящая к изменению структуры общества (цивилизации)*. Речь идет не об эпизодическом вооруженном конфликте (как, например, столкновение СССР и Китая из-за острова Даманский), а об устойчивом (на определенное время) явлении, сопровождающемся милитаризацией всего общества.

В таком понимании войны, в отличие от элементарных стычек между первобытными общинами и племенами, не могли существовать в догосударственном обществе. Войны стали явлением политическим лишь после того, как возникли государства с их непременным атрибутом — армией, сформировались жизненно важные интересы для общества вести с ее помощью наступательные или оборонительные боевые операции.

Американский военный историк **К. Райт** увязывал войны со стадиями развития цивилизаций, выделяя героический период выдвижения нового военного идеала; период потрясений и длительных войн; период усталости, упадка, потери веры. Он писал: «На втором этапе, в период потрясений, в полной мере воплощаются все те проблемы и противоречия, что наметились на первом этапе. Наступает время испытаний и катастроф, разрушение и строительство противоречиво переплетаются в оформлении нового мирового порядка в виде серии внешних и внутренних войн... Войны, бесспорно, были и сейчас остаются важнейшими историческими экзаменами государств... По мере развития цивилизации армии становились все многочисленнее и абсолютно, и относительно численности населения, войны становились все затратнее и приносили все больше издержек, их интенсивность нарастала,

а средняя продолжительность падала. Охватывая все больше пространства, войны оставляли все меньше безопасных мест для гражданского населения» [цит. по: 185. — С. 303, 304].

Другой американский политолог, **У. Экхард**, пришел к выводу, что войны играют ключевую роль в динамике цивилизаций: «История свидетельствует о том, что цивилизации, империи и войны развиваются совместно; войны служили до сих пор как повивальными бабками, так и гробовщиками цивилизаций в процессе их исторических взлетов и падений... На протяжении всей человеческой истории цивилизация и война неразрывно связаны друг с другом... Таким образом, цивилизации поистине принесли с собой войны как таковые, более того — чем цивилизованнее становились народы, тем больше они проявляли воинственности» [там же. — С. 310–311].

Какие бывают войны, каковы их причины и последствия? Эти вопросы с древности интересовали многих мыслителей. В античном обществе войны считались одним из важнейших условий существования общества. Древнегреческий философ **Платон** утверждал, что войны есть явление вполне естественное, поскольку только с их помощью можно захватывать достаточное количество рабов, без коих общество не в силах функционировать привычным образом. Его ученик, великий **Аристотель**, также называл искусство ведения войны искусством «добывания» рабов. Действительно, война была одной из основ экономического могущества рабовладельческих государств.

В Средние века были выдвинуты новые аргументы в пользу естественности и желательности войн. Мыслители того времени связывали вооруженные конфликты с необходимостью периодического передела собственности между феодалами, а именно земли и обрабатывающих ее крестьян. Такой социальный запрос сформировал и своих теоретиков. К ним можно отнести «отца католической церкви» **Аврелия Августина**, который в вопросах религии и философии был для средневековья непререкаемым авторитетом. Причины всякого насилия он искал в греховной испорченности человека, а необходимостью ее обуздания обосновывал существование государственной власти. Последнюю он, впрочем, называл «большой разбойничьей шайкой». Этот замкнутый круг насилия Августин полагал неизбежным и нещадно критиковал «град земной», основанный на «любви к себе, доведенной до презрения к богу». А вот ругать сами войны, по его мнению, бессмысленно, ибо таковы уж люди, их затевающие, и лучше осудить природу человека в уповании на «град божий».

В раннеиндустриальном обществе изменился характер войн, изменились и акценты в их теоретическом обосновании. Английский философ **Т. Гоббс** продолжил искать причину войн в природе человека, в свойственных ему соперничестве, недоверии к другим людям, жажде славы. Социальное учение Гоббса оказало значительное влияние на развитие европейской общественной мысли. Выходом из «войны всех против всех» он считал общественный договор, установление сильного государства в целях обеспечения безопасности и прекращения гражданских войн. Функция охраны мира возлагалась им на государя, который волен применять санкции против тех, кто действует вопреки моральному долгу и гражданским добродетелям. Заботу о мире Гоббс считал основой «естественного права», созданного общественным договором.

Позже известный французский мыслитель **Ж.-Ж. Руссо** сделал попытку серьезного анализа социальных причин войн. Идеолог революции, уловивший внутреннюю противоречивость развития буржуазной цивилизации, Руссо усматривал первопричину войн в неравенстве людей в обществе, а корни неравенства он искал в экономической сфере — в возникновении частной собственности. Однако устранить эту проблему он также предлагал насильственным образом, защищая мысль о праве граждан на революционное низвержение антинародной власти.

В социологии существует мощная традиция, которая связывает войны не только с развитием государства, но и с возникновением политики. Разновидность деятельности людей, направленная на захват и удержание власти (полномочий, прав на господство) любыми средствами, включая насильственные, — это и есть политика. Так, **Г. Гегель** считал, что правители пользуются войсками «для достижения особых целей политики». Военный идеолог буржуазного общества **К. Клаузевиц** первым дал законченное и четкое определение связи двух социальных феноменов — война является продолжением политики. «Война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств», — писал он в своей работе, которая так и называлась — «О войне».

Во многих исследованиях отмечались как позитивные, так и негативные последствия войн. Так, античный философ **Гераклит** (544–483 гг. до н. э.) находил в войнах рабовладельческих государств в основном положительные стороны. Во многих истори-

ческих исследованиях повторяется мысль Гераклита о том, что война является добром хотя бы потому, что в ней выживают более сильные и мужественные. **Гегель** писал, что война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного, мира.

Апофеоз войны содержится в опубликованной в конце XIX в. книге французского политолога **М. Ревона**: «Война как *мировой закон* проявляется всюду, тысячами мощных столкновений. Война есть источник плодотворного движения, толчок, который сообщает жизнь всему существующему. Она есть мать, рождающая все превращения внешнего мира и мира внутреннего. Война определяется разрушительностью, исполненной тайны недостижимого, и как разумное, она прекрасна» [там же. — С. 295].

Но у «адвокатов войны» всегда находились серьезные оппоненты. Древнеиндийский мыслитель **Чанакья** (IV в. до н. э.) указывал на два момента, сопровождающих войну, — потери материальных ценностей и падение нравов. Уже упоминавшийся нами **Гоббс** отмечал, что войны снижают трудолюбие, разрушают ремесла, земледелие, торговлю, что они пагубны как для государства, так и для его подданных. В том же духе высказывался **Г.-В. Лейбниц**, добавив, что добытое на войне — трудно сохранить, а потому даже победоносные войны часто оказываются разорительными. Французский философ **Д. Дидро** считал, что война не только противоестественна, но и опасна тем, что извращает нравы целых наций. **Н. Г. Чернышевский** утверждал, что война пагубно действует на государство уже на стадии подготовки к ней, ложась тяжким бременем на плечи народа, но что хуже всего — плодит насильников и грабителей.

В XX в. теорию войн обогатили новые исследования, посвященные определению факторов циклической динамики экономики и общества. В 1922 г. была опубликована монография **Н. Д. Кондратьева** «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», переизданная в России лишь через семьдесят лет [86]. В этой работе, опираясь на богатейший статистический материал, автор наиболее полно показал, какое влияние оказала Первая мировая война на динамику и структуру мировой экономики, и раскрыл связь войн со среднесрочными и долгосрочными циклами развития человечества.

Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что мировая война началась в тот момент, когда разворачивалась кризисная фаза очередного среднесрочного экономического цикла: «Война задержала развитие и углубление депрессии. Породив своеобразный исклю-

чительной емкости военный рынок, война "сняла" вскрывшиеся противоречия рынка и изменила направление движения конъюнктуры. Общая экономическая депрессия сменилась своеобразным движением конъюнктуры военного периода, которая характеризуется непрерывным и повсеместным повышением ценностных показателей при повышении натуралистических показателей в одних странах и падении их в других... Изменив направление динамики мировых экономических конъюнктур, "сняв" обнаружившиеся противоречия мирового и национального рынков, война... глубоко деформировала мировое хозяйство... Уничтоженные войной диспропорциональности и несоответствия сменились иными, более глубокими и значительными диспропорциональностями и несоответствиями, созданными в свою очередь самой войной» [86. — С. 334, 335]. Война тормозила технический прогресс и развитие транспорта [там же. — С. 337].

Н. Д. Кондратьев вскрыл новую закономерность в динамике войн, связав ее с повышательными и понижательными волнами больших циклов конъюнктуры (длинных волн экономической динамики). В докладе 1926 г. он доказывал, что «периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн» [там же. — С. 374]. В подтверждение он приводит следующие эмпирические данные: в период повышательной волны первого большого цикла наблюдалось шесть военных столкновений, в период понижательной волны — одно; для второго цикла соотношение также было 6 к 1; на повышательной волне третьего большого цикла произошло 12 военных столкновений [там же. — С. 374—376]. Этой неравномерности в динамике войн дается следующее объяснение: «Войны возникают на почве повышения темпа и напряжения хозяйственной жизни, обострения экономической борьбы за рынки и сырье. Но такое напряжение хозяйственной жизни свойственно в особенности периодам повышающейся конъюнктуры» [там же. — С. 383]. Проведенные в последующие десятилетия исследования подтвердили обоснованность вывода ученого о том, что между военной активностью и сменой повышательных и понижательных фаз долгосрочных (кондратьевских) циклов есть четкая взаимосвязь.

К этому следовало бы добавить, что максимум военной активности наблюдается в периоды становления сверхбольшого, цивилизационного цикла, новой мировой цивилизации.

Исследование в области социологии войн, их циклических флуктуаций предпринял П. Сорокин в опубликованном перед Второй мировой войной четырехтомнике «Социальная и культурная динамика», сводный том которого был издан в США в 1957 г., а в России — в 2000 г. [183. — Гл. 3.2, 3.3].

Рассматривая войну как крайнюю вспышку насилия в развивающейся системе межгрупповых отношений, как самую крупную и наиболее кровавую форму внешних или межгрупповых беспорядков, П. Сорокин исследовал флуктуации, неравномерность в динамике войн почти за два с половиной тысячелетия на примере Древней Греции, Древнего Рима, Китая, ведущих европейских государств. Приведенные им данные сгруппированы в *табл. 9.3*.

В период становления древних обществ количество лет, в которых происходили войны, преобладало над годами мира (в Греции — 91 год из 100 лет в V в. до н. э. и 85 лет — в IV в. до н. э.; в Древнем Риме — 83 года в III в. до н. э., 57 лет — во II в. до н. э., 66 лет — в I в. до н. э.). Однако на последующих фазах жизненного цикла этих обществ количество военных лет резко сокращалось (в Древней Греции — до 48 лет во II в. н. э. и 11 лет в I в. до н. э.; в Древнем Риме — до 26–29 лет в I, II и IV вв. н. э.). Численность армии и количество жертв в Древней Греции достигли пика в IV в. до н. э., а в последующие два столетия эти показатели значительно снизились. Потери составляли от 4% до 6% численности армии, поэтому военная служба не была чрезмерно рискованным предприятием.

Средневековье характеризовалось устойчивой тенденцией роста численности армии (в 4,3 раза за 300 лет) и опережающим увеличением числа потерь (в 9,5 раза), так что для военнослужащих риск оказаться в числе жертв войны возрос с 2,6% в XII в. до 5,7% в XV в., но не намного превысил уровень потерь в Греции и Риме.

Раннеиндустриальная цивилизация, эпоха колониальных войн и первоначального накопления капитала характеризовались резким ростом численности армий (в 5 раз в XVI в. против XV в.), числа потерь (в 12,7 раза за тот же период) и их отношения к численности армии (с 5,7% до 14,6%); война становилась все более опасным, но тем не менее прибыльным занятием; соответственно росла и военная экономика.

В период зрелости индустриального общества (XIX в.) произошло некоторое ослабление военной напряженности: численность армии уменьшилась на 28% по отношению к предыдущему столе-

Таблица 9.3.

Динамика войн в Древней Греции, Древнем Риме и Европе*

Периоды	Продолжительность		Численность армии		Число жертв		
	в годах	в % к 1-му периоду	тыс. человек	в % к 1-му периоду	тыс. человек	в % к 1-му периоду	в % к армии
Древняя Греция							
500–401 гг. до н. э.	91	100	1694	100	80,7	100	4,8
400–301 гг.	85	93	2413	142	144,0	178	6,0
300–201 гг.	48	53	1225	72	54,4	67	4,4
200–126 гг.	11	12	205	12	9,1	11	4,4
Древний Рим							
400–301 гг. до н. э.	43	100	860	100	43,0	100	5,0
300–201 гг.	83	193	3317	386	252,5	587	7,6
200–101 гг.	57	132	1660	193	83,0	193	5,0
100–1 гг.	66	153	3674	427	182,2	424	5,0
1–100 гг. н. э.	29	67	784	91	38,8	90	4,9
101–200 гг.	28	65	1120	130	56,0	130	5,0
201–300 гг.	42	98	1620	188	80,6	187	5,0
301–400 гг.	26	60	1235	144	61,4	143	5,0
401–476 гг.	37	86	1400	163	70,0	163	5,0
Франция, Англия, Австро-Венгрия и Россия							
1101–1200 гг.			1161	100	29,9	100	2,6
1201–1300 гг.			2372	204	68,4	229	2,9
1301–1400 гг.			3867	333	166,7	302	4,3
1401–1500 гг.			5000	431	285,0	953	5,7
1501–1600 гг.			9758	840	573,0	1916	5,9
1601–1700 гг.			15 865	1366	2497,2	8351	15,7
1701–1800 гг.			24 849	2140	3622,1	12 114	14,6
1801–1900 гг.			17 869	1539	2912,8	9742	16,3
1901–1926 гг.			41 465	3571	16 147,6	54 005	38,9

*[239. — С. 296].

тию, число жертв — на 20%. Однако уже в начале XX в., в стадии заката индустриальной эпохи, милитаризация общества возросла фантастическими темпами. Только за четверть века численность армии увеличилась в 2,4 раза против всего XIX в., число жертв — в 5,5 раза, а их отношение к численности армии — с 16,3 до 38,9%. В соответствующих масштабах поднялась и военная экономика, увеличились доля военного сектора в ВВП и масштабы разрушений в периоды боевых действий.

П. Сорокин приходит к выводу, что со временем уровень боевых потерь повышается быстрее, чем численность вооруженных сил: «Войны нового и новейшего времени обнаруживают тенденцию к возрастающей опустошительности вследствие своей убойной и нарастающей мощи... Развитие технологии, физики, химии обеспечили прогресс техники войны, создав более разрушительные средства ее ведения» [183. — С. 637].

Другой вывод, к которому пришел исследователь: для кривой войны и мира характерны колебания, но в этих флуктуациях не просматривается ни регулярная периодичность, ни единообразный ритм [там же. — С. 649]. Тем не менее в монографии сделаны некоторые обобщения, противоречащие этому категоричному выводу. В частности, автор выдвинул гипотезу о том, что в исторических судьбах наций бремя войны, абсолютное и относительное, возрастает в периоды экспансии — политической, социальной, культурной, территориальной. В эпохи же процветания активность боевых действий достигает максимума [там же. — С. 652]. Похожую мысль несколькими десятилетиями ранее высказывал **Н. Д. Кондратьев**, говоря об увеличении числа войн на повышающейся волне большого цикла. Любопытно также еще одно наблюдение П. Сорокина: «В истории науки большинство периодов ее интенсивного развития в политической, социальной, экономической, нравственной и интеллектуальной сферах, то есть самые блестящие периоды ее истории, периоды высшего великолетия, могущества, величия и гения, как правило, являются периодами наивысшего милитаризма и воинственности» [там же. — С. 653].

Питирим Сорокин отмечал и такую закономерность, как большое число великих войн при смене социокультурных типов, при переходе от идеационального типа культуры к чувственному и наоборот [там же. — С. 655].

Российский историк **И. М. Дьяконов** считал, что прогресс в производстве вооружений играет решающую роль при переходе от одной фазы истории общества к другой: «Есть лишь одна об-

ласть технологии, где прогресс оказывает непосредственное влияние на смену производственных отношений. Это прогресс в производстве оружия. Где нет металлического оружия, там не может быть классового общества... Со средневековьем покончили не столько великие географические открытия (хотя и они тоже), сколько пушка, которая свела на нет роль средневекового рыцаря и поставила промышленное предпринимательство выше сельскохозяйственного... Атомная и водородная бомбы приведут (если человечество сохранится) к утверждению посткапиталистического общества во всемирном масштабе» [62. — С. 13, 14]. Милитаризация действительно подталкивает технологический прогресс, но приведенное положение представляется слишком категоричным. Развитие военных технологий можно считать фактором общественного прогресса, но нужно учитывать и то, насколько разрушительную роль в нем играют войны, армии и гонка вооружений. В эту сферу отвлекается от производства материальных и духовных ценностей самая активная и квалифицированная часть работников, во время военных столкновений гибнут десятки и сотни тысяч, а то и миллионы людей, разрушаются города, гибнут культурные ценности. Войны послужили причиной исчезновения с политической карты мира немалого числа государств и цивилизаций.

В наших работах также исследованы вопросы теории и истории войн, их места в динамике цивилизаций и возможности предотвращения гибели последних [97, 239].

Кратко суммируем наши подходы к войнам с точки зрения теории циклов и кризисов в динамике цивилизаций.

1. Войны являются насильственной, кровопролитной формой разрешения противоречий в политической и других сферах общества в динамике цивилизаций и во взаимоотношениях между ними, острой формой политических и геополитических кризисов. Войны возникли одновременно с появлением государств и локальных цивилизаций и на протяжении пяти тысячелетий выступают как одна из важнейших функций государства и реализующих эту функцию социальных институтов, прежде всего армии. Периоды военных конфликтов чередуются с периодами сравнительно мирного развития, когда углубляется диалог, взаимовыгодный экономический и социокультурный обмен между странами и цивилизациями. Войны нарушают процесс диалога и обмена, но затем он восстанавливается.

2. Война и милитаризация в период подготовки к войне трансформируют всю структуру цивилизации, прежде всего

структуру человеческого капитала, оказывая на нее противоречивое, преимущественно негативное воздействие.

В армии служит наиболее дееспособная и активная часть мужского населения, отвлекаемая от производительного труда. В периоды боевых действий многие военнослужащие погибают или становятся инвалидами; некоторые после демобилизации оказываются неспособными к мирному труду, пополняют ряды криминалитета. Война деформирует демографический состав населения (падает рождаемость, растет смертность) и трудовой потенциал общества.

К разработке и производству вооружений и средств обороны привлекаются лучшие интеллектуальные силы и квалифицированные кадры, которые могли бы внести немалый вклад в развитие гражданских отраслей. Хотя военный сектор экономики, щедро финансируемый государством, служит источником научных открытий, крупных изобретений и базисных инноваций, которые частично используются в гражданском секторе, однако научно-технический прогресс в сфере создания новейших средств уничтожения человека человеком далеко не всегда служит повышению технологического уровня и конкурентоспособности экономики в целом. А с конца XX в. научно-технический прогресс в военной сфере достиг опасной черты, которая сделала бессмысленной дальнейшую гонку сверхмощных вооружений и поставила под угрозу само существование человечества. Осознание этого привело в 90-е годы к некоторому сокращению военных расходов и уровня милитаризации экономики в целом по миру, многим странам и цивилизациям (табл. 9.4). За восемь лет доля ВВП, направляемого на военные цели, в целом по миру сократилась с 3,2 до 2,6%.

По цивилизациям и странам уровень милитаризации экономики неодинаков. Наиболее низка доля оборонных расходов в ВВП в Японии (1%); наиболее высока в странах Среднего Востока и Северной Африки (6,1%) и России (4,3%). Впрочем, после 11 сентября 2001 г. тенденция начала меняться в обратную сторону: милитаризация экономики снова усиливается, растет доля военных расходов в ВВП многих стран.

3. Войны оказывают противоречивое воздействие на технологическую структуру цивилизаций. С одной стороны, активизируется научная и изобретательская деятельность, направленная на создание принципиально новых видов оружия и средств обороны, государство выделяет крупные средства на их разработку и инновационное освоение. Часть этих инноваций получает

Таблица 9.4.

Показатели динамики военной экономики*

Страны	Военные расходы				Вооруженные силы			
	% ВВП		% расходов правительства		тыс. человек		% к рабочей силе	
	1995	2003	1995	2003	1995	2003	1995	2003
Весь мир	3,2	2,6	11,3	10,8	30 182	28 161	1,1	0,9
Страны с высоким уровнем доходов:								
США	2,4	2,6	11,3	10,7	61 78	54 76	1,3	1,1
Великобритания	3,8	4,1	21,1	19,4	1 636	1 480	1,2	1,0
Германия	3,0	2,4	8,7	6,0	233	213	0,8	0,7
Франция	1,7	1,5	4,9	4,4	365	285	0,9	0,7
Япония	3,1	2,6	7,6	5,4	502	360	1,9	1,3
	0,9	1,0	4,5	-	252	252	0,3	0,2
Страны с низким уровнем доходов	2,6	2,3	17,3	14,8	7 891	8 189	0,9	0,8
Страны со средним и низким уровнем доходов:								
Китай	2,5	2,5	13,6	12,3	24 004	22 686	0,8	0,7
Индия	1,8	2,3	32,5	19,2	4 130	3 750	0,6	0,5
Россия	2,2	2,3	15,2	14,2	2 150	2 415	0,5	0,5
Латинская Америка	4,4	4,3	21,1	18,8	1 800	1 370	2,3	1,7
Средний Восток и Северная Африка	1,5	1,2	6,1	6,9	2 112	2 136	1,1	0,9
Африка южнее	5,8	6,1	-	-	3 350	3 503	3,9	3,1
Сахары	2,3	1,8	8,4	-	1 698	1 544	0,7	0,5

*[271. — Р. 41].

затем распространение в гражданском секторе экономики, способствуя повышению ее технологического уровня и конкурентоспособности. Экспортеры оружия присваивают мировую военную-техническую квазиаренду. С другой стороны, наиболее одаренные и талантливые ученые, конструкторы, инженеры концентрируют свои усилия на создании военной техники, отвлекаясь от отраслей гражданского назначения, что сдерживает темпы роста и повышение технологического уровня этих отраслей. Гипертрофия милитаризма приводит к одностороннему развитию научно-технического потенциала, делает прогресс в этой области опасным для дальнейшего существования человечества.

4. С формированием государств и локальных цивилизаций, нарастанием остроты вооруженных конфликтов между

ними развивается военная экономика — значительный сектор экономической деятельности, обеспечивающий разработку и производство вооружений, строительство оборонительных сооружений, снабжение армии продовольствием, обмундированием, материалами, средствами транспорта. В периоды военных столкновений доля и значимость военного сектора экономики резко возрастают за счет отвлечения ресурсов от гражданских отраслей. Поскольку военная экономика развивается за счет государственных заказов и экспорта оружия, она становится чрезвычайно прибыльным делом, на нее работают как государственные, так и частные предприятия. Но в конечном счете военная экономика высасывает все соки из гражданских секторов, мало что давая им взамен. Поэтому, хотя создание и поддержание военного сектора экономики является неременным условием обеспечения безопасности страны и цивилизации, необходимо изыскивать пути сокращения его отрицательного влияния на потенциал развития гражданских отраслей, служащих удовлетворению потребностей населения и изготовлению необходимых для реализации этой главной цели экономики средств производства. «Пушки вместо масла» — лозунг, практическое осуществление которого деформирует структуру и снижает социально-экономическую эффективность народного хозяйства. Нужно находить оптимальное для каждого периода соотношение затрат общественных ресурсов на масло и пушки и добиваться постепенного сокращения доли последних.

5. Милитаризм деформирует социально-политическую структуру общества. Формируется социальный слой, непосредственно связанный с армией и военной экономикой. Это не только генералы, офицеры и солдаты, но и ученые, конструкторы, предприниматели, менеджеры, инженеры, рабочие, занятые в военном секторе экономики, чиновники, обслуживающие этот сектор, военные пенсионеры и т. п. Этот социальный слой живет за счет государственных военных заказов и бюджетных расходов и использует свое влияние для того, чтобы расходы на военные отрасли увеличивались, росла их доля в государственном бюджете. И хотя она не столь велика и составляла в 2003 г. в среднем по миру всего 10,8%, но по отдельным странам и цивилизациям этот показатель был гораздо выше: в Омане — 45%; Йемене — 36,4%; Сингапуре — 30,3%; США — 19,4%; России — 18,8% [там же]. В последние годы увеличивается число стран, где эти расходы имеют тенденцию к повышению (в том числе в США и России).

Особенно быстро растут доля и влияние связанного с военным сектором социального слоя в периоды военных конфликтов, когда вся экономика, все общество нацелены на защиту страны и победу в войне. Хотя после ее окончания наблюдается обратная тенденция, однако этот социальный слой не торопится уступить свое место в распределении произведенного общественного продукта.

Следует учитывать еще одну, политическую, сторону процессов милитаризма. Подготовка к войне, а тем более ее ведение усиливает централизацию государственной власти, становится причиной свертывания демократических институтов, а подчас и установления тоталитарной диктатуры, как это было в фашистских государствах и в СССР. Это отвечает открытому **Питиримом Сорокиным** социальному закону флуктуации тоталитаризма и свободы: когда в обществе возникает значительный кризис в форме войны или угрозы войны, тогда масштабы и суровость правительственной регламентации увеличиваются, а экономика общества, политический режим, образ жизни и идеологии испытывают тоталитарную трансформацию. Когда же общество минует стадию кризиса, степень правительственной регламентации уменьшается, происходит свободная реконверсия [181. — С. 124]. Однако милитаристский социальный слой, тесно связанный с государственным аппаратом, задерживает процесс реконверсии, заинтересован в сохранении угрозы войны, наличии внешнего противника. Одной из главных причин развала СССР, Варшавского договора, разрушения мощного военно-промышленного комплекса была утрата образа внешнего врага, который служил обручем, стягивающим воедино республики и страны.

6. Милитаризм пронизывает сферу духовной жизни общества — науку, образование, культуру, этику, религию. В предвоенный и военный периоды большая и лучшая часть научного и изобретательского потенциала направлена на разработку новых видов вооружений и средств обороны, на обслуживание военного сектора экономики. Значительная часть сферы образования работает на подготовку квалифицированных кадров для армии и военно-промышленного сектора; студенты вузов проходят военную подготовку. В культуре и искусстве доминирует культ войны, активно пропагандируются примеры воинских подвигов. Этические нормы оправдывают преследование и убийство противника; среди участников военных действий ослабляются моральные ограничения. Религия освящает героизм сражающихся армий, призывает к лишениям ради победы в войне. Дух насилия проникает во

все сферы общества, даже если речь идет лишь о локальных военных конфликтах. Обесценивается человеческая жизнь, оправдывается жестокость. Особенно значительный размах приобретают эти тенденции в межцивилизационных войнах.

Попробуем представить, каким может оказаться будущее войн в XXI веке. XX столетие довело тенденции милитаризации общества до крайнего, абсурдного предела. *Нарастают сила и влияние факторов, которые могут исключить войны, прежде всего мировые войны и столкновения между цивилизациями, из жизни общества*, переломить тенденцию, преобладавшую в течение пяти тысячелетий, с момента возникновения государств и локальных цивилизаций. Какие это факторы?

Логика развития средств массового уничтожения, военной техники, создание систем, способных при их широком применении уничтожить все живое на планете. В такой войне не будет победителей — лишь побежденные, и не только все человечество, но и значительная часть биосферы. Произойдет то, что **Питирим Сорокин** назвал «самокремацией человечества» в пожаре термоядерной войны. Осознание этого факта вынудило две сверхдержавы, СССР и США, в 80-е годы пойти на беспрецедентные меры по уничтожению под взаимным контролем наиболее опасных систем оружия массового уничтожения. Однако гонка вооружений, создание новых их поколений продолжается и в XXI столетии.

Процессы глобализации, превращения всей мировой экономики в единую систему, жизненные интересы мощных ТНК, филиалы которых расположены по всему миру, также становятся силой, противодействующей военным конфликтам, поскольку они способны нанести ущерб этим важнейшим интересам. Хотя часть ТНК, работающих в сфере ВПК и экспорта вооружений, своими действиями подогревают военные конфликты, однако их влияние вряд ли может стать в долгосрочной перспективе определяющим.

Растет влияние политических сил и общественных движений, осознающих опасность войн и выступающих за мирное, ненасильственное разрешение неизбежно возникающих межгосударственных и межцивилизационных конфликтов. В этом же направлении действуют ООН и другие межгосударственные институты. Усиливается влияние глобального гражданского общества, выступающего против вооруженных конфликтов и факторов, их порождающих. Развивается движение в пользу диалога цивилизаций,

за культуру мира и толерантность. Этому содействуют кампании, провозглашенные и поддерживаемые ООН и ЮНЕСКО.

Воздержанию от войн способствует развитие прогнозирования их последствий. Выполненные в 1983 г. Вычислительным центром АН СССР под руководством академика **Н. Н. Моисеева** расчеты подтвердили предположение американского астрофизика **К. Сагана** о том, что в результате серии ядерных взрывов на Земле может установиться ядерная ночь и, как следствие, ядерная зима. «Наш коллектив тогда был единственной организацией в мире, располагающей системой моделей, достаточных для численных оценок, и необходимой информацией для того, чтобы проверить гипотезу Сагана. Соответствующие расчеты, проведенные нами летом 1983 г., полностью подтвердили справедливость гипотезы американского ученого. Но, самое важное, нами было установлено, что после возмущений, вызванных серией ядерных взрывов и пожарами, имитированными на наших моделях, новое квазиравновесие, которое могло бы возникнуть примерно через год после виртуальной катастрофы, оказалось бы существенно отличным от предшествующего состояния, а также от того, в котором зародилось человечество. Мы пришли к выводу, что в такой новой биосфере Человек не смог бы существовать» [134. — С. 8]. Прогноз «ядерной зимы» произвел отрезвляющее действие на политиков и стал одним из стимулов поворота к разоружению.

Если представить себе ситуацию, при которой существует возможность безошибочно предсказать или просчитать исход и все последствия будущего конфликта (подобно тому, как шахматисты анализируют отложенную накануне партию и на следующий день без доигрывания идут на определенные соглашения), это привело бы к исключению войн из жизни людей. Действительность отрезвляет. Развитие цивилизации отчасти дало людям возможность просчитывать последствия вооруженных столкновений в зависимости от соотношения боевых потенциалов сторон, от решаемых их вооруженными силами боевых задач, от условий боевых действий и т. д. Прогресс компьютерной техники, методов моделирования и прогнозирования способствует повышению точности прогноза относительно исхода возможного вооруженного конфликта, а современные системы разведки и связи позволяют довести результаты расчетов до заинтересованных сторон — участников потенциальной «виртуальной войны». Однако количество факторов, влияющих на ход и исход такого сложного общественно-политического явления, как война, слишком велико, чтобы их могла

точно учесть даже самая совершенная вычислительная техника. Поэтому результаты расчетов носят, как правило, вероятностный характер, и лишь в случае очевидного преимущества одной из сторон можно с большой достоверностью предсказать исход войны или вооруженного конфликта.

Следовательно, в истории общества впервые появилась группа весомых факторов, направленных на исключение межгосударственных и межцивилизационных войн в геополитическом пространстве. Однако нельзя не замечать **противодействующих факторов** и тенденций противоположной направленности. Назовем эти факторы.

1. Угроза столкновения цивилизаций. Впервые эта угроза была отчетливо сформулирована в статье, а затем в книге американского политолога **С. Хантингтона** [259]. Он отметил, что «впервые в мировой истории международная политика стала как многополярной, так и многоцивилизационной... В современном мире формируется новый мировой порядок, основанный на отношениях между цивилизациями... С окончанием холодной войны в центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями» [Цит. по: 185. — С. 508, 509, 511]. В этих условиях становятся неизбежными столкновения цивилизаций: «Различия между цивилизациями не просто реальны. Они наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традиции и, что самое важное, — религии... Эти различия складывались столетиями. Они не исчезнут в обозримом будущем. Они более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Конечно, различия не обязательно предполагают конфликт, конфликт не обязательно означает насилие. Однако в течение столетий самые затяжные и кровопролитные конфликты порождалось именно различиями между цивилизациями» [там же. — С. 515—516].

Концепция Хантингтона подверглась критике во многих странах. Тем не менее угроза столкновения цивилизаций остается реальностью. Она стала более ощутимой во время индо-пакистанского конфликта 2003 г., едва не закончившегося ядерной войной. Да и международный терроризм все отчетливее принимает форму «точечных» столкновений цивилизаций. Военные конфликты в Ливане, Афганистане, Югославии, противостояние Израиля и Палестины явно носят характер столкновения цивилизаций. И хотя в ближайшие десятилетия крупномасштабного, общепланетарного, самоубийственного столкновения цивилизаций вряд ли

приходится ожидать, но вероятность локальных и точечных межцивилизационных вооруженных конфликтов сохранится.

Тенденция межцивилизационного столкновения развивается в предисловии издателя к книге **П. Бьюкенена**, недавно опубликованной под символическим названием «Смерть Запада»: «Наступление нового века ознаменовалось началом Четвертой мировой войны, войны цивилизаций, войны, в которой евроатлантической цивилизации Запада противостоят цивилизации "второго" и "третьего" миров. Эта война в отличие от предыдущей ведется без применения оружия (если не считать локальных вооруженных конфликтов), она носит "информационно-культурный" характер, однако ее исходом, судя по тому, как складывается ситуация, станет поражение Запада и гибель не просто очередной империи, но целой цивилизации» [26. — С. 5]. Вряд ли такая перспектива осуществима, но угрозу нужно осознавать, чтобы оказаться в силах ее предотвратить.

2. Стремление к однополярному миру, к глобальной империи, все яснее проявляющееся во внешней политике США и ее союзников, также увеличивает опасность вооруженных конфликтов и локальных войн. В борьбе с международным терроризмом США в основном полагаются на насилие. Однако насилие порождает контрнасилие.

Попытка трансформировать незападные цивилизации по образу и подобию западной, лишая их собственной идентичности и подчиняя, в том числе с помощью силы, влиянию единственной сверхдержавы — США, — не может не вызывать ответной реакции, усиливая угрозу военных столкновений и международного терроризма. Как это ни странно, концепцию насильственного доминирования Запада наиболее четко и откровенно сформулировал российский ученый-экономист, ныне главный редактор журнала «Свободная мысль» (прежний «Коммунист») **В. Л. Иноземцев**. В своей монографии «Расколота цивилизация» [70] он выдвинул парадигму «системы обновленного колониализма» в отношении стран «четвертого мира», которые сами не в состоянии обеспечить устойчивый экономический рост: «Эти страны должны быть лишены своего суверенитета в течение ближайших десяти лет посредством вмешательства международных сил на основе мандата ООН или иного подобного нормативного акта, а управление ими передано группе международных наблюдателей и экспертов, опирающихся на войска ООН. На протяжении следующих 15—20 лет после установления такого режима на средства, централизован-

ным и согласованным образом выделяемые из бюджетов ведущих постиндустриальных стран и предоставляемые международными финансовыми организациями, должны быть проведены мероприятиями по предотвращению дальнейшей деградации природных экосистем, обеспечению минимального прожиточного минимума для граждан этих стран, формированию производственного потенциала на основе сбалансированных аграрных технологий» [там же. — С. 445]. В качестве «первой волны» подобного эксперимента предлагалось избрать 15–20 беднейших стран, после чего последует второй этап развертывания неокolonизации. Автор полагает, что «в ближайшей перспективе концепция “обновленного колониализма” способна оказаться исключительно действенной» [там же. — С. 446].

Понятно, что попытка реализовать подобную концепцию не может не вызвать взрыва вооруженного сопротивления, столкновений локальных цивилизаций и стран, не так давно обретших суверенитет и чрезвычайно дорожащих им. Но самое удивительное, что именно такую концепцию в последние годы мировое сообщество пытается осуществить на практике в отношении Афганистана и Ирака (хотя последний трудно отнести к числу беднейших стран). Опыт убедительно доказал, что воплощение в жизнь теории «обновленного колониализма» начинается с войны и применения новейших поколений оружия и вызывает волну террористических актов, продолжающихся в течение длительного времени. Поэтому данная концепция обречена на провал.

3. Во многих странах мира существуют значительные и влиятельные *силы, заинтересованные в войне и военной напряженности*, получающие от своей деятельности в этой сфере немалые дивиденды. Речь идет о транснациональных корпорациях, национальных компаниях и государствах, наживающихся на экспорте и импорте вооружений; о политических элитах и религиозных экстремистах, сохраняющих свое влияние благодаря военной напряженности; о международных и национальных террористических организациях. Эти силы не столь многочисленны, но весьма влиятельны. В 2003 г. экспорт вооружений (в ценах 1990 г.) составил по России 6980 млн долл., США — 4385 млн, Франции — 1753 млн, Китаю — 825 млн, Германии — 1549 млн, Великобритании — 525 млн, Италии — 277 млн долл. По импорту вооружений лидируют Китай — 2548 млн долл., Индия — 3621 млн, Турция — 504 млн, Египет — 504 млн, Австралия — 485 млн, Великобритания — 555 млн, Алжир — 513 млн, Саудовская Аравия — 487 млн долл. [271. — Р. 280–282].

Борьба двух противоположно направленных групп факторов определит судьбу войны в наступившем веке и в более отдаленной перспективе. Однако уже сейчас можно предвидеть некоторые тенденции. Во-первых, вряд ли реально повторение мировой войны, в которую оказались бы втянуты большинство стран и цивилизаций. Слишком высока цена такой войны и нет абсолютно никаких шансов у сторон на победу. Во-вторых, возрастет риск асимметричных и локальных войн и точечных террористических атак, особенно если в руки террористов попадет существующее или вновь изобретенное оружие массового поражения. В-третьих, несмотря на колебания по фазам долгосрочных циклов, вероятно, будет нарастать тенденция к демилитаризации экономики (хотя в первые годы нового тысячелетия очевидна обратная тенденция при лидерстве США). В-четвертых, осмысление пагубности войны и опасностей гонки вооружений будет способствовать сокращению социальной и политической базы сторонников войны, демилитаризации сознания.

Поэтому в целом долгосрочный прогноз войн оптимистичен. Впрочем, если верх возьмет пессимистичный сценарий, прогнозировать дальнейший ход событий будет уже некому.

Глава 10

ЦИКЛИЧНАЯ ДИНАМИКА ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Наибольшей сложностью, причудливостью в изгибах траектории своей динамики, неопределенностью в предвидении отличается сфера духовной жизни общества — наука, образование, культура, этика, религия. Но в то же время именно эта сфера является вершиной «пирамиды» цивилизаций, ключевым элементом ее генотипа, первоисточником ее движения от этапа к этапу, смены циклов и кризисов в спирали исторического прогресса. Поэтому эта сфера заслуживает тщательного рассмотрения в аспекте динамики цивилизаций, периодически разворачивающихся революционных переворотов в науке и образовании, смене художественных стилей и школ, обновлении этических и религиозных воззрений народов и цивилизаций.

10.1. Ключевая роль духовной сферы в структуре и динамике цивилизаций

Что мы понимаем под *сферой духовной жизни общества*? Мы включаем в нее пять основных элементов, отражающих различные стороны восприятия человеком и обществом окружающего мира и самого себя, определяющих мировоззрение, целеполагание деятельности:

➔ *науку* как уровень познания закономерностей природы и общества, механизмов использования этих закономерностей в интересах общества, социальных групп, человека;

➔ *культуру* как эстетическое восприятие окружающего мира, его богатства и разнообразия, создание художественных ценностей, понимание гармоничности, чувства прекрасного;

➔ *образование* как систему обобщения и передачи следующим поколениям накопленных знаний и опыта, социальных составля-

ющих генотипа человека, этноса, народа, цивилизации — эстетических и нравственных ценностей;

➔ *этику* как систему нравственных норм, которые регулируют семейные и общественные, межличностные и межгрупповые отношения, налагают определенные ограничения в деятельности человека, требуют учета интересов других членов общества, соблюдения правил социального общежития;

➔ *религию, а также идеологию*, определяющие цели и мотивы деятельности человека и социальных групп, нередко побуждающую их идти на жертвы ради достижения дальних целей.

Духовную жизнь можно понимать и как *сферу духовного воспроизводства*, где происходит непрерывное воспроизведение, обновление и обогащение важнейшей составляющей социального генотипа человека, семьи, социальных групп, локальных, мировых и глобальной цивилизаций.

Сфера духовной жизни — понятие более узкое, чем категория *социокультурная сфера*, к ведению которой **П. Сорокин** в своей «Социальной и культурной динамике» [183] относил не только культуру, искусство, науку, религию, этику, но и политику, войны и революции, экономику, — иными словами, все стороны жизни общества. Культура здесь также понимается в более узком смысле, чем это нередко встречается в научной литературе, когда ее отождествляют со всеми продуктами деятельности общества (материальная и духовная культура) или со всей сферой духовной жизни общества.

Если рассматривать взаимодействие сферы духовной жизни общества с другими «этажами» «пирамиды» цивилизаций и составляющими ее наследственного генотипа, то можно выявить следующие *существенные связи (закономерности)*.

1. *Сфера духовной жизни испытывает на себе влияние — прямое или косвенное — всех остальных элементов цивилизации* и составляющих цивилизационного генотипа: окружающей природной среды и демографических характеристик, технологического уровня и экономических отношений, государственно-политического устройства, социальной структуры и накопленного исторического опыта. Охватывая все стороны жизни общества, проникая в их суть, давая им нравственную и эстетическую оценку, вырабатывая идеалы и цели, передавая все накопленное богатство следующим поколениям, духовная сфера является живым зеркалом, которое отражает все разнообразие окружающего человека мира, помогает осмыслить происходящие в нем события и перемены и выбрать правильное направление деятельности. Без такой под-

держки люди были бы подобны щепкам, плывущим по воле волн и кружащимся в водоворотах реки жизни.

2. Однако роль сферы духовной жизни не сводится только к отражению и восприятию происходящих в природе и обществе перемен. *Духовная сфера является главным инструментом, рычагом преобразования окружающего мира в интересах человека*, коллектива, общества, необходимой предпосылкой их эффективной деятельности. Для последней же требуется проникать в глубинную сущность процессов функционирования и динамики природы и общества, овладевать методами воздействия на эти процессы, давать им эстетическую и нравственную оценку, обобщать и передавать накопленные знания и опыт следующим поколениям, обоснованно выбирать идеалы и цели деятельности. Духовная жизнь — это то, что отличает человеческое общество, вид *Homo sapiens* от остальной живой природы, это базисный, ключевой элемент в генотипе, наследственном ядре общества, цивилизации. И с каждым последующим этапом исторического развития роль и значение духовной жизни возрастает.

В известном споре о том, что первично — бытие или сознание, можно предложить следующее решение. Да, конечно, исторически и логически бытие — окружающая человека природная среда, материальные условия жизни, биологическая составляющая генотипа — исходные и в этом смысле первичные; без них не мог бы возникнуть и существовать человек разумный, человек эмоциональный и нравственный. Но, однажды выделив себя из окружающего мира, человек научился его понимать и преобразовывать. В таком преобразовании первичным становится сознание человека, его духовный мир. Это признавал **Карл Маркс**, когда писал, что используемые в производстве средства труда есть «*созданные человеческой рукой*» органы человеческого мозга, овеществленная сила знаний. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее человеческое знание (*Wissen, Knowledge*) превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого общественного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта, преобразованы в соответствии с ним» [122. — С. 215].

От мнения К. Маркса заметно отличаются страдающие односторонностью взгляды его последователей. Даже такого талантливого, как **Г. В. Плеханов**: «Психология общества приспособляется к его экономии. На данной экономической основе роковым образом возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка...

Свойства социальной среды определяются состоянием производительных сил в каждое данное время. Раз дано состояние производительных сил, даны и свойства социальной среды и соответствующая ей психология... Но развитие производительных сил само определяется свойствами окружающей среды» [160. — С. 182, 192—193, 234].

Идея решающей, преобразующей роли разума человека, его творчества и деятельности в динамике биосферы лежит в основе учения **В. И. Вернадского** о ноосфере [28], развитого **Н. Н. Моисеевым** [134—136].

3. *Сфера духовной жизни*, как и другие стороны жизни общества и «этажи» «пирамиды» цивилизации, *развивается в соответствии с закономерностями циклической динамики*, проходит через периоды взлетов и кризисов, сверхдолгосрочных (цивилизационных) и долгосрочных (кондратьевских) циклов, трансформирующих все ее составляющие. Периодически меняются научные парадигмы (система знаний, научная картина мира), художественные стили, образовательные системы, нормы этики и религиозные взгляды.

Одним из первых на ритмичность развития духовной жизни указал **О. Шпенглер**: «Каждая культура, каждая ранняя пора, каждый подъем и спад, каждый из ее внутренне необходимых уровней и периодов имеют определенную, всегда равную, всегда со значимостью символа периодически возвращающуюся длительность... Что значит резко выделяющийся во всех культурах 50-летний период в ритме политического, духовного и художественного становления? Или 300-летние периоды барокко, готики, великих математик, аттической пластики, мозаичной живописи, контрапункта, галилеевского механизма? Что означает идеальная продолжительность жизни в одно тысячелетие для каждой культуры?» [233. — С. 55]. Если оставить в стороне утверждение о строгой, математической точности периодов в динамике общества (таковая не наблюдается), то сама идея циклическости в развитии духовной сферы выражена правильно. Здесь действительно имеет место одновременное существование циклов разной продолжительности (полувековых, многовековых, тысячелетних), а главное — их взаимовлияние как внутри духовной сферы, так и с циклами в смежных сферах жизни общества (экономической, технологической, социально-политической и т. п.). Известно, что инициаторами многих радикальных перемен в обществе являются ученые и деятели культуры. Они первыми четко осознают накопившиеся в обществе противоречия и первыми же стремятся найти способы их разрешить. Перемены в духовной сфере обычно предвеляют и провоци-

руют разворачивание очередного витка исторической спирали, хотя обретенный в итоге преобразований мир чаще всего радикально отличается от идеалов начавших указанные трансформации интеллектуалов (**Питирим Сорокин** называл это «законом социального иллюзионизма»).

В то же время следует учитывать, что циклы в духовной сфере в наибольшей мере подвержены случайным колебаниям, влиянию субъективного фактора — идеям и действиям творческих личностей. Поэтому такие циклы трудноизмеримы и почти непредсказуемы. Кроме того, значительную роль играют здесь сила традиции, противоборство идей, разрыв между сменяющимися друг друга поколениями людей.

4. *В духовной жизни общества можно обнаружить действие закономерностей социогенетики — наследственности, изменчивости и отбора.* Накопленное в течение тысячелетий научное и культурное наследие, этические нормы и религиозные системы передаются следующим поколениям, образуя сердцевину социального генотипа этноса, нации, цивилизации. Время от времени они обновляются и обогащаются; процесс этот носит кумулятивный характер. Так, научные и культурные достижения Древней Греции и поныне входят в состав современной науки и культуры. Но изменение условий жизни общества требует пересмотра системы цивилизационных ценностей, отказа от устаревших и обогащения новыми на основе целенаправленного отбора. Он инициируется духовными лидерами общества — крупными учеными, талантливыми художниками, основателями новых религиозных учений и т. п. При смене исторических эпох — мировых цивилизаций, исторических суперциклов — процесс трансформации духовной сферы приобретает особенно резкий и драматичный характер. Так было, например, в эпоху формирования раннеклассовой и средневековой мировых цивилизаций, а также индустриального общества. Следует ожидать радикальных перемен в духовной составляющей генотипа общества и при становлении постиндустриальной мировой цивилизации и третьего исторического суперцикла. Эти перемены займут почти все пространство XXI века и в корне преобразят общество, определив главные тенденции его развития на несколько столетий вперед.

5. *Неравномерность динамики сферы духовной жизни наблюдается не только во времени, но и в пространстве,* проявляясь в смене лидеров — как отдельных составляющих этой сферы, так и цивилизаций и стран, находящихся в эпицентре перемен. На-

пример, в Древней Греции первенство принадлежало философии и культуре; в Средневековье оно перешло к мировым религиям; в индустриальном обществе в авангарде оказалась наука. В интегральном постиндустриальном обществе, по предвидению **П. Сорокина**, произойдет воссоединение истины (науки), добра (этики) и красоты (культуры): «Новый нарождающийся социокультурный строй обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты... Нарождающиеся творческие силы возвестят наступление прекрасной эры в человеческой истории» [181. — С. 86, 87].

Меняются и цивилизации, лидирующие в духовной сфере на разных исторических этапах. В период раннеклассовой цивилизации это были культуры Древнего Египта, Междуречья, Индии; в античную эпоху — Греции, Рима, Персии, Китая, той же Индии. В средневековую эпоху главенство в духовной сфере принадлежало Китаю и Индии, быстро возрастала роль Западной Европы. Последняя в эпоху раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций захватила абсолютное первенство, потеснив духовный мир цивилизаций Востока и почти полностью уничтожив наследие цивилизаций Нового Света. В XIX—XX вв. в борьбу за лидерство активно включилась российская цивилизация; наибольших успехов она достигла в начале XX в. — в золотой век российской науки и серебряный век искусства. С конца XX в. все сильнее проявляется отмеченная еще **П. Сорокиным** глобальная тенденция «перемещения творческого лидерства человечества из Европы и европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики... Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американского космополитического театра. Звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать — помимо Европы, Америки и России — возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира» [Там же. — С. 11—12].

Следует отметить и такую знаменательную, но мало осознанную в нашей стране и тем более за рубежом тенденцию, как превращение России в один из эпицентров развертывающегося переворота в духовной жизни общества, становления интегрального социокультурного строя. Этот факт объясняется как особенностями генотипа российской цивилизации, где духовность, духовная

жизнь традиционно занимают ведущее место, так и тем, что Россия находится сейчас в фокусе противоречий переходной эпохи, переживает глубочайший цивилизационный кризис. Это побуждает творческие личности к активному поиску путей выхода из национального (и глобального) кризиса, рождает взрывную волну научного и художественного творчества.

10.2. Научные революции и кризисы

Цикличность в развитии духовной сферы наиболее очевидна в области науки, где отчетливо проявляется периодическая смена революционных прорывов к новым рубежам знаний эволюционным освоением достигнутых рубежей и кризисами науки, когда устаревшая научная парадигма уже не дает реального прироста знаний, но лишь мешает адаптироваться к изменившимся условиям жизни общества.

Основы теории цикличной динамики научного знания кратко и образно выразил **В. И. Вернадский** в докладе на заседании Комиссии по истории знаний, состоявшемся 14 ноября 1926 г. Ученый отметил, что «ходу научной мысли свойственна определенная *скорость движения*... Она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления» [29. — С. 215]. Переломные эпохи в истории общества начинаются с научных революций и сопровождаются взрывами научного творчества. Последние, по словам В. И. Вернадского, «указывают на то, что через столетия повторяются периоды, когда скопляются в одном или многих поколениях, в одной или многих странах богато одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу» [Там же. — С. 216].

Правда, при этом остается открытым вопрос: почему такие скопления талантов возникают, почему происходят взрывы научного творчества? Ответ может быть дан исходя из понимания общих закономерностей цикличной динамики общества и ведущей роли научной мысли в организации перемен в нем. Вряд ли можно полагать, что скопление талантов в том или ином периоде, в той или иной стране определяется демографическими закономерностями. Число одаренных детей во всех поколениях почти одинаково, но для того, чтобы талантливые личности реализовали свой потенциал, смогли предложить обществу принципно

ально новые, революционные идеи, а оно оказалось в состоянии воспринять такие идеи, для всего этого требуется, чтобы общество находилось в ситуации нарастающего кризиса, а значит, испытывало потребность в изменениях. *Научные революции возникают в условиях общественного кризиса*, в переходные эпохи, когда устаревший строй и лежащая в его основе научная парадигма исчерпывают свой потенциал и возникает необходимость сменить последнюю. Предпосылки и процесс формирования новой парадигмы через полвека после В. И. Вернадского весьма подробно исследовал **Т. Кун** [104].

В. И. Вернадский сформулировал общую закономерность возрастания *роли научного знания в развитии общества как основы становления ноосферы*, когда наука превращается в планетарную силу, способную преобразовать биосферу: «Мы подходим к новой эре в жизни человечества и жизни на нашей планете вообще, когда точная научная мысль как планетная сила выступает на первый план, проникая и изменяя всю духовную среду человеческих обществ, когда ею охватываются и изменяются техника жизни, художественное творчество, философская мысль, религиозная жизнь. Это явилось неизбежным следствием — впервые на нашей планете — захвата все растущим человеческим обществом... всей поверхности Земли, перехода с помощью научно направляемого разума человека биосферы в ноосферу» [30. — С. 274–275].

Процесс усиления роли науки в развитии общества — неравномерный и противоречивый. Революции в науке сменяются этапами эволюционного развития, периодическими кризисами, а порой и регрессом, потерей части накопленных знаний. Так было, например, в Европе в период формирования средневековой цивилизации, когда многие завоевания античной научной мысли оказались утраченными, а число научных открытий и технических изобретений многократно сократилось. Однако это не означает, что научная мысль на планете в целом остановилась или даже откатилась назад, прервался кумулятивный процесс накопления знаний. Просто центр мировой науки переместился из Средиземноморья на Восток — в Византию, Индию и Китай, где наблюдалось оживление научной мысли, одно за другим совершались научные открытия, которые затем, путем диалога цивилизаций, были усвоены мусульманской и западноевропейской цивилизациями и стали основой их подъема.

Следует также отметить *циклические колебания в структуре научного знания*. Научная революция начинается с прорыва

в области фундаментальных наук, с выдвижения серии принципиально новых идей, направленных на трансформацию основ научного знания (генотипа науки, преобладающей научной парадигмы). Через некоторое время путем критической оценки из общей массы идей и теорий отбираются те, которые могут стать ядром новой парадигмы, адекватной изменяющимся условиям развития общества. Затем, когда работа по расчистке и обновлению основ научного знания в основном завершена, приходит время для его детализирования и распространения вширь, по отраслям знаний (обновления частных парадигм), странам и цивилизациям. Параллельно новые идеи и теории подхватываются и разрабатываются прикладной наукой, вызывают волну крупных изобретений, становятся отправными точками для конструкторов, технологов, инженеров, которые создают все более эффективные поколения техники и технологий. На этом этапе общество, наконец, получает реальные плоды научного переворота, который служит базой для очередного витка в развитии производительных сил. Со временем, исчерпав свой потенциал, научная мысль дает все меньшую отдачу, значимость открытий и изобретений уменьшается, в обществе снова нарастают кризисные процессы. Приходит время очередной научной революции.

Перевороты и циклы в науке следует классифицировать и по глубине, продолжительности, масштабности. Если среднесрочные, десятилетние циклы, реализуемые в смене поколений техники и технологий, связаны преимущественно с переменами в прикладной науке, то долгосрочные (полувековые) кондратьевские циклы, итогом которых становится освоение новых технологических укладов, требуют фундаментальных идей и крупных изобретений. Смена раз в несколько столетий цивилизационных циклов опирается на научные революции, коренное обновление корпуса знаний, генотипа научного знания; такого рода революции длятся десятилетиями и реализуются в смене поколений ученых и научных школ. Еще более значительны глубочайшие научные перевороты, формирующие новую научную картину мира при смене раз в несколько тысячелетий исторических суперциклов (триады родственных мировых цивилизаций). При этом обычно происходит перемещение центров научного творчества, формирование кластера новых отраслей знаний. Подобный переворот случился в середине I тыс. н. э., нечто похожее человечеству предстоит пережить в XXI столетии.

Рассмотрим исторический путь возникновения и цикличного обновления научного знания.

Место и время рождения системы наук общеизвестны: это Древняя Греция, VI—III вв. до н. э. Лидерами свершившейся тогда научной революции признаны **Платон** и **Аристотель**, известны также десятки крупнейших ученых той эпохи и их научные достижения: материализм **Фалеса**, диалектика **Гераклита**, философия **Сократа**, атомистическая теория **Демокрита** и **Эпикура**, математика **Пифагора** и **Евклида**, механика **Архимеда**, медицина **Гиппократ**, география **Аристофана**, история **Геродота**. В той же Древней Греции возникли и первые научные институты: Академия Платона (387 г. до н. э.), Лицей Аристотеля (335 г. до н. э.).

Однако фактически основы научного знания были заложены намного раньше, в древних цивилизациях Востока в эпоху раннеклассовой цивилизации. На это указывал, в частности, **Дж. Бернал**: «Греки были единственным народом, который перенял, почти не осознавая и не признавая этого, массу знаний, сохранявшихся еще после нескольких столетий разрушительных войн и относительного пренебрежения к знанию в древних империях Египта и Вавилона. Но греки пошли гораздо дальше. Они восприняли эти знания и благодаря собственному глубокому интересу и разуму превратили их в нечто и более простое, и более абстрактное, и более рациональное. Со времен древних греков и до наших дней эта нить знания уже не прерывалась» [16. — С. 95]. Восточные первоисточники греческой науки признавал и **В. И. Вернадский**.

Следовательно, подлинным местом рождения науки можно считать древние цивилизации 1-го поколения — Египет, Месопотамию, Индию и Китай, а временем рождения — конец III — начало II тыс. до н. э., на пике жизненного цикла этого поколения локальных цивилизаций.

Вырисовывается примерно следующая картина циклов и кризисов в истории науки как ведущего звена в духовной жизни общества.

Предыстория науки как накопление первичных прикладных знаний началась в эпоху нижнего палеолита. Их передача от поколения к поколению (срок жизни которых был значительно короче, чем у нынешних) позволяла добывать и поддерживать огонь, изготавливать каменные, деревянные и костяные орудия труда, луки, стрелы, гарпуны и пользоваться ими; обрабатывать шкуры убитых животных и строить примитивные жилища. Без всего этого выживание человека было бы поставлено под угрозу. Тогда же формировалась система знаний о природных циклах (суточных, сезонных, годовых), демографических (жизненном цикле человека),

о том, какие растения можно употреблять в пищу, для лечения и т. п. Конечно, это были неполные, неточные знания, но за ошибки приходилось расплачиваться жизнью.

Первый переворот в системе знаний (исходный пункт первого большого научного цикла) произошел в период неолитической революции, был ее отправной точкой и основой. Чтобы приручать животных, обрабатывать землю и выращивать на ней растения, заниматься ремеслом и строить жилища, требовался новый, несравненно более высокий уровень знаний. Именно тогда возникли зачатки прикладных наук, математики (простейшего счета), астрономии, материаловедения. Не стоит недооценивать уровень знаний человека той эпохи и совершенного им научного прорыва, хотя он длился веками, если не тысячелетиями, и имена первопроходцев нам неизвестны. Но к моменту заката неолитической цивилизации оказалось, что и этих знаний недостаточно для решения усложнившихся задач как в производстве, так и в социальной жизни. Можно говорить о **первом кризисе науки** (если не считать таковым нехватку знаний как составной части экологического кризиса, случившегося в конце мезолита и ставшего причиной перехода к искусственному воспроизводству).

Первый большой цикл развития науки относится к периоду *раннеклассовой мировой цивилизации* (III—II тыс. до н. э.). Ирригационное земледелие, строительство дворцов, храмов, пирамид, развитие разнообразных видов ремесел, ведение товарного хозяйства, внутренней и международной торговли, использование денег, сбор налогов, организация государственного хозяйства — все эти эпохальные и базисные инновации требовали обширных и разнообразных знаний, выделения групп людей, которые занимались бы наблюдением, обобщением знаний и предсказаниями. Это были преимущественно жрецы, которые управляли всей духовной жизнью общества. Уже тогда, вероятно, появились талантливые ученые, имена которых нам неизвестны. Изобретение письменности позволило эффективнее сохранять и передавать информацию. Уровню знаний людей того периода и сейчас удивляешься, когда видишь остатки грандиозных оросительных систем, огромных дворцов, храмов и пирамид, поражаешься строгой пропорциональности архитектурных сооружений древности.

Однако значительная часть приобретенных знаний была утрачена в конце II — начале I тыс. до н. э., когда в результате опустошительных войн была утрачена большая часть научных достижений. Однако кумулятивный путь развития науки продолжился.

Второй большой научный цикл стартовал одновременно с античной мировой цивилизацией, а его пик был достигнут в середине I тыс. до н. э., когда в Афинах и других греческих городах произошла научная революция, содержание и значение которой раскрыто в начале параграфа. Ее итогом стал глубочайший прорыв в научном знании, зарождение натурфилософии как фундамента системы абстрактных наук. Пирамида научного знания окончательно сформировалась, охватив как естественные, так и общественные дисциплины.

Однако не стоит считать, что научная революция того времени — прерогатива Древней Греции и Рима. Этот же период отмечен выдающимися научными открытиями и инновациями в Китае. Одним из главных стало философское и этическое учение **Конфуция** (551—479 гг. до н. э.), и поныне являющееся базовым в менталитете китайской цивилизации. Кроме того, Китай добился серьезных успехов в таких областях, как астрономия, медицина, архитектура и техника. О высоком уровне развития науки в древней Индии свидетельствуют труды индийских ученых: книги **Панини** «Аш-тадхьяи» (научная грамматика, V в. до н. э.) и **Каутильи** «Артхашастра» (наука о политике, IV в. до н. э.).

Кризис античной цивилизации отразился и на судьбе науки, обусловил кризис в этой сфере. На века были преданы забвению яркие имена, блиставшие в греческой науке; в результате войн, набегов варварских племен уничтожались книги и научные трактаты; жестоким гонениям подвергались ученые. До наших дней дошли сведения об одном из китайских императоров, который приказал собрать и в один день уничтожить ученых всей огромной страны. Лишь в Византийской империи до тех пор поддерживались и развивались традиции античной науки, пока сама Византия не была смертельно ранена европейцами во время Крестовых походов и окончательно добыта турками-сельджуками.

В течение нескольких веков, получивших позднее название «темные» (The Dark Ages), которые прошли после падения Западной Римской империи, в Европе наблюдался глубочайший научный кризис. Значительная часть классического научного наследия была уничтожена или попросту забыта. Монополия в духовной сфере принадлежала церкви, которая отвергала и искореняла все, что не соответствовало догматам веры.

Новым средоточием научной мысли стал Восток: «В течение 500 лет, последовавших за крушением Рима, центр научной жизни переместился на Восток от Евфрата. V, VI и VII вв. были веками

значительного культурного прогресса не только в Персии и Сирии, но также и в Индии... В Индии происходило также имевшее величайшее значение для всего мира развитие науки, особенно математики и астрономии» [16. — С. 156–157]. Экономический, культурный и научный подъем переживала и китайская цивилизация, особенно при династиях Вэй (386–549 гг.) и Тан (618–906 гг.).

Греческое научное наследие, сохраненное и приумноженное византийскими учеными (математиками, физиками, астрономами, механиками, философами, медиками), отчасти было передано Западной Европе, отчасти — Руси. Другим каналом трансляции наследия античного мира стал арабский мир. Именно оттуда оно, обогащенное работами арабских мыслителей, через Испанию снова вернулось в Западную Европу. Сама же западноевропейская наука развивалась в жестких рамках христианской схоластики, что, к сожалению, тормозило ход научной мысли. Период становления средневековой цивилизации и второго исторического суперцикла характеризовался длительным застоем, сравнительно низким уровнем развития науки, малым числом крупных открытий и ярких имен. Об этом свидетельствуют и данные **П. Сорокина** о числе научных открытий и технических изобретений в их распределении по эпохам (табл. 10.1). При этом, правда, приняты во внимание лишь сведения по Западу; учет динамики научной мысли по Востоку изменил бы картину.

Из таблицы видно, что в эпоху античной цивилизации действительно произошел взрыв научного творчества: число научных открытий и технологических изобретений в западном мире почти в 16 раз превзошло показатели предыдущей, гораздо более длительной эпохи раннеклассовой цивилизации. Причем половина открытий и изобретений приходится всего на четыре столетия (VI–III вв. до н. э.). Закат античности ознаменовался снижением активности научной мысли: за три столетия (III–V вв. н. э.) количество открытий и изобретений составило всего 8% от их общего числа за 13 веков.

Традиции греческой науки сохранялись в период эллинизма (Александрийский музей по сути стал первым государственным исследовательским институтом) и в Древнем Риме, где значительное развитие получили прикладные науки (крупнейшие фигуры — Лукреций и Сенека). Однако такого эпохального приращения знаний, которое дала греческая наука, в Риме уже не было отмечено.

В эпоху средневековья происходит новое резкое падение — в это время за столетие делается всего-навсего от 4 до 13 открытий

Таблица 10.1.

Динамика естественнонаучных открытий и технических изобретений в западном мире*

Цивилизации, столетия	Естественные открытия	Технологические изобретения	Открытия и изобретения	В % к предыдущему периоду (цивилизации, столетию)
<i>Раннеклассовая</i> (3500–801 до н. э.)	5	17	22	100
<i>Античная</i>	241	107	348	1582
800–701 до н. э.	3	6	9	7
700–601 до н. э.	2	5	7	78
600–501 до н. э.	20	10	30	429
500–401 до н. э.	34	5	39	130
400–301 до н. э.	46	12	58	149
300–201 до н. э.	33	12	45	78
200–101 до н. э.	14	2	16	36
100–0 до н. э.	14	17	31	194
1–100 н. э.	39	21	60	194
101–200	23	4	27	45
201–300	5	3	8	30
301–400	9	8	17	212
401–500	2	2	4	24
<i>Средневековая</i>	22	28	50	24
501–600	8	5	13	325
601–700	2	2	4	31
701–800	3	1	4	100
801–900	–	5	5	125
901–1000	–	5	5	100
1001–1100	2	5	7	140
1101–1200	7	5	12	171
<i>Раннеиндустриальная</i>	1222	510	1732	3464
1201–1300	39	9	48	400
1301–1400	31	25	56	117
1401–1500	45	49	94	168
1501–1600	245	121	366	309
1601–1700	492	169	661	153
1701–1750	370	137	507	1874
<i>Индустриальная</i>	5163	4168	9331	208
1751–1800	674	382	1056	355
1801–1850	1877	1181	3754	116
1851–1900	2060	2296	4356	10 862 ¹
1901–1908	552	309	861	249

*[183. — С. 316–317].

¹ В пересчете на среднегодовое число.

и изобретений. В целом за девять веков их совершается в 2–3 раза меньше, чем в годы существования античной цивилизации, а в течение IX–X вв. не отмечено ни одного значимого открытия. Это действительно были «темные» века для науки на европейском континенте. Однако на Востоке — в Византии, Индии, Китае, арабском мире — поток научных открытий нарастал, на основе крупных изобретений осуществлялись базисные инновации.

На взлете была научная мысль и в арабском мире. Достаточно назвать имена таких ученых-энциклопедистов, как **аль-Хорезми** (IX в.), **аль-Бируни** и **Ибн Сина** (Авиценна) (конец X — середина XI в.), имя одного из основателей теории исторических циклов — **Ибн Хальдуна** (1332–1406); его деятельность, однако, относится уже к следующему научному циклу).

Начало *третьего большого цикла развития науки* относится к эпохе Ренессанса, к фазе подъема раннеиндустриальной мировой цивилизации, когда средоточием научного творчества стала Западная Европа. Десятки и сотни важных открытий и изобретений были сделаны в XVI–XVII вв., а в целом за 350 лет этой цивилизации их число почти в 10,6 раза превзошло количество открытий и изобретений, созданных за 900 лет существования средневековой цивилизации. В индустриальную эпоху научная мысль развивалась еще более быстрыми темпами. В 1751–1908 гг. было сделано почти в 19 раз больше естественно-научных открытий, чем за предыдущие пять с половиной столетий.

Правда, при оценке приведенных в *табл. 10.1* данных следует учитывать эффект аберрации, искажения временем: близкие эпохи более известны и кажутся более значимыми, чем давно прошедшие. Например, в период раннеклассовой мировой цивилизации, за 27 столетий было сделано намного больше научных открытий и крупных изобретений, чем это указано в таблице. Просто мы о них не знаем. **Дж. Бернал** отмечает, что основы успеха античной науки были заложены задолго до ее становления, еще в цивилизациях Востока. То же относится и к техническому творчеству: увеличение числа эпохальных технических инноваций произошло еще в раннеклассовой цивилизации: «Бурный подъем технического творчества, возникший вместе с началом городской жизни на огромных речных долинах Месопотамии, Египта, Индии и Китая, длился не более нескольких столетий, приблизительно с 3200 г. до н. э. по 2700 г. до н. э. За ним последовал относительно длительный период культурного и политического застоя» [16. — С. 82]. Античная же цивилизация, по мнению ученого, не вызвала мощной

волны технологических преобразований: «Железный век не породил столь же крупных технических достижений, какие ознаменовали начало бронзового века, но его достижения всегда базировались на применении более дешевого и имевшегося в изобилии металла, были шире распространены не только географически, но и среди общественных классов» [там же. — С. 88]. Однако античность стала временем крупнейшей научной революции (особенно в VI–III вв. до н. э.), заложившей основы дальнейшего развития науки, в том числе и современной, ее генотипа — периодически обновляемого наследственного ядра.

Как с позиций цикличного подхода оценить развитие науки в XX в. и ее перспективы в XXI столетии? Ответы на эти вопросы отчасти уже были даны в ряде наших работ [99, 103, 239, 247, 249, 250], монографии **А. И. Анчишкина** [6] и других исследователей.

Сразу двумя переворотами в науке охарактеризовался прошедший XX в.: революцией в естествознании конца XIX — начала XX в., заложившей основы третьего технологического уклада, и научно-технической революцией середины XX в., открывшей дорогу для утверждения четвертого уклада. Опережающими темпами увеличивались затраты на исследования. Было провозглашено торжество науки, утвердилась вера в ее всемогущество, возможность эффективного и сравнительно быстрого решения с ее помощью узловых проблем, стоящих перед человечеством.

Однако в этом мощном потоке, торжествующем гимне науке все более отчетливо проявились диссонансы.

Во-первых, основные усилия ученых, работавших по заказам государств-соперников, направлялись на создание все более мощного оружия массового уничтожения. Появление атомного, а затем термоядерного и биологического оружия поставило под вопрос само существование человечества. Наука в ее военном применении стала опасной для общества.

Во-вторых, приоритет отдавался естественным и техническим наукам, основной задачей которых было покорение природы, более активное использование невозобновляемых природных ресурсов. Мощные технические системы сильно загрязняли окружающую среду, делали ее все менее пригодной для жизни человека. Могущество разума, преобразующего биосферу, разрушало ее. Наука становилась опасной для природы и общества, создавалась реальная угроза глобальной экологической катастрофы.

В-третьих, резко снизился уровень социальной ответственности науки за последствия применения полученных открытий и изо-

бретений. Ее достижения использовались в интересах лишь части населения богатых стран («золотого миллиарда»), алчных транснациональных корпораций, что вовсе не улучшало, а иной раз заметно ухудшало качество жизни большинства жителей планеты. Образно говоря, черви милитаризации и корысти прогрызли яблоко прогресса. Миллиарды людей были обречены на нищету и страдания, поставлены на грань выживания. В то же время науки о человеке, об обществе находились в загоне, на третьестепенном положении.

В-четвертых, научный прогресс позднеиндустриального общества зиждился на завершающей жизненный цикл индустриальной научной парадигме. Она в основном исчерпала свой потенциал и оказалась не в состоянии предложить эффективные решения острейших проблем переходного периода, потеряла прогностическую способность, а это первый признак банкротства преобладающих научных школ, кризиса науки. Не случайно радикальные сдвиги в обществе конца XX в. не были предсказаны наукой, оказались неожиданными, а потому очень болезненными.

Перечисленные четыре фактора стали главными причинами глубочайшего *кризиса науки в конце XX — начале XXI в.*, утраты ею творческого потенциала и авторитета в обществе. Но, как известно, свято место пусто не бывает — освободившуюся нишу тут же заполнили астрология, дианетика и прочие антинаучные, псевдонаучные, а также религиозные течения. Кое-кто заговорил о конце века науки, о том, что все великие открытия уже сделаны, и ученым остается лишь уточнять детали и завершать отделку величественного храма познания. Все чаще раздавались голоса, призывавшие ограничить объем ассигнований на развитие науки, а на постсоветском пространстве это действительно произошло. Наука из любимой дочери общества превратилась в падчерицу.

Кризис науки налицо: это неоспоримый факт. И кризис этот носит не случайный и локальный, а всеобщий, длительный, системный характер. В основе своей это *кризис индустриальной научной парадигмы*, историческое время которой завершается. Общество вступает в новую эру, переходит к интегральной постиндустриальной цивилизации, к третьему историческому супер-циклу — очередной фазе жизненного цикла глобальной цивилизации. Новое время требует нового знания, новой картины радикально меняющегося мира. **Всеобщий кризис науки — это предпосылка и импульс для очередной научной революции, итогом которой станет формирование постиндустриальной научной парадигмы.**

Время большой науки не прошло — оно только начинается. Грядет очередной всплеск научных открытий и крупных изобретений. Заканчивается эпоха индустриальной научной парадигмы, преобладавшей последние четыре-пять столетий, и начинается эра постиндустриальной парадигмы, существование которой продлится не одно столетие. Король умер... Да здравствует король!

Переходный период между закатом индустриальной и становлением постиндустриальной парадигмы будет долгим (он растянется как минимум на полвека) и мучительным. Это связано прежде всего с принципиальными отличиями новой парадигмы от ее предшественницы. Для постиндустриальной научной парадигмы характерны:

- ➔ лидирующая роль общественных и гуманитарных, а не естественных и технических наук (человеку и обществу пора, наконец, познать самих себя);
- ➔ ориентация на становление позитивного варианта ноосферы, на рациональную коэволюцию общества и природы, а не агрессивное ее покорение;
- ➔ циклично-генетический и цивилизационный, а не линейно-прогрессивный и формационный подход;
- ➔ приоритет духовной сферы; формирование общества, основанного на знаниях, а не только на производительных силах, экономическом базисе, рыночных отношениях;
- ➔ формирование интегрального социокультурного строя, идущего на смену чувственному строю.

Если индустриальная парадигма сформировалась и распространилась по планете из западноевропейской и североамериканской цивилизаций, то **постиндустриальная парадигма зарождается в российской цивилизации**. Кроме того, в ее становление весомый вклад уже сейчас вносят китайская и индийская цивилизации. Лишь через определенное время, с немалым трудом, постиндустриальная парадигма пробьет себе дорогу на пространство нынешних лидеров — североамериканской, западноевропейской и японской цивилизаций.

На чем основано столь смелое утверждение о грядущей смене научного лидера вопреки очевидному ныне превосходству в науке США, Западной Европы и Японии и бедственному положению России в этой сфере?

Прежде всего на том, что Россия в XX в. четырежды оказывалась в состоянии кризиса, что требовало от нее напряжения всех

материальных и духовных сил. Так было в начале века, после поражения в войне с Японией и революции 1905 г., потрясшей общество и вскрывшей суть накопившихся в нем противоречий. Затем — тяжелые испытания Первой мировой войны, двух революций 1917 г., Гражданской войны и иностранной интервенции, отбросившие страну на десятилетия назад. В 30-е годы десятки тысяч интеллигентов, ученых были либо посажены в тюрьмы и расстреляны, либо высланы за рубеж. Ни с чем не сравнимый урон нанесла России Вторая мировая война. Тем не менее после каждого из этих кризисных периодов наш народ находил в себе силы, чтобы возродить страну, а вместе с ней и науку. Каждый раз она, загадочным для окружающего мира образом, испытывала подъем, восстанавливаясь в небывало короткие сроки. Так, несмотря на подорванное войной хозяйство, в 50–60-е годы СССР освоил достижения научно-технической революции, четвертого технологического уклада, достиг военно-технического паритета со странами Запада, а в некоторых наукоемких отраслях (мирном освоении космоса, атомной энергии) даже вырвался вперед. Да и темпы экономического роста были весьма внушительными: в 50-е они равнялись 7,8% среднегодовых — в 1,6 раза выше среднемировых и в 1,9 раза выше средних по развитым странам [133. — С. 507–508].

Однако экономика развивалась односторонне, подобно флюсу — основные инвестиции направлялись в военно-промышленный комплекс, а отрасли гражданского назначения отставали, потребительский рынок слабо насыщался товарами. Развитие науки, особенно общественной, гуманитарной, биологической, находилось под жестким контролем тоталитарного государства, что стало причиной отставания страны по ряду важнейших направлений, а в 80-е годы — слишком позднего освоения пятого технологического уклада. Этому способствовали нарастание консервативных и бюрократических элементов в партийно-государственном аппарате, падение темпов экономического роста ниже среднемировых (в 1981–1990 гг. — 0,5% против 2,9%) [Там же]. Застой наблюдался и в отечественной науке.

Цивилизационный кризис 90-х годов нанес ей почти смертельный удар. Многократно было урезано бюджетное и коммерческое финансирование науки, резко уменьшилось число исследователей (особенно в прикладной науке), конструкторов и проектировщиков. Среднегодовые темпы сокращения расходов на науку в 1991–1995 гг. составили 23,9%, численности научных работников — 10,8%, количества впервые использованных изобретений — 12,1%. Притом что доля наших специалистов в общемировой численнос-

ти научных работников составляла 10,8%, доля в общих затратах на науку не превышала 1%. Зарплата ученых нищенская, технологическая база не обновляется. Тысячи талантливых ученых уезжают за границу. Казалось бы, наука в стране разгромлена, о ее возрождении и лидерстве можно забыть.

Тем не менее, как и в годы прежних испытаний, острота проблем, стоящих перед страной, будит научную мысль, побуждает к смелому научному поиску, особенно в области общественных наук, где не требуется миллиардных вложений в оснащение и модернизацию лабораторий и опытных заводов. В последние годы, после первоначального шока, вызванного непредвиденным кризисом, появились признаки возрождения науки, новой волны научного творчества. Формируются новые научные школы, закладываются основы постиндустриальной парадигмы обществоведения. Забытые прежде имена великих ученых XX столетия — **Николая Кондратьева** и **Питирима Сорокина**, **Александра Богданова** и **Николая Бердяева**, **Владимира Вернадского** и **Александра Чижевского** — вновь востребованы, многие научные организации и отдельные специалисты развивают их идеи и формируют картину мира, адекватную реалиям XXI в. Развиваются циклично-генетический и цивилизационный подходы, воспринимаются идеи интегрализма, идущего на смену марксизму и либерализму. Идет противоречивый процесс смены поколений ученых.

Включение России в число лидеров научной революции XXI в., значимый ее вклад в формирование постиндустриальной парадигмы отнюдь не гарантированы. Много факторов работает против этого — и слабая поддержка науки со стороны государства, и малая востребованность экономикой радикальных идей и крупных изобретений, и консерватизм научных кругов, и пренебрежительное отношение зарубежных научных школ к российской науке. Однако шансы на то, что она совершит прорыв, который послужит основой, отправной точкой прорыва инновационного, а значит, и возрождения всего государства, пока еще сохраняются. Об этом говорят результаты наших исследований [103]. Вопрос лишь в том, каким образом использовать этот шанс, поддержать идеи научного прорыва и реализующие их научные школы. Только адекватная условиям XXI столетия научная парадигма способна определить содержание образования таким образом, чтобы новые поколения могли включиться в научно-технологический переворот и эффективно реализовать его результаты. В этом ключ к возрождению некогда авангардной научной базы российской цивилизации.

10.3. Цикличность в динамике культуры

Как было показано в начале главы, *мы понимаем культуру* в сравнительно узком смысле: *как сферу деятельности людей, связанную с эстетическим, образным отображением окружающего мира и его преобразованием*, как продукт функционирования правого полушария мозга человека (тогда как наука — результат логического освоения мира, продукт функционирования левого полушария мозга). В таком понимании к культуре в современном мире можно отнести: изобразительное искусство (живопись, валяние); архитектуру; музыку; театр; литературу (художественную); кино; радио, телевидение, Интернет, печать, промышленную эстетику — в той мере, в какой все эти области используют образные средства передачи информации. Наконец, можно говорить о языке как носителе и выразителе культуры.

Образные и логические способы получения и передачи информации дополняют друг друга, помогают человеку полнее воспринимать окружающий мир, более эффективно действовать. На первых порах развития у Homo sapiens преобладало образное восприятие. Затем, с течением столетий, его дополнило и расширило логическое, научное, не заменив и не вытеснив образное. В индустриальную эпоху, казалось бы, рационально-логическое начало берет верх. Но со второй половины XX столетия, с развитием компьютерно-информационной революции нарушенная былая гармония вновь восстанавливается, логическое и образное мышление дополняют друг друга, помогая человеку лучше ориентироваться в океане информации.

Развитие культуры, как и других сфер духовной жизни, подчинено *циклично-генетическим закономерностям*. Но в этой самой тонкой и неоднозначной сфере духовного мира данные закономерности проявляются своеобразно, нередко их трудно выявить, оценить и тем более предсказать их дальнейшее развитие.

В какой-то мере к циклам, имеющим эстетический характер, относятся *колебания моды*, особенно женской. Здесь можно выявить и краткосрочные (2–4 года), и среднесрочные, и долгосрочные, и вековые циклы. Однако в большинстве отраслей и видов культуры краткосрочные и среднесрочные циклы обычно не просматриваются (кроме промышленной эстетики, где смена моделей и поколений изделий часто бывает связана с теми или иными художественными образами, что помогает продвигать продукт на рынок). Более отчетливо проявляются долгосрочные (полувеко-

вые) и сверхдолгосрочные (цивилизационные) циклы, что находит выражение в смене художественных и архитектурных стилей, появлении принципиально новых способов отображения и передачи эстетической информации.

Питирим Сорокин, исследуя динамику культуры за два с половиной тысячелетия, установил, что чередование типов искусства происходит сравнительно синхронизированно во всех его видах: «Если мы возьмем достаточно длительные периоды, скажем, не менее столетия, то за неизбежными исключениями все искусства — живопись и скульптура, архитектура и музыка, литература и драматургия — одновременно переходят от одной, допустим, идеациональной, к другой, допустим, идеалистической или чувственной форме... Если же взять более короткий период и исследовать менее значительные флуктуации, то эти краткосрочные флуктуации напоминают рябь на поверхности больших волн: они и не глубоки, и не фундаментальны» [183. — С. 251, 252].

Согласованно меняются содержание и художественные стили различных видов искусства. П. Сорокин предпринял попытку с помощью экспертных оценок дать оценку содержания (религиозного или светского) и художественных стилей европейской живописи и скульптуры за более чем тысячелетний период (*табл. 10.2*).

В эпоху Средневековья, когда религия доминировала во всех сферах духовной жизни, в искусстве преобладали религиозные

Таблица 10.2.

Тенденции и динамика содержания и стилей европейской живописи и скульптуры*

Век	Содержание, в %		Художественный стиль, в %			
	религиозное	светское	виртуальный (чувственный)	идеациональный (чувственный)	экспрессионистский	смешанный
До X	81,9	18,1	13,4	77,0	-	9,6
X–XI	94,7	5,3	2,3	92,2	-	5,5
XI–XIII	97,0	3,0	6,0	51,1	-	42,9
XIV–XV	85,0	15,0	53,6	29,2	-	17,2
XVI	64,7	35,3	72,0	20,3	-	7,7
XVII	50,8	49,2	90,6	5,9	-	3,5
XVIII	24,1	75,9	96,4	2,5	-	1,1
XIX	10,0	90,0	95,5	0,6	2,5	1,4
XX (до 1930)	3,9	96,1	61,5	0,7	35,5	2,3

*[184. — С. 443–446].

мотивы (до 97%) и идеациональный, сверхчувственный символический стиль (до 92%). Однако уже в раннеиндустриальную эпоху господство религии ослабевает, к XVII в. светское начало обладает примерно равными позициями с религиозным, ведущим художественным стилем становится чувственный (виртуальный). Эти тенденции закрепились и расширились в индустриальную эпоху. В XIX в. религиозное содержание культуры сократилось до 10% (в первой трети XX в. — до 3,9%), а идеациональный стиль практически полностью уступил место чувственному (95,5%). Это был период высшего расцвета, торжества чувственного социокультурного строя. В XX в. начался его закат, кризисная фаза жизненного цикла, которая продолжается и сейчас.

Каждый большой цикл в динамике культуры проходит через последовательные фазы — зарождения, утверждения в борьбе с ранее преобладавшим типом культуры, распространения, господства, затем застоя и кризиса, потери позиций и схода с исторической сцены.

В динамике культуры обнаруживаются также и *социогенетические закономерности* — наследственности, изменчивости и отбора. В структуре любого вида культуры можно обнаружить выработанный веками, обогащенный опытом поколений *генотип*, наследственное ядро, передающееся из поколения в поколение. Этот генотип может исчезнуть только вместе с народом, цивилизацией, которые его олицетворяют. Генотип культуры любой локальной цивилизации разнообразен, отражает богатство культурного наследия входящих в него этносов. Можно говорить и о генотипе культуры той или иной мировой цивилизации, выражающем общие черты в динамике составляющих ее локальных цивилизаций, например о культуре Античности, Средневековья, индустриальной эпохи и т. п. Наконец, всемирное культурное наследие выражает содержание генотипа глобальной цивилизации, разнообразие ее элементов — локальных цивилизаций — и культурные достижения минувших эпох, ушедших мировых цивилизаций.

Культура, как и все в этом мире, не бывает неизменной, замедленной на том или ином этапе своего развития, идет ли речь о культуре цивилизации локальной, мировой или глобальной. Она подвержена периодическому обновлению и обогащению, отражая действие закономерности *наследственной изменчивости*. В переломные эпохи, при смене фаз жизненного цикла или зарождении новой мировой цивилизации такое обновление и обогащение особенно заметно. Происходит пересмотр накопленного культурного наследия, одни художественные стили заменяются другими. Иной

раз появляются новые виды искусства, меняются технологии сохранения и воспроизведения произведений искусства (фотография, кино, телевидение, аудиокассеты, компакт-диски и т. п.).

Кто же осуществляет *отбор* в динамике культуры? В первую очередь это сами деятели культуры — художники и музыканты, скульпторы и архитекторы, поэты и писатели, стремящиеся к инновациям в своей области, создающие новые стили, которые либо отвергаются, либо признаются обществом и обогащают культурное наследие. Это актеры и певцы, режиссеры и продюсеры, владельцы художественных галерей, доводящие замысел творцов до потребителей, создающие спрос на рынке произведений культуры. Наконец, это широчайшие массы слушателей, зрителей, для которых, собственно говоря, и работают все мастера искусств.

Рассмотрим вкратце **исторический путь культуры** как важнейшей составной части духовной жизни общества, большие циклы в ее динамике.

Культура как способ образного, эстетического восприятия мира возникла вместе с человеком, его сознанием. Но первоначально она не была отделена от других видов деятельности, находила выражение в наскальных рисунках, изображениях на керамической посуде, в обрядовых танцах, песнях. Это была скорее предыстория культуры, значительно обогатившейся в конце эпохи неолитической цивилизации.

Первый большой цикл в динамике культуры относится к периоду раннеклассовой цивилизации, когда появились города и государства, возникла письменность, имущественная верхушка получила возможность содержать в своей свите профессиональных художников, скульпторов, архитекторов, поэтов, музыкантов, танцоров, сооружать и украшать дворцы, храмы, приобретать богатые украшения, дорогое оружие. Был сделан важный шаг в развитии общественного разделения труда — обособился слой людей, профессионально занимающихся деятельностью в области культуры, возникла особая отрасль экономики, имеющая собственные тенденции циклично-генетического развития и в то же время являющаяся важнейшей составной частью сферы духовного производства, социокультурного строя. Это была эпохальная инновация, от которой и следует вести отсчет больших циклов динамики культуры. Завершился этот цикл в начале I тыс. до н. э. фазой кризиса, ставшего элементом общего кризиса раннеклассовой цивилизации. В этот период погибло немало цивилизаций Древнего мира вместе с созданным ими культурным наследием.

Второй большой цикл в истории культуры охватил более тысячелетия и включал в себя периоды подъема в Древней Греции, Александрии (эллинизм) и гораздо более длительный период римского владычества — от культуры этрусков до обширной, но не обильной шедеврами, равнозначными греческому наследию, культуры Римской империи, которая впитала в себя немало элементов культуры покоренных ею народов.

Вершиной этого большого цикла была культура Древней Греции. «Между XII и VI вв. до н. э., — писал **Дж. Бернал**, — на землях греков была создана единая культура, в большой степени усвоившая существовавшие знания и добавившая к ним гораздо больше своих собственных. Возникшая в результате этого *классическая* культура, как мы ее сейчас называем, пополненная, но, по существу, не измененная культурой Александрии и Рима, остается краеугольным камнем нашей современной мировой культуры. Классическая культура была синтетической, она использовала каждый элемент культуры, который она могла найти в странах, где была распространена и с которыми приходила в соприкосновение. Она не была, однако, простым продолжением этих культур. Она представляла собой нечто определенно новое» [16. — С. 96—97].

Следует отметить, что в эту эпоху образное и логическое восприятие мира гармонично сочетались, дополняя друг друга. Это была юность человечества, открывавшего для себя мир и стремительно наращивавшего объем знаний о нем. Культура занимала важнейшее место в жизни общества, на нее выделялась многократно большая доля ресурсов, чем это происходит в наши дни. И это относится не только к греко-римской, но и к персидской, индийской, китайской цивилизациям того времени, а также культурам Нового Света, когда они несколько позднее находились в той же фазе своего жизненного цикла.

К концу периода античной цивилизации, в первые века новой эры налицо был кризис культуры. Чем дальше, тем больше она становится эклектичной, чувственной. Шедевры искусства больше не создаются в таком множестве, а качество тех, что появляются, намного ниже прежнего уровня. Это отражает общее состояние античной мировой цивилизации, постепенно приходившей в упадок. Лишь в Византии ее культурные традиции получили развитие, но уже без былого размаха. В Индии после расцвета в период империи Гупт (IV—V вв.) и в Китае после второй династии Хань (I—III вв.) начинается период затяжного кризиса, охватившего и сферу культуры.

Третий большой цикл культуры начался после длительного упадка культуры и искусства в период становления Средневековья. Нашествия варварских племен и войны стали причиной утраты значительной части культурного наследия античной эпохи. Это было время регресса — и не только в области культуры, но и в других сферах жизни общества.

С конца I тысячелетия средневековая культура находится на подъеме, но ее развитие строится на идеациональной, религиозной основе. Этот процесс шел сразу по нескольким путям, охватывая все ведущие цивилизации. Стремительное распространение мусульманства с середины VII в. сопровождалось формированием своеобразной исламской, преимущественно арабской культуры, включавшей немало элементов культуры греко-римской, персидской и иных цивилизаций. Византийская культура, традиции которой отчасти были переданы на Русь, трансформировала античную культуру применительно к канонам православной христианской религии. Культура средневековой Западной Европы складывалась под влиянием католического христианства и вобрала в себя основные элементы культуры Римской империи, варварских племен, а затем и арабского Востока. Содержание западноевропейской живописи и скульптуры, как видно из *табл. 10.2*, почти целиком составляли религиозные мотивы, господствовал идеациональный художественный стиль. Место светлого, жизнерадостного античного искусства заняло средневековое — аскетическое, наполненное библейскими мотивами, яркими описаниями мучений грешников в аду. Строились тысячи храмов и мечетей, устремленных к небу и призывавших людей отречься от земных радостей во имя блаженства загробной жизни. В меньшей мере эти мотивы присутствовали в китайской и индийской культурах той эпохи. Однако в фазах подъема и зрелости средневековой цивилизации создавалось немало шедевров искусства — бесценные иконы, великолепные готические храмы в Европе и минареты на Востоке, изысканные произведения китайских и индийских мастеров. Несмотря на строгость религиозных догматов, создавались художественные произведения высокого уровня. Живой поток культуры невозможно остановить, а тем более повернуть вспять.

Старт **четвертому большому циклу культуры** был дан в эпоху раннеиндустриальной цивилизации. Его средоточием явилось блистательное итальянское Возрождение, продлившееся около трех столетий и распространившее свое влияние на другие страны Западной Европы. Величайшие мастера Возрождения — **Леонар-**

до да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Дюрер, Данте, Сервантес и сотни других — оставили непревзойденные и поныне шедевры, а пьесы Шекспира до сих пор идут на сценах театров многих стран мира. Хотя по форме искусство того времени во многом оставалось религиозным, оно все чаще наполнялось земным, жизнеутверждающим содержанием. Это был период главенства идеалистического, интегрального искусства, пронизанного гуманизмом, хотя путь его был тернист: церковь неохотно сдавала позиции, культурные памятники страдали от феодальных войн. Настоящей трагедией для культур китайской, мусульманской, российской цивилизаций стало нашествие монголов, цивилизация которых охватила в период своего расцвета большую часть евразийского континента. Непоправимый урон мировой культуре был нанесен в результате уничтожения значительной части культурного наследия цивилизаций майя, инков, ацтеков во время варварской колонизации Америки.

Конец эпохи Возрождения ознаменовался спадом в культуре: полотна живописцев, сцены театров, библиотеки заполнили художественные произведения невысокого, а то и примитивного уровня, чему немало способствовала контрреформация в Европе середины XVI — XVII вв., всевластие инквизиции.

Следующий, **пятый, большой цикл культуры** относится к периоду индустриальной цивилизации (середина XVIII — конец XX в.), когда утвердилось господство чувственного социокультурного строя. В фазах его становления и распространения культура, прежде всего в западноевропейской и российской цивилизациях, была на подъеме. Чтобы понять это, достаточно вспомнить имена **Вольтера и Руссо, Гете и Шиллера, Гойя и Ватто, Байрона и Бетховена, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Тургенева, Островского и Глинки, Толстого и Достоевского**. Религиозное содержание искусства уступило место светскому, культура освободилась от стеснявшего ее развитие влияния церкви. Лидерство в духовной сфере перешло к литературе. В то же время культура цивилизаций Востока находилась на спаде, понесла тяжелые потери в период колониального господства. Да и западноевропейская культура не достигла творческих высот эпохи Ренессанса.

В XX столетии, особенно во второй его половине, все более отчетливо стали проявляться признаки всеобщего *кризиса культуры поздней индустриальной эпохи*. Еще в начале века их отмечали в своих работах **О. Шпенглер** и **Н. А. Бердяев**. Последний писал: «Начинает обнаруживаться величайший кризис творчества и глубоко-

чайший кризис культуры... В глубине человеческой культуры поднимаются какие-то внутренние стихии варварства, которые мешают дальнейшему творчеству классической культуры... Наступают сумерки Европы, которая так блистательно расцвела в течение ряда столетий, которая считала себя монополистом высочайшей культуры и навязывала свою культуру, всегда с таким насилием, всему остальному миру» [13. — С. 137—139]. Предчувствие русского философа оправдалось. Одной из важнейших тенденций развития культуры в XX в. стало установление диктата над ней в тоталитарных странах. Другой — утрата искусством гуманистических и реалистических традиций, его активная коммерциализация, распространение безликой массовой культуры (точнее — антикультуры). Вторую тенденцию подметил и **П. Сорокин**, которой еще в середине XX в. дал всесторонний и точный диагноз кризиса культуры: «В поисках пользующегося большим успехом чувственного и сенсационного материала как необходимого условия стимуляции и возбуждения чувственного наслаждения, искусство уклоняется от позитивных явлений в пользу негативных, от позитивных типов и событий к патологическим, от свежего воздуха нормальной социально-культурной действительности к социальным отстойникам и, наконец, оно становится музеем патологий... Как коммерческий товар для развлечений, искусство все чаще контролируется торговыми дельцами, коммерческими интересами и веяниями моды... Подобная ситуация творит из коммерческих дельцов высших ценителей красоты, принуждает художников подчиняться их требованиям, навязываемым вдобавок через рекламу и другие средства массовой информации» [184. — С. 450, 452].

Подобная тенденция ныне поддерживается и усиливается всей мощью достижений информационной революции, новейшими информационными технологиями (телевидением, средствами мультимедиа, Интернетом), которые находятся под контролем ТНК, являются материально-технической базой современной массовой антикультуры и навязывают миллиардам пользователей, прежде всего молодому поколению, коммерчески выгодные ее образцы, примеры патологического искусства, сцены насилия и порнографии.

Однако не стоит рассматривать всю современную культуру в черном свете. Всемирное культурное наследие, охраняемое ЮНЕСКО, является основой культурной составляющей цивилизационных генотипов. Тысячи музеев и выставочных залов, которые ежегодно посещают сотни миллионов людей, сохраняют и приумножают это наследие. Классическое искусство передается

из поколения в поколение, число его поклонников растет. Этому немало способствуют современные информационные технологии. Как реакция на массовую антикультуру формируются основы интегральной культуры, адекватной постиндустриальной гуманистической цивилизации.

Можно с высокой степенью уверенности прогнозировать, что XXI столетие станет началом *шестого большого цикла в динамике культуры*, содержанием которой станет ренессанс высокой культуры как важнейшей составной части интегрального социокультурного строя, сохранение и обогащение всемирного культурного наследия, к чему призывает декларация ЮНЕСКО «О культурном разнообразии».

Сейчас уже вырисовываются некоторые контуры интегрального типа культуры, свойственные шестому ее большому циклу, который займет, вероятно, пространство XXI—XXII столетий.

Во-первых, будут преодолены патологические, разлагающие тенденции современной культуры, свойственные фазе заката индустриального общества и чувственного социокультурного строя. Восторжествует первоначальное, естественное предназначение искусства — эстетически отражать гармонию окружающего мира и человека, передавать эту гармонию, оптимистический настрой следующим поколениям как неотъемлемую часть социального генотипа человека и общества. Возродится интерес к классическому культурному наследию, его восприятию, обогащению, развитию.

Во-вторых, общество избежит опасности унификации культур, утраты культурного своеобразия этносов, наций, цивилизаций, — без противопоставления и навязывания одной культуры другим. Прекратится активное распространение массовой, обезличенной, стандартизированной антикультуры, обольщающей человека в угоду коммерческим вкусам. Всемирная, глобализованная культура постиндустриального общества будет складываться как яркая палитра разнообразных культур в многополярном мире.

В-третьих, необходимо будет избавиться от чрезмерной коммерциализации культуры, абсолютного подчинения ее законам рынка. Следует признать, что культура, как и вся духовная сфера, есть составная часть нерыночного сектора экономики. Государство, межгосударственные объединения, ООН и ЮНЕСКО призваны заботиться о ней в интересах прошлых, настоящего и будущих поколений. Национальное и всемирное культурное и природное наследие нужно сохранять и приумножать за счет доходов, полученных от рыночного сектора национальной и миро-

вой экономики. Это тем более важно, что роль культуры как одной из ведущих отраслей экономики в гуманистическом постиндустриальном обществе значительно возрастает. Культура вскоре может занять позиции, аналогичные тем, которые она имела в античной цивилизации и в эпоху Возрождения.

В-четвертых, возрождение и усиление разнообразия культур в наступившем веке будет осуществляться на новейшей технологической базе, с использованием достижений современной информационной революции, в условиях формирования глобальных информационных сетей (Интернета, телекоммуникаций). Это открывает дополнительные возможности для диалога всех культур, не только через развитие туризма, но и с помощью виртуальных посещений музеев, городов, культурных центров при помощи средств мультимедиа и Интернета. Однако эти информационные каналы в их нынешнем виде — с использованием упрощенного английского языка и под контролем ТНК — несут в себе угрозу унификации и вульгаризации культур, утраты их своеобразия. Поэтому важнейшей задачей предстоящих десятилетий является формирование мультязычных информационных сетей с квалифицированным автоматизированным переводом, который позволит сделать диалог культур доступным миллиардам людей, сохранить их культурную самобытность. Необходимо также вкладывать немалые средства в развитие международных организаций, занимающихся вопросами культуры, — ведь культурное разнообразие столь же необходимо и ценно для будущего человечества, как биоразнообразие для будущего биосферы.

Каковы перспективы и роль России в формировании интегрального типа культуры в шестом большом цикле мировой культуры? Станет ли она одним из лидеров этого процесса или ее ждет судьба культурного захолустья?

Ряд факторов свидетельствует в пользу оптимистичного сценария.

Во-первых, Россия имеет богатейшее, признанное во всем мире культурное наследие, являющееся жемчужиной всемирной культуры. Основой российской цивилизации с самого начала было разнообразие и взаимодействие культур, она впитала в себя много ценного из культур других народов и в свою очередь оказала значительное воздействие на них. Невозможно представить себе культуры Западной и Восточной Европы, обеих Америк, Китая, Индии, Японии и мусульманского мира, которые не испытали бы благотворного влияния шедевров **Толстого** и **Достоевского**, **Чай-**

ковского и Шостаковича, Репина и Левитана. Россия открыта для диалога и взаимообогащения культур, выступает его инициатором и активным участником, что является характерной чертой интегрального социокультурного строя.

Во-вторых, в течение большей части XX в. Россия была ограждена от засилья антикультуры. И хотя тоталитарный режим нанес русской культуре немалый ущерб, но ее здоровое ядро сохранилось. С конца 80-х годов преграды были сняты, и на экраны телевизоров и кинотеатров, мониторы компьютеров, подмостки театров, прилавки книжных магазинов хлынула грязная волна антикультуры, ничем и никем не ограничиваемая. Одновременно многократно ослабла государственная поддержка отечественной культуры, многие ее учреждения оказались банкротами или были приватизированы. Это была своеобразная культурная «шоковая терапия», культурная контрреволюция, немало навредившая России.

Однако здоровые силы отечественной культуры вскоре оправились от шока, адаптировались к изменившимся условиям и начали бороться за выживание. Освобожденные от идеологического диктата и в то же время чужающиеся грязных отходов чувственной западной культуры, они активизировали работу по сохранению и обогащению российского культурного наследия и развитию равноправного диалога с другими культурами. Эрмитаж и Русский музей, Третьяковская галерея и Музей имени Пушкина, Большой и Мариинский театры, Санкт-Петербургская и Московская филармония, национальные и провинциальные библиотеки, музеи и архивы, другие учреждения культуры прилагают все усилия, чтобы наши потомки получили от нас богатейшее культурное наследие страны и сохранили его на достойных позициях в мировой культуре.

В-третьих, в стране принимаются серьезные меры по использованию современных информационных технологий для культурного развития, для создания интернет-сайтов, телепрограмм, мультимедийных дисков, где собрана информация по истории и современному состоянию музеев, архитектурных и исторических памятников России, шедевров мирового искусства. Все это делается для того, чтобы в полной мере представить молодому поколению всего мира великую российскую культуру, развивать систему эстетического образования.

Если государство сумеет умело и эффективно воспользоваться этими благоприятными факторами на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (что оно сейчас, к сожалению, делает

мало и неохотно), то у России будут все шансы для того, чтобы стать одним из мировых лидеров формирования интегрального социокультурного строя, адекватного гуманистически-ноосферному постиндустриальному обществу.

10.4. Образовательные циклы и революции в образовании

Сумму знаний и навыков, накопленных в течение ряда поколений, нужно передавать следующим поколениям. Эта функция осуществляется с помощью *образования*, которое является важной составной частью духовной жизни, механизма наследственности, сохранения, обогащения и передачи генотипа человека, семьи, этноса, нации, цивилизации. С момента организации человеческого общества передачей знаний и навыков занимались родители и старшие члены семьи и общины. Происходило это эмпирическим, опытным путем, в течение ряда лет, до тех пор, пока ребенок не подрастал. Его переход в группу самостоятельных членов общины отмечался специальным обрядом инициации. После неолитической революции, когда для осуществления того или иного специализированного вида деятельности уже требовалась специальная подготовка, объем передаваемых знаний и навыков многократно возрос.

Как самостоятельный общественный институт система образования сформировалась в III тыс. до н. э., в период раннеклассовой мировой цивилизации. Развитые системы государственно-правового устройства, общественного и профессионального разделения труда, разнообразные виды культуры, основы наук, письменность — все это требовало глубоких специализированных знаний и навыков, которым невозможно было научить в семье. В Шумере, Древнем Египте, Китае, Индии возникли первые учебные заведения — школы писцов, землемеров, мастерские архитекторов и т. д. Можно считать, что это было *первой революцией в образовании, началом первого большого (цивилизационного) образовательного цикла*. Однако не стоит преувеличивать значение этой революции. В таких школах учились единицы, в основном дети из богатых и знатных семей. Подавляющее большинство населения — земледельцы, скотоводы и ремесленники — по-прежнему получали образование в семье и в процессе трудовой деятельности.

Положение изменилось во время *второго долгосрочного образовательного цикла*, в рамках которого произошла *образовательная революция античной цивилизации*. Наиболее ярко ее достижения проявились в Афинах и других греческих городах-полисах, где существовали учебные заведения разной специализации. Распространены были школы известных философов, куда стремились попасть десятки молодых людей, понимавших, что там они получат самые современные на тот момент знания. Всемирную известность получили Академия Платона, деятельность которой охватывает около девяти столетий, и Лицей Аристотеля, где теоретическое обучение подкреплялось практическими исследованиями. Молодые люди из богатых семей со всей Греции и греческих колоний в Средиземноморье и Черноморье отправлялись в Афины, чтобы получить здесь высококласное образование. Широкая сеть образовательных учреждений существовала и в Риме, и в Китае. Так, в 127 г. до н. э. император **У-ди** учредил в столице страны школу, выпускники которой имели право занимать государственные должности. С тех пор более двух тысячелетий в Китае сохранялся порядок сдачи экзаменов для поступления на государственную службу и периодической переаттестации чиновников.

Третья революция в образовании совершилась в Европе в эпоху Средневековья, после долгосрочного кризиса, поразившего систему образования в V–VIII вв. н. э. На этот раз она сформировалась под эгидой религиозных институтов. При монастырях и церковных приходах появились школы, а затем и университеты, основной учебной дисциплиной в которых были закон Божий и схоластика. В то же время в Византии и Китае продолжали хранить традиции предыдущего цикла в динамике образования.

Четвертая революция в образовании развернулась в период становления раннеиндустриальной мировой цивилизации, в эпоху Возрождения. Характерные черты этой революции:

- ➔ развитие системы светского образования, постепенное освобождение его от подчинения церкви, отражение в учебных предметах достижений науки того времени;
- ➔ создание сети университетов (в Европе к концу XV в. их число достигло 79), где преподавались различные естественнонаучные и гуманитарные дисциплины (философия, математика, астрономия, риторика, медицина, древние языки и т. д.);
- ➔ увеличение числа начальных и средних школ, специализированных учебных заведений, которые готовили специалистов для коммерческой деятельности, строительства, мореплавания и т. п. ;

- ➔ формирование педагогики как отрасли науки. Ее основателем считается чешский ученый-гуманист **Ян Амос Коменский** (1592–1670). Изобретение книгопечатания позволило издавать достаточно большими тиражами учебники и научную литературу.

Тем не менее и тогда общее и профессиональное образование получала сравнительно малая часть молодежи. Крестьяне и ремесленники приобретали знания и навыки в семьях, в процессе труда, во время длительного ученичества в ремесленных цехах.

Промышленная революция, развитие машинной индустрии изменили характер образования: потребовались тысячи квалифицированных рабочих, способных обслуживать все более сложные машины, а также инженеров, врачей, педагогов. Прежняя система образования не отвечала новым задачам общества. Очередной кризис в образовании был преодолен с помощью **пятой революции в образовании**, происшедшей в XIX в. Сущность этой революции заключалась в том, что:

- ➔ формировалась система всеобщего бесплатного начального образования. Оно закладывало у обучавшихся основы научного мировоззрения и давало знания, достаточные для работы в разных отраслях и на различных типах машин (за время трудовой деятельности одного поколения людей менялось три-четыре поколения машин);
- ➔ создавался, одновременно с сетью университетов широкого профиля, комплекс специализированных средних и высших учебных заведений. Последние готовили инженеров, техников, агрономов, врачей, юристов, экономистов, менеджеров, педагогов и т. п. ;
- ➔ образование отражало содержание научной революции XIX в. и научно-технических революций XX в. Это в свою очередь требовало частого обновления учебников и регулярной переподготовки педагогов;
- ➔ совершенствовалась техническая база образовательных учреждений, открывались все новые учебные лаборатории, сменялись поколения технических средств обучения;
- ➔ образование становилось самостоятельной отраслью экономики, которая развивалась опережающими темпами и финансировалась преимущественно за счет бюджетных средств, хотя существовали и платные частные школы, колледжи и вузы;
- ➔ высшее образование интегрировалось с наукой, в университетах и институтах создавались исследовательские подразделения, выполнявшие государственные и промышленные заказы. Это позволяло преподавателям, аспирантам, студентам пополнять и обновлять научные знания, овладевать навыками исследовательской работы.

В последние десятилетия XX в., на закате индустриальной цивилизации, все более ярко проявлялись признаки *кризиса системы образования*. Радикально менялись условия жизни и труда, требовалось обновить содержание, техническую базу и организацию системы образования. Специалистам узкого профиля трудно стало адаптироваться к переменам. Распространенным явлением стала функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность. Все это тормозило адаптацию человека к условиям постиндустриального общества, основанного на знаниях, отрицательно сказывалось на темпах экономического роста, эффективности производства. Эти противоречия усугублялись растущим разрывом в уровне образования между богатыми и бедными странами и цивилизациями (см. *табл. 10.3*), наличием массы неграмотных (877 млн в 1980 г. и 881 млн в 2000 г.), проживающих в основном в развивающихся странах (848 млн человек в 1980 г., 870 млн в 2000 г.).

Затраты на образование на душу населения в странах с высоким доходом в среднем в 83,5 раза больше, чем в странах с низким доходом (по паритету покупательной способности (ППС) — в 17,9 раза), а в отдельных случаях и того больше. Так, в США по сравнению с Эфиопией этот показатель составляет 413 раз (по ППС — в 47,8 раза). Лидируют по затратам на образование североамериканская, японская, западноевропейская и океаническая (Австралия) цивилизации; отстают африканская, индийская и китайская цивилизации. Россия на 69% отстает от среднемирового уровня среднедушевых затрат на образование по текущему курсу и почти на четверть — по ППС.

Преодоление всеобщего кризиса образования возможно на основе *шестой революции в образовании*, которая взяла старт в конце XX в. Она является важнейшим звеном становления постиндустриального общества, основанного на знаниях, и интегрального социокультурного строя. **Результатом этой революции, которая охватит практически всю первую половину XXI в., станет значительное обновление и обогащение генотипа всего общества, каждой цивилизации и страны.**

Каковы характерные черты этой революции?

1. Радикальные изменения в *содержании образования*, направленные на то, чтобы оно отражало достижения современной научной революции, постиндустриальной научной парадигмы, отвечало условиям функционирования нового технологического способа производства, реализующим его технологическим укладам и поколениям техники, меняющемуся социально-политическому строю и государственно-правовому устройству.

Таблица 10.3.

Затраты на образование по странам и цивилизациям*

Цивилизации и страны	Затраты на образование, 2002–2003		На душу населения, 2002, \$		ВВП на душу населения, 2003, \$	
	% к ВВП	% к гос. расходам	офиц. курс	ППС	офиц. курс	ППС
Весь мир	4,4	-	210	321	5510	8190
Страны с высоким уровнем доходов	5,5	13,1	1086	1165	28 600	29 580
Страны с низким уровнем доходов	3,2	-	13	65	440	2110
Североамериканская США	5,7	17,1	1735	1769	37 870	37 750
Западноевропейская Великобритания	4,7	11,4	1046	1088	22 810	26 350
Германия	4,6	9,5	1023	1214	25 270	27 610
Франция	5,7	11,4	1290	1568	24 730	27 640
Восточноевропейская Польша	5,6	14,0	228	522	5280	11 210
Евразийская Россия	3,1	11,5	66	250	2610	8950
Японская Япония	3,6	10,5	1224	986	34 180	28 450
Китайская КНР	-	-	21	99	1100	4980
Индийская Индия	4,1	12,7	19	109	540	2880
Буддийская Южная Корея	4,3	13,1	357	611	12 030	18 000
Латиноамериканская Бразилия	4,3	13,4	148	313	3280	7130
	4,3	12,0	113	298	2720	7510
Океаническая Австралия	4,9	13,3	1098	1330	21 950	28 780
Мусульманская Средний Восток и Северная Африка	-	-	101	244	2390	5860
Африканская Эфиопия	3,3	-	15	58	500	1750
	4,6	13,8	5	37	108	710

*[271. — P. 22–24, 82–96].

Здесь кроется несомненное противоречие. С одной стороны, образование должно быть опережающим, готовить новое поколение к условиям жизни и трудовой деятельности, в которых оно окажется через 10–20 лет, реализуя свой потенциал. С другой — учебники способны отразить лишь уже устоявшиеся знания, общепризнанные истины, существующие условия жизни и трудовой деятельности, которые, несомненно, изменятся в будущем.

В школах и вузах учат тому, что есть, а не тому, что будет, когда ученики вступят в реальную жизнь и обнаружат, что их запас знаний и навыков не отвечает изменившимся условиям. Особенно усиливается этот разрыв в переходные эпохи, а именно таковой является первая половина XXI в. Поэтому учебники и работающие по ним педагоги, передавая юным поколениям научное наследие и опыт, должны отражать новые тенденции в жизни общества. Иными словами, **образование должно носить инновационный, опережающий характер**, готовить к восприятию новых идей и активной их реализации. Консерватизм, стандартизация образования по произволу чиновников противопоказаны обществу, основанному на знаниях, снижают качество человеческого капитала и эффективность его функционирования.

С учетом изменения приоритетов развития общества и научной революции произойдут перемены в усваиваемом корпусе знаний. Если прежде первенство было за естественными и техническими науками, экономикой и правом, то сейчас в авангард выйдут общественные, гуманитарные и экологические науки — без их освоения невозможно полноценно жить и трудиться в гуманитарно-ноосферном постиндустриальном обществе.

2. Из этого требования вытекает необходимость **ориентации на креативную педагогику, инновационное мышление**. Надо делать упор не на загрузку памяти обучаемого все возрастающим объемом знаний, которые быстро устаревают, а на умение поставить диагноз вновь возникающим проблемам и задачам и находить эффективные, нестандартные пути их решения, на склонность к изобретательству в широком смысле слова, на способность ориентироваться в стремительно меняющихся условиях жизни и находить в ней необходимые источники для решения теоретических и практических задач.

Для этого необходим дифференцированный подход к обучающимся, умение разглядеть особенности конкретного ученика, дремлющие в нем таланты, развить их и дать возможность реализовать. Каждый человек индивидуален и неповторим; шаблонный подход, использование общих уравнилельных стандартов губят это разнообразие, убивают таланты. Метод «штамповки» специалистов противопоказан гуманистически-ноосферному индустриальному обществу: он обезличивает кадровый потенциал, мешает осуществлять назревшие перемены. Это особенно опасно с учетом того факта, что во многих странах нарастают процессы депопуляции и старения населения. Тем больше ответственность тех, кто

после обучения должен реализовать полученные знания и навыки и обеспечить функционирование и развитие всего общества в ускоряющемся темпе перемен.

3. **Образование должно иметь цивилизационный характер**, помогать усваивать логику развития и взаимодействия цивилизаций, систему цивилизационных ценностей. Поэтому необходимо сохранять разные типы образовательных систем как предпосылку передачи цивилизационного и культурного разнообразия будущим поколениям.

4. **Информационная революция преобразует всю систему образования**. Она дает возможность, соединяя логические и образные способы усвоения знаний, концентрируя и индивидуализируя их, значительно ускорить и облегчить каждому обучающемуся процесс их накопления и обновления. Это достигается как компьютеризацией учебных заведений, умелым использованием в процессе обучения современных информационных технологий, так и возможностью для каждого, в соответствии со своими интересами и запросами, получать доступ к базам данных через Интернет, телекоммуникационные сети, с помощью мультимедиа, компакт-дисков, видеокассет и т. п.

Но поток информации, захлестывающий каждого человека, имеет и свои отрицательные стороны, несет в себе скрытую угрозу. Чрезмерная коммерциализация информационных сетей, утрата общественного контроля за содержанием информации, использование ее для навязывания всему миру системы ценностей западной цивилизации — все это приводит к стандартизации и зомбированию мышления людей, особенно молодежи, убивает в них способность к творческому решению сложных проблем, уничтожает их цивилизационную идентификацию. Еще впереди процесс гуманизации информационных потоков, квалифицированного их включения в образовательные процессы, дифференциации по языку и содержанию применительно к особенностям различных цивилизаций. Информационные потоки должны сохранять цивилизационные и национальные особенности, а не быть обезличенными.

5. Из приведенных выше характерных черт новейшей революции в образовании вытекают новые **требования к организации образования**. Важнейшие из них — **организация непрерывного образования на протяжении всей жизни каждого человека**, что позволяет ему быстрее и эффективнее адаптироваться к переменам в окружающей социальной и природной среде. Исходя из единых принципов, содержание образования, его методы, средства

и организация должны быть дифференцированы применительно к особенностям каждой стадии жизненного цикла человека — в дошкольном возрасте, при получении школьного, вузовского, послевузовского образования, в период трудовой деятельности и после выхода на пенсию.

Важнейшую роль в процессах непрерывного образования играют современные информационные технологии, используемые во время обучения как в сети учебных заведений, так и в системе дистанционного образования и при самообразовании. Однако применение информационных технологий не исключает необходимости использования при обучении научной и художественной литературы, учебников, энциклопедий и справочников, журналов и газет — они также вносят свою лепту в процесс усвоения, обновления и пополнения знаний.

Жизнь в обществе, основанном на знаниях, предполагает наличие квалифицированных гидов-путеводителей, «мореходных карт» в океане непрерывно растущих и быстро стареющих знаний. Именно такие «лоции» не позволят захлебнуться и пойти ко дну, попав под девятый вал переворотов в науке. Обществу нужны специализированные научно-информационные институты, помогающие ориентироваться в этом океане. Оказать содействие этой сложнейшей задаче может инициатива Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Санкт-Петербургского государственного университета о создании в Интернете портала «Всемирное научное наследие», на котором была бы размещена информация многих научно-образовательных сайтов и интернет-музеев, сведения о крупнейших ученых мира, их вкладе в мировую науку. Первые шаги в этом направлении уже сделаны — созданы сайты «Николай Кондратьев», «Леонид Канторович», «Василий Леонтьев», начата разработка интернет-музеев «Питирим Сорокин» и «Дмитрий Менделеев». Эта инициатива заслуживает поддержки ЮНЕСКО, ведущего большую работу по всемирному культурному и природному наследию. Она поможет заново осмыслить и передать будущим поколениям на доступном для них языке научное наследие предыдущих эпох, органично включить его в процесс непрерывного образования и дистанционного обучения.

6. Важнейшей чертой новейшей революции в образовании является его **глобализация, формирование глобального образовательного пространства**. Это обеспечивается как доступностью информации в любой стране, так и широко практикуемым обменом школьниками, студентами и профессорами, деятельностью

образовательных институтов ЮНЕСКО (в том числе Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, работающего в Москве).

Однако на сегодняшний день процесс глобализации образования развивается еще во многом односторонне и в малой степени способствует преодолению чрезмерного разрыва в уровне квалификации работников в разных странах и цивилизациях. Необходимо полноценное использование Всемирного десятилетия развития образования, проводимого под эгидой ЮНЕСКО, что позволит ускорить перестройку системы образования во всем мире применительно к требованиям постиндустриального общества. Нужно проводить в жизнь широкомасштабные проекты поддержки образования в странах с низким уровнем доходов, с тем чтобы они самостоятельно обеспечивали свое развитие, используя достижения постиндустриального технологического способа производства. Для финансирования таких проектов стоило бы создать Глобальный социокультурный фонд под эгидой ЮНЕСКО, куда поступали бы отчисления от мировой финансовой ренты. Предложение об этом было внесено на заседании «круглого стола» Глобального гражданского форума во время Всемирной встречи в верхах по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г.

Какую роль может сыграть Россия в глобальной образовательной революции?

У нашей страны есть все предпосылки для того, чтобы стать во главе этой революции: исторически в стране сложилась система фундаментального образования, ориентированная на творческое освоение научного и практического наследия, на нестандартное решение новых задач. Эта система стала основой для инновационного прорыва в довоенные и послевоенные годы. Не случайно в США после запуска первого советского спутника была опубликована книга объемом более 700 страниц, в которой исследовалась система образования в СССР.

Однако многочисленные реформы в последние годы стали причиной утраты ею многих полезных традиций, в 90-е же годы в образовании разразился глубокий кризис. Резко сократилось бюджетное финансирование учебных заведений: в 2002 г. затраты на образование на душу населения составили всего 66 долл. — 31% от среднемирового уровня и 6% от уровня развитых стран (по ППС — 78% и 21% соответственно). Возникло множество частных вузов, но в большинстве из них качество подготовки специалистов низкое. Практически разрушена система подготовки

квалифицированных рабочих, тяжелый урон нанесен инженерному образованию. Реформа образования, направленная на его стандартизацию и прагматизацию по американскому образцу, крайне негативно сказывается на российской образовательной системе. Это особенно опасно в условиях перехода во всем мире к обществу, основанному на знаниях. В результате страна испытывает острую нехватку ученых, конструкторов, инженеров, квалифицированных рабочих, способных осваивать базисные инновации, производить и эксплуатировать сложнейшие технические системы пятого и шестого технологических укладов. Радикальные перемены в образовании, многократное увеличение вложений в воспроизводство человеческого капитала становятся жизненно важной потребностью, от которой зависит судьба России в XXI столетии. Этому будет способствовать реализация национального проекта в области образования.

10.5. Динамика системы цивилизационных ценностей

Система ценностей занимает ведущее место как в генотипе глобальной, мировых и локальных цивилизаций, так и в мировоззрении социальных групп, выражающих социальную дифференциацию общества.

В системе ценностей можно выделить три главных составных элемента.

1. Этика — нравственные нормы, определяющие поведение человека в обществе, семье, в той или иной социальной группе, позволяющие дать нравственную оценку тому или иному поступку. Это своего рода свод правил человеческого поведения, нарушение которых вызывает осуждение со стороны общества, а нарушение той части нравственных норм, которые законодательно вошли в состав права, — и кару, сила которой различается в зависимости от характера проступка; напротив, строгое соблюдение нравственных норм, поощряемых обществом, служит образцом для подражания.

2. Идеология — идеалы, которыми руководствуется человек, та или иная социальная группа, определяющие цели их действий и поступков, побуждающие подчас идти на жертвы ради достижения идеалов. К ним можно отнести стремление к справедливости, демократии, социалистические и коммунистические идеи, патрио-

тизм, рыночный фундаментализм и т. п. Идеалы становятся движущей и материальной силой, будучи положены в основу действий социальных групп, политических партий, государственных образований (государственная идеология, выраженная в конституции и проводимая в жизнь). Между провозглашенной и реализуемой идеологией могут быть принципиальные различия, как это наблюдалось в России и других постсоветских странах в 90-е годы.

3. Религия — система взглядов, утверждающих наличие высшей, сверхреальной силы, ее влияние на земную жизнь, судьбу каждого человека и целых народов, существование загробного мира и т. п. Религия вбирает в себя и подкрепляет преобладающие нормы нравственности, оказывает существенное воздействие на идеологию, систему идеалов различных социальных групп и цивилизаций. **А. Тойнби** отводит религии конституирующую роль в формировании цивилизаций, выделяя западнохристианскую, православнохристианскую, исламскую, индуистскую цивилизации третьего поколения [191. — С. 33]. Аналогичного взгляда придерживается и **С. Хантингтон**. Религия действительно играет важнейшую роль в системе ценностей локальных цивилизаций. Однако **Н. Н. Моисеев** считал, что религия вовсе не формирует цивилизацию — та сама избирает подходящую ей религию: «В отличие от Тойнби, я полагаю, что не религия формирует цивилизации, а цивилизация устанавливает те нравственные принципы и то религиозное мировоззрение, которые в наибольшей мере отвечают цивилизационным традициям народа. То есть цивилизация "выбирает" религию и приспособляет под свои потребности и идеалы» [136. — С. 105].

Система ценностей формирует ядро генотипа глобальной цивилизации. Именно наличие ценностей — этических, идеологических, религиозных — отличает человеческий род, вид *Homo sapiens*, от других живых существ, служит мотивацией действий людей, побуждает их иной раз жертвовать здоровьем и даже жизнью ради достижения тех или иных идеалов, пренебрегая инстинктом самосохранения. Изменения в системе ценностей являются отличительным признаком перехода человеческого общества, глобальной цивилизации от этапа к этапу своего жизненного цикла.

Система ценностей определяет сущность мировых цивилизаций и трансформируется при их смене. Например, при переходе от неолитической к раннеклассовой цивилизации стал иным вектор некоторых нравственных и религиозных норм. Так, появились норма «не укради», освящавшая право частной собственности;

норма «не убий», защищавшая жизнь сограждан (она не распространялась на рабов и представителей иных цивилизаций). Для средневековой цивилизации было характерно господство в системе ценностей, в духовной жизни общества догматов мировых религий. Индустриальная цивилизация оттеснила религию (в западных обществах) на второй и третий план. Постиндустриальная, интегральная мировая цивилизация будет, вероятно, характеризоваться возрождением гуманистических идеалов, усилением религиозных элементов в мировоззрении человека.

Дифференциация систем ценностей служит отличительным признаком для локальных цивилизаций и их групп. Например, современным западным цивилизациям (западноевропейской, североамериканской, частично латиноамериканской и океанической) свойственно преобладание идеалов демократии, свободы, прав личности, рыночных ценностей, формального признания религии. В мусульманской цивилизации роль религиозных ценностей является определяющей, там сильно развит религиозный фундаментализм. Китайской, японской, индийской и частично африканской цивилизациям свойственны приоритет коллективного над личным, веротерпимость. Характерными чертами российской (евразийской) цивилизации являются сочетание коллективистской и индивидуалистической морали, толерантность по отношению к разным конфессиям, приоритет духовных начал.

Системы ценностей различаются и по социальным объединениям — нациям, этносам, классам, группам богатых и бедных, молодых и старых и т. п. Эти различия налагаются на цивилизационные ценности, но порой значительно дифференцируются, особенно в переломные, кризисные периоды, становясь основой социальных конфликтов и гражданских войн, революций и контрреволюций. В такие периоды усиливается религиозная и моральная поляризация, которая затем ослабевает. Эту закономерность отмечал **П. Сорокин**: «Тщательное исследование влияния великих национальных, социальных и политических катастроф на религиозную и моральную жизнь индивидов и обществ показывает, что это влияние состоит не в возрождении религиозности и моральном облагораживании, не в простом росте нерелигиозности, но, скорее, в этико-религиозной поляризации соответствующих популяций. Две эти противоположные тенденции сосуществуют и усиливаются за счет привычной, рутинной, несколько поверхностной религиозности и морали большинства популяций в нормальные (безкризисные) времена. Это большинство в нормальных

условиях ни слишком греховно или нерелигиозно, ни слишком свято и религиозно. Во времена великих кризисов, например, войн, революций, стихийных бедствий, катастроф, это большинство имеет тенденцию к поляризации. Одна его часть становится более религиозной и нравственной, в то время как другая склонна к нерелигиозности и преступности» [181. — С. 198—199].

Что служит **механизмом передачи системы цивилизационных ценностей по наследству и ее трансформации**?

Прежде всего *семья* — первичная ячейка общества. Человек рождается с социальными составляющими генотипа; он приобретает их в процессе своего воспитания начиная с младенческого возраста. Они закладываются в самих отношениях родителей с ребенком, в тех нормах и правилах, которые прививаются человеку с первых дней жизни. Именно тогда, в детстве, социальные составляющие генотипа усваиваются быстрее и лучше всего. Второй канал их передачи — *школа*, средняя и высшая. Она активно участвует в формировании социального генотипа — и не только через поучения и пример педагогов, но и посредством жизни и общения в коллективе учащихся и студентов. Третий канал — *трудовая жизнь*, работа, общение с представителями государства, социальная и политическая борьба. Четвертый канал — *средства массовой информации*: телевидение, радио, печать, Интернет, которые оказывают все возрастающее влияние на выработку системы ценностей, особенно у подрастающего поколения. Пятый канал — *культура*, особенно литература, изобразительное искусство, музыка. Наконец, шестой канал — *религия*, воздействие которой усиливается в обстановке наблюдающегося с конца XX в. ренессанса религий.

Рассмотрим исторические этапы (большие циклы) в динамике цивилизационных ценностей.

Первый большой цикл относится к периоду неолитической мировой цивилизации, когда преобладали ценности первобытно-общинного строя, основанные на идеях общинной собственности, уравнительного распределения, идеалах большой семьи, включенной в общину, вечевой демократии при минимальной социальной стратификации. Отсутствовало право, законодательно закреплявшее важнейшие нормы морали, обожествлялись силы природы, господствовал культ предков, необходимый для передачи социального генотипа из поколения в поколение. Эта система ценностей была унаследована в составе генотипа предшествующих периодов (нижнего или верхнего палеолита, мезолита) и отвечала первым этапам развития неолитической цивилизации. Но к концу ее жизненного

цикла данная система ценностей вступила в острое противоречие с круто изменившимися условиями существования общества: появились частная собственность и имущественное расслоение, сформировались наследственные вождистские государства, обособилась моногамная семья. Разразился *первый глобальный кризис системы ценностей*, ознаменовавший собой начало нового большого цикла, свойственного раннеклассовой мировой цивилизации.

Это была настоящая *этико-религиозная революция*, итогом которой стали:

➔ нравственное закрепление частной собственности семей, государства, жрецов; норма «не укради» и жесткое ее подкрепление системой права. Право собственности распространялось на накопленное имущество, а также на рабов; при этом, однако, верховным собственником признавался глава государства (фараон, царь, князь), что давало ему право устанавливать размер налогов в пользу казны;

➔ возведение основных норм этики в ранг норм права, закрепляемых законами и поддерживаемых силой государственного принуждения; это позволило упорядочить сложившиеся общественные отношения, ограничить право сильных;

➔ формирование религиозных систем, построенных по иерархическому признаку (политеизм), в состав которых входило верховное божество и подчиненные ему боги-покровители отдельных видов деятельности, а также добрые и злые духи. В результате развития общественного разделения труда выделились группы людей, которые занимались исключительно общением с божествами, осуществляли все культовые обряды. Например, ассирийско-вавилонская цивилизация Двуречья почитала целый сонм богов (старшими среди них считались Анну, Ашмур, Иштар, бог Эа — покровитель мудрости и ремесел, создатель письменности, науки, искусств); признавала существование наряду с богами злых и добрых духов. Посредниками между богами и людьми были жрецы, которые совершали жертвоприношения, следили за соблюдением освященных религией норм этики.

Этико-религиозная революция раннеклассовой цивилизации полностью изменила духовную жизнь общества, заложила основы его существования на сотни лет вперед. Результаты этого переворота были закреплены и развиты во время *третьего большого цикла в области этики, идеологии, религии*, в период античной мировой цивилизации. Именно тогда появилось понятие свободы как основы демократии. Разумеется, речь шла о свободе и демократии для граждан полиса, а не для рабов. В период расцвета ан-

тичных обществ начали складываться основы монотеистических мировых религий. **К. Ясперс** назвал этот период «осевым временем», эпохой формирования современного человека во всей полноте его духовного мира: «Эту ось современной истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей... Все эти изменения в человеческом бытии можно назвать *одухотворенностью*... В осевое время произошло открытие того, что стало называться разумом и личностью» [252. — С. 32–39]. Правда, стоило бы заметить, что переворот в духовной сфере на предыдущем историческом этапе был более значительным и глубоким, а наследство «осевого времени» имеет большее значение для западных цивилизаций, чем для восточных.

В первые столетия нашей эры духовная сфера античного общества, в том числе мораль, идеология, религия, оказалась в состоянии длительного глубокого кризиса. Усиливались процессы морального разложения элиты общества, кризиса системы духовных ценностей, углубления идеологических противоречий. Это создало предпосылки для распространения христианства, а с VII в. — ислама: монотеистические религии стали ответом на вызовы эпохи и были восприняты миллионами страждущих, а затем поставлены на службу правящей верхушке.

Четвертый большой цикл в динамике духовных ценностей развернулся в эпоху Средневековья. Его характерной чертой стало абсолютное доминирование религии во всех сферах духовной жизни (менее отчетливо проявлялась эта тенденция в китайской и японской цивилизациях). Произошла интеграция морали и религии, последняя активно влияла на государство и политику, запольхали религиозные войны. Положительная сторона господства мировых религий состояла в том, что они поддерживали единство духовных ценностей в условиях феодальной раздробленности и бесконечных войн. Но религиозные догматы имели существенный недостаток: они сковывали свободу научной мысли, порождали межконфессиональную и межнациональную нетерпимость. Историческим преступлением стало уничтожение культурно-исторического наследия древних цивилизаций доколумбовой Америки — культур ацтеков, инков, майя. К концу

своего развития, в XII—XIV вв., эпоха Средневековья вошла в полосу кризиса цивилизационных ценностей.

Следующий, **пятый большой цикл в динамике системы духовных ценностей** охватывает период двух мировых цивилизаций — раннеиндустриальной и индустриальной. Главными его чертами стали:

➔ поэтапная секуляризация духовной сферы, ослабление и оттеснение на задний план религиозных ценностей в эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения;

➔ преобладание на Западе идей индивидуализма над идеями коллективизма, распространение идей свободы и прав личности;

➔ распространение идеалов и ценностей западных цивилизаций на другие цивилизации, особенно в условиях информационных революций конца XIX — начала XX в. и конца XX в.;

➔ ослабление роли семьи в процессах передачи системы ценностей следующим поколениям и усиление значимости образования, СМИ, общественных и политических организаций, государства (особенно при тоталитарном режиме).

Одновременно с распространением системы ценностей индустриального мира в нем нарастали острые противоречия. Это отмечал еще **Н. А. Бердяев**: «Индустриально-капиталистическая система цивилизации разрушает духовные основы хозяйства и этим готовит себе гибель. Труд перестает быть духовно-осмысленным и духовно-оправданным и восстает против всей системы. Капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме. Но социализм так же продолжает дело цивилизации, он есть другой образ той же "буржуазной" цивилизации, он пытается развить цивилизацию, не внося в нее нового духа. ИндустрIALIZED цивилизации, порождающий фашизм и призраки, неизбежно подрывает духовную дисциплину и духовную мотивацию труда и этим готовит себе крах» [13. — С. 71].

В XX столетии, особенно во второй его половине, стали все более очевидными признаки *кризиса и разложения системы индустриально-рыночного, чувственного социокультурного строя* — и одновременно возрождения гуманистических ценностей, присущих интегральному социокультурному строю. Наиболее полно исследован этот процесс величайшим социологом XX в. **Питиримом Сорокиным**: «В этической жизни человечества продолжающийся упадок чувственного строя проявил себя во многих формах. Во-первых, в прогрессирующей релятивизации и атомизации всех этических ценностей и правовых норм. Во-вторых, упадок проявил себя в крайней деградации этих ценностей и норм... В-третьих, в результа-

те этой чрезвычайной атомизации и деградации этические ценности и правовые нормы потеряли свой моральный престиж и обязывающую силу как эффективные регуляторы человеческого поведения... В-четвертых, потеряв свой "особый вкус" и действенность, они открыли путь грубой силе как единственному контролируемому фактору в человеческих отношениях... В-пятых, это состояние крайней моральной анархии, естественно, породило чрезвычайные вспышки войн, революций и беспощадных конфликтов... Деградация и атомизация моральных ценностей вызвали также крайнее зверство и негуманность, продемонстрировавшие себя в этих войнах и конфликтах, и увеличили преступность и другие феномены чрезвычайной деморализации» [181. — С. 60—61]. Выявленные ученым тенденции все более отчетливо проявляются в современном мире.

Каковы же признаки кризиса чувственной индустриальной и становления интегральной постиндустриальной систем ценностей в **переходный период к шестому большому циклу**, который начался во второй половине XX в. и займет, вероятно, всю первую половину XXI в.?

Во-первых, это *кризис и возрождение гуманизма*. Человек в индустриальном капиталистически-рыночном или социалистически-бюрократическом обществе — лишь винтик огромной индустриально-технологической и социально-политической государственной машины, которая нацелена только на саму себя и в конечном счете пренебрегает интересами личности (даже если провозглашает их приоритет). Постиндустриальный интегральный строй имеет целью раскрыть и реализовать творческий потенциал свободной личности; технологические, экономические (рыночные и нерыночные) и социально-политические системы должны служить этой главной цели.

Во-вторых, в период заката индустриального общества резко усилилась негативная морально-этическая поляризация, *разобщение и противостояние этики, религии и науки*. **П. Сорокин** подчеркивал: «Этико-религиозная поляризация людей приобрела гигантские масштабы. Это проявляется во всех сферах социальной, культурной и личной жизни» [там же. — С. 200]. Налицо процессы разложения семьи, увеличения числа противоестественных однополых семей, беспорядочных половых связей, не связанных с основным инстинктом продолжения рода. Обесценилась высшая ценность — жизнь человеческая, появилась даже особая профессия — киллер, заказной убийца. Обыденным явлением стал терроризм, массовые убийства ни в чем не повинных людей. Стремление к упорному труду сменилось жадной легкой наживы. Утрачива-

ются моральные ориентиры, поддерживаемые религией, одновременно нарастает религиозный фанатизм (вплоть до террористических самоубийств фанатиков-шахидов).

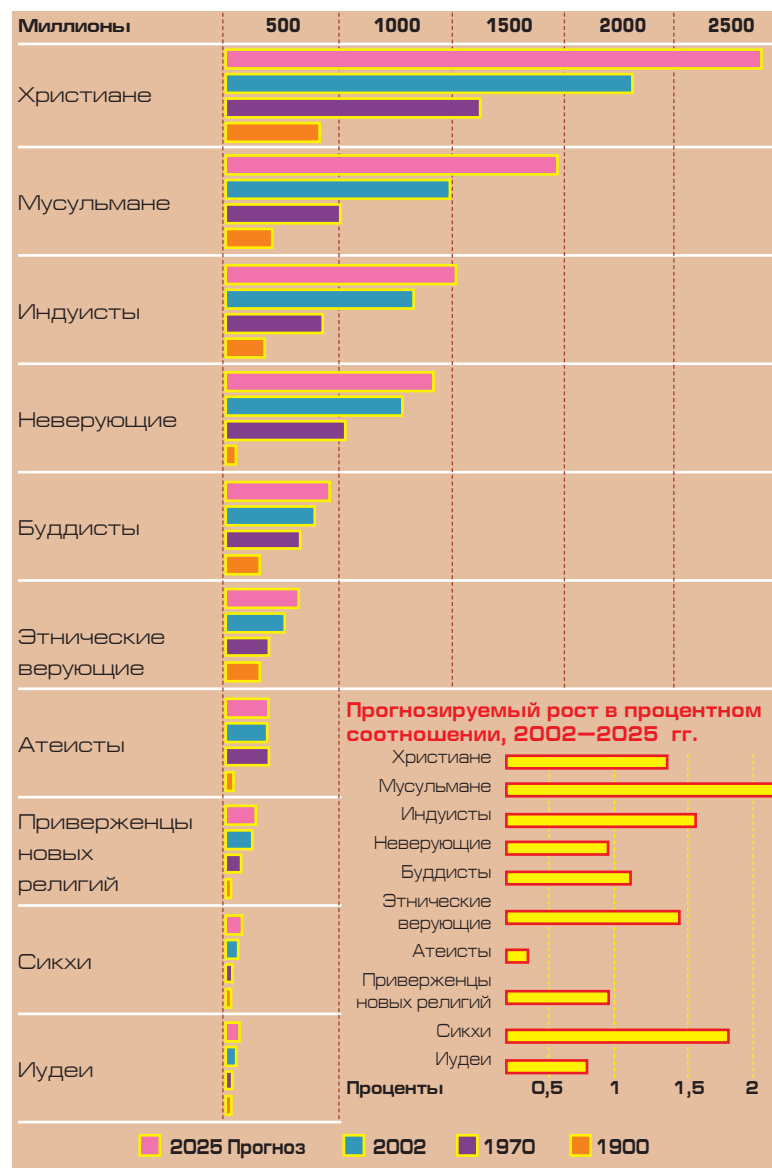
Как реакция на эти разрушительные тенденции возрастает позитивная этико-моральная поляризация. Ее признаки отмечал еще **П. Сорокин**: «Наряду со вспышкой сил негативной поляризации появились и растут силы позитивной религиозной и моральной поляризации. Конструктивные религиозные и моральные силы обязаны вырасти в достаточной степени, чтобы в конечном счете одержать победу над деструктивными, создать новый общественный, культурный и личностный порядок в человеческом универсуме» [там же. — С. 215]. В перспективе «эти силы будут, конечно, превалировать над силами негативной поляризации; они в конечном счете введут человечество в новую эру созидательной истории. Есть надежда, что в этой эре духовно и морально облагороженная религия будет искренне сотрудничать с морально ответственной наукой и просветленными и утонченными искусстваами. Истина, добро и красота вновь объединятся в высшую триаду ценностей» [там же. — С. 242]. Правда, из-за возникающих на этом пути трудностей начало такой интеграции оказалось отодвинутым на несколько десятилетий по сравнению с предвидением великого социолога. Сопротивление дезинтегрирующих сил морально-религиозной поляризации оказалось значительно большим, чем ожидалось, особенно в условиях глобализации и диктата мощных ТНК, для которых морально-религиозные и идеологические ценности оказываются третьестепенными.

С конца XX в. наблюдается тенденция ренессанса религий, увеличения числа приверженцев основных мировых религий, особенно мусульман и христиан (рис. 10.1). Ожидается, что эта тенденция сохранится и в начале XXI в., причем опережающими темпами будет расти численность мусульман в связи с высокими темпами прироста населения в исламских странах. Прогнозируется увеличение численности мусульманского населения и в странах Евросоюза — с 15 млн в 2005 г. до 27–38 млн в 2025 г. Это может усилить конфессиональные противоречия внутри западноевропейской цивилизации (как показали события октября–ноября 2005 г. во Франции). Такие тенденции делают настоятельно необходимым усиление диалога и взаимодействия цивилизаций в решении острых социокультурных проблем и противоречий XXI века.

В-третьих, происходят *перемены в самой структуре ценностей*. В XX в. особенно ощутимой стала угроза *милитаризации* этой

Рисунок 10.1.

Численность приверженцев различных религий в 1900–2025 гг.

Источник: [99. — С. 110].

системы, что проявилось в самых кровопролитных в истории человечества мировых войнах и в холодной войне, которая поставила под вопрос само существование человечества. Основой идеологии, высшим идеалом стало служение Молоху войны, победа в гонке смертоносных вооружений, что несовместимо с основной заповедью всех религий и этических систем «не убий». После окончания холодной войны на первый план вышли новые проблемы — опасности столкновения цивилизаций, международного терроризма. Торжество идеологии милитаризма может привести не только к моральной деградации человечества, но и к его самоубийству, концу цивилизации во всех ее ипостасях.

В ответ на этот вызов нарастают силы, открывающие иной путь. Мощное движение за мир стало в свое время одним из факторов, предотвративших сползание к третьей (и последней) мировой войне с применением оружия массового уничтожения. По инициативе ЮНЕСКО расширяется движение за культуру мира, толерантность, ненасилие. ООН поддержала идею диалога между цивилизациями, провозгласила первый год нового тысячелетия годом такого диалога, приняла резолюцию «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями». В этом документе подчеркивается, что цивилизации, представляя единство и многоликость человечества, станут еще богаче и получают дальнейшее развитие только путем конструктивного взаимодействия. Оно, в свою очередь, происходило на протяжении всей истории человечества, несмотря на препятствия, возводимые нетерпимостью и агрессией. Целями диалога цивилизаций названо «устранение общих угроз для единых ценностей, универсальных прав человека и достижений человеческого общества в различных областях, содействие более глубокому пониманию общих этических стандартов и универсальных человеческих ценностей» [44. — С. 6, 9].

В-четвертых, признаком кризиса постиндустриальной системы ценностей является *разъединение людей, свойственное индустриально-рыночной эпохе, доведенный до крайности «разумный» эгоизм*, когда личность противопоставляется всем остальным исходя из принципа «человек человеку волк». Кроме того, это пренебрежение супружескими и родительскими обязанностями, погоня за плотскими удовольствиями и наслаждениями. Все эти тенденции, получившие широкое распространение в период заката индустриальной цивилизации, в интегральном обществе должны уступить место новому типу межличностных отношений, в основе которых, согласно **П. Сорокину**, лежит альтруистическая любовь,

творческий альтруизм. П. Сорокин посвятил последние десятилетия своей творческой деятельности изучению этого феномена, основал в Гарвардском университете Исследовательский центр творческого альтруизма. Как добросовестный социолог, он обобщил личностные характеристики около 460 христианских святых и 500 известных американцев. Ученый пришел к выводу, что «благодать любви» является наряду с истиной и красотой одной из трех высочайших энергий, известных человеку, что она служит источником долголетия и здоровья, имеет целительную силу (особенно материнская любовь), выполняет умиротворяющую и гармонизирующую функцию, является высшей формой человеческих взаимоотношений. «Любовь представляет собой мощный источник абсолютной энергии, питающий все высочайшие ценности свободы, добра и счастья» [181. — С. 294]. Накопление и распределение любви является необходимым условием и механизмом альтруистической трансформации общества.

Учение Питирима Сорокина о творческом альтруизме оказалось чуждым прагматично-эгоистическому строю западного общества, считалось чудачеством престарелого социолога. Неудивительно, что оно было неприемлемым для России и других стран, когда в них господствовал вульгарный марксизм с идеологией классовой борьбы и ненависти. Но именно в XXI столетии наступает время новых этических учений, ориентирующихся на гуманизм, альтруистическую любовь. Насилием нельзя преодолеть насилие, искоренить преступность, терроризм. Нужно гуманизировать сами основы межличностных отношений, строить их на принципах творческого альтруизма. Надо надеяться, что в ближайшие десятилетия учение Питирима Сорокина об альтруистической любви окажется востребованным и станет одной из составляющих генотипа постиндустриальной цивилизации.

Россия имеет шанс внести весомый вклад в этот процесс. Хотя ее исторический путь был преисполнен войн, насилия, ненависти, но в основе этики и идеологии большинства людей по-прежнему сохраняются идеалы добра, альтруизма, толерантности. В 90-е годы им был нанесен заметный урон, но до конца они не вытравлены, чуждые идеалы прививаются с трудом. Еще сохранилась надежда, что новое поколение, время которого приходится на 10—30-е годы XXI в., критически переосмыслит полученное наследие и сознательно выберет путь сохранения собственной системы цивилизационных ценностей, близкий к тому, который предсказывал великий российско-американский ученый.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Глава 11. Цивилизации древности

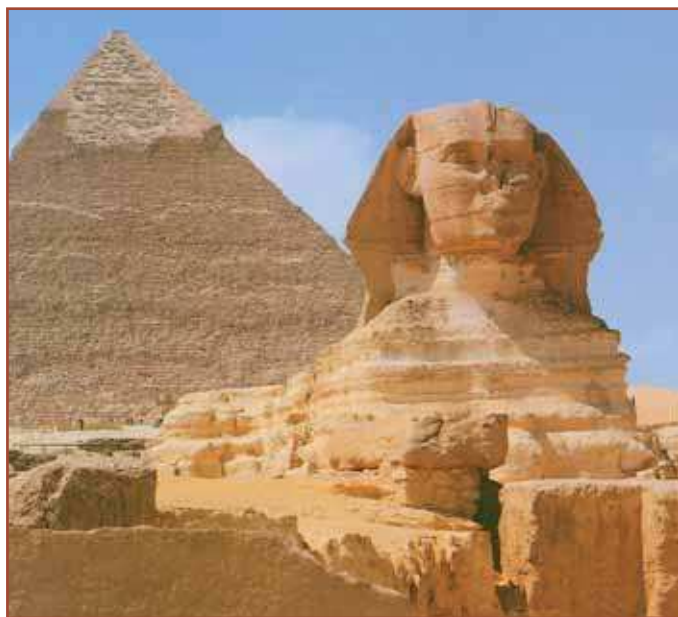
**Глава 12. Цивилизации второго
исторического суперцикла**

**Глава 13. Цивилизационная
динамика на Севере Евразии**

Исследовав теорию цивилизаций, циклично-генетические закономерности их развития, рассмотрев проявление этих закономерностей по отдельным составляющим генотипа цивилизаций, перейдем теперь к исследованию динамики глобальной, мировых и локальных цивилизаций во временном разрезе, по двум историческим суперциклам. Рассмотрим сперва процессы зарождения, становления и расцвета древних цивилизаций; затем обратимся к цивилизациям второго исторического суперцикла, когда зарождалось, распространялось и достигло пика индустриальное общество, сформировались и утвердились локальные цивилизации 3-го и 4-го поколений. Отдельную главу посвятим истории восточнославянской (евразийской) цивилизации, циклам в ее динамике.

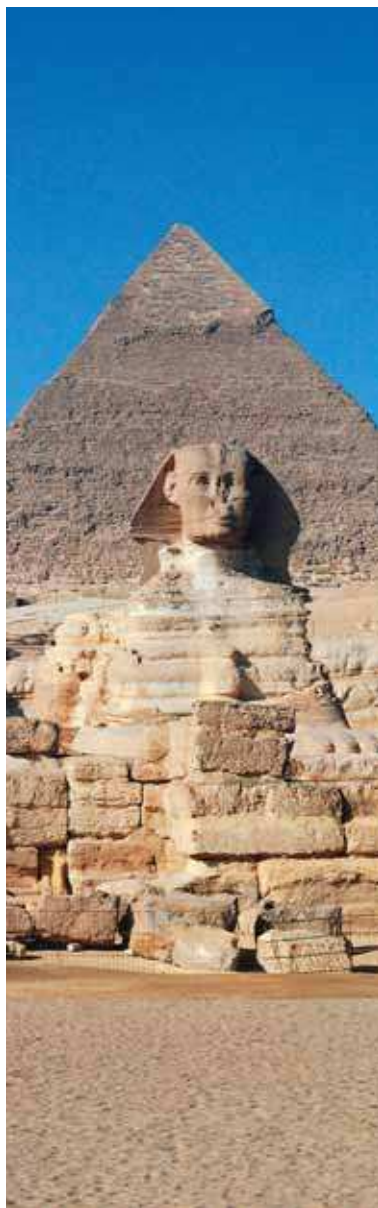
Глава 11

ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ

К первому историческому суперциклу относится самый длительный период жизненного цикла глобальной цивилизации — более восьми тысячелетий неолита, бронзового и железного веков. В этот период друг друга последовательно сменили три мировых цивилизации — неолитическая, раннеклассовая и античная, два поколения локальных цивилизаций, сложилась дошедшая до наших дней (с существенными модификациями) структура общества («пирамида» цивилизации), определился генотип (наследственное ядро) глобальной, мировых и локальных цивилизаций. На этот период приходится, по выражению К. Ясперса, «осевое время», когда сформировался духовный мир человека. Мы вводим понятие *«предшествующего осевого времени»* (начало III тыс. до н. э.), когда оформилось наследственное ядро локальных цивилизаций и были заполнены все «этажи» «пирамиды» цивилизаций.

11.1. Предпосылки и факторы возникновения цивилизаций

11.1.1. Предыстория цивилизаций

Возникновению цивилизаций предшествовал **древнекаменный век (палеолит)**.

Палеолит — древнейший период предыстории человека, когда он научился использовать орудия труда из грубообработанного камня, кости и дерева для охоты и рыбной ловли, собирания растений, а затем овладел огнем. В результате условия его существования стали более безопасными и стабильными, увеличилось число источников питания, человек мог уже защититься от холода и диких зверей.

В период позднего палеолита (с 40 тыс. лет до н. э.) были изобретены копья и гарпуны, костяные наконечники для них, каменные топоры, резцы и другие орудия труда. Столь же активно, как охотой, люди занимались рыболовством. Их общению, передаче накопленного опыта от поколения к поколению способствовало появление членораздельной речи. Люди жили общинами, ведя родство в основном по материнской линии (матриархат), начала формироваться парная (моногамная)

семья. Развивалось первобытное искусство: обнаружены целые галереи наскальных рисунков. Основу духовной жизни составляли мифы, предания и легенды, анимизм — обожествление явлений природы.

Каковы основные итоги доисторического периода? **К. Ясперс** видит их в следующем:

«1. *Использование огня и орудий*. Живое существо, не имеющее ни того ни другого, мы вряд ли сочли бы человеком.

2. Появление речи. Радикальное отличие от взаимопонимания животных посредством спонтанного выражения своих ощущений составляет присущая только человеку способность выражать осознаваемый в речи и передаваемый ею смысл предметного мира, который служит объектом мышления и речи.

3. Способы *формирующего человека насилия над самим собой*, например посредством табу. В самой природе человека заложено то, что он не может быть только частью природы; напротив, он формирует себя посредством искусства. Природа человека — это его искусственность.

4. *Образование групп и сообществ*. Основное отличие человеческого сообщества от групп и отношений господства и подчинения, образуемых приматами, состоит в осознании людьми его смыслового значения...

5. Жизнь, формируемая *мифами*, формирование жизни посредством образов, подчинение всего существования, семейного уклада, общественного устройства, характера труда и борьбы этим образам, которые в своем бесконечном толковании и углублении по существу являются просто носителями самосознания и осознания своего бытия...» [252. — С. 67—68].

Именно тогда были заложены основы социального генотипа современных людей, который проявился не только в создании орудий труда и технологий для поддержания своего существования и большей независимости человека от капризов природы, но прежде всего в развитии средств общения и передачи мыслей, образовании человеческих сообществ, формировании этических норм и духовного мира, осознании себя.

Мезолит, переходный период между палеолитом и неолитом, охватывает период с X по VIII тысячелетие до н. э. Крупнейшим достижением мезолита стало освоение лука и стрел. Значение этого оружия отмечал **Ф. Энгельс**: «Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умст-

венные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений» [238. — С. 29].

Использовались также миниатюрные каменные орудия (микролиты), дротики, гарпуны, челны, сети. Началось изготовление керамической посуды. Эпизодически приручались дикие животные, появились зачатки земледелия. Производительность труда значительно повысилась, питание человека улучшилось, темпы роста численности населения ускорились. Люди благоустроивали свои поселения, нередко возводили вокруг них стены. Накапливались первичные знания, развивался духовный мир человека, появлялись новые формы первобытного искусства.

Однако экстенсивный путь развития общества имел явные недостатки, проявившиеся к концу мезолита. Быстрое истребление крупных животных привело к первому *экологическому кризису*. Большинство населения страдало от голода, в попытках добыть пропитание племена сталкивались между собой. Все это привело к первому *демографическому кризису*: численность населения резко сократилась. Усилились социальные противоречия внутри самой общины. Созрели предпосылки для неолитической революции, период предыстории общества завершился.

11.1.2. Неолитическая цивилизация

Подлинным началом истории общества можно считать **неолитическую революцию**, которая произошла в VII тыс. до н. э. Ее содержанием является переход к искусственному воспроизводству человеком продуктов питания (земледелию и скотоводству). Заметно возросли возможности людей выжить и улучшить условия своего существования, многократно повысилась производительность труда, появились реальные условия для увеличения численности населения. Значение этого события подчеркивал **Н. Н. Моисеев**: «Неолитическая революция качественно изменила характер общественного развития рода человеческого. И ее последствия были таковы, что уже позволяют говорить о начале истории... Неолитическая революция многократно ускорила развитие общества, создав качественно новые стимулы для развития — стимулы, которых принципиально не могло быть в предыдущей эпохе». Ученый считал, что «неолитическая революция послужила началом всех существующих ныне цивилизаций» [136. — С. 32].

Неолитическая революция позволила преодолеть экологический и демографический кризисы конца мезолита, создала усло-

вия для выживания и быстрого развития общества на новых началах, особенно в сельскохозяйственных районах. Усложнилась структура общества, оно четко подразделялось на группы (страты) на основе общественного разделения труда. Сформировались объединения общин — племена, их взаимодействие было в основном мирным, но нередко были и военные столкновения в борьбе за лучшие земли и пастбища. В это время зародился и все более расширялся новый по сравнению с общинным тип собственности — семейный. Значительно усложнился духовный мир человека. Занятия земледелием, скотоводством, строительством, ремеслом требовали от людей разнообразных знаний и навыков. Формировались зачатки наук, имеющих практическое значение, — астрономии, арифметики, агрономии, медицины. Серьезное развитие получили мифология, изобразительное и музыкальное искусство. Возникла письменность — надежный способ закрепления и передачи знаний, правил поведения, верований. Сложилась полноценная система этических норм, в ней появились качественно новые нормы.

Неолитическая цивилизация — первоначальный и самый длительный этап в истории мировых цивилизаций, она заложила основы для дальнейшего прогресса человечества.

В основе прогресса неолитической цивилизации лежали *ступени развития общественного разделения труда*, многократно повышавшего его эффективность и сделавшего возможным производство прибавочного продукта.

Первое крупное разделение труда — *выделение из общей массы населения земледельцев и скотоводов*. Потребовалось создание новых орудий труда — палок-копалок (а затем мотыги и плуга), зерносушилок, средств хранения и переработки продуктов земледелия и скотоводства. Между сельскохозяйственными и скотоводческими племенами начинается обмен продуктами труда.

Вслед за первым общественным разделением труда (формированием сельскохозяйственных и скотоводческих племен) пришло второе — *появление ремесленников* (добыча и обработка камня, изготовление гончарных изделий, плугов, одежды, обуви, украшений, оружия). Были изобретены гончарный круг, ткацкие станки, орудия для обработки кож, переработки зерна. Все это стало зачатками будущей промышленности.

Третье разделение труда — *появление специалистов по строительству* жилых построек, оборонительных и религиозных сооружений, общественных складов и т. д.

В развитом неолитическом обществе произошло четвертое общественное разделение труда — *выделение племенной верхушки* (вождей, жрецов, военачальников), которые профессионально занимались управлением племенами, их охраной, отправлением религиозных культов. Это зародыши таких будущих общественных институтов, как государство, армия и церковь.

Таким образом, в итоге развития общества его социальная структура стала к концу неолита довольно сложной, произошла его стратификация.

Отличительной чертой эпохи неолита стала *городская революция*. В это время в массовом порядке возникали укрепленные поселения, где селились племенная верхушка, ремесленники, часть земледельцев. Высокая плотность населения города способствовала постоянным контактам среди людей, их обмену знаниями и опытом, развитию искусства. Города стали катализаторами прогресса, очагами зарождения цивилизаций. Известно, что в некоторых неолитических городах проживали тысячи людей: так было в Иерихоне (Палестина, VII—II тыс. до н. э.), Чатал-Хююке (Малая Азия, VI тыс. до н. э.), Кирокитии (Кипр, VI тыс. до н. э.).

Но всему свое время. В IV тыс. до н. э., в эпоху *энеолита*, уже налицо были *признаки кризиса неолитической цивилизации*. Первый из них связан с недостатком орудий труда. В эпоху энеолита наряду с каменными орудиями (микролитами) начали применяться и металлические — из меди, золота, затем бронзы (сплав меди и олова). Однако самородных месторождений металла было немного, а использование малоэффективных каменных орудий не могло удовлетворить потребности значительно выросшего населения. Темпы роста производительности труда и численности населения значительно упали.

Вторым признаком кризиса неолитической цивилизации стало то, что система экономических отношений, существовавшая на тот момент, уже не удовлетворяла запросы производителей: общинная собственность и уравнительное распределение лишали более искусных работников стимулов к повышению производительности труда.

Третий признак — резко возросшая социальная и имущественная дифференциация — побуждала племенную верхушку к изменению самых основ экономических отношений, закреплению имущественного неравенства и передаче по наследству накопленных богатств.

Четвертый признак кризиса неолитического общества заключался в том, что усложнившаяся структура общества уже не могла

регулироваться прежними нормами морали и обычаями. Возникла необходимость в правовых, принудительных формах регулирования отношений между людьми.

Наконец, отметим и пятый, внешний фактор. Плотность населения за время неолита многократно увеличилась, нарастала острота военных столкновений между соседними племенами, для защиты необходимо было создавать профессиональные отряды воинов. На рубеже IV и III тыс. до н. э. все эти кризисные процессы сделали неизбежным переход к новой ступени развития общества — раннеклассовой цивилизации. Так возникло 1-е поколение локальных цивилизаций. Это был крупнейший исторический переход, завершивший становление «пирамиды» цивилизаций.

11.1.3. Раннеклассовая цивилизация (бронзовый век)

Культуры бронзового века, ставшие основой раннеклассовой мировой цивилизации и 1-го поколения локальных цивилизаций, расположились на евразийском и африканском континентах между 20° и 60° северной широты (*рис. 11.1*).

Возникновение частной собственности и классов. Эпохальными вехами становления второй мировой цивилизации было возникновение частной собственности, разделение общества на классы и государства — те социальные институты, которые определили лицо последующих цивилизаций.

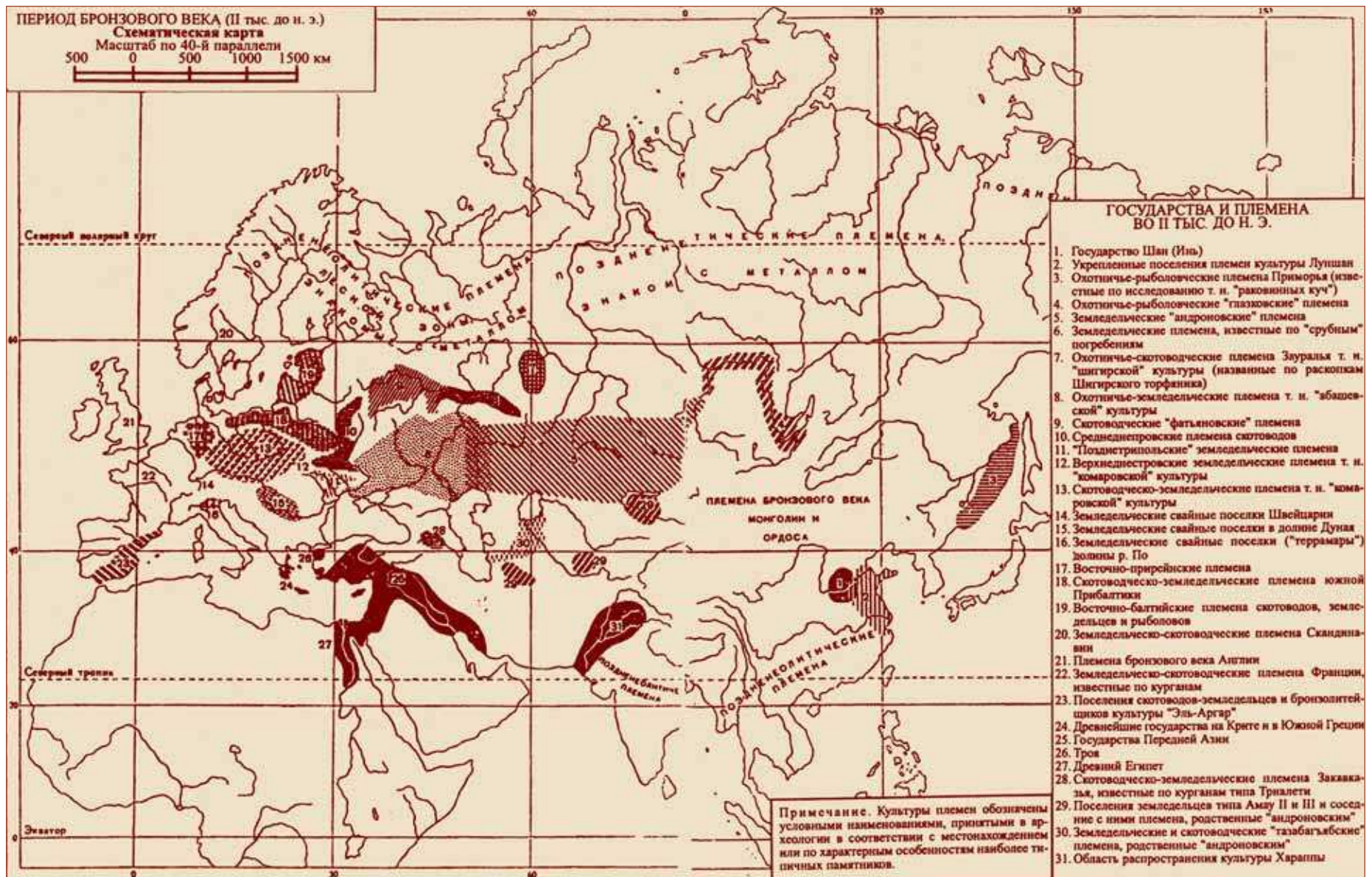
Переход от общинной к частной собственности, передаваемой по наследству членам своей семьи, преодоление принципа уравнительного распределения, возможность обособленного присвоения средств и результатов производства создали экономический интерес к приумножению собственности на благо отдельной личности, семьи, а значит, открыли возможности повышать производительность труда.

Предпосылкой и следствием названных выше перемен в обществе стали изменения в самом человеке, сбросившем оковы общинной уравниловки. Знания, навыки, воля каждого человека, интенсивный обмен знаниями и товарами в городах послужили основой для развития индивидуумов, накопления личных богатств, выделения активной прослойки общества. Конечно, при этом страдали другие его члены: бедные и нетрудоспособные попадали в кабалу, иноплеменников захватывали как рабов и принуждали их к труду с помощью крайних форм насилия, — но даже

Рисунок 1 1.1.

Географическое распространение культур

бронзового века*

*[242. – С. 86–87].

в грубой форме это был прогресс. Длительное время общинная собственность сохранялась в сельской местности, одновременно с образованием государств появилась собственность их правителей, а также храмов. Высоко оценивал появление этих общественных институтов **Н. Н. Моисеев**: «Появление земледелия и скотоводства создало основу для появления частной собственности — феномена, неизвестного ранее в живом мире. Он оказался новым и мощнейшим стимулом человеческой цивилизации. Более того, частная собственность (земля и скот прежде всего) оказалась той формой организации производительных сил общества, которая наилучшим образом соответствовала уровню их развития, была наиболее эффективной формой использования новой экологической ниши на благо человека и общины» [134. — С. 222].

Логическим следствием распространения частной собственности стало имущественное расслоение семей и возникновение *классов* — больших социальных групп людей, занимавших различное место в системе общественного разделения труда и распределения богатства. Классы возникли внутри племен и их союзов. На одном полюсе находилась племенная верхушка, которая управляла обществом и присваивала основные богатства (племенные вожди, жрецы, военачальники). На другом полюсе — бедные земледельцы и ремесленники, большинство из которых постепенно утрачивали имущественную независимость. Число рабов быстро росло, постоянно пополняясь за счет военнопленных. Так возникли два основных класса раннеклассового общества — рабовладельцы и рабы; однако весьма значительной оставалась доля свободных общинников, ремесленников, торговцев, воинов, а также писцов, музыкантов, художников, скульпторов, архитекторов — людей умственного труда. Выделение этого социального слоя, *отделение умственного труда от физического* стало очередной ступенью в развитии общественного разделения труда, цивилизационного прогресса.

Экономические и социальные отношения раннеклассовой цивилизации строились на системе внешнеэкономического принуждения, личной зависимости. Раб не считался человеком, не имел имущества и семьи, мог быть продан, безнаказанно убит. Рабы не раз восставали, но их выступления жестоко подавлялись. Такая форма социальных отношений была грубым, жестоким, безнравственным с современных позиций, но необходимым этапом в развитии общества.

Был совершен скачок в разделении и повышении эффективности труда. Ирригационное земледелие позволяло получать высо-

кие урожаи. Быстро развивались разнообразные ремесла, производство бронзовых орудий труда, вооружения, украшений, тканей, одежды, обуви, предметов искусства. Об успехах строительства свидетельствуют сохранившиеся до наших дней пирамиды, руины дворцов и храмов. Процесс дифференциации видов деятельности давал возможность приобретать трудовые навыки, совершенствовать орудия производства, добиваться возможно большей эффективности труда. Это стало основой ускорения технического и экономического прогресса.

Становление государства и права. Весьма сложные и противоречивые экономические и социальные отношения, основанные на принципах частной собственности, принудительного труда, имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком, не могли поддерживаться и регулироваться институтами общинного самоуправления и первобытными нормами нравственности. Перед обществом встала новая задача: сформировать специализированный *аппарат государства*, способного выполнять функции внутреннего регулирования и внешней защиты (и нападения), опираясь на узаконенные нормы права. Произошло *пятое крупное общественное разделение труда*: выделились группы людей, которые на профессиональной основе выполняли функции государства и поддерживали нормы права (фараон, царь, придворные, военачальники, судьи, полицейские и т. п.). Государство взяло на себя и некоторые экономические функции: организацию строительства ирригационных систем, пирамид, храмов, защиту отношений собственности, регулирование денежного обращения (чеканка монет) и т. п.

В отличие от первобытной организации родоплеменного строя, вечевой демократии периода становления государства теперь власть верховного правителя стала безграничной: она простиралась не только на рабов, полусвободных общинников, ремесленников, торговцев, но и на придворную знать. Насилие, личная зависимость пронизывали все сферы государственного строя, обеспечивали функционирование разделенного на различные классы и социальные слои общества. Неотъемлемой функцией государства было ведение войн, причем не только для защиты своих граждан от врагов, но и для пополнения армии рабов.

Однако нельзя сводить возникновение государства только к насилию одного класса над другим. Ведь государство стало ключом для регулирования сложной системы отношений в стратифицированном, социально противоречивом, многоотраслевом

и многофункциональном обществе, выполняя важные экономические функции по защите частной собственности, регулированию рыночных отношений, строительству и поддержанию оросительных систем, сбору налогов и податей. Эти функции государство осуществляло с помощью *права* — системы обязательных, поддерживаемых угрозой наказания норм поведения и взаимоотношений людей в различных сферах. Появились первые кодифицированные нормы права, такие как судебник Шульги, законы Хаммурапи. Возникли специальные социальные институты для поддержания правовых норм: суды, полиция, фискальные службы. Однако разделения ветвей власти не было: вся она принадлежала верховному властителю, считавшемуся наместником бога на земле.

Развитие городов, рынка и духовной сферы. Событием всемирно-исторического значения в эту эпоху стало создание *сети городов*, численность населения которых быстро возрастала, формирование административных центров возникших государств, их укрепление для защиты во время войн и чужеземных набегов. В крупных городах жили десятки тысяч человек. Так, город Махенджо-Даро (Индия) занимал площадь 2,5 кв. км и насчитывал до 100 тыс. жителей. В нем были построены хорошо укрепленная цитадель и жилые кварталы, зернохранилища, система водоснабжения и канализации. Скопление большого количества жителей в городах становилось импульсом для дальнейшего развития строительства и ремесла, развития обмена, формирования разносторонней городской культуры. Каждое государство стремилось сделать свою столицу крупным экономическим, культурным, религиозным центром. И поныне поражают воображение величественные сооружения в городах той эпохи — крепости, дворцы, храмы. При этом большинство людей жили в лачугах и глинобитных мазанках.

Развитие регулярного обмена потребовало создания всеобщего эквивалента стоимости разнообразных товаров, в котором находила бы свое выражение, материализовалась их ценность. Испытав множество претендентов на эту роль (связки раковин, скот и т. п.), человечество в эпоху бронзы закрепило функции меры стоимости, средства обращения и накопления за *металлическими деньгами* — золотом, а затем и серебром.

Расширились масштабы и усложнилась структура воспроизводства, возросла его организованность. Этого требовала логика регулирования оросительных систем в долинах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Структура воспроизводства стала иерархичной: низовой уровень занимала земледельческая,

скотоводческая или ремесленная семья, соседская община, полугосударственные или товарные рабовладельческие хозяйства; региональный — отдельные территории, такие как номы Верхнего и Нижнего Египта; государственный — целые страны. Сложился устойчивый рынок (не охватывавший, правда, продуктов питания и одежды для основной массы населения, но включавший куплю-продажу рабов). Он развивался как в масштабах отдельных стран, так и между ними.

Всевластные правители государств, богатые семейства имели возможность нанимать к себе на службу архитекторов, скульпторов, художников, танцоров, музыкантов, летописцев, астрологов. Во дворцах фараонов и царей, домах богачей, храмах и других культовых сооружениях собирались несметные сокровища.

На подъеме была духовная сфера — изобразительное и музыкальное искусство, архитектура. Изобретение и освоение письменности стало *второй информационной революцией* (первой было освоение членораздельной речи на заре существования человека). Создание эмпирических основ естественных и прикладных наук позволило людям строить и поддерживать в исправности ирригационные системы, развивать выплавку металла, разнообразные ремесла, строить морские суда, совершать дальние путешествия по суше и морю. Были изобретены солнечный календарь, водяные и солнечные часы, заложены основы математики.

Зарождение частной собственности, государства, науки, формирование высокопродуктивного орошаемого земледелия, освоение широкой гаммы железных орудий и оружия, становление локальных цивилизаций — все это были настолько крупные эпохальные инновации в истории человечества, что III тыс. до н. э. можно считать *первым осевым временем*.

Кризис раннеклассовой цивилизации. В динамике второй мировой цивилизации можно выделить три этапа:

- ➔ становления и распространения (конец IV — первая половина III тыс. до н. э.);
- ➔ зрелости, расцвета (вторая половина III — первая половина II тыс. до н. э.);
- ➔ кризиса, заката (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.).

Характерная черта последнего этапа — упадок некогда могущественных государств, появление новых очагов локальных цивилизаций, перемещение центра мирового прогресса в Северное Средиземноморье, где сформировалась античная греко-римская цивилизация, а также на Средний Восток, в Индию и Китай.

Раннеклассовая цивилизация имела свои пределы и географические границы. Привязанные к долинам плодородных рек, к естественным месторождениям бронзы и олова, необходимых для изготовления орудий труда, к необходимости постоянно пополнять ресурсы трудовой силы путем захвата рабов-иностранцев, рабовладельческие государства древности уже не в силах были удовлетворять потребности населения, особенно знати. Раздоры и борьба за власть внутри правящей верхушки, куда входили и жрецы, ослабляли единство и военную мощь государств. Постоянные войны и непосильные налоги подорвали производственные возможности мелких собственников: крестьян, ремесленников и торговцев. Ирригационные системы приходили в упадок, земли засолялись, падала урожайность, сокращался естественный прирост населения. Государства, бывшие центрами раннеклассовой цивилизации, теряли экономическое и военное могущество, распались на части, погибали под ударами агрессивных соседей.

Расширение пределов населенного мира, освоение орудий труда и оружия из железа, распространение богарного земледелия стали причиной появления новых очагов исторического прогресса, где и произошло становление античной мировой цивилизации, 2-го поколения локальных цивилизаций.

11.1.4. Античная мировая цивилизация (железный век)

Античная цивилизация — пик первой цивилизационной волны в истории человечества, время нелегкой, но прекрасной его юности, когда сформировался его генотип во всем богатстве и разнообразии составляющих его элементов. Хронологические рамки античной цивилизации охватывают VIII в. до н. э. — V в. н. э., то есть около тринадцати веков.

Расцвет духовной сферы. Основное достижение античной цивилизации, пополнившее генотип человеческого общества, — *приоритет духовной сферы, человеческой личности, ее раскрепощение*, расцвет науки, искусства, мифологии. Именно в это время возникло само понятие «свобода». Конечно, это не была свобода для всех: «Именно в античном обществе раб был наиболее рабом, а свободный — наиболее свободным... Лишь в греческих полисах появляется понятие свободы (элевтрия) как состояния отсутствия господства кого бы то ни было над данным человеком — понятие, завещанное греческим полисом всему человечеству» [73. — Т. 2. — С. 24–25].

Резкий подъем производительности труда, увеличение прибавочного продукта как результат применения более дешевых и эффективных железных орудий создали экономические условия для того, чтобы часть свободных граждан могла заниматься только умственным трудом — философией, искусством, политикой, историей.

В античную эпоху были созданы величайшие шедевры искусства в сфере ваяния и зодчества, поэзии и драматургии, которые и поныне остаются непревзойденными образцами для поколений художественной интеллигенции.

Крупнейшей инновацией того периода стало формирование системы абстрактных наук — философии (которая приобрела всеобъемлющий характер), астрономии, математики, механики, медицины, истории, права, экономики. Открылись многочисленные школы философов, Академия Платона, Лицей Аристотеля, Александрийский музей. Сложилась система специализированного обучения молодежи наукам, искусству, разнообразным ремеслам, военному делу (от школ философов до школ гладиаторов). Однако на занятиях теория почти не подкреплялась практикой: абстрактная наука была оторвана от технической (хотя тот период отмечен немалым числом крупных изобретений). Такая ситуация на этапе становления науки была неизбежной.

Развитие духовной сферы в период античной цивилизации заложило основы мировых религий, стало причиной постепенного перехода от политеизма к монотеизму, что во многом было обусловлено кризисом античности, усилением централизации в сфере экономики и политики. Это касается многих цивилизаций того времени. Так, в Индии в VI—V вв. до н. э. возник буддизм. В восточных провинциях Римской империи в I в. н. э. зародилось христианство, которое, после периода гонений, в IV в. н. э. стало государственной религией. Мировые религии упорядочивали сферу идеологии, оказывали влияние на другие области духовной жизни и в то же время становились важным интеграционным фактором, способствуя диалогу разных народов и государств, принадлежавших к одной вере.

Экономика античного общества. Экономика античного общества была многоукладной, а удельный вес каждого из укладов в разных локальных цивилизациях — неодинаковым и менялся со временем.

Преобладающим укладом в цивилизациях Средиземноморья и Двуречья был рабовладельческий. В рабов превращали не только военнопленных и захваченных во время военных походов

мирных жителей, но и часть прежде свободных общинников, безнадёжных должников. Рабы не имели собственности, семей, гражданских прав, жестоко эксплуатировались, создавая прибавочный продукт при минимуме затрат на свое содержание. В цивилизациях же Китая, Индии рабовладение не было широко распространено.

Основу мелкотоварного уклада в античном обществе составляли свободные, но обязанные платить налоги и поставлять солдат в армию земледельцы и городские ремесленники. На закате античности увеличилось число полусвободных людей — рабов-вольнотпущенников (колонов), обрабатывавших свой участок земли и обязанных платить ренту прежнему хозяину.

Развитие денежного хозяйства и торгового обмена, рынка, как внутреннего, так и международного, привело к появлению слоя торговцев, менял, ростовщиков.

В экономике преобладало мелкое хозяйство крестьян и ремесленников. Наряду с этим, особенно в период Римской империи, создавались крупные рабовладельческие латифундии, ремесленные производства — эргастерии. Принудительный труд, хотя и приносил прибавочный продукт, был малопродуктивным и требовал содержания значительного числа надсмотрщиков, а также вооружённых отрядов и армии для подавления восстаний рабов. Наиболее известное из них — восстание Спартака в Риме.

Хозяйство в основе своей было натуральным. Однако все большая доля продуктов втягивалась в товарный обмен, развивались денежные системы, регулируемые государствами. Порой их правители сознательно выпускали фальшивые партии монет, что вызывало рост цен и социальные взрывы. Такими эпизодами богата история позднего Рима.

Рождение демократии и мировых империй. Античная цивилизация сыграла важнейшую роль в развитии институтов, которые определяют сложную ткань социально-политических отношений.

В период Античности сложился особый строй общественно-политических отношений — *демократия*, в наибольшей мере отвечающая требованиям самоуправления сообщества свободных людей. В развернутом виде такой строй характерен для Афин времен Перикла (IV в. до н. э.). Конечно, это была демократия для избранных, а не для рабов, женщин или чужеземцев. Тем не менее ее основные принципы, сформулированные в период расцвета Греции, и поныне можно найти в программах партий и движе-

ний во всех странах. В греческих полисах, а затем в Риме был отработан сложный механизм функционирования государственного строя, который в различных модификациях воспроизводился в последующих цивилизациях и дошел до наших дней. Основы современной юридической системы заложены детально проработанными нормами римского права.

Своеобразие политической и экономической жизни античной цивилизации состояло в формировании **полисов** — независимых, самоуправляемых городов-государств, имевших многие признаки общины.

Государственная власть в полисе могла принимать разнообразные формы: демократии, тирании, аристократии, олигархии и т. д. Но в любом случае строго соблюдались равноправие и свобода граждан полиса, которые считались свободными по природе (в отличие от рабов и чужеземцев).

В античную эпоху локальные цивилизации вышли за прежние узкие рамки. Повсеместно возникали **мировые империи**, охватывавшие несколько смежных цивилизаций — Ассирийская (в IX—VII вв. до н. э. — вся Передняя Азия), Персидская (VI—IV вв. до н. э. — от Эгейского моря до долины Инда, от Египта до Сырдарьи); империя Маурьев в Индии (IV—II вв. до н. э.), империя Цинь (221—207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в Китае.

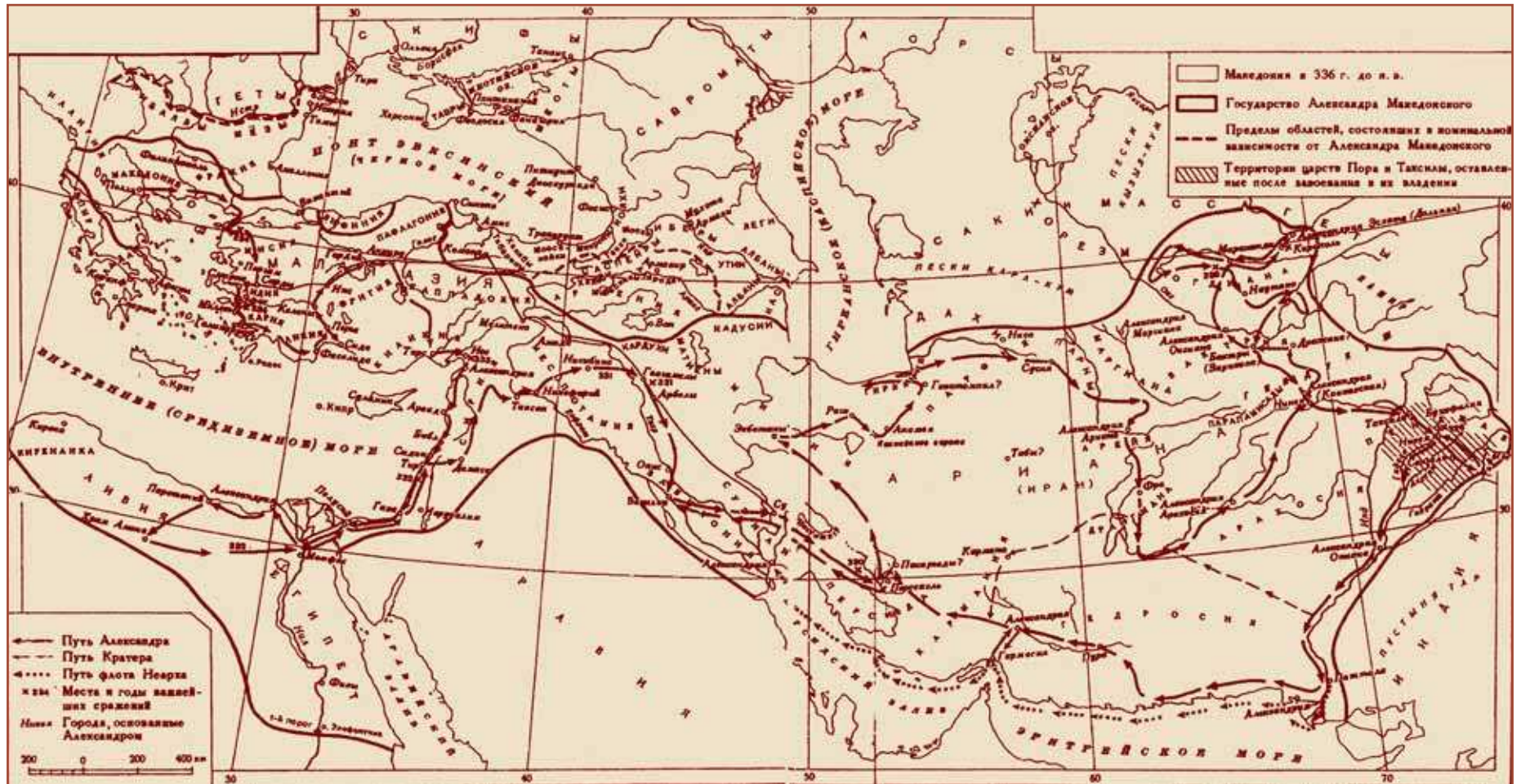
Создавая насильственным путем мировые империи, включавшие завоеванные и оставленные в подчинении автономные территории, античные государства получали от них хорошие дивиденды в виде налогов и рабочей силы. Однако державы эти, покоившиеся на сильной единоличной власти и мощной армии, обычно были недолговечными, распадались после смерти своего основателя.

Обширная империя была создана в результате походов **Александра Македонского** (356—323 гг. до н. э.). Покорив греческие государства, Персию, Египет, Вавилон, Среднюю Азию, Индию, ученик Аристотеля основал империю, которая простиралась от Дуная до Инда, от Кавказа до Египта; только внезапная смерть помешала ему захватить Аравию и Северную Африку. Империя Александра Македонского просуществовала чуть более 10 лет, но способствовала распространению греческой культуры, науки, мифологии, политического и экономического строя на обширных территориях (*рис. 11. 2*).

Гораздо более прочным образованием стала Римская империя, которая в период наибольшего своего расцвета (начало II в. н. э.,

Рисунок 11.2.

Империя Александра Македонского

Источник: [242. – С. 94–95].

правление Траяна) охватывала почти всю Западную и Южную Европу, Переднюю Азию, Причерноморье, Северную Африку. В 395 г. она разделилась на Западную Римскую и Восточную Римскую (Византийскую) империи; последняя просуществовала более тысячи лет (до 1453 г.), но в более узких территориальных границах. Здесь четко прослеживается политическое и экономическое верховенство центра (метрополии) над провинциями, устойчивые и разнообразные торговые связи, транспортные сети, смешение культур. В последующих мировых цивилизациях мировые империи много повторяли из практики Римской империи.

Кризис античной цивилизации. В первые столетия нашей эры со всей очевидностью проявились признаки кризиса античной цивилизации, прежде всего Римской империи. Глубинные корни этого кризиса лежали в сфере экономики.

В античном обществе (особенно в период расцвета Римской империи) сложилось многоотраслевое хозяйство, в значительной мере ориентированное на рынок, сочетавшее мелкое производство независимых крестьян, ремесленников, зависимых колонов с деятельностью крупных латифундий и эргастерий, которые были организованы по принципу разделения труда и насчитывали до тысячи работников — рабов, вольноотпущенных, вольнонаемных. Эргастерии активно применялись в таких сферах, как горное дело, производство мебели, керамики, текстиля и металла, оружия. Это были предвестники будущих ремесленных цехов и мануфактур. Не следует недооценивать и такое экономическое изобретение Античности, как банки (в V в. до н. э. в Греции возникли храмовые и частные денежные банки, выдававшие ссуды под процент).

Однако экономика, основанная на принудительном труде, малоэффективна, подавляет инициативу работников. Кроме того, государству приходится содержать армию надсмотрщиков, постоянно пополнять запасы рабочей силы извне. Доля свободных крестьян и ремесленников в населении уменьшается. Большие налоги,боры в армию истощают их хозяйства. Растет число городских люмпенов, живущих за счет подачек государства и патрициев. Для поддержания порядка вводится режим тирании, бывшие демократические традиции отмирают.

Разложение охватывает не только экономику и социальную сферу, но и идеологию. Моральные устои политической и военной верхушки подорваны. Нарастает недовольство масс, которые ищут утешение в новой религии — христианстве. Сначала оно безжало-

стно преследуется, но через несколько веков становится государственной, официально признанной религией.

Ослабевшее государство уже не может успешно противостоять нажиму варварских племен, волнами устремлявшихся на огромную империю. Чтобы пополнить ряды армии, императоры предоставляют права гражданства все большему числу населения на периферии державы. Внутреннее разложение и натиск извне становятся причинами падения Римской империи в 476 г. Восточная Римская империя (Византия) оставалась самостоятельной вплоть до взятия турками-османами Константинополя в 1453 г., но трансформировалась в средневековое государство. На Востоке (в Китае, Индии) переход к феодальному строю произошёл раньше, чем в Европе.

С крушением античной цивилизации **завершился первый исторический суперцикл**, охвативший около восьми тысячелетий, три мировые цивилизации и два поколения локальных цивилизаций.

Главный его итог заключается в том, что многослойная «пирамида» общества, фундамент которой был заложен еще на заре истории, в течение жизни первых трех цивилизаций была полностью обустроена, все ее «этажи» и «квартиры» заселены и освоены. В эпоху неолита в основном сформировался современный человек с его потребностями и способностями, начальным объемом знаний и навыков, произошел переход к производящему хозяйству. На втором этапе, в бронзовом веке, в основном завершилось формирование следующих двух «этажей»: возникли многоукладная экономика, разнообразные формы собственности (государственная, частная, общинная, личная), классы, государство, право. «Достройка» верхнего «этажа», духовного мира (науки, мировых религий, образовательной системы), стала заслугой античной цивилизации.

Другой важнейший результат развития цивилизаций Древнего мира — складывание планетарного пояса локальных цивилизаций. Эпоха неолита начиналась на разных материках с разрывом в несколько тысячелетий. Однако постепенно дистанция между отдельными, прежде изолированными, цивилизациями сокращалась, усиливались процессы диалога и обмена между ними, все более отчетливо проступал единый ритм истории человечества. Свои нюансы были в развитии каждой локальной цивилизации: некоторые существовали достаточно долго; другие, ярко вспыхнув, уходили в небытие, их место занимали более молодые, агрессивные. Это обеспечивало постоянное обновление формирующейся глобальной цивилизации.

В неолитической мировой цивилизации преобладал, согласно классификации **П. Сорокина**, *идеациональный, сверхчувственный социокультурный строй*, вера во всемогущество сил природы, культ предков. Своя система верований существовала у каждого племени, а то и у отдельной общины.

В период раннеклассовой цивилизации сложились политеистические религии, общие для каждой локальной цивилизации, входившие в состав ее генетического ядра. Иерархия божеств освящала иерархию земной жизни, религиозные запреты закрепляли нормы права и этики. Ярким примером может служить четко расписанная схема взаимоотношений между богами в Древнем Египте, система обрядов в земной и загробной жизни, отраженная в богатых росписях пирамид. Идеациональный социокультурный строй достиг здесь своей вершины.

Античная цивилизация в том виде, в каком она сложилась в Древней Греции и (в начальный период) в Древнем Риме, предполагала более свободный, демократический порядок взаимоотношений как между самими богами, так между богами и людьми. Можно говорить об утверждении на несколько столетий интегрального социокультурного строя, более гармонично сочетавшего личную свободу, религию, науку (философию) и эстетику. Это было время расцвета науки, культуры, этики свободы (разумеется, для свободных граждан).

В фазе зрелости и заката Античности возобладал чувственный социокультурный строй, где приоритет отдавался плотским удовольствиям, культура и искусство приобрели приземленный характер, нравственные устои были подорваны, царили разврат и корыстолюбие. Это стало одним из признаков и причин глубокого кризиса античной мировой цивилизации и второго поколения локальных цивилизаций.

Картина развития мировых и поколений локальных цивилизаций первого исторического суперцикла, смены социокультурного строя представлена на *рис. 11.3*. Отсчет исторического времени ведется по эпицентрам цивилизационного прогресса.

Из схемы становятся очевидными следующие тенденции: во-первых, синхронность перемен, пронизывающих всю структуру общества, все «этажи» «пирамиды» цивилизаций; во-вторых, сжатие исторического времени, ускорение темпов цивилизационного прогресса; в-третьих, закономерная смена периодов взлетов и падений, подъемов и кризисов в динамике всех цивилизационных институтов.

Рисунок 11.3.

Динамика древних цивилизаций

11.2. Динамика структуры мировых цивилизаций древности

«Пирамида» цивилизаций начала складываться еще в неолитическом обществе. Однако не все «этажи» и «квартиры» нового «дома» человечества были сразу заполнены. Сначала нижние — человек с его потребностями и способностями, моногамная семья (сперва в составе родовой общины), расселение в плодородных долинах рек, разделение земледелия, скотоводства и ремесла, специализация орудий труда и навыков их изготовления и использова-

ния, переход к искусственному воспроизводству с зачатками частной собственности и товарного обмена. Получил развитие и верхний «этаж» «пирамиды» — происходило накопление эмпирических знаний и передача их следующим поколениям, развивались искусство, мифология и разнообразные верования. Однако оставался мало заполненным средний «этаж», характеризующий социально-политическую и государственно-правовую структуру общества. Оно становилось все более сложно организованным, и неупорядоченность отношений сдерживала социальный прогресс. Это противоречие было разрешено на следующем этапе развития цивилизаций, когда на базе углубившейся социальной дифференциации возникли такие общественные институты, как государство и поддерживаемая им система норм права.

Рассмотрим подробнее, почему и как в эпоху древних обществ заполнялись все «этажи» «пирамиды» цивилизаций, как формировалась структура общества, сохраняющаяся в своей основе и поныне.

11.2.1. **Человек, семья, население древних обществ**

Динамика потребностей и способностей человека древних обществ. Социальная составляющая генотипа современного человека сформировалась после неолитической революции, открывшей дорогу разнообразным видам трудовой деятельности. Они в свою очередь дали толчок к умножению знаний и навыков человека, многообразию культур и традиций, возникновению городов и усложнению структуры общества.

Двигателем исторического прогресса является **рост потребностей и способностей человека**, позволяющих удовлетворять эти потребности не столько за счет физической нагрузки, сколько путем напряжения ума, изобретения новых методов повышения продуктивности своего труда.

Каковы **основные тенденции динамики потребностей и способностей человека** на протяжении трех первых исторических ступеней?

Во-первых, *круг потребностей человека многократно увеличился как по объему, так и по составу.* Появление частной собственности, классов, государства, расцвет науки и культуры сформировали широкий диапазон экономических, социальных и духовных потребностей, многие из которых в неолитическом обществе отсутствовали или были в неразвитом состоянии.

Во-вторых, *изменилось соотношение основных видов потребностей и пропорций общественного труда для их удовлетворения.* В мезолите и начале неолита безусловное первенство принадлежало биологическим потребностям. Для бронзового же века характерно уже наличие множества разнообразных экономических, социальных и духовных потребностей. В античном обществе именно им отводилась главная роль. Чтобы понять это, достаточно посмотреть на Акрополь в Афинах — комплекс храмов и дворцов, сооруженных в эпоху Перикла (середина V в. до н. э.), по сей день поражающий нас своими размерами и красотой. Гигантские дворцы, храмы, усыпальницы, украшенные великолепными росписями и скульптурами, возводились во всех столицах и крупных городах древних государств — в Египте, Вавилоне, Ассирии, на Крите, в Индии, Китае, Греции, Риме.

В-третьих, *произошла социальная дифференциация потребностей разных групп населения.* Если в раннем неолите потребности были примерно одинаковыми у всех, то в эпоху бронзового века, с разделением общества на классы, ситуация изменилась. У правящей, религиозной и военной элиты они стали разнообразными и утонченными; у широкого слоя свободных горожан, ремесленников, воинов — ограниченными; у рабов и бедняков — минимальными.

В-четвертых, *усилилась территориальная дифференциация потребностей.* Если в эпоху палеолита и мезолита разрыв в их уровне и составе у общин и племен, проживавших на разных территориях, был сравнительно небольшим и объяснялся прежде всего различием природных условий, то с развитием земледелия, животноводства, ремесла и обмена он начал постоянно возрастать и все больше попадал в зависимость от мастерства работников, технологических и экономических факторов развития государства. Создание обширных мировых держав, расширение экономического и культурного обмена между отдельными странами, привлечение варваров в качестве воинов-наемников выравнивали уровень потребностей разных народов.

В-пятых, одновременно с расширением круга потребностей возрастали и способности общества их удовлетворять, *изменялись и доля трудоспособного населения, и его распределение между различными видами деятельности.* Правящая элита, жрецы и военачальники физический труд считали унижительным — это был удел земледельцев и скотоводов, ремесленников и рабов.

Следовательно, плоды исторического прогресса первых трех цивилизаций присваивала себе лишь часть общества. Но в некото-

рых сферах жизнедеятельности (особенно в духовной) общество достигло таких высот в развитии потребностей и способностей, которые поражают воображение современного человека.

На протяжении тысяч лет, от поколения к поколению, человечество накапливало знания об окружающем мире, навыки использования природных сил и явлений. Чтобы выживать и добывать пропитание, людям нужно было знать повадки и пути движения диких зверей, птиц, рыб; полезные свойства растений; технологии изготовления орудий из камня, дерева, кости, строительства жилищ, приготовления пищи.

Но подлинный прорыв в человеческих знаниях произошел в результате неолитической революции. Люди научились отбирать и культивировать нужные им злаки и другие полезные растения, обрабатывать почву, определять оптимальное время для посева и уборки урожая, перерабатывать и хранить его, изготавливать сельскохозяйственные орудия; изобрели систему орошения. Занятие ремеслом и строительством было невозможно без понимания свойств необходимых материалов, технологии их обработки и использования.

Экономическая и социальная дифференциация общества в бронзовом и в начале железного века, появление различных форм собственности, товарного обмена, денег, классов, социальных групп, государств, правовых систем, развитие международной торговли — все это серьезно расширило кругозор людей, требовало от них знаний и профессиональных навыков в тех сферах и видах деятельности, которых прежде не существовало.

Человек раннеклассовой, и тем более античной, цивилизации обладал значительно большим объемом разнообразных знаний, нежели человек периода неолита. Многократно возросла и продуктивность его труда.

В результате колонизации, военных походов, создания мировых империй, обмена с варварскими племенами знания и навыки быстро распространялись из центра цивилизаций на периферию. Интеллектуальный и профессиональный прогресс человечества ускорялся.

С переходом к земледелию, скотоводству, ремеслу расширялась сфера целей и мотивов деятельности человека. Потребовался более искусный труд земледельцев, скотоводов, ремесленников, строителей. Но чтобы продукт такого труда достался работнику и его семье, чтобы он был заинтересован в длительном обучении и напряженном плодотворном труде, биологический мотивацион-

ный механизм должен был дополниться экономическим, основанным на частном присвоении и эквивалентном обмене. Это был огромный шаг вперед в развитии интересов, целей и мотивов деятельности человека, его семьи, рода, племени.

Увеличение численности и плотности населения, возникновение государств и системы правовых норм, переход к рабовладельческому хозяйству породили новый слой социальных интересов и мотивов деятельности, связанных с внеэкономическим принуждением, насилием и защитой от него.

Наконец, расширение духовных потребностей и связанных с их удовлетворением видов умственного труда (исполнение религиозных обрядов, живопись, ваение, зодчество, музыка, литература) стало причиной появления еще одного, свойственного лишь человеку и созданному им обществу, интереса и мотива деятельности — безграничного стремления к познанию мира, созданию прекрасных образцов искусства.

Развитие и функции семьи. Воспроизводство и эволюция человека реализовались через семью. Ее функции и значение в течение первых трех цивилизаций существенно изменились и значительно возросли.

Биологическая функция семьи заключается в воспроизводстве и продолжении человеческого рода путем смены поколений. Семья, как правило, объединяет три смежных поколения: активно действующее (взрослые), идущее ему на смену (дети), уходящее (старика). Поддерживая и дополняя друг друга, они обеспечивают непрерывность воспроизводства в первичной ячейке общества.

Значимость ***экономической функции*** семьи резко возросла с переходом к земледелию: мотыжное, и особенно плужное, земледелие постепенно становилось, даже в пределах общины, делом отдельных семей. Занимались им в основном мужчины, и, став в семье основными добытчиками, они же стали и главами семей. Чем больше здоровых и молодых мужчин было в семье, тем больше прибавочного продукта она могла получить. Каждая из них, накапливая имущество, старалась сохранить его в личной собственности. Продукт больше не делится среди всех членов общины, а имущество переходит от отца к его детям; закладываются основы частной собственности на средства производства. Место счета родства по материнской линии занимает счет родства по отцу — складывается патриархальная семья, основанная на частной собственности.

В семье, базе экономической структуры общества, происходит воспроизводство человека как главной производительной силы

общества; производится большая часть продуктов земледелия, скотоводства, ремесла; из поколения в поколение передаются знания и трудовые навыки.

В эпоху бронзового века, и особенно в античном обществе, экономическая обособленность и имущественная дифференциация семей возросли. Богатые семьи имели в своем полном распоряжении не только землю и имущество, но и рабов. Бедные, но лично свободные жители полисов занимались мелкотоварным производством и платили налоги в казну, а рабы насильно принуждались к труду. К концу Античности неэффективность их труда стала очевидной. Чтобы остановить массовые восстания и бегство рабов на окраины империи, закрепить их на земле, повысить производительность их труда, была создана система колоната: после выполнения рабом определенных обязательств перед хозяином тот выделял ему участок земли, разрешал обзавестись семьей. Колонат стал одним из каналов формирования класса зависимых крестьян феодального общества наряду с закрепощением части ранее свободных членов общин.

Постепенно возрастала и социальная функция семьи. В процессе воспитания и совместного труда с другими ее членами молодежь получала необходимый минимум знаний и навыков, усваивала правила поведения в обществе. Семья была основным звеном сохранения и передачи по наследству социального генотипа. С усилением дифференциации общества, образованием каст, классов, сословий эти социальные различия с помощью семьи закреплялись и передавались новым поколениям.

Народонаселение древних обществ. На заре цивилизации на всей нашей планете проживало меньше людей, чем сейчас в одной Москве; расселялись они весьма неравномерно — в основном у берегов крупных рек и морей в субтропическом и умеренном поясах к северу от экватора.

В эпохи мезолита и неолита смертность от болезней, голода, войн, стихийных бедствий была очень высокой. Средняя продолжительность жизни составляла всего 25—35 лет, а частота смены поколений (сроков их активной деятельности) — 15—20 лет. Затем эти показатели несколько возросли, смертность от болезней и голода снизилась, но резко увеличилось число погибавших в военных столкновениях. Во второй и третьей мировых цивилизациях рабы (значительная часть населения) были лишены возможности создавать семьи, срок их жизни был меньше, что также сказывалось отрицательно на росте численности населения.

Его плотность на большей части ойкумены, кроме побережий рек и морей, долгое время оставалась крайне низкой. По оценкам специалистов, с 7000 по 2500 г. до н. э. численность населения планеты увеличилась всего в 4 раза, с 10 до 40 млн человек. В следующие 2,5 тыс. лет, в период бронзового и начала железного веков, темпы его естественного прироста существенно возросли. Однако в период упадка древних обществ они вновь заметно упали и в первые столетия новой эры составили 0,01% в целом по миру [264. — С. 257].

К началу нашей эры, по данным **А. Мэддисона**, численность населения мира составляла 230,8 млн человек. Из них 174 млн (67%) проживали в Азии (в основном в Китае и Индии), 29 млн — в Европе (без России) и 16,5 млн — в Африке, главным образом Северной.

Для древних цивилизаций характерна высокая подвижность населения, особенно в переломные эпохи. Примером может служить Великая греческая колонизация VIII — VI вв. до н. э., которая способствовала распространению высоких достижений античной цивилизации по побережьям Средиземного и Черного морей.

11.2.2. Техника и экология в Древнем мире

Эволюция орудий труда и материалов. Подлинная революция в технике произошла при переходе к неолиту, с освоением земледелия, скотоводства, ремесла, строительства. Можно говорить о формировании *неолитического технологического способа производства*, предпосылки которого были заложены в период мезолита. Осваивались новые техники изготовления орудий из камня — шлифовка, полировка, применение полого сверла. Но главная тенденция состоит в специализации орудий труда вместе с развитием его общественного разделения. Формировались специфические наборы средств труда для земледелия (копалка, а затем соха и деревянный плуг, жатвенные ножи и серпы; керамические сосуды для хранения урожая), скотоводства, различных видов ремесла, строительства. Наряду с кремнием, обсидианом применялись более прочные и трудно поддающиеся обработке породы камня — нефрит, жадеит.

Следующая общетехническая революция относится к периоду энеолита и начала бронзового века. Ее главным содержанием стало освоение производства орудий труда, оружия и предметов быта

из металлов — меди и золота, а затем и бронзы. Тем самым было положено начало технологическому способу производства бронзового века. Это был крупнейший скачок в развитии производительных сил, в повышении эффективности труда. «Изготовление металлических орудий труда и утвари было техническим достижением, знаменовавшим новое качественное изменение в области господства человека над окружающей его средой. Металлические орудия гораздо более ценные и прочные, чем каменные орудия, а металлическое оружие во много раз эффективнее каменного в борьбе как против животных, так и против своих врагов — других людей. Техника изготовления металла и использования металлических орудий имела громадное значение для других отраслей техники... Так, использование металлических орудий, в частности ножа, долота и пилы, преобразило обработку дерева, создав плотничье ремесло, и позволило практически повсеместно применять кирпичную кладку. Создание первых машин, в частности колесной повозки и водяного колеса, стало возможным лишь благодаря металлу. Даже в земледелии — мотыга, которую тянула упряжка быков, или плуг стали полностью эффективны лишь тогда, когда металл заменил камень в деле обработки земли [16. — С. 69, 70].

Появление медных, а затем бронзовых орудий труда позволило перейти к ирригационному земледелию, прежде всего в долинах крупных рек — Нила, Тигра и Евфрата (IV тыс. до н. э.), Инда (с середины III тыс. до н. э.). Был дан толчок развитию ремесел и их дифференциации — добыче и выплавке руд, кузнечному делу, изготовлению медных и бронзовых орудий труда, оружия, золотых украшений, посуды, повозок с металлическими ободьями, строительству лодок, гребных, а затем и парусных судов, сооружению дворцов, храмов, усыпальниц. Открылась возможность систематически производить прибавочный продукт.

Ядро *технологического способа производства античной цивилизации* составило использование железа, а затем и стали. Метеоритное железо использовалось и прежде, а вот широкое применение сыродутного железа, а затем углеродистой стали началось лишь после усовершенствования методов плавки и обработки металлов. Хотя обработка железа и стали — процесс сложный, к тому же эти материалы сильнее подвержены коррозии, но они прочнее меди и свинца, да и месторождения их встречаются чаще. Поэтому с начала I тыс. н. э. они становятся реальной технической базой для расцвета локальных цивилизаций в Южной Европе. «Народы железного века, перейдя к оседлости, оказались способными

создавать процветающие сельскохозяйственные и ремесленнические общины на некогда бесплодной земле. Результатом было такое уменьшение политического и экономического превосходства ранних приречно-долинных цивилизаций, что они больше уже не выступали в качестве основных центров культурных достижений человечества, хотя многие из культурных, материальных, духовных достижений были переданы последующим поколениям» [там же. — С. 90].

Другим крупным достижением железного века стало развитие морского судоходства: перевозить товары по воде было гораздо дешевле и безопаснее, чем по суше. Результат — расширение внутренней и международной торговли, активная колонизация новых территорий.

Освоение железа и широкой гаммы орудий из него стало главной причиной перемещения эпицентра мирового прогресса из речных долин Востока к прибрежным районам Северного Средиземноморья, Черноморья, Южной Европы и Малой Азии.

Энергетические ресурсы ранних цивилизаций. Главным источником энергии, приводящим в движение орудия труда, в эпохи палеолита, мезолита и частично неолита была мускульная сила человека. Это был универсальный и воспроизводимый энергоресурс. Кооперация же труда при сооружении ирригационных систем, дворцов, храмов и пирамид позволяла достигать удивительных результатов, многократно превосходивших возможности работы отдельного человека.

Но ручной труд был не единственным источником энергии. Человек, приручив диких животных, приспособил их для перевозки грузов и собственного перемещения. Это была первая *энергетическая революция*, позволившая дополнить и частично заменить силу человека силой животных. В Двуречье уже с начала III тыс. до н. э. в плуги, повозки и колесницы запрягали ослов и быков. Позднее в земледелии, на транспорте и особенно в военном деле стали широко использовать лошадей, а в отдельных регионах — верблюдов и слонов.

Изобретения железного века внесли в список источников энергии силу ветра и воды. Уже в бронзовом веке для морских путешествий строились парусные лодки и суда; в начале железного века появились водяные колеса и мельницы.

Следовательно, древние цивилизации сделали огромный шаг в формировании энергетического базиса быстро прогрессирующего человечества. Помимо мускульной силы, свойственной

и остальному животному миру, человек сумел поставить себе на службу разнообразные природные энергетические источники, что стало основой многократного повышения производительности его труда.

Общество и природа в Древнем мире. На стадии неолитической революции люди научились самостоятельно добывать средства к существованию, выращивать растения и животных, перерабатывать продукты земледелия и скотоводства. Это стало величайшим благом, открывшим человечеству путь к выживанию и прогрессу. К активным действиям людей понуждал *первый экологический кризис*, разразившийся в конце мезолита и поставивший многие первобытные общины и племена перед угрозой голодной смерти. Среди причин такого кризиса были не только естественные (быстрое отступление ледников, а вместе с ними мамонтов, северных оленей, бизонов на север), но и исторические — изобретя лук и стрелы, люди быстро истребляли крупных животных.

Научившись выращивать зерновые, одомашнив некоторых животных, человек периода неолита обеспечил себе самостоятельные источники существования. «Земледелие привело к существенно новым отношениям между человеком и природой. Человек перестал вести паразитический образ жизни за счет растений и животных с того момента, как он смог вырастить на небольшом участке столько же продуктов питания, сколько мог добыть с помощью охоты или собирательства на обширной территории. Занимаясь земледелием, он установил господство над живой природой благодаря познанию законов воспроизводства и тем самым добился новой и еще большей независимости от внешних условий... Переход к земледелию привел к новому типу общества, качественно отличному от предшествовавших в силу колоссального увеличения числа людей, которые могли бы прокормиться на той же земле» [16. — С. 60].

Тем не менее опасность нарушить хрупкое равновесие между обществом и природой все время присутствовала. В некоторых цивилизациях она становилась реальностью, что приводило их к гибели.

Второй экологический кризис разразился в конце неолита, когда значительные уже массы населения не могли прокормиться с помощью подсечно-огневого земледелия и примитивного скотоводства. Выходом из этого кризиса стало формирование ирригационных систем в долинах крупных рек, куда переместился центр древних цивилизаций в IV—III тыс. до н. э.

Однако к концу II тыс. до н. э. возникла угроза *третьего экологического кризиса*. Непрерывное использование ирригационных систем приводило к засолению орошаемых почв, что резко снижало их урожайность, так что огромное число людей вновь было поставлено на грань выживания. И вновь человечество смогло найти выход из кризиса путем освоения богарных почв, применения железных орудий, расширения круга вовлеченных в производство природных ресурсов. В античную эпоху (железный век) налицо подъем земледелия, животноводства, ремесла и строительства. Достижения агрономии и скотоводства в Греции и Риме впечатляют. Но и здесь к середине I тыс. н. э. потенциал развития был в значительной мере исчерпан, прежде плодородные почвы истощены, а перед населением густозаселенной части планеты возникла угроза очередного, *четвертого глобального экологического кризиса*.

Разделение труда и организация производства. Неолитическая цивилизация унаследовала от предыдущих этапов жизни человечества гибкую и подвижную общинную форму организации производства, основанную на труде небольшой группы семей. Существовали только половозрастное разделение труда и кооперация при охоте на крупных животных.

Рождение локальных земледельческих цивилизаций, особенно в долинах крупных рек, потребовало значительной концентрации населения на ограниченной территории (без этого невозможно было вести ирригационные работы), ускоренного развития разделения труда и его кооперации. В результате систематически и в значительных масштабах стал производиться прибавочный продукт, который (экономическими и внеэкономическими методами) присваивала себе выделившаяся родоплеменная, а затем и государственная верхушка.

На смену сравнительно однородному общинному хозяйству пришло более сложное по структуре многоотраслевое, основанное на системе общественного разделения труда. Специализируясь в определенном виде деятельности, применяя специальные орудия труда, работник мог многократно повысить его производительность. Развивались кооперация труда и обмен его результатами, что позволяло удовлетворять разнообразные потребности населения. Появились предпосылки для появления новых, более высоких и разнообразных форм обмена и экономических отношений.

Переход к раннеклассовому, а затем античному технологическим способам производства знаменовал существенные перемены

в формах организации труда. Одновременно существовали как крупные многоотраслевые или специализированные хозяйства, так и большое число мелких независимых земледельческих и ремесленных хозяйств, основанных на личном труде. На закате Римской империи к ним прибавилась система колоната, ставшая «переходным мостиком» к феодальным формам организации производства.

За тысячелетия первых цивилизаций человечество прошло долгий путь. От небольшого числа рассеянных по обширной территории и малочисленных общин, занимавшихся охотой, рыболовством и собирательством, изготовлением необходимых для этого орудий труда и строительством простейших жилищ, оно перешло к сложноорганизованному, основанному на общественном и профессиональном разделении труда обществу, для которого характерны были высокая плотность населения в городах и плодородных долинах, использование все более сложных и разнообразных технических систем и форм организации производства.

11.2.3. Экономика древних цивилизаций

Возникновение и развитие частной собственности. Неолитическая цивилизация унаследовала от мезолита экономический строй, основой которого была общинная собственность на средства производства и уравнительное распределение полученного продукта.

Хотя часть орудий труда находилась в личной собственности, а часть продукта потреблялась в рамках семьи, частной собственности еще не было, как и экономического неравенства.

Неолитическая революция, особенно в земледельческих регионах, многократно повысила производительность труда. Работник стремился к тому, чтобы средства труда и полученный продукт принадлежали ему и его семье. Общины и племена выросли количественно. Родоплеменная верхушка претендовала на большую, чем при уравнительном распределении, долю продукта. Возник прибавочный продукт, а с ними и проблема его распределения. Общинная собственность и уравнительное распределение сковывали развитие производительных сил.

Возникновение частной собственности, частного присвоения средств производства и его результатов было неизбежным. Это была величайшая экономическая революция, перевернувшая всю систему экономических отношений, вызвавшая скачкообразный

рост производительности труда в последующих цивилизациях. Ушло в прошлое и уравнительное распределение (оно оставалось только в рамках семьи, а также при переделах земли в общинах). Частная собственность распространялась не только на участки земли, орудия труда, скот, материалы, произведенные продукты, но и на рабов, которые считались «говорящими животными».

От эпохи к эпохе менялись формы собственности, составляющие ядро разнообразных *экономических способов производства*. Однако экономика оставалась многоукладной. Наряду с крупной и мелкой частной собственностью в ней сохранялась общинная (в деревнях), государственная и церковная (храмовая), а также личная собственность отдельных семей.

Динамика структуры экономики. Для древних цивилизаций было характерно значительное усложнение структуры экономики, которую можно рассматривать в нескольких аспектах, представленных в многомерной воспроизводственно-циклической макромоделе, характеризующей структуру прошлой и современной экономики (см. рис. 8.2 в главе 8).

➔ **Воспроизводственная структура экономики.** Структура воспроизводства в мезолите была примитивной, трехсекторной: в ней абсолютно преобладала добыча продуктов питания с помощью охоты, рыболовства и собирательства, а производство средств труда (изготовление орудий труда из камня, луков и стрел, копий и т. п.) и добыча необходимого для этого исходного сырья (камня, дерева) занимали лишь небольшую долю. В бронзовый и железный век структура воспроизводства усложнилась, в ней появились такие элементы (имевшие поначалу небольшой удельный вес), как продукт для государственных нужд (содержания госаппарата, армии); интеллектуальный продукт (произведения литературы, ваяния и зодчества), рыночные услуги торговцев, ростовщиков.

➔ **Отраслевая структура экономики.** В эпоху мезолита примерно 2/3 труда и продукта приходилось на охоту, рыболовство и собирательство. В неолите доля охоты, рыболовства и собирательства резко упала, на первое место вышли земледелие и скотоводство; возросла доля производства орудий труда, гончарных изделий, материалов для строительства жилищ. Эта тенденция усилилась в раннеклассовой и античной цивилизациях, где значительную роль играло строительство дворцов, храмов, жилых зданий, производство орудий труда и разнообразного оружия.

➔ **Иерархическая структура экономики.** В эпоху мезолита подавляющая часть продукта производилась в общинном хозяйстве

и поступала в уравнительное распределение. Однако формирование семьи как социального института стало причиной увеличения доли создаваемого и присваиваемого ею продукта. Небольшую долю занимали общественные работы, требовавшие объединения усилий нескольких родственных общин.

При неолите иерархическая структура экономики осталась трехуровневой, но соотношение между двумя основными уровнями стало обратным: около 2/3 продукта давало натуральное семейное хозяйство (для собственного потребления), 1/3 — общинное.

В бронзовом и железном веках палитра иерархических уровней воспроизводства стала более разнообразной. С развитием товарного производства и расширением обмена возникли и быстро распространялись мелкотоварные и крупные рабовладельческие хозяйства, в результате чего доля индивидуального воспроизводства возросла. Появилось государственное хозяйство, связанное с содержанием армии, правящей верхушки, проведением крупных ирригационных работ, строительством дворцов и храмов. Увеличивался объем регионального воспроизводства: в городах строили укрепления, дворцы, храмы, водопроводы, театры и т. п. Ведущую роль в удовлетворении потребностей населения сохраняло натуральное семейное хозяйство, весомой была доля общинного хозяйства.

➔ *Технологическая структура экономики.* Способ производства, ориентированный на воспроизводящее хозяйство с использованием набора орудий труда для земледелия и скотоводства, строительства жилья, стал преобладающим в структуре экономики неолита. Первобытные технологии сохраняли сильные позиции, одновременно возникали новые, основанные на использовании металла. Последние вышли в лидеры в бронзовом и железном веках. На закате античной цивилизации начали формироваться технологии и методы организации труда, свойственные средневековому обществу. Технологическая база общества на каждой следующей ступени развития все больше напоминала слоеный пирог, основным пластом которого был характерный для данной мировой цивилизации комплекс технологий и форм организации труда, сочетавшийся с остатками предшествовавших комплексов и служивший основанием для будущих.

➔ *Экономическая структура.* В эпоху мезолита господствовал свойственный первобытному обществу экономический уклад, базирующийся на общинном присвоении средств производства и уравнительном распределении. Уклад, основанный

на семейной собственности, уравнительном распределении внутри патриархальной семьи и натуральном обмене, преобладал в эпоху неолита и обеспечивал воспроизводство рабочей силы в последующих двух цивилизациях, несмотря на падение его удельного веса. Одновременно стали формироваться уклады, основанные на мелкой и крупной частной собственности и товарном (точнее — полутоварном) хозяйстве, которые сыграли заметную роль в последующих цивилизациях. Тогда же появился уклад, основанный на государственной собственности в военном деле, строительстве ирригационных систем, царских усыпальниц, крепостей и дорог.

➔ *Стоимостная структура.* В эпоху мезолита почти весь произведенный продукт (за исключением небольшой части, использовавшейся для производства новых орудий труда и материалов) направлялся на потребление — общинное (коллективное) или индивидуальное (семейное); прибавочного продукта практически не было. В неолитическом обществе основным стало семейное потребление. Систематические занятия земледелием, скотоводством, ремеслом увеличили долю продукции, направлявшейся на воспроизводство израсходованных средств производства. Регулярно получаемый прибавочный продукт расходовался как на расширение производства, так и на содержание армии, госаппарата, храмовых и царских дворцов и т. п.

➔ *Уровень экономического развития* по современным меркам был невысок (по оценке **А. Мэддисона**, в 1 г. н. э. он составлял 445 долл. ВВП на душу населения в среднем по миру) и слабо дифференцирован по локальным цивилизациям (от 450 долл. в Западной Европе, Китае, Индии до 400 долл. в Восточной Европе, бывшем СССР, Японии и Латинской Америке) [264. — Р. 262].

Формирование рынка. Эпохальной экономической инновацией эпохи древних цивилизаций наряду с частной собственностью стало формирование рынка — товарного обмена с присущими ему категориями (стоимостью, ценой, деньгами).

Первобытная экономика носила натуральный характер. Добытые продукты, произведенные орудия труда поступали в потребление членов семьи и общины без эквивалентного обмена. Обмен между общинами носил эпизодический характер.

Разделение труда и формирование частной собственности сделали необходимым регулярный обмен продуктами труда как внутри общины, так и между ними. Хотя основная часть продуктов

производилась для собственного потребления, все большая их часть направлялась для обмена. Возникла потребность соизмерять стоимость разнородных товаров, особенно с переходом от простой ее формы (товар на товар) к развернутой и всеобщей (товар — деньги). Со временем роль всеобщего эквивалента закрепилась за благородными металлами — золотом и серебром, выполняющими функции денег. Денежное выражение стоимости товаров стало *ценой*. Выделился слой людей (торговцев), которые не производили товары, а только покупали и продавали их, стремясь получить *торговую прибыль*. Поскольку денежные системы в разных странах и цивилизациях были неодинаковыми, появились менялы. Ростовщики давали деньги в рост под определенные, порой очень высокие проценты.

Следовательно, в итоге развития первых трех цивилизаций возникло товарное хозяйство, производство товаров для продажи. По речным и морским путям, караванным тропам товары проделывали иной раз путь в тысячи километров. Товарное производство не было всеобщим: основная часть продуктов труда по-прежнему создавалась и потреблялась в семейных и рабовладельческих хозяйствах в натуральной форме, не проходя через рынок. Преобладал натурально-патриархальный экономический уклад, однако ***быстро росла доля мелкотоварного и крупного товарного хозяйства.***

11.2.4. Становление социально-политической структуры общества

Углубление социальной дифференциации. Первобытное общество было социально однородным, существовали лишь половозрастные, а также антропологические различия людей — расовые и языковые.

Становление цивилизаций привело к возникновению и быстрому развитию социальной дифференциации, *стратификации общества* по различным социальным слоям.

Старейшины общины, рода, племени, жрецы, военные предводители постепенно закрепляли за собой и своими семьями лучшую часть возделываемых земель, скота, военной добычи; так формировалась родоплеменная верхушка, которая стала инициатором перевода все большей части общего имущества в частную собственность. На другом полюсе находилось большинство рядо-

вых общинников, имущество которых сначала было общим, но со временем переходило в их собственность. Владельцем ее считался глава семьи, она передавалась по наследству. На базе этих групп в бронзовом веке возникли классы.

Другой вид экономической дифференциации был вызван общественным разделением труда. Отдельные племена, общины, семьи специализировались на земледелии, скотоводстве, том или ином виде ремесла, строительстве, перевозках и т. п. Конечно, различия эти были условными, тем не менее специализация, особенно с развитием товарного обмена и увеличением городов, становилась все более отчетливой. Тот или иной вид занятий закреплялся за семьями, из поколения в поколение передавались секреты мастерства. Возникали группы купцов, ростовщиков, судей, чиновников, писцов, философов, служителей культа и т. п. Имущественные и профессиональные различия нередко закреплялись в существовавших замкнуто сословиях, кастах (например, в Индии).

Социальная дифференциация выражалась в усилении этнокультурных различий, особенно характерных для общества бронзового и железного веков. Периодически возникали новые, в результате войн уничтожались старые этнические группы. Каждая из них имела свой язык, религиозные верования, обряды, культурные традиции.

Таким образом, *можно считать общей закономерностью развития общества усиление его социальной дифференциации*, углубление стратификации, все более отчетливо выраженное различие интересов разных слоев. Это обогащало социальный генотип общества, поскольку разность потенциалов служит источником развития, но в то же время являлось причиной острых столкновений, конфликтов, революций и войн.

Возникновение и функции государства и права. Усложнение структуры общества, углубление противоречий между различными социальными слоями сделали неизбежным появление государства. Это стало эпохальной социальной инновацией раннеклассовой цивилизации (бронзового века).

В эпоху неолита организация общественной жизни осуществлялась на началах общинного, а затем и племенного самоуправления, опирающегося на коллективное («вечевое») решение основных вопросов собранием глав семей, выбранных старейшин, на закрепленные вековыми традициями обычаи. Однако дифференциация имущественного положения семей, возникновение частной собственности, социальное расслоение и учащение воен-

ных столкновений привели к появлению слоя людей, которые взяли на себя управление общими делами племени, союза племен, города, защиту собственности от посягательств, разрешение споров и конфликтов внутри общества, охрану страны от нападений извне.

Государственный аппарат, выделившийся из общества, включал несколько ветвей: верховную власть — фараона, царя, императора, — опиравшуюся на группу приближенных, отвечавших за определенные виды деятельности (министров, визирей, наместников в регионах, сборщиков налогов и т. д.); судебную власть — судей, полицейских, тюремщиков; военную власть — военачальников, вооруженные отряды, которые наряду с внешними функциями (защита от набегов, нападение на соседние страны и племена) выполняли и внутренние (подавление восстаний).

Возникновение государства и права было огромным шагом вперед в развитии общества. **Функции государства и права** не сводятся к классовому насилию, они богаче и разнообразнее.

Во-первых, увеличение численности населения и его социальная стратификация делали необходимым *упорядочение социальных отношений*, устранение правового хаоса, ослабление права сильного. Не только племенная верхушка, ставшая обладателем значительных богатств, но и рядовые земледельцы, скотоводы, ремесленники нуждались в защите своего имущества. Для этого недостаточно было тысячелетиями складывавшегося механизма общинного самоуправления и освященных веками традиций; они не предусматривали вновь возникших, противоречащих общинному строю отношений. Государство взяло на себя организацию некоторых общественных работ — строительство и поддержание ирригационных сооружений, дворцов, храмов, систем водоснабжения и т. п. Это способствовало расширению государственной собственности.

Во-вторых, общественный прогресс привел к образованию классов, сословий и т. п. Привилегированные слои нуждались в защите от посягательств большинства членов общества, лишенных этих привилегий либо эксплуатируемых. Поэтому важной функцией государства и права становилось *утверждение и защита социальных отношений, имущественного расслоения, регулирование товарно-денежных, рыночных отношений*. Государство стало инструментом закрепления классового господства, сословных привилегий.

В-третьих, это *защита от внешних посягательств*. С увеличением плотности населения и накоплением богатства участились

войны и возникла необходимость содержать профессиональную армию, которая пополнялась бы за счет притока свободных граждан или наемников.

В-четвертых, *государство стало инициатором разработки правовых норм и обеспечивало их выполнение*. Уже в III—II тыс. до н. э. предпринимались попытки кодификации норм права. В качестве примера можно привести Месопотамию, где еще в XXI в. до н. э. были изданы **законы Шульги**. Наиболее полным из дошедших до наших дней сводом правовых норм раннеклассовой цивилизации считаются **законы Хаммурапи**, вавилонского царя (1792—1750 гг. до н. э.). Они включали несколько разделов: основные принципы правосудия; охрана собственности царя, храмов и царских людей, служебного имущества; операции с недвижимостью, торговля и коммерческие операции; наказания за телесные повреждения; операции с движимым имуществом и личный наем.

Вершиной нормотворческой деятельности древних обществ стало римское право, охватывавшее все области имущественных и общественных отношений (частное и публичное право) и ставшее фундаментом для формирования правовых норм в последующие эпохи. Наиболее полную кодификацию римское право получило в **кодексе Юстиниана I**, византийского императора (483—565).

Политическая жизнь. Рождение демократии. В эпоху неолита не было необходимости в политической жизни; члены общины имели примерно равные права, общественный строй был сравнительно простым и однородным. Разумеется, в семье и общине существовала определенная иерархия отношений, но она не принимала форм политической власти.

Возникновение государства, имущественная и социальная дифференциация общества стали причиной *рождения политики*, выражавшей интересы различных групп людей, классов в борьбе за овладение государственной властью и связанными с ней правами и привилегиями. История рабовладельческих государств наполнена переворотами, столкновениями, восстаниями, борьбой различных групп за власть.

В античном обществе родились такие донныне популярные категории, как *демократия*, личная свобода, права гражданина. В древних Афинах, при **Перикле** (490—429 гг. до н. э.), был создан механизм демократии, получивший широкое распространение и в других городах-государствах (полисах).

Утверждается понятие гражданина, связанного с другими гражданами общностью предков, традиций, интересов. Однако

это было гражданство для избранных. Бесправными оставались рабы, ограниченными правами обладали отпущенники, колонны, иноземцы.

Был отработан *механизм управления государствами и мировыми империями*, довольно сложными по своему составу. Так, в Римской империи во главе каждой провинции стояли наместник и прокуратор, подчинявшиеся императору. Экономическое единство обеспечивалось единством денежной системы — золотого ауреса (25 серебряных динариев, 100 латунных сестерциев). Знаменитые римские дороги общей протяженностью 150 тыс. км (в основании — большие каменные плиты, на которых большой слой гравия; ширина дорог — 4–5 м) помогали быстро перебрасывать войска, товары, почту, служили транспортными артериями единой империи.

Войны в Древнем мире. Хотя вооруженные столкновения между общинами и племенами за обладание лучшими землями, пастбищами, богатствами периодически случались и в неолите, и до него, однако война как социально-экономическое явление, как функция, осуществляемая профессиональными войсками, появилась лишь вместе с государствами и локальными цивилизациями. В таком понимании войнам свыше пяти тысяч лет.

В рабовладельческом обществе война была одной из важнейших функций государства, обусловленной экономически и политически. Войны были нужны для пополнения армии рабов, захвата территорий и богатств, обороны от нападений извне. Чаще всего боевые действия велись в густонаселенных регионах мира, на территориях, где возникли первые государства и цивилизации. Периодически возникали конфликты с участием армии и внутри государств — при подавлении восстаний рабов, столкновениях враждующих политических групп и этносов.

Не следует полагать, что войны велись постоянно и были чрезвычайно кровопролитными. Исследования **П. Сорокина** показали, что мирных лет в Древней Греции и Древнем Риме, как правило, было больше, чем военных, а число жертв (убитых и раненых) не превышало 4,4–7,6% численности армии [183. — С. 632].

Войны стимулировали создание новых видов вооружений, оборонительных сооружений. Но они же отвлекали от производительного труда наиболее активную часть общества, становились причиной уничтожения памятников культуры, гибели мирного населения. Возникла военная экономика — производство вооружений, снабжение армии, строительство крепостей, оборонитель-

ных сооружений (самым крупным из которых стала Великая Китайская стена).

11.2.5. **Духовная жизнь древних обществ**

Ни один из исторических процессов в древних цивилизациях не может сравниться по достигнутым результатам с развитием духовного мира человека. В эпоху неолита вступил дикарь с весьма смутными представлениями об окружающем мире и о самом себе; с зачатками культуры, выразившимися в наскальных рисунках и ритуальных танцах; с примитивным анимизмом. Античный век заканчивал цивилизованный человек, имевший в своем интеллектуальном багаже целую систему научных знаний и этических норм, религиозных воззрений; человек, достигший удивительных высот в искусстве.

Первые витки спирали научного познания. Эмпирическая основа естественных и многих технических наук была заложена в период *неолита*; можно говорить о зачатках прикладных наук. Осваивая земледелие и скотоводство, разнообразные виды ремесел (изготовление орудий труда, глиняных сосудов, одежды, украшений), строя дома и поселения, врачую болезни, члены неолитических общин накапливали также знания о движении небесных светил, солнечных и лунных циклах, смене времен года (что позволило создать первые календари), учились считать и измерять (зачатки математики), познавали свойства воды, огня, различных материалов (эмпирическая основа для возникновения физики, механики, химии), знакомились с повадками живых существ и собственным организмом (биология, медицина). В процессе практической деятельности формировалась исходная база для технических наук — материаловедения, сельского хозяйства, архитектуры.

Цивилизация *бронзового века*, многократно расширив сферу деятельности человека, заложила основы целой гаммы прикладных наук, выделила группы людей (преимущественно жрецов), которые профессионально занимались наблюдениями и обобщениями знаний. Для того чтобы заниматься ирригационным земледелием и мореходством, люди должны были разбираться в суточных и годовых циклах, в движении Луны и звезд. Ведение хозяйства, сооружение дворцов, храмов, пирамид опиралось на развитую систему счета и измерений (арифметика, геометрия), эмпирические основы физики, химии, материаловедения и агро-

номии, строительной науки. Выплавка меди и бронзы заложила основы металлургии. Прогресс военной техники базировался на эмпирическом освоении законов механики. Значительные шаги были сделаны в области практической медицины, познания анатомии человеческого тела.

Бронзовый век дал толчок к зарождению общественных наук: прикладной экономики и статистики (ведение царского хозяйства), географии, этнографии, языкознания. Изобретение письменности позволило фиксировать события, накапливать исторические факты, передавать знания из поколения в поколение.

Подлинный прорыв в познании произошел в *античном* обществе. В VI—III вв. до н. э. на основе накопленных знаний в Древней Греции произошла *научная революция*, содержание которой состояло в формировании системы научных взглядов. Назовем лишь крупнейшие научные достижения того периода: материализм **Фалеса**, диалектику **Гераклита**, философские системы **Сократа** и **Платона**, атомистическую теорию **Демокрита** и **Эпикура**, математику **Пифагора** и **Евклида**, механику **Архимеда**, медицину **Гиппократ**, географические работы **Аристофана** и **Стратона**, исторические труды **Геродота**. Вершиной науки того периода стала натурфилософия **Аристотеля**, включавшая основы биологии, логики, элементы политической экономии и других наук. Была создана первая система естественных наук, заложены основы технических и общественных наук.

Немалый вклад в формирование и развитие научного познания внесли локальные цивилизации Востока, прежде всего Китая. Отметим философское и этическое учение **Конфуция**; школы «странствующих ученых» в академии Цзися — столице царства Ци; учение **Мо-Цзы** о «всеобщей любви» и основанном на нем идеальном государстве; даосизм с его возвеличиванием гармонии мира и представлением об идеальном государе, который правит путем «недеяния», не мешая естественному ходу событий.

Наивысшего расцвета наука Древней Индии достигла в гуптскую эпоху, в III—V вв. н. э. Выдающимся достижением индийской математики явилось создание десятичной позиционной системы счисления.

Таким образом, античный мир прошел первую длительную спираль познания, в итоге которой человек, реализуя потенциал своего интеллекта, проник в тайны природы, создал систему наук, составляющую фундамент величественного здания современной науки.

Культура древних обществ. Величайшим наследием духовного мира древних обществ служит культура — царственные пирамиды, прекрасные скульптуры, бессмертные литературные произведения. До наших дней дошла лишь небольшая доля духовного богатства, созданного в период юности человечества, но и то, что сохранилось, не перестает нас удивлять.

Предпосылки для взлета культуры создавались в эпоху *неолита*, хотя до наших дней дошли считанные единицы памятников культуры того времени. Концентрация немногочисленных общин в поселениях и первых городах, начало оседлого образа жизни, увеличение производительности труда, появление у людей свободного времени — все это дало толчок к развитию неолитического искусства. Оно находило выражение в украшении жилищ, росписи стен храмов, поверхностей керамических сосудов.

Новые возможности для становления культуры и искусства как самостоятельного вида деятельности в системе разделения труда были открыты в *бронзовом веке* и в полной мере использованы в *железном веке*. Это был подлинный взлет культуры, многочисленные памятники которой сохранились на всех материках, но больше всего их на территории древних Месопотамии, Египта, Греции, Рима, Персии, Индии и Китая — мировых центров культуры того времени.

Городская революция начала бронзового века открыла дорогу для сооружения архитектурных памятников — храмов, дворцов, усыпальниц, а затем и театров, общественных зданий. Многие поколения людей восхищаются огромными размерами и роскошью дворцов ассирийских царей в Ниневии, критских правителей в Кноссе, дворцы и храмы *античной цивилизации*. Одним из наиболее величественных был комплекс зданий афинского Акрополя, построенный **Фидием** при **Перикле** в середине V в. до н. э.

Стремясь увековечить свои деяния, правители древности выделяли огромные средства на сооружение собственных усыпальниц. Наиболее известные — египетские пирамиды. Пирамида Хеопса, высота которой 146 м, а длина основания каждой грани — 230 м, сложена из 2,3 млн каменных плит.

Большое место в культурном наследии Древнего мира, сохранившемся до наших дней, занимает искусство вааяния. Скульптурами украшали дворцы, храмы, центральные площади городов. В бронзовом веке сооружались огромные статуи, прославлявшие богов, фараонов, царей. Один из всемирно известных шедевров — скульптурный портрет царицы Нефертити, хранящийся в музее

в Берлине. В Древней Греции создавались прекрасные мраморные статуи, часть которых дошла до нас в подлинниках или римских копиях.

В древних обществах было развито устное творчество, создавались литературные произведения, предания, мифы, поэмы; ярчайшими памятниками такого рода являются поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера, Библия, включившая ряд древних литературных произведений, песнопения индийских «Вед». Появляются и авторские произведения, которые стали важнейшими источниками сведений об истории, культуре, религии древних народов.

Формирование системы образования. Колоссальный рост знаний, навыков и культурного наследия, которые нужно было освоить каждому последующему поколению, потребовал радикальных перемен в процессах воспитания и обучения.

В эпоху неолита обучение в основном происходило в семье, трудовое обучение органически включалось в нарождавшееся общественное и профессиональное разделение труда. Ребенок с детства наблюдал природные явления, включался в жизнь своей семьи, общины. Подрастая, он начинал работать дома, а затем на поле, занимался ремеслом, выполняя простейшие или вспомогательные операции. Обрядом посвящения во взрослые отмечался период, когда подросток, овладевший необходимым минимумом знаний и навыков и сдав своеобразный экзамен перед взрослыми членами семьи или общины, становился полноправным ее членом — охотником, воином, земледельцем, скотоводом, ремесленником.

Положение изменилось на следующих этапах развития древних цивилизаций. Произошло отделение умственного труда от физического, соответственно, появились два направления в образовании. Для работников физического труда процесс обучения по-прежнему был неотделим от производства. В то же время для подготовки работников умственного труда потребовалось создать школы философов, писцов, жрецов. Появились люди, профессионально занимавшиеся обучением подрастающего поколения. Возникли первые учебные заведения. Это было *первой революцией в образовании*.

Развитию процесса обучения способствовало создание письменности. Для освоения грамоты нужны были особые системы обучения; учителя, владеющие навыками передачи знаний; учебные пособия.

Школы писцов, другие учебные заведения существовали в Древнем Египте, поскольку для овладения разнообразными

профессиями требовались специальные знания. Создавались учебные заведения, где не только обучали молодежь, но и составляли священные книги, проводили изыскания в области медицины.

Подъему творчества, расцвету свободной мысли в Афинах способствовали школы философов — неформальные кружки молодежи, собиравшиеся вокруг выдающихся мыслителей. В свободных диалогах передавались накопленные знания и рождались новые идеи, ученики обучались искусству познания и рассуждений. Наиболее известны школа **Сократа**, Академия **Платона** и Лицей **Аристотеля**.

Большое внимание уделялось образованию в Древнем Китае, где основное время отводилось изучению иероглифов и конфуцианской философии. В 124 г. до н. э. ханьский император **У-ди** учредил столичную школу. Учащиеся школы, выдержавшие выпускные экзамены, получали назначения на административные должности по всей стране. Так впервые в мире была создана государственная система подготовки чиновников.

Таким образом, первая революция в образовании вызвала к жизни новый специализированный вид деятельности, который помогал подрастающему поколению овладевать основами грамоты, науки, культуры, управления, воинского дела. Однако эта система образования распространялась лишь среди обеспеченных слоев населения, действовала в течение небольшого периода жизни человека и отличалась чрезвычайной пестротой в разных странах. Для подавляющего большинства населения основной формой овладения необходимым минимумом знаний и практических навыков оставались семья и участие в трудовой деятельности.

Нравственность и религия в древних обществах. Осевое время. В период неолита нравственные нормы и религиозные воззрения были тесно переплетены, дополняли и подкрепляли друг друга. Выработанные веками, медленно менявшиеся правила внутриобщинного поведения аргументировались ссылками на волю и требования высших, неподвластных человеку сил, которые наказывают человека за нарушение этих требований.

Первобытный человек жил в постоянном страхе нарушить множество запретов (табу) и понести жестокое наказание. Поскольку опасностей (нападений животных и врагов, болезней, стихийных бедствий, голода и т. п.) ему грозило великое множество, а число божеств было весьма значительно, то человек стремился умиловить их с помощью обрядов, ритуальных танцев, жертвоприношений. Господствовало обожествление природы (анимизм).

Культ предков подкреплялся строгим следованием завещанным ими правилам и наказанием отступников. Это было неизбежным и необходимым, так передавался накопленный множеством поколений опыт, без которого невозможно было выжить. Но такой подход сковывал новаторство, а значит, тормозил прогресс. Жрецы, которые следили за соблюдением религиозно-этических правил и обрядов, выполняли полезную функцию, собирая крупицы накопленного опыта. Да и все сферы духовной жизни — познание, искусство, образование, этика, религия — были еще неразделимы.

Возросшая с переходом к производящему хозяйству независимость человека от природы, социальная дифференциация, деление на классы, появление государства и права, углубление разделения труда не могли не изменить картины мира. Единый до этого поток духовной жизни отделился от материального производства и разбился на несколько самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, ручейков — функций, выполнявшихся особыми группами людей.

Изменилось и содержание правил поведения. То, что было несовместимо с общинной жизнью и строго каралось (захват общинной собственности, угнетение, а то и превращение соплеменника в раба), теперь подкреплялось новыми религиозными нормами и этическими правилами: не укради, не пожелай добра ближнего своего. Обособленная группа служителей культа требовала выделения для себя значительной доли произведенного продукта и захваченных трофеев. Наряду с государственной властью появилась власть религиозная, нередко вступающая в противоречие с первой.

Происшедший на заре раннеклассовой цивилизации переворот в области религии и этики радикально изменил содержание и функции этих сфер духовной жизни и на тысячелетия определил пути их дальнейшего развития.

Наиболее близкой к человеку, соединенной с его повседневной жизнью, была религия и мифология древних греков. Населявшая мифический Олимп семья богов была построена по образу и подобию общины с развитым разделением труда: она имела своего повелителя (Зевса); божеств, занимавшихся особыми видами деятельности (охотой, войной, торговлей и т. п.); каждая община имела своего бога-покровителя. Бессмертные боги ссорились между собой, вмешивались в земные дела, вступали в браки со смертными, заботились о своих детях. Служение богам требовало жертвоприношений и строительства величественных храмов.

Переворот в этой сфере произошел на рубеже новой эры. **К. Ясперс** назвал этот период осевым временем. Главное содержание данного переворота — формирование мировых религий (буддизма, христианства, иудаизма, а чуть позднее — ислама). Возникновение мировых религий было исторической необходимостью, оно имело глубокие причины. **К. Ясперс** подчеркивал: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, который сохранился и по сей день... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим и по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей... В осевое время произошло открытие того, что стало называться разумом и личностью» [252. — С. 32–33].

Это время начала кризиса первой триады цивилизаций — первого исторического суперцикла. Численность жителей планеты значительно возросла, а темпы роста производства замедлились. Росло недовольство угнетенных масс, которые стремились искать общие духовные интересы вне потерявших прежнюю силу разрозненных политических религий, на которые опиралась слабеющая центральная власть. Аморальность господствующих слоев и их ближайшего окружения стала очевидной для всех. Это тоже заставляло людей искать новые идеалы и нормы нравственности.

Основные сдвиги в структуре общества в течение первого исторического суперцикла — трех первых мировых цивилизаций — показаны в *табл. 11.1*.

11.3. Локальные цивилизации в Древнем мире

Пять с лишним тысячелетий назад, в конце IV тыс. до н. э., на базе крупных государств и государственных объединений в густонаселенной части планеты начали формироваться первые локальные цивилизации. Их число в эпохи раннеклассовой и античной мировых цивилизаций превысило десяток, сменилось два их поколения. Некоторые цивилизации были недолговечны и вскоре сошли с исторической арены, другие, пройдя

Переворот в этой сфере произошел на рубеже новой эры. **К. Ясперс** назвал этот период осевым временем. Главное содержание данного переворота — формирование мировых религий (буддизма, христианства, иудаизма, а чуть позднее — ислама). Возникновение мировых религий было исторической необходимостью, оно имело глубокие причины. К. Ясперс подчеркивал: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, который сохранился и по сей день... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим и по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей... В осевое время произошло открытие того, что стало называться разумом и личностью» [252. — С. 32–33].

Это время начала кризиса первой триады цивилизаций — первого исторического суперцикла. Численность жителей планеты значительно возросла, а темпы роста производства замедлились. Росло недовольство угнетенных масс, которые стремились искать общие духовные интересы вне потерявших прежнюю силу разрозненных политических религий, на которые опиралась слабеющая центральная власть. Аморальность господствующих слоев и их ближайшего окружения стала очевидной для всех. Это тоже заставляло людей искать новые идеалы и нормы нравственности.

Основные сдвиги в структуре общества в течение первого исторического суперцикла — трех первых мировых цивилизаций — показаны в *табл. 11.1*.

11.3. Локальные цивилизации в Древнем мире

Пять с лишним тысячелетий назад, в конце IV тыс. до н. э., на базе крупных государств и государственных объединений в густонаселенной части планеты начали формироваться первые локальные цивилизации. Их число в эпохи раннеклассовой и античной мировых цивилизаций превысило десяток, сменилось два их поколения. Некоторые цивилизации были недолговечны и вскоре сошли с исторической арены, другие, пройдя

Таблица 1 1.1.

Сдвиги в структуре общества в течение первого исторического суперцикла

Показатели	Неолитическая цивилизация	Раннеклассовая цивилизация	Античная цивилизация
Человек, семья, население	Рост потребностей и способностей человека. Моногамная семья. Ускорение темпов роста населения после 1-го демографического кризиса	Социальная и профессиональная дифференциация, новая мотивация к труду, специализация семей	Расцвет духовных потребностей. Ускорение темпов роста населения
Технология	Неолитическая революция, специализация орудий труда. Искусственное воспроизводство, подсечное земледелие	Освоение меди, бронзы, орудия труда и оружие из металла. Ирригационные системы. Использование энергии животных (1-я энергетическая революция)	Освоение железа, богарное земледелие. Строительные, ремесленные, военные орудия и механизмы
Экономика	Разделение труда и начало обмена между общинами	Возникновение частной собственности, рынка, денег, цен. Многоукладная экономика, рабовладение	Развитие товарно-денежных отношений, международной торговли. Латифундии и эргастерии
Социально-политическая структура	Первобытные общины, вечевой строй, вечевая демократия	Возникновение классов, государства и права, политики; межгосударственные войны	Рождение демократии. Города-полисы. Первые мировые империи
Духовная сфера	Эмпирические знания. Образование в общине. Наскальная живопись. Культ природы у предков	Прикладные науки. Школы писцов. Появление письменности. Монументальная архитектура. Политеизм.	Рождение системы абстрактных наук. Учебные заведения: школы философов. Расцвет искусства. Освое время, возникновение мировых религий, монотеизма

через несколько фаз подъема и упадка, сохранились до наших дней (индийская и китайская). Значительная часть населенной территории не вошла в состав древних цивилизаций, там обитали разрозненные племена и имелись отдельные государства. Однако «цивилизационный пояс» планеты быстро и во многом синхронно развивался. Между цивилизациями устанавливались все более активные торговые и культурные связи, нередко вспыхивали войны. Цивилизационное многообразие человечества стало неоспоримым фактом.

Чем обусловлено возникновение локальных цивилизаций? Каковы особенности отдельных культур и их групп? Как развивалось взаимодействие между ними? Эти вопросы рассматриваются в следующем разделе нашей работы.

11.3.1. Первые поколения локальных цивилизаций

Факторы возникновения локальных цивилизаций. Возникновение локальных цивилизаций стало одним из крупнейших водоразделов всемирной истории. Оно знаменовало единство двух, казалось бы, взаимно исключаящих исторических процессов. С одной стороны — интеграции многочисленных разрозненных племен, этносов, государств в более крупные и устойчивые социокультурные, экономические и военно-политические объединения. С другой — закрепление факта разнообразия культур, религий, экономических, социальных, политических отношений в разных частях планеты как источника жизнеспособности и развития человечества.

Когда и почему возникли локальные цивилизации?

В неолите локальных цивилизаций не существовало. Малочисленные племена и племенные союзы (догосударственные социально-политические объединения) жили на значительном удалении друг от друга, были слабо связаны между собой, часто перемещались (особенно скотоводческие племена).

И лишь с образованием в IV—III тыс. до н. э. государств, главным образом в густонаселенных долинах великих рек, установлением прочных связей внутри этих государств и широкого круга разнообразных взаимоотношений между ними — от войн до диалога и сотрудничества — стало возможным говорить о возникновении локальных цивилизаций и взаимодействия между ними.

На сцену истории 1-е поколение локальных цивилизаций вышло в конце IV — начале III тыс. до н. э. Климатические условия на территориях, которые занимали эти культуры, были сравнительно благоприятными, что способствовало их развитию. Это отмечал **А. Л. Чижевский**: «Если мы проследим условия возникновения и развития цивилизаций, то ясно увидим, что величайшие центры умственной жизни человечества первоначально локализируются в местах с оптимумом температуры. Это распространяется на культуры: китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, арабскую» [229. — С. 21].

Английский ученый **Г. Т. Бокль** исследовал факторы возникновения различных культур и подразделил их на две группы: физические (благоприятный климат, плодородие почв, богатство и разнообразие питания, общий вид природы) и умственные, которые способствуют развитию науки, прогрессу техники. Решающую роль в развитии цивилизации Бокль отводил умственному фактору, прежде всего накоплению знаний [20. — С. 30–31, 40, 100, 125].

Ю. В. Павленко различает предпосылки и условия формирования первых цивилизаций. К числу *предпосылок* он относит:

➔ переход к оседлому образу жизни с началом широкого освоения рыболовства и земледелия;

➔ увеличение прироста, численности и плотности населения, что стимулировало интенсификацию производственной деятельности;

➔ переориентация на воспроизводящие формы хозяйства, главным образом земледелие [151. — С. 257].

Условиями успешного становления цивилизаций ученый считает:

➔ обеспечение возможности производства прибавочного продукта;

➔ появление сложной иерархии организованной социально-политической системы, неодинаковое отношение социальных групп к средствам производства и продуктам труда;

➔ наличие в общественном сознании установки на корреляцию высокого социального статуса с престижным потреблением (иными словами — отказ от уравнительного распространения, присвоение знатью прибавочного продукта) [там же. — С. 258].

Ю. В. Павленко различает ранние цивилизации, возникшие в эпоху энеолита, в конце IV в. до н. э. (Нижняя Месопотамия, Элам, Египет и Хараппская цивилизация) [там же. — С. 280], и более широкий круг цивилизаций бронзового и железного веков.

Представления ученого о составе и ареале распространения цивилизационных центров на рубеже III–II тыс. до н. э. (цивилизации 1-го поколения) отражены на *рис. 11.4*, а цивилизаций начала I тыс. (2-го поколения) — на *рис. 11.5*.

По нашему мнению, можно выделить следующие важнейшие факторы возникновения локальных цивилизаций:

➔ *демографический* — высокий уровень концентрации населения в определенных регионах мира, на сравнительно небольших территориях;

➔ *природно-климатические условия*, достаточно благоприятные, чтобы способствовать развитию человека, и в то же время достаточно суровые, чтобы интенсифицировать его умственную деятельность для создания прибавочного продукта;

➔ *технологический и экономический факторы* — прогресс технологий и организации производства, позволяющий систематически создавать прибавочный продукт, который присваивался его правящей верхушкой;

➔ *определенный уровень социокультурного развития*, прежде всего знаний и навыков, культуры, этики и религиозных воззрений;

➔ *государственно-политический фактор*, создание сильных государств на обширной территории, объединяющих группу взаимосвязанных этносов.

Цивилизации 1-го поколения. Они существовали с конца IV до начала I тыс. до н. э., то есть в период раннеклассовой мировой цивилизации, хотя жизненные циклы отдельных древнейших цивилизаций имели разную продолжительность.

Согласно **А. Тойнби**, к числу цивилизаций 1-го поколения можно отнести:

➔ древнеегипетскую (отсчет эпохи Раннего царства историки ведут с 3000 г. до н. э., хотя есть данные о более раннем периоде);

➔ шумеро-аккадскую (шумерскую, хеттскую и вавилонскую);

➔ минойскую (к ней стоит прибавить и микенскую);

➔ индскую (древнеиндийскую);

➔ древнекитайскую;

➔ мезоамериканскую (цивилизацию майя и мексиканскую);

➔ андскую.

Можно также добавить эламскую цивилизацию на территории нынешнего Ирана.

Мезоамериканская и андская культуры развивались изолированно в Новом Свете и с известным запозданием.

Рисунок 11.4.

Локальные цивилизации 1-го поколения

- 1 — древне-египетская;
- 2 — шумерская;
- 3 — минойская;
- 4 — древне-индийская;
- 5 — древне-китайская;
- 6 — эламская;
- 7 — древне-мезоамериканские;
- 8 — андские

Рисунок 11.5.

Локальные цивилизации 2-го поколения

- 1 — греко-римская;
- 2 — персидская;
- 3 — индийская;
- 4 — китайская;
- 5 — финикийская;
- 6 — мезоамериканские;
- 7 — андские

Это был период становления локальных цивилизаций, обрисовки их основных контуров. Некоторые из указанных культур просуществовали недолго, а их следы были обнаружены лишь через тысячелетия в результате археологических раскопок (как это случилось, например, с минойской цивилизацией). Возможно, некоторые цивилизации до сих пор еще не открыты; другие являются предметом легенд (Атлантида). Цивилизации 1-го поколения заложили основы исторического развития на тысячелетия вперед.

На карте видно, что эти цивилизации занимали узкую полосу земли евразийского и африканского континентов к северу от экватора. Именно здесь находился эпицентр исторического прогресса того времени.

Цивилизации 2-го поколения. Они соответствуют античной мировой цивилизации и охватывают период со второй четверти I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. (если исключить фазы становления и реликтового состояния жизненного цикла некоторых из этих цивилизаций).

К числу цивилизаций 2-го поколения, ареал которых значительно расширился, относятся:

- ➔ греко-римская (собственно античная);
- ➔ индийская;
- ➔ китайская;
- ➔ финикийская;
- ➔ персидская.

Многие из них были дочерними от цивилизаций 1-го поколения. Связи между культурами стали гораздо теснее, а разнообразные формы диалога, экономического и культурного обмена поднялись на заметно более высокий уровень. Именно к этому периоду, согласно **К. Ясперсу**, относится осевое время, когда возникли великие мировые религии, были созданы основы духовного мира современного человека.

К тому же поколению относятся до конца не сформировавшиеся, но занимавшие обширные территории Евразии протоцивилизации (кельтская, скифская, финикийская, этруская, древнеяпонская и др.), а также задержавшиеся в развитии культуры Америки.

Середина I тыс. н. э. была временем заката 2-го и зарождения 3-го поколения локальных цивилизаций.

Цивилизации 2-го поколения были более устойчивы и более распространены, чем их предшественницы.

Возникли первые мировые империи, включавшие несколько локальных цивилизаций, — империи Ахеменидов, Александра Ма-

кедонского, Римская империя. Наследие культур Античности является основой многих современных цивилизаций, культурно-исторического разнообразия человечества в нашу эпоху.

11.3.2. Цивилизации Средиземноморья

Очагом цивилизационного прогресса Древнего мира стало Средиземноморье, его африканское и евразийское побережья. Можно считать, что именно здесь находится «колыбель цивилизаций», если не забывать, что такие же «колыбели» существовали в Двуречье, на полуострове Индостан и в Восточном Китае.

Древнеегипетская цивилизация. Начало возникновения египетской цивилизации (рис. 11.6) в плодородной долине Нила обычно относят примерно к 3 тыс. до н. э., когда объединились Верхнеегипетское и Нижнеегипетское царства и образовалось единое государство со столицей в Мемфисе. Однако есть сведения, что первые города-государства сначала в Нижнем, а затем и Верхнем Египте появились на несколько столетий раньше — это Сам, Метелис, Леополь, Буто, Бусилие, Коптос. Затем была создана конфедерация во главе с Нубсом, где короновались правители; следом — Хатагорийская конфедерация во главе с Нехеном, а затем Абладосом. Поэтому можно считать, что начало египетской локальной цивилизации было положено во второй половине IV тыс. до н. э.

Существующая классификация смены династий в Древнем Египте позволяет выделить следующие этапы его истории:

додинастический период (до 3000 г. до н. э.);

Раннее царство (I—II династии) — 3000—2778 гг. до н. э. (более 220 лет);

Древнее царство (III—VIII династии) — 2778—2263 гг. до н. э. (515 лет);

Первый переходный период (IX — начало XI династий) — 2263—2160 гг. до н. э. (около 100 лет);

Среднее царство (XI—XII династии) — 2160—1785 гг. до н. э. (375 лет);

Второй переходный период (XIII—XVII династии) — 1785—1580 гг. до н. э. (205 лет);

Новое царство (XVIII—XX династии) — 1580—1085 гг. до н. э. (205 лет);

Третий переходный период (XXI династия) — 1085—950 гг. до н. э. (495 лет);

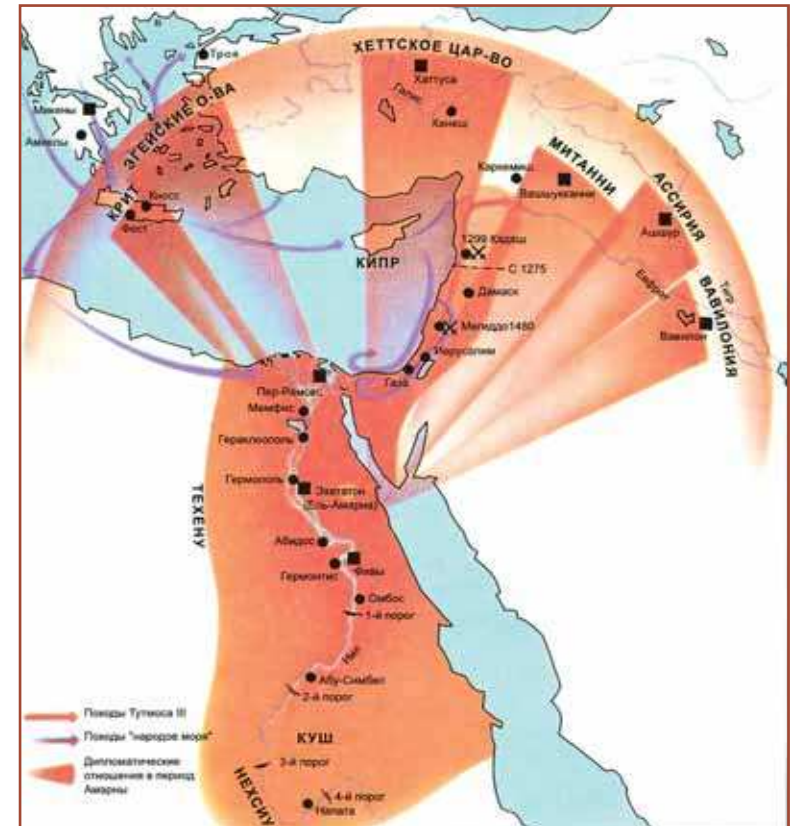
Рисунок 1 1.6.

Древнеегипетская цивилизация*

**Высокоразвитые культуры/Египет I.
3000—1570 гг. до н. э.**

**Высокоразвитые культуры/Египет II.
1570—332 гг. до н. э.**

Новое царство

Район Дельты и поздний период

Средний Египет

*Источник: [82. – С. 22, 24].

Позднее царство (XXII—XXVI династии) — 950—525 гг. до н. э. (135 лет);

Эпоха переходного владычества (XXVII династия — Ахемениды) — 525—331 гг. до н. э. (около 200 лет).

Раннее царство можно отнести к фазе становления данной локальной цивилизации; 3-й переходный период и Позднее царство — к фазе ее заката. Каждый переходный период, как отмечают историки, знаменовался голодом и обезлюдением некогда процветавших городов, раздробленностью и социальными потрясениями, разрывом торговых связей, внешними вторжениями. В сверхдолгосрочном цивилизационном цикле четко выделяются долгосрочные циклы, аналогичные нынешним кондратьевским циклам, но более длительные.

Следовательно, общая продолжительность существования древнеегипетской цивилизации (включая период ее формирования) составляет более трех тысячелетий; можно выделить несколько сверхдолгосрочных циклов, смена которых выражалась переходными периодами.

Для древнеегипетской культуры были характерны высокий уровень культуры и утонченные формы религии, что нашло отражение в сохранившихся до наших дней грандиозных архитектурных памятниках — пирамидах и Сфинксе в Гизе, Фиванском некрополе, Луксорском храме, колоссах Мемноса и др. Наука, образование занимали приоритетное место в жизни древних египтян. Соблюдалась строгая иерархия божеств. При фараоне Эхнатоне (1372—1354 гг. до н. э.) была сделана первая попытка создать монотеистическую религию — культ бога солнца Атона. Однако после смерти фараона жрецы отвергли этот культ.

В Египте прекрасно была развита экономика: земли в долине Нила столь плодородны, что жители страны имели возможность выделять огромное количество трудовых и материальных ресурсов для сооружения дворцов, храмов, пирамид (при слабом развитии техники).

В период античной мировой цивилизации Египет потерял былую роль центра цивилизационного прогресса, вошел в сферу влияния греко-римской цивилизации. Столетия спустя один из городов на территории Египта, Александрия, на некоторое время стал культурным центром эллинистического мира, но потом утратил лидерство и ушел на периферию исторического прогресса.

Египетская цивилизация оставила великолепные памятники высокой культуры — пирамиды, иероглифическую письмен-

ность, скульптуры богов и фараонов, развитую прикладную науку, мастерство ирригации и строительства, судостроения и мореходства.

Крито-микенская цивилизация. К раннеклассовым локальным цивилизациям относится *минойская (критская) культура*; она возникла на рубеже III и II тыс. до н. э. и достигла расцвета в XVI — первой половине XV в. до н. э. Самым знаменитым ее памятником считается дворец легендарного царя Миноса: комплекс зданий общей площадью 24 тыс. кв. м насчитывал около 300 беспорядочно расположенных помещений, за что получил наименование лабиринта. На Крите существовало высокоразвитое земледельческое хозяйство, управлявшееся сильным централизованным государством; от врагов его защищал мощный морской флот. Однако в середине XV в. до н. э. минойская культура была практически уничтожена в результате то ли извержения вулкана на острове Санторин, то ли набега греков-ахейцев — точно до сих пор не известно. Крит был на тысячелетия отброшен на периферию прогресса; однако его культурное наследие стало одним из источников, вскормивших греко-римскую цивилизацию.

Другим стала *ахейская (микенская) культура*, время расцвета которой приходится на XV—XIII вв. до н. э. В это время были возведены грандиозные дворцы и царские усыпальницы («голосы»), создано обширное дворцовое и царское хозяйство, от которого сохранился богатый архив, расшифрованный лишь в 1952 г. (так называемое линейное письмо). В середине XIII в. до н. э. ахейские цари объединились для похода на Трою, описанного в «Илиаде» Гомера. Однако и микенская цивилизация в конце XIII в. до н. э. погибла под ударами нескольких волн нашествий варварских племен с севера. Города и дворцы были разрушены и сожжены, ремесла и торговля пришли в упадок, резко сократилась численность населения. Последовавшее затем дорийское завоевание отбросило Древнюю Грецию на несколько веков назад. Раскопки показали, что местные технологии земледелия, ремесла, строительства после дорийского нашествия носили примитивные черты, хотя к этому же времени относятся первые попытки изготовления железных орудий; чуть позднее (в IX в. до н. э.) ахейцы освоили и закалку железа.

Греко-римская цивилизация. Вершиной античного общества стала греко-римская цивилизация 2-го поколения — наследница древнеегипетской и крито-микенской культур. В ее жизненном цикле можно выделить три периода подъема.

В VIII—III вв. до н. э. наиболее активно развивались города материковой Греции и острова у побережья Малой Азии, заселенные греками. В период Великой греческой колонизации (VIII—VI вв. до н. э.) греческие колонии распространились по всей береговой линии Средиземного и Черного морей, охватив юг Италии, север Африки, Крымский полуостров и Приазовье (рис. 11.7). Колонии становились центрами земледелия, ремесла и торговли. Тот временной отрезок, когда среди городов-государств материковой Греции лидировали Афины, получил название золотого века Античности. Это была эпоха наивысшего творческого подъема и в духовной сфере, и в политической жизни, и в экономике, особенно во времена **Перикла**, когда Греция одержала убедительную победу над Персидской империей и образовался Афинский морской союз. Однако борьба Афин, Спарты и других полисов с внешними и внутренними врагами ослабила Грецию.

Ее территория вскоре была завоевана войсками **Александра Македонского** (356—323 гг. до н. э.), начался недолгий период *эллинизма* (330—220 гг. до н. э.). Сама империя Александра Великого распалась после смерти своего создателя, но государства, которые появились на ее основе, оставили после себя немало памятников культуры. Так, основанный Александром Македонским в дельте Нила город Александрия был столицей Птолемеевской династии, международным культурным и торговым центром тех лет. В центре города находился Мусейон со знаменитой библиотекой, где хранилось, по разным данным, от 100 до 700 тыс. рукописных книг; на острове Фарос был построен маяк высотой 120 м — одно из семи чудес света.

Становлению римской субцивилизации, воспринявшей наследие древнегреческой, предшествовала *этрусская культура*, владения которой простирались на всю центральную часть Апеннинского полуострова. Она достигла расцвета в VII—V вв. до н. э., когда в течение века (с 606 до 509 г. до н. э.) этруски владели Римом. Конфедерация двенадцати этрусских городов-государств распространила свое влияние почти на всю Италию, вела активную морскую торговлю со многими средиземноморскими государствами. Этруски выращивали пшеницу, виноград, лен, занимались скотоводством, добывали медь и железо, чеканили монеты. Сохранились этрусские архитектурные памятники, статуи, гробницы, большое число памятников письменности. В III—II вв. до н. э. этрусские города были покорены Римом.

Ю. В. Павленко говорит об этрусках как о самостоятельной цивилизации: «В начале I тыс. до н. э. цивилизационного уровня

достигает и Италия: в области Тоскана складывается этрусское двенадцатиградье, причем решающую роль в возникновении цивилизации этрусков играет морская их миграция со стороны Ближнего Востока — вероятно, из южной части Малой Азии» [151. — С. 357—358]. Нам приходилось знакомиться с памятниками культуры этрусков в Тоскане. Представляется, что более правильно называть культуру этрусков *протоцивилизацией*, не закончившей процесс формирования зрелой локальной цивилизации.

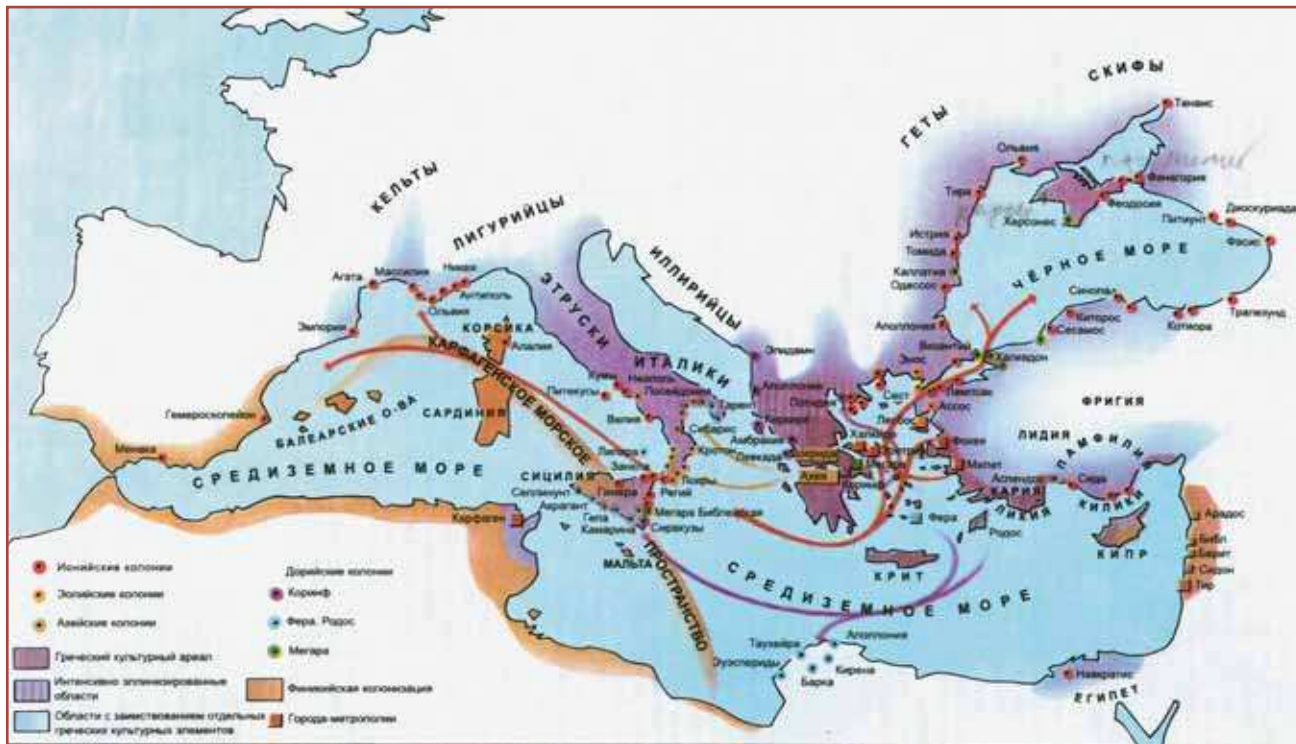
Рим, основанный, согласно преданию, в 753 г. до н. э., перешел к раннеклассовому обществу в VII в. до н. э. В 510 г. до н. э. установлен республиканский политический строй при правлении патрициев, создававших сенат и избиравших консулов. К 265 г. до н. э. власть Рима распространилась на всю Италию, а затем, после ряда успешных войн, почти на всю Западную Европу, Северную Африку, Малую Азию, Двуречье, Балканы, Закавказье, побережья Черного и Азовского морей. С 27 г. до н. э. Рим превратился в империю. Высокого уровня достигли земледелие (латифундии), ремесло (эргастерии), культура, искусство и образование, находившиеся под сильным греческим влиянием.

Время расцвета Римской империи относится ко II в. до н. э. — I в. н. э., а закат завершился гибелью Западной Римской империи в 476 г. н. э. Для Рима не характерен такой взлет в искусстве и науке, какой был в Древней Греции, но итальянцы оставили заметный след в истории, создав грандиозные архитектурные сооружения, обширную систему права, четкую организацию военного дела и управления огромной империей.

Западная Римская империя стала истоком формирования западноевропейской цивилизации 3-го поколения, а Восточная Римская империя — византийской, а затем и восточнославянской цивилизаций.

Финикийская цивилизация. Карфаген. К числу средиземноморских цивилизаций 2-го поколения относится финикийская (рис. 11.8). Ее истоки — возникшие еще в 4—5 тыс. до н. э. на восточном побережье Средиземного моря поселения, которые во II тыс. до н. э. выросли в крупные города — Сидон, Библ, Тир. Финикийцы активно торговали с Месопотамией и Египтом, со средиземноморскими государствами, основали ряд колоний, важнейшей из которых был Карфаген, ставший одним из крупнейших торговых, ремесленных и культурных центров Средиземноморья (основан финикийцами из Тира в 825 г. до н. э.). В период расцвета Карфаген владел огромными территориями на побережье

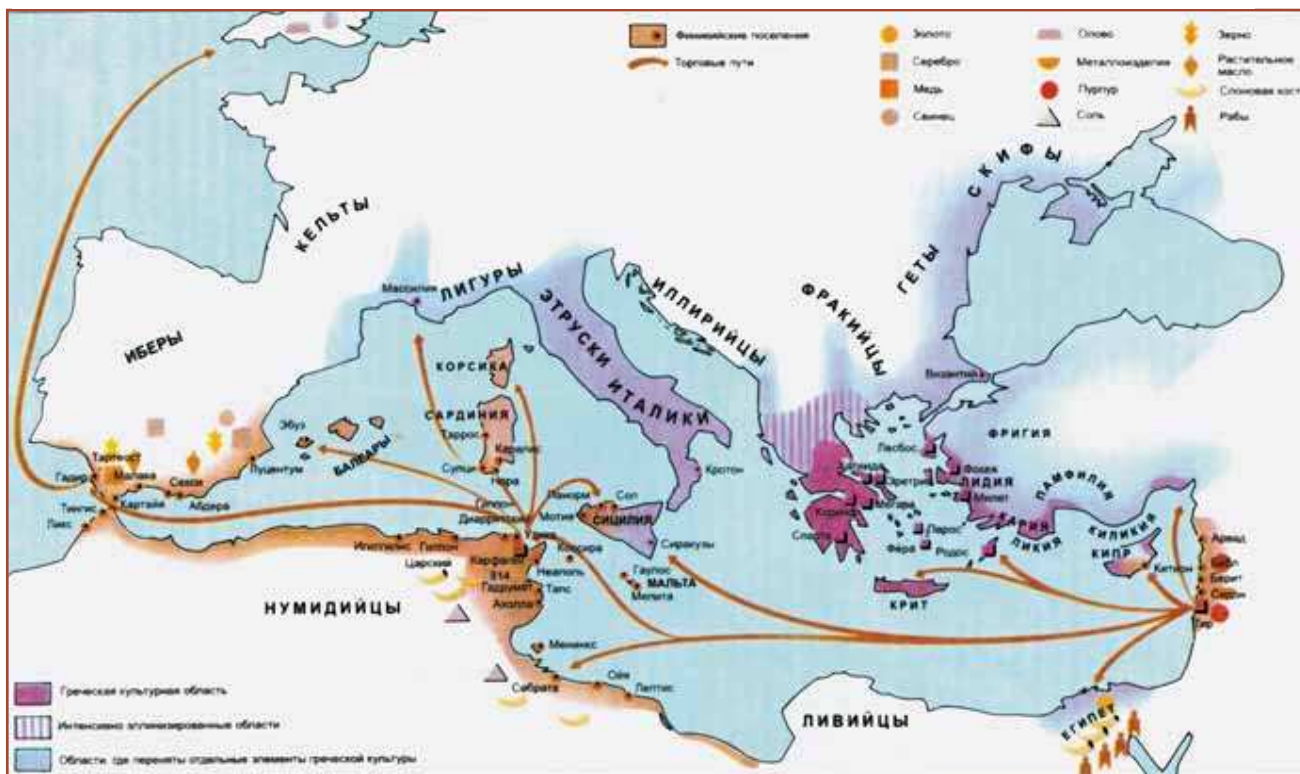
Рисунок 11.7. Греческая колонизация. 750—550 гг. до н. э.

История: [82 — С. 50].

560

Рисунок 11.8. Финикийская колонизация. 539 г. до н. э. — 133 г. н. э.

История: [82 — С. 38].

561

Рисунок 11.9.

Карфаген

Источник: Большая советская энциклопедия. — Т. 11. — М.: БСЭ, 1973. — С. 490.

Северной Африки, большей частью Пиренейского полуострова, Корсикой, Сардинией и Сицилией (рис. 11.9). Вступив в противоборство с Римом, Карфаген в итоге трех Пунических войн потерпел поражение и был полностью разрушен в 146 г. до н. э.

11.3.3. Древние цивилизации Востока

Цивилизации Двуречья (Месопотамии). Долины рек Тигра и Евфрата стали местом рождения сразу нескольких цивилизаций 1-го поколения. В III тыс. до н. э. в Южной Месопотамии развивалась культура Шумера, с крупнейшими ее центрами в Уруке, Уре, Лагаше и Аккаде: здесь появились мощные города-крепости, было изобретено пиктографическое письмо, на котором созданы великолепные памятники шумерской литературы (эпос о Гильгамеше и др.).

Во II тыс. до н. э. главенство в Месопотамии переходит к *Вавилону*. Его возвышение достигает пика во времена правления **Хаммурапи** (1792—1750 гг. до н. э.), который объединил Двуречье, создал кодекс законов, известный как законы Хаммурапи. Второй период усиления Вавилонии относится к правлению **Навуходоносора I** (1126—1105 гг. до н. э.). Широкое развитие в Вавилоне получили наука, работали школы писцов.

Рисунок 11.9.

Карфаген

Источник: Большая советская энциклопедия. — Т. 11. — М.: БСЭ, 1973. — С. 490.

Северной Африки, большей частью Пиренейского полуострова, Корсикой, Сардинией и Сицилией (рис. 11.9). Вступив в противоборство с Римом, Карфаген в итоге трех Пунических войн потерпел поражение и был полностью разрушен в 146 г. до н. э.

11.3.3. Древние цивилизации Востока

Цивилизации Двуречья (Месопотамии). Долины рек Тигра и Евфрата стали местом рождения сразу нескольких цивилизаций 1-го поколения. В III тыс. до н. э. в Южной Месопотамии развивалась культура Шумера, с крупнейшими ее центрами в Уруке, Уре, Лагаше и Аккаде: здесь появились мощные города-крепости, было изобретено пиктографическое письмо, на котором созданы великолепные памятники шумерской литературы (эпос о Гильгамеше и др.).

Во II тыс. до н. э. главенство в Месопотамии переходит к *Вавилону*. Его возвышение достигает пика во времена правления **Хаммурапи** (1792—1750 гг. до н. э.), который объединил Двуречье, создал кодекс законов, известный как законы Хаммурапи. Второй период усиления Вавилонии относится к правлению **Навуходоносора I** (1126—1105 гг. до н. э.). Широкое развитие в Вавилоне получили наука, работали школы писцов.

В XVI—XV вв. до н. э. первенство в регионе захватывает *Ассирия*. Правитель ее столицы **Ашшур Ашшурбалит I** создал в центральной Месопотамии сильную державу и подчинил своему влиянию Вавилонию. Между XVI и XIII в. был создан сборник законов, отличавшийся жестокостью в поддержании норм права. Второй период подъема наблюдался в X—IV вв. до н. э., когда в результате завоевательских походов территория Ассирии значительно расширилась.

В VIII в. до н. э. под власть Ассирии попали почти вся Передняя Азия и Египет, был покорен и полностью разрушен Вавилон. С известной долей условности можно говорить о недолгом веке первой мировой империи. Однако в конце VII в. до н. э. Вавилон и Мидия, объединившись, разгромили Ассирийское царство. От последнего до нас дошло множество архитектурных и письменных памятников.

Эламская цивилизация 1-го поколения сформировалась на территории современного Ирана в начале III тыс. до н. э. Столицей государства Элам стали Сузы. Во II тыс. до н. э., в период расцвета этой цивилизации, она охватывала территорию центрального Ирана, Шумера, Ашшура, Вавилонии. Многочисленные памятники эламской культуры хранятся в археологическом музее Тегерана. **Ю. В. Павленко** так оценивает роль эламской цивилизации: «Усилившаяся на рубеже IV—III тыс. до н. э. торговля между новыми социальными организациями Двуречья и богатого сырьевыми запасами Иранского нагорья играла существенную роль в подъеме протоэламской цивилизации, осуществлявшей контроль над этими торговыми путями, причем по отношению к позднепервобытным обществам Элам выступал в роли цивилизационного центра» [151. — С. 272].

Персидская цивилизация. К цивилизациям 2-го поколения на территории Месопотамии и Иранского нагорья относится персидская цивилизация, кульминация развития которой нашла выражение в одной из первых мировых империй — государстве Ахеменидов, основателем которой стал Кир II Великий. К концу VI в. до н. э. территория Персидского государства простиралась от Северной Африки до Фракии, от Инда, Каспийского и Аральского морей до Сырдарьи (рис. 11.10). Именно здесь возникла одна из древнейших религий — зороастризм.

«Начиная со времени захвата Мидии Персия выступает на широкую арену мировой истории, чтобы в течение следующих двух столетий играть в ней ведущую в политическом отношении роль...

Персидские завоевания и объединение десятков народов в единую державу способствовало расширению интеллектуального и географического горизонта ее подданных. Иран, с незапамятных времен являвшийся посредником в передаче культурных ценностей с Востока на Запад и наоборот, не только продолжал эту свою историческую роль при Ахеменидах, но также создал самобытную и высокоразвитую цивилизацию» [там же. — С. 291, 311].

К 525 г. до н. э. Персия покорила Египет, персидский царь Камбис II был провозглашен его царем. В конце VI в. до н. э. персы подчинили Армению, Македонию, Северо-Западную Индию, кочевые арабские племена. Была создана система управления огромной территорией империи, поделенной на сатрапии. Основу сельского хозяйства составлял труд свободных земледельцев, в городах — свободных ремесленников. Рабов было сравнительно немного, части из них предоставлялись земельные участки (пекулии). **Дарий I** ввел единую систему денежных податей с учетом размеров обрабатываемой земли и ее плодородности (по сути дела — ренту), единую для всей империи денежную единицу. Поддерживались караванные дороги, восстанавливались и строились каналы.

В результате многочисленных восстаний и войн с Грецией Ахеменидская империя ослабла и в 334—333 г. была покорена Александром Македонским. От нее остались великолепные архитектурные комплексы Персеполя, Суз, литературные памятники, написанные клинописью, весьма точный лунный (354 дня) и зороастрийский (365 дней в году) календари.

Древнеиндийская цивилизация. Одна из крупнейших локальных цивилизаций 1-го поколения возникла в долине Инда и его притоков (рис. 11.11). Еще в эпоху энеолита здесь были основаны сравнительно крупные города — Мохенджо-Даро и Хараппа, население занималось возделыванием зерновых и хлопчатника. К началу II тыс. до н. э. местные мастера достигли больших высот в изготовлении ремесленных товаров, произведений искусства. **Ю. В. Павленко** так пишет об этой культуре: «Уже в глубокой древности Индия установила культурные и торговые связи со многими весьма отдаленными районами ойкумены. В эпоху хараппской цивилизации (III—II тыс. до н. э.) изделия индийских мастеров достигали областей Средиземноморья, Средней Азии, в последующие столетия Индия вошла в тесные контакты с античным миром, районами Юго-Восточной Азии. Происходил много-сторонний обмен культурными ценностями» [151. — С. 285].

Ведийский период древнеиндийской цивилизации (с конца II до середины I тыс. до н. э.) — время племен ариев в Северной Индии, образования первых государств в долине Ганга (IX—VI вв. до н. э.). Период V—III вв. до н. э. характеризуют как *буддийский период*, эпоху возникновения и распространения первой из великих мировых религий — буддизма, появления империи Маурья. Период II в. до н. э. — V в. н. э. считается *классической эпохой древнеиндийской цивилизации*, расцвета ее культуры, становления индуизма, создания великих школ в таких областях, как искусство, литература, философия, математика, лингвистика, логика.

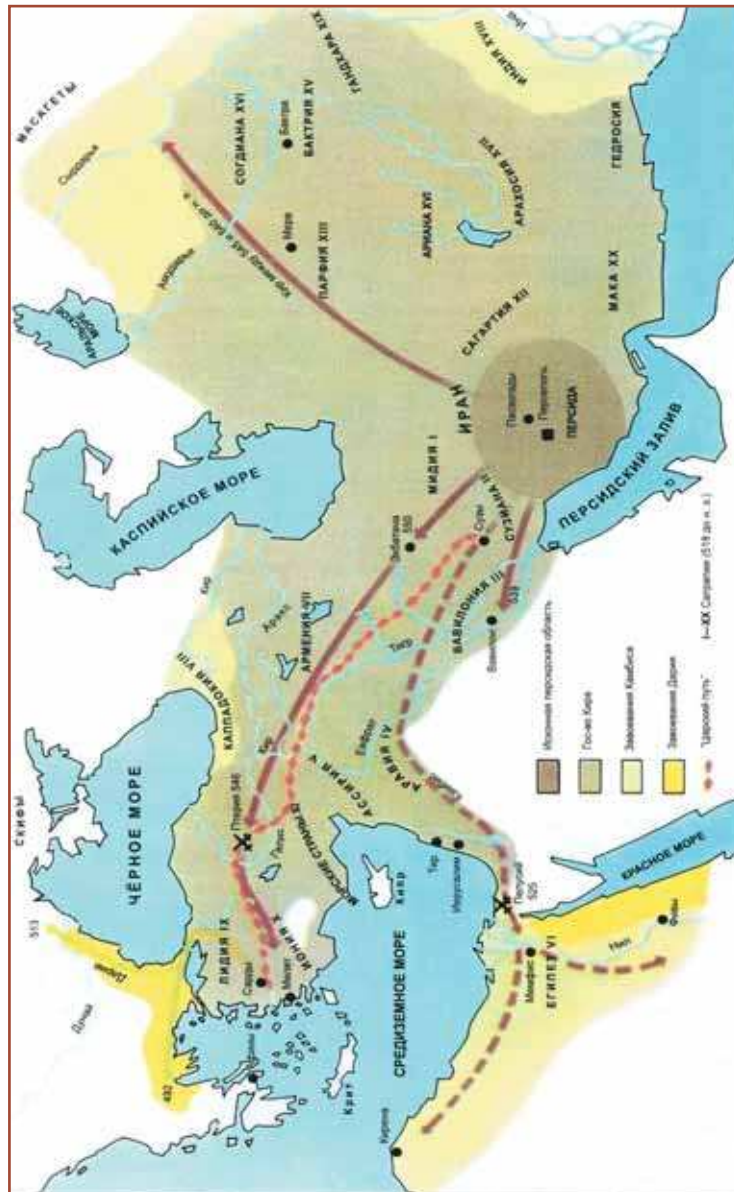
Цивилизация Индии 2-го поколения отмечена двумя периодами подъема. Первый из них относится к *империи Маурья* (IV—III вв. до н. э.). При третьем правителе династии, **Ашоке**, одном из самых известных государственных деятелей древности, возникло государственное образование, простиравшееся от Кашмира и Гималаев на севере до Майсура на юге, от областей современного Афганистана на западе до Бенгальского залива на востоке. Сложилась централизованная система управления, включавшая в себя также элементы демократии и самоуправления отдельных городов-республик и опиравшаяся на идеологию буддизма и кастового строя. Значительных успехов достигли земледелие, ремесло, торговля, культура. Существовали разнообразные формы рабства, однако оно не стало преобладающим типом хозяйства, каковым был труд свободных и полузависимых земледельцев и ремесленников. Широкое распространение получила письменность; сохранилось много эдиктов Ашоки, высеченных на камне. Великолепным архитектурным сооружением был дворец царя, особенно знаменит зал «ста колонн».

После периода господства Кушанской империи, которая при царе **Канишке** в первой четверти I в. н. э. распространила свое влияние на территории нынешних Афганистана, Пакистана, Северной, Северо-Западной и Центральной Индии, наивысший период расцвета древнеиндийской цивилизации относится к двухсотлетней истории империи Гупт (IV—V вв. н. э.). При царе **Чандрагупте II** его держава занимала большую часть Северной Индии. Это было время нового подъема экономики и культуры страны, активных контактов со странами Средиземноморья, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока.

Любопытно отметить, что периоды расцвета индийской цивилизации примерно совпадали с аналогичными этапами в истории античного Средиземноморья (Афины — Александрия — Римская империя). Это свидетельствует о схожей ритмике развития древних цивилизаций в их эпицентрах. Каждому подъему предшествовал

Рисунок 11.10.

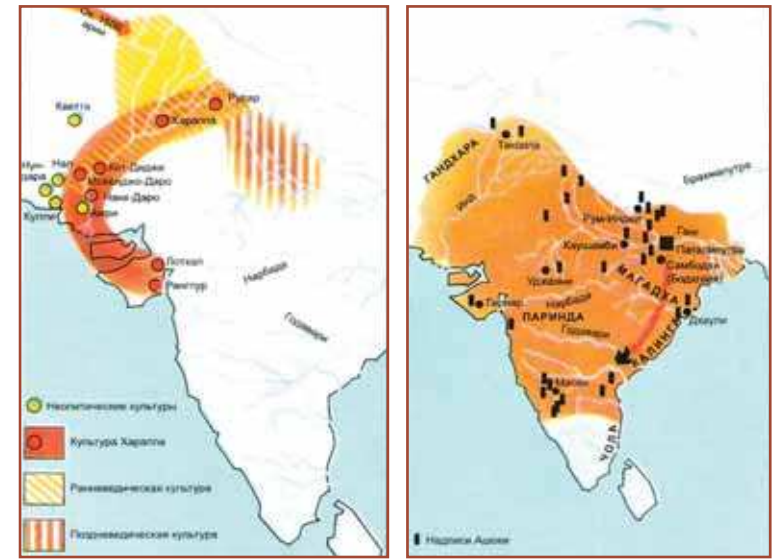
Персидская цивилизация. Империя Ахеменидов*, 559—330 гг. до н. э.

*Источник: [82. – С. 44].

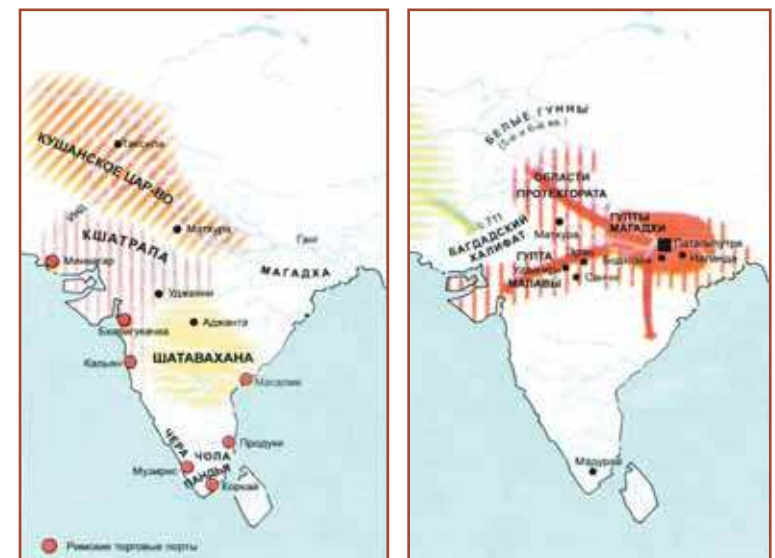
Рисунок 11.11.

Древнеиндийская цивилизация*, 3000 г. до н. э. — ок. 700 г. н. э.

Ранний период

Государство Ашоки

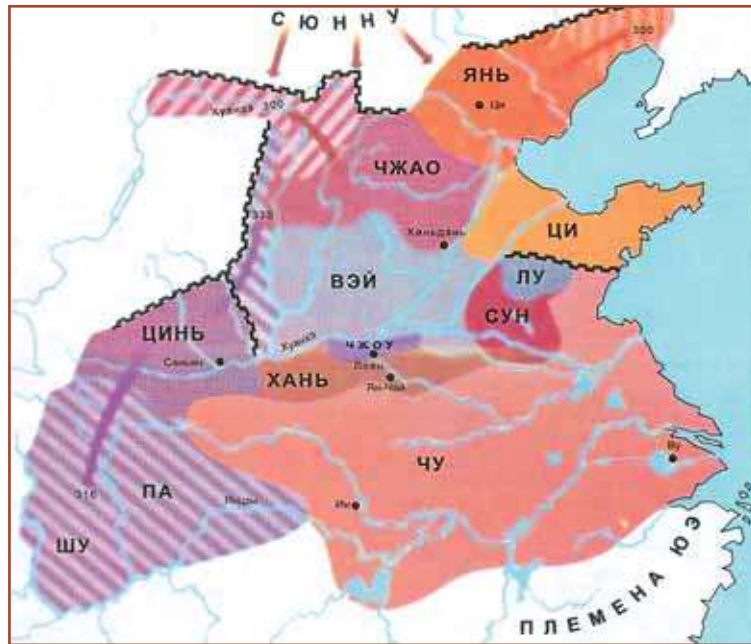
Индия ок. 150 г. н. э.

Государство Гуптов ок. 400 г. н. э.

*Источник: [82. – С. 46].

Рисунок 11.12.

**Древнекитайская цивилизация*.
1500 г. до н. э. – 220 г. н. э.**

Время воюющих государств

Китай во времена династии Хань

*Источники: [82. – С. 40].

и за ним следовал длительный кризис, время распада государств, внутренних усобиц и вторжений извне, упадка экономики и культуры.

На территории Индостана в последние столетия до нашей эры сформировалась *буддийская цивилизация*, простиравшаяся и на север (Китай, Монголия), и на восток (Индокитай). Она имела общие с индийской цивилизацией корни и строилась на базе мировой религии, получившей широкое распространение в мире и сохранившейся до сих пор.

Древнекитайская цивилизация. История ее охватывает период от рубежа III–II тыс. до н. э. до падения империи Хань в 220 г. н. э.; это время жизни двух поколений локальных цивилизаций (рис. 11.12).

К XVIII–XV вв. до н. э. относится существование раннеклассового государства Шан-Инь в бассейне реки Хуанхэ, создание культуры бронзового века, строительство городов с дворцовыми комплексами и ремесленными кварталами, развитие торговли, в том числе международной. Основу общества составляли свободные территориальные общины, рабство не получило широкого распространения.

Ю. В. Павленко пишет о древней Шан-Иньской цивилизации в среднем течении Хуанхэ как о первооснове древнекитайской цивилизации: «По отношению к Индостану формирование китайского раннецивилизационного центра опережающего развития запоздало более чем на тысячелетие, и возникновение древнейшей в Восточной Азии Шан-Иньской цивилизации в среднем течении Хуанхэ датируется не ранее середины II тыс. до н. э. Эта цивилизация и стала основой дальнейшего социокультурного развития всего Восточно-Азиатского региона от Приморья и Японии до Вьетнама и Тибета» [151. – С. 390]. Ареал этой цивилизации, постепенно расширяясь, включил в себя как Северный, так и Южный Китай. И лишь в эпоху династии Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.) единство китайской цивилизации стало полным [там же. – С. 394].

Периоды империй Западного Чжоу (1207–771 гг. до н. э.), а затем Восточного Чжоу (770–249 гг. до н. э.) характеризовались территориальной экспансией, созданием наряду с общинными крупными комплексными царскими хозяйствами, распространением рабовладения, постройкой городов-крепостей, развитием технологий литья бронзы и иероглифического письма, изобретением новых видов оружия (арбалета).

Начало железного века ознаменовалось периодом «воюющих царств» (V–III вв. до н. э.), который завершился победой царства Цинь, глава которого **Ин Чжэн** в 221 г. до н. э. провозгласил себя

императором **Цинь Ши-Хуанди** («первый император Цинь»). За десять лет император провел радикальные реформы: начал строить Великую Китайскую стену для защиты северной границы империи; разделил империю на 40 областей и уничтожил привилегии знати, объявив все свободное население подданными императора; ввел упорядоченное письменное законодательство, табель о рангах, единую денежную систему; построил огромный дворец с заповедным парком. Однако все эти меры потребовали многократного увеличения налогов, что вызвало недовольство всех слоев населения и после смерти императора вылилось в гражданскую войну. Победителем из нее вышел руководитель одного из восстаний **Лю Бан**, бывший староста небольшой деревни. В 202 г. до н. э. он стал первым императором династии Старшая Хань и начал свою деятельность с резкого сокращения налогов.

Расцвет Старшей Хань пришелся на время правления императора **У-ди** (140–87 г. до н. э.). При нем были восстановлены разрушенные в войне ирригационные системы, увеличена площадь орошаемых земель. Появились некоторые технические новшества: плуг с воронкой для сеяния, двухлемешный плуг, система «переменных полей» (двуполье). Возникли крупные ремесленные предприятия (некоторые из них насчитывали до тысячи работников), процветала торговля, началась торговля по Великому шелковому пути, который пролегал из ханьской столицы через Среднюю и Переднюю Азию в Римскую империю. Конфуцианство было провозглашено имперской доктриной и официальной религией. Население Китая увеличилось в несколько раз и по переписи 2 г. н. э. достигло 60 млн человек, площадь обрабатываемой земли составила 56 млн га. Однако в начале I в. н. э. резкое обострение внутренних противоречий и серия восстаний привели к падению первой империи Хань.

Заключительный этап подъема древнекитайской локальной цивилизации относится к династии Младшая Хань, которая началась с правления императора **Гуан У-ди** (25–27 г. н. э.). При нем было смягчено положение рабов (впервые в императорском указе было заявлено, что раб по природе своей — человек), сделаны налоговые послабления, расширены территориальные границы империи. Возникла сеть крупных земледельческих хозяйств, где рабский труд заменялся трудом зависимых крестьян, имевших свои наделы; господствовали натуральные отношения; это были зародыши феодального уклада. Крупные землевладельцы обрели политическую силу, ослабляя централизованную императорскую власть. Одновременно увеличивалось число восстаний, меж-

доусобных войн, набегов соседних племен. Все это стало причиной свержения в 220 г. последнего ханьского императора. Начался период троецарствия, знаменовавший переход к следующему этапу в развитии китайской цивилизации.

Японская цивилизация. С запозданием происходило становление цивилизации в Японии. Здесь неолит относится к периоду с середины IV тыс. до н. э., энеолит — с 300 г. до н. э. по 300 г. н. э. Время с 300 по 700 г. н. э. называют периодом курганов (или страной Ямато — по названию одного из крупных царств), когда на Японских островах сложилось раннеклассовое общество, возникло много царств, боровшихся между собой. Активно развивались экономические и политические отношения с Китаем. К концу периода сложилась федерация, возглавлявшаяся вождем племени Ямато, получившим название тэнно (впоследствии — император). В результате социальной дифференциации выделились знатные землевладельцы, свободные крестьяне, зависимые работники бэмин (не имевшие собственности и работавшие в хозяйствах тэнно и знати) и домашние рабы. Поливные рисовые поля, требовавшие общей обработки, рассматривались как общинная собственность. Сформировалась письменность, основанная на трансформированном китайском иероглифическом письме. Распространившийся в стране буддизм сочетался с древним синтоизмом.

В результате «реформы Тайко» (середина VII в. н. э.) и последовавших за ней преобразований земли были перераспределены между землевладельцами и земледельцами (все они считались владельцами наделов, полученных за службу государству), введено новое административное устройство, подрывавшее господство кланов, учреждены единые налоги, бэмины были уравнены в правах с крестьянами, ограничены возможности распространения рабства. Были созданы предпосылки для формирования ранне-средневекового государства.

Более детально развитие цивилизаций Индии, Китая, Японии и Ирана рассматривается в главе 19.

11.3.4. Древние цивилизации на территории Западной и Восточной Европы

Кельтская протоцивилизация. Обширные территории Западной Европы — от Иберийского полуострова до Черного моря — до момента завоевания их Римом занимали кельтские племена и их государственные образования; можно говорить о своеобраз-

ной кельтской протоцивилизации. Ее жизнь полна загадок, поскольку кельты не оставили письменных свидетельств своей истории. Тем не менее исследователи отмечают особое значение этой культуры: «Кельты занимают огромное место в истории древней, да и средневековой Европы; позволительно сказать, что они являются главными действующими лицами протоистории всей Западной и Центральной Европы» [54. — С. 14].

Кельтская протоцивилизация не успела сформироваться в полноценную цивилизацию, не имела сильной государственности. В ее состав вошла часть переселившихся во II тыс. до н. э. в Европу с Востока индоевропейских народов. В первые века нашей эры кельтские племена покорили римляне, однако в Британии, и особенно в Ирландии, кельты сохраняли свою самобытность в течение еще нескольких столетий.

Ю. В. Павленко пишет о кельтах так: «О раннеклассовом характере наиболее развитых кельтских объединений на территории Испании, Галлии и всего Подунавья свидетельствуют не только развитость ремесел, четкая социальная стратификация, резкая грань между бытовой культурой знати и рядового населения, многочисленные хорошо укрепленные центры (оппиды), но и чеканка с III в. до н. э. собственной золотой и серебряной монеты. Достаточно высокая продуктивность сельского хозяйства, концентрация его излишков в руках аристократии и последующая трансформация натурального прибавочного продукта в престижные ценности (прежде всего благодаря торговле с греками и этрусками) обеспечивали выход кельтского общества на уровень раннеклассовых отношений» [151. — С. 309].

К раннецивилизационным системам (по нашей классификации — протоцивилизациям), подобным кельтской, ученый относит также **Фракию** (древнее государство на территории современной Болгарии): «Фракия времен Одрисского царства (V — первая половина IV в. до н. э.), наряду с современной ей Скифией и усилившейся несколькими веками позднее Дакией, была одним из наиболее могущественных государств Европы на периферии античного мира. Представляется возможным говорить о *фракийской раннецивилизационной системе*, включая в нее и Дакию, а возможно, с определенными оговорками, и Иллирию. Достаточно быстрому социально-экономическому развитию фракийцев во второй четверти I тыс. до н. э. способствовали не только внедрение железных орудий труда и наличие месторождений цветных и благородных руд,

но и тесные контакты с многочисленными греческими колониями на побережье Эгейского, Мраморного и Черного морей. Фракия времен Одрисского царства — социальный организм древнеевропейского типа» [там же. — С. 311].

Следовательно, цивилизационный процесс в Европе I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. не ограничивался рамками греко-римской цивилизации, включал несколько протоцивилизационных образований, ставших основой западноевропейской и восточнославянской культур: «Сами по себе они сошли со сцены истории еще в древности, однако каждая имела свое определенное значение в становлении последующих западнохристианской (кельты) и восточнохристианской (латинизированные и эллинизированные потомки иллирийцев, даков и фракийцев, приднепровские славяне — отдаленные потомки... праславян лесостепной Украины) цивилизаций» [там же. — С. 333].

Скифская протоцивилизация. К такому же типу цивилизаций, как и кельтская, которые начали складываться, но затем исчезли с лица земли, принадлежит скифская протоцивилизация. В VII—IV вв. до н. э. она занимала обширные территории в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье, Средней Азии, на Южном Урале и Алтае. В последней трети VII в. до н. э. скифы начали завоевания стран Ближнего Востока, но вскоре были вытеснены оттуда. В 512 г. до н. э. поход персидского царя **Дария I** против скифов окончился неудачей. Скифский царь **Атей** на рубеже V—IV вв. до н. э. создал сильное скифское государство, раскинувшееся от Дуная до Азовского моря. В конце III в. до н. э. столица скифов была перенесена в Крым (Неаполь Скифский, на окраине нынешнего Симферополя). В конце III в. н. э. скифское государство разгромили готы. Скифы были преимущественно охотниками и скотоводами, но занимались и земледелием. Они установили тесные контакты с греческими колониями на Черном море — Ольвией, Пантикапеем, Херсонесом, неоднократно воевали с Ассирией, Персией, Македонией. Неповторима скифская культура: широко известен так называемый звериный стиль украшений, найденных в богатых захоронениях скифской знати.

Древнеславянская протоцивилизация. К цивилизациям 2-го поколения, которые развивались с запозданием на один исторический цикл и контактировали с античными цивилизациями 2-го поколения, можно отнести и славянскую, формировавшуюся на просторах Северного Причерноморья и Восточной Европы.

В III—II тыс. до н. э. на этих территориях (прежде всего на Северном Кавказе, в Прикарпатье, Причерноморье) произошел переход к бронзовому веку. Все признаки такого перехода налицо: осваиваются выплавка металлов и изготовление из них орудий труда, оружия, украшений; расширяется сеть поселений и увеличиваются их размеры, регулярный характер приобретает обмен между земледельческими и скотоводческими племенами (триалетская, трипольская, кобанская, андроновская, фатьяновская культуры). Общинная собственность сочеталась с частным хозяйством больших патриархальных семей. Общины объединялись в племена; выделялась родовая знать, прибиравшая к своим рукам значительную часть богатств. Союзы племен становились зародышами будущих государств. Однако на этих землях в отличие от центров раннеклассовой цивилизации на Ближнем Востоке нельзя было получать значительные урожаи путем создания систем орошаемого земледелия и концентрации населения в долинах крупных рек (другие варианты были невозможны из-за низкого уровня технического развития общества), а потому и не сложились сильные государства.

Железный век в Приднепровье, Поволжье, на Северном Кавказе начался примерно в I тыс. до н. э., а в Западной Сибири и на Алтае — с середины VII в. до н. э. (дьяковская, городецкая, ананьинская и другие культуры).

Катализатором прогресса общества на обширных территориях нынешних России и Украины были усиливавшиеся контакты с центрами античной цивилизации, в основном через греческие причерноморские города и Боспорское царство. Такие контакты помогли местным культурам практически одновременно с другими локальными цивилизациями Европы вступить в фазу перехода к средневековой мировой цивилизации.

Подробнее развитие цивилизационных процессов в Северной Евразии изложено ниже, в *главе 13*.

11.3.5. Цивилизации доколумбовой Америки

Изолированно и по особому пути развивались древние общества Америки. Согласно современным археологическим данным, заселение американского материка человеком произошло в результате нескольких волн миграции из Азии через перешеек, который поднимался на месте нынешнего Берингова пролива 40—50 тыс. лет назад и 10—28 тыс. лет назад. На севере Азии в это время был

умеренный климат, и вслед за стадами мамонтов и других крупных зверей племена охотников уходили на североамериканский континент, а затем мигрировали в Центральную и Южную Америку. Благоприятные климатические условия, обилие крупных животных и пригодных для питания растений стали причиной быстрого роста численности населения. В результате к VII тыс. до н. э. мамонты здесь были истреблены, а поголовье бизонов резко сократилось. С VII по V тыс. до н. э. основными занятиями людей стали земледелие, охота и рыболовство. Утвердилась *неолитическая цивилизация*.

Основной сельскохозяйственной культурой был маис (кукуруза); выращивали также фасоль, тыкву, авокадо, острый перец. Земледельческие культуры складываются на юго-востоке Северной Америки, территории современной Мексики, на побережье Перу. Доколумбовы цивилизации занимали пространство Центральной Америки и северо-запада Южной Америки (*рис. 11.13*). В III тыс. до н. э. освоено изготовление керамической посуды. Появился натуральный обмен, а вслед за ним — первые признаки социального расслоения.

1-е поколение цивилизаций. Примерно во II тыс. до н. э. развитие земледелия и ремесла достигло таких высот, что местное население уже могло систематически получать прибавочный продукт. Результатом стало формирование раннеклассового общества, возникновение множества государств, особенно в Центральной Америке. Строятся города, ирригационные системы, возводятся крупные культовые сооружения. Достигают расцвета ольмекская, ацтекская культуры и культура майя. Социальное деление этих обществ было очень четким: существовали высшие слои (правитель, военные вожди и жрецы); большая прослойка свободных общинников, ремесленников и торговцев; к низшему слою относились рабы, в число которых попадали военнопленные и преступники. Однако рабовладение не было преобладающим типом хозяйства. В период расцвета раннеклассового общества (в середине I тыс. до н. э.) строились крупные города, активно развивались астрономия и математика, ваяние и зодчество.

2-е поколение цивилизаций. Следующий этап в истории доколумбовой Америки начинается на рубеже новой эры. Центром культуры Тиауанако с III по VIII в. стало Боливийское плоскогорье вблизи озера Титикака. Широкое распространение получает здесь обработка металлов — золота, серебра, меди, бронзы. Локальные цивилизации Америки в отличие от европейских «сестер» не знали

Рисунок 11.13.

Доколумбовы цивилизации Америки*

Древние культуры в Южной Америке Государство инка (1460-1532)

Индийские культуры в Центральной Америке до 1520 г.

*Источник: [82. – С. 222].

обработки железа, поэтому здесь бронзовый век начался не на первом, а на втором витке цивилизационного развития, который продолжался практически до завоевания Америки европейцами.

На американском континенте в этот период появилось несколько могущественных империй. Самая известная среди них — империя инков, начало которой было положено в XIII в. К XV в. ее владения охватывали уже 900 тыс. кв. км (в 1,7 раза больше современной Франции). Социальные отношения в империи были выстроены таким образом, что все без исключения ее жители, даже верховные правители, должны были трудиться. Каждый получал участок земли, необходимый для проживания его самого и его семьи. Для удовлетворения потребностей государства и жрецов все население обязывалось, после возделывания семейных наделов, сообщать обрабатывать земли, принадлежащие Инке (государству) и Солнцу (храмам). Часть полученных на таких землях продуктов направлялась для создания общественных запасов продовольствия и на содержание вдов, сирот, престарелых, калек. Изготовленные ремесленниками орудия труда и оружие хранились на государственных складах. Скот, как и земля, делился на три части: одна — на потребности семьи, другая — для Инки, третья — для Солнца. Осуществлялся строгий контроль над потреблением, расточительство преследовалось. Обмен носил натуральный характер.

Все главы семей участвовали в процессе управления на низшем и среднем уровнях, однако верховная власть принадлежала Инке и передавалась по наследству. Важную роль играли представители аристократии. Демократические права и свободы не распространялись на беднейшие массы населения, рабов и чужеземцев.

Производительность труда в государстве инков была весьма высока, что дало им возможность построить несколько крупных городов, поражающую воображение цитадель Мачу-Пикчу, благоустроенные дороги и каналы протяженностью до тысячи километров, висячие мосты над пропастями; инки также оставили после себя замечательные памятники культуры.

Рассмотрим подробнее процесс формирования и развития доколумбовых цивилизаций в Западной полушарии, поскольку их история менее известна¹.

Исчезновение сухопутного «моста» между Азией и Америкой примерно в 13 тыс. до н. э. имело решающее значение для судеб тех племен, которым земли Западной полушария стали новой родиной. Еще одним определяющим фактором исторического про-

¹ Автор текста до конца §11.3.5 — д-р ист. наук, проф. Я. Г. Шемякин.

цесса здесь стала многотысячелетняя изоляция от Старого Света, а следовательно — и от основного потока развития человечества. Цивилизация как особый тип социокультурной организации, характеризующийся качественно более высоким по сравнению с первобытностью уровнем сложности, возникла в Новом Свете почти на тысячу лет позже, чем в Старом.

Как и повсюду в мире, материальной основой цивилиогенеза в Новом Свете стала производящая экономика как результат неолитической революции. Применительно к Америке речь идет главным образом о земледелии. Лишь некоторые племена, жившие в предгорьях Анд, занимались скотоводством (разведением лам и морских свинок). Что же касается Мезоамерики, то там скотоводство практически отсутствовало.

Первые попытки окультуривания растений были предприняты в горных областях Центральных Анд в VII тыс. до н. э., через пару тысячелетий здесь уже в массовом порядке выращивали кукурузу, фасоль и хлопок. В IV—III тыс. до н. э. земледелие постепенно утверждается и на побережье. Вторым видом человеческой деятельности в этих местах было рыболовство, а также сбор моллюсков, охота на пеликанов и пингвинов, добыча тюленей и китов. Все создало условия для быстрого роста численности населения. В III—I тыс. до н. э. производящая экономика становится ведущим фактором экономического развития племен Америки.

В Мезоамерике первые разновидности культурного маиса (кукурузы) появляются в V тыс. до н. э. в долине Теуакан (современный мексиканский штат Пуэбла), через тысячелетие можно уже говорить о зачатках системы маисового земледелия, а в I тыс. до н. э. кукурузу начинают возделывать на юго-западе нынешних США. В IV—II тыс. до н. э. выращивание маиса, фасоли и тыквы заложило продовольственную базу будущих мезоамериканских культур.

Хотя к порогу цивилизации подошли и некоторые индейские народы в других регионах (чибча-муиски на территории современной Колумбии, культуры юго-запада США и бассейна Миссисипи и др.), но главными центрами развертывания цивилизационного процесса в Америке были Мезоамерика и Андский регион.

Цивилизация ольмеков возникла в I тыс. до н. э. на территории современных штатов Табаско и Веракрус. Десять известных ольмекских центров расположены равномерно вдоль побережья Мексиканского залива, но на некотором удалении от моря. Наиболее крупные из них — Ла-Вента, Сан-Лоренсо, Трес-Сапотес, Лагуна-де-лос-Серрос.

Культура Чавин (наиболее полным выражением которой явился монументальный комплекс Чавин-де-Уантар, расположенный на высоте 3000 м в небольшой горной долине на севере перуанского нагорья) возникла примерно в 1500 г. до н. э. и существовала приблизительно до 450 г. н. э.

Как в Мезоамерике, так и в Андском регионе прослеживается одна и та же схема развертывания цивилизационного процесса: ольмеки в одном случае, Чавин — в другом формируют исходный, базовый архетип цивилизационного устройства, определяют духовно-идеологический, художественный (создание системы символов, посредством которых осуществляется духовно-практическое освоение окружающего внешнего мира и мира собственной души) и социальный эталон. Именно на него ориентировались и его в той или иной мере воспроизводили все последующие культуры, находившиеся с ольмеками и Чавином в отношениях прямого или косвенного родства и преемственности.

Почти одновременно с ольмеками (но, по-видимому, все же несколько позже) возникает культура **сапотек**ов. Главным религиозным, административным и торговым центром их цивилизации стал основанный около 500 г. до н. э. в долине Оахаки город Монте-Альбан. В течение ряда веков рядом с сапотекскими обитали их соседи — миштеки, постепенно воспринявшие их культуру. В 900 г. н. э. они захватили Монте-Альбан и превратили его в центр собственной (хотя и основанной на сапотекском наследии) цивилизации, просуществовавшей вплоть до испанской конкисты XVI в.

Пожалуй, самым блестящим из преемников ольмеков (культура которых исчезла к III в. до н. э.) стал **Теотиуакан**, крупнейший городской центр Мезоамерики, в полной мере воплотивший разработанную ольмеками концепцию цивилизационного устройства. Ядром последней являлась воплощенная в определенных религиозно-мифологических представлениях система ценностей, определявших основные поведенческие ориентации членов индейских обществ. Возникший около 300 г. до н. э., Теотиуакан достиг во II—VI вв. н. э. пика своего могущества, распространив влияние на всю Мезоамерику. Во второй половине VII в. н. э. Теотиуакан приходит в упадок. В конце столетия город пал, очевидно, под ударами варварского нашествия с севера (хотя некоторые исследователи считают, что сохранившиеся на многих зданиях следы огня могут быть и свидетельством социального конфликта, вызвавшего крушение теотиуаканской цивилизации).

После падения Теотиуакана в VIII в. в Центральной Мексике наступает период «темных веков»: в долину Мехико хлынули волны варварских нашествий — переселенцев с севера, получивших общее название «чичимеки». Однако варвары довольно быстро восприняли основы культуры погибшей цивилизации. Самыми удачливыми завоевателями и самыми способными учениками оказались **тольтеки**. К X в. н. э. прежний ареал теотиуаканской цивилизации оказался под властью центра тольтеков Толлана, расположенного на севере Мексиканского плато. Держава тольтеков претендовала на роль прямого преемника славы Теотиуакана и действительно им стала. «Родственная» связь тольтекской цивилизации с теотиуаканской не вызывает сомнений.

Необходимо упомянуть еще несколько культур, так или иначе являвшихся воспремниками ольмекского цивилизационного архетипа. Так, роль важного самостоятельного культурно-религиозного центра играл, по-видимому, **Тахин**, появившийся в начале нашей эры на территории мексиканского штата Веракрус. Там же возникла и получила распространение культура **тотонаков**.

На юге современной Мексики на границе с Гватемалой вблизи Тихоокеанского побережья важным продолжением ольмекской культурной традиции стала цивилизация **Исапы**.

Закат культуры Исапы совпадает со становлением одной из наиболее значительных цивилизаций доколумбовой Америки — **майя**, ареал влияния которой охватывал территории от юга Мексики до севера Гондураса и Сальвадора. Время расцвета цивилизации майя приходится на так называемый классический период (III—IX вв. н. э.). С конца IX в. культура майя вступает в эпоху глубокого кризиса, вызванного комплексом факторов, главным из которых явилось начавшееся в этот период массовое вторжение захватчиков с севера. В X в. полностью обезлюдели все главные города майя в тропической сельве. В X в. они были завоеваны **тольтеками**, что привело к определенным трансформациям (смена идеологических ориентиров, влияние тольтекской традиции в искусстве, изменение административного устройства — появление конфедерации городов-государств на Юкатане и др.). Но несмотря на то, что новые социально-политические и культурные образования создавались под явным тольтекским воздействием, цивилизация майя не исчезла полностью, сохранившись на Юкатане и в горной Гватемале, где пришельцев ассимилировало местное население. Хотя некоторые ориентиры в идеологии и искусстве меняются, но базовые архетипы, лежа-

щие в основе цивилизационной модели, остаются прежними, восходящими в конечном счете к ольмекскому наследию, и в «пост-классический» (900—1520 гг. н. э.) период истории майя, вплоть до конкисты.

В Центральной Мексике эпоха господства тольтеков в X—XI вв. завершается около 1200 г. н. э., когда их центр Толлан был разрушен новой волной варварской миграции с севера. Наступает период социального хаоса, который сменяется установлением нового порядка. Его носителями выступили **ацтеки**. Этот индейский народ, покинувший свою прародину Астлан (в начале XIII в.), во второй половине X в. достиг долины Мехико и укоренился там, основав в 1325 г. на берегу озера Тескоко новую столицу Теночтитлан. Последующие два века своей истории ацтеки постоянно воевали с соседями, борясь за гегемонию и создание могущественного государства. Они фактически достигли этой цели к началу XV в., в той или иной форме подчинив себе почти всю Мезоамерику. В преддверии надвигающегося кризиса они находились, по-видимому, на пути к организации имперской структуры регионального масштаба. Однако этот процесс был прерван испанским вторжением в 1520 г. Цивилизация ацтеков по всем основным параметрам обнаруживает черты преемственности по отношению к предшественникам.

В Андском регионе первым из прямых исторических наследников Чавина следует назвать, по-видимому, культуру **Паракаса** (I тыс. до н. э.). Ее непосредственным преемником стала культура **Наска** (южное побережье Перу, III в. до н. э. — I тыс. н. э.). Почти одновременно складывается (на северном побережье Перу) и широко распространяется одна из самых блестящих цивилизаций доколумбовой Америки — **мочика**. Ее наследие стало чрезвычайно ярким, знаковым выражением того цивилизационного архетипа, который был сформирован Чавином. Приблизительные хронологические рамки существования данной культуры — II—I вв. до н. э. — VIII в. н. э. Конец мочика типичен для судеб древних цивилизаций. Судя по всему, общество мочика было разрушено в результате внешнего вторжения. Его закату способствовали, возможно, и природные факторы (регулярные засухи, погубившие системы орошаемого земледелия).

Практически одновременно с мочика в Перу на берегах высокогорного озера Титикака возникла еще одна самобытная цивилизация, наследница Чавина, оказавшая значительное влияние на современные ей и последующие индейские культуры. Ее

примерные хронологические рамки — 200 г. до н. э. — IX в. н. э. Главный центр — город *Тиауанако*.

Следует отметить, что культурная традиция мочика не прервалась после исчезновения этой цивилизации как особого социокультурного образования. Мочикский культурный пласт органически вошел в культуру *Чиму* (северное побережье Перу, первая половина II тыс. н. э.), носители которой создали мощное государство, реально претендовавшее на гегемонию в Андском регионе и бывшее одно время опасным соперником инков. Столица этого государства, Чан-Чан, вполне сопоставима по своему масштабу с Теотиуаканом.

В X в. на исторической сцене появляются *инки*, которые к 1400 г. н. э. создают крупнейшее государство доколумбовой Америки, первую и единственную империю континентального масштаба, включившую в себя территории современных Перу, Боливии, Эквадора, северо-западную часть Аргентины, северную часть Чили, часть Колумбии. Инки стали создателями наиболее значительной по своим масштабам цивилизации доколумбовой Америки. При этом они опирались на опыт и достижения предшествовавших культур Андского региона.

Между двумя основными цивилизационными центрами доколумбовой Америки существовали определенные различия. Вот основные из них.

Для Андского региона характерна несколько бóльшая степень развития материально-технической базы цивилизации (прежде всего наличие относительно развитой металлургии — «бронзовый век») по сравнению с Мезоамерикой (сохранение вплоть до IX в. н. э. «каменного века» — изготовление орудий только из камня, кости и дерева; крайне незначительная роль металла после IX в.). Для Андской области можно отметить также более высокий уровень развития продовольственно-сырьевой базы цивилизации (сочетание земледелия со скотоводством, пусть и значительно менее развитым, чем в Старом Свете, а также с активным всесторонним использованием биоресурсов моря в андских культурах по контрасту с отсутствием скотоводства и незначительной ролью рыболовства в Мезоамерике). В то же время наиболее высокий в доколумбовой Америке уровень развития абстрактного мышления был достигнут именно в Мезоамерике, прежде всего у майя, что нашло свое главное выражение в наличии письменности (наиболее развитой — иероглифической — опять же у майя), практически отсутствовавшей в Андском регионе, где был выработан ее функциональный заменитель — так называемое узелковое письмо кипу.

И тем не менее общих черт у всех доколумбовых цивилизаций, прежде всего у двух главных цивилизационных центров, было гораздо больше, чем различий. Можно выделить следующие черты подобного рода.

Для всех доколумбовых культур характерен один и тот же по своей сути подход к решению ключевых проблем-противоречий человеческого существования: между мирской и сакральной сферами бытия Homo sapiens, человеком и природой, индивидом и социумом, традиционной и инновационной сторонами культуры. Для всех них типично безраздельное господство мифологического («доосевого» по **К. Ясперсу**) типа мышления, аналогичная в своих основах (при множестве конкретных различий в деталях) мифологическая картина мира. Особенно значимо то, что миф был не только реальностью сознания представителей индейского мира, но и онтологической реальностью: данный тип мышления вполне определенным образом ориентировал поведение людей, формировал определенный способ их взаимоотношений. Главные его характеристики: жесткая подчиненность всех индейских обществ природным ритмам, безусловное преобладание тенденций адаптации к среде над попытками приспособить ее к собственным потребностям; вытекающее отсюда полное преобладание природной составляющей над человеческим элементом производительных сил; доминирование естественно сложившейся общности (в различных ипостасях — от общины до деспотического государства) над индивидом, четко выраженная тенденция к растворению в подобной общности личностного начала; господство общинного архетипа как основы и системообразующего принципа всех доколумбовых обществ; ориентация на сохранение сложившейся традиции по возможности без изменений, преобладание традиции над инновацией в системном единстве культуры, нашедшее зримое выражение в тотальной ритуализации всех сторон жизни индейских культур доколумбовой Америки.

Идентичной в своих основах была социальная структура доколумбовых цивилизаций, базовыми компонентами которой являлись община и деспотическое государство, аналогичное по своему характеру и функциям древневосточным деспотиям Старого Света. Наконец, следует отметить также сходный характер основных форм знакового самовыражения культуры, прежде всего монументальную архитектуру.

Все высокие культуры доколумбовой Америки роднит еще одна черта: они достигли относительно высокого уровня цивилиза-

ции при относительно слабо развитой по сравнению со Старым Светом материально-технической базе: доколумбова Америка не знала железа, тяглового скота, колесного транспорта, лошадей, плуга, здесь несравненно меньшую роль (и только в Андской области) играло скотоводство.

В цивилизационном процессе в доколумбовой Америке четко просматривается определенная **циклическая динамика**, обусловленная изначально сформированным социальным генотипом местных цивилизаций. В целом она вполне адекватно описывается в терминах концепции **А. Дж. Тойнби**. В истории всех доколумбовых цивилизаций (за исключением последних в этом ряду, сметенных валом конкисты) прослеживаются все те стадии, которые были выделены Тойнби: генезис, рост, надлом, распад в силу тех или иных причин: либо чаще всего варварских нашествий, либо в результате внутренних социальных катаклизмов или экологических катастроф, либо как следствие совокупного действия ряда факторов. По завершении каждого цивилизационного цикла наступают, как правило, «темные века», за которыми следует жизненный цикл новой цивилизации, воспроизводящий те же самые этапы и, что самое главное, то же самое цивилизационное качество.

Воспроизведение в каждом новом цикле одного и того же социокультурного качества отнюдь не означает, что в рамках данного качества не происходило вообще никаких изменений. В чем-то наблюдался прогресс: инки, к примеру, без сомнения превзошли всех в совершенствовании техники административного управления. В других же сферах, напротив, прослеживается очевидный регресс. Так, ацтеки, унаследовав определенные астрономические и математические знания от своих предшественников, в значительной мере утратили их глубину и объем.

Если бросить общий взгляд на историю доколумбовой Америки, то можно заметить постепенное увеличение от цикла к циклу пространственных масштабов цивилизационных общностей — вплоть до создания инками первой цивилизации континентального масштаба. Однако подобное увеличение масштаба не привело к изменению основополагающих характеристик цивилизационного устройства. К моменту столкновения с христианской Европой все существовавшие к этому времени доколумбовы цивилизации обладали тем набором основных черт, которые были перечислены выше.

Своеобразные локальные цивилизации Нового Света со всеми их техническими и культурными достижениями были варварски уничтожены европейскими колонизаторами в конце XV—XVI в.

Был прерван грандиозный исторический эксперимент изолированного развития локальных цивилизаций.

11.4. Диалог и взаимодействие цивилизаций первых двух поколений

Цивилизации 1-го и 2-го поколений, размещавшиеся на обширных территориях Старого Света, развивались не изолированно друг от друга. Между ними постоянно существовали и интенсифицировались контакты в разнообразных формах — от диалога и обмена до войн. Взаимодействие цивилизаций охватывало разные сферы — торговлю, обмен культурными и научными достижениями, переселение народов, политические союзы и военные столкновения. Диалог и взаимодействие цивилизаций способствовали ускорению темпов их развития и общественному прогрессу. Цивилизации Нового Света, развивавшиеся изолированно, отстали и погибли в столкновении с ушедшей вперед западной цивилизацией.

Торгово-экономический обмен между цивилизациями. Цивилизации первого и в большей степени второго поколения вели интенсивную торговлю разнообразными товарами как между собой, так и с соседними племенами, еще не сформировавшимися в самостоятельные цивилизации. Этому способствовало создание многочисленных греческих, а затем римских колоний на побережьях Средиземного и Черного морей.

Складывались торговые пути, как морские, так и сухопутные, по которым велся активный обмен товарами. Знаменитые римские дороги служили для быстрого перемещения не только войск, но и караванов купцов с их товарами. Значительная часть флота использовалась для перевозки товаров. Государства принимали меры для поощрения международной торговли, защиты купцов и торговых судов от нападений грабителей и пиратов. Размер таможенных пошлин при пересечении государственных границ, как правило, был невелик, чтобы не тормозить торговлю. Разнообразие природных условий разных государств и цивилизаций, их специализация на производстве и вывозе определенных товаров, высокий уровень торговой прибыли способствовали развитию международной торговли, распространению производственного опыта и навыков в земледелии, ремесле, строительстве. Вдоль рек и морских побережий создавалась сеть городов, накоплению богатства в которых служили торговля и производство товаров.

Торгово-экономический обмен стал важным фактором ускорения развития, технологического и экономического прогресса всего пояса цивилизаций 1-го и 2-го поколений.

Обмен технологическими достижениями. Потребности быстро растущего населения локальных цивилизаций 1-го и 2-го поколений, разнообразие потребностей высших слоев, расширение торгового обмена, развитие речных, морских и сухопутных транспортных путей потребовали значительного повышения производительности труда на основе технологических инноваций, междоцивилизационного обмена более современными технологиями и формами организации производства.

В результате технологического обмена между цивилизациями быстро распространялись более современные приемы агрикультуры, осваивались новые сорта культурных растений, приемы выплавки металлов и получения из них разнообразных орудий труда, оружия, украшений, строительства дворцов и культурных сооружений.

Столкновения между цивилизациями, нашествия варварских племен вели к частичному разрушению развитого хозяйства. Но варвары обычно перенимали более высокий технологический опыт завоеванных ими цивилизаций.

Активный обмен производственным опытом и инновациями способствовал технологическому прогрессу всего человечества, глобальной цивилизации.

Взаимное обогащение духовными ценностями. Особенно многообразными и плодотворными были контакты цивилизаций в сфере духовной жизни — в области культуры, науки и образования, этики и религии.

Фазы подъема и зрелости каждой цивилизации сопровождались расцветом культуры, появлением новых художественных школ, сооружением великолепных архитектурных памятников, созданием произведений скульптуры, литературных произведений. Эти культурные достижения становились достоянием других цивилизаций. Известно, какое влияние оказала высокая культура греческих городов-полисов на культурную жизнь всего античного мира. Дворцы Древнего Египта, Ассирии, Вавилона служили образцом при сооружении величественных сооружений в Греции и особенно в Римской империи. В рамках обширных мировых империй создавались условия для распространения культурных достижений по всему пространству империи.

Научные достижения восточных цивилизаций послужили основой для всплеска научного творчества в Древней Греции

в VI—IV вв. до н. э. Научные открытия, сделанные в Греции и Риме, в Индии и Китае, быстро распространялись по взаимодействующим цивилизациям.

Осуществлялся взаимный обмен опытом в области образования, создавались школы писцов, школы философов. Содержание образования интеллектуальной элиты отражало новые научные знания, полученные в разных странах и цивилизациях.

С переселением народов, созданием мировых империй, возникновением и распространением мировых религий создавались условия для диалога между цивилизациями в области этики и религии. Нравственные нормы, поддержанные основными религиями, близки. История распространения буддизма на Востоке и христианства на Западе показывает интенсивность диалога цивилизаций Древнего мира.

Политические контакты и военные столкновения древних цивилизаций. Возникновение государств и правовых систем в раннеклассовом обществе, увеличение их масштабов и численности населения порождало постоянные межгосударственные и междоцивилизационные контакты в политической области, прерываемые периодически возникавшими войнами.

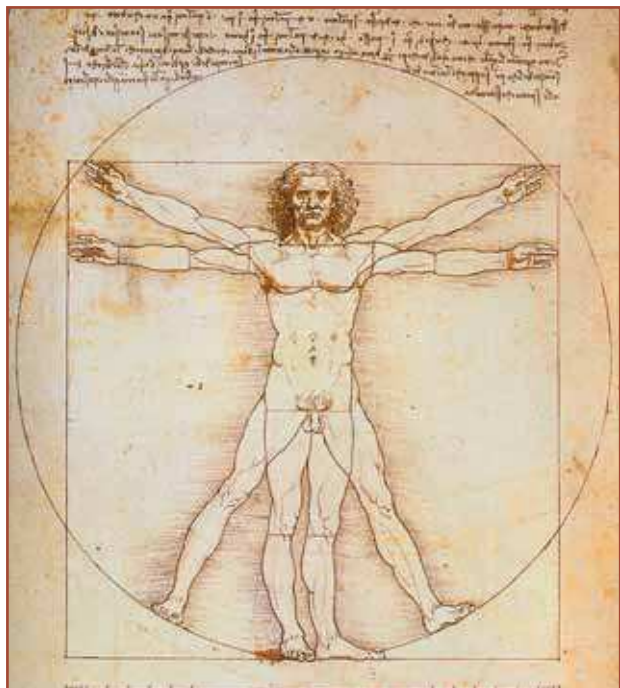
При всем разнообразии форм политического устройства, сменявших друг друга, — от восточных деспотий до афинской демократии, — в политических устройствах первых двух поколений локальных цивилизаций было много общего. Этому способствовали не только аналогичные тенденции социальной дифференциации (стратификации), но и обмен опытом и заимствование форм политического устройства в результате диалога цивилизаций. В качестве примеров могут служить во многом близкая структура управления государством и система правовых норм, а также наличие статуса «вольных городов» (ремесленно-купеческих) в разных цивилизациях.

Довольно часто между разными государствами и цивилизациями заключались политические союзы, способствовавшие обмену опытом. Военные столкновения и завоевания становились причиной быстрого распространения новых видов оружия и средств обороны, методов ведения военных действий (военного искусства). Но иногда они завершались покорением одних цивилизаций другими, а то и гибелью побежденных культур.

Следовательно, в итоге первого этапа формирования и развития глобальной цивилизации человечество не только сформировало ее структуру, сохранившуюся до наших дней, но и обеспечило разнообразие локальных цивилизаций и активное взаимодействие между ними.

Глава 12

ЦИВИЛИЗАЦИИ ВТОРОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СУПЕРЦИКЛА

Примерно с середины I тыс. н. э. глобальная цивилизация вступила во второй сверхдолгосрочный цикл своего исторического развития, охвативший полтора тысячелетия — до конца XX в. За это время сменили друг друга три мировые цивилизации (средневековая, раннеиндустриальная и индустриальная); два поколения локальных цивилизаций (3-е и 4-е); два социокультурных строя (идеациональный, то есть сверхчувственный, а затем чувственный); прошли фазы распространения, господства, отступления, а в конце периода — возрождения мировых религий.

Истории этого периода посвящены сотни и тысячи научных трудов, его изучали и еще будут изучать десятки научных школ. Наша задача в связи с этим более простая и в то же время более сложная и нестандартная: исследовать крупнейший этап истории человечества в трехмерном измерении — в одновременном развертывании глобальной, мировых и поколений локальных цивилизаций, во всей богатейшей палитре их генотипов, их взаимосвязей и наследственной изменчивости.

12.1. Мировые цивилизации второго исторического суперцикла

Ушедшие от нас полтора тысячелетия были периодом все ускоряющихся перемен. Темп исторического прогресса, замедлившийся в середине I тыс. н. э., снова нарастал. Сокращались жизненные циклы сменявшихся друг друга мировых цивилизаций — средневековой, раннеиндустриальной, индустриальной. Они имели много общих элементов в экономической, технологической, государственно-политической и социокультурной структуре и в то же время представляли собой последовательные этапы развития глобальной цивилизации, обогащения ее наследственного ядра.

12.1.1. Средневековая цивилизация

После долгого и мучительного переходного периода, сопутствовавшего смене исторических суперциклов, пришло время очередной, средневековой мировой цивилизации. Рассмотрим пути ее возникновения, характерные черты, этапы развития и признаки кризиса, наступившего, когда историческое время этой цивилизации истекло.

Генезис феодализма. Этот процесс шел разными путями. Можно выделить несколько типов (моделей) формирования феодальной системы.

1. Византийский путь, по которому пошла Восточная Римская империя. Она сумела сохранить все основные составляющие наследия античной цивилизации (сеть крупных городов, в экономике которых преобладали ремесло и торговля; рабовладение в сочетании с общинным землевладением; развитую культуру; сильное государство с развитой правовой системой), постепенно преобразуя их и наращивая элементы, свойственные феодальным отношениям. Более того, в конце IX—X в. в Византии даже произошло некоторое укрепление рабовладельческого уклада. Однако это не могло остановить распространение феодального строя.

В городах складывались корпорации свободных ремесленников, купцов, моряков, владельцев кораблей. Развивались города, первую скрипку среди них играл Константинополь.

Для Византии переход к средневековой мировой цивилизации оказался не столь болезненным процессом, как для других культур того времени. Однако длительное сохранение рабовладельческих отношений, преобладание консервативных элементов обусловило медленный прогресс; переход к феодализму завершился лишь в XV в., Византия утратила лидерские позиции и в середине XVI в. сошла с исторической сцены.

2. Итальянский путь генезиса феодализма был весьма разрушительным и тяжелым, зато более коротким, чем византийский. Ослабевший Рим стал отличной приманкой для варварских племен, которые совершали регулярные набеги на Италию, сжигая города, захватывая земли и устанавливая над ними свое владычество. Постепенно, смешиваясь с местным населением, они впитывали наследие античной цивилизации, преобразуя его на свой примитивный лад.

Несмотря на то что варвары нанесли непоправимый урон Римской империи, в конечном счете они влили в нее свежую кровь.

Вожди варварских племен становились крупными, а простые воины — мелкими свободными землевладельцами; положение последних мало чем отличалось от положения колонов. Городские ремесленники и торговцы, сократившие на время объемы производства и потерявшие прежних крупных заказчиков, постепенно находили новых покупателей, восстанавливали торговые связи, активно используя великие торговые пути по рекам и морям. На Апеннинском полуострове феодальные отношения в основном утвердились к IX в. Отличием же их от феодализма в большинстве других стран Европы было то, что на территории Италии не было единого государства с сильным центром.

3. Французский путь к феодализму был присущ ряду государств, образованных на основе бывших римских провинций. Эти страны восприняли некоторые достижения Античности (в том числе производственные технологии и систему права), но сохранили элементы общинно-родового строя. Вожди племенных объединений раздавали своим приближенным (вассалам) земли в наследное владение с условием, что те будут выполнять ряд обязанностей: собирать воинские отряды для защиты своего сюзерена, отдавать ему определенную часть дохода, полученного от ведения хозяйства, осуществлять административное управление вверенными им территориями. Подобные земли, полученные во владение на условиях несения службы хозяину, и назывались феодами. Крупные же вассалы распределяли землю между мелкими, формировалась система вассалитета. В итоге получалось, что у каждого земельного участка есть несколько носителей владельческих прав, возникала так называемая иерархическая лестница феода. При этом сами земледельцы, крестьяне, были не собственниками, а лишь держателями своих земельных наделов, постепенно попадая в поземельную и правовую зависимость от крупных землевладельцев.

4. Скандинавско-русский путь, как следует из его названия, был характерен для народов, на землях которых по разным причинам не сложилась развитой системы рабовладения. Эти народы переходили непосредственно от первобытно-общинного строя (в его развитом, модифицированном применительно к технике железного века виде) к феодализму. Племенные вожди и военные предводители (князья, конунги и т. д.) и их ближайшие соратники (дружинники) превращались в землевладельцев-феодалов, а бывшие свободные общинники — в зависимых крестьян. Первоначально общинная собственность на землю сохранялась, но крестья-

не обязаны были выплачивать регулярную дань — это зачаточная форма феодальной ренты. Переход к феодальным отношениям позволил народам Восточной и Северной Европы значительно ускорить темпы своего цивилизационного развития и практически одновременно с народами Западной Европы создать сильные государства.

5. Мусульманский путь генезиса раннефеодальной цивилизации связан с возникновением ислама (VII в.). Догматы этой религии были взяты на вооружение многими народами Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки и стали знаменем их стремительной территориальной экспансии. В VII в. арабы овладели Ближним Востоком, Ираном, Египтом, Средней Азией; в начале VIII в. распространили свое влияние в Испании, в начале IX в. заняли Крит, Мальту, Сицилию. Несмотря на то, что постоянные войны между мусульманами и христианами наносили немалый ущерб обеим сторонам, арабское завоевание имело и положительные стороны: оно способствовало синтезу западной и восточной культур; давало импульс развитию городов, торговли и ремесла; помогало становлению феодальных земельных отношений.

6. Восточный путь к средневековой цивилизации был избран в Китае, Индии, Персии, Средней Азии. Здесь не было классической формы рабовладельческих отношений, свойственной античной цивилизации; формирование феодальных отношений осуществлялось постепенно и в разнообразных формах.

По мнению **И. М. Дьяконова**, переход к феодализму в Китае завершился во II в. н. э. в эпоху Младшей династии Хань. Богатые землевладельцы («сильные дома») брали под патронат крестьянские хозяйства, получая с них доходы в натуральном виде (феодальную земельную ренту) и платя за них государственные налоги; крестьяне становились лично зависимыми, прикреплялись к земле, подлежали суду «сильных домов» [62. — С. 72–77]. В Японии похожая система была внедрена значительно позднее — с IX в. [там же. — С. 77–78].

В Индии переход от древних обществ к средневековой цивилизации произошел в V–VII вв. н. э. Доля рабского труда в экономике уменьшалась, многие рабы получили личную свободу, но сохраняли правовую зависимость от прежних владельцев. В то же время большинство прежде свободных общинников превратилось в феодально-зависимых крестьян. Часть земель раздавалась в наследственное владение или «в кормление» сановникам в виде награды за службу. Важную роль в феодализации общества сыгра-

ли монастыри, владевшие обширными хозяйствами и прикрепленными к земле крестьянами. Особенностью Индии было сохранение в средневековый период сословно-кастовой системы (претерпевшей некоторую модификацию).

В Иране начало феодальным отношениям было положено в период Сасанидской империи (III—VII вв.), когда утвердилось «магнатское» землевладение, деление общества на сословия и зависимость крестьянства.

Таким образом, переход ко второй триаде цивилизаций характеризуется разнообразием форм, широтой охвата и множественностью направлений, а также сближением уровней развития многих локальных цивилизаций, которые примерно в одно и то же время подошли к очередной исторической ступени — средневековой цивилизации, охватившей обширную зону населенной части планеты.

Великие переселения народов. В период становления средневековой цивилизации (IV—VII вв.) особенно ярко проявилась закономерность, выражающаяся в резком усилении подвижности населения, массовом переселении народов на рубеже эпох. Увеличение численности населения и, следовательно, быстрое уничтожение природных ресурсов на уже освоенных территориях, военные столкновения вынуждали огромные массы людей отправляться за тысячи километров в поисках лучших земель. Огромных масштабов подвижность населения достигла при переходе от Античности к Средневековью. Это время так и называется — эпоха Великого переселения народов. Волна за волной на ослабевшую Римскую империю накатывали с Востока и Севера племена варваров: готов, гуннов, вандалов, бургундов, англов, саксов, аваров, венгров... Эти и многие другие племена находились на стадии становления раннеклассового общества, но уже овладели военной техникой железного века, что помогало им отвоевывать у Рима все новые земли (рис. 12.1).

Завоеватели грабили и разрушали города и села, убивали их жителей, брали огромную дань с покоренных народов, уничтожали памятники культуры. Но в конечном итоге варвары оседали на завоеванных землях, основывали там свои государства и со временем ассимилировались среди местных жителей, перенимая (в примитивном виде) их обычаи и культуру. Конечно, по сравнению с высоким уровнем Античности это был регресс. Однако с точки зрения истории человечества — прогресс: нужно было отступить на шаг назад, чтобы затем сделать два шага вперед — к средневековой цивилизации.

В XIII в., на закате Средневековья, мир всколыхнула новая, но уже не столь сильная волна переселений. С Востока в Среднюю Азию, Закавказье, Восточную и Центральную Европу хлынули монголы. Из Западной Европы поток крестоносцев и паломников направился на Ближний Восток, в Византийскую империю, славянские государства (рис. 12.2). Но с утверждением раннеиндустриальной цивилизации все пришло в норму. Период расцвета каждой мировой цивилизации характеризуется большей стабильностью населения, хотя и не исключает внешней экспансии, войн за завоевание новых территорий. Яркие тому примеры — завоевание Нового Света, становление Британской империи, системы колониализма XVIII—XIX вв.

Характерные признаки средневековой цивилизации. Каковы характерные признаки Средневековья, каков его вклад в историческое, материальное, экономическое и духовное наследие человечества?

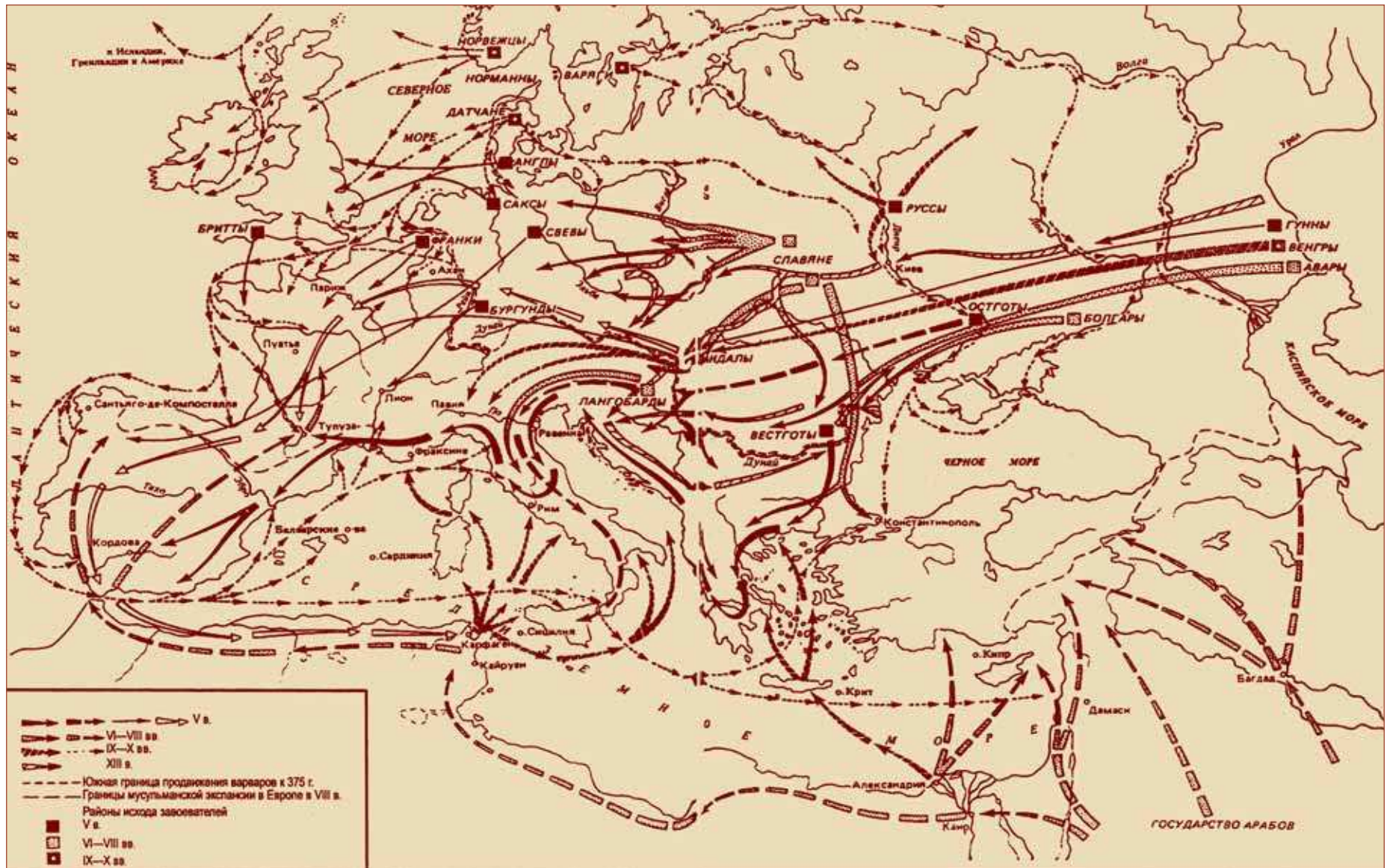
1. Это был **период господства мировых религий** — христианства, мусульманства, буддизма, индуизма. Религии стали доминирующим фактором в развитии общества. Их воздействие на цивилизационный прогресс оказалось противоречивым. С одной стороны, религия выступала как интегратор (в условиях феодальной раздробленности) и стабилизатор общества, единая оболочка формирования, по выражению **Ф. Броделя**, мир-экономика на целых континентах с ускоренным развитием рыночных отношений. Она поддерживала развитие культуры (пусть даже только тех ее направлений, которые были необходимы для ее пропаганды, — теологии, риторики, духовной музыки, архитектуры храмов).

Однако факт остается фактом: религиозный диктат сковывал свободную мысль, тормозил развитие науки, становился причиной фундаменталистской нетерпимости, желания уничтожить «неверных». Множество войн того времени было прямо или косвенно инициировано церковью. Самый яркий пример — восемь Крестовых походов (с 1096 по 1270 г.), во время которых были разрушены десятки городов, погибли сотни тысяч людей. Однако Крестовые походы способствовали оживлению средиземноморской торговли и судоходства, освоению европейскими странами многих технических и культурных достижений Востока.

2. Вторая отличительная черта средневековой цивилизации — **большая личная свобода и экономическая заинтересованность в труде** крестьян и городских ремесленников по сравнению с жестким внеэкономическим принуждением рабов. Многоступенчатая,

Рисунок 12.1.

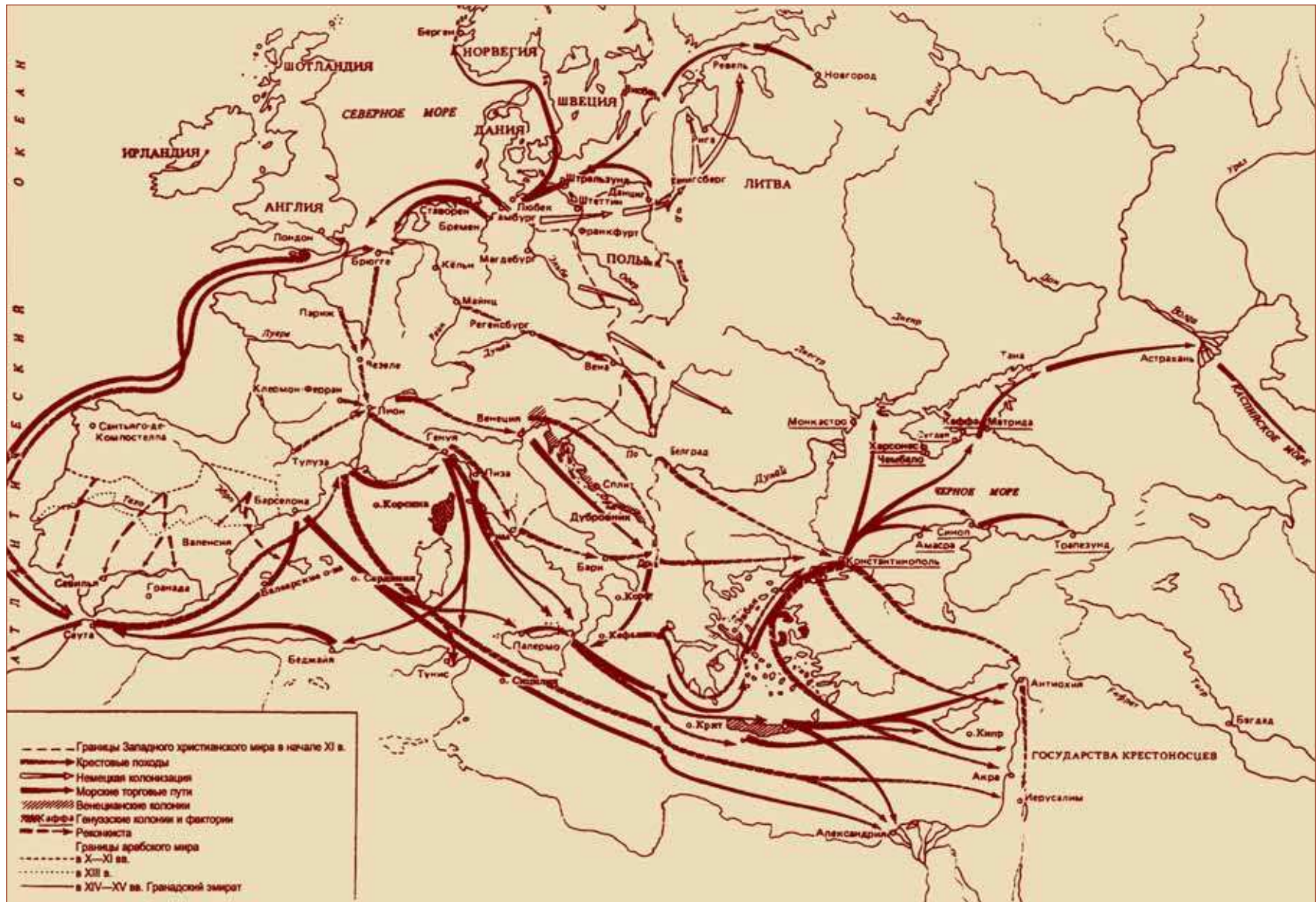
Нашествия на Европу. V—XIII вв. н. э.

Источник: [242. – С. 150–151].

Рисунок 12.2.

Экспансия Запада. XI—XII вв. н. э.

Источник: [242. – С. 152–153].

иерархическая собственность на землю и прикрепление к ней в той или иной форме крестьян составили преобладающий фон экономических отношений в деревне. Отсюда почти ничем не ограниченные права сюзерена, многочисленные феодальные поборы и повинности, вызывавшие крестьянские восстания. Аналогом феодализма в городах была жесткая регламентация работы в ремесленных цехах и купеческих гильдиях.

Города становились очагами свободомыслия и источниками разнообразных религиозных течений (считавшихся ересями и преследовавшихся), центрами торговли и науки. Здесь же с появлением университетов началась и очередная революция в образовании.

Наибольших успехов в Средние века достигли города-государства на севере Италии — Венеция, Генуя и Флоренция, где утвердился республиканский строй. Венеция и Генуя боролись между собой за владычество на морях, образовали ряд колоний на побережье Средиземного и Черного морей, а через них торговали со странами Востока. Венецианцы, разбогатевшие на торговле, имели возможность украшать свой город на воде уникальными дворцами и храмами, и поныне являющимися мировым культурным достоянием. Флоренция, не имевшая выхода к морю, развивалась за счет ремесла (здесь впервые в мире возникли шерстяные мануфактуры); прославилась архитектурой, изобразительным искусством; стала одним из центров итальянского Ренессанса.

Расширение торговли, переход к рыночной экономике, очередной демографический подъем были обусловлены не только развитием ремесел, достижениями цеховой организации производства, но и прогрессом земледельческой техники, усовершенствованием конного плуга, распространением трехпольного севооборота.

3. В сфере политики характерной чертой средневековой цивилизации была **борьба феодальных монархий со своевластием многочисленных вассалов**, феодальной раздробленностью, порождавшая бесчисленные войны.

Место мировых империй античного общества, основой могущества которых являлись военные завоевания, заняли торгово-политические империи и союзы, поддерживаемые той или иной религией. Идеологическим фундаментом Византийской империи была православная ветвь христианства. На базе западной, католической, его ветви неоднократно предпринимались попытки возродить Священную Римскую империю. Крупные средневековые империи возникли на Востоке. Мусульманские завоевания на не-

сколько веков дали жизнь Арабскому халифату — при династиях Омейядов (661—750 гг., столица — Дамаск) и Аббасидов (750—1258 гг., столица — Багдад). Огромных размеров достигла Монгольская империя, начало которой было положено завоеваниями Чингисхана (1155—1227). Одна из наследниц его империи — Золотая Орда — простиралась от Иртыша до Крыма, низовьев Днепра и Дуная, русские княжества платили ей дань до конца XV в. В Индии более трех столетий, с 1526 по 1858 г., просуществовала империя Великих Моголов, выдающимся представителем которой был **Акбар**, осуществивший ряд радикальных экономических и политических преобразований.

Торгово-политические союзы формировались в Европе, которой, как отмечает **Ф. Бродель**, в этот период была присуща биполярность. Лидером первой группы стран Центральной и Северной Европы был Брюгге (затем Любек). Торговые пути ганзейских городов пролегли по всему миру, что способствовало их процветанию. Другую группу возглавляли итальянские города, могущественные Венецианская и Генуэзская республики, постоянно воевавшие за верховенство в регионе. Венеция, благодаря мощному флоту, развитым торговле и ремеслам, богатой культуре, распространила свое влияние почти на всю Западную Европу, Средиземноморье. Венеция была моделью формирования рыночной инфраструктуры и относительно демократического политического строя, терпимого к различным вероисповеданиям. Именно здесь появились зачатки капитализма.

4. В плане технического развития средневековая цивилизация не совершила прорывов, подобных тем, что были сделаны в эпоху раннеклассовой цивилизации. Земледельческая техника, хотя и предполагала трехполье и применение улучшенного плуга, развивалась медленно. Основой энергетики ремесла стала «революция мельниц» — ветряных и водяных. К крупным нововведениям той эпохи можно отнести использование бумаги и пороха, развитие производства часов, оптических линз и цветного стекла. Использование компаса и кормового руля расширило возможности судоходства.

5. Несмотря на бесконечные войны и религиозные преследования, **в эпоху Средневековья существенно улучшились условия жизни людей**, особенно в городах. Этому способствовали прогресс земледельческой, ремесленной, строительной и транспортной техники, энергетическая революция. Быстро увеличивалась численность населения. Так, в Европе она выросла с 27 млн чело-

век в 700 г. до 73 млн в 1300 г., то есть в 2,7 раза (а за предыдущие 500 лет сократилась в 2,5 раза). Это способствовало появлению множества крупных и средних городов, массовой их застройке, развитию архитектуры.

Кризис средневековой цивилизации. Примерно с середины XIV в. в Европе наблюдаются признаки кризиса средневековой цивилизации: «Этот громадный рынок Европы рухнул с баснословным спадом XIV—XV вв. (1350—1450 гг.), вместе с Черной смертью, которая была, возможно, одновременно следствием и причиной; ослабление экономики в моменты хлебного кризиса и голодовок 1315—1317 гг. предшествовало эпидемии и благоприятствовало ее зловещей работе» [23. — С. 564].

Численность населения Европы за столетие (1300—1400 гг.) сократилась с 73 до 43 млн человек — на 42%. Люди перестали осваивать новые и забросили часть прежних пахотных земель, а сильные неурожаи 1313—1317 гг. вызвали рост цен и голод. В городах разорялись ремесленники и торговцы. По городам и весям прошла волна восстаний.

Кризис средневековой цивилизации имел экономические, политические и идеологические корни.

Экономические: развитие хозяйства сковывала зависимость крестьян от феодала; рост феодальной ренты и поборов с городских ремесленников подрывали заинтересованность работников в труде.

Политические: бесконечные феодальные войны, бесправие крестьян, ремесленников и купцов, своеволие аристократии обусловили неустойчивость общества.

Идеологические: диктат и фанатизм ряда религиозных деятелей тормозили прогресс науки, культуры, образования.

12.1.2. Раннеиндустриальная цивилизация

Становление раннеиндустриальной цивилизации. С середины XV в. начинается новый длительный период подъема, который в Европе шел по двухполюсной схеме. Один полюс — в Италии периода Ренессанса. Другой — на севере континентальной Европы с центром в Антверпене, а затем в Англии с центром в Лондоне. Пик (и переломная точка) этого цикла, по **Ф. Броделю**, приходится на 1650 г., завершение — на 1733—1743 гг.

Представляется логичным назвать эту мировую цивилизацию *раннеиндустриальной*. Такой термин выражает главную тенден-

цию динамики общества в странах, находившихся в авангарде исторического прогресса; указывает на переходный характер этого этапа, который стал базой для достижения вершины второго исторического суперцикла — индустриальной цивилизации.

Великие географические открытия конца XV в., а также все возрастающая угроза со стороны Турции (после падения Константинополя) стали причиной перемещения части торговых путей из Средиземноморья в Атлантику, Северное и Балтийское моря. Завоевывая господство на морях, на первые позиции в Европе выходили сначала Португалия, потом Испания, а затем Великобритания. Центром мировой торговли и экономического могущества в XVI в. стал Антверпен, на рубеже XVI—XVII вв. — Генуя, затем Амстердам, а в конце периода — Лондон (к 1700 г. он насчитывал около 550 тыс. жителей и был самым большим городом Европы).

Эти столетия ознаменовались и началом борьбы буржуазии за политическую власть, что нашло наиболее яркое выражение в нидерландской и английской буржуазных революциях.

Знаменами эпохи стали итальянское Возрождение, великая научная революция, Реформация в Германии. Старт промышленной революции дали господство мануфактур, освоение каменного угля, развитие горной и металлургической промышленности.

В эпицентре становления раннеиндустриальной цивилизации находились страны Западной Европы — Италия, Великобритания, Нидерланды, Франция, Германия. Именно здесь зародились новые идеалы и общественно-политические движения, утвердились капиталистические экономические отношения, начала формироваться буржуазная демократия, возникли абсолютистские государства, которые в основном покончили с феодальными междоусобицами, обеспечили большую политическую стабильность и защиту сформировавшейся в результате первоначального накопления капитала частнокапиталистической собственности.

Примерно в это же время сильное абсолютистское государство сложилось в Китае. Его фундаментом стал ускоренный рост городов, региональное разделение труда, которое привело к появлению крупных мануфактур, развитию торговли и денежного обращения (с XII в. начался выпуск бумажных денег). Могущество китайской державы достигло пика при династии Мин (1368—1644). Однако в Китае не сложился слой радикальной буржуазии. Маньчжурское завоевание, а затем европейская колонизация надолго задержали развитие страны. Так и не вышли за рамки средневековья Турция, Иран, Монголия, Юго-Восточная Азия. С некоторым запозданием

к новой исторической эпохе перешли Россия и Япония. Индия занимала ведущие позиции по объемам ВВП — 25% от мирового уровня в 1500 г.; в 1700 г., к концу периода, лидерство перешло к Китаю, производившему в 1820 г., по оценке А. Мэддисона, треть мирового ВВП. На Западную Европу приходилось 23%, государства на территории прежнего СССР — 5,4%, Японию — 3%, США — 1,8% мирового ВВП [264. — Р. 25, 260].

Основные достижения раннеиндустриальной цивилизации. Чем обогатила историческое наследие человечества эпоха, которую можно обозначить как раннеиндустриальную цивилизацию?

1. Наиболее знаменательной вехой был **взлет духовной жизни**, получивший блестящее воплощение в итальянском Ренессансе (XIV—XVI вв.). По своему историческому значению он равен первой интеллектуальной революции VI—IV вв. до н. э. в Древней Греции; собственно говоря, Ренессанс и начался с возрождения интереса к античному наследию.

Эпоха гуманизма, продлившаяся примерно до середины XIX в., на первый план выдвигает Человека, освобожденного от жестких ограничений Средневековья, творческую Личность, отдающуюся радости бытия, ощущения, познания. Это нашло отражение в Великой научной революции, заложившей основы современной науки. Вершинами этой революции стали открытия в астрономии, ряде теоретических и инженерных наук, в философии и медицине.

Не менее впечатляющие успехи были достигнуты в литературе (Данте, Петрарка, Бокаччо, Эразм Роттердамский, Сервантес), театральном искусстве (итальянская комедия, драматургия Лопе де Вега, Шекспира), живописи, скульптуре и архитектуре (Леонардо да Винчи и Рафаэль, Джорджоне и Тициан, Микеланджело и Дюрер).

2. Научный переворот эпохи Возрождения был связан с **общетехнической революцией**, подпитывался достижениями практики и удовлетворял ее запросы. Мануфактура, основанная на разделении труда, многократно повысила его производительность по сравнению с ремеслом и стала причиной заметного удешевления промышленной продукции.

Значительное развитие получило производство огнестрельного оружия — пушек, ручных пищалей, мушкетов. Прогресс морского флота позволил осуществлять дальние плавания, способствовал развитию международной торговли, диалогу цивилизаций. Лишь в сельском хозяйстве, где преобладал труд крепостных и зависимых крестьян, не было значительных изменений, хотя и здесь появилось много полезных усовершенствований.

3. Экономические отношения раннеиндустриальной цивилизации характеризуются укреплением и расширением границ рынка, становлением капиталистических отношений. Сначала в Италии, затем в Амстердаме, Париже, Лондоне складывается рыночная инфраструктура, внедряются механизмы вексельного оборота, банковской и биржевой деятельности. Экономическая власть постепенно переходит от землевладельцев, аристократии и церкви к торговому, финансовому и промышленному капиталу. Сельское хозяйство также все более вовлекается в рыночный оборот. Сужаются границы личной зависимости; не только в городе, но и в деревне распространяется наемный труд.

Можно сказать, что это был период победоносного шествия буржуазной экономики по планете. Именно в этот период многочисленные локальные и региональные рынки сложились в национальные рынки, тесно связанные механизмами международной торговли.

Во главе экономического прогресса шла Западная Европа, где произошел исторический поворот к капиталистическому обществу, его первой фазе — мануфактурному капитализму. Менее известны, но не менее впечатляющи достижения восточных цивилизаций — индийской и китайской.

4. В социально-политической сфере раннеиндустриальную цивилизацию отличают разнородные тенденции.

Наиболее крупным ее достижением стало формирование абсолютистских национальных государств. В результате было обуздано бесчинство феодальных владык, руководствовавшихся правом силы, созданы благоприятные условия для расширения производства и торговли.

Усилилась борьба масс за политическое равенство, преодоление феодальной иерархии, всевластия и своеволия сюзеренов. В городах утверждались купеческие республики. Итогом нидерландской и английской буржуазных революций стало усиление политического влияния «третьего сословия». Однако на государственном уровне власть по-прежнему принадлежала монарху, аристократии и высшим церковным иерархам; лишь в Англии, с расширением прав парламента, в броне феодализма была пробита большая брешь. В Венеции сохранялся традиционный республиканский строй.

Вместе с тем это было время резкого обострения социальных конфликтов, народных восстаний, кровопролитных гражданских и религиозных войн. Монархи и феодалы вели бесконечные войны;

назовем лишь Столетнюю войну между Англией и Францией 1397—1453 гг. и общеевропейскую Тридцатилетнюю войну 1618—1648 гг. Правящей верхушке нужно было все больше и больше денег, которые она могла получить, лишь усиливая налоговый пресс на буржуа и крестьян. Непомерно высокие налоги становились причинами частых народных восстаний, самыми заметными из которых были Жакерия во Франции и крестьянская война в Германии.

5. Результатом активных морских путешествий и Великих географических открытий (рис. 12.3) стало **формирование мировых колониальных империй**. Первые из них, Португальская и Испанская, появились в итоге освоения Америки, открытой генуэзцем **Христофором Колумбом** при поддержке испанской короны. Претензии на колониальную империю заявила и Британия. Велась бесконечные войны за захват и передел заморских владений. Утверждение буржуазного строя основывалось на насилии, истреблении целых народов и культур. Трагически сложилась судьба древних цивилизаций Центральной и Южной Америки — их население и большая часть культурного наследия были уничтожены европейскими завоевателями, на покоренных территориях насильственно утверждены феодальные и частично рабовладельческие отношения.

Кризис раннеиндустриального общества. Его потенциал, в значительной мере базирующийся на грабеже колоний и первоначальном накоплении капитала, к середине XVII в. был исчерпан. Вторую половину этого и начало следующего столетия можно характеризовать как период кризиса раннеиндустриальной и зарождения индустриальной цивилизации.

Возможности удовлетворять все возрастающие потребности многократно увеличившегося числа людей, а главное — королевских дворов и знати, опираясь лишь на мануфактурное производство и колониальную торговлю, постепенно сокращались. Население мира с 1500 по 1820 г. увеличилось с 438 до 1042 млн человек — в 2,4 раза, тогда как за предыдущие 500 лет — в 1,6 раза [264. — Р. 256].

Западные колонизаторы уже не получали столь огромных прибылей от грабительской торговли с Индией, Индонезией, Африкой, Америкой. Кроме того, в Европе прошла череда катастрофических неурожаев. Переворот в технологическом способе производства стал неотвратим.

Развитие сельского хозяйства и мануфактурного промышленного производства вошло в противоречие с ростом паразитизма феодальной верхушки, с разрушительными последствиями феодальных и колониальных войн, первых буржуазных революций

в Нидерландах и Англии. Набравшая экономическую мощь буржуазия («третье сословие») оставалась политически бесправной. Общество созрело для революционного перехода к очередной мировой цивилизации.

12.1.3. **Индустриальная цивилизация**

Промышленный переворот и становление индустриальной цивилизации. Вершиной второго исторического суперцикла, реализацией присущего ему потенциала стала индустриальная цивилизация, преобразившая весь мир.

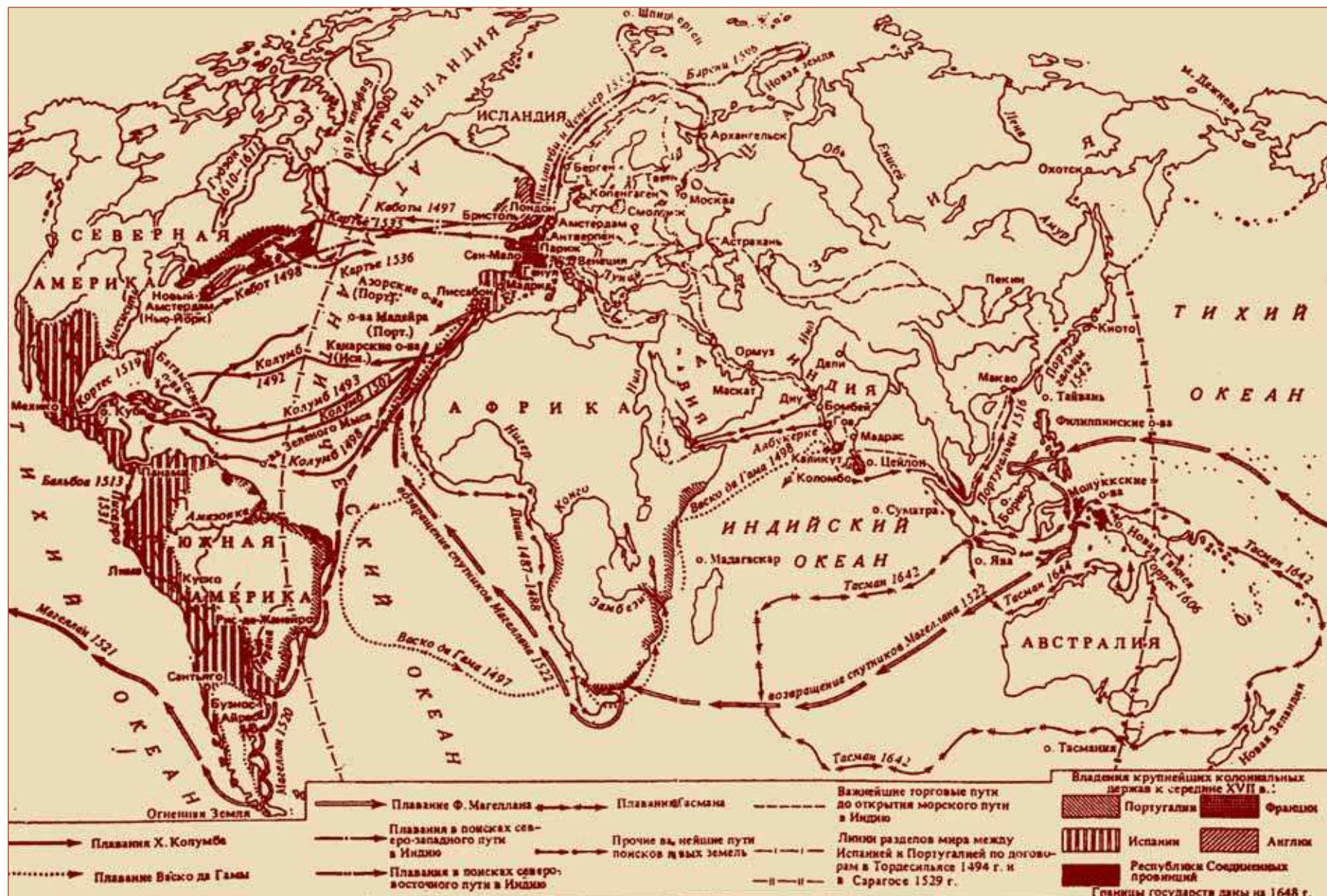
Фаза ее становления охватывает период с последней трети XVIII до начала XIX в., когда стартовала промышленная революция. Эпицентр индустриальной мировой цивилизации первоначально располагался в Великобритании, а затем переместился в континентальную Европу и Северную Америку. Фаза быстрого распространения в авангардных странах (преимущественно западной цивилизации) длилась до середины XIX в. После этого можно говорить о вступлении индустриальной цивилизации в фазу стабильного развития. Представляется, что она прошла стадию подъема и зрелости примерно до начала Первой мировой войны, после чего начался ее закат, с конца XX в. трансформировавшийся в период перехода к постиндустриальной цивилизации. Однако в 50—60-е годы наблюдался недолгий подъем индустриальной цивилизации на волне научно-технической революции (НТР), завершившийся кризисом 70-х годов. Это был третий, последний «звонок» перед началом нового исторического суперцикла.

Характерные черты индустриальной цивилизации. С позиций закономерностей исторического прогресса можно отметить следующие особенности индустриальной цивилизации.

1. **Растущая механизация и концентрация производства, распространение систем машин**, увязанных в одну технологическую цепочку — сначала на отдельном предприятии, потом в масштабах одной или нескольких стран (международные монополии), а затем в глобальных масштабах (транснациональные корпорации). Все это превратило общество в совокупность взаимосвязанных больших, средних и малых технических систем, работающих в едином ритме, синхронизированно переживающих фазы подъемов, кризисов и обновления. Индустриальное общество отдает приоритет технологиям. Технический прогресс, который

Рисунок 12.3.

Великие географические открытия

Источник: [242. – С. 160–161].

лежит в основе экономического роста и конкурентоспособности продукции, базируется на достижениях науки.

2. Человек в индустриальной системе является творцом машин, строит и эксплуатирует их. Однако созданное ради удовлетворения его потребностей машинное производство все больше подчиняет себе человека, навязывает ему ритм жизни, а смена поколений техники угрожает безработицей. Демиург машинного мира становится его рабом.

С торжеством машинного производства эпоха гуманизма закончилась. Это нашло выражение и в культуре. Возникла стандартизированная, лишенная национальных особенностей, бездуховная массовая культура.

3. В экономике индустриальной эпохи шли противоречивые процессы. Неоспоримы ее достижения, приведшие к могучему и длительному подъему производительных сил, уровня жизни населения развитых стран. Согласно **А. Мэддисону**, объем ВВП с 1820 по 2001 г. увеличился (в сопоставимых ценах) в 53,5 раза (при росте численности населения в 5,9 раза), в том числе в Западной Европе — в 46,9 раза, США — в 637 раз, Японии — в 127 раз [264. — Р. 252]. Благодаря крупномасштабному применению науки и технологий, возросшей мощи индустрии производительность труда повысилась в десятки раз. Большинство семей в развитых странах получило возможность жить в комфортабельных жилищах, пользоваться разнообразной бытовой техникой, периодически приобретать новые автомобили, путешествовать по всему миру.

Однако за прогресс человечество заплатило дорогой ценой. Все более отчетливой становится ныне бесперспективность деформированной структуры национального и глобального воспроизводства. Благополучие и процветание богатых стран основаны на безжалостной эксплуатации трудовых и природных ресурсов всего остального мира.

От эпохи свободной конкуренции остались только воспоминания. Через акционирование экономика взойшла к господству монополий, которые постепенно срослись в единое целое с мощным государственным аппаратом. Во второй половине XX в. произошел стремительный взлет транснациональных корпораций, ставших мощными интеграторами мировой экономики в ведущих ее сферах. Внешне капитал стал демократичным явлением, все более широкие слои населения получили возможность приобретать акции и облигации различных компаний. Но за ширмой демократии скрывалось экономическое (да и политическое) могущество экономической элиты.

4. Тот факт, что общество в национальных и мировых масштабах стало более однородным, создал условия для более четкого проявления **закономерностей цикличной динамики цивилизаций**. Начиная с 1825 г. с периодичностью раз в десятилетие развитые страны потрясают экономические кризисы. Выявляются также контуры полувековых (кондратьевских) циклов, ритмы обновления поколений техники, технологических укладов и тенденции волнообразно-спиралевидной динамики других сфер общественной жизни.

5. Не менее противоречиво **развитие политической и государственно-правовой систем** индустриальной эпохи. Расширились границы буржуазной демократии. Но концентрация экономических сил обернулась концентрацией власти политической, диктатурой, прикрытой ширмой демократии. Это нашло выражение в утверждении тоталитарных режимов, которые в условиях глубокого кризиса и хаоса иногда приходили к власти демократическим путем (как это произошло в Германии в 1933 г.). Мощные средства идеологического воздействия создавали базу для таких режимов, для унификации политических взглядов людей и формирования массовых политических партий.

В индустриальном обществе утверждался правовой порядок, основанный на признании равноправия всех граждан и социальных слоев перед законом, на первенстве закона в регулировании правовых отношений. Однако за этим стояло всевластие капитала.

В динамике институтов политической жизни в индустриальную эпоху четко вырисовывается несколько фаз: утверждения и распространения буржуазной демократии в итоге ряда буржуазно-демократических революций (английской, североамериканской, французской и др.); торжества демократии во второй половине XIX столетия в развитых странах; заката, превращения в свою противоположность в тоталитарных государствах с конца 20-х годов XX в.; новая волна демократизации в конце XX в.

Индустриальная цивилизация достигла небывалых высот в развитии производительных сил и богатства общества, обеспечении единства мировой экономики и развитии культуры, повышении уровня жизни населения развитых стран.

Но одновременно она открыла дорогу для новых противоречий, углубила пропасть между богатыми и бедными государствами, развязала небывалые по масштабам мировые войны, поставила человечество на грань экологической катастрофы и самокремации в результате применения оружия массового уничтожения.

Закат индустриальной цивилизации. Первая мировая война обнажила первые признаки заката индустриальной цивилизации. Каковы они?

1. Свидетельствами заката индустриальной цивилизации стали две самые кровопролитные в истории мировые войны и создание в ходе холодной войны арсенала оружия массового уничтожения, достаточного для самоликвидации всего человечества, да и всего живого на Земле. Сохранение индустриальной системы стало опасным для судеб человеческого рода и биосферы.

2. Накопив огромные богатства, капитализм сконцентрировал их на одном полюсе — в горстке развитых стран и цивилизаций. Подавляющее большинство жителей планеты оказались на грани и за гранью бедности и нищеты. Инициативный и корыстолюбивый дух конкуренции разверз такую пропасть между богатством и бедностью, какой не было прежде в истории цивилизаций.

3. Провозгласив своим идеалом покорение природы, в небывалых масштабах включив в воспроизводство естественные ресурсы, индустриальное общество практически исчерпало их запасы, предельно загрязнило окружающую среду, подвело мир к порогу глобальной экологической катастрофы.

4. Достигнув немалых успехов в распространении демократии, равенстве прав и обязанностей граждан, индустриальная цивилизация на последней фазе своего жизненного цикла сделала демократию формальностью; породила таких монстров, как фашизм и тоталитаризм, терроризм и экстремизм; создала огромный, во многом коррумпированный государственный аппарат, который хочет только одного — встать над обществом, подчинить его своим интересам и своему влиянию.

5. Всеобщий кризис охватил духовную сферу — науку и культуру, образование и этику, идеологию и средства массовой информации. Наука, поставленная на службу индустриально-милитаристским технологиям, во многом утратила творческую прогностическую силу. Коммерциализация и идеологизация культуры, особенно в условиях глобального развития телевидения и Интернета, сформировала массовую антикультуру, сделала реальной угрозой уничтожения культурного разнообразия и цивилизационной самобытности. Через СМИ пропагандируется культ насилия, терроризма, вседозволенности, разврата, безответственности перед прошлыми и будущими поколениями.

Однако конец индустриальной эпохи не означает конца истории человечества, а лишь является преддверием ко вступлению

в новую историческую эпоху. Это отчетливо выразил **П. Сорокин**: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис. Больны плоть и дух западного общества... Мы как бы находимся между двумя эпохами. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами. За ее пределами, однако, различим расцвет новой идеальной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего» [184. — С. 427].

12.2. Динамика структуры цивилизаций второго суперцикла

Структура общества в период второго исторического суперцикла подверглась глубоким трансформациям, охватила все «этажи» «пирамиды» цивилизаций. Почти непрерывно увеличивалась численность населения, а во второй половине XX в. произошёл настоящий демографический взрыв. Один за другим совершались технологические перевороты, результатом чего стало создание всемирной индустриальной машины, а следовательно, чрезмерная нагрузка на природные ресурсы и окружающую среду. Капиталистическое рыночное хозяйство охватило всю планету, причем все его достижения присваивали себе лишь владельцы мощных ТНК и правящие круги самых богатых стран, ввергая в пучину нищеты большую часть землян. Мир потрясали волны революций и все более кровопролитных войн. Стремительный подъем науки и образования, разработка новейших информационных систем сопровождалась утратой многих национальных, культурных и цивилизационных традиций. Парадоксальность развития общества становилась все более очевидной. К концу XX в. человечество оказалось в состоянии глубокого цивилизационного кризиса.

Принципиальная схема динамики цивилизаций второго исторического суперцикла представлена на *рис. 12.4*.

12.2.1. Рост численности населения, потребностей и способностей человека

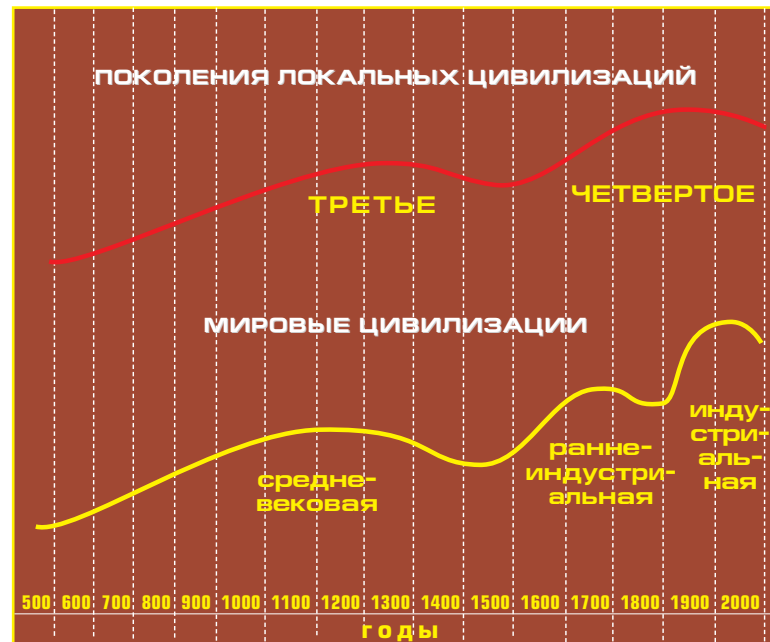
Рост численности населения и демографический взрыв. Второй исторический суперцикл характеризуется быстрым ростом

численности населения, особенно в индустриальном обществе. Если за 17 веков (с 1 по 1820 г.) она увеличилась с 238 до 1042 млн человек — в 4,5 раза, то за следующие 180 лет выросла в 5,9 раза — до 6 млрд человек. Причинами небывалых темпов прироста населения стали сокращение смертности и значительное увеличение продолжительности жизни людей, а также заметное повышение производительности труда. Последнее позволило существенно сократить долю занятых в материальном производстве и при этом прокормить быстро растущее число потребителей, многократно увеличить количество материальных благ и услуг, приходящихся в среднем на душу населения в странах с высококоразвитой экономикой.

Однако эта тенденция имела и отрицательные стороны, особенно на густонаселенных территориях, в связи с ограниченностью природных ресурсов. Дело не только в общем приросте населения, но и в неравномерном его распределении: за 50 лет

Рисунок 12.4.

Динамика цивилизаций второго исторического суперцикла

(с 1950 по 2000 г.) численность землян увеличилась на 3534 млн человек — в 2,4 раза; 80% этого прироста пришлось на развивающиеся страны, на бедные цивилизации.

Демографический взрыв второй половины XX в. больше всего ударил по государствам и цивилизациям с низким уровнем среднедушевого дохода, резко усилил нагрузку на окружающую среду, обострил проблемы безработицы, неграмотности значительной части населения в развивающихся странах. Однако к концу столетия темпы роста численности населения планеты несколько снизились, пик демографического взрыва был пройден.

Динамика потребностей человека и семьи. Масштаб перемен, которые произошли в жизни человека на протяжении второго исторического суперцикла, оказался несравненно меньшим, чем за 7 тысяч лет первых трех цивилизаций. Тем не менее это был прогресс, полный драматических перипетий; в итоге появился современный человек с разнообразными потребностями и способностями, обладающий значительным объемом знаний и навыков, которые, однако, быстро устаревают.

На смену утонченному человеку поздней Античности в Европу пришел варвар — молодой, энергичный, полный жизненных сил, хотя и гораздо более примитивный. Он сравнительно быстро впитал в себя все жизнеспособное, что осталось от античного общества. Этому немало способствовало христианство, ставшее своего рода передатчиком научного, культурного, этического генотипа от цивилизации к цивилизации. Немалую роль сыграл и ислам, возникший и стремительно распространившийся в VII столетии.

Более равномерно, с меньшими колебаниями формирование современного человека происходило на Востоке — в Византии, Индии, Китае, Персии, Средней Азии. Крушение наступило позднее, когда эти страны попали в зависимость от агрессивного капитализма западноевропейской цивилизации. Она покорила культуры, некогда находившиеся в авангарде мирового прогресса, на столетия затормозила их развитие. Смертельной для древних цивилизаций оказалась колонизация Америки.

Расширение рамок личной свободы и господство рыночных отношений во многом разрушили прежние духовные ценности, прежде всего семейные отношения. Семья теряла прежнее экономическое значение, особенно в среде пролетариата и интеллигенции, возросла активность и независимость женщин. Более сильными были семейные узлы в сельских регионах и странах Востока, где их поддерживали традиции ислама.

Динамика *потребностей* человека давала толчок прогрессивным сдвигам в развитии общества и испытывала на себе их влияние. Волнообразно менялось соотношение биологических и социальных потребностей. Так, во время перехода от античности к средневековью произошел сдвиг в пользу биологических, материальных потребностей. Гибель тысяч людей, разрушение материальных и культурных ценностей, падение производительности труда — все это стало причиной опрощения потребностей. Главной задачей стало прежде всего элементарное выживание человека, семьи, сельской общины, города. Натурализация хозяйства сократила число экономических потребностей; на первый план вышли интересы, связанные с реализацией земельной собственности и присвоением феодальной ренты. Социально-политические потребности ограничивались границами общины, цеха, вассальной иерархии. Духовные потребности под воздействием христианского и мусульманского аскетизма и догматизма также сузились и упростились.

В период расцвета средневековой цивилизации формирование и развитие локальных, национальных и континентальных рынков, прогресс ремесленной, мануфактурной, а с конца XVIII в. и машинной промышленности, увеличение числа людей, благополучие которых зависело от конъюнктуры рынка, ужесточение конкуренции и снятие препоны на ее пути, развитие кредита, банков — все это разрушило узкие рамки натурального хозяйства и выдвинуло на первый план экономические интересы общества. Это было время Homo economicus — человека экономического.

Социально-политические потребности оказались в подчинении у интересов экономики. С трудом завоеванные политические свободы и гражданское равенство были призваны обеспечить равные условия для конкуренции и сохранить приобретенную или полученную в наследство собственность. Государственный аппарат, суды, законодательство служили тем же целям.

Духовные потребности также попали в зависимость от экономических, хотя нередко выходили за их рамки. Рост благосостояния, разнообразие видов деятельности, развитие международных связей усилили роль социокультурных потребностей.

Произошли перемены и в институте семьи. Большая патриархальная семья, состоявшая, как правило, из трех поколений, по-прежнему была распространена в феодальной деревне и цеховом городе. В высших слоях общества, в правящей верхушке также часто встречались многодетные семьи, что порождало конфликты при разделе наследства. Брак и семья освящались и поддерживались церковью.

Развитие способностей, знаний и интересов человека. Циклическая динамика наблюдалась в развитии способностей человека, его знаний и навыков. Усложнение и умножение видов деятельности в раннеиндустриальном и особенно индустриальном обществе, все более широкое применение достижений науки в производстве, управлении, военном деле требовали, чтобы широкие массы работников обладали высоким уровнем способностей, знаний и навыков. Для этого необходимо было сформировать полноценные системы общего и специального образования, профессиональной подготовки. В их состав вошли начальные и монастырские (церковно-приходские) школы, гимназии, лицеи, университеты, техникумы и институты, готовившие технические и инженерные кадры. В мануфактурах и на предприятиях сохранился институт ученичества, связанного с производством.

Проблемы функциональной неграмотности и профессиональной некомпетентности работников значительно обострялись в переломные эпохи, когда круто менялись условия производства и жизни. Миллионы людей получали новые специальности, ранее приобретенные навыки оказывались во многом ненужными. Это служило стимулом для качественного изменения системы образования, прихода нового поколения специалистов, отвечавших требованиям эпохи по уровню интеллектуально-профессиональных знаний.

В обществе увеличивалась доля людей, не занятых непосредственным производством материальных благ и услуг, но создающих все больший спрос на них, основываясь на праве собственности, экономическом и внеэкономическом принуждении. Здесь действует иной мотивационный механизм — стремление к накоплению богатства, политической и военной мощи за счет усиления эксплуатации работников производства. Внеэкономическое и экономическое принуждение к труду существует в разных эпохах, дополняя друг друга; однако соотношение их неодинаково. Для феодального общества, наряду с экономической зависимостью (собственность феодала на землю), важнейшим элементом оставалась личная зависимость крестьянина. Она находила выражение в разных формах — от сравнительно мягкого оброка до жестких проявлений крепостничества. Существовали также различные варианты экономического принуждения и наемного труда.

В раннеиндустриальном обществе возрастает значение экономических форм принуждения к труду, когда работник лишен соб-

ственных средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы прокормить себя и свою семью. Первоначальное накопление капитала связано с разнообразными видами насилия, при этом в деревне сохраняют позиции крепостничество и другие, более мягкие формы феодальной зависимости. В индустриальном обществе преобладает экономическое принуждение, но имеет место и принудительный труд (рабство в США до Гражданской войны 1864 г., концлагеря в фашистской Германии и сталинский ГУЛАГ, различные формы феодальной и полуфеодальной эксплуатации в колониях и т. п.).

Религия также побуждает человека к труду: соответствующие установки есть и в православии, и в католичестве, а протестантизм (кальвинизм) прямо указывает на то, что человек совершает грех, если активным трудом не реализует заложенные в нем высшей волей способности. Творческие стимулы к труду постепенно нарастали, ослабевая лишь в кризисные, переломные периоды.

В странах Востока, где подавляющее большинство населения исповедует ислам, буддизм, конфуцианство, синтоизм, были свои особенности в развитии потребностей и способностей человека, его знаний и навыков, мотивационного механизма. Здесь индивидуальные склонности, способности и интересы, личные свободы играли подчиненную, второстепенную роль. На первый план выдвигались интересы государства, коллектива, семьи. Это сдерживало раскрытие индивидуальных способностей и талантов человека и стало одним из факторов замедления общественного прогресса в этих государствах.

12.2.2. Технологические перевороты

Техническая революция средневековой цивилизации развернулась в Европе в XI–XII вв., начавшись с переворота в земледельческой и военной технике. В это время завершился переход от мотыжной обработки земли к пашенной. Широкое применение получили усовершенствованный плуг, трехполье; вместе с применением органических удобрений это способствовало сохранению плодородия земли, более устойчивым урожаем. Прогресс земледельческой техники давал больше прибавочного продукта, что служило источником развития общества.

Другим стимулом технического прогресса стало военное дело. Феодальные войны велись почти непрерывно. Человеческий ум

был нацелен на изобретение смертоносных орудий нападения и средств защиты от них. Появились арбалеты, многократно усилившие дальность полета тяжелых стрел и мощность их удара. Активно применялось холодное оружие: мечи, сабли, боевые топоры, кинжалы. Изобретение в Китае пороха и его распространение в Европе породило новый класс оружия — огнестрельного, которое быстро совершенствовалось. Для осады крепостей использовались различные осадные орудия — баллисты, катапульты; византийский «греческий огонь» наводил ужас на осажденных. С помощью пороховых зарядов подрывали крепостные ворота и стены. Это заставляло строить все более мощные оборонительные сооружения.

Быстро растущий спрос на сельскохозяйственную, военную и строительную технику вызвал переворот в горном деле, металлургии, производстве орудий труда. Добыча меди, железной руды, а затем и каменного угля велась шахтным способом. Улучшались методы выплавки чугуна, стали, меди, различных сплавов, была изобретена дамасская сталь. Использовались такие способы обработки металлов, как кузнечная сварка, горячая и художественнаяковка, термическая обработка, инкрустация, литье. Развитие торговли и дальние военные походы давали толчок производству гужевого транспорта, строительству мощных дорог и мостов через реки. Строились многопалубные парусные суда, оснащенные пушками. Использование компаса сделало более надежными дальние морские и океанские путешествия.

Основой энергетической революции этого периода стало массовое применение водяных и ветряных мельниц, конструкция которых постоянно улучшалась. Европа, особенно северная ее часть, была просто усеяна ветряками. Вершиной технического прогресса этой эпохи стали механические часы — от башенных до карманных. В развитии техники, служащей прогрессу образования и культуры, в Европе было сделано два важнейших шага: освоено изготовление бумаги и изобретено книгопечатание.

Прогрессу в ремеслах способствовало широкое распространение цехов, объединявших семейные ремесленные мастерские. Цеховое производство усиливало специализацию орудий труда, стандартизировало технологии и готовые изделия, расширяло кооперацию труда. Однако жесткая регламентация и технологический консерватизм привели к тому, что к X в. оно уже тормозило прогресс техники. Цеха уступили место мануфактурам, чьим преимуществом было использование внутрипроизводственного разделения труда.

Общетехническая революция мануфактурного периода. Пик этой революции, сформировавшей раннеиндустриальный технологический способ производства, приходится на XVI в. Великие географические открытия, развитие международной торговли дали толчок к стремительному подъему судостроения, что вызывало революционные изменения в смежных отраслях. Освоение доменного процесса и активная добыча каменного угля обеспечили производство дешевым металлом. Приток сырья из заморских колоний и эффективная его обработка, расширение рынков, увеличение численности и рост доходов населения обусловили быстрое развитие шерстяных, хлопчатобумажных, стекольных, фарфоровых и других мануфактур. Стремительно развивалось книгопечатание: к 1500 г. было выпущено более 40 тыс. наименований книг, которые стали одним из инструментов ускорения технического прогресса, применения на практике новых научных знаний.

На полностью модернизированной технической базе строится массовое производство огнестрельного оружия, особенно артиллерийских орудий. Создаются оружейные дворы, арсеналы. Формируется мощный военно-морской флот.

Основной формой организации производства была мануфактура, базирующаяся на разделении труда и специализации орудий производства. Она преобладала в Европе до конца XVIII в., обеспечила рывок в производительности труда, развитие массового производства (с чем не могли справиться цехи), явилась формой становления капитализма, открыла простор для применения многих технических усовершенствований и научных идей.

Великие географические открытия, активизация международного обмена раздвинули границы распространения технических инноваций и содействовали выравниванию уровня технологического развития различных регионов мира.

Техническая революция раннеиндустриальной цивилизации способствовала сближению науки и техники, практической реализации ряда научных идей и созданию эффективных средств научного познания.

Формы организации производства прошли путь от семейного крестьянского и ремесленного хозяйства через цеховой строй к мануфактуре, организованной на основе разделения и кооперации труда и применения специализированных орудий, что создало предпосылки для возникновения машинного производства и развития сети фабрик.

Промышленная революция и технологические перевороты XIX в. Индустриальная цивилизация с присутствующим ей технологиче-

ским способом производства ведет отсчет с промышленной революции конца XVIII в. Ее началом стал переворот в текстильной промышленности, когда в Англии были изобретены прядильная машина, мюль-машина и механический ткацкий станок. Широкое использование текстильных машин потребовало разработки мощных двигателей для них. В 1784 г. механик **Джеймс Уатт** изобрел паровую машину с маховиком, дросселем и автоматическим регулятором, которая приводила текстильные машины в действие с постоянной скоростью. Это дало возможность резко повысить производительность труда, снизить стоимость пряжи и тканей. С 1785 по 1850 г. объем производства тканей в Англии вырос в 50,6 раза, а цена готовой продукции снизилась в 5,5 раза; ткани составляли половину британского экспорта. Понятно, что ремесленники не могли конкурировать с индустриальным производством, а потому тысячами разорялись.

Создание машин открыло простор для освоения новых методов добычи каменного угля, производства чугуна и стали с применением кокса, для распространения железнодорожных перевозок и судоходства.

В Англии было положено начало *второму этапу промышленной революции*: машины стали производить с помощью машин. Возникло и начало быстро развиваться машиностроение, индустрия обрела свою собственную базу, что сделало ее технологическую структуру более однородной.

В Англии возникла *машинная фабрика* как адекватная форма применения машин, пришедшая на смену мануфактуре. Новые технологии машинного производства распространились в сельском хозяйстве, которое только и могло стать источником дополнительных рабочих рук для бурно развивавшейся промышленности.

Таким образом, Англия стала центром технической революции, которая в корне преобразила все сферы экономики и затем молниеносно распространилась в Северной Америке и Западной Европе. Это увеличило разрыв в технологическом уровне экономики между странами-лидерами и большинством государств остального мира, где преобладали доиндустриальные технологические способы производства.

Следующий **технологический переворот произошел в середине XIX в.** и стал логическим продолжением промышленной революции. Его ядром было тяжелое машиностроение — производство паровозов, пароходов, станков, рельсов, труб. Активно шло строительство железных дорог и судоходных каналов. Был

открыт электромагнетизм, изобретены телеграф, динамо-машина, газовый двигатель. Бурно развивалась химическая промышленность. Однако во многих странах еще господствовали устаревшие технологические способы производства.

Гораздо более масштабной оказалась **техническая революция конца XIX — начала XX в.** Ее основой стала *энергетика*: переход от энергии пара и каменного угля к энергии жидкого топлива и электричества; освоение способов массового производства и передачи электроэнергии на дальние расстояния; бурное развитие электротехники, средств связи и освещения. Электрификация производственных процессов и быта открывала новые возможности улучшения условий труда и отдыха.

Освоение добычи и переработки нефти в промышленных масштабах, получение гаммы жидких нефтепродуктов и использование их в двигателях внутреннего сгорания позволили значительно удешевить стоимость перевозки грузов и пассажиров, создать новые виды транспорта (автомобиль, самолет). Те, в свою очередь, революционизировали транспорт, дали толчок к преобразованию ряда смежных отраслей. Потребовалось организовать производство разнообразных видов качественных сталей и профилей проката, цветных металлов, что подтолкнуло развитие горной промышленности, разведки, добычи, обогащения и переработки разных видов минерального сырья, повысило ценность его запасов.

Прогресс химической промышленности позволил организовать массовое производство красителей, катализаторов, лекарств, минеральных удобрений. Применение последних в сельском хозяйстве наряду с тракторами и прочими сельхозмашинами, а также усовершенствование агротехнических приемов стало основой технологического переворота на селе, дало возможность значительно повысить урожайность основных сельскохозяйственных культур, продуктивность скота, производительность труда в аграрном секторе экономики в целом и высвободить из него значительное количество рабочих рук, в которых остро нуждалась бурно развивавшаяся индустрия.

Достижения науки и техники стали основой очередной *военно-технической революции*. Появление военной авиации и танков, создание мощного военно-морского флота, новых видов взрывчатых веществ (динамита), отравляющих газов, использование средств радиосвязи — все это способствовало усилению гонки вооружений и подготовило материально-техническую базу для развязывания

Первой, а вскоре и Второй мировой войны. Результатом стала гибель десятков миллионов людей и огромный ущерб, нанесенный экономике и культуре многих народов мира. Изобретения человеческого гения оборачивались против своего создателя.

Технологический прогресс и машинное производство требовали качественных изменений в составе и уровне *квалификации рабочей силы*. Резко возросло число ученых, инженеров, непосредственно включенных в процесс разработки, производства и использования сложной техники. Повысились требования к квалификации рабочих. Все это привело к очередной *революции в образовании*.

В результате технологических переворотов *возросла производительность труда*, удешевились многие товары (особенно в новых производствах), резко расширилась их номенклатура и улучшилось качество. Произошло общее, хотя и неравномерное по цивилизациям, странам и отраслям, повышение эффективности производства, уровня жизни большинства населения в развитых странах.

Научно-технические революции XX в. Для технологических переворотов XX в. характерно тесное переплетение двух главных движущих сил обновления материально-технической базы общества — научного интеллекта и новых поколений техники как его материального воплощения. Это дало основание говорить о *научно-техническом прогрессе* и его реализации в периодических волнах базисных инноваций — *научно-технических революциях*. Сколь угодно существенное развитие техники теперь невозможно без новых научных идей и их технологической проработки, но и научный прогресс нереален без новейших приборов, средств обработки полученной информации. Налицо интеграция, сращивание науки и производства.

Более отчетливо выявилась закономерность цикличной динамики науки и способов производства техники, смены поколений машин, технологических укладов. В состав единого научно-технического цикла — среднесрочного или долгосрочного — органически включилась фаза рождения и технологической отработки новой научной идеи (научного открытия, крупного изобретения), лежащей в основе базисного нововведения, нового поколения или направления техники.

Первая НТР, ставшая основой формирования и распространения четвертого технологического уклада, развернулась в развитых странах мира в 50–60-х годах XX в., хотя ее исходная научная база была создана в результате ряда крупных научных открытий и изобретений

на несколько десятилетий раньше. Ее истоком явились крупнейшие открытия в области химии, биологии, технических наук. Первая НТР базировалась на ведущих научно-технических направлениях: энергия атома; квантовая электроника, лазерная техника, электронные преобразователи энергии; кибернетика и вычислительная техника, первые поколения ЭВМ.

Были созданы станки с ЧПУ и обрабатывающие центры, автоматические линии и автоматизированные системы управления производством и предприятиями. Атомная энергетика дополнила, а кое-где и потеснила тепловую. Бурно развивалось производство синтетических материалов — синтетических смол, пластмасс, химических волокон. Освоение реактивных двигателей привело к перевороту в авиации. Были разработаны технологии непрерывного литья стали. Высшим научно-техническим достижением XX в. стал выход человека в космическое пространство как результат синтеза ряда научно-технических направлений: математики и космонавтики, теории управления и производства ЭВМ, металлургии и приборостроения, ракетной и оптической техники. Технический прогресс широко проник и в сферу быта.

Успехи химии выразились в открытии новых путей синтеза материалов с заранее заданными свойствами, производстве гербицидов и пестицидов в огромных масштабах. Достижения биологических и медицинских наук стали основой создания мощностей по выпуску лекарств и витаминов. Это позволило снизить уровень смертности, улучшить качество жизни людей. С другой стороны, создание атомного и термоядерного оружия огромной разрушительной силы, средств их доставки в любую точку планеты, производство новых поколений самолетов, вертолетов, танков, артиллерии, автоматического стрелкового оружия, более совершенных классов военных кораблей, атомных подводных лодок — все это поставило человечество на грань самоуничтожения.

Основой преодоления кризисов (энергетического, экологического, экономического), захлестнувших планету в 70-х годах, стала **вторая НТР**, которая развернулась в последней четверти XX в. и ознаменовала собой переход к пятому технологическому укладу.

Ее ядром стал синтез трех базовых научно-технических направлений: микроэлектроники, биотехнологии и информатики. Создание больших и сверхбольших интегральных схем открыло дорогу для развития микропроцессорной техники, миниатюризации и повышения автономности технических систем, ресурсосбережения. Возможность расшифровать и изменить структуру ДНК методами геной

инженерии позволила конструировать штаммы бактерий с полезными для человека свойствами, создавать принципиально новые технологические процессы и вещества. Новейшие информационные технологии, совершенные средства сбора, переработки, передачи и использования информации дали шанс познать сложные процессы в природе и обществе и научиться их регулировать.

Базовые направления второй НТР служат фундаментом качественных преобразований всех сфер производственной техники. Развитие программируемых производств, робототехники, гибких производственных систем, систем автоматизированного проектирования распахнуло горизонты комплексной автоматизации. Истощение традиционных энергоресурсов и их высокая экологическая опасность вынудили искать и осваивать нетрадиционные источники энергии (солнечную, ветровую, приливов и отливов и т. п.).

Завершается век железа, господствовавшего в качестве основного конструкционного материала в течение почти трех тысячелетий. Приоритет отдается обладающим заданными свойствами материалам — композитам, керамике, пластмассам, синтетическим смолам, изделиям из металлических порошков. Осваиваются принципиально новые технологии — геобиотехнологии при добыче сырья, малоотходные и безотходные при его переработке, мембранные, плазменные, лазерные, электроимпульсные и т. д.

Коренные сдвиги происходят в технике связи и транспорта. Волоконно-оптические линии связи, космическая, факсимильная, сотовая связь производят подлинный переворот в этой сфере. Ряд принципиальных новшеств создается на транспорте (суда на воздушной подушке, экранолеты, электромобили, двигатели на водороде и т. п.).

Вторая НТР обусловила радикальные перемены в формах организации производства. Находят свои ниши малые и средние предприятия с гибко программируемым и быстро перестраиваемым производством, которые объединяются в консорциумы, ассоциации, финансово-промышленные группы. Это дает им возможность быстрее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, снижает накладные расходы.

Использование ЭВМ (особенно персональных компьютеров) и информационных технологий позволило автоматизировать тонкие и сложные процессы управления производством, экономикой и всем обществом, повысить обоснованность принимаемых в экономике и политике решений и осуществлять контроль за их реализацией.

Создаются принципиально новые лекарства, получаемые биотехнологическими методами, совершенствуются медицинская техника и средства диагностики. Компьютеризация и информатизация образования помогают интенсифицировать учебный процесс, активизировать внимание обучающихся. Появляются все новые виды бытовой техники, облегчающие ведение домашнего хозяйства для миллионов семей.

Технический прогресс и экологические кризисы. Распространение очередного технологического способа производства означало, что человечество сделало очередной шаг ко включению естественных производительных сил в процесс воспроизводства, увеличило свое воздействие на окружающую среду.

В периоды генезиса феодализма и расцвета средневековой цивилизации эти тенденции проявлялись в меньшей степени, хотя многочисленные феодальные войны наносили ущерб окружающей среде. Однако в раннеиндустриальную и особенно индустриальную эпоху картина резко изменилась.

На службу человеку были поставлены новые естественные производительные силы. Источниками энергии стали каменный уголь и водяной пар, затем нефтепродукты, природный газ и электричество. Расширился набор продуктов, изготавливаемых из минерального и древесного сырья, масштабы вовлечения их в производство. Добывающая промышленность и земледелие, которые стояли у истоков возникновения производящей экономики, обрели второе дыхание.

Вместе с тем установка на покорение природы приносила все более ощутимые отрицательные последствия. Человек хищнически уничтожал лучшие месторождения полезных ископаемых, вырубал леса, загрязнял водные источники и атмосферу. Многим промышленным районам угрожала реальная экологическая катастрофа. Это вынудило правительство и международное сообщество принять срочные меры по ужесточению экологических стандартов, уменьшению объема промышленных выбросов, замещению наиболее дефицитных видов природного сырья другими. Возрос технологический разрыв между локальными цивилизациями. Это отмечал **Пол Кеннеди**: «Все больше увеличивается несоответствие между странами, которые обладают богатством, технологиями, высоким уровнем здравоохранения, и другим населением, не имеющим или почти не имеющим этих благ. Демографический взрыв в одной части планеты и технологический взрыв в другой не способствуют установлению стабильного мирового порядка» [80. — С. 387].

12.2.3. Экономические трансформации

Феодалный экономический строй. Феодалный экономический способ производства, пришедший на смену античному, характеризовался большей самостоятельностью и заинтересованностью в результатах своего труда основного производителя — *зависимого крестьянина*. Он имел небольшой участок земли и средства производства для ее обработки, но вынужден был отдавать феодалу прибавочный продукт в виде феодалной ренты (отрабочной, натуральной или денежной), а также платить налоги государству и церкви (церковная десятина). В деревне преобладал натурально-патриархальный уклад.

Феодалная собственность была многоуровневой. Мелкие феодалы состояли на службе у крупных, а те, со своей стороны, считали своим сюзереном короля (царя, шаха, императора). В период абсолютизма централизация имущественных отношений достигла максимума.

Заметное место в экономике Средневековья занимали *вольные города*. Они были носителями своеобразного уклада, который можно считать смешанным, феодално-капиталистическим. Здесь сильны были позиции светской знати и церковных иерархов, государственных сановников, но в то же время экономическая сила была за крупными торговцами, цеховой верхушкой, банкирами, ремесленниками; вольнолюбивый дух поддерживался учеными, писателями, художниками, артистами. В городах преобладал мелкотоварный уклад.

Зарождение и распространение капитализма. Именно в городах зародились элементы капиталистического строя — торговый, банковский, а затем и промышленный капитал на мануфактурной основе. Мануфактуры все шире применяли наемный труд. В раннеиндустриальном обществе в широких масштабах происходило первоначальное накопление капитала.

В начале XIX в. в развитых странах Европы капиталистический уклад одержал окончательную победу над феодалным. Это стало возможным в результате промышленной революции и череды буржуазных революций. Капитализм утвердился в большинстве стран Европы, Северной Америке, вовлек в свою орбиту в качестве колоний и полукolonий многие страны Азии, Африки, Латинской Америки.

Сметая все преграды на пути накопления богатств и освоения машинных технологий, опираясь на мощные импульсы предпри-

нимательства и конкуренции, обеспечив высокую подвижность капитала, который устремлялся во все новые отрасли и регионы, капиталистический уклад обеспечил высокие темпы экономического роста и в конечном счете — существенное повышение уровня жизни в развитых странах. Темпы прироста ВВП в целом по миру возросли с 0,32% в 1500—1820 гг. до 0,93% в 1820—1870 гг., с 2,11% в 1970—1930 гг. до 4,9% в 1950—1973 гг. [264. — Р. 260].

Капиталистический уклад прошел ряд ступеней развития, гибко меняя формы и механизмы. Зародившись сначала в сфере обращения (торговый и ростовщический капитал) и осуществляя через нее процесс первоначального накопления, капитал широким фронтом вторгся в производство, в корне преобразовав его экономические условия. Сначала лидерство захватил *индивидуальный частный капитал*, когда капитал-собственность и капитал-функция были слиты воедино, собственник сам был активным предпринимателем. Но затем потребности крупных инвестиций в металлургические и машиностроительные заводы, железные дороги, каналы превзошли возможности частных лиц, появился *акционерный капитал*. Капитал-собственность и капитал-функция разделились: управлять производством стали наемные менеджеры, принося доход собственникам-акционерам.

Следующей стадией стал *монополистический капитализм*, позволявший концентрировать огромные средства в новых капиталоемких отраслях, обеспечивая условия расширенного воспроизводства и высокие прибыли с помощью монопольных цен. Извлечение монопольных прибылей в ряде ведущих отраслей за счет перераспределения прибавочной стоимости стало экономической необходимостью, иначе невозможно было воплотить в жизнь крупные научно-технические и инвестиционные проекты, удовлетворить потребности расширенного воспроизводства. Но отрицательные стороны монополизма не замедлили сказаться: монополии не заинтересованы в базисных инновациях, пока не окупится вложенный капитал; монопольные цены позволяют получать сверхприбыли даже при низкой эффективности производства. На закате индустриального общества распространился *государственно-монополистический капитализм*: монополии срастались с госаппаратом, возможности бюджета использовались для поддержки монополий в приоритетных отраслях. Заключительным этапом трансформации собственности стало формирование *транснационального капитала* — сотен и тысяч мощных транснациональных корпораций (ТНК), которые в условиях глобализации

экономики контролируют более половины мирового ВВП и извлекают баснословные прибыли, не считаясь с национальными интересами.

Динамика структуры феодально-капиталистической экономики. За время существования средневековой, раннеиндустриальной и индустриальной цивилизаций произошли радикальные изменения в структуре экономики, основных воспроизводственных и отраслевых пропорциях, соотношении технологических и экономических укладов.

Оценка динамики структуры экономики мировых цивилизаций второго исторического суперцикла с использованием воспроизводственно-циклической макромоделли (см.: глава 8, *рис. 8.2*) обнаруживает следующие тенденции.

1. В *воспроизводственной структуре* отмечается значительное падение доли продукции, предназначенной для личного потребления, в основном за счет увеличения доли промежуточного продукта, услуг рыночной инфраструктуры и продуктов для государственного потребления (милитаризация экономики, рост государственной собственности и бюрократического аппарата). В связи с заметным ростом числа занятых в науке, образовании и культуре возросла доля интеллектуального продукта.

2. Резко изменилась *отраслевая структура* экономики. Если при переходе от античной к средневековой цивилизации и в период расцвета последней доминировали сельское хозяйство и перерабатывающие его продукцию отрасли, то к середине XX в. доля аграрно-промышленного комплекса резко сократилась, а производительность труда на селе выросла. В результате высвободилась масса рабочих рук: люди перебирались в города, где пополняли ряды тружеников заводов и фабрик. В развитых странах значительно снизился удельный вес добывающей промышленности.

3. В *иерархической структуре* экономики многократно упала доля домашнего хозяйства, за счет которого в середине I тысячелетия удовлетворялись потребности населения в продуктах питания. Возросла доля индивидуального труда на мелких и крупных предприятиях, производящих товары и услуги. Уже в Средневековье начала возрастать доля в экономике национального производства, а с конца индустриальной эпохи — интернационального (транснационального капитала).

4. Динамика *технологической структуры* экономики отражает смену технологических способов производства и укладов. В переходную эпоху преобладали реликтовые технологии, унаследованные от предыдущих цивилизаций.

В каждой последующей мировой цивилизации господствовал присущий ей технологический способ производства, одновременно сохранялись остатки прежнего и появлялись зачатки нового способов производства. Периодически менялись господствующие технологические уклады.

5. Радикально изменилась *экономическая структура*, соотношение различных форм собственности. Если при переходе к феодализму налицо были рецидивы общинной и мелкой частной собственности, то затем возросла доля крупной частной собственности. Доля же государственной собственности сократилась, но в период государственно-монополистического капитализма вновь увеличилась, а в социалистической экономике стала преобладающей. Мелкая частная собственность сохранила позиции лишь в сельском хозяйстве и сфере услуг.

6. Динамика *стоимостной структуры* характеризуется увеличением доли амортизации и материальных затрат, а также продукта, перераспределяемого через каналы общественного потребления (на нужды здравоохранения, образования, выплаты пенсий). Это происходит за счет значительного сокращения доли оплаты труда и государственного потребления (на военные нужды, содержание госаппарата), что стало возможным вследствие многократного повышения производительности труда.

Торжество рынка. На стадии генезиса феодализма рынок был отброшен назад по сравнению с достигнутым в период античной цивилизации уровнем. В наибольшей мере регресс наблюдался в Западной Европе и на других территориях, ранее принадлежавших Западной Римской империи, где были разрушены или находились в упадке города, подорваны ремесленное производство и торговля, денежные системы, прерваны веками складывавшиеся торговые пути. Разрыв торговых связей с античным миром нанес немалый ущерб Византии, Индии, Китаю.

Однако уже в период расцвета *средневековой цивилизации* рынок в основном восстановил свои позиции. Расширились его географические границы — он охватил практически всю Европу, большую часть Азии, Северную Африку. Возникли новые торговые центры — вольные города, прогрессировали формы торговли, возобновились прежние и наладились новые торговые связи, магистраль диалога и товарообмена цивилизаций (Великий Волжский путь, путь «из варяг в греки» и др.).

Эти достижения были намного превзойдены *раннеиндустриальной* цивилизацией. Возникли товарные биржи, сеть банков. Между-

народная торговля (особенно с Индией, а затем с Америкой) невероятно обогатила западную цивилизацию, вызвала «революцию цен» XVI в. Первоначальное накопление капитала, которое осуществлялось преимущественно в торговле, открыло путь для его проникновения в производство, для создания капиталистических мануфактур.

Значимым явлением в средневековой Европе стало возрождение *ярмарок*. На них собирались тысячи продавцов и покупателей, совершались сделки, предоставлялись кредиты. Сотни ярмарок, как широкого профиля, так и специализированных, проводились в больших и малых городах. Однако с XII в. ярмарки постепенно начала теснить оптовая торговля.

Высшей формой развития торговли стали *биржи*, где торговали крупными партиями однородных товаров, не привозя их к месту продажи. Первые биржи появились в начале XV в.: в 1409 г. — в Брюгге, в 1460 г. — в Антверпене, в 1462 г. — в Лионе, в 1530 г. — в Амстердаме, в 1554 г. — в Лондоне, в 1558 г. — в Гамбурге, в 1563 г. — в Париже. На биржах торговцы (а чаще их посредники — биржевые маклеры) совершали товарные и вексельные операции, заключали страховые сделки.

Подлинное *торжество рынка наступило в индустриальную эпоху*, когда капитал в полном объеме охватил сферу производства, особенно промышленного, преобразовал его на базе научных технологий и требований стремительно растущего рынка. Лидирующие позиции завоевал промышленный капитал, который потеснил торговый и банковский, а к концу XIX в. слился с ними, став финансовым капиталом. Рыночные отношения пронизали все общество, оставив семейному хозяйству лишь узкую нишу в экономике; главным товаром стала рабочая сила человека, освобожденная от феодальных оков и собственных средств производства. Рынок преодолел узкие локальные рамки, стал великим интегратором сначала национального, а затем и всемирного хозяйства.

Однако в XX в., на закате индустриальной цивилизации, на смену свободной конкуренции самостоятельных товаропроизводителей пришло монополистическое, а затем государственно-монополистическое регулирование, а в конце периода — господство транснациональных корпораций.

«Рынок, которым никто не управляет, есть движущий механизм всей экономики, — отмечал **Ф. Бродель**. — Рост Европы и даже всего мира был будто бы ростом рыночной экономики, не переставая расширять свою сферу, охватывая своим рациональным порядком все больше и больше людей, все больше и больше

ближних и дальних торговых операций, что все вместе вело к достижению мира. В десяти случаях против одного обмен порождал разом предложение и спрос, ориентируя производство, вызывая специализацию обширных экономических регионов того времени ради собственного выживания, связанного со ставшим необходимым обменом... В общем, обмен соединяет экономики друг с другом. Обмен — это соединительное звено, это шарнир. А дирижирует в делах между покупателями и продавцами цена» [23. — С. 214–215].

Как и товарный рынок, от цивилизации к цивилизации эволюционировал и *денежный рынок*, приобретая все более изощренные формы. В период становления феодализма товарообмен обслуживали разнообразные денежные системы, в основе которых лежали драгоценные металлы. Они выполняли присущие деньгам функции — меры стоимости, средства обращения, платежа, сбережения (накопления богатств), мировых денег. Расширение международной торговли потребовало увеличения числа меняльных контор и придания им функций банков.

Постоянная нехватка денег для ведения войн и удовлетворения нужд государства и правящей верхушки провоцировала ее на то, чтобы то и дело выпускать партии фальсифицированных монет. С введением в оборот бумажных банкнот государство получило возможность печатать их сверх норм, обусловленных законами денежного обращения, запуская тем самым инфляционные механизмы. Функции эмиссии денег и контроля за денежным обращением постепенно перешли в ведение государственных банков, первые из которых появились в XV столетии.

Был изобретен вексель, затем акции, облигации, возникла особая разновидность рынка — *рынок ценных бумаг*; операциями с ними занимались банки и биржи. В начале XVII столетия в Амстердаме была создана первая фондовая биржа. Но подлинного размаха фондовый рынок достиг с XIX в., после создания акционерных компаний. В конце XX столетия, с развитием глобализации, сформировались мировые финансовые центры.

Социалистическое плановое хозяйство. Значительным событием в динамике позднеиндустриальной экономики стало создание социалистического планового хозяйства — сперва в СССР, Монголии, а во второй половине XX в. — в странах Восточной Европы, Китае, Северной Корее, Вьетнаме и на Кубе.

Социалистический эксперимент был одним из вариантов реакции общества на противоречия капиталистической экономики.

Его главные черты:

- ➔ ликвидация или сведение к минимуму частной собственности, концентрация основных средств производства в руках государства; безусловный приоритет государственно-социалистического уклада;
- ➔ ограничение рынка, переход к плановому ведению хозяйства в стремлении избежать рыночной стихии и экономических кризисов, централизованное установление цен;
- ➔ опережающее развитие тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса; милитаризация экономики;
- ➔ централизация ресурсов экономического и социального развития, государственное финансирование инвестиций, инноваций, науки, культуры, здравоохранения, образования;
- ➔ обеспечение значительной части затрат на воспроизводство рабочей силы и развитие духовной сферы за счет общественных фондов потребления; стремление снизить уровень безработицы и уравнивать доходы всех слоев населения;
- ➔ монополия внешней торговли, обособление национальной экономики от мировой.

В кризисных ситуациях социалистическая модель экономики оправдывала себя. Она позволила в короткие сроки провести в СССР индустриализацию и выстоять в Великой Отечественной войне против индустриальной мощи почти всей Европы, быстро восстановить народное хозяйство, обеспечить военно-технический паритет с НАТО. Многие элементы планирования и социальной ориентации экономики были положительно восприняты в развитых и развивающихся странах.

Однако к концу столетия, в условиях мирного соревнования социалистической и капиталистической экономики и научно-технологического переворота, обнаружились недостатки социалистической модели. Чрезмерная централизация и бюрократизация экономики сковывали инициативу предпринимателей, тормозили освоение инноваций; милитаризация экономики наносила ущерб потребительским отраслям, уровень жизни большей части населения был крайне низок; наблюдался хронический дефицит товаров; изоляция от мирового рынка сдерживала модернизацию экономики.

Для преодоления этих недостатков были предприняты реформы двух основных типов. В странах бывшего СССР и многих странах Восточной Европы их целью стал отказ от социалистического планового хозяйства, возврат к стихийно-рыночной капиталистической экономике, открытие экономики для мирового рынка. Товарный дефицит был преодолен, но серьезно пострадало

отечественное производство, многократно выросли цены, была деформирована структура экономики, деградировали технологии. В результате быстрой приватизации значительная часть национального богатства перешла в руки кучки олигархов, резко вырос уровень безработицы, большая часть населения оказалась за чертой бедности. Падение производства и инвестиций стало рекордным для мирного времени. Потребовалась корректировка курса реформ, что оживило экономику. Данные о тенденциях динамики экономики СССР и стран Восточной Европы на фоне мировых тенденций приведены в *табл. 12.1*.

Если в первой половине XX в., несмотря на две тяжелейшие войны, темпы прироста ВВП в СССР превышали среднемировые (2,9% и 2,2%), а в 50-е годы этот разрыв значительно увеличился (7,8% и 5%), то в последующие десятилетия отставание лишь нарастало. В 90-е же годы в результате неолиберальных реформ и распада СССР сделан был гигантский шаг назад: среднегодовые темпы падения ВВП составили 6% против 2,6% прироста в целом по миру. Эти данные доказывают неэффективность как государственно-бюрократической, централизованной плановой экономики, так и того варианта стихийно-рыночного капитализма, который утвердился на постсоветском пространстве.

В то же время модель плано-рыночной экономики (рыночного социализма), возобладовавшая в Китае и Вьетнаме и развивавшаяся теми же путями, как экономика НЭПа в 20-е годы в СССР, доказала свою эффективность.

В Китае и Вьетнаме был выбран другой тип реформ: они направлены на развертывание рыночной экономики и предпринимательской инициативы, расширение связей с мировой экономикой при сохранении государственного сектора, стратегического планирования и государственного регулирования. Такой курс реформ позволил этим странам обеспечить высокие и стабильные темпы экономического роста; повысить уровень благосостояния граждан; создать предпосылки для формирования смешанной экономики рыночного социализма.

12.2.4. Эволюция социально-политической системы

Социально-политические циклы феодально-капиталистической эпохи. В динамике социально-политических отношений

Таблица 12.1.

Среднегодовые темпы прироста ВВП в XX в., %*

Страны	1901-1950	1951-1960	1961-1970	1971-1980	1981-1990	1991-2000
Весь мир	2,2	5,0	4,6	3,5	2,9	2,6
Развитые страны	2,2	4,1	5,0	3,1	2,7	2,2
в т. ч. США	3,1	3,3	3,8	2,9	2,6	2,8
Западная Европа	1,4	4,5	4,9	2,7	2,4	1,9
Япония	2,2	8,1	10,7	4,6	4,0	0,7
Развивающиеся страны	1,9	5,2	4,5	5,3	4,5	5,1
СССР	2,9	7,8	3,6	2,3	0,5	-6,0
Восточная Европа	2,2	6,9	3,6	2,3	0,5	1,1
Китай	0,6	5,3	5,3	3,1	11,1	7,9

*[133. — С. 507—508].

общества во втором историческом суперцикле можно выделить три сверхдолгосрочных (вековых) цикла.

Первый цикл охватил примерно восемьсот лет (середина V — середина XIII в.) — это период становления и распространения средневекового социально-политического строя. Формирование социальных сил и политических институтов феодализма происходило путем постепенной трансформации прежнего общества (Византия, Китай, Индия) или его разрушения и ассимиляции с варварскими племенами (Западная Римская империя).

Еще одним вариантом организации феодального социально-политического строя было непосредственное преобразование родоплеменных отношений (прошедших уже определенную эволюцию на стадиях бронзового и железного веков) в феодальные, минуя рабовладельческое общество. Такой путь характерен для большинства народов Северной Европы, Скандинавии, Прибалтики, славянских народов. В обоих случаях генезис феодального социально-политического строя завершился формированием двух полюсов: землевладельцев-феодалов во главе с верховным правителем (королем, императором, царем, халифом и т. п.), с одной стороны, и прикрепленных к земле, зависимых крестьян, а также ремесленников, торговцев, воинов, служителей культа, людей творческих профессий — с другой. Особенностью первого цикла было сильное влияние религии на социально-политические и государственно-правовые институты церковной иерархии. Для последней фазы этого цикла характерны феодальная раздробленность, бесконечная череда войн, распад ряда крупных государств.

Второй социально-политический цикл охватывает пятисотлетний период с середины XIII до середины XVIII в. Это время распространения, зрелости и кризиса феодального социально-политического строя, становления абсолютизма во многих государствах (Франции, Испании, Англии, России), создания колониальных империй (испанской, французской, британской), формирования буржуазии как класса. Ее претензии на политическое лидерство нашли выражение в нидерландской и особенно в английской буржуазных революциях. Крупнейшей социально-политической силой того периода оставалась церковь, которая располагалась огромными земельными владениями, собирала «церковную десятину», боролась за лидерство со светской властью.

Третий сверхдолгосрочный социально-политический цикл продолжался с последней четверти XVIII в. (начало ему положили война за независимость в Северной Америке и Великая французская революция) до конца XX столетия. Он совпадает с периодом господства индустриальной мировой цивилизации. В его рамках можно выделить несколько фаз (долгосрочных социально-политических циклов, во многом аналогичных циклам Кондратьева):

➔ 1775–1830 гг. — начало утверждения политического и экономического лидерства буржуазии в результате Войны за независимость в Северной Америке и образования США, Великой французской революции и Наполеоновских войн, революции 1830 г.;

➔ 1831–1870 гг. — быстрое распространение буржуазной социально-политической системы, формирование национальных государств в Германии и Италии, ликвидация рабовладения и укрепление федерального государства в Соединенных Штатах в итоге Гражданской войны 1861–1865 гг., начало рабочего движения (I Интернационал, Парижская коммуна), утверждение буржуазной демократии в большинстве западноевропейских стран;

➔ 1871–1913 гг. — фаза зрелости буржуазного социально-политического строя; активное противостояние капиталистов и наемных рабочих, представленных массовыми партиями; перерастание капитализма в империализм, завершение раздела мира и борьба за новый его передел между колониальными империями;

➔ 1914–1945 гг. — начало общего кризиса социально-политической системы индустриального общества. Он нашел выражение в двух мировых войнах, серии социалистических и национально-освободительных революций, становлении и поражении тоталитарных режимов в Германии, Италии, Японии, резком обострении социальных антагонизмов;

➔ 1945–1973 гг. — развертывание и углубление кризиса индустриальной социально-политической системы; противоборство двух мировых систем, двух военных блоков; распад колониальной системы и возникновение десятков независимых государств третьего мира; череда локальных войн; холодная война, гонка вооружений, поставившая мир на грань ядерной катастрофы;

➔ 1974–2000 гг. — продолжение борьбы двух мировых систем (с локальными войнами); кризис, а затем и распад системы социализма и ее лидера — СССР; начало локальных столкновений цивилизаций, распространение буржуазной демократии; пик кризиса социально-политического строя индустриальной цивилизации.

Таким образом, в социально-политической сфере можно выделить долгосрочные и сверхдолгосрочные циклы, взаимосвязанные с технологическими и экономическими циклами и вместе с ними вливающиеся в общий поток циклических колебаний исторического процесса.

Трансформация социальной структуры. Средневековое общество унаследовало от античной цивилизации довольно сложную социальную структуру. Во многом она сохранила свои черты и только модифицировалась отвечавшими феодальному строю социальными группами. В тех же странах и цивилизациях, где произошел переход от родоплеменного строя к феодализму, минуя рабовладение, социальная структура общества заметно усложнилась.

Палитра социальных отношений в эпоху Средневековья была весьма пестрой. На вершине социальной лестницы находился класс *феодалов* — крупные землевладельцы, церковные иерархи, военачальники и т.п. Их главными занятиями были войны, управление государством, сбор необходимых для этого налогов, ренты и т.п. На противоположном полюсе находился класс зависимых *крестьян*, возделывающих участки земли для того, чтобы прокормить себя и семью, и выплачивающих за это феодалам ренту в натуральном или денежном выражении, обязанных служить в армии, подчиняться суду феодала и выполнять множество других повинностей. Степень личной зависимости крестьян была неодинаковой в разных цивилизациях и странах и в различные периоды.

В городах обеспеченным слоям населения (высшей администрации, землевладельцам, купцам, банкирам, главам ремесленных цехов, судьям, чиновникам) противостоял обширный слой свободных горожан (ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев) и зависимых, лишенных права голоса подмастерьев и учеников,

слуг, нищих. К концу эпохи Средневековья в крупных городах начали складываться классы буржуазного общества — наемных рабочих и капиталистов-предпринимателей.

Большое значение в средневековой социальной стратификации имела принадлежность человека к той или иной религии — христианству, исламу, буддизму, иудаизму и т. п. Характерной чертой Средневековья была религиозная нетерпимость, служившая причиной многочисленных военных конфликтов.

Социальные противоречия становились причиной крестьянских и городских восстаний, феодальных войн. Социального мира в эпоху Средневековья не было.

Становление и распространение *буржуазного социально-политического строя* в XVI—XIX вв. вызвали радикальные сдвиги в структуре общества. Вершину социальной иерархии занял класс *капиталистов*, весьма неоднородный по своему составу. Его ядро составили торговцы и финансисты, скопившие огромные богатства и вложившие их, когда это стало выгодно, в развитие мануфактур и фабрик, сельскохозяйственных и строительных компаний, банков. Часть разбогатевших землевладельцев также создавала мануфактуры и крупные сельхозпредприятия, основанные на наемном труде.

Класс *землевладельцев* (помещиков) долго сохранял свои позиции, но постепенно трансформировался в элемент социальной иерархии буржуазного строя, изымая в свою пользу часть созданной прибавочной стоимости в виде ренты (земельной, горной, лесной, водной, городской).

Рабочий класс, живший за счет продажи своей рабочей силы, также был неоднородным. Небольшой слой рабочей аристократии — высококвалифицированных рабочих, цеховых старост, профсоюзных лидеров — по своему имущественному положению немногим отличался от низших слоев буржуазии. Основная же масса рабочих, обладавших необходимым уровнем квалификации, жестоко эксплуатировалась. Пролетарии и сезонные рабочие сохраняли участки земли, что примиряло их с невысокой зарплатой. Люмпен-пролетарии жили за счет случайных заработков.

Изменился облик *крестьянства*. В его среде выделились сельская буржуазия, не оторвавшаяся в отличие от городской от непосредственного участия в производстве; основная масса крестьян, мелких независимых товаропроизводителей, удовлетворявших большую часть своих потребностей за счет собственного хозяйства; сельская беднота, пролетарии и полупролетарии, батраки, жившие в основном за счет продажи своей рабочей силы внаем.

Сформировался довольно значительный слой *городской мелкой буржуазии*: ремесленники, мелкие торговцы, владельцы небольших ресторанов, гостиниц, парикмахерских и других предприятий сферы услуг. Они имели в своей собственности средства производства, жили в основном за счет доходов от продажи товаров и услуг, выплачивая различные налоги; иногда нанимали нескольких работников — постоянно или на сезон.

В индустриальном обществе сложился значительный, быстро расширявшийся слой *интеллигенции* — научно-технической (ученые, инженеры, агрономы, техники), художественной (архитекторы, художники, артисты, музыканты), экономической (управляющие и служащие предприятий).

Особо следует выделить слой *чиновников*, обслуживавших государственную машину и получавших за это жалованье, а после ухода с работы — пенсию.

Значительный социальный слой составляли *военнослужащие*, прежде всего офицеры и генералы. Они занимали особое положение в обществе, в основном были выходцами из аристократических и буржуазных слоев и являлись опорой для правящей верхушки, время от времени ее сменяя, а иной раз устанавливая открытую военную диктатуру.

В *социалистическом* варианте позднего индустриального общества социальная стратификация радикально изменилась. Помещики, капиталисты, кулаки, духовенство были ликвидированы не только экономически и юридически, но и в значительной мере физически. Рабочий класс был провозглашен гегемоном, но на деле превратился в эксплуатируемый государственно-бюрократическим аппаратом класс. Крестьяне в результате насильственной коллективизации были лишены основной части земли и средств производства и работали в колхозах и совхозах за ничтожное вознаграждение, обеспечивая себя продуктами питания за счет подсобного хозяйства. Интеллигенция количественно выросла за счет огромного числа инженеров, работников науки, образования, культуры, но реально оставалась бесправным социальным слоем. На вершине социальной пирамиды находился новый правящий класс, состоявший из партийно-государственных функционеров, высших военачальников, директоров крупных предприятий. Именно этот класс, опиравшийся на партийно-государственный аппарат и карательные органы, фактически распоряжался «общенародной» и кооперативной собственностью, присваивал прибавочный продукт, руководил обществом, беспо-

щадно подавлял инакомыслие. Все остальные слои общества были равны в бесправии.

Эволюция государства и права. Средоточием политической власти является *государство*, опирающееся на систему правовых норм, органы власти и управления, армию, аппарат идеологического воздействия, на свою экономическую силу. Для цивилизаций второго исторического суперцикла было характерно нарастающие роли и могущества государства, хотя этот процесс протекал неравномерно.

В странах Востока государство традиционно имело неограниченное господство над личностью, менялись лишь правящие династии — распорядители человеческих судеб. Подобная система была присуща и Византии, хотя государственная власть в период генезиса феодализма значительно ослабла, главным образом из-за постоянных набегов варваров, а позднее — крестоносцев.

Сформировавшиеся на базе союза варварских племен королевства первоначально строились на принципах военной демократии, при сильной централизованной власти военного предводителя, опиравшегося на небольшую постоянную дружину и ополчение свободных общинников. Однако элементы военной демократии постепенно отмирали, а функции верховного правителя расширялись. Он все больше делал ставку на постоянное войско, государственный аппарат, на нормы права, объявлял себя верховным собственником земель.

Эти тенденции не могли не встретить растущего противодействия как народных масс, так и набравшего силу купечества. В XIV—XVI вв. формируются сильные *национальные государства*. Преобладающей формой государственной власти в тот период стала сословная монархия, своеобразная феодальная демократия. Каждое сословие посылало своих делегатов в представительный орган (парламент, генеральные штаты, земский собор), который обсуждал важнейшие политические вопросы, а иной раз избирал или смещал монарха.

В противовес феодальному суверенитету формировался сильный бюрократический аппарат, создавалась централизованная армия. Было выработано право, исходившее из особой роли королевской власти как носителя суверенитета нации. Это был шаг от хаоса феодальной раздробленности к упорядоченности зрелого феодального общества, обеспечивавшего условия для развития рынка, формирования предпосылок и элементов буржуазного общества.

Следующий этап развития государственности — создание *абсолютных монархий* в большинстве европейских стран (с конца XV в.). Этому способствовало образование крупных национальных государств (Франция, Англия, Испания, Речь Посполитая, Московское царство, Османская империя), усиление монархической власти и ослабление роли представительных сословных органов.

Однако период равновесия политических сил оказался недолгим. Уже с XVII в. (а в Нидерландах — со второй половины XVI в.) начинается *кризис абсолютизма*, зашатавшегося под напором окрепшей буржуазии, которая обрела экономическую силу и потребовала соответствующего места на политической арене. Сильный удар по феодальному политическому строю нанесла английская буржуазная революция середины XVII в., когда впервые по приговору парламента был казнен король как символ абсолютной власти. Восстановившаяся после власти Кромвеля монархия получила чисто представительские полномочия. Полное поражение абсолютизм потерпел в результате Великой французской революции, в ходе которой также был казнен король, а путем репрессий уничтожена значительная часть феодальной аристократии. Провозглашение императором **Наполеона**, восстановившего ряд признаков абсолютной власти, имело иную социальную подоплеку: это была форма диктатуры победившей буржуазии.

Реставрация Бурбонов, союз реакционных монархических сил в Европе, судорожные попытки сохранить самодержавие в России, смягчив его либеральными реформами, затянувшийся абсолютизм Османской империи уже не могли остановить победоносного утверждения нового политического строя — *буржуазной демократии*. Ее типичными образцами стали президентская республика в США, парламентская республика во Франции и конституционная монархия в Англии.

В основе буржуазной демократии лежит признание равноправия и свобод всех граждан; преодоление феодально-сословных и кастовых ограничений для отдельных групп населения; правовая защита личных и имущественных прав; устранение дискриминации по расовому, национальному, религиозному и иным признакам; предоставление права всем гражданам, достигшим определенного возраста, избирать и быть избранными в центральные, местные и муниципальные органы. Важным принципом буржуазной демократии является разделение властей — законодательной (представительной), исполнительной (подотчетной парламенту) и судебной (судьи независимы и подчиняются только закону).

Переход к монополистической, а затем государственно-монополистической стадиям развития капитализма усилил концентрацию власти в руках крупной буржуазии, ограничил либо превратил в формальность основы буржуазной демократии, что в условиях общенациональных кризисов вызвало серию революций и установление откровенных форм диктатуры. Наиболее отчетливо это проявилось в утверждении *тоталитарных государств* — фашизма в Германии и Италии, авторитарно-репрессивного режима в СССР, а затем и в большинстве других социалистических стран, а также в ряде освободившихся от колониального владычества стран Латинской Америки, Азии и Африки. При всем различии в идеологических установках и социальной базе этих государств, они имели немало общего в государственно-правовом строе, принципиально отличавшемся от буржуазной демократии. Вся полнота власти сосредоточена в руках правящих кругов, до крайних пределов доходят централизация государственного управления и милитаризация страны. Царствует правовой произвол, широко применяются репрессии. Тоталитарные государства, основанные на насилии, на бесправии населения, недолговечны. Но и в странах западной демократии в период заката индустриальной цивилизации происходит монополизация власти правящей элитой, усиление милитаризма, ограничение прав и свобод граждан.

Перестройка государственно-правовых систем конца XX в. стала причиной крушения социалистического строя в СССР и странах Восточной Европы, распространения в них буржуазных государственно-правовых институтов.

Волны войн и революций. Второй исторический суперцикл оказался чрезвычайно богат на социальные потрясения. Войны и революции прокатывались волнами, охватывая отдельные цивилизации, а к концу индустриальной эпохи — почти весь мир.

Войны меняли свой характер от эпохи к эпохе. В период *Средневековья* это были преимущественно феодальные и религиозные войны, во время которых разорялись целые страны, разрушались их производительные силы. Военные конфликты приобретали затяжной характер: такими были Столетняя война между Англией и Францией (1337—1453), Тридцатилетняя война (1618—1648), в которую втянулись почти все европейские державы. Открытие Америки, завоевание Индии вызвали серию колониальных войн, а затем и схваток за передел колоний.

Наиболее ярким проявлением религиозных и межцивилизационных войн стали Крестовые походы, Реконкиста — борьба хрис-

тиан с мусульманами за освобождение Испании, а также серия военных походов монгольской цивилизации в Европу и Азию.

В *раннеиндустриальном обществе* на первый план вышли колониальные войны между сформировавшимися империями. Крупными столкновениями *индустриальной эпохи* в Европе в XIX в. стали Наполеоновские войны начала века, Крымская и Франко-прусская война. Закат индустриальной цивилизации в XX в. ознаменовался двумя самыми кровопролитными в истории человечества мировыми войнами — Первой (1914—1918) и Второй (1939—1945). Вторая половина XX в. была отмечена холодной войной между двумя мировыми системами и рядом локальных конфликтов. Создание оружия массового уничтожения сделало мировые войны бессмысленными: в них не может быть победителей.

От столетия к столетию войны становились все более разрушительными, сопровождалась гибелью десятков и сотен тысяч, а затем и миллионов солдат и мирных жителей, разрушением экономики и культуры.

В конце XX в. военное противостояние двух мировых систем ослабло, военные расходы были сокращены, предпринята попытка уничтожить наиболее опасные виды оружия массового уничтожения.

Периодически возникали *волны революций* — социальных, направленных на смену политического строя, прихода к власти нового класса, или же национально-освободительных, целью которых является избавление страны от колониальной зависимости. Наиболее крупными революциями феодально-капиталистической эпохи стали нидерландская (XVI в.), английская (XVII в.), французская (конца XVIII в.), революции 1848 г. в ряде европейских стран, Парижская коммуна 1871 г. революция в Китае 1911 г., российские революции 1905 и 1917 гг., серия национально-освободительных революций после Второй мировой войны. В конце XX в. причинами войн становились также смена социалистического строя капиталистическим в СССР и странах Восточной Европы, распад федеративных государств (СССР, Югославия), локальные столкновения цивилизаций (Ливан, Афганистан).

12.2.5. Динамика духовной сферы

Накопленные знания, достижения культуры, религиозные верования, этнические нормы, видоизменяясь, переходят от поколе-

ния к поколению. Полтора тысячелетия после крушения Римской империи стали временем обогащения духовного мира, революций в науке, культуре, образовании, достижения могущества — иногда даже опасного — человеческой мысли.

Научные революции и научные циклы. Успехи науки в период Античности стали основой дальнейшей эволюции познания. Снижение интеллектуальной активности при переходе к Средневековью, засилье схоластики сменилось накоплением предпосылок для великой научной революции середины XV — конца XVII в.

Византийская наука была прямой наследницей науки греко-римского мира. В Константинополе продолжались традиции Платона и Аристотеля, возникла школа философов-неоплатоников. Особое внимание уделялось прикладным отраслям знаний, непосредственно связанным с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, строительством, военным делом.

Характерной тенденцией средневековой науки XI—XII вв. была попытка осуществить синтез учения Аристотеля, которое стремительно завоевывало авторитет среди ученых того времени, с теологией, схоластикой.

Поворотным пунктом в динамике познания стала *великая научная революция* середины XV — конца XVII в. Пришло время формирования свободной от религиозных догматов, основанной на обобщении накопленных фактов новой научной картины мира. Она послужила основой для индустриального преобразования мира в последующие столетия. Резко возросло число научных открытий и крупных технических изобретений.

Вершинами этой научной революции стали открытия в области гидравлики и механики **Леонардо да Винчи**, гелиоцентрическая система **Николая Коперника**, достижения в области астрономии **Тихо Браге**, **Иоганна Кеплера** и **Галилео Галилея**. **Исаак Ньютон** стал основоположником классической физики, открыл закон всемирного тяготения, завершив начатый Коперником переворот в астрономии, разработал дифференциальное и интегральное исчисление, сделал ряд важнейших открытий в оптике. Каждое из этих открытий стало основой для развития самостоятельных научных дисциплин.

Прогресс происходил и в общественных науках. Крупнейший философ того периода **Френсис Бэкон** провозгласил эксперимент, опыт основой научных обобщений. Другим основателем новой философии стал **Рене Декарт**: он отстаивал позиции рационализма в философии, сделал крупный вклад в развитие матема-

тики, применив аналитическую геометрию, ввел понятие переменной величины.

Были созданы научные общества — Лондонское Королевское общество (1662), французская Королевская академия наук (1666). Они давали возможность для общения ученых, расширения междисциплинарных исследований.

Таким образом, в XV—XVII вв. в результате великой научной революции зародилась современная наука.

Долгосрочные научные циклы *раннеиндустриального* и *индустриального* общества XVII—XX вв. представлены в табл. 12.2.

Культура средневековой и индустриальной эпохи: взлеты и кризисы. Современная мировая культура формировалась из пяти великих потоков: византийской культуры, которая восприняла и развивала греко-римское наследие; западноевропейской культуры, явившейся синтезом образного мира варварских племен и наследия Западной Римской империи; многопластовой культуры Востока, прежде всего Китая, Индии и арабских стран; богатейшей культуры восточнославянской цивилизации; самобытных культур народов Нового Света.

«X—XI вв. дали блестящий расцвет культуры Древней Руси, а XII—XIII вв. — континентальной Западной Европы с ведущей ролью Франции. Со второй половины XVI в. культурное лидерство на два с половиной века захватила Италия, где мощно набирало силу Возрождение, подарившее миру великолепные достижения человеческого гения» [72. — С. 593].

В XVI—XVII вв. достижения эпохи Возрождения распространились практически на всю Европу, дав великолепные образцы искусства в Испании, Нидерландах, Франции. В XVIII—XIX вв. возобладали постепенно высвобождавшаяся от церковных канон светская культура, ее эпицентром стали Западная Европа, Северная Америка, а также достигшая в XIX в. наибольших высот Россия.

С конца XIX столетия в развитии культуры произошел перелом. Зарождалось искусство экспрессионизма, отражающее личность художника, его субъективное видение мира. В живописи и скульптуре этот стиль в 30-е годы XX в. стремительно распространялся, значительно потеснив визуально-реалистическое чувственное искусство. Тогда же возникло мощное течение абстрактной живописи.

Для XX в. была характерна все большая индустриализация и унификация массовой культуры (лидерство в этом процессе

Таблица 12.2.

Долгосрочные научные циклы раннеиндустриальной и индустриальной цивилизаций

Циклы	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й
Годы	1691–1760	1761–1830	1831–1894	1895–1944	1945–2000
Продолжительность, лет	70	70	64	50	50
Лидирующие страны	Англия, Франция, Россия, Швеция	Англия, Франция, Германия, Россия	Германия, Англия, Франция, США, Россия	Россия, США, Франция, Англия	США, СССР, Япония, ЕС
Ключевые направления науки	Электричество, химия, ботаника, философия, право	Технические науки, химия, политехнология	Биология, химия, электричество, экономика	Физика, генетика, химия, социология	Атомная физика, кибернетика, биология, социология
Основные научные открытия	Теория электричества (Грей, Франклин), французская энциклопедия	Космогонические теории Канта–Лапласа, теория горения Лавуазье, теория стоимости	Теория эволюции, клетки, электромагнитная теория, марксизм	Теория относительности, квантовая теория, строение атома, генетика, циклическая динамика	Новые элементарные частицы, лазеры, социкультурная динамика
Организационные формы науки	Академии, университеты	«Лунное общество» английских ученых, Королевский институт	Британская ассоциация, научные общества, научно-исследовательские лаборатории	Научные институты и лаборатории, научные центры монополий	Государственные научные центры, научно-производственные объединения, научные центры ТНК

захватили США), а во второй половине века — возрождение переживавшей до того упадок восточной культуры (Японии, Китая, Индии).

С начала 30-х годов XX в. всеобщий кризис культуры углубился. Он проявился в двух, казалось бы, противоположных по форме, но имеющих общую основу направлениях — модернизме и социалистическом реализме. Художники-модернисты все больше уходили от реальной жизни, искажали ее в угоду низменным вкусам. Социалистический реализм ориентировался на идеологически заданное отображение действительности, зачастую не оплодотворенное глубокой мыслью.

Массовости искусства способствовала его информатизация, использование новых технических средств — телевидения, аудио- и видеоманитофонов, Интернета. Возникла компьютерная графика; кино- и видеоиндустрия сформировались в мощные, высокодоходные отрасли.

Как показал в своих работах П. Сорокин, кризис культуры является проявлением распада чувственного социокультурного строя, преобладавшего на Западе в течение пяти столетий. На его место приходит интегральный социокультурный строй в его западной и восточной модификациях [181].

Циклы и революции в образовании. За последние полтора тысячелетия в динамике образования, как и в других сферах жизни общества, выявились сверхдолгосрочные циклы, которые сопровождались революционными переменами в способах сохранения и передачи накопленных знаний и навыков, культурного наследия.

В стадии *генезиса феодализма* в Европе системы образования (по сравнению с периодом античности) находились в упадке. Специализированная система обучения сохранилась в полном виде лишь в Византии, Китае, Индии, но и там наблюдались регрессивные тенденции. Основным стал метод передачи знаний, навыков и культуры эмпирическим путем в процессе труда (в земледелии, ремесле, торговле, строительстве).

Однако позднее подъем экономики, развитие ремесел и торговли, возрождение городов, формирование средневековых государств потребовали восстановления специализированной системы образования. Это и было сделано под руководством института церкви.

Вершиной развития системы образования в *раннем Средневековье* стали университеты. В XII в. такие учебные заведения открылись в Париже, Болонье, Оксфорде; в XIII в. — в Кембридже, Падуе, Неаполе, Саламанке; в XIV в. — в Праге, Кракове, Вене. В них велось широкое систематическое обучение путем чтения лекций и проведения диспутов; учебники были редкостью.

Очередная революция в образовании произошла в раннеиндустриальной мировой цивилизации в *эпоху Возрождения*. Она была тесно связана с великой научной революцией, которая в корне изменила систему взглядов и помогла обществу в основном преодолеть барьеры средневековой схоластики. Эта революция стала ответом на запросы стремительно развивавшегося рынка — торговли, банковского дела, денежного хозяйства.

К концу XV в. в Европе было уже 79 университетов. Возникали и специализированные учебные заведения. В Португалии, Испании,

Англии и Голландии открывались мореходные школы. Центрами гуманизма в Англии стали Оксфордский и Кембриджский университеты; в Оксфорде читали лекции **Томас Мор**, **Эразм Роттердамский**. Здесь преподавали теологию, гражданское и церковное право, философию Аристотеля и Платона, медицину Галена и Гиппократ, математику, арифметику, геометрию, астрономию, диалектику, риторику, древнегреческий и древнееврейский языки. Широкое распространение и более светский характер получили начальное и среднее образование. Сформировалась педагогика как специализированная отрасль науки; большой вклад в ее создание внес чешский ученый-гуманист **Ян Амос Коменский**, опубликовавший труды по дидактике, учебники для школьного и семейного образования.

Однако средневековая система подготовки квалифицированных работников не отвечала требованиям *индустриального общества*. С переходом к машинному производству ему потребовались конструкторы, инженеры, техники, экономисты, менеджеры, способные разрабатывать сложные системы машин, эффективно использовать их, организовать работу многотысячных коллективов, гибко перестраивать производство применительно к запросам часто меняющейся конъюнктуры рынка. Приоритет отдавался специализированному техническому образованию — техникумам, политехническим и сельскохозяйственным институтам и т. п. Фабричный рабочий постоянно имеет дело со сложными машинами и технологиями, которые периодически обновляются. Индустриальной системе нужны рабочие, имеющие высокие профессиональные навыки. Получило распространение всеобщее начальное образование в сочетании с узкоспециализированной подготовкой, нередко без отрыва от производства, на краткосрочных курсах либо в профессиональных училищах.

Образование все более стандартизировалось, совершенствовались методы и техника обучения. Формировалась массовая унифицированная педагогика для разных звеньев и уровней образования. Массовыми тиражами издавались учебники для школы, высшего образования. Сфера образования становилась общедоступной, демократичной, но в то же время терялась индивидуальность, воспитывалось стереотипное мышление.

Масштабы и глубина переворота в образовании в итоге промышленной революции таковы, что это дает основание говорить о *революции в образовании*, происшедшей в первой половине XIX в.

Во второй половине XX столетия, в последней фазе развития индустриального общества, радикально изменились экономичес-

кие, социально-политические и духовные условия жизни, наметился очередной кризис системы образования. Широко распространенным явлением стали функциональная неграмотность и профессиональная некомпетентность работников. С конца XX в. наблюдаются признаки новой революции в образовании, ориентированной на постиндустриальную научную парадигму, креативную педагогику, современные информационные технологии, непрерывное образование.

Этика и религии в период второго исторического суперцикла. В развитии этических норм и идеологических установок человека за последние полтора тысячелетия можно выделить три сверхдолгосрочных цикла. Они связаны с крупными этапами в развитии других сторон общества, с волнообразной динамикой смены цивилизаций.

Первый сверхдолгосрочный цикл охватывает эпоху генезиса феодализма и средневековой цивилизации. Его средоточием явилось становление мировых религий, стремление церкви охватить весь духовный мир, все стороны деятельности человека. В Европе это был период стремительного распространения христианства; на Востоке — ислама, буддизма, индуизма.

Чем было обусловлено утверждение господства религии и религиозной морали в средневековом обществе и к чему это привело?

Во-первых, синтез религии и морали был необходим для установления большей упорядоченности в человеческих отношениях. Религиозная мораль впитала основные общечеловеческие нормы поведения, выработанные в течение предыдущих исторических циклов, и дополнила их догматами, отвечавшими иерархическому строю феодального общества. Утверждение религий играло в известной мере прогрессивную роль, создав механизм поддержания единого духовного пространства, преодолевавшего национальные и этнические различия и государственные границы в пределах господства данной религии.

Во-вторых, утверждение господства религиозного мировоззрения и морали способствовало укреплению феодальных отношений и в то же время устранению или ограничению некоторых его крайностей. Первоначально буддизм, христианство и мусульманство возникли как религии угнетенных слоев; эти учения осуждают стяжательство, ростовщичество. Однако со временем, по мере накопления богатств у феодалов и церкви, религия стала более терпимой к роскоши, утешая обездоленных и эксплуатируемых тем, что после смерти им сторицей воздастся за страдания.

В-третьих, мировые религии сыграли важную роль в становлении государственности, преодолении феодальной раздробленности и формировании сильных держав — Византийской империи, империи Карла Великого, Священной Римской империи, Древнерусского государства, Арабского халифата. Религия была идеологической основой централизованного государства, освящая мирскую власть и призывая ей подчиняться.

В-четвертых, религия господствовала в духовной сфере, подчинив своему влиянию науку, культуру, образование. Влияние это было противоречивым. С одной стороны, церковные учреждения, ученые-богословы, поддерживаемые церковью художники, архитекторы, музыканты оставили множество произведений, ставших шедеврами искусства. Накопив огромные богатства, церковь тратила значительную их часть на строительство и украшение монастырей, церквей, мечетей, синагог, синтоистских и буддийских храмов. В монастырях и церковных школах составляли летописи истории страны, переписывали книги, переводили на разные языки церковную литературу, обучали грамоте, основам наук и искусств. При поддержке церкви и под ее началом создавались университеты. С другой стороны, жесткий религиозный диктат сковывал свободную мысль. Подвергались преследованиям ученые, художники, педагоги, выходявшие за рамки религиозных канонов, ставилась под подозрение любая свободная мысль или научная идея, которая могла поколебать монополию церкви.

Негативные черты монополизма религий вступили в противоречие с гуманистическим началом эпохи Возрождения, когда стартовал *второй сверхдолгосрочный цикл* в динамике этики и религии завершающегося ныне исторического суперцикла. Несовместимость гуманизма Возрождения и всевластия религиозных догматов проявилась во времена Реформации. Ее почином стало выступление в 1517 г. доктора богословия **Мартина Лютера** с 95 тезисами против продажи индульгенций. Растерявшаяся в начале под натиском новых идей католическая церковь вскоре опомнилась и попыталась восстановить былое могущество. Контрреформация нашла выражение в создании инквизиции, образовании ордена иезуитов (1540) и других воинствующих религиозных орденов, во введении жесткой цензуры, а также реорганизации самой церкви, повышении ее гибкости, усилении борьбы с оппозиционными течениями. Возрождение дало толчок к формированию светской, гуманистической этики, включающей основные ценности общечеловеческой морали.

Третий сверхдолгосрочный цикл в динамике религии и этики охватывает период с середины XVII в. до конца XX в. Он начина-

ется с века Просвещения, главный итог которого — закрепление того сдвига в духовной сфере, который был сделан Реформацией.

Это был период постепенной утраты мировыми религиями господства в сфере идеологии, в политике и экономике. Церковь адаптировалась к переменам, гибко реагировала на новые интересы человека, на социальные противоречия в обществе.

Место религии в качестве стержня идеологической жизни общества заняла мысль о всеисильности научного прогресса, возможности построить общество на рациональных основах в соответствии с требованиями разума, той или иной научной доктриной. Вольтер нанес сокрушительный удар по религиозному мировоззрению; его идеи подхватили энциклопедисты, открывшие дорогу атеизму, вере во всемогущество науки. Научный прорыв XIX в. укрепил господство научного мировоззрения, идеи прогресса.

Мораль буржуазного общества Запада подчинялась требованиям рынка. Высшей моральной ценностью стало приобретение богатства, рост прибыли. В то же время в цивилизациях Востока, особенно в мусульманской, сохранилось сильное влияние религии на этику и развитие духовной сферы.

Наиболее радикальные перемены в религии и этике произошли в социалистических странах. Попытки вытеснить религию, заменить буржуазную нравственность «моральным кодексом строителя коммунизма», исповедовать правило «цель оправдывает средства» дали печальные результаты. Сложилась двойная мораль, были подорваны нравственные устои семьи. Однако социалистическая идеология и мораль не имели прочных корней и сменились ренессансом религии в конце XX в.

Разложение чувственного социально-культурного строя на Западе вызвало негативные тенденции в области этики и идеологии — рост преступности, моральной распущенности и в то же время религиозного фанатизма и сектантства. В противовес этим установкам зарождаются основы позитивной моральной и религиозной поляризации.

12.3. Эволюция и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го поколений

Переход от античного мира к средневековому характеризовался радикальными сдвигами в геополитической карте мира, формированием 3-го поколения локальных цивилизаций (*рис. 12.5*),

Рисунок 12.5.

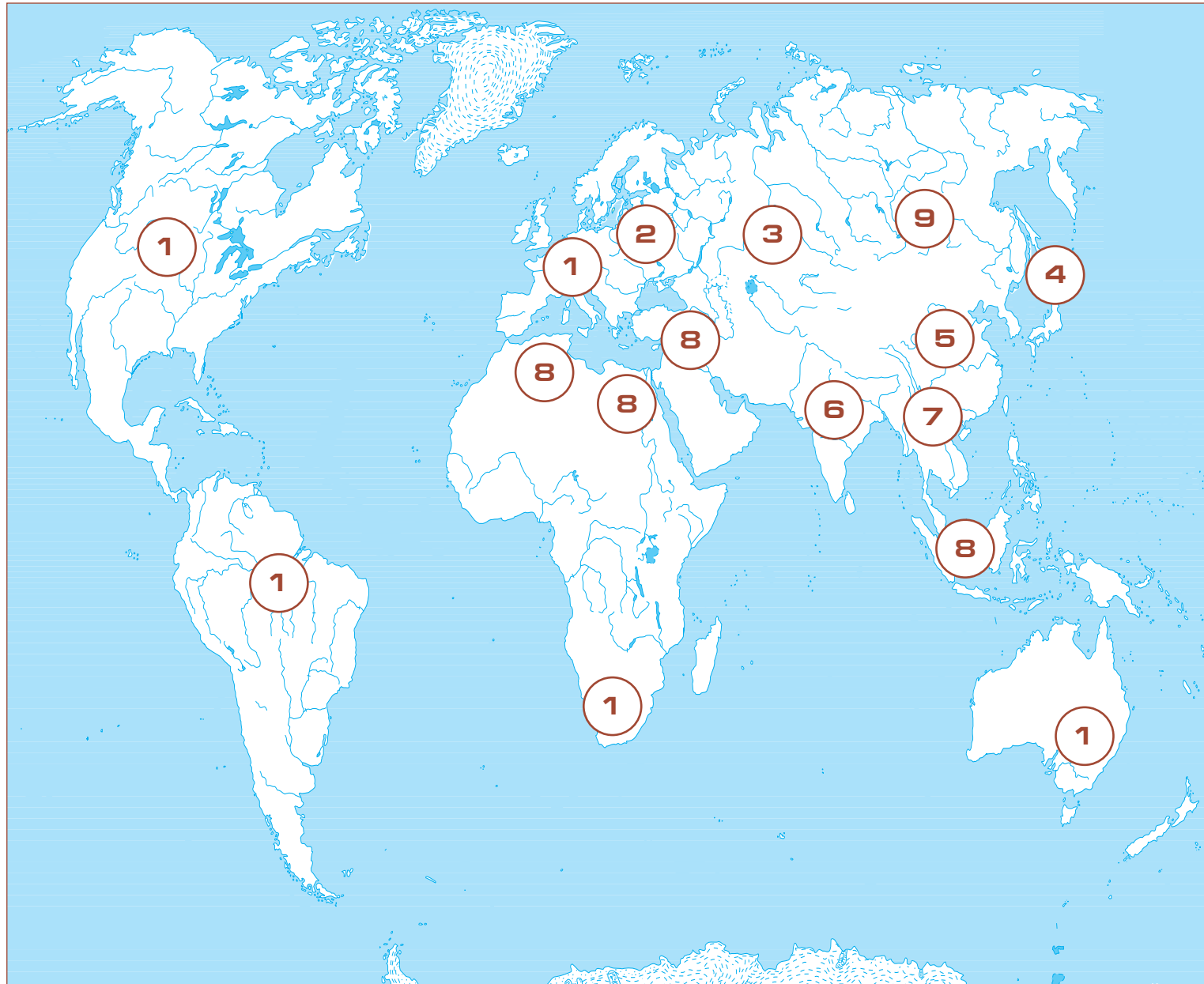
Локальные цивилизации 3-го поколения

- 1 — западная;
- 2 — восточно-европейская;
- 3 — восточно-славянская;
- 4 — японская;
- 5 — китайская;
- 6 — индийская;
- 7 — буддийская;
- 8 — мусульманская;
- 9 — византийская;
- 10 — мезоамериканские;
- 11 — андские

Рисунок 12.6.

Локальные цивилизации 4-го поколения

- 1 — западная;
- 2 — восточно-европейская;
- 3 — евразийская;
- 4 — японская;
- 5 — китайская;
- 6 — индийская;
- 7 — буддийская;
- 8 — мусульманская;
- 9 — монгольская (XIII–XVI вв.)

лидирующие позиции среди которых заняли Индия и Китай, а затем и 4-го их поколения (*рис. 12.6*), в авангард же вышла западноевропейская цивилизация. Постепенно она распространила свое влияние на большую часть населенного мира, покорив или потеснив цивилизации Востока и уничтожив цивилизации Нового Света. Лишь со второй половины XX в. ее преимущество перестало быть столь очевидным. Настала пора интенсивных междоцивилизационных связей. Огромные колониальные империи, возникшие в раннеиндустриальную и индустриальную эпохи, на закате последней распались, уступив место экономическим империям, интеграционным тенденциям и глобализации. К концу третьего исторического суперцикла появились признаки формирования 5-го поколения локальных цивилизаций, проблема их взаимодействия вышла для общества на первый план. Рассмотрим вкратце основные черты динамики локальных цивилизаций 3-го и 4-го поколений (кроме евразийской цивилизации, этапам формирования и развития которой посвящена глава 13).

12.3.1. Динамика цивилизаций Востока

После падения Западной Римской империи началась активная смена лидирующих локальных цивилизаций. Эпицентр цивилизационного прогресса из Средиземноморья переместился в Византию и на Восток, чтобы затем, в эпохи раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций, вновь вернуться в Европу, а потом перебазироваться в Северную Америку.

Возникновение и распространение мусульманской цивилизации. На рубеже I—II тыс. н. э. происходил бурный подъем и стремительное распространение мусульманской цивилизации (*рис. 12.7*). Она возникла в VII в., одновременно с исламом, на Аравийском полуострове, в условиях острого социально-экономического кризиса, и быстро подчинила своему влиянию Ближний Восток, Персию, Среднюю Азию, часть Индии, Индонезию, Поволжье, а на Западе — Северную Африку, Пиренейский полуостров, часть Юго-Восточной Европы.

Периодом расцвета мусульманской цивилизации в последние века I тыс. н. э. стало господство Арабского халифата со столицей в Багдаде. В то время это был один из крупнейших городов мира — число его жителей превышало миллион человек.

Нужно отметить, что мусульманская цивилизация, объединяемая общей религией — исламом — и соответствующими ему систе-

лидирующие позиции среди которых заняли Индия и Китай, а затем и 4-го их поколения (рис. 12.6), в авангард же вышла западноевропейская цивилизация. Постепенно она распространила свое влияние на большую часть населенного мира, покорив или потеснив цивилизации Востока и уничтожив цивилизации Нового Света. Лишь со второй половины XX в. ее преимущество перестало быть столь очевидным. Настала пора интенсивных межкультурных связей. Огромные колониальные империи, возникшие в раннеиндустриальную и индустриальную эпохи, на закате последней распались, уступив место экономическим империям, интеграционным тенденциям и глобализации. К концу третьего исторического суперцикла появились признаки формирования 5-го поколения локальных цивилизаций, проблема их взаимодействия вышла для общества на первый план. Рассмотрим вкратце основные черты динамики локальных цивилизаций 3-го и 4-го поколений (кроме евразийской цивилизации, этапам формирования и развития которой посвящена глава 13).

12.3.1. Динамика цивилизаций Востока

После падения Западной Римской империи началась активная смена лидирующих локальных цивилизаций. Эпицентр цивилизационного прогресса из Средиземноморья переместился в Византию и на Восток, чтобы затем, в эпохи раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций, вновь вернуться в Европу, а потом перебазироваться в Северную Америку.

Возникновение и распространение мусульманской цивилизации. На рубеже I–II тыс. н.э. происходил бурный подъем и стремительное распространение мусульманской цивилизации (рис. 12.7). Она возникла в VII в., одновременно с исламом, на Аравийском полуострове, в условиях острого социально-экономического кризиса, и быстро подчинила своему влиянию Ближний Восток, Персию, Среднюю Азию, часть Индии, Индонезию, Поволжье, а на Западе — Северную Африку, Пиренейский полуостров, часть Юго-Восточной Европы.

Периодом расцвета мусульманской цивилизации в последние века I тыс. н.э. стало господство Арабского халифата со столицей в Багдаде. В то время это был один из крупнейших городов мира — число его жителей превышало миллион человек.

Нужно отметить, что мусульманская цивилизация, объединяемая общей религией — исламом — и соответствующими ему систе-

Рисунок 12.7.

Распространение ислама до 750 г.

Источник: [82. — С. 134].

мой ценностей и укладом жизни, весьма разнородна по своему составу. Да и сам ислам делится на враждебные друг другу течения — суннитов, шиитов, ваххабитов и др. **Ю. В. Павленко** выделяет в составе мусульманской цивилизации несколько субцивилизаций: «Цивилизационная структура мусульманского мира чрезвычайно сложна, и процесс ее становления продолжается до сегодняшнего дня... Она представляет единство... арабоязычной, ираноязычной и тюркоязычной субцивилизационных систем, образующих ее основу, и двух отдаленных от нее синкретических ответвлений: пакистано-восточнотибетско-малайско-индонезийского и тропически-африканского, суданского и эритрейско-сомалийско-занзибарского» [151. — С. 424]. Сплоченные анклавы мусульманской цивилизации имеются в Западной Европе, России, США и других странах.

Мусульманская цивилизация неоднородна и экономически. В нее входят и богатые арабские нефтяные державы, и государства среднего достатка, и беднейшие страны Африки. Резко различается межстрановой уровень технологического развития и образования. Тем не менее все мусульманские государства отличают от западных

цивилизаций и России такие черты, как высокий уровень рождаемости, запрет на употребление алкоголя, идеациональный социокультурный строй, растущая пассионарность, геополитическая активность. Поэтому роль мусульманской цивилизации в геодивизионном пространстве во второй половине XX в. значительно возросла и продолжает увеличиваться.

Ученые арабского мира унаследовали достижения греческой и ближневосточной науки. Такой синтез стал стартовой площадкой для взлета арабской науки в VIII—XI вв. Наиболее крупные ученые того времени — **аль-Хорезми**, **аль-Бируни** и **Ибн Сина (Авиценна)**. Им был свойствен подлинный энциклопедизм. Аль-Хорезми был математиком, астрономом, географом, основателем алгебры. Аль-Бируни создал выдающиеся труды по астрономии, геодезии, физике, математике, ботанике, географии, философии, истории, этнографии. Он первым создал глобус, высказал предположение о вращении Земли вокруг Солнца, составил тригонометрические таблицы. Ибн Сина внес огромный вклад в развитие философии и медицины. Наука арабского Востока послужила импульсом для распространения научных знаний в Европе. Высокого уровня достигли арабская культура, архитектура, литература, поэзия.

«Крупная роль в истории средневековой культуры, главным образом в эпоху раннего и зрелого феодализма, принадлежит народам Ближнего и Среднего Востока. Арабские страны, Иран и Средняя Азия наряду с Византией явились непосредственными преемниками и хранителями достижений античной культуры... В течение ряда столетий наука, литература и искусство, созданные арабами, в значительной мере определяли поступательное движение мировой культуры и оказали большое влияние на многие страны, в том числе на Западную Европу» [37. — Т. 2. — С. 21].

Халифат представлял собой феодальное мусульманское государство, в экономике которого значительную роль играл рабовладельческий уклад. Халифат располагался на территории Аравийского полуострова, Ирака, Ирана, Закавказья, Средней Азии, Сирии, Палестины, Северной Африки, Пиренейского полуострова, Сардинии, Кипра, части Восточной Индии. В дальнейшем эта могучая держава распалась на ряд государств и была разгромлена во время монгольского нашествия.

Другим величайшим государством Востока стала Османская империя. Ее правитель **Селим I Грозный** в начале XVI в. разбил

мамлюков и захватил Сирию и Египет. Его сын **Сулейман I Великолепный** в 1526 г. захватил Венгрию, затем Крым, Молдавию и Валахию. В конце XVI в. османы подчинили себе Грецию и Ширван (нынешний иранский Азербайджан). В Османской империи было организовано военно-феодальное управление, создано сильное войско янычаров, мощный флот. Господствующей религией был ислам. Османская империя просуществовала до 1922 г., неоднократно вела войны против Российской империи, стран Западной Европы.

В раннеиндустриальную и особенно индустриальную эпохи мусульманская цивилизация утрачивала одну позицию за другой. Многие мусульманские страны превратились в колонии британской и французской империй. Лишь со второй половины XX в. начался период возрождения мусульманской цивилизации.

Развитие китайской цивилизации. Древняя китайская цивилизация обрела новое дыхание в I тыс. н. э. Здесь на несколько столетий раньше, чем в Европе, произошел переход к феодальному строю. После длительной междоусобной борьбы (Троецарствия), охватившей III—IV вв., в Китае наступает период расцвета. Численность населения быстро растет, рисовые поля и огороды возделываются как на юге, так и на севере страны, что позволяет обеспечить продовольствием сельских жителей и горожан. Быстро развиваются торговля и денежное обращение. В VIII в. в оборот вводятся переводные банковские чеки. В IX в. изобретено книгопечатание, что способствует распространению грамотности.

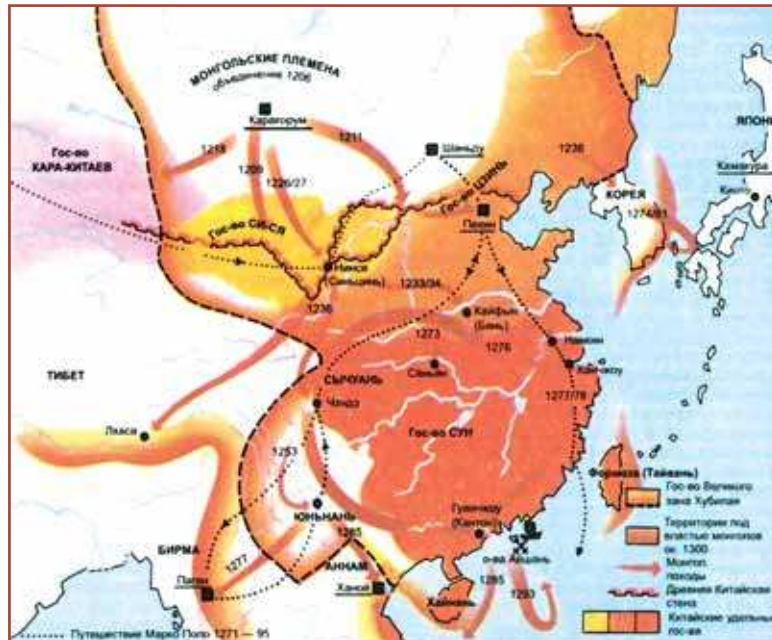
Еще с III—V вв. н. э. в Китае известны технологии изготовления фарфора, ставшего предметом торговли с другими цивилизациями; примерно с того же времени для письма применяется бумага. Изобретение компаса и пороха расширяло возможности морских путешествий и повышало боеспособность армии.

С VII в. Китай вступает в стадию развитого феодализма. Расширяются посевные площади, прогрессируют чае- и хлопководство, ремесла, растут города. Ведется активная торговля с Индией, Персией, Арабским халифатом, Кореей, Японией. Переживает подъем культура, наука, в том же столетии создается Палата ученых.

Царствование Сунской династии нередко называют золотым веком науки. Обладатели высшего ученого звания пользовались беспрецедентным авторитетом в обществе и при дворе. В идеологии оформляется всеобъемлющая система мировоззрения, получившая на Западе название неоконфуцианства, в живо-

Рисунок 12.8.

Китай в монгольский период (династия Юань). 1205—1368 гг.

Источник: [82. — С. 210].

писи достигает расцвета жанр монументального пейзажа, бурно развиваются ремесла.

В начале II тыс. китайская цивилизация переживает тяжелые времена. Наступает период феодальной раздробленности, междоусобных войн и восстаний. Сменяют друг друга императорские династии, страна попадает под власть сначала чжурчженей, а затем монголов. Формируется династия Юань, возглавляемая потомком Чингисхана **Хубилаем** (рис. 12.8).

В XVII в. устанавливается господство манчжурской династии Цин (1644—1911). Активно проникают в Китай европейские торговцы и миссионеры.

С конца XVII в. налицо признаки перехода к раннеиндустриальной цивилизации. Быстро развиваются разнообразные мануфактуры, торговля с Европой. По расчетам **А. Мэддисона**, доля Китая в мировом ВВП поднялась с 25% в 1500 г. до 33% в 1820 г. Однако в период индустриальной цивилизации она резко сократи-

лась — до 8,8% в 1913 г. и 4,5% в 1950 г. Лишь к концу XX в. она вновь поднялась до 12,3% [264. — С. 260].

В Китае с запозданием осваиваются достижения промышленной революции, происходит переход к индустриальной мировой цивилизации. Продукция страны теряла конкурентоспособность на мировых рынках, вытеснялась изделиями фабрик Великобритании и других европейских стран. Техническая база производства и армии устарела. В войнах Китай терпел поражение за поражением и к концу XIX в. оказался в положении полуколонии.

Китайская революция, которая началась в 1911 г. и длилась почти четыре десятилетия, завершилась провозглашением Китайской Народной Республики. При помощи СССР здесь были проведены индустриализация и земельная реформа, развивалось образование. Ошибочная политика «большого скачка» на время прервала прогресс, но с 1978 г. он возобновился с новой силой. В течение следующих двух десятилетий в Китае рекордными темпами развивалась экономика, повышался уровень жизни людей, осуществлялась модернизация страны. Ныне китайская цивилизация переживает новый период подъема, ее значение в мире непрерывно возрастает.

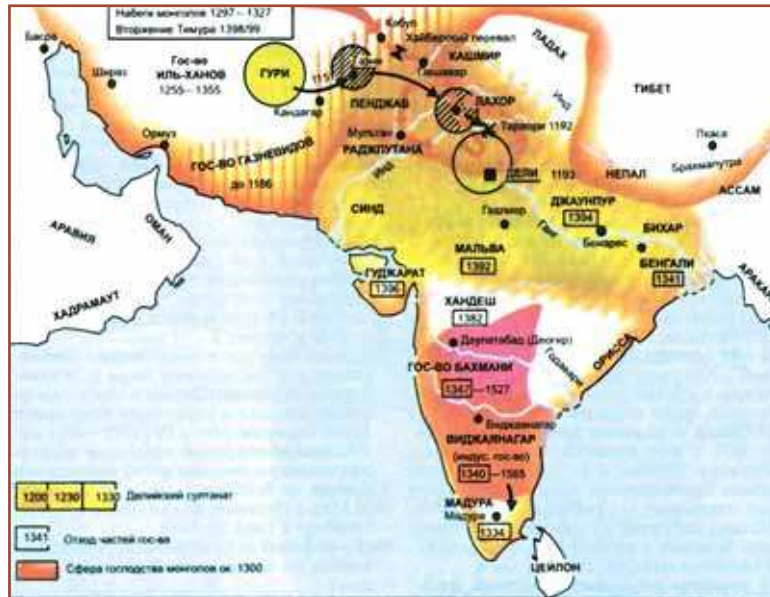
Судьба индийской цивилизации. Индия перешла к феодализму несколько позже Китая, но раньше Западной Европы. Уже в VI в. здесь преобладали феодальные формы эксплуатации работников, правители множества небольших государств провозглашали себя собственниками земли и взимали ренту с земледельцев. Быстро развивались города, торговля. Сложилась кастовая система, поддерживаемая господствовавшей религией — индуизмом. Между государствами часто возникали вооруженные конфликты.

С VIII в. в Индию начало проникать мусульманство, потеснившее индуизм. В конце XII в. на севере страны возник Делийский султанат — феодальная монархия со столицей в Дели, просуществовавшая до 1526 г. (рис. 12.9). В этом государстве строились крупные ирригационные сооружения, развивались ремесла, внутренняя и внешняя торговля. Под ударами извне и изнутри в начале XVI в. султанат распался на множество мелких княжеств.

Пика развития индийская цивилизация достигла в период правления Великих Моголов (1526—1858). Их династия была основана выходцем из Средней Азии **Бабуром Тимуридом**. В XVII в. эта централизованная феодальная монархия охватывала всю территорию Индии (кроме юга) и часть Афганистана. **Ф. Бродель** от-

Рисунок 12.9.

Делийский султанат. 1206—1526 гг.

Источник: [82. — С. 210].

мечает: «Удалось перенести на новую почву и распространить почти по всей Индии одну и ту же цивилизацию, заимствованную у соседней Персии, у ее искусства, ее литературы, ее чувственности... Не вызывает сомнения, что вплоть до начала английской машинной революции индийская хлопковая индустрия была первой в мире как по качеству, так и по количеству своих изделий и по объему их вывоза» [23. — С. 525, 527].

Индия занимала ведущее место в мировой торговле, достигла высокого уровня экономического развития. По расчетам **А. Мэддисона**, в 1000 г. на Индию приходилось 28,9% мирового ВВП, а по среднему душу ВВП она превосходила Западную Европу на 12%. В 1700 г. Индия производила 24,5% мирового ВВП, но затем ее доля стала стремительно падать и составила всего 7,5% [264. — Р. 252, 262].

Уже с конца XV в. в Индию проникают западноевропейские колонизаторы — сперва португальцы, а в XVII в. — англичане, голландцы и французы. Были основаны английская Ост-Индская компания (1602), затем голландские и французские компании, ко-

торые перекачивали огромные средства в метрополии и подчиняли своему влиянию местных правителей. В XVIII в. империя Великих Моголов ослабла и в первой половине XIX в. распалась. Утвердилось колониальное господство Британии. Из-за этого Индия не смогла воспользоваться плодами промышленной революции, ее экономика была подорвана.

Лишь в 1947 г. страна вновь обрела независимость; одновременно на ее территории возникло мусульманское государство — Пакистан, от которого впоследствии отделилась Бангладеш. Усилились межцивилизационные столкновения, опасность которых возросла после того, как Индия и Пакистан получили в свое распоряжение атомное оружие.

В условиях независимости быстро прогрессировали наука, культура, образование, национальная промышленность, были проведены аграрная реформа и «зеленая революция».

Лишь с последней четверти XX в. экономика Индии развивается опережающими темпами — среднегодовые темпы прироста ВВП за 1973—2001 гг. составили 5,22% против 2,21% по Западной Европе и 3,05% в среднем по миру [там же. — С. 260]. Это свидетельствует о начале нового цикла возрождения индийской цивилизации.

Монгольская цивилизация. Несколько в стороне от магистрального пути развития локальных цивилизаций находится исторически недолгий период вспышки и завершения жизненного цикла монгольской цивилизации (конец XII — середина XIV в.). Ее судьба не укладывается в привычные стереотипы.

Во-первых, обычно цивилизации возникали на базе земледельческих народов, крупных городов, купеческо-ремесленных центров. Монгольская цивилизация была *кочевой по своему происхождению*, возникла путем объединения группы скотоводческих народов, еще не сформировавших цивилизацию, где преобладали родоплеменные отношения и шаманизм как основа религиозного мироощущения. Лишь со временем они повторили привычный путь цивилизации, создали крупные города, расширили ремесла и торговлю, утвердили строй, который академик **Б. Я. Владимиров** назвал *кочевым феодализмом* [36. — С. 135].

Во-вторых, это была *рекордная по территории* цивилизация, охватившая большую часть евразийского континента; ее называют суперимперией, раскинувшейся от Тихого до Атлантического океана. Но это было и одной из главных причин ее недолговечности. Она распалась на четыре державы — улусы, среди которых круп-

нейшим стала Золотая Орда, а затем и на более мелкие государственные образования. Так, сама Золотая Орда разделилась на Казанское, Астраханское, Крымское ханства и Ногайскую орду.

В-третьих, это была *смешанная по своему составу* цивилизация. Она включала в себя множество народов с разным уровнем технологического и экономического развития, различными культурами и религиозными верованиями. В Китае монгольские завоеватели по существу ассимилировались с местными жителями, положив начало китайской династии Юань. Их единство, пребывание в одном цивилизационном объединении обеспечивалось четкой организацией народа-войска, общим законодательством (Яса Чингисхана), условиями для развития животноводства, земледелия, ремесла, торговли, веротерпимостью. Эта цивилизация играла важную роль в диалоге и взаимодействии цивилизаций на просторах Евразии.

В-четвертых, именно эта разнородность состава цивилизации при сильном централизованном ядре (монгольском народе — войске) была *источником силы цивилизации*, причиной ее загадочной, непостижимой для иных цивилизаций скорости распространения. Она моментально подчиняла себе народы и цивилизации, обладавшие гораздо более древней историей, высокой технологией и культурой. Чингисхан и его наследники использовали достижения других народов, привлекали на службу местных военачальников, инженеров, мастеров. В монгольской цивилизации создавались условия для поддержки и развития диалога культур, интенсивного товарного обмена по Великому шелковому пути, Великому Волжскому пути.

В-пятых, монгольская цивилизация складывалась с самого начала как *военно-ориентированное объединение племен и народов*, и по содержанию, и по организации приспособленное для ведения войн, совершения набегов, переходов на дальние расстояния. Отсюда и железная дисциплина, и многочисленные проявления жестокости и насилия. Но со временем в управлении завоеванными странами и народами стали преобладать элементы мирной организации, невмешательства в духовную жизнь, религиозной терпимости, если покоренные народы исправно платили дань, а купцы и ремесленники — налоги и таможенные пошлины.

Причины столь неожиданного взлета монгольской цивилизации нужно искать не только в личных качествах Чингисхана и его потомков; рывок был совершен находившимся в пассионарном состоянии народом. Можно согласиться с выводом **Б. Я. Владими-**

рова: «Монгольская суперимперия была создана не просто отдельной личностью, не одним поколением завоевателей, а явилась в конечном счете продуктом той особой системы, рожденной всем кочевым миром в период апогея своего развития» [36. — С. 139].

Жизненный цикл монгольской цивилизации после ее окончательного формирования (к началу XII в.) включал ряд сменявших друг друга фаз подъема и кризиса. В 1209—1215 гг. Чингисхан завоевывает большую часть Китая. В дальнейшем не только в своих войсках, но и среди ближайших советников он держал китайцев, заимствуя у них богатый опыт их древней цивилизации. Затем Чингисхан разбил войска Хорезмшаха, захватил Туркмению, Афганистан и Персию. Его наследники продолжили движение на запад, завоевав Арабский халифат, подчинив себе Поволжье, русские княжества, устремлялись вглубь Европы — вплоть до нынешней Венгрии.

В XIII в. монгольская цивилизация достигла вершины своего развития (*рис. 12.10*). Уже в XIV в. начинается глубокий и длительный ее кризис, а затем закат. Тому было несколько причин:

➔ распад некогда единой суперимперии на ряд все более мелких государств, которые порой враждовали друг с другом (то, что в Европе получило название феодальной раздробленности). Принятие мусульманства большинством Чингизидов не ослабило раздоров и противоречий;

➔ эпидемия «черной смерти» — чумы, в результате которой обезлюдели многие города и сельские поселения юга страны;

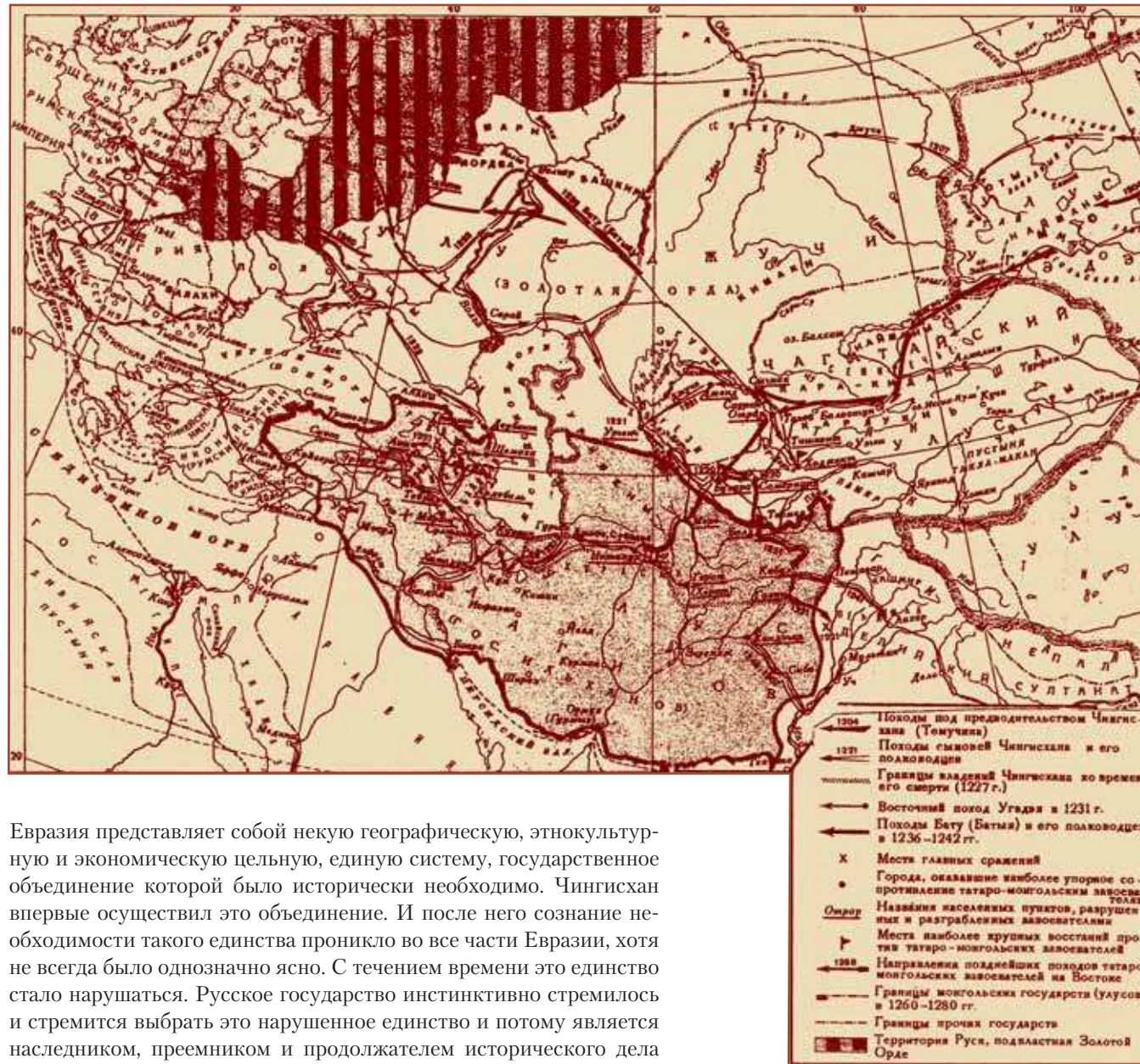
➔ затяжной экологический кризис, связанный с тем, что огромные стада скота не могли прокормиться на освоенных территориях, а захват новых был делом непростым.

Если рассматривать судьбу монгольской цивилизации с позиций передачи исторического наследия, то можно заметить следующее. Монгольская цивилизация, обогащая свой генотип, впитала значительную часть достижений иных культур — китайской, персидской, мусульманской, народов Поволжья.

После исчезновения монгольской цивилизации с исторической арены многие элементы ее наследия были усвоены евразийской цивилизацией, Московской Русью.

Однако вряд ли уместны и обоснованны заключения, к которым пришел один из основателей евразийства **Н. С. Трубецкой**: «В исторической перспективе то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом...

Рисунок 12.10. Монгольские завоевания

Евразия представляет собой некую географическую, этнокультурную и экономическую цельную, единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан впервые осуществил это объединение. И после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, хотя не всегда было однозначно ясно. С течением времени это единство стало нарушаться. Русское государство инстинктивно стремилось и стремится выбрать это нарушенное единство и потому является наследником, преемником и продолжателем исторического дела Чингисхана» [197. — С. 147, 152]. Подобным воззрениям можно

противопоставить следующие аргументы. Огромный континент Евразия представляет географическое, но отнюдь не этнокультурное и экономическое единство. Напротив, именно на этом континенте наблюдается огромное разнообразие цивилизаций и культур, политическое противоборство, часто перерастающее в войны; здесь были развязаны две страшные мировые войны. Цивилизации континента никогда не испытывали потребности в государственном объединении. Время от времени предпринимавшиеся попытки осуществить такое объединение неизбежно заканчивались крахом. Российская империя, а затем СССР отнюдь не претендовали на общеевразийское объединение и не могут считаться наследниками монгольской цивилизации, империи Чингисхана; в ней преобладают европейские элементы, она является смешанной цивилизацией, объединившей элементы разных культур.

12.3.2. Доминирование западной цивилизации

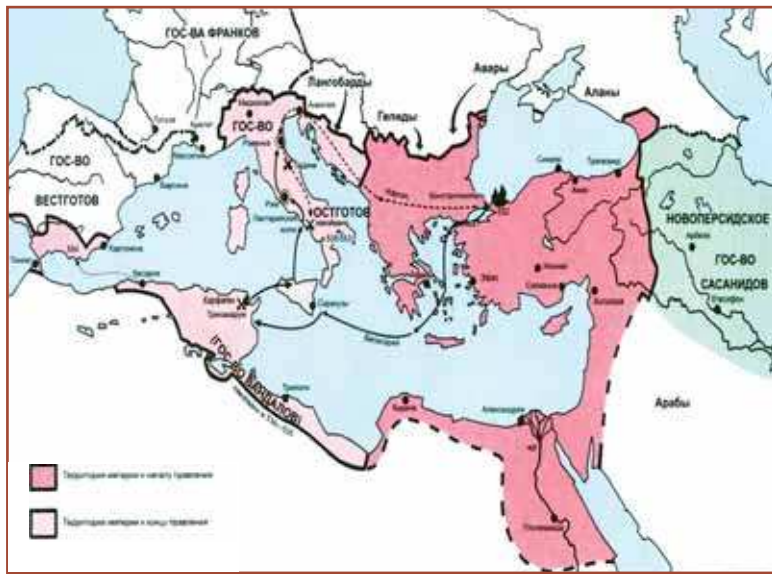
Византийская цивилизация. Крушение Западной Римской империи, лидера цивилизационного прогресса в начале нашей эры, не означало ухода с исторической сцены греко-римской цивилизации. Почти на тысячелетие ее наследие перешло к Византийской империи (рис. 12.11).

Ее становление знаменовалось не только формированием Восточной Римской империи, но и расколом христианства, возникновением православия,

Источник: [242. — С. 156–157].

Рисунок 12.11.

Византия до 867 г.

Источник: [82. — С. 138].

вия и усилением влияния греческого языка и культуры, развитием государственности и кодификацией римского права.

Византийская цивилизация прошла несколько этапов в своем развитии. В ней долго сохранялись основы рабовладельческого строя, но потом они уступили место восточной модификации феодализма, сочетающейся с сильной государственной властью. Византия активно торговала с Востоком и Западом, распространяла свое политическое и религиозное влияние на Балканы и славянские государства. Значительных высот достигли культура, наука, образование.

Византийская наука была прямой наследницей античной науки. Здесь поддерживались и развивались традиции Платона и Аристотеля, особое внимание уделялось прикладным отраслям знаний, непосредственно связанным с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, строительством, военным делом. Византийские ученые стремились к энциклопедизму знаний. Так, **Псел** (1018–1096/97) занимался философией, создал основы логики. **Никифор Григора** (1290–1360) пропагандировал идеи Аристоте-

ля, предложил реформу календаря, написал большой труд «Римская история». **Георгий Плифон** (1355–1452) был поклонником Платона, добился возрождения во Флоренции Платоновской академии. Византийская наука сохранила и передала потомкам достижения Античности, воспринятые затем во многих странах Южной Европы, Древней Руси, Закавказья.

Византийская культура складывалась под колоссальным влиянием христианской религии, стремилась художественными образами и архитектурным стилем воздействовать на чувства верующих. Наиболее ярко это видно на примере храма Святой Софии в Константинополе, построенном в 532–537 гг. архитекторами Исидором и Анфимием. Этот храм стал своеобразным эталоном строительства православных храмов в Византии и на Руси, по его образцу были возведены Софийские соборы в Киеве и Новгороде.

В последующие периоды в Византии развивалась иконопись, полностью отвечавшая строгим церковным канонам. Один из замечательных памятников этой эпохи — древнейшая икона Богоматери иконописного типа «Умиление», в XII в. привезенная на Русь (известна как «Владимирская» и хранится в Третьяковской галерее). Изобразительное искусство Византии достигло своей вершины в XI–XII вв. В поздневизантийской культуре (XIII–XV вв.) получили развитие художественная литература, светская архитектура, фресковые росписи. Тяжелый урон византийской культуре нанесли иконоборчество, грабежи крестоносцев и турецкое завоевание.

В Византии сохранялись традиции образования, сложившиеся в Греции и Риме. Получило развитие высшее светское образование. Константинопольская высшая школа, поддерживаемая государством, считалась одним из крупнейших центров высшего образования Средневековья, наряду с Парижем и Багдадом.

XIII–XV столетия явились периодом утраты Византией былого лидерства. В первой половине XV в. ослабевшая империя терпела поражение за поражением от агрессивных турков-сельджуков и в 1453 г. прекратила свое существование, уступив место Османской империи.

Формирование и торжество западноевропейской цивилизации. С крушением Западной Римской империи Западная Европа стала очагом формирования новой цивилизации, которой суждено было через тысячу лет занять доминирующие позиции в мире. Она является прямой наследницей греко-римской цивилизации 2-го поколения.

Южная часть Западной Европы попала в это время под власть вестготов и остготов. Несколько позднее Пиренейский полуостров был включен в состав Арабского халифата, юго-восточная часть Европы — Восточной Римской (затем Византийской) империи, которая позднее охватила и юг Италии. Нынешнюю территорию Франции занимали королевства франков и бургундов, север Европы — англо-саксонские королевства.

Варвары, расселившиеся в V в. по Римской империи, вовсе не были дикими народами, только что вышедшими из лесов и степей: «Они прошли долгий путь эволюции во время своих нередко вековых странствий, вступали в контакты с разными культурами и цивилизациями, от которых воспринимали нравы, искусства и ремесла. Прямо или косвенно большинство этих народов испытало влияние азиатских культур, иранского мира, а также и греко-римского... Они принесли с собой тонкую технику обработки металлов, ювелирное и кожевенное мастерство, а также восхитительное искусство степей с его стилизованными животными мотивами» [111. — С. 18–19].

Феодализм в средневековой Европе утверждается позднее, чем в Китае и Индии. Эпицентром его становления стало франкское королевство, империя Карла Великого. Позднее он распространился в Центральной, Северной (Скандинавия) и Восточной Европе. В первые столетия II тыс. здесь сложилось множество феодальных государств, взаимодействовавших, а нередко и воевавших между собой за наследие Римской империи.

Западноевропейская цивилизация прошла несколько этапов развития. Первые 300 лет были переходным периодом, когда после краха Западной Римской империи на территории Западной Европы происходил выбор нового цивилизационного пути. Значительная роль в этом процессе принадлежала римской курии, шло активное распространение католицизма среди языческих романо-германских и других племен. Переходный период в основном завершился к началу IX в., когда король Франции **Карл Великий** был провозглашен императором. К этому времени, как считает **Ю. В. Павленко**, «западнхристианская цивилизация в своей исторической основе была сформирована... однако по своей этнокультурно-исторической природе созданная Карлом Великим империя была весьма гетерогенным образованием. В ее пределах явно выделяются два основных блока: германоязычный, точнее собственно германский — к востоку от Рейна, и романо-язычный — в пределах бывшей Западно-Римской империи» [151. — С. 499].

На следующем этапе это цивилизационное ядро активно расширялось — на юг (отвоевание у арабов Пиренейского полуострова), север (включение в орбиту держав викингов — Дании, Норвегии и Швеции) и на Восток (подчинение западнославянских земель и государств). В XIV столетии западноевропейская цивилизация переживает острейший кризис (эпидемия чумы, Столетняя война), после чего вступает в фазу расцвета — от Ренессанса до Реформации. Во второй половине XVI в. она занимает лидирующие позиции в гецивилизационном пространстве — сперва политически (завоевав обе Америки, почти всю Африку, Австралию, значительную часть Азии), а после промышленной революции — и экономически, потеснив преобладавшие до XIX в. по долям в мировом ВВП Индию и Китай.

Характерными чертами западноевропейской цивилизации в эпоху Средневековья было доминирование христианской религии (католицизма). Она претендовала на первенство в борьбе со светской властью, обладала огромной политической и экономической силой и цементировала разрозненные феодальные государства, направляя их силы на борьбу с мусульманской цивилизацией во время Крестовых походов и Реконксты. В экономике преобладало основанное на крепостной зависимости и феодальной ренте земледелие. Росло число «вольных» городов и их объединений, возвышались торгово-ремесленные республики — Венеция, Генуя, Ганзейский союз.

В период раннеиндустриальной мировой цивилизации, в эпоху Великих географических открытий (*рис. 12.3*), особенно после открытия Америки, начала колонизации Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Австралии, сфера политического и экономического господства западноевропейской цивилизации стала стремительно расширяться. Возникли колониальные империи — сперва португальская и испанская, затем британская и французская. В экономике набирал силу капиталистический уклад. Заявляло претензии на власть третье сословие — буржуазия. Европу то и дело потрясали кровопролитные войны и революции.

Звездный час для западноевропейской цивилизации пробил после промышленной революции, преобразившей мир. В экономике Западной Европы утвердился капитализм, к власти пришла буржуазия. Промышленная революция дала мощный толчок к развитию машинной индустрии, утверждению безусловного экономического лидерства западноевропейской цивилизации. Если в 1000 г., по расчетам **А. Мэддисона**, Западная Европа производила 8,7% мирового ВВП, то в 1820 г. — уже 23%, а в 1870 г. и 1913 г. —

33%. Однако в XX столетии она утратила прежние позиции, опустившись к 2001 г. до 20,3% мирового ВВП [264. — Р. 260].

К 1900 г., по расчетам **С. Хантингтона**, под политическим контролем западной цивилизации находилось 38,7% территории населенной части планеты и 44,3% ее населения [259. — С. 85]. Однако с конца XIX в. у западноевропейской цивилизации появился серьезный соперник — дочерняя североамериканская цивилизация.

В XX в. проявились признаки ослабления западноевропейской цивилизации. Этому способствовали прежде всего развязанные по ее инициативе две мировые войны, подорвавшие силы Европы. **О. Шпенглер** уже в 1918 г. констатировал начало заката Европы [233]. Эту перспективу подтвердил и **А. Тойнби**: «Сегодняшнее западное господство — и это совершенно очевидно — не продержится долго... По мере того, как через новые века и поколения объединенный мир будет находить путь к равновесию между различными составляющими его культурами, западная составляющая со временем займет то скромное место, на которое она и может рассчитывать в соответствии с теми другими культурами — живыми и угасшими, — которые западная экспансия привела в соприкосновение друг с другом и с собой» [192. — С. 101].

Однако после Второй мировой войны, на завершающем этапе индустриального общества, западноевропейская цивилизация нашла в себе силы восстать из руин и превратиться в один из центров становления постиндустриального общества. Этому способствовало преодоление векового соперничества государств Европы, становление нового цивилизационного объединения — Европейского союза, которое может служить эталоном для других стран и всего мира.

Заминка с утверждением общеевропейской конституции породила сомнения в сохранении единства западноевропейской цивилизации (которая шаг за шагом поглощает восточноевропейскую). Однако вряд ли эта неприятность окажется роковой. Можно надеяться, что интеграционные тенденции возьмут верх.

Рывок североамериканской цивилизации. Характерной чертой последних полутора веков стал бурный подъем североамериканской цивилизации. Она возникла как дочерняя по отношению к западноевропейской на основе слияния нескольких волн переселения в Новый Свет наиболее активной части населения европейских стран, а также насильственного ввоза в Америку африканцев, использовавшихся в качестве рабов. В дальнейшем в Северную Америку направились потоки мигрантов из Латинской Америки, Китая, Японии, России. Именно эти особенности североамериканской цивилизации, отпочковавшейся в результате войны за неза-

висимость от Великобритании, определили ее экспансивный характер и свободолюбивый, энергичный темперамент. Здесь, как в кипящем котле, переплавлялись выходцы различных культур, формируя новую цивилизационную общность.

Зигзагом истории стало возрождение в Северной Америке реликта рабовладельческого строя в океане утвердившихся капиталистических отношений. Преодоление этого реликта открыло дорогу для бурного роста экономики США. Пика экономического могущества Америка достигла в 1918 г. Общепланетарный кризис 1929—1933 гг. сильнее всего ударил именно по ее экономике, однако Вторая мировая война и послевоенная реконструкция вновь восстановили первенство североамериканской цивилизации. Лишь к концу XX в. ее несколько потеснили Япония, Китай, высокоразвитые страны Юго-Восточной Азии.

Однако США оставались безусловным лидером Запада и наиболее мощной державой мира, ядром западной цивилизации, главным противником евразийской цивилизации в лице СССР, стран мировой системы социализма.

В конце XX в., после распада СССР, СЭВ, Варшавского договора, США остались единственной сверхдержавой и стали претендовать на место, которое занимала в XIX в. западноевропейская цивилизация. Эту позицию четко выразил **З. Бжезинский**: «Америка занимает доминирующее положение в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии; в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на некоторую ее примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира... Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова... Американская мощь проявляется через глобальную систему явно американского покроя, отражающую внутренний американский опыт» [17. — С. 36].

Североамериканская цивилизация — самая молодая из ныне действующих на геополитической арене цивилизаций, находящаяся на фазе подъема жизненного цикла. В этом ее сила, но в этом и слабость, заключающаяся в излишней самонадеянности и неумении считаться

с коренными интересами других, умудренных многовековым опытом цивилизаций.

Латиноамериканская цивилизация. Дочерней по отношению к западноевропейской является и латиноамериканская цивилизация. Она сформировалась по историческим меркам сравнительно недавно, в XIX столетии, и явилась результатом слияния трех цивилизационных потоков: достаточно сильных (в отличие от Северной Америки) остатков древних, доколумбовых цивилизаций; западноевропейской цивилизации в ее иберийской (испано-португальской) модификации, испытавшей сильное мусульманское влияние; потоков невольников из Африки с их самобытной культурой.

Предыстория становления латиноамериканской цивилизации (после открытия Америки Колумбом) состоит в уничтожении коренных цивилизаций, разграблении и вывозе в Европу накопленных многими поколениями людей богатств, жестоком колониальном режиме, возрождении рабовладельческого уклада на крупных плантациях.

О начале формирования латиноамериканской цивилизации можно говорить после успешного завершения войны американских колоний за независимость 1810—1826 гг. и провозглашения Бразилией независимости от Португалии в 1822 г. Это дало толчок для развития капитализма в Южной Америке, но темпы его оказались гораздо более медленными, чем это было в Северной Америке. Сохранялась экономическая зависимость как от Западной Европы, так и позднее от США, на фоне активного междивизионального диалога, торгового и культурного обмена. Серия революций, особенно революция в Мексике 1910—1917 гг., усилили тягу к цивилизационной самоидентификации, что особенно ярко проявилось после Второй мировой войны. Военно-тоталитарные режимы, высокие темпы инфляции сдерживали этот процесс. Лишь в последние десятилетия XX в. в ряде стран стали появляться признаки формирования современной высокотехнологичной экономики. Однако доля Латинской Америки в мировом ВВП остается незначительной.

Австралийский континент. Здесь цивилизация развивалась по особому пути. Долгая изоляция континента от всего остального мира стала причиной отставания Австралии в историческом развитии: в XVIII в. здесь насчитывалось лишь 500 племен общей численностью 250—300 тыс. человек, занимавшихся охотой и собирательством.

В результате колонизации Австралии и Новой Зеландии коренное население было частично истреблено, частично вытеснено в бесплодные районы. В отличие от Латинской Америки заселение из Европы в цивилизационном плане было сравнительно однородным. Быстро развивался капитализм, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В начале XX в. Австралия получила статус доминиона, а в конце столетия здесь сформировалась смешанная океаническая цивилизация, включающая, наряду с высокоразвитыми Австралией и Новой Зеландией, множество государств Полинезии, Микронезии и Меланезии.

Цивилизационный процесс в Африке. Крупнейший после Евразии материк — Африка — является колыбелью человечества, распространившегося отсюда в период палеолита на другие материки. Как в первом, так и во втором исторических суперциклах Африка была полем взаимодействия и борьбы различных цивилизаций.

«Со II—I тыс. до н. э. и до сих пор для отдельных стран Северо-Восточной Африки характерны разительные перепады в уровнях общественного развития: предцивилизации и протоцивилизации соседствуют с высокоразвитыми цивилизациями... Географические условия способствовали тому, что в регионе на протяжении двух с половиной — трех с половиной тысячелетий существовало несколько очагов цивилизаций, между которыми происходил плодотворный обмен культурной информацией» [96. — С. 71].

Северная Африка в своем цивилизационном развитии опередила прочие регионы материка. Здесь сложилась древнейшая египетская цивилизация, бывшая очагом цивилизационного прогресса в раннеклассовом обществе. В античном обществе соперником Рима выступал Карфаген, владычествовавший над южным побережьем Средиземного моря, большей частью Иберийского полуострова, Корсикой, Сардинией, Сицилией; лишь в середине II в. до н. э. эта держава была уничтожена римлянами. С IV в. до н. э. по V в. н. э. в верховьях Нила существовало сильное Мероитское царство, в первой половине I тыс. на территории нынешней Эфиопии — Аксумское царство. Центральная же, Западная и Южная Африка намного отстали в своем цивилизационном развитии.

Начиная с IV в. н. э. через Северную Африку на континент проникают новые мировые религии — христианство, а с VII в. — ислам.

«В IV — первой трети VII в. Аксумское царство достигает вершины своего военно-политического и торгового могущества... Аксум быстро усваивает достижения южноаравийской, мероитской, рим-

ско-византийской и индийской цивилизаций... Аксумский царь и его подданные принимают христианство в середине IV в. Поднявшись вровень с тысячелетними цивилизациями Нильского бассейна и Аравии, аксумская цивилизация теперь сама оказывает на них влияние, связанное с военным бытом, политической структурой и христианством... в Судане вырисовалась новая цивилизация — христианская нубийская. Ее подъем занял три столетия — VII—IX вв., а наивысший расцвет пришелся на вторую половину XIII в.» [там же. — С. 74—75].

Подъем возникшей в VII в. мусульманской цивилизации стал причиной ее экспансии в Северную Африку. В VII—VIII вв. Египет и Северная Африка вошли в состав Арабского халифата. И поныне Северная Африка является составной частью мусульманской цивилизации.

Эфиопия в период средневековья и в последующие эпохи оставалась православной (монофизитской) христианской страной, восприняв наследие аксумской цивилизации.

Трагически сложилась судьба народов Западной и Центральной Африки в раннеиндустриальную и индустриальную эпохи. Уже с XIV в. Португалия начала работоторговлю. Вслед за ней этим прибыльным бизнесом занялись Великобритания, Франция, Голландия, Дания, а затем и США. Десятки и сотни тысяч африканцев гибли в пути и на плантациях; были опустошены обширные области африканского континента; пришли в упадок экономика и культура Африки. По некоторым подсчетам, потери Африки от работоторговли составили около 100 млн человек. Это был коммерческий геноцид, рецидив рабства на торгово-капиталистической основе. Западная цивилизация набирала силу на крови и поте африканских рабов.

В XIX в. западноевропейская цивилизация колонизировала почти весь африканский континент. Если к 1876 г. статус колоний имели территории 1/10 части Африки, то к 1900 г. — уже 9/10. Между колониальными державами развернулась борьба за передел владений в Африке.

Лишь после Второй мировой войны, особенно в 50—60-е годы XX в., на африканском континенте пошел бурный процесс деколонизации, образовались десятки самостоятельных государств. Однако экономика осталась в значительной мере в руках прежних метрополий и ТНК, что тормозит экономический и социальный прогресс.

К концу XX в. на территории Африки к югу от Сахары начала складываться самостоятельная африканская цивилизация, включающая в себя разнородные цивилизационные, но во многом общие

культурные и мировоззренческие элементы. Индустриальная цивилизация нанесла значительный ущерб этой части африканского континента. Уровень ВВП на душу населения, по данным Всемирного банка, в 1999 г. здесь был в 51,5 раза ниже, чем в странах с высоким уровнем доходов, уровень детской смертности — в 25 раз выше, уровень неграмотности взрослого населения составил 32% у мужчин и 49% у женщин. Таковы последствия западного владычества над Африкой.

12.3.3. Диалог и взаимодействие цивилизаций 3-го и 4-го поколений

Для прошедших полутора тысячелетий характерными тенденциями являются, во-первых, расширение цивилизационного поля, постепенно охватывающего всю населенную часть планеты, а во-вторых — усиление разнообразных форм диалога и взаимодействия цивилизаций, нарастание их взаимовлияния в экономической, технологической, политической и социокультурной сферах.

Великие торговые пути. Основными каналами диалога и взаимодействия цивилизаций были великие торгово-транспортные пути — с востока на запад и с севера на юг. Некоторые из них сложились еще в предыдущую эпоху, но получили новое развитие со второй половины I тыс. н. э.

Наибольшую известность приобрел *Великий шелковый путь*, по которому из Китая и Индии в Византию и Западную Европу везли шелковые ткани, благовония и пряности, украшения и ювелирные изделия, а обратно — продукцию европейских ремесленников, оружие.

В формировании российской цивилизации большую роль сыграли *Балтийско-Днепровский* («из варяг в греки») и *Великий Волжский* («из варяг в арабы») *пути*, ставшие каналами интенсивного межцивилизационного обмена не только товарами, но и культурными достижениями.

После открытия Нового Света важнейшее значение приобретает *трансатлантический морской путь* из Европы и Африки в Америку, по которому следовали караваны судов с золотом и серебром, товарами, невольниками.

Изобретение паровозов и пароходов значительно активизировало межцивилизационный товарный обмен по всем направлениям, умножило число транспортных путей, пересекавших планету

как по параллелям, так и по меридианам. Этот процесс многократно усилился в XX в. с формированием всемирного хозяйства.

С конца XX в. начали складываться международные транспортные коридоры как каналы глобализации экономики, по которым осуществляется устойчивый междивизиационный обмен.

Становление и распад колониальных империй. Эти государственные образования служили в феодально-капиталистическую эпоху каналом междивизиационного взаимодействия.

Ряд мировых империй этой эпохи — Византийская, Китайская, затем Османская, Российская, Австро-Венгерская — строились преимущественно в рамках одной цивилизации, хотя и включали окраинные территории, перекрещивающиеся со смежными цивилизациями. Однако в эпоху Великих географических открытий, освоения Америки возникли империи другого, колониального типа. В них небольшая по размерам и численности населения метрополия устанавливала свое военно-политическое и экономическое господство над иными цивилизациями или их частью.

В XVI в. к числу колониальных империй относились Испанская и Португальская, разделившие между собой Новый Свет. Однако в XVII в. первенство перешло к Британской империи, покрывшей Индию, Северную Америку, значительную часть Азии и Африки. По бытовавшей в то время поговорке, над Британской империей никогда не заходило солнце. С Британией соперничали Французская, Нидерландская, а затем и Германская империи.

Расцвет колониальных империй пришелся на вторую половину XIX — начало XX в. Затем они пришли в упадок, а после Второй мировой войны система колониализма была уничтожена. Однако в границах прежних колониальных империй сохранилось тесное экономическое и социокультурное взаимодействие цивилизаций (Британское содружество наций).

Формирование и развитие всемирного рынка. Торговые отношения между цивилизациями развивались с самого их возникновения. Сперва эти отношения имели нерегулярный характер, но уже в античную эпоху международная торговля приобретает значительные масштабы, формируются региональные мировые рынки. Но о всемирном рынке в эту эпоху, как и в период средневековья, говорить еще рано.

Лишь на базе раннеиндустриальной цивилизации, после Великих географических открытий, освоения Америки и Австралии началось становление всемирного рынка как главного поля эко-

номического взаимодействия между странами и цивилизациями. Этот процесс усилился с созданием мировых колониальных империй, появлением крупных торговых компаний, специализирующихся на таких обменах (например, Ост-Индской компании). С помощью торговли богатства перераспределялись в пользу метрополий.

В полной мере всемирный рынок как важнейшая часть мирового капиталистического хозяйства утвердился в индустриальном обществе, особенно во второй половине XIX и начале XX в. В его основе лежат международное разделение труда, пропорции воспроизводства во всемирном масштабе. Международные монополии, а с последней трети XX в. транснациональные корпорации являются главными субъектами этого рынка и присваивают себе основную часть полученной в результате его развития прибыли и сверхприбыли.

Геополитические аспекты взаимодействия цивилизаций. Геополитическая карта мира в феодально-капиталистическую эпоху неоднократно менялась. Политические взаимоотношения между цивилизациями принимали разнообразные формы — от межгосударственных союзов до военных столкновений.

Черода междивизиационных войн прошла в VII—XIII вв. Наиболее крупные из них — арабские завоевания; Крестовые походы, несколько волн нашествия монгольской цивилизации на Европу, Среднюю и Центральную Азию, Закавказье.

В раннеиндустриальную эпоху наиболее трагический характер имело столкновение западноевропейской цивилизации с древними культурами Америки, завершившееся гибелью последних. Характер междивизиационных столкновений носили войны между католическим Западом и мусульманским Востоком, войны за покорение Индии, Австралии, Африки, неоднократные столкновения Российской и Османской империй.

Но отношения между цивилизациями не сводились только к войнам. Неоднократно заключались политические союзы, осуществлялся активный обмен товарами, научными достижениями, культурными ценностями.

Сложный, противоречивый характер носили взаимоотношения между западноевропейской и российской цивилизациями. Время от времени между ними возникали военные столкновения (нашествие Наполеона на Россию, Крымская война). Однако преобладали отношения диалога, торгового и культурного обмена и политических союзов (например, после Наполеоновских войн).

Мировые войны XX в. имели смешанный характер. В Первой мировой войне одна часть западной цивилизации (союз стран, получивший наименование Антанты) объединилась с Российской империей в борьбе против другой части западной цивилизации (Германской и Австро-Венгерской империй). Во многом схожей была расстановка геополитических сил во время Второй мировой войны. Период холодной войны носил отпечаток не только идеологического, но и цивилизационного противоборства: западная цивилизация (прежде всего североамериканская и западноевропейская) противостояла евразийской (российской) и китайской.

С окончанием холодной войны расстановка сил на геополитической арене резко изменилась. Распалась евразийская цивилизация, завершилось противостояние СССР и США как двух сверхдержав — центров цивилизаций. В то же время существенно повысилась активность мусульманской и китайской цивилизаций.

Социокультурный диалог цивилизаций. Для феодально-капиталистической эпохи была характерна высокая интенсивность диалога цивилизаций в социокультурной сфере — в науке, культуре, образовании, в области религиозных отношений.

В период раннего Средневековья достижения китайской науки и техники, а также античное наследие были заимствованы мусульманской цивилизацией и переданы западноевропейской (одновременно с передачей этого наследия через Византию). Ускоренный научный прогресс, плоды великой научной революции XV—XVII вв. и последующих переворотов в науке быстро усваивались другими цивилизациями. В конце XIX — начале XX в. эпицентр научного прогресса переместился в США и Россию.

Культура различных цивилизаций носит весьма своеобразный и устойчивый характер. Формирование колониальных империй становилось причиной культурной экспансии Запада; но она распространялась в основном в высших слоях общества колонизированных стран. В Новом Свете самобытная местная культура была практически полностью уничтожена. В начале Средневековья в фазе расцвета находились китайская, индийская и арабская цивилизации. В эпоху Ренессанса эпицентр культурного прогресса переместился в Италию, затем во Францию, Англию, Германию. Во второй половине XIX в. и первой трети XX в. одним из центров культурного подъема стала российская цивилизация; ее достижения, особенно в области литературы и музыки, приобрели мировой характер.

С конца XX в. тенденции в области междивизиационного культурного обмена приобрели противоречивый характер. С одной стороны, с помощью глобального информационного пространства ценности Запада навязываются иным цивилизациям. С другой стороны, как реакция на нивелирующую тенденцию, усиливается внимание к национальным и общечивилизационным культурным ценностям, налицо признаки нового Ренессанса.

В развитии систем *образования* цивилизаций 3-го и 4-го поколений имелось много общего. Опыт организации обучения в Китае и Византии использовали и другие цивилизации. Создание университетов в Западной Европе помогло их общемировому распространению. Схожие черты имела организация теологического образования в Средние века в странах Запада и Востока. Революция в образовании индустриальной эпохи, эпицентр которой находился в Западной Европе, волнами распространилась по всему миру. Уникальная система образования в России (СССР) стала предметом изучения в других странах.

Хотя каждой цивилизации свойственна своя *система этических и религиозных ценностей*, тем не менее и в этой сфере развивался диалог, существовали общие тенденции развития, особенно в раннеиндустриальном и индустриальном обществах. В периоды генезиса феодализма и Средневековья шло активное распространение и противоборство мировых религий, вплоть до религиозных войн, нередко служивших основанием для столкновения цивилизаций. В индустриальном обществе влияние религий и поддерживаемых ими систем моральных ценностей ослабло. Однако в конце XX в. оно вновь возросло, виной тому — кризис общества.

На рубеже тысячелетий во всех цивилизациях наблюдаются признаки глубокого кризиса в науке и культуре, негативной моральной поляризации. Диалог и партнерство цивилизаций помогут преодолеть эти негативные явления и совершить переход к гуманистическому ноосферному постиндустриальному обществу.

Глава 13

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА НА СЕВЕРЕ ЕВРАЗИИ

На огромных пространствах севера евразийского континента процесс формирования мировых и локальных цивилизаций начался на несколько тысячелетий позднее, чем в Средиземноморье, Двуречье и юго-восточной части материка; но проходил он в ускоренном темпе, так что возникшая здесь в конце I тыс. н.э. восточнославянская цивилизация 3-го поколения оказалась в числе лидеров цивилизационной динамики. Целесообразно рассмотреть этапы формирования и развития цивилизаций и их взаимодействие с другими обществами на этом пространстве ойкумены. При этом мы будем опираться не только на литературные источники, но и на материалы научно-цивилизационной экспедиции по Северному Причерноморью, организованной нами в июле 2005 г.

13.1. Ритмы динамики цивилизаций в регионе

Общая схема жизненных циклов мировых цивилизаций в северной части континента представлена в табл. 13.1. Данная периодизация истории культур региона во многом отличается от общепринятой (особенно в части динамики локальной цивилизации) и отражает результаты предпринятых нами исследований и экспедиций.

Остановимся подробнее на основных этапах цивилизационного процесса в пространстве Северной Евразии.

13.1.1. Неолит

Изучение истории цивилизационного прогресса в северной части огромного евразийского континента можно начинать с V тыс. до н. э. — здесь первые поселения людей появились на три тысячелетия позднее, чем на Ближнем Востоке и севере Африки, где были заложены основы первого исторического суперцикла, возникла неолитическая цивилизация. Такое запоздание объясняется прежде всего особенностями кли-

Таблица 13.1.

Ритмы цивилизационной динамики на севере Евразии

Цивилизации, период	Цивилизационная динамика	Контакты с цивилизациями
Неолит V-IV тыс. до н. э.	Трипольская культура на Украине, культура воронковидных кубков, культуры Северного Кавказа	Центральная Европа
Энеолит и бронзовый век III – начало I тыс. до н. э.	Майкопская, триалетская, кобанская, андроновская, фатьяновская культуры, аркаимские на Южном Урале, трипольская культура на Украине	Цивилизации Двуречья, Китая
Железный век VII в. до н. э. – VI в. н. э.	Приднепровье, Поволжье, Северный Кавказ, Юг Урала, Дьяковская, городецкая, ананьинская культуры. Форпосты греко-римской цивилизации в Северном Причерноморье, Боспорское царство. Скифская протоцивилизация	Греко-римская, персидская, китайская цивилизации
Генезис средневековой цивилизации VI – середина XIII в.	Восточнославянская цивилизация. Русский каганат, Тмутаракань, Новгородская земля, Киевская Русь.	Византийская, западноевропейская, мусульманская, китайская цивилизации, тюркская и хазарская протоцивилизации
Зрелая средневековая цивилизация Середина XIII – XVI в.	Российская цивилизация. Владимиро-Суздальская Русь. Московское царство. Освоение Сибири.	Монгольская, византийская, восточноевропейская, мусульманская цивилизации
Раннеиндустриальная цивилизация XVII–XVIII вв.	Смутное время – цивилизационный кризис. Евразийская цивилизация. Российская империя	Западноевропейская, восточноевропейская, мусульманская, китайская цивилизации
Индустриальная цивилизация XIX – XX вв.	Евразийская цивилизация. Российская империя, СССР. Кризис евразийской цивилизации	Западная, восточноевропейская, китайская, индийская, японская, мусульманская цивилизации
Постиндустриальная цивилизация XXI – XXII вв. (прогноз)	Российская цивилизация. Возможность возрождения евразийской цивилизации в суженном составе	Западноевропейская, восточноевропейская, североамериканская, мусульманская, японская, китайская, индийская, буддийская цивилизации

мата Северной Евразии, что отмечал в своих работах **Г. В. Вернадский**: «Гигантский ледник простирался от Скандинавии на юг и юго-восток, покрывая целиком Северную и Центральную Россию. Во время наиболее широкого распространения ледника его южный край достигал линии, которая может быть проведена от Карпат до Киева на Днепре и оттуда до Орла; от Орла он шел изгибом до Воронежа и вверх на Восток к Волге, затем вверх по Волге и устью Камы и далее через северную часть Уральских гор к истокам Оби в Сибири... Даже после того, как ледник в конце концов начал отступать на север, его следы еще долго были заметны по всей стране... Климат областей, недавно освобожденных от ледяного покрытия, был холодным, как климат теперешних субполярных районов; подобные природные условия были благоприятны для распространения мамонтов... Человек в течение ледникового периода мог жить только на юге» [31. — С. 35, 36].

И действительно, лишь в южной части нынешней территории России, Украины, Закавказья и Центральной Азии сложились условия, благоприятные для распространения примерно с V тыс. до н. э. неолитических культур, с III тыс. до н. э. — культур бронзового, а с VII в. до н. э. — железного века. «Хронологически распространение неолитической культуры по территории России относится к концу четвертого или началу третьего тысячелетия до н. э. Новые формы родовой социальной организации появились в неолитический период, равно как и новые направления человеческой экономической деятельности — земледелие и скотоводство. Духовная жизнь также приобрела иные выражения... Люди должны были уже обладать определенной системой религиозных верований» [там же. — С. 39]. В Северном Причерноморье и на Северном Кавказе этот процесс начался раньше.

Отступление ледников на север и быстрое истребление стад крупных животных вынудило охотничьи общины постепенно перейти к скотоводству и земледелию. Затем было освоено гончарное ремесло, прядение и ткачество, изготовление соответствующих орудий труда. Появились первые постоянные земледельческие поселения (майкопская культура), начался переход к территориальной общине. Это стало основой общественного разделения труда, натурального межобщинного обмена, социальной дифференциации. Очаги неолитических культур были разбросаны по огромной территории. Важными источниками средств существования по-прежнему оставались для людей охота, рыболовство,

бортничество, собирательство. Суровые зимы давали толчок развитию строительства домов из теплосберегающих материалов (камня, дерева).

В IV—III тыс. до н. э. на территории Правобережной Украины (Прикарпатье, Среднее Приднепровье) и Румынии получила распространение *трипольская культура* эпохи энеолита. Развивались земледелие и скотоводство, строились укрепленные городища, осваивалась техника обработки меди. Для трипольской культуры были характерны поселения от нескольких десятков до нескольких сотен домов, расположенных концентрическими кругами вокруг центра городища. Так, например, поселение в Доброводах (Украина) занимало площадь около 250 га, дома были расположены 9—10 кругами, население могло составлять от 10 до 20 тыс. человек.

13.1.2. **Бронзовый век**

В III—II тыс. до н. э. происходил постепенный переход к бронзовому веку (прежде всего на Северном Кавказе, в Прикарпатье, Причерноморье). Люди освоили выплавку металлов и изготовление из них орудий труда, оружия, украшений, расширилась сеть поселений и увеличились их размеры, регулярный характер приобрел обмен между земледельческими и скотоводческими племенами, а также общинами, освоившими металлургию (кобанская, фатьяновская, андроновская культуры). Общинная собственность сочеталась с частным хозяйством больших патриархальных семей. Общины объединялись в племена; родовая знать, опираясь на вооруженные отряды, прибирала к рукам значительную часть богатств. Создавались союзы племен — зародыши будущих государств. Центры мировой цивилизации бронзового века возникли в Прикарпатье, на Северном Кавказе, Южном Урале. Однако у этих культур в отличие от раннеклассовых цивилизаций Ближнего Востока и Северной Африки не было условий для строительства мощных систем орошаемого земледелия, а следовательно, концентрации населения в долинах крупных рек, не сложились сильные государства, отсутствовало рабовладение, которое в большей мере было присуще культурам Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока.

В середине 50-х годов XX в. на юге Урала были открыты исторические памятники цивилизации бронзового века (Аркаим), где располагался очаг развитой материальной культуры. Исследование этих памятников продолжается и в наши дни.

Следует отметить, что уже в период бронзового века Северное Причерноморье, Северный Кавказ, бассейны Днепра, Волги и Камы стали магистралями торгового и культурного обмена цивилизаций 1-го поколения с народами, находившимися на ранней стадии цивилизационного развития. Пути такого обмена были реки: «Реки служили главными торговыми путями, при этом Волга играла особенно важную роль как связующее звено между северокавказской культурной зоной и верхневолжской и рекой Камой... Регион Днепра был связан с территорией Балкан, с одной стороны, и с Кавказом — с другой. Через Кавказ область Оки — Волги была открыта влиянию культуры Месопотамии. А из региона Волги — Камы купцы должны были проникать в Западную Сибирь и наоборот. Народы Западной Сибири торговали с народами Казахстана, а они, в свою очередь, нашли дорогу на Кавказ. Так был завершён круг» [там же. — С. 45–47]. К этому стоило бы добавить конечные пункты такого обмена между цивилизациями — древние цивилизации Китая, Индии, Средиземноморья.

Культура бронзового века укоренилась на Северном Кавказе в III тыс. до н. э., хотя Майкопский вал, где найдено немало медных, золотых и серебряных изделий, относится к III тыс. до н. э. Начало второй мировой цивилизации на юге современной России, в районах Северного Кавказа и Причерноморья и на правом берегу современной Украины (трипольская культура) можно датировать III тыс. до н. э., хотя тогда здесь еще не сложились самостоятельные локальные цивилизации.

Следует заметить, что географические границы мировых цивилизаций значительно шире, чем локальных цивилизаций того же периода. Последние представляют собой сгусток культур и других элементов генотипа данной мировой цивилизации; однако существуют обширные регионы, где условия формирования локальных цивилизаций еще не сложились, а культура, например, бронзового или раннежелезного веков (раннеклассовой и античной мировых цивилизаций) уже была распространена.

13.1.3. Железный век

Начало *железного века* — третьей мировой цивилизации — на территории нынешних России и Украины относится к первым столетиям I тыс. до н. э. — примерно к тому же периоду, что и в Древней Греции. В Волосово близ Муромы железные изделия начала

I тыс. н. э. были обнаружены вместе с бронзовыми, что является свидетельством перехода культуры от бронзового к железному веку.

К VIII—VII вв. до н. э. культуры железного века сформировались в Приднепровье, Поволжье, на Северном Кавказе (дяковская, городецкая культуры), с середины VII в. — на юге Урала, Алтае, в Западной Сибири.

Каковы принципиальные особенности периода железного века на севере Евразии?

Во-первых, *цивилизационный ареал значительно расширился на север*, в степные и лесные районы, поскольку там люди получили больше возможностей для изготовления и использования прочных и эффективных железных орудий. Это позволило вовлечь в цивилизационный процесс новые обширные регионы.

Во-вторых, *сформировались протоцивилизации* (зачатки локальных цивилизаций) и протогосударства (вождистские государства, или чифдомы).

Киммерийцы в период своего высшего могущества контролировали Северное Причерноморье от Днепра до Керченского пролива, господствовали в Крыму, Приазовье и на Кубани, проникали в Закавказье, а в VIII в. атаковали царство Урарту. Однако нет оснований для того, чтобы утверждать, что они составляли полноценную локальную цивилизацию. Ее формирование было прервано волной скифского переселения с востока. Одна часть киммерийцев осела в Крыму и смешалась с местным населением, другая направилась на Запад и была разбита скифами на Днепре.

Больше оснований говорить о формировании локальной *скифской протоцивилизации*. «В течение первой части VII в. до н. э. скифы сломали сопротивление киммерийцев и распространили свое владычество от Волги до Днепра. В конце столетия скифское государство приняло определенные очертания. Их царство было одним из серии кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях. Скифская империя не являлась централизованным государством. Авторитет царя главной орды признавали предводители более мелких орд, но царь не был абсолютным правителем. Скифское государство было скорее конфедерацией сильных кочевых родов. Скифская империя социологически может быть описана как власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами» [там же. — С. 72, 73]. В. И. Гуляев пишет о скифской цивилизации от Дона до Дуная [49. — С. 380].

Насчет империи, пожалуй, слишком сильно сказано, но ареал распространения скифской протоцивилизации был значительно

шире, чем отмечал **Г. В. Вернадский**: памятники скифской культуры обнаружены не только в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе, но и на Южном Урале, на Алтае, в Средней Азии и даже на границе Северного Китая. В последней трети VII в. до н. э. скифы завоевали Мидию, Сирию, Палестину, Малую Азию, но в начале VI в. до н. э. были вытеснены с этих территорий. В 512 г. до н. э. поход персидского царя **Дария I** против скифов окончился неудачей. На рубеже V—IV вв. до н. э. скифский царь **Атей** объединил под своей властью земли от Дуная до Азовского моря. В конце III в. до н. э. столица скифов была перенесена в Крым (Неаполь Скифский, на окраине нынешнего Симферополя). Во второй половине III в. н. э. скифское государство пало под ударами готов. Скифы были преимущественно скотоводами, но занимались также и земледелием. Они установили тесные контакты с греческими колониями — Ольвией, Пантикапеем, Херсонесом, образовали ряд воинственных протогосударств, неоднократно вступавших в схватки с Ассирией, Персией. Социальный и этнический состав скифской протоцивилизации был весьма пестрым. Греческий историк **Геродот**, побывавший в этих краях в V в. до н. э., писал о том, что здесь живут царские скифы — кочевники, скифы-земледельцы, а также воинственные тавры.

Г. В. Вернадский высоко оценивает скифскую протоцивилизацию: «Скифское владычество обеспечило мир для Западной Евразии в течение трех столетий. Скифский мир имел колоссальное значение в поддержании торговли и благосостояния не только самих скифов, но также и других племен, контролируемых ими» [31. — С. 75].

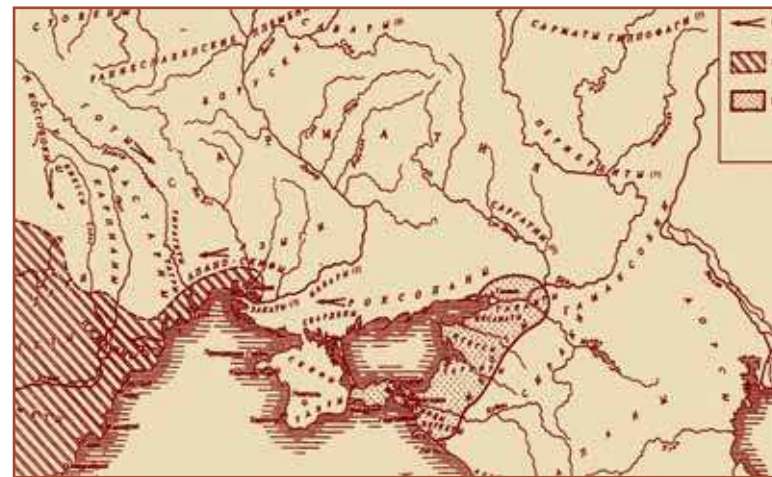
В-третьих, в железном веке территория современных России и Украины стала пространством интенсивного взаимодействия и симбиоза локальных цивилизаций 2-го поколения (прежде всего греко-римской) с протоцивилизациями и доцивилизационными обществами Северного Причерноморья и кочевыми народами, приходившими сюда с востока и северо-запада. Уже с VII в. до н. э., в период Великой греческой колонизации, колонии греческих государств-полисов (особенно ионийского Милета) распространились по северному побережью Черного моря — это Тира в устье Днестра, Ольвия в устье Южного Буга, Танаис в устье Дона; Керкинитида (нынешняя Евпатория), Херсонес, Пантикапей (современная Керчь), Феодосия в Крыму; Горгиппия (близ Анапы), Фанагория и Гермонасса на Таманском полуострове и многие другие города. «Некоторые из греческих городов скифского периода бы-

ли полноценно развитыми сообществами, в которых процветала не только торговля, но и искусство и ремесла; сельское же хозяйство достигло высокого уровня в соседних районах. Так греческие города этого периода стали важными культурными центрами. Кроме того, они были тесно связаны с собственно городами Греции, равно как и малоазийскими, оставаясь частью целостного эллинского мира. Они, следовательно, служили мостом между греческим миром и скифами... С исторической точки зрения Боспорское царство на Керченском проливе, которое просуществовало от VI века до н. э. по VI век н. э., было предшественником русского владычества в Тмутаракани с IX по XI столетия н. э.» [там же. — С. 76—77] (рис. 13.1).

Формирование пространства взаимодействия античного мира с народами Причерноморья не стоит представлять как цивилизаторскую миссию греков среди варваров. В исторической науке распространено мнение, что к моменту колонизации местное население находилось в состоянии первобытно-общинного строя, на доцивилизационной стадии развития. В некоторых трудах по истории Древнего мира выдвигается мысль, что племена Северного Причерноморья по уровню своего развития не были способны создать государственное образование, подобное эллинистическим державам того времени. Эти положения не отвечают современным знаниям о про-

Рисунок 13.1.

Боспорское царство

Источник: [242. — С. 100].

цессе формирования цивилизаций в этом регионе, что подтвердила организованная в июле 2005 г. авторами данной работы научно-цивилизационная экспедиция в Северное Причерноморье.

Интересные данные о развитии скифской протоцивилизации и ее контактах с античным миром получены при раскопках Матропинского городища скифской эпохи на Правобережной Украине [9]. Крепость, существовавшая в VI—IV вв. до н. э., была окружена тремя рядами валов высотой 15—20 м общей протяженностью около 8 км и рвом шириной до 13 м и глубиной до 6 м. Расчеты показали, что для выполнения такого объема строительных работ (с учетом уровня развития техники того периода) потребовались бы усилия масс работников, многократно превышающих возможную численность населения близлежащих районов. Отсюда можно сделать вывод, что здесь находилась столица крупного государственного образования, для обустройства которой привлекались жители других регионов. На водоразделе Южного Буга и Днепра (который в ту эпоху имел иное русло) обнаружена целая сеть городищ-крепостей, найдено большое число греческих амфор и других античных изделий. Следовательно, есть предположение, что основной торговой артерией этих древних земель служил в то время не Днепр, а значительно более удобный для плавания Южный Буг, по-гречески Гипанис. Торговля шла через крупную греческую колонию Ольвию, расположенную в устье Южного Буга. Главными статьями скифского экспорта были кожа, меха, рыба, мед, рабы и т. д.

13.1.4. Восточнославянская цивилизация

Мы называем следующую за скифской протоцивилизацией *восточнославянскую цивилизацию*, поскольку она не включала в свой состав западнославянские племена, а сложилась на основе объединения восточных славян — дулебов, полян, древлян, северян, дреговичей, вятичей, уличей, тиверцев, а также отдельных финно-угорских племен и ассимилировавшихся здесь варяжских отрядов. Восточнославянская культура впитала в себя три потока внешних цивилизационных воздействий: с юга (от Византии), запада (от Западной и Восточной Европы) и востока (от хазар, тюрок, половцев, а затем монголов), трансформировав их применительно к условиям своего развития и исторического опыта.

Следующим этапом цивилизационного развития Северной Евразии в начале второго исторического суперцикла стало распрост-

ранение *средневековой мировой цивилизации и 3-го поколения локальных цивилизаций, формирование и развитие могущественной восточнославянской цивилизации*. Этот этап растянулся с VIII до середины XIII в. и завершился цивилизационной катастрофой (монгольским нашествием). Начало восточнославянской цивилизации, по мнению многих историков, в том числе **А. Г. Морозова** и **С. В. Корновского** [138], положили анты — союз восточнославянских племен III—VIII вв. н. э. **П. Н. Третьяков**, исследуя историю восточнославянских племен, отмечал, что «освещение истории антов неминуемо приводило к выводу, что древнерусское государство IX в. было не столько началом... исторической жизни славянства, сколько итогом длительного, уже пройденного им пути» [195. — С. 154]. Академик **А. А. Шахматов** считал антов предками «всего русского племени» и отмечал, что «в результате распада антского единства возникли все восточнославянские племена, которые расселились затем на Восточно-Европейской равнине» [230. — С. 12]. **М. С. Грушевский** рассматривал антов как предков украинского народа.

Очевидно, что анты не стали самостоятельной локальной цивилизацией. Требуется дополнительное исследование вопроса, можно ли их считать протоцивилизацией. Но во всяком случае признано, что они явились одним из истоков *восточнославянской цивилизации*, которая сформировалась в степных и лесных районах Восточной Европы в VIII—IX вв. Шаг за шагом расширяя сферу своего проживания, осваивая результаты взаимодействия с западноевропейской, византийской, восточноевропейской, монгольской цивилизациями, с XVI—XVII вв. она трансформировалась в евразийскую цивилизацию.

Вершины своего развития восточнославянская культура достигла в X—XI вв., при **Владимире** и **Ярославе Мудром**. Киевская Русь стала в годы их правления крупнейшим государством Европы, простиралась от Днестра и Вислы до Дона и Волги, от Северной Двины до Таманского полуострова и Крыма. Важнейшую роль в формировании Руси, развитии ее политических, экономических и династических связей со странами Западной и Северной Европы, Византией стало принятие в 988 г. князем Владимиром Святославичем христианства как государственной религии. Вместе с ним на Русь пришла письменность, началось строительство величественных храмов, два из которых — Софийские соборы в Киеве и Новгороде — сохранились до наших дней и по-прежнему поражают смелостью архитектурного замысла и красотой фресковой

живописи. Число городов увеличилось с 25 в IX в. до 90 в XI в., вокруг них возводились мощные оборонительные сооружения, защищавшие церкви, княжеские дворцы и дома простых горожан. Окончательно установилось социальное расслоение общества. Крестьяне придерживались общинных обычаев, платили дань князьям, но не были ни рабами, ни крепостными. Правящая верхушка опиралась на поддержку профессиональных воинских отрядов — дружин. Самостоятельное положение в обществе занимало духовенство. Ремесленники были организованы в подобия цехов, не имевших, однако, четкой регламентации, как аналогичные сообщества в раннефеодальных городах Западной Европы; важную роль играли купцы. Столицей древнерусского государства после Новгорода стал Киев — богатый, хорошо укрепленный город с многочисленными храмами.

Особый интерес представляет историческая эволюция другого центра раннефеодальной цивилизации на севере Евразии — Великого Новгорода. Он поддерживал тесные торговые связи с западными и северными странами, здесь активно развивались ремесла, искусство и письменность (знаменитые новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что большая часть жителей Новгорода были грамотными), устойчивый характер приобрели вечевые феодально-демократические традиции.

В 1019 г., когда великокняжеский киевский престол, не без поддержки новгородцев, занял **Ярослав Мудрый**, он даровал Новгороду независимость. С тех пор новгородцы строили свои, особые отношения с княжеской властью. Вече избирало посадника, тысяцкого, архиепископа, приглашало князя или его сына в качестве военачальника, но не позволяло ему становиться всевластным правителем. Новгород, защищенный непроходимыми для конницы лесами и болотами, избежал той печальной участи, которая постигла многие русские города в годы монгольского нашествия, и смог укрепиться в пору, когда остальные русские земли были раздроблены. Новгородские купцы (объединенные в торговые корпорации), имея выход к морю, поставляли в Европу большие партии меха, пеньки, воска, некоторые ремесленные изделия в обмен на металлические, оружие, ткани, драгоценности, вина, украшения. У Новгорода было много общего с ганзейскими городами, постоянное представительство союза которых также размещалось на берегах Волхова.

Великий Новгород в течение двух десятилетий был стольным городом молодой державы Рюриковичей; Киев же стал

оплотом византийского влияния, центром государства вплоть до монгольского нашествия.

Роль **Ладоги** в становлении российской цивилизации менее известна, но весьма велика. Это подчеркивает в своем исследовании **А. Н. Кирпичников**, руководитель археологической экспедиции, сделавшей много открытий в этом древнерусском городе: «Ладога выдвинулась в качестве самого значительного на севере Восточной Европы международного торгового морского порта. Через Ладогу на рынки стран региона Балтийского моря, начиная со второй половины VIII века, хлынул основной поток исламского монетного серебра и установились глобальные экономические связи Запады и Востока. В результате едва ли не впервые в истории раннесредневековой Восточной Европы наладился масштабный и регулярный обмен достижениями и ценностями Запады и Востока. В условиях стремительного экономического подъема целых областей и своей округи Ладога становится центром федерации славянских и финских племен, а затем в 862 г. — первой государственной столицей складывавшейся империи Рюриковичей» [94. — С. 49—50]. Может быть, о глобальных связях Востока и Запады говорить рановато, но неоспорима историческая роль речных торговых путей в формировании восточнославянской цивилизации. Она возникла на магистральных интенсивного диалога и взаимодействия цивилизаций Запады, Востока и Юга.

Нам представляется принципиально важным на основе проведенного исследования подчеркнуть **особенности данного этапа цивилизационного развития**:

Во-первых, на этих землях в ускоренном темпе произошел переход ко второму историческому суперциклу и практически одновременно с западноевропейской цивилизацией — к средневековой мировой и 3-му поколению локальных цивилизаций. В XI в., когда восточнославянская цивилизация достигла своей вершины, по уровню технологического и социально-политического развития она ничем не уступала Византии и Западной Европе.

Во-вторых, европейская по своему происхождению восточнославянская цивилизация синтезировала и творчески преобразила систему ценностей Запады и Востока. На первых порах преобладало западное влияние, исходившее из двух основных источников — Византии и Западной Европы. Однако монгольское завоевание Руси, распространение в Поволжье ислама заметно повысили долю восточных ценностей в генетическом ядре восточнославянской цивилизации. Следовательно, можно говорить о **трех истоках**

восточнославянской цивилизации, причудливо переплетавшихся в ее социальном генотипе и во многом обусловивших ее жизнестойкость, способность противостоять волнам нашествия иноземцев, сохраняя свою идентичность и самобытность.

С **юга** она восприняла наследие античности, сохранившееся на территориях бывших греческих и римских колоний в Северном Причерноморье. Позднее главенствующим стало влияние Византии, особенно после распространения на Руси православия. Взаимоотношения с Византией были противоречивыми, набеги на Константинополь (Царьград), начиная с 840 г., перемежались периодами союзнических отношений, но ее значение и для Киевской Руси, и для Московского царства в сфере культуры, религии, организации управления государством, военного дела, в области экономики было весьма значительным.

Немалую роль в формировании генотипа восточнославянской цивилизации сыграло воздействие **Запада** — главным образом, государств Северной Европы, ставших одним из центров формирования западноевропейской цивилизации. В их контакте с Русью неопределимое значение имели торговые связи по речным магистралям (невско-волховский, волжско-камский, волжско-донской, днепровский пути). Западная культура во многом воздействовала на процессы формирования богатейшей российской культуры, и, со своей стороны, испытывала на себе ее благотворное влияние.

Не стоит недооценивать значимость и **Востока** как одной из основ генотипа восточнославянской (и особенно евразийской) цивилизации. Влияние Востока усилилось с середины I тыс. н.э., с переходом от первого ко второму историческому суперциклу. Волна за волной накатывали потоки кочевых народов — гуннов, аваров, мадьяр, хазар, половцев, печенегов (рис. 13.2). Особенно окрепло восточное начало после монгольского нашествия и установления протектората Золотой Орды, а с XVI в. — после освоения Сибири, а затем Центральной Азии, развития связей с Китаем и Индией, появления очагов буддизма.

В-третьих, в развитии государственно-политической сферы цивилизации севера Евразии соединялись различные, нередко противоположные начала. Эта тенденция проявилась еще в период существования в Причерноморье греческих колоний и Скифского царства. Так, Ольвия и Херсонес были демократическими республиками (полисами), а в Боспорском царстве преобладало монархическое начало; царь скифов одновременно был архонтом, выборным главой Пантикапея. Этот дуализм проявился и в эпоху

Рисунок 13.2.

Нашествия кочевых народов на Европу

Гунны

Болгары и авары

Хазары, печенеги, куманы и угры

Источники: [82. — С. 112].

Новгородско-Киевской Руси: Новгород и Псков были демократическими республиками с вечевым строем; Киевская Русь восприняла византийскую модель авторитарного правления, хотя и с элементами вечевой демократии. Начиная с **Ивана III** и особенно **Ивана IV** авторитарное начало возобладало, достигнув апогея в императорской России.

В-четвертых, сфера духовной жизни восточнославянской цивилизации сложилась на основе взаимодействия различных религиозных конфессий. В период ее становления шел выбор между несколькими мировыми религиями. Уже в I в. н. э. апостолом **Андреем Первозванным** были заложены начала христианства в Северном Причерноморье, там возникли первые христианские общины. На Первом Вселенском соборе в Никее в 325 г. Крым был представлен двумя епископами: **Филиппом Херсонесским** и **Кадмом Боспорским**. Многоконфессиональным были и Хазарский каганат, и противостоявший ему Русский каганат, который принял христианство. Сперва княгиня **Ольга**, а затем князь **Владимир** возглавили процесс христианизации Киевской Руси в X в.

С конца VII — начала VIII в. на территорию нынешней России начал усиленно проникать ислам, итогом чего стало принятие этой религии в качестве государственной Волжско-Камской Булгарией и Золотой Ордой; после распада Орды ислам сохранили ее наследники — Казанское, Астраханское и Крымское ханства. На территории нынешней России сложились три анклава буддийской религии: в Бурятии, Калмыкии и Туве. Кроме того, имелись отдельные центры иудаизма и католицизма. Такое религиозное многоцветие способствовало развитию веротерпимости (что не исключало время от времени вспышек религиозной вражды).

13.1.5. Владимиро-Суздальская Русь и Московское царство (российская цивилизация)

Предмонгольский период и монгольское нашествие, гибель десятков городов и десятков тысяч их жителей стали причиной того, что эпицентр развития восточнославянской цивилизации переместился из южных в северо-восточные области Руси, сперва во Владимир (Владими́ро-Суздальская Русь), а затем в Москву.

В XIV—XVI вв. восточнославянская цивилизация охватывала только исконно русские земли, и этот период можно считать

временем *российской цивилизации*. Однако тяготы правления Ивана IV, неудачная Ливонская война, в результате которой Московское царство понесло значительные территориальные потери, а затем польское вторжение привели ко второй цивилизационной катастрофе — Смутному времени.

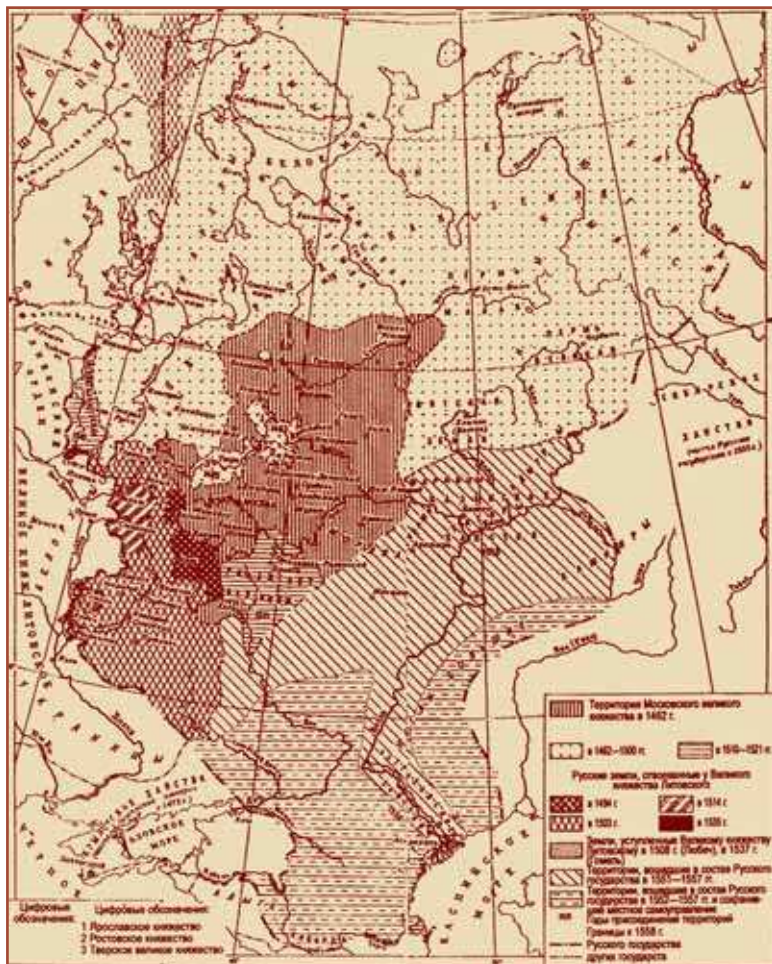
С XIV в. начался **третий цикл российской истории**, эпицентром которого стала Москва. Вершина его приходится на конец XV — первую половину XVI в. Князь **Иван I Калита**, правивший городом с 1325 по 1340 г., первым начал собирать русские земли вокруг новой столицы. **Иван III** (1462—1505) присоединил к Московскому княжеству Ярославль, Ростов, Тверь, Вятку; распространил свое владычество на западные русские земли — Чернигов, Гомель, Брянск; жестоко расправился с первой русской республикой — Новгородом, навсегда покончив с ее свободами и самостоятельностью; закрепил освобождение Руси от монголо-татарского владычества (1480) (*рис. 13.3*). Эту линию продолжил **Иван IV Грозный**, провозгласивший себя в 1542 г. царем всея Руси. К тому времени в России было 160 городов, численность населения страны превысила 6,5 млн человек (только в Москве проживало до 100 тыс. человек). Развивались ремесленное производство (кузнечное, кожевенное, солеваренное), архитектура и строительство. В конце XV — середине XVI в. были возведены новые стены Московского Кремля, Покровский собор, церковь Вознесения в Коломенском. Шедеврами живописи мирового значения стали иконы **Андрея Рублева**, **Дионисия**, **Феофана Грека**. В монастырях шло активное летописание, в 1564 г. **Иван Федоров** напечатал первую русскую книгу.

В земледелии преобладала трехпольная паровая система, дававшая достаточные урожаи. Укреплялись феодальные отношения. Крестьяне были лично зависимыми, но раз в году (на Юрьев день) имели право сменить владельца. Феодалы, служилые дворяне получали с них оброк. Правовые отношения регулировались Судебниками 1497 и 1550 гг., периодически собирались Земские соборы (своего рода сословный парламент), в 50-е годы XVI в. были созданы органы земского управления.

Особенностью России того периода, как отмечал **Ф. Бродель**, стала сильная роль государства: «В России государство стояло как утес среди моря. Все замыкалось на его всемогуществе, на его самовластии как по отношению к городам... так и по отношению к консервативной православной церкви, или к массе крестьян (которые принадлежали прежде всего царю, а уже потом барину), или

Рисунок 13.3.

Образование Русского централизованного государства

Источник: [242. — С. 172–173].

к самим боярам, приведенным к покорности... Сверх всего государство присвоило себе контроль над важнейшими видами обмена: оно монополизировало соляную торговлю, торговлю поташом, водкой, пивом, медами, пушниной, табаком... Сильное государство соответствовало там обществу, удерживаемому в руках, осужденному на

то, чтобы производить прибавочный продукт, за счет которого жили государство и господствующий класс, ибо без последнего царь в одиночку не удержал бы в подчинении громадную массу своих крестьян, главнейший источник его доходов». [23. — Т. 3. — С. 456, 458]. Государство же было основной движущей силой в стремлении овладеть Сибирью. За столетие — с 1550 по 1660 г. — границы Российского царства невероятно расширились: теперь оно простиралось до Чукотки и Дальнего Востока; его протяженность с Запада на Восток возросла с 2,1 тыс. до 6,2 тыс. км. *Российская цивилизация преобразовалась в евразийскую.*

Однако это могучее государство потерпело крах в конце XVI — начале XVII в., в период перехода к очередному историческому циклу. Причинами Великой смуты стали не только пагубные последствия правления Ивана Грозного, нашествие польско-литовских захватчиков, но и экономические причины. Страшные неурожай 1609–1611 гг. вызвали гибель сотен тысяч людей, массовое бегство крестьян на окраины государства; численность населения Москвы сократилась в три раза. Тысячи гектаров пашни были заброшены. «Царствование Ивана IV оставило после себя дотла разоренную страну. Дезинтеграция перешла порог необратимости, наступил развал государственности. Некоторые историки полагают, что от голода в 1601–1603 гг. погибла треть населения Московского государства... Государство пало в результате бунта локализма, в результате превращения власти в глазах народа в воплощение зла. Страна второй раз погрузилась в пучину катастрофического хаоса» [10. — Т. 1. — С. 97–99, 101]. Польша — враждебно настроенный сосед — хотела распространить сферу своего влияния далеко на Восток, посадить на московский трон своего ставленника. Но иноземное вторжение вызвало всплеск негодования у русского народа. Народное ополчение во главе с **Мининым** и **Пожарским** разгромило оккупантов, Земское собрание избрало царем **Михаила Романова**. Начался длительный период возрождения страны, занявший почти столетие.

13.1.6. Становление евразийской цивилизации

С XVII в. начался новый, длившийся четыре столетия этап цивилизационного процесса на севере евразийского континента — период становления, расцвета, а затем и заката *евразийской цивилизации 4-го поколения*. Время ее существования отмечено не-

сколькими периодами взлетов (при Петре I, Екатерине II, в конце XIX — начале XX в., в период НЭПа, в 50–60-е годы XX в.) и падений; столкновениями цивилизаций (Русско-турецкие войны, Отечественная война 1812 г., Крымская, Русско-японская, Первая и Вторая мировые войны), двумя цивилизационными катастрофами XX столетия (распад Российской империи и Гражданская война, распад СССР и евразийской цивилизации в 90-е годы).

Локальная евразийская цивилизация расширила свои границы за счет закрепления Российской империи на территории Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии, Прибалтики, части Польши, Финляндии. После распада Российской империи на ее территории возникло более ста суверенных образований, однако уже к 1923 г. единство страны было восстановлено практически в тех же границах (за исключением Финляндии, Прибалтики, Польши, части Белоруссии и Украины). К середине XX в. перечисленные земли (кроме Финляндии и части Польши), а также Бессарабия, Южный Сахалин и Курильские острова вошли в состав СССР, евразийская цивилизация достигла максимума геополитического значения в мире за всю свою историю. Как и ее предшественницы, она носила смешанный характер, в нее входили регионы, население которых принадлежало православно-христианской, западнохристианской, мусульманской или буддийской конфессиям. Подобная неоднородность стала одним из факторов распада СССР, когда в результате прекращения холодной войны ослабла угроза со стороны западной цивилизации, сплотившая некогда эти народы в единое целое.

Жизненный цикл евразийской цивилизации включал несколько этапов, совпадавших во времени с периодами раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций.

Процесс выздоровления общества, который начался с избрания в 1613 г. Земским собором на русский престол боярина **Михаила Романова**, затянулся надолго. Становление в России исторического цикла, аналогичного раннеиндустриальной цивилизации, охватило практически весь XVII в., а пик его приходится на XVIII в. — от энергичной «революции сверху» **Петра I** до царствования **Екатерины II** (1762–1796) включительно.

Каковы же *характерные черты и достижения этой эпохи?* **Петр I** решительно взял курс на сближение с Западом, перенес столицу в Петербург и построил его на манер европейского города. Опираясь на силу государства, преодолевая сопротивление боярства, стрельческие и крестьянские бунты, Петр I железной рукой приблизил технологический уровень развития России к аналогич-

ным показателям Западной Европы, где в то время шел бурный процесс развития мануфактур. Не следует полагать, что это было насилие над историей, нарушавшее естественный ход событий, и что завоевания Петра были отринуты его наследниками. Если бы страна развивалась прежними, допетровскими темпами, она вскоре оказалась бы на периферии мирового прогресса, превратилась в колонию или в полуколонию европейских держав, подобно Индии и Китаю. Перемены Петровской эпохи были необходимыми и необратимыми, они опирались на новых лидеров в политике, экономике, науке и культуре.

Это способствовало уменьшению экономического и технологического разрыва между Россией и Западной Европой. «Когда экономическая Европа набросилась на Россию, последняя находилась уже на пути, который защитил ее внутренний рынок, собственное развитие ее ремесел, ее мануфактур, имевшихся в XVII в., ее активной торговли. Россия даже великолепно приспособилась к промышленной "предреволюции", к общему взлету производства в XVIII в. По велению государства и с его помощью появились горные предприятия, плавильни, арсеналы, новые бархатные и шелковые мануфактуры, стекольные заводы от Москвы до Урала... В XVIII в. русское промышленное развитие было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его» [23. — С. 20, 478].

На подъеме была духовная жизнь общества — наука, образование, архитектура, искусство. Достаточно назвать такие факты, как появление в 1708 г. гражданского шрифта, что позволило расширить объем выпуска книг, в первую очередь научных трудов и учебников; открытие в 1724 г. Академии наук; издание первой газеты «Ведомости» в 1703 г.; обучение молодых дворян за границей; приглашение на службу в Россию сотен ученых, офицеров, навигаторов, кораблестроителей, архитекторов, художников; учреждение сухопутного шляхетского, морского шляхетского и пажеского корпусов; создание в 1755 г. Московского университета; открытие в 1756 г. первого профессионального русского театра, а в 1757 г. — Академии художеств. Нельзя не упомянуть о серии географических экспедиций.

Более сложным и противоречивым оказалось развитие экономических отношений. С одной стороны, возрастало количество мануфактур (на многих из них применялся наемный труд), быстро расширялась сфера торговли. Активность иностранных купцов на российском рынке стала причиной зарождения в нашей стране капиталистического уклада, формирования слоя буржуазии, постепенно набравшей экономическую и политическую силу. Наступление

молодого и агрессивного капитала было очевидным, хотя и наталкивалось на гораздо большие трудности, чем в странах Запада.

С другой стороны, укреплялся феодальный строй, прежде всего в деревне; жесткие, а порой и жестокие формы принимало крепостничество. Было отменено право крестьянина уйти от помещика (Юрьев день), крепостных свободно покупали и продавали без земли, как скот. Увеличивались размеры оброка, выкупа за «вольную», поденщины; помещики могли ссылать крестьян на каторгу, отдавать в солдаты. В ответ росло число крестьян, убежавших на окраины России, периодически вспыхивали крестьянские бунты.

Такое противоречие тормозило экономическое и техническое развитие государства: наемный рабочий трудится эффективнее своего закрепощенного собрата. В XVIII в. ценой невероятных усилий страна вошла в русло мирового прогресса, но постепенно утратила завоеванные позиции. России вновь угрожала опасность сойти на периферию, ее геополитическое значение в мире поддерживалось лишь мощью военно-помещичьего государства.

Его основы были заложены при **Петре I**, а значимые результаты появились лишь в царствование **Екатерины II** и в начале XIX в., в момент столкновения с армией Наполеона. Победив ее, Российская империя вошла в число лидеров локальных цивилизаций 4-го поколения. Однако праздник на ее улице оказался недолгим: началась фаза стагнации, закончившаяся поражением в Крымской войне 1853–1856 гг. Россия более чем на полвека запоздала с освоением достижений промышленной революции и ликвидацией феодальных отношений в деревне. Военное поражение стало импульсом к экономическому и политическому обновлению. Отмена крепостного права, административные реформы, ускоренное шествие капитализма, развитие промышленности и транспорта с участием иностранного капитала, подъем науки, культуры, образования — все это свидетельствовало о начале нового этапа в развитии российской цивилизации. Главным препятствием на этом пути стали консерватизм правящей верхушки и ее неспособность к радикальным переменам, что стимулировало рост экстремизма в обществе, популярность идей революции. Поражение в Русско-японской, а затем неудачи в Первой мировой войне стали причинами Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны — *третьей цивилизационной катастрофы*.

Однако в 20-е годы XX в. евразийская цивилизация (в несколько уменьшенном виде) вновь возродилась, на сей раз под

советским флагом. Несмотря на колоссальные репрессии и установление тоталитарного строя, она сумела победить в столкновении с почти всей западноевропейской цивилизацией и в невиданно короткие сроки восстановить свои силы. В 50–60-е годы СССР стал одной из двух сверхдержав, лидером мировой социалистической системы, ценой невероятных усилий обеспечил первенство в освоении космоса, мирном использовании атомной энергии, установил военно-технический паритет с Западом.

Однако в последующие десятилетия эти достижения были бездарно утрачены. Виной тому стратегическая слабость одряхлевшего политического руководства, явный милитаристский уклон в развитии науки, техники и экономики, а затем ошибочно выбранный курс на неолиберальные реформы и уход государства из сферы экономики, развал СССР и СЭВ. Все это привело к *четвертой цивилизационной катастрофе*, распаду евразийской цивилизации. Она была отброшена на десятилетия, если не на столетие назад в своем развитии, безвозвратно утратила многие позиции в геоэкономическом и геополитическом пространстве. На повестку дня встал вопрос о существовании России как таковой. Лишь в первые годы наступившего столетия начался трудный процесс ее возрождения, перехода евразийской (российской) цивилизации (в усеченном виде) к четвертому сверхдолгосрочному циклу в ее историческом жизненном цикле.

Сформулируем *характерные особенности третьего сверхдолгосрочного цивилизационного цикла*, растянувшегося примерно на четыре столетия.

Во-первых, *Россия вновь устремилась навстречу Европе, усваивая достижения и ценности западной цивилизации*. Это нормальный и обоснованный процесс, поскольку именно Запад в тот период лидировал в цивилизационном прогрессе. Подобные тенденции ярко проявились при **Петре I**, **Екатерине II**, **Александре I**, **В. И. Ленине**. Россия усваивала достижения Запада, в первую очередь в сфере технологии и экономики. А вот заимствований в области государственного строительства и политики было гораздо меньше, да и приживались они на российской почве гораздо хуже — краткие периоды демократического правления сменялись долгими временами авторитаризма и даже тоталитаризма. Чувственный социокультурный строй, преобладавший на Западе в течение шести столетий, до начала нынешнего столетия так и не стал господствующим в евразийской цивилизации. В XX в. здесь распространилась марксистская разновидность идеационального строя. Следователь-

но, при общей ориентации на Запад евразийская цивилизация не лишилась своеобразия, сохранила смешанный, гибридный характер.

Во-вторых, резко усилилась *неравномерность динамики цивилизаций*, амплитуда колебаний возросла, мощные рывки резко сменялись катастрофическими провалами в социально-экономическом, политическом, идеологическом развитии всего человечества. При этом России досталась роль «экспериментального полигона», где на практике апробировались нередко противоположные по своей сути теории. В XVIII в. она совершила прорыв в технологическом, экономическом и геополитическом развитии, сохранив при этом такие анахронизмы социально-политического строя, как крепостничество и абсолютная монархия. XIX столетие было отмечено как триумфальной победой в войнах 1812–1815 гг., крупными успехами в области культуры, так и значительным отставанием в технологическом развитии и сфере экономики. В XX в. дважды кардинально изменялся социально-политический строй — от капитализма в социализм, а в конце века — обратно в капитализм, причем не в социально-ориентированный капитализм конца XX в., а в стихийно-рыночный капитализм XIX в. Соответственно дважды происходила катастрофическая ломка жизненного уклада всей страны и каждого человека, дважды сменился идеологический строй, дважды была утрачена часть системы ценностей. Все эти метания из крайности в крайность подорвали потенциал цивилизации, поставили ее на грань распада.

В-третьих, при всех колебаниях и зигзагах российской истории *приоритет в стране остается за духовными ценностями, а не материальными* (хотя позиции духовной сферы в конце XX в. пошатнулись). Это объясняет живучесть цивилизации и, несмотря на все крутые повороты в ее судьбе, является залогом ее возрождения после четвертой цивилизационной катастрофы. Трезвый рыночный расчет, преобладающий на Западе, не взял верх над духовностью (хотя немалый путь в этом направлении уже пройден).

В-четвертых, *Россия, как и прежде, — многонациональная и поликонфессиональная цивилизация, страна ста народов и ста культур*. Она способна понимать и адекватно воспринимать содержание и ценности других цивилизаций, быть пространством взаимодействия цивилизаций Востока, Юга и Запада, активным участником их диалога, сотрудничества и партнерства в решении крупных глобальных проблем.

13.1.7. Судьба евразийской цивилизации в XXI веке

Конец XX в. стал временем обвального кризиса евразийской цивилизации 4-го поколения. Ее пространство распалось на части, в относительном единстве сохранилось лишь ее ядро — *российская цивилизация*.

Как сложится судьба российской (евразийской) цивилизации **в четвертом сверхдолгосрочном цикле ее развития**, в системе 5-го поколения локальных цивилизаций и постиндустриальной мировой цивилизации?

На X Междисциплинарной дискуссии в Костроме в 1998 г. [116] и в монографиях, изданных в 1999 г. в России [249. — Гл. 17] и в 2000 г. в США [276. — Чл. 4], определены три возможных сценария будущего российской цивилизации в XXI столетии: распад, прозябание или возрождение. Исследованы факторы, определяющие реальность каждого из сценариев, и движущие силы их осуществления. Близкие по характеру сценарии на период до 2080 г. обоснованы в работе «Россия в пространстве и времени. История будущего» [101], «Россия и мир в XXI веке» [99].

В течение первых лет XXI в. стало очевидным, что *вероятность распада российской цивилизации уменьшилась*, страна усилила свои позиции в геочивилизационном пространстве, хотя угроза ее существованию полностью еще не устранена: все зависит от того, сохранятся ли в будущем некоторые негативные векторы ее развития, имеющиеся на сегодняшний день. В то же время раздробление евразийской цивилизации продолжается, процесс этот далеко не исчерпан. Об этом свидетельствуют недавние «цветные революции» в Грузии, Украине, Киргизии, напряженная обстановка в Молдавии. Россия на постсоветском пространстве осталась практически в одиночестве, и это ослабляет ее.

Сценарий возрождения российской цивилизации опирается на несколько факторов. Прежде всего, это исторический опыт: за свою более чем тысячелетнюю историю Россия уже прошла через три цивилизационные катастрофы и каждый раз находила силы для возрождения; есть надежда, что так случится и на этот раз. Если, конечно, жизненные силы российской цивилизации еще не исчерпаны, как у евразийской.

Траектория экономической динамики в странах СНГ в первые годы XXI в. круто изменилась, темпы экономического роста превышают среднемировые. Вопрос лишь в том, насколько устойчива эта

тенденция, удастся ли ее подтвердить инновационным обновлением, освоить достижения научно-технологического переворота начала XXI в., шестой технологический уклад. В противном случае потенциал роста быстро иссякнет, а устаревшие производственные мощности тяжелым камнем повиснут на шее у экономики, что еще более обострит социально-политическую обстановку в этих государствах.

Страны СНГ постепенно очнутся от эйфории сближения с западной цивилизацией (кое-где это происходит уже сейчас) и поймут общность своих коренных интересов перед угрозой диктата могущественных ТНК и обострения конкуренции на мировых рынках на нисходящей волне пятого кондратьевского цикла. Они осознают всю опасность утраты собственной цивилизационной идентичности, раздела своей территории между авангардными цивилизациями, превращения в «этнографический материал» для них, о чем предупреждал еще много лет назад **П. Сорокин**.

Глобальная цивилизация вступает в гуманистически-ноосферное постиндустриальное общество; на смену чувственному социокультурному строю идет интегральный. Евразийская цивилизация, благодаря своему характеру, сложившемуся генотипу гораздо лучше, чем западная, подготовлена к восприятию гуманистически-ноосферного общества и интегрального социокультурного строя. Приоритет духовного начала в этой цивилизации может стать импульсом и творческим началом возрождения, более того — завоевания ведущих позиций по некоторым направлениям, прежде всего в формировании новой парадигмы в науке и нового, гуманистически-ноосферного образа жизни. Но для этого необходимо преодолеть негативную волну распадающегося чувственного социокультурного строя, которая в конце XX в. накатила на евразийскую цивилизацию, будучи чуждой ее глубинной природе.

Наконец, шанс на возрождение заключается в действии *закона смены поколений*. Поколение 90-х годов XX в. оказалось на историческом разломе, не смогло осознать сущность и направление перемен, избрать эффективный путь в будущее, допустило множество стратегических ошибок и безнадежно растратило многое из того, что досталось ему от отцов, дедов и прадедов. Но историческое время этого поколения, 30-летний период его преобладания (1980—2010) подходит к концу. С 10-х годов XXI в. ответственность за судьбу цивилизации возьмет на себя поколение 20-х годов (2010—2040). Каждое следующее поколение критически оценивает полученное от предков наследие и определяет собственный путь. Будем надеяться, что поколение 20-х не только в России, но и в других странах СНГ

сумеет сделать правильный выбор между имеющимися альтернативами и претворить в жизнь стратегию возрождения евразийской цивилизации. Вкушать же плоды этого нелегкого труда придется лишь следующим поколениям, час которых наступит в середине XXI в. Час не близкий, но нужно учитывать, что быстро происходят только катастрофы, а путь возрождения долог и тернист.

Что касается третьего сценария будущего евразийской цивилизации — *сценария прозябания, неустойчивого равновесия* в стремительно меняющемся мире, без осознанно и грамотно выбранного стратегического курса, то он может быть лишь промежуточным и недолгим. Если это состояние затянется, то катастрофическое развитие событий станет неизбежным. Как бы ни хотелось кому-то пребывать в сладостном сне, но невозможно снять с себя бремя исторического выбора, избежать ответственности перед прошлыми и будущими поколениями. Суд истории объективен, неподкупен и неумолим, все расставит по своим местам, каждому воздаст по заслугам. Времени для выбора осталось не так уж и много. Если опоздаем, то Россия вместе с другими странами СНГ будет выброшена на задворки, если не на свалку истории, и нам останется лишь тешить сознание воспоминаниями о великом прошлом. В любом случае судьба евразийской цивилизации решится до середины XXI в.

Уже сейчас проясняются некоторые **характерные черты четвертого сверхдолгосрочного цивилизационного цикла**, наступающего на севере Евразии.

1. Даже в благоприятных условиях *евразийская цивилизация среди локальных цивилизаций 5-го поколения займет более скромное место* по сравнению с тем, что ей принадлежало среди предыдущих двух поколений. Вряд ли она может претендовать на лидерство. Слишком уж тяжелые последствия имел для нее цивилизационный кризис. И главная проблема — небывалая по длительности и силе депопуляция, сокращение численности и старение населения России и близких ей по историческому и национальному родству стран — Украины и Беларуси. Об этом говорят данные демографического прогноза ООН (*табл. 13. 2*).

В республиках Средней Азии преобладает противоположная тенденция — численность населения возрастает ускоренными темпами, при этом обеспечить его нормальную занятость и уровень жизни невозможно без интеграции этих стран с Россией и другими государствами СНГ.

Демографический прогноз ООН подразумевает, что к 2050 г. темпы депопуляции в трех славянских государствах СНГ ускорят-

Таблица 13.2.

Тенденции демографической динамики России, Украины и Беларуси*

Годы	Россия			Украина			Беларусь			
	Насе- ление, млн чел.	Темп при- роста, %	% насе- ления 60 лет и стар- ше	Насе- ление, млн чел.	Темп при- роста, %	% насе- ления 60 лет и стар- ше	Насе- ление, млн чел.	Темп при- роста, %	% насе- ления 60 лет и стар- ше	
1950	102,7	1,631	9,2	37,3	1,45	10,9	7,7	0,15	12,6	
1960	119,9	1,47	9,3	42,8	1,30	11,1	8,2	0,97	11,7	
1970	130,4	0,57	11,9	47,3	0,85	14,0	9,0	0,98	13,2	
1980	138,7	0,65	13,5	50,0	0,42	15,5	9,7	0,61	13,7	
1990	148,3	0,68	16,0	51,9	0,37	18,5	10,3	0,53	16,9	
2000	145,6	-0,34	18,5	49,7	-0,73	20,6	10,0	-0,43	19,3	
2010	а*	138,1	-0,52	18,7	46,5	-0,63	20,7	9,7	-0,33	18,8
	б*	137,5	-0,58	18,7	46,0	-0,74	20,9	9,6	-0,41	18,9
	в*	136,8	-0,65	18,8	45,6	-0,86	21,2	9,5	-0,49	19,0
2020	а	130,9	-0,57	24,1	43,7	-0,66	24,0	9,4	-0,36	23,3
	б	129,0	-0,67	24,4	42,6	-0,81	24,6	9,2	-0,47	23,7
	в	127,1	-0,78	24,8	41,5	-0,97	25,2	9,0	-0,58	24,1
2030	а	123,3	-0,60	27,2	40,7	-0,69	26,8	9,0	-0,44	27,0
	б	119,7	-0,77	28,0	38,9	-0,93	28,0	8,4	-0,80	27,9
	в	117,2	-0,95	28,8	37,2	-1,17	29,3	8,4	-0,80	28,8
2040	а	117,0	-0,49	29,2	38,3	-0,57	29,8	8,7	-0,33	29,6
	б	110,4	-0,82	30,9	35,3	-0,97	32,3	8,1	-0,66	31,4
	в	104,2	-1,14	32,8	32,6	-1,36	35,0	7,6	-0,98	33,5
2050	а	111,9	-0,44	32,7	36,2	-0,59	33,1	8,4	-0,37	34,0
	б	101,5	-0,86	36,0	31,7	-1,11	37,7	7,5	-0,80	37,6
	в	91,9	-1,28	39,8	27,8	-1,65	43,0	6,8	-1,22	41,7

Источник: [272. — Vol. 1].

* Прогноз: а — верхний, б — средний, в — нижний варианты.

ся (в России — с 0,34% в 1995–2000 гг. до 1,28% по нижнему варианту прогноза; на Украине — соответственно с 0,73% до 1,65%; в Беларуси — с 0,43% до 1,22%). Численность населения России по нижнему варианту прогноза снизится с 1990 по 2050 г. на 38%; Украины — на 46%; Беларуси — на 34%. Число жителей всех трех стран сократится за 50 лет на треть (70 млн человек) по среднему варианту и на 40% (84 млн человек) по нижнему. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше за то же время увеличится (по среднему варианту) в России с 16% до 36%; на Украине — с 18,5% до 37,7%;

в Беларуси — с 16,9% до 37,6%. Все это приведет не только к увеличению нагрузки на работающих, но и к сокращению доли инновационно-активного населения, росту его консерватизма.

Однако есть повод надеяться, что переломить траекторию демографической деградации, обеспечить прирост населения можно будет путем реализации сценария возрождения евразийской цивилизации. Для этого странам, ее составляющим, уже сейчас надо проводить активную и грамотную демографическую политику, направленную на увеличение рождаемости, укрепление здоровья населения, на возвращение к идеалу многодетной семьи, существенную поддержку материнства и детства. И это дело не только государства, но и всего гражданского общества, каждой семейной пары, самостоятельно решающей, сколько детей она сможет воспитать.

2. На предыдущих этапах своего развития *евразийская цивилизация была в основном самодостаточна*. Она в избытке имела и трудовые, и природные ресурсы, опиралась на независимую экономику, высокую культуру, религию, а с конца XIX в. — и на мощную науку. В новом сверхдолгосрочном цикле положение меняется. Богатые месторождения нефти, газа, некоторых цветных металлов, которые сейчас являются основой ее благосостояния, через несколько десятилетий будут в основном исчерпаны. Дефицит трудовых ресурсов год от года нарастает, усиливается технологическая и экономическая зависимость от внешнего мира. Квота внешней торговли России (отношение оборота внешней торговли к ВВП) возросла с 23% в 1992 до 44,4% в 2002 г. [203. — С. 35] и будет нарастать после присоединения России к ВТО. Ни внутреннее производство, ни снабжение населения сейчас невозможно обеспечить без импорта, и его объемы постоянно увеличиваются. Экономика может перейти под контроль мировых ТНК. Россия и другие страны СНГ стали неотъемлемой частью глобализированной экономики, но, образно говоря, заняли в ней место лошади, а не всадника.

Если в ближайшие годы ситуация коренным образом не изменится, евразийская цивилизация (или то, что от нее останется) окажется в третьем эшелоне, станет всего лишь источником сырья и рынком сбыта готовой продукции для всевластных ТНК. *Только сценарий возрождения, стратегия инновационного прорыва могут предотвратить эту катастрофу*. Жизненно необходимо в таких условиях сосредоточить всю мощь научно-технического и инновационного потенциала на нескольких важнейших проектах, способных совершить технологический прорыв, на совместном освоении перспективных рыночных ниш.

3. Очевидно, что *структура евразийской цивилизации, состав и соотношение элементов ее генотипа за последние годы значительно изменились* и этот процесс в будущем пойдет еще активнее. Выше уже было сказано о том, что *демографическая обстановка* даже при благоприятном сценарии неизбежно ухудшится по сравнению с той, что была на предыдущих циклах.

Скорее всего столь же печальная участь ожидает и *природно-экологическую* составляющую генотипа. Причиной тому является истощение важнейших месторождений минеральных ресурсов и лесных массивов, быстрое загрязнение окружающей среды.

Даже при благоприятном сценарии снизится оценка технологической составляющей генотипа: скажутся последствия технологической деградации и развала промышленности, критического старения основных фондов, для инновационного обновления которых необходимы сотни миллиардов долларов.

Из приведенных выше негативных тенденций трех составляющих вытекает ухудшение четвертой — *экономической*. Это означает низкую конкурентоспособность продукции (как результат слишком позднего освоения и распространения пятого, шестого, а во второй половине XXI в. и седьмого технологических укладов); снижение темпов роста производительности труда; резкое сокращение притока мировой горной ренты, благодаря которой тяжело больная экономика еще не полностью парализована; растущую зависимость от ТНК.

Более благоприятная ситуация складывается в духовной сфере. Здесь пока еще сохраняются довольно сильные элементы — фундаментальная наука, система общего и профессионального образования, культура, этика, религия. Но есть и тревожные сигналы: быстро увеличивается средний возраст ученых и специалистов; в тяжелое положение попали прикладная наука, многие конструкторские школы; разорваны научно-технологические связи между странами СНГ; образование строится по чуждым нам западным образцам; через средства массовой информации на людей обрушиваются потоки антикультуры; подорваны моральные устои общества. Если эти тенденции не будут своевременно преодолены, то евразийская цивилизация будет обречена на распад.

Рассмотрим некоторые *статистические характеристики* ее развития (табл. 13.3).

Из приведенных в таблице данных можно сделать выводы, что в течение первого сверхдолгосрочного цикла темпы прироста населения и ВВП на территории СССР были невысокими, но превышали среднемировые. Преимущество сохранилось и во втором

Таблица 13.3.

Тенденции динамики населения и ВВП евразийской цивилизации (территория бывшего СССР)*

Показатели	1	1000	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Население											
Численность, млн человек	3,9	7,1	16,95	20,7	26,55	54,8	88,7	156,2	179,6	249,7	290,3
Доля в населении мира, %	1,7	2,7	3,9	3,7	4,4	5,3	7,0	8,7	7,1	6,4	4,7
Среднегодовые темпы прироста за предыдущий период, % к среднему по миру		0,06	0,17		0,37		0,97	1,33	0,38	1,44	0,54
ВВП, млрд долл., 1990 г.	1,65	2,84	8,46	11,4	16,2	37,7	83,6	232,4	510,2	1513	1343
Доля в мировом ВВП, %	1,5	2,4	3,4	3,5	4,4	5,4	7,5	8,5	9,6	9,4	3,6
Темпы прироста за предыдущий период, % к среднему о миру		0,06	0,22		0,78		1,61	2,40	2,15	4,84	-0,42

Источник: [264. — Р. 256–261].

цикле, хотя темпы роста в XI–XIV вв. снизились до 1,7 раза по населению и 1,5 раза по ВВП. Они также опережали среднемировые и в 1500–1820 гг., хотя численность населения уже не увеличивалась так быстро. В 1820–1913 гг. евразийская цивилизация снова сделала мощный рывок вперед. Однако его остановили тяжелые последствия Первой и Второй мировых войн, сталинских репрессий: на дореволюционный уровень численности населения СССР вышел лишь в послевоенный период. Вторая половина XX в. отмечена высокими темпами прироста как населения, так и ВВП, однако к концу столетия пошел обратный процесс.

Картина динамики становится более отчетливой, если рассмотреть основные макроэкономические показатели за XX в. (табл. 13.4). Из нее видно, что последняя фаза третьего сверхдолгосрочного цивилизационного цикла распадается на несколько периодов.

В начале века (1900–1913) темпы прироста населения, объемов ВВП и производительности труда превышали мировые показатели; доля царской России в общей численности населения мира возросла с 8,2% до 9,3%, в мировом ВВП — с 7,9% до 9,1%.

Таблица 13.4.

Динамика макроэкономических показателей СССР и России в XX в.*

Показатели		1900	1913	1929	1938	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Население , млн человек	а ¹	123,0	158,0	171,5	186,5	205,5	226,5	247,0	285,5	290,0	290,0
	б ¹	69,0	89,0	103,8	103,0	112,0	112,0	132,5	139,0	150,0	145,5
Доля в населении мира, %	а	8,2	9,3	8,7	8,5	8,2	7,4	6,7	6,5	5,5	4,8
	б	4,6	5,2	4,8	4,7	4,5	3,7	3,6	3,2	2,9	2,4
среднегодовые темпы прироста, %	а		1,9	0,5	0,9	0,8	1,0	0,9	0,5	1,2	0,0
	б		20,	0,4	0,9	0,7	0,9	0,7	0,5	1,2	-0,3
ВВП млрд. долл. в ценах и по ППС 2000 г.	а	205	330	375	485	840	1780	2540	3175	3325	1750
	б	150	225	275	350	525	1100	1555	1920	2010	1000
Среднегодовые темпы прироста, %	а		3,7	0,8	2,9	4,3	7,8	3,6	2,3	0,5	1750
	б		3,2	1,3	2,7	3,2	7,1	3,5	2,1	0,1	1000
Доля в мировом ВВП, %	а	7,92	9,97	7,51	8,62	11,12	14,47	13,18	11,71	9,22	3,80
	б	5,79	6,18	5,51	6,22	6,95	8,94	8,07	7,08	5,57	2,10
На душу населения, тыс. долл.	а	1,3	9,07	7,51	8,62	11,12	14,47	13,18	11,71	9,22	3,80
	б	1,2	6,18	5,51	6,22	6,95	8,94	8,07	7,08	5,57	2,10
Производительность труда ВВП на 1 занятого тыс. долл.	а	4,1	5,2	5,4	6,5	9,9	18,7	24,2	28,9	26,6	14,6
	б	5,2	5,9	7,1	8,0	10,7	20,8	26,8	29,5	27,9	15,4
в % к мировой	а	105	111	95	110	143	201	200	201	158	78
	б	133	126	125	136	155	224	221	205	166	82
Промышленность Добавленная стоимость в промышленности, млрд долл., цены и ППС 2000 г.	а	50,0	85	80	130	205	480	725	935	1000	565
	б	350	55	70	90	145	365	545	705	800	450
Доля в мировом промышленном производстве, %	а	13,0	13,8	9,0	14,1	15,1	19,6	17,9	16,2	12,9	5,5
	б	9,1	8,9	7,9	9,7	10,7	14,9	13,5	12,2	10,3	4,4
Сельское хозяйство Объем производства, в ценах и по ППС 2000 г.	а	37,0	50,5	58,5	63,0	75,0	81,5	87,5	98,0	120,0	100,0
	б	20,5	28,5	32,5	3,0	40,0	41,5	44,0	50,0	60,0	50,0
Доля в мировом сельхозпроизводстве, %	а	8,92	11,10	10,0	9,27	9,80	8,58	6,89	6,20	5,90	4,04
	б	4,94	6,26	5,60	5,58	5,23	4,37	3,43	3,16	2,95	2,02

*[133. — С. 498, 502, 504, 508, 510].

¹а — бывший СССР; б — Россия; темпы прироста, в % к предыдущему периоду.

Тяжелые испытания XX столетия — две мировые и Гражданская войны, коллективизация и репрессии, «шоковая терапия» 90-х годов — нанесли тяжелейший ущерб странам бывшего СССР. Их доля в численности населения планеты сократилась вдвое — с 9,3% в 1913 г. до 4,8% в 2000 г. Доля в мировом ВВП достигла максимума в 1960 г. (14,5%), но затем резко упала — до 3,8%

в 2000 г. Производительность труда в те же годы снизилась с 201% до 78% от среднемировой, а доля в мировом промышленном производстве — с 19,6% до 5,5%. Еще хуже была ситуация в сельском хозяйстве: здесь максимум был достигнут в 1913 г. (11,1%), к 1960 г. показатель снизился (8,6%), а к 2000 г. резко упал (4%).

Невиданную прежде цивилизационную катастрофу явили миру 90-е годы. СССР развалился на части, регулируемая государством экономика уступила место стихийно-рыночной, первоначальное накопление капитала осуществлялось самыми грязными методами, а большинство населения оказалось за чертой бедности. Столь глубокого кризиса в мирное время не было никогда в мировой истории.

Однако с 2000 г. в развитии евразийской цивилизации начался перелом. Темпы роста экономики в 2–3 раза превысили среднемировые показатели, повысился уровень жизни населения. Вопрос в том, произошел ли на самом деле поворот к возрождению цивилизации после тяжелейшей катастрофы или же состояние больного лишь ненадолго улучшилось и летальный исход близок? Ответ будет дан в ближайшие 5–7 лет. Государства севера Евразии, и в первую очередь Россия, должны будут показать, способны ли они произвести инновационное обновление не только экономики, но и всего общества, ответить на вызовы нового века, перейти к постиндустриальной мировой цивилизации и третьему историческому суперциклу в динамике глобальной цивилизации.

Схема динамики цивилизаций на территории севера Евразии за весь исторический период и в перспективе XXI столетия показана выше, в *табл. 13.1*.

13.2. Северное Причерноморье — пространство взаимодействия цивилизаций

Историю локальных цивилизаций 2-го поколения на территории современных России и Украины, равно как истоки восточнославянской цивилизации 3-го поколения, на наш взгляд, следует вести с VII в. до н. э. Именно тогда в Северном Причерноморье в результате Великой греческой колонизации сформировалась сеть городов-государств, самые известные из которых — Тир в устье Днестра, Ольвия в устье Южного Буга, Керкинитида, Херсонес, Феодосия и Пантикапея в Крыму, Фанагория на Таманском полу-

острове и Горгиппия на северо-восточном побережье Черного моря. Все они находились в тесном контакте с формировавшейся на этом пространстве скифской протоцивилизацией. Именно здесь возникло и существует до наших дней — более двух с половиной тысячелетий — **пространство взаимодействия локальных цивилизаций**.

13.2.1. Пространства взаимодействия цивилизаций

На этом понятии стоит остановиться особо, поскольку подобные пространства существуют и в других частях ойкумены — в Закавказье и на Северном Кавказе, на Балканах, Ближнем Востоке, в Пиренеях, Индокитае, на границах США и Мексики и т. п.

Почему и как они возникают? Дело в том, что локальные цивилизации в отличие от государств не имеют четко очерченных границ. Между цивилизациями образуются смежные территории, внутри которых идет постоянное взаимодействие культур. Так, например, китайская цивилизация соприкасается с буддийской. В России поля взаимодействия с мусульманской цивилизацией находятся на Северном Кавказе, в Поволжье, а с буддийской цивилизацией — в Бурятии, Калмыкии, Туве. На этой основе иногда — при высокой степени интеграции и взаимопроникновения культур — формируются смешанные цивилизации. В качестве примера можно привести современную африканскую (южнее Сахары) и латиноамериканскую цивилизации.

При определении пространства взаимодействия цивилизаций нужно иметь в виду, что здесь могут контактировать друг с другом сообщества, находящиеся на разных стадиях развития. Так, в Северном Причерноморье греко-римская цивилизация, находившаяся на пике жизненного цикла, вступила во взаимодействие со скифской протоцивилизацией, которая так и не завершила своего формирования, а также с доцивилизационными или протоцивилизационными обществами сарматов, аланов, готов, гуннов. В дальнейшем эти земли стали местом как общения, так и столкновений византийской, восточнославянской, западноевропейской, монгольской и мусульманской цивилизаций.

Нужно также иметь в виду *разнообразие форм взаимодействия цивилизаций* на этом пространстве. Позитивными формами являются плодотворный диалог и сотрудничество, торговый, культурный, технологический обмен, взаимное обогащение генотипа

цивилизаций, а также их партнерство — высшая форма их сотрудничества. Негативные формы — это противостояние и противоборство цивилизаций вплоть до военных столкновений, которые иной раз завершаются гибелью, поглощением побежденного в войне.

Взаимодействие цивилизаций охватывает различные *сферы* — экономическую, социокультурную, технологическую, государственно-политическую, военную.

Пространства взаимодействия цивилизаций *меняются во времени*. Они то расширяются, то сужаются, изменяются состав участников и формы контактов. Здесь проявляются закономерности циклической динамики. Периодически проходят волны переселения народов, обостряются противоречия между двумя или несколькими сторонами. Тогда наступает время вооруженных конфликтов, сменяющееся затем периодами относительного затишья, возобновления диалога цивилизаций.

После предварительных теоретических соображений перейдем к изучению **Северного Причерноморья как пространства взаимодействия цивилизаций** нескольких поколений, начиная со 2-го. Исходными данными для такого исследования, помимо сведений из многочисленных литературных источников, являются результаты **научно-цивилизационной экспедиции**, организованной в июле 2005 г. Институтом экономических стратегий и Международным институтом Питирима Сорокина — Николая Кондратьева под руководством авторов этой работы. Одной из целей экспедиции была необходимость проверить гипотезу о том, что в период Античности в этом регионе сформировалась смешанная греко-скифская цивилизация 2-го поколения, ставшая предшественницей славянской цивилизации 3-го поколения. Ниже излагаются основные выводы, сделанные на основе ознакомления с историческими памятниками и музейными коллекциями, участия во многочисленных семинарах, встречах и научных дискуссиях с ведущими археологами, историками, этнографами, а также изучения относящихся к этим проблемам научных трудов.

13.2.2. Волны взаимодействия цивилизаций. Первая волна (VII—IV вв. до н. э.)

За 2700 лет — за тот огромный период, на протяжении которого в Северном Причерноморье непрерывно контактировали различные культуры (и это подтверждается письменными источни-

ками и археологическими данными), по этим территориям прокатилось *шесть волн взаимодействия цивилизаций*.

Первая волна относится к периоду VII—IV вв. до н. э., когда поток переселенцев из Древней Греции, которая в тот период являлась лидером цивилизационного процесса в Средиземноморье, устремился на побережье Черного и Азовского морей. Колонисты быстро освоились на этих благодатных землях и основали множество городов-полисов — в устьях Днестра и Южного Буга, на Крымском и Таманском полуостровах, на северо-восточном побережье Черного моря. Греки принесли с собой на эти земли все самые современные на тот момент технологии, одну из самых совершенных систем политического устройства — полисную демократию, обогатили местные племена элементами своей уникальной культуры, передали им часть собственных цивилизационных ценностей. Греки находились в постоянном взаимодействии с народами, населявшими Северное Причерноморье: «В IX столетии до нашей эры в Крыму начался железный век, в раннюю пору которого на полуострове обитали киммерийцы, вытесненные вскоре скифами и таврами... Период с IX в. по первую половину VII в. до н. э. часто называют киммерийским» [74. — С. 34].

Киммерийцы представляли собой союз племен, в котором к тому времени уже выделилась военная аристократия; историки называют подобное образование вождистским государством, или чифдомом. Киммерийцы населяли Северное Причерноморье в VIII—VII вв. до н. э., а затем были вытеснены с этих мест скифами, о чем сообщает в своей «Истории» **Геродот**. О том, что киммерийцы некогда были хозяевами этих мест, свидетельствуют данные топонимики (Боспор Киммерийский — древнее название Керченского пролива).

Тавры, в IX—V вв. до н. э. населявшие значительную часть Крыма (особенно горного) и давшие полуострову название Таврия, или Таврида, находились, вероятно, на более ранней стадии развития, чем киммерийцы и скифы. Позднее племена тавров были ассимилированы теми же скифами. Столкновения с воинственными таврами доставляли немало неприятностей как грекам, так и римлянам.

Однако более тесные и долгосрочные взаимосвязи установились у греческих поселенцев со **скифами**, в VII—II вв. до н. э. населявшими степи Северного Причерноморья. Сюда они переселились, согласно Геродоту, из Малой Азии. Скифы прошли определенные стадии цивилизационного и государственного развития,

что дает повод говорить о существовании **скифской протоцивилизации**, вступавшей в непосредственные экономические и политические контакты с греческими колониями на Черном море. Результатом культурного взаимодействия стало появление особого художественного стиля, который получил в науке название **греко-скифского искусства**. Известный исследователь **В. Д. Блаватский** понимал под ним «то художественное творчество, которое являлось результатом контактов греков и местных племен Северного Причерноморья. Результаты этого контакта на протяжении многих веков были весьма разнообразны и существенным образом отразились на обеих сторонах» [18. — С. 133]. Позднее, когда скифов вытеснили из этих мест сарматы и другие кочевые племена, подобные связи были почти полностью разрушены, но традиции контактов культур сохранялись: «Период I в. до н. э. — IV в. н. э. в истории Северного Причерноморья не может быть назван греко-скифским, ибо скифы уже не играли существенной роли. Однако в художественной культуре Северного Понта наблюдается дальнейшее развитие и усиление тех традиций, которые там формировались на протяжении ряда столетий симбиоза греков с местными ираноязычными племенами. Прежде этот симбиоз приводил к тому, что в классические формы искусства нередко вкладывалось иное содержание, в известной мере продиктованное местной средой; теперь эти изменения, став более разнохарактерными, налагали печать и на содержание, и на художественные формы» [там же. — С. 155].

Материальные свидетельства взаимодействия народов, населявших Северное Причерноморье в ту эпоху, сохранились в музеях России и Украины. В экспозициях представлены десятки и сотни различных произведений искусства и предметов быта, как привезенных греческими колонистами с исторической родины, так и изготовленных местными мастерами: «На Боспоре был создан ряд совершенно самостоятельных художественных ценностей, которые вошли в общую сокровищницу мирового искусства. Эти произведения отличаются значительным своеобразием, обусловленным тесным контактом боспорских греков с северо-восточной ветвью иранского мира» [там же. — С. 163].

Скифская протоцивилизация достигла пика своего развития в VI—IV вв. до н. э., когда под ее властью оказались обширные просторы великой степи от Дуная до Дона. В 512 г. до н. э. скифы выстояли в противоборстве с империей Ахеменидов — поход персидского царя **Дария I** в Северное Причерноморье закончился

неудачей. В IV в. до н. э. сформировалась скифская протоимперия: в ее состав входили разные народы, но подлинного политического и экономического единства, свойственного мировым империям, достигнуто не было. Можно согласиться с **Ю. В. Павленко**, который писал: «Расцвет великой Скифии в V—IV вв. до н. э. был прямо связан с созданием в пределах степной с Крымом и лесостепной Украины — от нижнего Дуная до нижнего Дона — макрополитической системы, во главе которой стояли ираноязычные скифы — кочевники, данническим образом эксплуатировавшие праславянское земледельческое лесостепное население и реализовавшие собранную таким образом натуральную продукцию в ближайших греческих колониях. Уже в это время функционировали торговые пути, которые вели от причерноморских портов во внутренние районы Азии, куда доходили также иранские и китайские вейния» [151. — С. 315]. Стоит добавить только, что в состав Великой Скифии вошли причерноморские и приазовские степи не только Украины, но и современной России.

Основу экономики Скифии составляло скотоводство, и прежде всего коневодство. Поэтому контакты греков со скифами считаются основной причиной появления в греческих мифах образа кентавра — человека-коня. Необходимую для жизни продукцию сельского хозяйства и ремесла (оружие, конскую сбрую) скифы получали во время военных набегов и в виде дани и товарного обмена с земледельческими племенами и греческими городами-колониями. Однако со временем часть скифов стала вести оседлую жизнь: «В IV в. до н. э. жизнь в крымских владениях скифов изменилась. В это время население увеличилось в несколько раз. Ограниченность пространства, пригодного для кочевой жизни, привела к тому, что большая часть скифов была вынуждена перейти к земледелию... Основой хозяйства стало земледелие и пастушеское скотоводство» [75. — С. 42]. Простые скифы селились вблизи греческих колоний или нанимались на службу в охранявшие эти города вооруженные отряды, а скифская знать нередко покупала дома в городах, вступала в смешанные браки с греками-поселенцами. Чаще всего это происходило в Крыму. В устье Дона взаимопроникновение культур было не таким сильным.

В политическом отношении Скифия была слабо централизованной державой. Хотя все племена признавали главенство царя Атея (IV в. до н. э.), однако местные правители в разных районах Скифии были достаточно самостоятельны и нередко формировали собственные династии.

Взаимоотношения Скифии с греческими городами-колониями, с Боспорским царством, Херсонесом, Ольвией, Тиром были неоднозначными. Чаще всего они реализовывались в форме торгового и культурного обмена, а также военно-политических союзов. Ярким примером может служить **Боспорское царство** (образовавшееся в 480 г. до н. э.), которое объединяло, с одной стороны, ряд греческих колоний-полисов Восточного Крыма, Таманского полуострова и Нижнего Придонья (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Гермонееса, Горгиппия и др.), а с другой — скифские поселения и даже города. Здесь сочетались черты традиционной для материковой Греции полисной демократии (распространявшейся только на граждан) и монархического управления скифскими анклавами: «Теперь Боспорское государство стало качественно иным: не греческим, а греко-варварским, в котором по отношению к эллинам правители называли себя архонтами, а по отношению к местным племенам — царями. Покоренные народы платили династам дань, поставляли воинов. Но во главе племен оставались местные вожди. В новом этнически разнообразном государстве верхушка общества образовала сложившаяся эллинская и синдомеото-скифская аристократия; правители содействовали этому слиянию и сами охотно заключали браки с представителями местной верхушки... Материалы разнообразных источников свидетельствуют о полиэтническом составе городского населения, однако греки по-прежнему составляли большинство, особенно среди его зажиточных торгово-ремесленных слоев. Негреческое же земледельческое население преобладало на территории сельскохозяйственной хоры» [68. — С. 51].

Экономика Боспорского царства и греческих городов базировалась на земледелии, ремесле, строительстве и внешней торговле. Плодородные земли давали высокий урожай, что позволяло, например, в IV в. до н. э. ежегодно вывозить в Грецию до 32—48 тыс. т зерна. В речах афинского оратора Демосфена мы находим слова о том, что Афины ежегодно получали с Боспора 15—17 тыс. т хлеба, поставляя взамен оружие, ремесленные изделия, предметы искусства. Следует также отметить, что рабский труд не был основой экономики ни Боспорского царства, ни греческих колоний, ни поселений скифов. Хотя рабство имело место, но оно носило скорее вспомогательный характер. Главным источником богатств был труд свободных или зависимых земледельцев, ремесленников, торговцев. О широте внешних связей Боспора можно судить по импорту товаров в Танаис из десятков городов Средиземноморья.

Следовательно, есть основания говорить о том, что в V—VI в. до н. э. в крымской части Боспорского царства образовалась своеобразная скифская протоцивилизация. Однако этот процесс было грубо прерван вторжением с Востока сарматов и других кочевых народов. «О катастрофе, постигшей и скифов, и греков в 70—60-е годы III в. до н. э., можно судить по материалам скифских поселений северо-западного Крыма. Жизнь внезапно прекратилась на сотнях поселений, на некоторых из них обнаружены следы пожаров и останки погибших людей. Картина полного разгрома удручающая: видимо, пришедшие из-за Дона сарматские племена в течение одного или нескольких походов полностью покончили со скифами, не пощадив и греческих владений. Уцелели лишь греческие города, защищенные мощными каменными стенами» [там же. — С. 43].

В фундаментальном труде Института археологии НАН Украины «Древняя история Украины» отмечено, что Северное Причерноморье превратилось в своеобразную контактную зону между культурами, находившимися на разных уровнях социально-экономического развития: «Тесные контакты греков с местным населением, с одной стороны, и со многими городами Эллады, а позднее Римской империи — с другой, сказались на многих сферах их жизни. Северное Причерноморье превратилось в своеобразную контактную зону, в которой взаимодействовало три разных по своему политическому и культурному развитию мира (номады, эллины и земледельческие племена). Все вместе они сыграли чрезвычайно большую роль в непрерывном снабжении Афин и многих других полисов Греции, особенно в V—IV вв. до н. э., продуктами питания, прежде всего зерном, что в значительной мере стимулировало их экономический и культурный прогресс. Северочерноморские города содействовали ускорению социального развития этнических объединений на территории Украины, становлению в них... государственности» [56. — Т. 2. — С. 6]. Такое же содействие оказывали античные полисы, основанные в Приазовье, ускорению цивилизационного развития юга России. **Именно в этом регионе впервые на территории нынешних Украины и России возникли первые государства, характерные для локальных цивилизаций 2-го поколения.** «В процессе колонизации этого региона в VI—V вв. до н. э. возникли четыре главных античных государства (Боспорское царство, Херсонес Таврический, Ольвия, Тира) с характерными для каждого из них особенностями политического, социально-экономического развития» [Там же. — С. 197].

13.2.3. Вторая волна взаимодействия (III в. до н. э. — IV в. н. э.)

Вторая волна взаимодействия цивилизаций на территории Северного Причерноморья связана с миграционными потоками сарматов, готов и гуннов, позднескифской культурой Крыма, войнами между Боспорским царством и Римской империей, союзом Херсонеса и Рима.

Сарматы — кочевые скотоводческие племена (аланы, роксоланы, савроматы и др.), которые в V—IV вв. до н. э. заселяли степные районы от Волги до Тобола. В III в. до н. э. они перекочевали в Северное Причерноморье, вытеснив или истребив скифов; в IV в. н. э. были разгромлены гуннами. По характеру экономики и культуры сарматы родственны скифам и переняли у тех немало культурных и бытовых традиций. Однако сарматы находились на низкой стадии развития, вряд ли есть основания говорить о возникновении у них протоцивилизации. Сарматские племена поддерживали торговый и культурный обмен с Боспорским царством и греческими городами Причерноморья, но нередко совершали на них опустошительные набеги. Столь тесного и устойчивого контакта культур, как в предыдущий период, не наблюдалось.

Интересным явлением стало формирование во II в. до н. э. в Крыму **позднескифского государства** со столицей в Неаполе Скифском (руины этого города сохранились на окраине современного Симферополя). Позднескифское государство просуществовало до III в. н. э. и включило в свой состав племена тавров; нередко говорят применительно к этому периоду о «тавроскифах». Крупнейшими сооружениями Неаполя Скифского, раскопки которых проводились в XX в., были северный и южный царские дворцы, а также мавзолеи скифских царей Аргота и Скилура. В период царствования Скилура (130—114 гг. до н. э.) Скифское царство подчинило Ольвию, разорило сельскую округу Херсонеса, укрепило династические связи с царями Боспора. I в. до н. э. — I в. н. э. считаются периодом расцвета Крымской Скифии. Обнаружены десятки скифских городищ и сотни малых поселений этого периода. Правители Крымской Скифии в союзе с понтийским и боспорским царем **Митридатом VI Евпатором** участвовали в войне против Рима и Херсонеса. Однако со второй половины I в. до н. э. Крымская Скифия заметно ослабла. Ее разгром кочевниками-аланами, в 212 г. основавшими укрепленное поселение Сугдея (современный Судак), по современным оценкам относится к 218 г. н. э.

В середине III в. н. э. Северное Причерноморье подверглось нашествию **готов** — союза германских племен, родиной которых считается Скандинавия. Готы заняли обширный район от Днепра до Дуная, включая значительную часть Крыма, и вступили в противоборство с Римской империей. Они заставили Боспорское царство предоставить им корабли с командами, чтобы совершать набеги на Малую Азию и Восточное Причерноморье. Римские легионы разгромили готов, но в начале IV в. н. э. они образовали обширную державу, во главе которой стоял король Германарих. Это государство объединило под своей властью народы Северного Причерноморья (включая народы Крыма), однако в 70-е годы IV в. было разгромлено новыми завоевателями — гуннами. Остатки готов ассимилировались местным населением. Вряд ли можно оценить готские объединения как самостоятельную протоцивилизацию.

Завершающим этапом второй волны было мощное нашествие **гуннов** на государства и города Северного Причерноморья. Вытесненные войсками китайских императоров из Монголии, гунны переместились в степи северного Казахстана, а затем в Северное Причерноморье. Они разбили аланов, затем готов, завоевали Крым и покорили Боспорское царство, правители которого обязались платить гуннам дань. Устоял лишь Херсонес, поддержку которому оказал Рим. В середине V в. гунны под предводительством **Аттилы** обрушились на римские провинции. Однако в 453 г. Аттила умер, и гунны вернулись обратно в Северное Причерноморье и Приазовье.

Во втором периоде в греческих колониях в этом регионе произошло много перемен. **Боспорское царство**, пережив годы упадка, попав под власть понтийского царя **Митридата VI Евпатора**, потерпев под его руководством поражение в борьбе с Римской империей, в I—III вв. н. э. вновь пережило недолгий период расцвета, заключило союз с Римом. «Новый подъем коснулся также торговли и товарно-денежных отношений. Возникли объединения торговцев-судовладельцев. Торговали со многими районами Средиземноморья и Южного Понта, городами Северного и Восточного Причерноморья, областями обитания варваров... Изменился внешний облик городов, их политическое положение в государстве, культура. Они восстанавливались, реконструировались, украшались новыми постройками, под влиянием Рима строились термы, базилики, амфитеатры... Процесс варваризации сказался на росте натурализации хозяйства и рустификации городов. Вкусы негреческого, в основном сарматского, населения нашли яркое выражение в погребальных ритуалах и сооружениях, в живописи,

скульптуре... Распространяются культы синтетических божеств с античными, восточными и местными чертами. Таким был безымянный бог Гремящий, или бог Всевышний. Среди боспорцев оказались и почитатели иудаизма и христианства» [там же. — С. 59]. В письменных источниках того времени и более поздних есть упоминания о посещении Боспора апостолом **Андреем Первозванным** и основании здесь первых христианских общин.

С середины III в. Боспорское царство подверглось натиску готов и других племен. Упадку способствовали и боспорско-херсонесские войны конца IV — начала V в. Разрушается хозяйство, нарушаются внешние связи, происходит натурализация экономики, огрубление культуры. В конце IV в. Боспорское царство попадает под протекторат гуннов, а в VI в. присоединяется к Византийской империи.

Примечательно и то, что на заключительном этапе его жизненного цикла здесь началось активное распространение христианства: «Сложное экономическое положение Боспора во второй половине II в. и бедственное положение основной массы боспорцев способствовало постепенной христианизации... В первой четверти IV в. на Боспоре уже существовали епархии, во главе которых стояли епископы, которые поставили свои подписи под документами I Вселенского (Никейского) собора 325 г. В IV в. христианство начало распространяться среди населения Боспора, но еще не стало господствующей религией вплоть до VI в. ...Именно в это время в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов возросла роль представителей христианской церкви, объединявших вокруг себя самые широкие слои населения. Не исключено, что в период значительного ослабления центральной власти именно объединение вокруг христианской церкви какой-то части населения способствовало сохранению Боспора как единого политического целого и его ориентации на Византию» [68. — С. 230—231].

По-иному складывается судьба **Херсонеса Таврического**. В ту эпоху он меньше подвергался опустошительным набегам скифов, готов и гуннов, поэтому сохранил черты античной цивилизации. Этому способствовали военно-политический союз и финансовая помощь Рима, размещение в Херсонесе гарнизона римских войск. **В. М. Зубарь**, исследовавший действия римских войск в Крыму, с полным основанием сделал вывод: «В античную эпоху Таврика играла определенную роль в стратегической защите границ Римской империи. Размещение римских гарнизонов в ряде пунктов

этого региона следует рассматривать в качестве одного из вариантов римского проникновения и закрепления на варварских территориях, которые впоследствии могли быть включены в состав империи... Главными задачами, стоявшими перед римскими войсками в Таврике, были защита территории союзного империи Херсонеса, охрана судоходства вдоль Южного берега Крыма» [67. — С. 209].

Римское покровительство способствовало очередному подъему экономики и культуры Херсонеса во II—III вв. н. э. В городе, занимавшем площадь около 30 га, велось активное строительство, а численность его населения в ту пору достигла 10—12 тыс. человек. При сохранении внешних форм демократического политического строя, унаследованных от Греции, фактически утвердился аристократически-олигархический строй: «Происходит дальнейшая дифференциация внутри основных социально-правовых групп. Демократическая республика постепенно была заменена аристократической формой правления... В целом политический строй правления первых веков нашей эры был олигархическим» [75. — С. 70].

С конца III в. экономика Херсонеса вновь пришла в упадок, а нашествие гуннов окончательно разрушило экономические связи с другими городами Причерноморья. В конце V в. н. э. Херсонес теряет автономию, становится частью Восточной Римской империи, форпостом византийской православной цивилизации. Отметим, что самые первые христианские общины здесь появились в I в. н. э., после посещения города апостолом **Андреем Первозванным**.

Некоторые историки полагают, что хлынувшая с востока волна великого переселения народов сравняла с землей древние культуры здешних мест и новая локальная цивилизация возникла тут, что называется, с чистого листа.

Мы не разделяем подобную точку зрения. Волны переселений не могут превратить в пыль древние культуры и цивилизации. Исследование **В. М. Зубаря** и **А. С. Русяевой** [68] показало, что значительная часть Боспорского царства вошла в состав Византийской империи. «С периода правления Юстиниана и вплоть до тюркского разгрома 576 г. Боспор находился в составе Византии... Однако и тюркское нашествие 576 г. не привело к окончательной гибели Боспорского царства. События, происшедшие позднее, свидетельствуют, что после распада Тюркского каганата Византия снова распространила свое влияние на Боспор... Только после образования в VII в. Великой Болгарии и появления в конце VII — начале VIII в. хазар заканчивается раннесредневековая история Боспора и начинается период классического Средневековья» [там же. — С. 231—232].

Однако и здесь рано ставить точку. В результате падения Великой Болгарии часть местных жителей переселилась по Дону и Волге в Среднее Поволжье, туда, где возникло мощное Булгарское государство на Великом Волжском пути — «пути из варяг в персы». На его окраине была основана в 1005 г. Казань. Другая часть перекочевала на территорию нынешней Болгарии, потеснив фракийцев. Но большинство населения вошло в состав Русского каганата, а затем Тмутараканского княжества.

13.2.4. Третья волна взаимодействия (VI—IX вв.)

Следующая, **третья, волна** взаимодействия цивилизаций на территории Северного Причерноморья приходится на VI—IX вв. — период становления второго исторического суперцикла, средневековой мировой и 3-го поколения локальных цивилизаций, на эпоху Великого переселения народов. Череда глубоких трансформаций на этой территории превратила ее в поле контактов и столкновений цивилизаций и протоцивилизаций. Исторические события мелькали с калейдоскопической быстротой, напластываясь на предыдущие эпохи.

В середине VI в. регион стал составной частью **Тюркского каганата**. «Добившись власти над всей зоной евразийских степей от Волги до Хингана, тюрки в 60-х годах VI в. завоевывают находившуюся ранее под властью эфталитов Среднюю Азию до Амударьи, столкнувшись там с сасанидским Ираном. В следующем десятилетии, когда авары, разгромив антов — полян, уже прочно обосновались в среднем Подунавье, власть дома Ашина на западе достигает Приазовья и Кавказа, а на Востоке — Хуанхэ и Уссури. А в результате к началу 80-х годов Тюркский каганат впервые в истории объединил под своей властью практически всю зону евразийских степей, подчинив и целый ряд прилегавших к ней областей древних цивилизаций, прежде всего Согд с Маракандой (Самаркандом) и Бухарой — ключевыми городами на центральной тропе Великого шелкового пути. Благодаря этому они оказались заинтересованными в налаживании бесперебойной трансевразийской торговли от Китая до Византии... Тюркский каганат оказался первой великой евразийской державой, одновременно граничившей и находившейся в непосредственных военно-политических и торговых связях со всеми великими цивилизациями того времени» [151. — С. 317, 318]. К этой блестящей

характеристике, данной **Ю. В. Павленко** Тюркскому каганату, стоило бы добавить, что он не был одной из локальных цивилизаций 3-го поколения; его можно характеризовать как одну из протоцивилизаций, которые нередко возникают в переходные исторические эпохи.

Тюркский каганат, охватывая столь обширные и разнообразные по цивилизационному составу территории, не мог не быть разнородным, весьма пестрым по национальной и конфессиональной структуре государством. Верхушка каганата в конце VI в. в качестве государственной религии приняла буддизм, способствуя расширению его ареала в мире. В то же время в Средней Азии появились первые христианские общины (несторианцев и манихеев). «Контакты кочевых этносов с великими цивилизациями раннего Средневековья не были односторонними. Имело место и обратное влияние, которое выразилось прежде всего в широком распространении определенных комплексов предметов убранства верхового коня и вооружения, сложившихся в кочевой среде» [там же. — С. 318]. Надо полагать, что взаимовлияние цивилизаций не сводилось только к этому.

Тюркский каганат просуществовал по историческим меркам недолго. К началу VII в. он распался на Восточно-Тюркский и Западно-Тюркский каганаты. Значительная часть Северного Причерноморья тогда же оказалась под властью **Хазарского каганата**, просуществовавшего до конца X в. в низовьях Волги, Приазовья и части Крыма (столицей этого государства с начала VIII в. был Итиль на Нижней Волге). В это же время степи Приазовья завоевала Великая Болгария, которая распалась потом под ударами хазар.

Г. В. Вернадский отмечал роль Хазарского каганата во взаимодействии цивилизаций: «Хазарское государство, основанное на северо-кавказских землях и в регионе южной Волги, широко использовало свое географическое положение и стало мостом, через который возможно было осуществлять оживленные коммерческие отношения между арабами и севером... Основное ядро хазарского государства включало в себя северокавказскую территорию и треугольный выступ к северу между нижним Доном и нижней Волгой... Черноморское побережье от устья Кубани до Керченского пролива может быть принято за участок западной границы Хазарского государства. Боспор (Пантикапей, Керчь) занимал хазарский гарнизон» [31. — С. 219, 227–228].

Хазарский каганат поддерживал тесные связи с Византией, выступая вместе с ней против стремительно продвигавшегося на вос-

ток Арабского халифата. Однако затем хазары, правители которых приняли иудаизм (хотя в целом каганат был многоконфессиональным государством), вступили с противоборством с Византией как в Приазовье, так и в Крыму, где к тому времени было распространено христианство. Население Таврии сопротивлялось хазарам; одно из восстаний возглавил **Иоанн Готский**, глава Готской христианской епархии. Византия и ее сторонники одержали верх и постепенно вытеснили хазар из Крыма. В 964–965 гг. ослабевший Хазарский каганат был разгромлен киевским князем **Святославом Игоревичем**, так и не успев стать полноценной локальной цивилизацией.

О **Русском каганате** в письменных источниках сохранились противоречивые сведения. По мнению **Г. В. Вернадского**, это государственное образование появилось в Приазовье в середине VIII в. Основы его заложили скандинавские дружины, смешавшись с местными племенами асов и россов. Первоначально Русский каганат был вассалом Хазарского, но в 825 г. правитель Русского каганата присвоил себе титул кагана (императора) и тем самым заявил претензии на независимость. «Русский каганат того периода являлся сильной державой того же типа, что и государства хазар и волжских булгар, то есть имевшей главной целью контроль над важными путями международной торговли» [там же. — С. 239]. Недолгую историю Русского каганата исследовал **В. В. Седов** [175. — С. 693–703].

Г. В. Вернадский подчеркивает роль Русского каганата и Тмутаракани: «Сельское хозяйство достигло значительного прогресса на территории всей Руси на протяжении восьмого и девятого веков. Что касается торговли, то Тмутаракань в девятом веке оставалась более важным центром, нежели Киев, и она сохраняла свои позиции даже в начале киевского периода... С политической, так же как и со стратегической точки зрения, Тмутаракань в десятом веке была столь же важна, как и Киев... Поход Владимира на Крым в 989 г. в какой-то мере был мотивирован его стремлением овладеть Тмутараканью. Характерно то, что после крымской кампании Владимир присвоил себе титул кагана, который сохранил за собой и его сын Ярослав. Таким образом, правители Киева стали политическими преемниками русских каганов Тмутаракани. Использование титула кагана ясно демонстрирует широту их политических интересов, а также их мечты о создании империи» [31. — С. 371].

Характерно, что и советские, и современные российские историки недооценивают или игнорируют историческое значение Северного Причерноморья Тмутаракани, Ладоги и Новгорода для Киевской Руси. Так, крупнейший ее исследователь академик **Б. А. Рыбаков** писал, что во времена греческих городов-колоний Ольвии, Херсонеса, Боспора, Танаиса, Фанагории классовое общество географически ограничивалось узкой прибрежной полосой в Причерноморье; история же Киевской Руси стала «временем, когда варварская Восточная Европа скинула старые одежды и нарядилась в новые, где "узурчатая кайма" цивилизации стала значительно более широкой» [173. — С. 9]. В книге ничего не говорится ни о Русском каганате, ни о Тмутараканском княжестве; отмечается, что в VI в. сложился мощный союз славянских племен в Среднем Приднепровье во главе с Киевом [там же. — С. 40]. Б. А. Рыбаков называет домыслом норманистов факт существования пути «из варяг в греки» [там же. — С. 46]. Новгород же он считает всего лишь доменом киевского князя; местом, где обычно правил его старший сын; городом, всегда догонявшим и всегда отстававшим в своем развитии от Киева [там же. — С. 48].

Современные взгляды на формирование восточнославянской цивилизации, на ее истоки и взаимодействие культур в процессе ее складывания, как было показано выше, существенно отличаются от преобладавших в советский период взглядов.

Ведущую роль в судьбе Северного Причерноморья в VII—IX вв. стала играть **Византия** — православная цивилизация 3-го поколения, прямая наследница греко-римской цивилизации 2-го поколения (второй ее «дочерью» была западноевропейская христианско-католическая цивилизация).

Греческие колонии в Причерноморье автоматически попали в сферу влияния Восточной Римской, а затем Византийской империи. Византия укрепила свои позиции в Приазовье и на Таманском полуострове, вытеснив оттуда Хазарский каганат. Опорным пунктом византийского влияния становится Херсонес (переименованный в Херсон). Он был «ремесленным, торговым и культурным центром Юго-Западного Крыма, заселенного преимущественно земледельческим населением, ...единственным в Северном Причерноморье массовым производителем вина, и это должно было приносить значительный и твердый доход» [там же. — С. 84, 85]. Это также был центр христианского влияния в Северном Причерноморье; Херсон играл важную роль в политической жизни Византии. В 695 г. туда был сослан низложенный

император **Юстиниан II**. Когда в 705 г., взяв Константинополь, он вновь стал императором и послал огромное войско (до 100 тыс. солдат) для осады Херсона, город выдержал осаду, объявил **Юстиниана II** низложенным и провозгласил новым императором **Филиппа**. «В этих событиях Херсон вступает в борьбу с центральным правительством, ведет независимую внешнюю политику, заключая международные соглашения (с хазарами), фактически свергает одного и сажает на престол другого императора» [76. — С. 88].

В 30-х годах IX в. на базе Херсона создается византийская фема — военный округ, охватывавший весь Крым [18. — С. 73], там возводятся новые крепости и укрепляются прежние. Строятся пещерные города и монастыри, среди которых наибольшую известность приобретает **Мангуп**. Это сильно укрепленное поселение в горах на юго-западе полуострова в период следующей волны взаимодействия, в XIII в., станет центром православно-христианского мангупского княжества Феодоро.

В Северном Причерноморье образовались факторы, влияющие на формирование **восточнославянской цивилизации**. Именно в *Херсоне (Корсуни)* в 988 г. принял христианство князь Новгородский (с 969 г.) и Киевский (с 980 г.) Владимир, придав формирующейся славянской цивилизации православно-христианский характер, сделав ее преемницей Византии.

Следовательно, третья волна взаимодействия культур в Северном Причерноморье была отмечена активными контактами зрелой византийской и формирующейся восточнославянской локальных цивилизаций, тюркской и хазарской протоцивилизаций. Северное Причерноморье становится одним из узлов становления локальных цивилизаций 3-го поколения.

13.2.5. Четвертая волна взаимодействия (X—XIV вв.)

Четвертая волна взаимодействия цивилизаций в Северном Причерноморье приходится на X—XIV вв. — период зрелости средневековой мировой цивилизации и 3-го поколения локальных цивилизаций — византийской, славянской, мусульманской, монгольской и западноевропейской, их взаимодействия и противоборства.

В X—XII вв. основными действующими лицами на сцене междоцивилизационного театра были **Византия, Киевская Русь**

и **Хазарский каганат**; местные же племена были объектами интереса этих крупных государственных образований. Сильнейшим из них была Византия, опорным пунктом которой на этих землях оставался Херсон. Однако постепенно усиливалось влияние Киевской Руси, особенно после того, как князь **Владимир** заключил в 988 г. договор с Константинополем и предоставил византийскому императору военную помощь, прислав шеститысячный русский отряд. Взамен он потребовал в жены сестру императора — принцессу Анну; не дождавшись невесты, осадил и взял Херсон (Корсунь). Тогда император согласился породниться с киевским князем, за что тот обязался окреститься по греческому обычаю, что и произошло в Корсунь. Владимир забрал оттуда около тысячи икон, ставших святынями первых русских православных храмов, и нескольких священнослужителей. Один из них, **Анастас Корсунский**, занял место настоятеля Десятинной церкви в Киеве и фактически стал первым главой русской православной церкви [75. — С. 96]. Объединив усилия, византийский флот и войско киевского князя нанесли поражение хазарам, все еще преобладавшим в Крыму.

В XI — начале XIII в. возрастает значение торговых путей «из варяг в греки» (по Днепру, Волхову и Неве до Балтики), «из варяг в персы» (по Волге), Донского пути, а также Великого шелкового пути, проходившего из Китая и Средней Азии по Прикаспию, Приазовью и Крыму в Византию и страны Средиземноморья. Это были магистрали диалога цивилизаций, способствовавшие быстрому экономическому и культурному подъему участвовавших в нем народов.

Однако с начала XIII в. расстановка сил в Причерноморье коренным образом изменилась. На сцену истории вышли новые действующие лица — монгольская цивилизация в лице **Золотой Орды**, а затем **Крымского ханства**, западноевропейская цивилизация, представленная сетью **генуэзских колоний**, а к концу периода — мусульманская цивилизация — **Османская империя**, захватившая Византию, а затем и Крым. Сходит со сцены Византия, теряет свои позиции восточнославянская цивилизация, христианство на большей части региона уступает место исламу.

Воспользовавшись тем, что Византия ослабла в войне с крестоносцами (которые в ходе Четвертого крестового похода в 1202—1204 гг. овладели Константинополем), Генуэзская республика, ставшая к тому времени достаточно сильной, добилась права беспопытной торговли в Северном Причерноморье. Генуэзцы

основали ряд крепостей на местах бывших греческих колоний — Каффу (на месте Феодосии), Солдайю (на месте прежней Сугдеи, на Руси этот город был известен как Сурож, теперь — Судак), Боспоро (на месте Пантикапея, нынешней Керчи), Тапу (недалеко от прежнего Танаиса в устье Дона) и др. Торговые связи Руси с этими городами были столь активны, что полностью не прервались даже после установления золотоордынского владычества. К середине XIII в., в результате завоевательных походов Чингисхана и его потомков, складывается огромная империя монголов, простиравшаяся от Тихого океана до Черного моря. «Сложилась ситуация, когда торговые караваны из Китая и Центральной Азии достигали черноморских портов, не покидая пределов одного государства» [там же. — С. 99—100]. Одной из крупных составляющих империи монголов стала Золотая Орда.

Центром генуэзской торговли становится Каффа, достигшая расцвета в XIV в., как и другие итальянские города-республики. Они поддерживали тесные связи с первой столицей Крымского улуса Золотой Орды — Солхат-Крымом (откуда и пошло название «Крым»), который был одним из крупных центров диалога и взаимодействия цивилизаций. «В памятниках Солхат-Крыма явственно проявились культурные веяния, принесенные из Египта, Хорезма, Ирана, Месопотамии... Стремительное развитие и широкая известность Солхата... были получены им прежде всего благодаря тому, что во второй половине XIII в. сюда стали стекаться товары из Поволжья и русских земель, Кавказа и Средней Азии, Индии и Китая. В начале XIV в. он стал центром изготовления золотоордынской филигранны, развитые торговые связи позволили ему оказать заметное воздействие на хозяйственное и культурное развитие регионов Северного Причерноморья, Кавказа и Поволжья. Город оказался включен в систему торговых магистралей, идущих из глубины евразийского материка. Он был одним из пунктов грандиозной торгово-транспортной системы, созданной на огромных просторах, завоеванных монголами» [там же. — С. 108]. Однако в 1395 г. Солхат-Крым (ныне поселок Старый Крым) был разгромлен войсками хана Тимура. Столица Крымского ханства переносится в высокогорный пещерный город Чуфут-Кале (у нынешнего Бахчисарая), а затем в сам Бахчисарай.

Оплотами Византийской империи и православного христианства в Крыму оставались **Херсон** (который во многом уступил свои торговые позиции генуэзским колониям и в 1396 г. был разрушен Тимуром) и **княжество Феодоро** со столицей в высокогорном пе-

щерном городе — **крепости Мангун-Кале**, где строительство укреплений было начато еще в 50–60-е годы VI в. при императоре **Юстиниане I**. Площадь самой крепости составляла около 90 га, а княжество Феодоро к середине XV в. подчинило своей власти значительную часть южного берега Крыма с населением до 150 тыс. человек. Княжество поддерживало тесные связи с Московской Русью. **Иван III** хотел даже женить своего сына Ивана на дочери мангупского князя, о чем была достигнута договоренность в 1474 г. Однако в 1495 г. к Мангупу подошла огромная армия османской Турции и после полугодовой осады взяла его, уничтожив всех защитников крепости. Таким образом, через 42 года после падения Константинополя был уничтожен последний форпост византийской цивилизации. В том же году турки захватили и разрушили генуэзские крепости Каффу и Солдайю, а Крымское ханство попало к ним в вассальную зависимость. Затем турки построили свои крепости в Керчи и Азове. На несколько столетий Северное Причерноморье вошло в состав мусульманской цивилизации, активность контактов различных культур в этом регионе значительно ослабла.

13.2.6. Пятая волна взаимодействия (XV—XVIII вв.)

Пятая волна контактов цивилизаций в Северном Причерноморье охватывает период с XV по XVIII в. и в основном совпадает с жизненным циклом раннеиндустриальной и становлением 4-го поколения локальных цивилизаций.

В этот период число участников диалога цивилизаций сократилось до двух — славянской и мусульманской, а западноевропейская и восточноевропейская время от времени выступали то на одной, то на другой стороне. Шла бесконечная череда войн между Османской империей и подвластным ей Крымским ханством (которое охватывало не только Крым, но и Приазовье и Таманский полуостров), с одной стороны, и Московским царством (с донскими и запорожскими казаками) — с другой. Великое княжество Литовское и королевство Польша также принимали участие в этих войнах, шедших с переменным успехом. Иногда русские войска и казаки громили татарские и турецкие войска, иногда те одерживали победу. Так, в 1571 г. хан **Девлет-Гирей** сжег Москву, и **Иван Грозный** был вынужден согласиться выплачивать Крым-

скому ханству большую дань; такое положение сохранялось 130 лет, пока **Петр I** не добился отмены дани по Константинопольскому миру 1700 г. Назовем лишь самые известные вооруженные столкновения тех лет: походы кошевого атамана Запорожской сечи **Ивана Сирко** 1660, 1663, 1667 гг.; поход турецкого султана **Магомета IV** и крымского хана **Селим-Гирея** против Польши и Московского царства в 1672 г.; нападение Крымского ханства на запорожских казаков зимой 1674–1675 г.; осада Чигирина войсками Оттоманской империи и Крымского ханства в 1677–1678 гг.; крымские походы русских войск 1687 и 1689 гг.; Азовские походы **Петра I** 1695–1696 гг.; неудачный Прусский поход 1713 г., в результате которого пришлось вернуть Азов Турции; русско-турецкие войны 1735–1739 и 1768–1774 гг. Последняя война закончилась взятием Крыма и присоединением в 1783 г. всего Северного Причерноморья к Российской империи. В результате изменился этнический состав жителей региона: отсюда эмигрировали в Турцию почти 100 тысяч крымских татар, а их место заняли переселенные по указу императрицы **Екатерины II** десятки тысяч украинцев и русских из других губерний, а также тысячи отставных солдат. В феврале 1784 г. здесь была создана Таврическая область (включавшая Крым и Таманский полуостров), а в 1802 г. — Таврическая губерния, включавшая семь уездов в Крыму и три уезда за его пределами (Днепропетровский, Мелитопольский и Фанагорийский).

13.2.7. Шестая волна взаимодействия (XIX—XX вв.)

Шестая волна взаимодействия цивилизаций в пространстве Северного Причерноморья охватывает XIX и XX вв. — эпоху индустриальной мировой цивилизации и заключительных фаз жизненного цикла 4-го поколения локальных цивилизаций. Важнейшей чертой этого периода было безраздельное господство в регионе евразийской цивилизации (представленной Российской империей, а затем СССР). Оно прерывалось лишь краткими периодами *столкновения цивилизаций* во время Крымской, Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. При этом каждый раз менялся этнический и цивилизационный состав населения региона, особенно Крыма.

Как уже было сказано, после присоединения Крыма к Российской империи полуостров покинули 100 тыс. крымских татар (пятая часть всех проживавших здесь). Земли Крыма, а также При-

азовья заселили десятки тысяч русских, украинцев, греков, немцев, поляков, болгар, евреев; здесь жили даже швейцарцы (колония Цюрихталь) [75. — С. 144–145, 152–153]. В результате по переписи 1897 г. среди 547 тыс. населения Крыма крымские татары составляли чуть более трети, русские — треть, украинцы — 12%, немцы — 5,8%, евреи — 4,7%, греки 3,1%, армяне 1,5% [75. — С. 189]. Новые поселенцы, в основном занимавшиеся выращиванием хлеба, садоводством и виноградарством, приложили титанические усилия, чтобы превратить засушливые земли Крыма, вытопанные тысячами стадами скота, которые столетиями перегоняли кочевники с места на место, в цветущие равнины. Поселившиеся здесь славяне и греки вновь принесли с собой в Причерноморье православие, постепенно набиравшее все большую популярность и у местных жителей. Межцивилизационный, межконфессиональный, межкультурный диалог шел в регионе непрерывно как на общественном, так и на личностном уровне, возрастало количество смешанных семей. Нельзя сказать, что Крым был, подобно США, «плавильным котлом», в котором разные нации приобрели общие черты, но и исключить взаимовлияние народов, тесно связанных между собой политически и экономически, невозможно. Развивались также их наука, образование и культура.

Однако этот процесс прерывался столкновениями цивилизаций на территории Северного Причерноморья.

Первым таким столкновением шестой волны стала **Крымская война 1853–1856 гг.** Поводом для нее послужил спор между Россией и Турцией о Святых местах в Иерусалиме и Вифлееме: кому принадлежит преимущественное право распоряжаться ими — православной или католической церкви? Поначалу России сопутствовал успех: русские войска заняли княжества Молдавию и Валахию, а черноморский флот разгромил турецкую флотилию. Опасаясь чрезмерного усиления России, Великобритания и Франция выступили на стороне Турции, ввели в 1854 г. свой флот в Черное море, обстреляли Одессу, высадили крупный десант в Крыму, осадили Севастополь. Так началось столкновение евразийской цивилизации с ведущими державами западноевропейской и мусульманской цивилизаций. Русская армия технически была хуже вооружена, чем войска Англии и Франции, где в то время полным ходом шла промышленная революция. В результате Россия потерпела поражение в войне, ее позиции в регионе пошатнулись.

Вторым столкновением цивилизаций стали **Первая мировая и Гражданская война** 1914–1922 гг. На сей раз России противо-

стояли кайзеровская Германия, Австро-Венгерская и Османская империи, а затем Антанта. Основные боевые действия происходили на море. Немецкие крейсеры обстреливали Севастополь, Керчь, Феодосию, Евпаторию, однако так и не смогли высадить десанты ни в Крыму, ни на Тамани.

Февральская революция 1917 г. была поддержана моряками Черноморского флота и большинством жителей Таврической губернии. Однако начавшаяся вслед за Октябрьской революцией Гражданская война резко обострила межнациональные и межконфессиональные противоречия в Крыму, на Тамани и в Прикубанье. В марте 1918 г. в границах Таврической губернии была провозглашена Советская Социалистическая Республика Таврида. После Брестского мира Крым оказался под протекторатом Германии. Осенью 1918 г., после ее поражения, немецкие войска были выведены из Крыма и Южной Украины и заменены армейскими соединениями Антанты — английскими, французскими, греческими, итальянскими. В апреле 1919 г. в Крыму вновь была восстановлена советская власть и провозглашена Крымская Советская Социалистическая Республика как автономия в составе РСФСР. Однако она продержалась недолго, и в июле 1919 г. Крым был занят добровольческой армией, восстановлена Таврическая губерния, в состав которой вошли Днепропетровский, Мелитопольский и Бердянский уезды. В апреле 1920 г. командующим вооруженными силами юга России был назначен барон **П. Н. Врангель**, а в ноябре 1920 г. эскадра с остатками белой армии (126 судов, 145,7 тыс. человек) ушла из Севастополя в Стамбул [75. — С. 245].

Второе столкновение цивилизаций в Северном Причерноморье, как и первое, привело к гибели сотен тысяч людей от войн, голода и болезней, разрушило местную экономику, нанесло огромный ущерб культуре. Потребовалось не одно десятилетие, чтобы залечить нанесенные войной раны, возродить экономику и культуру, восстановить мирное сотрудничество людей разных национальностей и конфессий.

В 20-е годы проводилась политика татаризации Крыма, крымские татары получили значительные привилегии по сравнению с другими национальностями, которые составляли большинство населения полуострова, что вызвало недовольство последних. Вскоре эти привилегии были отменены, но национальные отношения еще долго приходили в норму.

Третье столкновение цивилизаций на территории Северного Причерноморья произошло в годы **Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.** На этот раз СССР воевал против фашистской Герма-

нии, Италии, Румынии, Венгрии, которые направили свои войска для захвата Южной Украины, Крыма, Кавказа. Бессмертными страницами в этой войне стала героическая оборона Одессы и Севастополя. В результате неудачной Керченско-Феодосийской операции советских войск 1941—1942 гг. немецкие войска овладели Причерноморьем и Крымом, причем в Крыму они получили поддержку части крымско-татарского населения [там же. — С. 264]. Лишь к 1944 г. Крым и Южная Украина были полностью освобождены от фашистов.

Одним из тяжелых событий этого периода стала депортация части населения Крыма — сперва немцев-колонистов в 1941 г. (52 тыс. человек), а в 1944 г., в соответствии с секретным распоряжением Сталина, — крымских татар (190 тыс. человек), а также армян (9,6 тыс.), болгар (12,4 тыс.), греков (15 тыс.) [там же. — С. 266—267]. Это было внесудебное наказание целых народностей, мера, к которой нередко прибегают тоталитарные режимы (так поступал, например, Иван Грозный по отношению к вольнолюбивому Великому Новгороду). Взамен в районы Крыма было переселено более 100 тыс. граждан России и Украины [там же. — С. 269].

Положительный пример диалога и сотрудничества цивилизаций тех лет в Северном Причерноморье — *Ялтинская конференция глав государств антигитлеровской коалиции* (Сталина, Рузвельта, Черчилля) 4—11 февраля 1945 г. На конференции были определены основы послевоенного мироустройства, которые, несмотря на все перипетии холодной войны и локальных военных конфликтов второй половины XX в., не дали возможности разгореться новому столкновению цивилизаций.

13.2.8. Начало седьмой волны взаимодействия (XXI в.)

С 90-х годов XX в. началась современная нам, **седьмая волна** взаимодействия цивилизаций в пространстве Северного Причерноморья. Она началась с распада СССР, евразийской цивилизации, так что Северное Причерноморье оказалось разделено между двумя постсоветскими государствами — Россией и Украиной.

Ю. В. Павленко не считает СССР, как и Российскую империю, самостоятельной цивилизацией: «Советский Союз, как и предшествовавшие ему на просторах Евразии Российская империя или держава Чингисидов, не представлял собой отдельной цивилизации в силу отсутствия у него собственного идейно-ценностно-мотива-

ционного, религиозно-духовного основания. СССР охватывал части различных цивилизационных систем, стремясь нивелировать их путем искоренения имеющихся у них такого рода оснований и насаждения собственных квазицивилизационных ценностей» [151. — С. 646]. И дальше: «Наиболее полно квазицивилизационный феномен раскрылся именно в СССР как наднациональной, межцивилизационной общности, связанной реальными политическими, экономическими и прочими отношениями, а также фиктивным идеологическим единством, принципиально не способным заменить отсутствовавшую и в державе Чингисхана религиозно-духовную общность людей» [там же. — С. 650]. Исходя из таких соображений делается прогноз на будущее: «В наступающем веке главная ось планетарного противостояния может пройти между США и Китаем при весьма вероятном возобновлении соперничества Китая и России на собственно евразийском пространстве... В этом отношении представляется конструктивным рассматривать Евразию или, несколько уже, постсоветское пространство (СНГ) как квазицивилизационное целое в определенном выше смысле этого понятия» [там же. — С. 651].

Отказывая евразийскому пространству (Российской империи, СССР, империи Чингисидов) в праве на статус локальной цивилизации, Ю. В. Павленко опирается по сути дела на единственный аргумент: главным отличительным признаком цивилизаций является наличие собственного идейно-ценностного, мотивационного, религиозно-духовного основания. Поэтому социально-политические общности, охватывающие части различных цивилизационных систем, он считает в лучшем случае квазицивилизациями. Однако многие исторические факты и тенденции противоречат такому подходу.

Во-первых, трудно найти совершенно однородную локальную цивилизацию, не включающую части различных цивилизационных систем. Разве считающиеся классическими греко-римская или современная западноевропейская цивилизации не состоят из самых разных культур? В Западной Европе проживают миллионы мусульман, иудеев; в США представлены диаспоры всех современных цивилизаций и конфессий. То же самое можно сказать о восточноевропейской, китайской, латиноамериканской, а тем более евразийской цивилизации (Российской империи, СССР). В составе последней, наряду с преобладающей православно-славянской, присутствуют элементы мусульманской, буддийской, восточноевропейской цивилизаций. Если же представительство иных

наций и конфессий достигает значительных размеров, то можно говорить о том, что локальная цивилизация носит смешанный характер (таковы евразийская, африканская, океаническая, латиноамериканская, греко-римская, монгольская и другие цивилизации).

Конституирующими признаками локальной цивилизации можно считать систему цивилизационных духовных ценностей, но ее не стоит сводить только к преобладанию одной религии (по этому признаку и современные Япония или Китай нельзя будет признать цивилизацией). В такую систему, помимо религиозного, входят научно-образовательный, этический, идеологический элементы генотипа цивилизации, а также преобладающая ментальность, накопленный исторический опыт, понимание общности коренных интересов цивилизации во взаимодействии с ее «сестрами».

Во-вторых, *нужен циклично-динамический подход к пониманию цивилизаций*, которые проходят разные фазы своего жизненного цикла, появляются на исторической сцене и сходят с нее. Вместе с развитием цивилизации меняется и система духовных ценностей, в том числе религиозных. Достаточно вспомнить судьбы греко-римской, индийской, персидской, египетской цивилизаций, стремительное по историческим меркам распространение мусульманской цивилизации. И на севере Евразии, в том числе в Северном Причерноморье, мы наблюдаем изменения религиозной принадлежности, духовно-нравственных начал, систем ценностей на разных этапах развития и взаимодействия цивилизаций, особенно в эпоху Великого переселения народов.

В-третьих, *не следует столь негативно оценивать идеологическое единство народов СССР*, даже если их не объединяли религиозные ценности. В период русской революции (как и французской) новые идеалы отвергали любую религию. Но это вовсе не означало полной утраты нравственности, бездуховность. Напротив, великие революции рождают пассионарный порыв воодушевленных масс, прежде всего молодого поколения, который ломает активное сопротивление консерваторов и увлекает за собой большую, обычно пассивную часть населения. Другое дело, что вновь родившиеся идеалы, духовные ценности чаще всего оказываются иллюзиями, они корректируются и становятся более приземленными, конкретными на втором этапе революции. Однако подобная духовная общность оказывается достаточной для полного преобразования страны, как это произошло с Францией в XIX в. и с Советским Союзом в XX столетии. В обоих случаях эти трансформации обернулись страданиями миллионов людей.

Но таков уж урок истории: за прогресс приходится платить немалую, а порой и чрезмерную цену.

В-четвертых, *нуждается в корректировке прогноз развития цивилизационных отношений в XXI столетии*, предложенный Ю.В. Павленко. Можно согласиться с тем, что водораздел планетарного противостояния будет проходить между США и Китаем, быстро набирающим экономический и политический вес и имеющим диаспоры во многих странах мира, в том числе в США, Австралии и России (на Дальнем Востоке). Однако в этом противостоянии коренные интересы китайской и российской цивилизации скорее сходятся, чем расходятся (хотя нельзя исключить противоречий). Нельзя сбрасывать со счетов и растущую активность иных цивилизаций, прежде всего интегрирующейся западноевропейской, возрождающейся индийской и пассионарной мусульманской. Объектами их соперничества становятся распадающаяся евразийская цивилизация и находящаяся в состоянии упадка африканская. Так что история XXI в. преподнесет еще немало цивилизационных сюрпризов. Не решен вопрос, какой из двух сценариев межцивилизационного взаимодействия — противостояние и столкновение либо диалог и партнерство в решении глобальных проблем этого столетия — станет преобладающим.

В свете сказанного рассмотрим возможные **сценарии взаимодействия цивилизаций в Северном Причерноморье** на седьмой волне, в первой половине XXI в. Примем за основу два крайних варианта: новое обострение меж- и внутрицивилизационных противоречий либо поиск консенсуса и переход к партнерству стран Черноморского бассейна, усиление центростремительного движения в рамках евразийской цивилизации.

Основы для первого сценария были заложены распадом СССР и евразийской цивилизации в 90-е годы. Не будем рассматривать причины этих трагических событий, остановимся на их последствиях для Северного Причерноморья. В регионе возникли три очага межцивилизационных противоречий и конфликтов: Крым, Приднестровье и Северный Кавказ. Здесь сталкиваются интересы нескольких цивилизаций: евразийской (и ее ядра — российской), мусульманской, восточноевропейской и западноевропейской.

Цивилизационные проблемы Крыма заложены как в его более чем двухтысячелетней истории, так и в сравнительно недавнем прошлом: это проблема депортации крымских татар, их стремление вернуться на историческую родину и обрести прежнее лидерство на полуострове; спорный вопрос легальности передачи

Н. С. Хрущевым русскоязычного Крыма в состав Украинской ССР. В середине прошлого столетия это считалось формальным актом, а после распада СССР вызвало острые противоречия между Украиной и Россией.

Численность крымских татар на полуострове быстро растет, но они по-прежнему составляют меньшинство населения Крыма. Так, в 1991 г. на территории Крыма проживало 1600 тыс. русских, 600 тыс. украинцев и только 200 тыс. представителей иных национальностей, в том числе татар [75. — С. 276]. Однако созданные в начале 90-х годов национальные движения и организации требуют признать татарский язык одним из государственных в автономной республике, предоставить места в парламенте и правительстве Украины. Их конечная цель — провозглашение Крыма автономной татарской республикой. Татарские национальные движения активно поддерживают Турция и другие мусульманские страны.

Понятно, что эти устремления не могут не вызвать сопротивление русско-украинского населения. Но и между этими нациями существуют противоречия, подогреваемые настойчивым желанием правящих кругов Украины произвести «украинизацию» Крыма, придать статус государственного только украинскому языку (хотя в 1991 г. 90% крымчан назвали родным именно русский язык). Интересы русскоязычного населения поддерживает Россия, но у нее пока нет четкой политики в этом вопросе. Не решены до конца проблема Севастополя, вопрос разграничения пограничной линии в Керченском проливе. Российско-украинские противоречия в этом регионе периодически обостряются, как это имело место в 2004 г. из-за косы Тузла в Керченском проливе. Зачастую Причерноморье пытаются использовать как козырную карту при решении других межгосударственных проблем, например топливно-энергетических. Хотя речь идет, казалось бы, о противоречиях внутри евразийской цивилизации, на деле за ними стоят интересы мусульманской, западноевропейской и восточноевропейской цивилизаций. Усиливается вмешательство в эти процессы США. Особую остроту эти проблемы приобретают в связи с курсом нынешнего руководства Украины на интеграцию в Европейский союз и НАТО.

Следовательно, в Крыму завязывается новый узел межцивилизационных противоречий. При негативном сценарии конфликт будет неизбежным, при позитивном — его удастся предотвратить путем взаимного учета интересов. Одним из направлений такого партнерства может стать развитие цивилизационного туризма

и формирование международных туристических центров в Крыму, Восточном Причерноморье и Приазовье, а также развитие энергетического сотрудничества России, Украины и Турции.

Другой узел внутри- и межцивилизационных противоречий — **Приднестровье**. Создание Приднестровской Республики, где большинство населения составляют русские, обострило противоречия между Молдавией, Украиной и Россией. Повышенный интерес к проблеме проявляют западноевропейская и восточноевропейская (особенно Румыния) цивилизации, а также США. При негативном сценарии здесь может возобновиться вооруженный конфликт, при позитивном — будет найден устойчивый компромисс.

Третий узел противоречий — **Северный Кавказ и Восточное Причерноморье**, где уже второе десятилетие развиваются конфликты на стыке православной и мусульманской частей евразийской цивилизации. Речь идет как о Чечне, Ингушетии и Дагестане, так и об Абхазии и Карабахе — зоне пересечения мусульманского Азербайджана и христианской Армении. В этих конфликтах завязаны интересы как мусульманских стран, так и России, а также США. При неблагоприятном сценарии эти конфликты, то обостряясь, то угасая, способны продолжаться практически бесконечно; при благоприятном — в течение ближайших одного-двух десятилетий может быть найдена новая формула взаимодействия, учитывающая цивилизационные особенности конфликтующих сторон и создающая условия для их партнерства.

Итак, перед нами два основных сценария, два пути развития цивилизационных взаимодействий в Причерноморье: превращение региона либо в кровоточащую рану межцивилизационных конфликтов, либо в пространство диалога, сотрудничества и партнерства культур. Выбор должны сделать не только проживающие здесь народы, но и вовлеченные во взаимодействие локальные цивилизации Европы и Северной Америки.

Итоговая схема исторических этапов (волн) взаимодействия цивилизаций в Северном Причерноморье приведена в *табл. 13.5*.

13.3. Динамика евразийской цивилизации в индустриальную эпоху

В заключение рассмотрим более детально взлеты и падения евразийской цивилизации в индустриальную эпоху.

Таблица 13.5.

Схема исторических этапов взаимодействия цивилизаций и народов в Северном Причерноморье

Периоды, волны	Взаимодействующие цивилизации и народы	
	Северного Причерноморья	других регионов
VII–III вв. до н. э. 1-я волна	Скифская протоцивилизация. Киммерийцы, тавры, меоты. Греческие колонии, Боспорское царство	Греко-римская, персидская цивилизации
III в. до н. э. – V в. н. э. 2-я волна	Боспорское царство, Херсонес, Ольвия, Сарматы. Поздние скифы (Скифское царство)	Греко-римская, китайская, индийская цивилизации. Готы, гунны
VI–IX вв. 3-я волна	Тюркский каганат. Хазарский каганат. Русский каганат. Тмутараканское княжество	Византийская, восточнославянская, мусульманская цивилизации
X–XIV вв. 4-я волна	Киевская Русь (Тмутараканское княжество), Золотая Орда. Крымское ханство. Генуэзские города	Византийская, мусульманская, монгольская, западноевропейская цивилизации
XV–XVIII вв. 5-я волна	Крымское ханство. Российская цивилизация. (Московское царство, Российская империя)	Мусульманская цивилизация (Османская империя), Западноевропейская, восточноевропейская цивилизации
XIX–XX вв. 6-я волна	Евразийская цивилизация (Таврическая губерния, Крымская автономная республика)	Мусульманская (Османская империя) и западноевропейская цивилизации (Крымская война). Западная цивилизация (Великая Отечественная война)
XXI в. 7-я волна	Евразийская (в сокращенном составе) цивилизация (Россия, Украина)	Мусульманская (Турция), западноевропейская, восточноевропейская цивилизации

Завершающий этап имперского и советского периодов истории этой цивилизации можно характеризовать как запоздалый (по сравнению с эпицентром динамики мировых цивилизаций) период становления и развития индустриальной мировой цивилизации.

Хронологически индустриальная цивилизация в России охватывает период с 60-х годов XIX в. до конца XX в., то есть около полутора веков. В рамках этого исторического цикла можно выделить несколько крупных этапов:

1861–1914 гг. — время промышленного переворота, утверждения капитализма и подъема науки, культуры и образования, первых признаков общенационального кризиса (поражение в Русско-японской войне, революция 1905 г.);

1915–1964 гг. — фаза цивилизационного кризиса и его преодоления в рамках социалистического варианта развития ценой крайнего напряжения сил. СССР победил в Великой Отечественной войне, создал мощный военно-индустриальный комплекс; евразийская цивилизация стала одним из мировых лидеров;

1965–2005 гг. — завершающая стадия индустриальной цивилизации, безуспешные попытки с помощью реформ трансформировать социалистическое общество; очередной цивилизационный кризис, распад СССР и евразийской цивилизации; мучительный поиск новых путей.

Как и все человечество, Россия на рубеже третьего тысячелетия оказалась в переходном периоде от второго исторического суперцикла, включающего триаду средневековой, раннеиндустриальной и индустриальной мировых цивилизаций, к третьему суперциклу, в котором пока прорисовываются очертания лишь первого звена следующей триады — постиндустриальной цивилизации.

Исследуем более детально узловые тенденции каждого этапа новейшей истории евразийской цивилизации и ее исторического ядра — России.

Период промышленного переворота и утверждения капитализма разбивается на пять среднесрочных циклов, которые во многом совпадали с ритмом мировых экономических циклов.

1861–1871 гг. — выход из общенационального кризиса, проведение серии реформ (крестьянской, земской, судебной, образовательной, городской, военной). Они охватили все стороны жизни общества и позволили преобразовать его, избежав крупных революционных потрясений. Хотя эти реформы, особенно крестьянская, во многом носили половинчатый, компромиссный характер, но с их помощью удалось избежать разрушительного социального взрыва и модернизировать страну.

1872–1882 гг. — начало ускоренной индустриализации, подъем уровня жизни, науки и образования. Добыча угля за десятилетие увеличилась в 3,5 раза, нефти — в 32,8 раза, выплавка стали — в 27 раз, выпуск продукции машиностроения — на 62%, протяженность железных дорог — на 62%. Капитализм уверенно утверждался как господствующий экономический уклад, наблюдался подъем культуры, науки, образования.

1883—1892 гг. — промышленное производство и транспорт продолжали развиваться, хотя и более медленными, чем в предыдущем десятилетии, темпами (добыча угля за десятилетие возросла на 84%, нефти — в 5,9 раза, выплавка стали — в 2,1 раза; но объем машиностроительной продукции увеличился всего на 6%). Обострились социальные противоречия. В конце 80-х — начале 90-х годов последовала волна контрреформ, усилившая раскол между обществом и государством.

1893—1903 гг. — период ускоренного промышленного подъема, особенно в связи с массовым притоком иностранного капитала. По темпам экономического роста Россия обогнала развитые страны: в 90-х годах среднегодовые темпы прироста промышленного производства (по 50 губерниям европейской России) составили 6,2%, тогда как в Германии — 5,1%, Англии — 1,7%. Однако сельское хозяйство, где средний надел уменьшился с 4,8 десятины в 1861 г. до 2,6 десятины в 1900 г., развивалось крайне медленно. Разразился аграрный кризис.

Период 1904—1914 гг. отмечен новым промышленным подъемом (среднегодовые темпы промышленного производства составили в 1909—1913 гг. 8,9%), расширением сети железных дорог, быстрым ростом числа акционерных обществ и банков, созданием монополий. В 1908—1913 гг. объем промышленного производства вырос на 54%, общее количество рабочих увеличилось на 31%. Все отрасли промышленности находились на подъеме, особенно металлургия, нефтедобыча, производство электроэнергии, сельскохозяйственных машин. В ведущих отраслях наметился небывалый процесс концентрации производства. Национальный доход увеличивался с каждым годом. Период с 1908 по 1914 г. **Н. Верт** назвал золотым веком капитализма в России. Тем не менее в 1913 г. общий уровень промышленного производства в России был в 2,5 раза ниже, чем во Франции; в 6 раз ниже, чем в Германии; в 14 раз — ниже, чем в Америке.

Попытки реформировать сельское хозяйство по западному образцу (реформы Столыпина) позволили увеличить посевные площади в 63 губерниях с 81,2 млн десятин в 1904 г. до 138 млн десятин в 1913 г., улучшить техническое оснащение крестьянских и помещичьих хозяйств — стоимость парка сельхозмашин возросла со 163 млн рублей в 1906 г. до 408 млн в 1913 г. Возросли объемы экспорта хлеба — до 849 млн пудов в 1910 г. Это были признаки несомненного экономического подъема, сокращавшего отставание России от центров мирового экономического прогресса. Однако оно еще было весьма значительным.

В этот период резко обострились социально-политические противоречия в результате поражения в войне с Японией (Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., вооруженное восстание в Москве, волна терроризма в 1906—1908 гг.). Россия оказалась втянутой в Первую мировую войну, которая обнажила все противоречия цивилизации.

Каковы **главные итоги первого полувекowego индустриального цикла** в истории России (1861—1916)?

1. Россия сумела сравнительно быстро продвинуться по пути индустриального прогресса, сократив отставание от лидирующих стран, вступивших к тому времени в третий кондратьевский цикл (США, Германии, Великобритании). Но достичь их уровня она была не в силах, да и реформы носили половинчатый характер, не хватило решимости, времени и социальных сил, чтобы провести радикальное изменение полукрепостнических отношений в деревне. В итоге к концу периода Россия осталась в группе стран среднего уровня развития (таких как Австро-Венгрия, Испания, Япония). Ее то и дело сотрясали экономические кризисы, совпадавшие по времени с мировыми.

2. Страна завоевала ведущие позиции в мировом интеллектуальном прогрессе. Сформировавшаяся в России интеллектуальная элита охватывала практически все сферы духовной жизни: в науке — **Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, И. П. Павлов, А. С. Попов, В. И. Вернадский, Г. В. Плеханов, Н. А. Бердяев** и др.; в литературе — **И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. Горький**; в музыке — композиторы Могучей кучки, **П. И. Чайковский**; в изобразительном искусстве — **И. Е. Репин, М. А. Врубель, Н. К. Рерих** и многие другие деятели искусства. Вряд ли можно найти страну и эпоху, где в короткое время было бы сконцентрировано столько ярких звезд высшего класса; пожалуй, такова только эпоха Ренессанса в Италии. В этом парадокс истории: острота экономических и социальных противоречий подталкивает мысль к поиску новых, нестандартных решений, а значит, активизирует интеллектуальный потенциал страны.

3. Нарастали социально-политические противоречия. Реформы 60-х годов XIX в. — начала XX в. продвинули страну вперед по капиталистическому пути, но ни одна из крупных социальных сил не была удовлетворена их половинчатым, компромиссным характером. Помещичье-феодалные слои, сохранив за собой значительную часть земли и имущества и решающее поли-

тическое влияние, пытались повернуть течение истории вспять или по крайней мере затормозить его, все более теряя нити управления обществом, совершая одну ошибку за другой. Крупная буржуазия (в союзе с иностранным капиталом) захватила господство в экономике, но ее политический вес был очень слаб. Значение зажиточных крестьянских хозяйств, мелкой буржуазии несколько возросло, но политически этот слой не представлял почти никакой силы. Подавляющую часть населения в 1913 г. составляли беднейшие крестьяне (21,5%), полупролетарии (33,6%) и пролетарии (19,6%), практически лишенные собственности. Бунт следовал за бунтом, по стране прокатилась волна терроризма. Попытки разрушить общину, насадить в деревне частнособственнические отношения в ходе Столыпинской реформы были почти безрезультатны. В социально-политической области Россия на столетие отставала от лидировавших в мировом историческом процессе стран. Строй буржуазной демократии так и не был сформирован.

4. Страна стала более открытой по отношению к внешнему миру, значительно расширились ее связи с ним. За 40 лет (с 1860 по 1901 г.) объем внешней торговли России увеличился в 7,5 раза, в 1910 г. экспорт на треть превышал импорт. Правда, уже в тот период сложилась сырьевая структура экспорта: хлеб в нем составлял 51,6%; другие продтовары — 14,5; нефть, руды и лесные товары — 12,3%. В импорте же преобладали металлы, изделия из них и химикаты (21,2%), промтовары и сырье для их изготовления (33,8%).

В Россию активно устремился иностранный капитал: его доля в общем объеме инвестиций в 1860—1880 гг. составила 47%, а в производственных вложениях — 72%. Одновременно импортировались передовые зарубежные технологии. Естественно, что значительная часть прибыли вывозилась за рубеж; однако в целом привлечение иностранного капитала и интернационализация российского капитала дали импульс для ускорения индустриализации страны.

Второй долгосрочный индустриальный цикл начался с глубочайшего общенационального кризиса и охватил почти половину века (с 1917 по 1964 г.). В пределах этого цикла можно выделить несколько крупных этапов (среднесрочных циклов).

1917—1923 гг. — время острейшего общегосударственного кризиса, который начался с поражения в Первой мировой войне, революции 1917 г., распада Российской империи, Гражданской войны и завершился утверждением социалистического сценария развития России.

1924—1934 гг. — борьба различных вариантов развития в рамках социалистического сценария — от рыночно-неповского до тоталитарно-бюрократического. Этот этап завершился поражением рыночного варианта, уничтожением крестьянского хозяйства и значительной части интеллектуального потенциала страны, глубоким кризисом 1929—1933 гг.

1935—1952 гг. — среднесрочный цикл, включавший ускоренную индустриализацию, Великую Отечественную войну, в результате которой была уничтожена значительная часть населения страны и ее национального богатства. После победы удалось быстро восстановить довоенный уровень, но с деформированной структурой экономики (преобладал военный сектор, подорваны сельское хозяйство и потребительский сектор). Ценой изоляции от остального мира и массовых репрессий был сформирован мировой социалистический лагерь.

1953—1964 гг. — попытка осуществить реконструкцию и оздоровление экономики на основе социалистической модели с помощью хрущевских реформ. Их начало отмечено ускорением темпов экономического роста и научно-технического прогресса; оживлением интеллектуальных сил. Итог половинчатых реформ — очередной экономический и социальный кризис, подрыв единства социалистического лагеря.

Каковы общие достижения и неудачи второго долгосрочного индустриального цикла?

1. Оказавшись на острие глубокого мирового и национального кризиса, который закончился разрушением экономики, гибелью миллионов людей, распадом Российской империи, гражданской войной, **Россия решила провести дерзкий эксперимент: построить первое в мире социалистическое общество.** В течение десятилетий в СССР, а затем и в других странах, вступивших на социалистический путь развития, все силы были направлены на проведение этого эксперимента в жизнь.

Чем же был обусловлен такой выбор пути исторического развития?

Во-первых, социалистическое учение имеет многовековую историю. Оно отражает естественное стремление малоимущих слоев населения улучшить свое положение за счет передела накопленных богатств, более справедливого социально-экономического и политического устройства общества.

Во-вторых, острота экономических, социальных и военно-политических конфликтов на закате индустриальной цивилизации (ко-

нец XIX — начало XX в.) обнаружила бесперспективность капиталистического строя, поставила проблему выбора дальнейших путей развития. Наиболее подходящим из них многим представлялся социализм — бескризисное, планомерно регулируемое общество, где распределение богатств происходит более равномерно.

В-третьих, популярности революционных идей в России способствовали многовековые общинные традиции, имевшие немало общего с социалистическим идеалом. Кроме того, большинство населения составляли неимущие и малоимущие слои, доведенные до крайнего состояния затяжным глубоким кризисом, нищетой и бесправием. Отсутствовал сколько-нибудь значительный слой собственников-предпринимателей, способных возглавить движение к демократически-правовому государству.

Однако в итоге эксперимента выяснилось, что всех этих предпосылок недостаточно для построения жизнеспособного, устойчивого социалистического общества, реализации коммунистических идеалов. Оказалось, что они имеют серьезные изъяны: подавляют индивидуальную инициативу; основаны на принципах перераспределения, а не созидания; ослабляют экономические стимулы к изобретательному, напряженному труду, к инновациям и предпринимательству. Базирующееся на таких идеалах общество не способно превзойти рыночно-буржуазную экономику по эффективности производства, техническому уровню и качеству продукции. Господство уравнительности и агрессивной посредственности, опирающееся на репрессивный государственный аппарат и партийную монополию, ведет к ослаблению роли личности как таковой, ее творческих начал, к формированию равенства в бесправии перед произволом.

Но в этом опыте было и немало позитивного. Ряд завоеваний социальной политики, впервые осуществленных в СССР, получили признание и широкое распространение в мире — не только в странах, вступивших вслед за Россией на путь социализма, но и во многих развитых странах (социально-рыночное хозяйство в ФРГ, шведская модель социализма, социальное партнерство на японских предприятиях и т. п.).

2. Второй полувеклового цикла в корне изменил экономику страны. Национализация промышленности, банков, транспорта, строительства, внешней торговли привела к ликвидации частнокапиталистического уклада. Война и разруха подорвали экономику. В 1920 г. объем промышленного производства составил всего 22% от уровня 1913 г., валовой продукции сельского хозяйства — 67%.

Лишь в 1925 г. удалось превзойти довоенный уровень сельскохозяйственного производства и в 1927 г. — промышленного. Была сделана попытка на основе плана ГОЭЛРО и пятилетних планов подстегнуть развитие экономики на базе передовых технологий, что дало результат: в 1928 г. уровень 1913 г. в промышленности был превзойден на 32%, в сельском хозяйстве — на 24%. Этому способствовала прежде всего новая экономическая политика (НЭП), восстановление частного сектора и рыночной экономики при снятии ограничений, тормозивших экономический рост в царской России и в годы военного коммунизма. Кстати, основные принципы нэпа были позднее использованы в Китае и во Вьетнаме и дали поразительные результаты.

Однако в 1929—1933 гг. экономика СССР вступила в полосу кризиса, главной причиной которого стала политика насильственной коллективизации, физического уничтожения или высылки в Сибирь наиболее эффективной, трудоспособной, ориентированной на рынок части зажиточных и средних крестьян. В результате валовая продукция сельского хозяйства в 1933 г. против 1928 г. сократилась на 23% (в том числе животноводства — на 52%), что привело к падению уровня производства в пищевой и легкой промышленности. И хотя с помощью инфляции (в 1940 г. уровень розничных цен в 6,4 раза превысил уровень 1928 г.), манипуляций со статистикой и перераспределения ресурсов в тяжелую промышленность удалось кризис скрыть, он вызвал гибель нескольких миллионов человек во время голода 1932—1933 гг. Лишь с 1934 г. начался недолгий подъем.

Признаки очередного застоя появились в предвоенные годы, главным образом под влиянием массовых репрессий, уничтожения самой квалифицированной и активной части работников. Война 1941—1945 гг. нанесла тяжелый урон экономике страны. Но уже в первые послевоенные годы довоенный уровень был превзойден: в 1950 г. валовой объем общественного продукта и произведенного национального дохода были выше уровня 1940 г. в 1,6 раза, продукции промышленности — в 1,7 раза, восстановлен уровень сельскохозяйственного производства. Однако это стоимостные показатели, во многом приукрашавшие реальное положение дел. В натуральном выражении они были скромнее.

Наибольших успехов СССР добился на последнем этапе второго цикла. Высокими темпами развивалась экономика, страна обеспечила себе паритет в военно-технической области с США, стала центром мировой системы социализма, охватившей четверть территории и треть населения планеты, привлекла на свою сторону

часть освободившихся от колониального владычества стран, избравших некапиталистический путь развития. Социалистические идеалы получили всеобщее признание, частично их реализовали некоторые западные страны (Швеция, ФРГ). Советский Союз объявил о построении развитого социалистического общества и переходе (в течение двух-трех десятилетий) к высшей его фазе — коммунизму.

Однако экономика России развивалась однобоко, с перекосом в сторону тяжелой и оборонной промышленности и слабым развитием отраслей, работающих непосредственно на потребности населения. Индустриальное могущество достигалось в основном за счет сравнительно низкого жизненного уровня людей, жесткой централизации хозяйственных решений, господства бюрократизированной государственной собственности.

3. Была создана уникальная модель социально-политических отношений, отвечавшая потребностям тоталитарного государства. Социальная структура была упрощена до предела, общество четко подразделялось на рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию. Кроме того, сформировалась партийно-государственная элита, по существу новый правящий класс, распоряжавшийся не только собственностью, но и свободой остальных граждан. Подобная структура общества в той или иной форме воспроизводилась и в других социалистических странах. Лишь на последнем этапе этого цикла, с 1953 г., были предприняты шаги к преодолению тоталитарного характера государства, реабилитации репрессированных, расширению политических свобод. Однако эти меры были половинчатыми и не могли изменить сущности социально-политического строя.

Идеология социализма провозглашала равенство и свободу личности, приоритет *духовной сферы*, но и эта сфера стала жертвой казарменно-бюрократического строя. Наибольшим гонениям подверглись интеллектуалы. И хотя революционный взрыв 1920-х годов дал небывалый всплеск творческого поиска, стал причиной взлета культуры, но вскоре на нее надели жесткую идеологически-репрессивную смирительную рубашку. Всякие попытки самостоятельного мышления, расходившегося с идеологическими догмами, особенно в науке, немедленно пресекались, смельчаков отправляли в лагеря или уничтожали. Несколькими волнами протекал процесс деинтеллектуализации общества. Сначала было уничтожение и изгнание части интеллигенции в годы Гражданской войны, принудительная депортация ученых и деятелей культуры за рубеж. Затем началась серия политичес-

ких процессов, проводившихся методично, по заранее обдуманному плану; на общество обрушились репрессии. Третья волна прокатилась во время войны и послевоенных репрессий; четвертую волну ознаменовала миграция недовольных в 1960-х и последующих годах. Конечно, свободную мысль не упрячешь за решетку; ученые нужны были, чтобы развивать военные технологии, престижные научные направления, представлять советскую науку за рубежом. Поэтому дозированное свободомыслие допускалось, но под очень жестким контролем.

Пророчески звучит мысль **Н. А. Бердяева**, высказанная на заре строительства социализма: «Можно заранее с уверенностью сказать, что не удадутся и те основные идеи и задачи, которыми живет наша эпоха, не удастся никогда социализм, который пробуют осуществить и который, вероятно, будет играть большую роль в том периоде истории, в который ныне мы вступаем. Социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся. Он вскрыет новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые сделают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Он никогда не осуществит того освобождения человеческого труда, которого Маркс хотел достигнуть связыванием труда, никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета» [13. — С. 171]. Тем не менее духовная жизнь в стране развивалась. Мировое признание получили достижения в области естествознания и технических наук (особенно связанные с военно-промышленным комплексом), образования, культуры. Ослабление идеологического прессинга в послесталинский период дало бурный взлет творческой активности общества. «Оттепель» оказалась недолгой, партийный контроль был восстановлен, но он уже не мог остановить процессов, подтачивавших духовные основы тоталитарного строя.

Попытки реформации и замена социализма капитализмом — основное содержание третьего долгосрочного цикла индустриальной цивилизации в России, который начался с 1965 г. и закончится, вероятно, в 2010 г. В рамках этого крупного этапа можно выделить пять среднесрочных циклов.

1965—1974 гг. — неудачные попытки реформировать социализм, придав ему некоторые черты рыночной экономики, но сохранив основы партийно-государственного монополизма, что в ко-

нечном счете привело к застою, накоплению предпосылок для цивилизационного кризиса.

1975–1985 гг. — период стагнации, усиления консервативных тенденций, милитаризации страны, потеря ряда геополитических позиций в результате вторжения в Афганистан.

1985–1998 гг. — попытки радикальной трансформации общества с помощью перестройки, политических и рыночных реформ, которые неожиданно для их инициаторов привели к распаду СССР, дезинтеграции евразийской цивилизации, глубочайшему затяжному кризису, краху партийно-государственного монополизма и планового регулирования экономики, глубочайшему экономическому кризису, взрыву социальных и национальных конфликтов, утверждению в стране стихийно-рыночного олигархического капитализма.

1999–2010 гг. — мучительный выход из кризиса, оживление экономики, постепенная кристаллизация новых идеалов будущего общества, смена поколений правящей и деловой элиты, вызревание предпосылок постиндустриальной цивилизации, поиск нового места России в геодивизионном пространстве.

Какие тенденции наметились на новом витке исторической спирали, каковы его основные итоги?

1. Серьезные испытания в условиях мирного развития прошла социалистическая модель развития общества, противостоявшая капиталистической на последней фазе индустриальной мировой цивилизации. Эти испытания на первых порах, казалось, шли успешно. Однако в глубине зрели семена будущего крушения социалистического общества в его государственно-бюрократическом варианте. Попытки реформировать социализм применительно к новым требованиям жизни, предпринятые **А. Н. Косыгиным**, **Ю. В. Андроповым**, а затем **М. С. Горбачевым**, не принесли желаемого результата. И дело здесь не в неудачах или ошибках тех или иных лидеров, а в самой сути использовавшейся модели социализма, в ее внутренних пороках, неспособности разрешить коренные противоречия индустриальной эпохи в интересах человека.

Это не означает, что весь пройденный за семь десятилетий путь чрезвычайных усилий и невероятных страданий был трагической ошибкой, цепью неудач. Многие из того, что открыто и выстрадано страной, вошло в копилку мирового опыта, в исторический генотип человечества, стало достоянием ряда государств мира. Но это не отменяет главного вывода: модель государственно-бюрократического социализма, сформированная в СССР и перенятая некоторыми странами, исторически бесперспективна. Этот урок поучителен

для всего человечества, поможет ему выбрать более надежный путь в будущее. Однако модель рыночного социализма, отражающая основные принципы российского нэпа, с успехом используется в Китае и Вьетнаме, которые стали форпостами социализма в XXI в. Это означает, что идеалы социализма рано списывать со счетов и что капитализм вряд ли восторжествовал окончательно. Будущее, вероятно, за интегральным обществом, суть которого выражена в трудах **П. Сорокина** [181. —184].

2. Не выдержал испытаний социально-политический строй, ориентированный на уничтожение классовых и национальных различий, на перерастание диктатуры пролетариата в общенародное государство и дальнейшее его отмирание. Такой строй, прошедший ценой огромных потерь через суровые испытания в годы Великой Отечественной войны, оказался не в состоянии эффективно решать назревшие задачи мирной, эволюционной трансформации общества. «Нерушимое морально-политическое единство общества», казавшееся непререкаемым завоеванием социализма, оказалось в конечном счете мифом.

Стирание граней между рабочим классом, колхозным крестьянством и трудовой интеллигенцией, между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда, между нациями и национальностями отвечало тенденциям стандартизирующей индустриальной цивилизации, но противоречило движению к дифференциации и стратификации общества, осознанию собственных национальных и социальных интересов различными группами людей. Упорное игнорирование этих различий в итоге спровоцировало социальный взрыв и распад СССР, многочисленные межнациональные конфликты, резкое социальное расслоение.

Стержнем социально-политического строя, сложившегося в СССР, была *однопартийная система*. КПСС обладала всей полнотой политической, экономической и идеологической власти в стране. Такая монополия, опиравшаяся на всемогущество партийного аппарата и жесткую дисциплину миллионов рядовых членов партии, не могла не привести к ее загниванию. Неоднократные попытки реформировать партию путем восстановления практики регулярного проведения съездов, принятия новых программ, обновления и обучения кадров не могли дать надежных результатов. Могущественный партаппарат сопротивлялся радикальным нововведениям, изгонял творчески мыслящих работников, всеми силами охранял свою монополию на власть и господствовавшие идеологические догмы. Партия оказалась не в состоянии возглавить

назревший переворот и потерпела крах. Однопартийность сменилась многопартийностью, множеством трудно различимых по программам и целям политических партий и движений.

Были предприняты меры по реорганизации социалистического государства, активизации и демократизации работы его органов, расширению функций органов власти на местах, укреплению законности, ограничению функций карательных органов, но это не позволило преодолеть фундаментальные основы тоталитаризма. Был принят ряд законодательных актов с целью создать правовую базу для функционирования общества на демократических началах. Но правовое государство так и не было создано, поскольку сохранялись партийный диктат, «телефонное право», произвол в центре и на местах. Инакомыслие преследовалось вплоть до судебных расправ (хотя далеко не в тех масштабах, которые были свойственны предыдущему циклу). В период застоя активизировалась коррупция, часть государственного аппарата срослась с организованной преступностью. Все говорило о кризисе государственно-правовой системы, который завершился ее крахом, децентрализацией и ослаблением государства, ростом коррупции, безответственности и непрофессионализма чиновников.

В конце 90-х годов потерпела крах нелиберальная концепция разгосударствления экономики и общества. Однако попытка восстановить «вертикаль власти» путем усиления чрезмерно разбухшего государственного аппарата долгосрочного эффекта не дала.

3. Немалых успехов в первые десятилетия рассматриваемого периода страна добилась в развитии науки и обновлении технологической базы общества. Опережающими темпами развивалась наука, СССР завоевал первенство в мирном освоении атомной энергии и космического пространства. Однако со временем технический прогресс замедлился, пятый технологический уклад (особенно в области гражданской техники) осваивался с большим запозданием, производственные мощности сильно устарели, снизилась производительность труда. Периодические попытки усилить инновационную активность экономики не давали существенных результатов. Социализм проиграл научно-техническое соревнование с развитыми капиталистическими странами. В условиях кризиса 90-х годов отчетливо проявились тенденции технологической деградации, разрушения научно-технического и инновационного потенциала и падения конкурентоспособности экономики, нарастающего отставания от мирового уровня. Провозглашенный в конце периода курс на инновационное развитие общества пока проводится непоследовательно, технологическое

отставание увеличивается. Сформировать инновационно активную рыночную экономику в России пока не удалось.

4. Глубокие противоречия на третьем витке индустриального развития евразийской цивилизации обнаружались в области экономики. Приоритет военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности в СССР усилил диспропорции в экономике: сельское хозяйство хронически отставало и неспособно было удовлетворить потребности населения в основных видах продовольствия, производство предметов потребления составляло лишь около четверти промышленной продукции, росли очереди на жилье. Безраздельно господствовала государственная собственность, попытки реанимировать колхозную собственность оказались малоэффективными. Ограниченными оказались возможности развития личных подсобных хозяйств, которые в начале периода являлись основным источником удовлетворения потребностей населения в некоторых видах продовольствия. Нарастало влияние теневой экономики. Неоднократно предпринимались реформы управления экономикой, призванные повысить заинтересованность каждого работника, предприятий и регионов в росте эффективности производства. Эти реформы давали временный успех, но не могли изменить основы экономического строя, базировавшегося на государственно-бюрократической эксплуатации трудящихся, приоритете милитаризма, сверхцентрализации управления, ограничении и подавлении рыночных механизмов и стимулов.

В первой половине 90-х годов развернулся процесс разгосударствления экономики, первоначального накопления капитала (порой в самых паразитических формах), подталкиваемый галопирующей инфляцией. Одновременно усилилось влияние теневой экономики, мафиозных структур. Все это происходило на фоне обвального экономического спада. Падение уровня производства и жизни населения достигло критических величин. Лишь с конца 90-х годов начался процесс оживления экономики. Он обусловлен прежде всего внешними факторами (ростом мировых цен на нефть и газ), увеличением внутреннего спроса и не сопровождается инновационным обновлением экономики. Усилилась топливно-сырьевая ее составляющая, а экономика все больше попадает под контроль ТНК. Предельно устарел — и физически, и морально — основной капитал. Экономика и государственный бюджет оказались в опасной зависимости от конъюнктуры цен на топливо. Лишь в начале нового века предпринимаются попытки преодолеть эти тенденции.

5. Неоспоримыми казались достижения страны в духовной сфере — в области науки, образования, культуры. При значительной поддержке государства советская наука (особенно фундаментальная) заняла лидирующее место в мире по ряду позиций; однако при этом приоритет отдавался военно-техническим исследованиям. Увеличение числа ученых сопровождалось ухудшением их качественного состава и уровня обеспечения, общественные науки были насильственно идеологизированы и развивались в отрыве от мировых теорий. Образование, особенно высшее, находилось на высоком уровне, но число дипломированных специалистов нередко превышало потребность в них, а качество их подготовки постепенно снижалось. Развитие культуры тормозил идеологический диктат. Много внимания и средств уделялось развитию кино, телевидения, библиотечного дела, книгопечатанию, но их содержание находилось под строгим партийным контролем. В результате интеллектуальная сфера утратила доверие общества, налицо был упадок нравственности. Хотя религиозные верования уже не преследовались так жестоко, как раньше, но свободы вероисповедания не было. Стало очевидным, что социализм не привел к расцвету духовной сферы, что жесткий идеологический контроль тормозит ее развитие.

Глубокий кризис поразил эту сферу с начала 90-х годов. Стремительно сокращались ассигнования на развитие науки, образования, культуры, масштабный характер приобрела утечка умов и талантов. Несмотря на возрождение роли религии, процесс крушения нравственных начал не прекращается. Однако постепенно зреют предпосылки для нового подъема духовной активности, как это не раз бывало в России в критических ситуациях. Некоторые признаки этого проявились в начале XXI в., но они слабо поддерживаются государством, средствами массовой информации. Кризис духовной сферы еще не преодолен. Есть надежда на то, что это сможет сделать новое поколение, которому перейдет решающая роль в развитии государства и общества с 2010 г.

6. Военно-политическое могущество СССР на мировой арене, двухполюсное мироустройство сохранялись до конца 80-х годов, но затем исчерпали себя. С помощью такого института, как Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), влияние СССР распространилось на Юго-Восточную Азию (Вьетнам, Северная Корея) и американский континент (Куба). К СССР тяготел ряд развивающихся стран Африки и Азии, получавших от него значительную военную и экономическую помощь. Советский Союз играл видную роль в деятельности ООН, в создании Организации евро-

пейской безопасности и сотрудничества, добился военно-технического паритета с США. Неоспоримы заслуги СССР в прекращении гонки вооружений, производства оружия массового уничтожения и ликвидации наиболее смертоносных его видов.

Однако мировая империя, возглавляемая СССР, оказалась непрочной. Народы многих стран сопротивлялись навязанному им строю (достаточно вспомнить события в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше). Военный паритет с США и поддержка союзников достигались за счет перенапряжения экономики. По мере того как слабело экономическое могущество СССР, империя начала давать трещины, прежде всего в Восточной Европе, и рухнула в начале 90-х годов. В общем потоке разоружения и разрушительного экономического кризиса практически была демонтирована основная часть оборонно-промышленного комплекса, утрачена значительная часть оборонного потенциала. Мир перестал быть двухполюсным.

К концу последнего цикла индустриального развития стала очевидной бесперспективность избранного варианта развития. Россия вступила в богатый тяжелыми потрясениями переходный период к постиндустриальной цивилизации, причем начала этот путь с рывка назад, к стихийно-рыночному капитализму XIX в., к социально-экономической поляризации. Лишь к концу периода начали преодолеваются некоторые последствия этого движения вспять.

К началу следующего сверхдолгосрочного исторического цикла — постиндустриальной мировой цивилизации — страна подошла с крайне неблагоприятными стартовыми позициями, после одной из самых тяжелых и разрушительных за всю ее историю цивилизационных катастроф. Возможные сценарии развития России в XXI в. и ее положения в гецивилизационном пространстве рассматриваются ниже, в главе 16 тома II настоящей книги.

Подводя итоги исторического пути локальной восточнославянской (русской, евразийской) цивилизации более чем за тысячелетний период, можно сделать вывод, что ее самобытность состоит не только в сочетании признаков Востока, Юга и Запада, в уникальной системе ценностей, но и в том, что, в общем синхронизируясь с общеисторическим ритмом, то отставая, то догоняя авангардные страны, Россия порой брала на себя тяжкую миссию поиска и экспериментального освоения новых путей исторического прогресса (концепция «третьего Рима», прорыв Петра I, духовное лидерство в XIX в., социалистический эксперимент). За подобные порывы приходилось платить дорогой ценой, но это ненадолго остужало миссионерские устремления активной части нации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абалкин Л. И.* Россия: поиск самоопределения. — М.: Наука, 2003.
2. *Абдельвиль М. Ф.* Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. — М.: Наука, 1994.
3. *Аганбегян А. Г.* Социально-экономическое развитие России. — М.: Дело, 2003.
4. Азия: диалог цивилизаций. — СПб.: Гиперион, 1996.
5. Альтернативные пути к цивилизации. — М.: Логос, 2000.
6. *Анчишкин А. И.* Наука–техника–экономика. — М.: Экономика, 1989.
7. *Анчишкин А. И.* Прогнозирование роста социалистической экономики. — М., 1973.
8. *Артановский С. Н.* На перекрестке идей и цивилизаций. — СПб., 1994.
9. Археология Украинской ССР: В 3 т. — Киев: Наукова думка, 1985–1986.
10. *Ахизер А. С.* Россия: критика исторического опыта: В 3 т. — М.: РГБ, 2004.
11. *Беккер Г.* Человеческое поведение. Экономический подход. — М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
12. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999.
13. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. — М.: Мысль, 1990.
14. *Бестужев-Лада И. В.* Альтернативная цивилизация. — М.: Алгоритм, 2003.
15. *Бестужев-Лада И. В.* Россия и мир 2005-2015: вызовы и ответы. — М.: ИНЭС, 2005.
16. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. — М.: Иностранная литература, 1956.
17. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1998.
18. *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья. — М.: Наука, 1961.
19. *Богомолов О. Т.* Анатомия глобальной экономики. — М.: Алгоритм, 2003.
20. *Бокль Г. Т.* История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1, 2. — М.: Мысль, 2000.
21. *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия. История и культура. — СПб.: Алетейя, 1997.
22. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 1, 2. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
23. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. — М.: Прогресс, 1992.
24. Будущее мировой экономики. — М.: Международные отношения, 1979.
25. *Брук С. И.* Народонаселение мира. Этнодемографический справочник. — М.: Наука, 1986.
26. *Бьюкенен П.* Смерть Запада. — М.: АСТ, 2003.
27. *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. — М., 1923.
28. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1991.
29. *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки. — М.: Наука, 1988.
30. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988.
31. *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. — Тверь – М.: ЛЕАН – Аграф, 2004.
32. *Вернадский Г. В.* История России. Киевская Русь. — Тверь – М.: ЛЕАН – Аграф, 1997.
33. *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. — Тверь – М.: ЛЕАН – Аграф, 1997.
34. *Вернадский Г. В.* История России. Россия в средние века. — Тверь – М.: ЛЕАН – Аграф, 1997.
35. *Вернадский Г. В.* История России. Московское царство. Часть 1, 2. — Тверь – М.: ЛЕАН – Аграф, 1997.
36. *Владимиров Б. Я.* Чингиз-Хан. М.: 1980.
37. Всеобщая история искусств: В 9 т. — М.: Искусство, 1960.
38. *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире. — М.: Дело, 2004.
39. *Галич М.* История доколумбовых цивилизаций. — М.: Мысль, 1990.
40. *Гегель Г. Ф.* Философия истории: В 2 т. — М., 1997.
41. *Геродот.* История. — М.: Ладомир, 1997.
42. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. — СПб., 1898.
43. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВлаДар, 1993.
44. Глобализация и судьба цивилизаций. — М.: МИСК, 2003.

45. Глобалистика. Энциклопедия. — М.: Радуга, 2003.
46. Глобальная экологическая перспектива — 3. Прошлое, настоящее и будущее. — М.: Интердиалект, 2002.
47. *Голанский М. М.* Взлет и падение глобальной экономики / Ученые записки Института Африки. — М., 1999.
48. *Греков Б. А.* Киевская Русь. — М.: АСТ, 2004.
49. *Гуляев В. И.* Скифы. Расцвет и падение великого царства. — СПб.: Алетейя, 2005.
50. *Гуляев В. И.* Шумер. Вавилон. Ассирия. 5000 лет истории. — 2-е изд. — СПб.: Алетейя, 2005.
51. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. — М.: Мысль, 1992.
52. *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. — М.: Сварог, 1998.
53. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Л.: ЛГУ, 1989.
54. *Гюйонварх К. Ш., Леру Ф.* Кельтская цивилизация. — СПб., 2001.
55. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому. — М.: Книга, 1991.
56. Даваня історія України: У 3 т. — Київ: Наукова думка, 1997—1998.
57. 2001 год. — Год диалога между цивилизациями под эгидой ООН. — М.: Информцентр ООН, 2002.
58. *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
59. Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. — М.: МФК, 2001.
60. Диалог цивилизаций. Повестка дня. — М.: ИФ РАН — Горбачев-фонд, 2005.
61. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 г. — М., 2002.
62. *Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. — М.: Восточная литература, 1994.
63. *Ерасов Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. — М.: Наука, 2002.
64. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. — М.: Наука, 1980.
65. Западное Средиземноморье в I тыс. до н. э. — Л.: 1984.
66. *Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм. — М.: Дело, 2004.
67. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху. — Киев, 1992.
68. *Зубарь В. М., Русяева А. С.* На берегах Боспора Киммерийского. — Киев, 2004.
69. *Ивантер В. В., Кузык Б. Н.* Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв? — М.: ИНЭС, 2005.
70. *Иноземцев В. Л.* Расколота цивилизация. — М.: Academia — Наука, 1999.
71. *Ионов И. Н., Хачатурян В. И.* Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. — СПб.: Алетейя, 2002.
72. История Европы: В 4 т. — М.: Наука, 1988—1994.
73. История Востока: В 6 т. — М.: Восточная литература, 1995—1997.
74. История Древнего мира: В 3 т. — М., 1989.
75. История Крыма с древнейших времен до наших дней. — Симферополь, 2005.
76. *Каждан А. И., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб.: Алетейя, 1998.
77. *Катица С. П.* Общая теория роста человечества. — М.: Наука, 1999.
78. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время: В 7 т. — СПб. — Пг., 1891—1922.
79. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории: В 2 т. — М., 1883.
80. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. — М.: Весь мир, 1997.
81. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. — М.: Прогресс, 1991.
82. *Киндер Г., Хельгеман В.* Всемирная история. — М.: Рыбари, 2003.
83. *Ключевский В. О.* Курс русской истории: В 9 т. — М.: 1987—1990.
84. *Ковалев С. И.* История Рима. Курс лекций. — Л.: ЛГУ, 1986.
85. *Ковалевский М. М.* Социология. Сочинения в 2 т. — СПб.: Алетейя, 1997.
86. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. — М.: Экономика, 2002.
87. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. — М.: Экономика, 1993.
88. *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. — М.: Наука, 2001.
89. *Кондратьев Н. Д.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. — Вологда, 1922.
90. *Кондратьев Н. Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. — М.: Наука, 1991.
91. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Кн. 1—2. — М.: Наука, 1991.
92. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989.
93. *Конрад Н. И.* Запад и Восток. — М., 1992.
94. Культурное наследие Российского государства. — СПб.: ИПК «Вести», 2002.

95. Культура Африки в мировом цивилизационном процессе. — М.: Восточная литература, 1996.
96. *Кудрин Б. Н.* Введение в техногенез. — М., 1992.
97. *Кузык Б. Н.* Высокотехнологичный комплекс в экономике России. Проблемы настоящего и будущего. — М.: ИНЭС, 2002.
98. *Кузык Б. Н.* У России один эффективный путь развития — свой. — М.: Знания, 2004.
99. *Кузык Б. Н.* Россия и мир в XXI веке. — М.: ИНЭС, 2005.
100. *Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др.* Ритмы российской истории. Опыт многофакторного исследования. — М.: ИНЭС, 2003.
101. *Кузык Б. Н., Агеев А. И. и др.* Россия в пространстве и времени. История будущего. — М.: ИНЭС, 2004.
102. *Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В.* На пути к водородной энергетике. — М.: ИНЭС, 2005.
103. *Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.* Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. 2-е изд. — М.: Экономика, 2005.
104. *Кун Т.* Структура научной революции. — М.: Гея, 1997.
105. *Кушлин В. И.* Траектории экономических трансформаций. — М.: Экономика, 2004.
106. *Къеза Дж.* Прощай, Россия! — М.: Гея, 1997.
107. *Лампрехт К.* История германского народа: В 3 т. — М., 1894.
108. *Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. — М., 1996.
109. *Латто-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 2. — СПб., 1913.
110. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005.
111. *Ле Гофф К.* Цивилизация Средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992.
112. *Лезнер М.* Развитие цивилизации в Америке: В 2 т. — М., 1992.
113. *Леонтьев К. Н.* Избранное. — М.: Московский рабочий, 1993.
114. *Львов Д. С.* Экономика развития. — М.: Экзамен, 2002.
115. *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3 т. — Л.: Художественная литература, 1987.
116. Локальные цивилизации в XXI веке: столкновение или партнерство? — М.: МФК, 1998.
117. *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. — М.: Наука, 1977.
118. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. — К. — М., 2004.
119. *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. — М.: 1971.
120. *Малявин В. В.* Китайская цивилизация. — М.: Астрель, 2001.
121. *Маркарян Э. С.* О концепции локальных цивилизаций. — М.: 1992.
122. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 46. Ч. II. — М.: Госполитиздат, 1969.
123. *Массон В. В.* Первые цивилизации. — Л.: Наука, 1989.
124. *Морган А. Г.* Первобытное общество. Исследование прогресса человечества из дикого состояния и из варварства к цивилизации. — СПб., 1860.
125. *Межуев В. М.* Культура и история. — М., 1997.
126. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М.: Наука, 1982.
127. *Мень А.* История религии: В 7 т. — М.: Ex libris, 1991—1992.
128. *Метлинский А. Л.* О сущности цивилизации и о значении ее элементов. — Харьков, 1839.
129. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. — М.: Прогресс, 1995.
130. Мир на рубеже тысячелетий. Прогноз развития мировой экономики до 2015 г. / Под ред. В. А. Мартынова и А. А. Дынкина. — М.: Новый век, 2001.
131. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. — М.: Восточная литература, 1999.
132. *Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. — М.: Прогресс, 1993.
133. Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. — М.: Экономистъ, 2003.
134. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть... человечеству? — М., 1999.
135. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. — М.: Аграф, 1998.
136. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. — М.: МНЭПУ, 1998.
137. *Моисеева Л. А.* История цивилизаций. Учебник. — СПб., 2000.
138. *Морозов А. Г., Корновский О. Н.* Анти. — Вінниця, 2004—2005.
139. *Назарбаев Н. А.* Стратегия трансформации общества и возрождения евразийской цивилизации. — М.: Экономика, 2002.
140. *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. — М.: Международные отношения, 2004.
141. Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия / Под ред. В. Л. Макарова, А. Е. Варшавского. — М.: Наука, 2001.
142. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. — М.: Прогресс, 1989.
143. *Некителов А. Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. — М.: 1996.
144. *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю: В 3 т. — М.: Прогресс, 1989.

145. Нефть и газ. Мировая история / Под ред. И. И. Мазура. — М.: Земля и человек. XXI век, 2004.
146. Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России. — СПб.: Гуманистика, 2003.
147. Общая концепция развития в проблемно-программном прогнозировании / Отв. ред. Гранберг А. Г. — Новосибирск: Наука, 1987.
148. ООН. Доклад о мировых инвестициях. — М.: Весь мир, 2004.
149. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация: социально-историческая перспектива. — М.: Норма, 1998.
150. Островский А. В. История цивилизации. Учебник. — СПб., 2000.
151. Павленко Ю. В. История мировой цивилизации. Философский анализ. — Киев: Феникс, 2002.
152. Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства. — Київ, 1996.
153. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М.: Алгоритм, 2002.
154. Паптин В. И. Циклы и ритмы истории. — Рязань, 1996.
155. Пахомов Ю. Н., Крымский С. Б., Павленко Ю. В. Пути и перепутья современной цивилизации. — Киев, 1996.
156. Петров В. П. Этногенез славян. — Киев, 1972.
157. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). — М., 1959.
158. Платонов О. А. Русская цивилизация. — М.: Роман-газета, 1995.
159. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. — М.: Высшая школа, 1993.
160. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — М.: Госполитиздат, 1949.
161. Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982.
162. Плетнева С. А. Хазары. — М.: Наука, 1986.
163. Полибий. Всемирная история: В 3 т. — СПб.: Наука, 1994–1995.
164. Померанц Г. С. Лекции по философии истории. — М., 1993.
165. Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями / Под ред. С. П. Капицы. — М.: Логос, 2002.
166. Пуляркин В. А. Локальные цивилизации во времени и пространстве. — М.: Эслам, 2005.
167. Риккерт Г. Философия истории. — СПб., 1908.
168. Римский клуб. История создания. Избранные доклады и выступления, официальные материалы. — М.: УРСС, 1997.
169. Российский статистический ежегодник. 2004. — М.: Росстат, 2004.
170. Россия-2015: оптимистический сценарий / Под ред. Л. И. Абалкина. — М.: ММВБ, 1999.
171. Россия и мир в 2020 году. — М.: Европа, 2005.
172. Русская цивилизация. — М.: Контакт РЛ, 2002.
173. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русское княжество. XII–XIII вв. — М.: Наука, 1993.
174. Сафанов А. Д. Очерки по истории Китая. — М., 1933.
175. Седов В. В. Славяне. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. — М.: Знак, 2005.
176. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. — М.: Интерпресса, 1994.
177. Семенов Ю. И. Философия истории. — М.: Современные тетради, 2003.
178. Сергеева О. А. Особенности современных цивилизационных процессов. — М.: НАТИ, 2002.
179. Современные теории цивилизации. — М., 1995.
180. Соловьев В. С. Избранное. — СПб.: Диамант, 1989.
181. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. — М.: Наука, 1997.
182. Сорокин П. А. Социология революции. — М.: РОССПЭН, 2005.
183. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. — СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2000.
184. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992.
185. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. — М.: Аспект-Пресс, 1999.
186. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под ред. Л. И. Абалкина. — М.: Экзамен, 2004.
187. Субетто А. И. Системогенетика и теория циклов. Кн. 1, 2. — СПб., 1994.
188. Сухонос С. Н. Российский Ренессанс в XXI веке. — М.: Планета, 2001.
189. Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 1–3. — М.: Восточная литература, 1973–1982.
190. Талаль Аль Хассан Бин. Христианство в арабском мире. — М.: МГУ, 2002.
191. Тойнби А. Дж. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991.
192. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.: Прогресс, Культура, СПб.: Ювента, 1998.
193. Тоффлер Э. Метаморфоза власти. — М.: АСТ, 2001.
194. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 1999.
195. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. — М., 1953.
196. Троицкая Н. Е. Русская цивилизация между Востоком, Западом и Югом. — М., 1995.

197. Трубецкой Н. С. История, культура, язык. — М.: Прогресс. Универс, 1995.
198. Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов / Избранное. — М.: РОССПЭН, 1997.
199. Турасов Б. А. История Древнего Востока: В 2 т. — М. — Л., 1936.
200. Удальцова З. В., Гузнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. — М.: 1979.
201. Успенский Ф. И. История византийской империи: В 3 т. — М.: Мысль, 1996—1998.
202. Устинов И. М. Мировая торговля. Статистически-энциклопедический справочник. — М.: Экономика, 2002.
203. Устинов И. Н. Международные экономические отношения России. Энциклопедия статистическая. — М.: Экономика, 2004.
204. Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. — М.: Эксмо, 2004.
205. Февр Л. Бой за историю. — М.: Наука, 1991.
206. Федоренко Н. П. Россия на рубеже веков. — М.: Экономика, 2003.
207. Философия и методология истории. — М.: Прогресс, 1977.
208. Формация или цивилизация? — М., 1993.
209. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. — М.: Наука, 1981.
210. Форстер У. Очерк политической истории Америки. — М., 1955.
211. Франк С. Л. Духовные основы общества. — М.: Республика, 1992.
212. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. — Л., 1988.
213. Фукидид. История. — М.: Ладомир, 1993.
214. Хазанов А. М. Социальная история скифов. — М., 1975.
215. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. Классики кейнсианства. Т. 2. — М.: Экономика, 1997.
216. Харенберг Б. Хроника человечества. — М.: Большая энциклопедия, 1999.
217. Холл Дж. История Юго-Восточной Азии. — М., 1958.
218. Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. — СПб.: Амфора. Эврика, 2001.
219. Хуни В. Государство Элам. — М., 1977.
220. Цивилизации. Восхождение и слом. — М.: Наука, 2003.
221. Цивилизации в современном мире. — М., 1983.
222. Цивилизационные исследования. — М.: ИЛА, 1996.
223. Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. — М., 1988.
224. Цивилизация: теория, история, современность. — М.: ИФАН, 1989.
225. Чайльд Г. У истоков европейской цивилизации. — М., 1952.
226. Чернышевский Н. Г. Избранные философские произведения. Т. 3. — М., 1951.
227. Черняк Е. Б. Цивилиография. Наука о цивилизации. — М.: Международные отношения, 1996.
228. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. — М.: Мысль, 1976.
229. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. — Калуга, 1924.
230. Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. — Пт.: 1917.
231. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка. Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. — М.: Наука, 2001.
232. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. — М.: Прогресс, 1992.
233. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — М.: Мысль, 1993.
234. Шубарт В. Европа и душа Востока. — М.: «Русская идея», 1997.
235. Эйдус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. — М., 1968.
236. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 1999.
237. Экономцев И. Н. Православие. Византия, Россия. — М.: Христианская литература, 1992.
238. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21.
239. Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. 2-е изд. — М.: Экономика, 2003.
240. Яковец Ю. В. Закон смены поколений и перспективы социально-экономического развития России. — М.: МФК, 2003.
241. Яковец Ю. В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. — М.: Экономика, 1984.
242. Яковец Ю. В. История цивилизаций. 2-е изд. — М.: Владос, 1997.
243. Яковец Ю. В. Прогнозирование циклов и кризисов. — М.: МФК, 2000.
244. Яковец Ю. В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. — М.: Академкнига, 2003.
245. Яковец Ю. В. Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. — Lewiston-Queenston-Lampeter: Edwin Mellen Press, 1999.

246. *Яковец Ю. В.* Становление постиндустриальной цивилизации. — М., 1992.
247. *Яковец Ю. В.* У истоков новой цивилизации. — М.: Дело, 1993.
248. *Яковец Ю. В.* Ускорение научно-технического прогресса. Теория и экономический механизм. — М.: Экономика, 1988.
249. *Яковец Ю. В.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. — М.: Наука, 1999.
250. *Яковец Ю. В.* Эпохальные инновации XXI века. — М.: Экономика, 2004.
251. *Яременко Ю. В.* Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. — М.: Наука, 1997.
252. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.
253. *Bossuot L.* Discours & L'histoire universelle. — Paris, 1928.
254. *Braudel Fernan.* History of Civilizations. — Pinguin Books, 1995.
255. *Callot E.* Civilization of Civilizations. — Paris, 1964.
256. *Civilizations and World System. Studing world historical Changes* Wealnett. — Dreak, 1995.
257. *Condorcet Y.* Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'Esprit humaine. — Paris, 1971.
258. *Dumant A.* Depopulation et civilization Etade demographique. Paris, 1890.
259. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and Remaking of World Order. — N. Y.: Simon and Buster, 1996.
260. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. — L., 1987.
261. *Kleinknecht A.* Innovation Patters in Crisis and Prospering. — L., 1987.
262. *Kuznets S.* Secular movements in Production and Prices. — N. Y., 1930.
263. *Kuzyk B. N., Yakovets Yu.* Russia-2050: Strategy of Innovative Break Through. Moscow: Ves Mir, 2005.
264. *Maddison A.* The World Economy: Historical Statistics. — Paris: OECD, 2003.
265. *Mensch Y.* Statement in Technology: Innovations Overcome the Depression. — Cambridge, Massachusetts, 1979.
266. *Praznyak R.* Dialogue across Civilizations. Sketches in World History. — Boulier, 1996.
267. *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. — L., 1972.
268. *Sumpeter J. A.* Business Cycles. Vol. 1, 2. — N. Y., 1939.
269. *Service E.* Origin of the State and Civilization. — N. Y., 1975.
270. *Sulimirsky T.* Prehistoric Russia. — L., 1970.
271. 2005. World Development Indicators. — Washington: The World Bank, 2005.

272. World Population Prospect. The 2004 Revision. Vol. 1, 2. — N. Y.: U. N., 2005.
273. *Yakovets Yu.* Economic Crises: Theory, Trends and Prospects. — SPb., Humanistica, 2003.
274. *Yakovets Yu.* Epochal Innovations of the XXI-st Century. — M.: SKII, 2004.
275. *Yakovets Yu. V.* Dialogue and Interaction of the East and West Civilizations. — M. IKF, 2001.
276. *Yakovets Yu. V.* The Past and the Future of Civilizations. — Lewiston-Queenston-Lampeter: the Edwen Mellen Press, 2000.
277. *Yakovets Yu. V.* The Rent, the Antirent, the Quazyrent: Sources of Global Sustainable Development. — M.: SKII, 2002.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рафаэль Санти. «Афинская школа». 1510–1511 гг. С. 22.
2. Панайотис Такис Васиلاكис. «Магнитный шар». 1992 г. С. 102.
3. Хейнц Мак. «Серебряное солнце». 1965 г. С. 122.
4. Питер Брейгель Старший. «Вавилонская башня». Ок. 1564 г. С. 154.
5. Карл Брюллов. «Последний день Помпеи». 1833 г. С. 192.
6. Мартин ван Мейтенса. «Мария-Терезия и ее муж Франц I в окружении детей». Ок. 1735 г. С. 244.
7. Диего Ривера. «Конвейер на автомобильном заводе». 1932 г. С. 284.
8. Квентин Метсис. «Меняла и его жена». С. 330.
9. Эжен Делакруа. «Свобода, ведущая народ». 1830 г. С. 370.
10. Андрей Рублев. «Троица». Ок. 1411 г. С. 428.
11. Египет. Сфинкс и пирамида царя Хефрена. III тыс. до н. э. С. 484.
12. Леонардо да Винчи. «Пропорции человека по Витрувию». Ок. 1490 г. С. 578.
13. Памятник «Тысячелетие Руси». С. 672.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
1. Абалкин Л. И. 356
 2. Августин Блаженный 28
 3. Авиценна (Ибн Сина) 444, 648
 4. Аврелий Августин 410
 5. Агеев А. И. 75, 112
 6. Акбар 591
 7. Александр I 695
 8. Александр Македонский 384, 501, 548
 9. Аль-Бируни 28, 444, 648
 10. Андрей Первозванный 688, 715, 716
 11. Андропов Ю. В. 744
 12. Аннан К. 25, 64, 156, 161
 13. Анчишкин А. И. 294, 445
 14. Аристотель 28, 410, 439, 528, 531
 15. Аристофан 439, 528
 16. Архимед 439, 528
 17. Атей 563, 680
 18. Атилла 714
 19. Ашок 555
 20. Ашшур Ашшурбалит I 553
- Б**
21. Бабур Тимурид 651
 22. Байрон Дж. 456
 23. Беккер Г. 366
 24. Бекон Р. 303
 25. Бердяев Н. А. 449, 456, 476, 737, 743
 26. Бернал Дж. 204, 299, 337, 439, 444, 448
 27. Бестужев-Лада И. В. 79
 28. Бетховен Л. ван 456
 29. Бжезинский З. 391, 663
 30. Блаватский В. Д. 709
 31. Бледсо У. 83
 32. Богданов А. А. 104, 116, 149, 393, 449
 33. Бокль Г. Т. 35, 130, 536
 34. Браге Тихо 634
 35. Бродель Ф. 16, 46, 56, 104, 207, 208, 303, 306, 585, 591, 592, 621, 651, 689
 36. Брук С. И. 255
 37. Бьюкенен П. 425
 38. Бэкон Ф. 634
- В**
39. Ватто 456
 40. Вернадский В. И. 16, 197, 198, 205, 433, 436, 437, 449
 41. Вернадский Г. В. 676, 680, 718, 719
 42. Верт Н. 736
 43. Владимир I 683, 688, 722
 44. Владимиров В. Я. 653, 654
 45. Вольтер 29, 456
 46. Врангель П. Н. 727
 47. Врубель М. А. 737
- Г**
48. Галилей Г. 634
 49. Ганди М. 170
 50. Гегель Г. 37, 411, 412
 51. Гераклит 411, 439, 528
 52. Гердер И. Г. 37
 53. Геродот 28, 439, 528, 680, 708
 54. Гете В. 456
 55. Гизо Ф. 33
 56. Гиппократ 439, 528
 57. Глазьев С. Ю. 294
 58. Глинка М. И. 456
 59. Гоббс Т. 411, 412
 60. Гоголь Н. В. 456
 61. Гойя Ф. 456
 62. Горбачев М. С. 83, 744
 63. Горький М. 737
 64. Готский Иоанн 719
 65. Грушевский М. С. 683
 66. Гуан У-ди 560
- Д**
67. Данилевский Н. Я. 25, 41
 68. Данте А. 456
 69. Дарвин Ч. 198
 70. Дарий I 554, 563, 680, 709
 71. Девлет-Гирей 724
 72. Декарт Р. 634
 73. Демокрит 439, 528
 74. Дидро Д. 30, 412
 75. Дионисий 689
 76. Достоевский Ф. М. 456, 459, 731
 77. Дьяконов И. М. 301, 416, 583
 78. Дюмон А. 34, 265
 79. Дюрер 456
 80. Дюркгейм Э. 34
- Е**
81. Евклид 439, 528
- З**
82. Екатерина II 692, 694, 695, 725
 83. Ерасов Б. С. 67
- И**
84. Зиновьев А. А. 80, 115
 85. Зубарь В. М. 715, 716
 86. Зюсс Э. 198
 87. Ибн Сина (Авиценна) 444, 648
 88. Ибн Хальдун 28, 444
 89. Иван I Калита 689
 90. Иван III 688, 689, 624
 91. Иван IV Грозный 688, 689, 724
 92. Ивантер В. В. 76
 93. Иконникова С. Н. 249
 94. Ин Чжэн 559
 95. Иноземцев В. Л. 79, 425
 96. Ионов И. Н. 27, 33, 78
 97. Ито Ш. 83
- К**
98. Кадм Боспорский 688
 99. Канишка 555
 100. Кантемир А. Д. 39
 101. Капица С. П. 64, 156
 102. Кареев Н. И. 43
 103. Карл Великий 660
 104. Каутильи 441
 105. Кеннеди П. 616
 106. Кеплер И. 634
 107. Кинне Э. 33
 108. Кирпичников А. Н. 685
 109. Клаузевиц К. 411
 110. Ключевский В. О. 43
 111. Ковалевский М. М. 32
 112. Козловский Е. А. 366
 113. Колумб Х. 596

114. Коменский Я. А. 463, 638
 115. Кондорсе М.-Ж. 31
 116. Кондратьев Н. Д. 16, 33, 98, 104, 106, 124, 127, 294, 352, 351, 412, 416, 449, 443
 117. Конт О. 32
 118. Конфуций 441, 528
 119. Коперник Н. 634
 120. Корновский С. В. 683
 121. Корсунский Анастас 722
 122. Косыгин А. Н. 744
 123. Кудрин Б. И. 294
 124. Кузен В. 33
 125. Кузык Б. Н. 74, 75, 76, 112, 125
 126. Кун Т. 437
 127. Кювье Ж. 198
- Л**
 128. Лавров П. Л. 41
 129. Левитан И. И. 460
 130. Лейбниц Г.-В. 412
 131. Ленин В. И. 396, 397, 695
 132. Леонардо да Винчи 455, 634
 133. Леонтьев В. В. 211, 355
 134. Леонтьев К. Н. 44
 135. Лермонтов М. Ю. 456
 136. Лукреций Кар 28
 137. Лю Бан 560
 138. Лютер М. 640
- М**
 139. Магомед IV 725
 140. Мак-Нил У. 61
 141. Маркс К. 26, 84, 346, 357, 366, 395, 432
 142. Марчери А. 83
 143. Медоузы Дениз и Донелла 212
144. Менделеев Д. И. 737
 145. Метлинский А. Л. 40
 146. Мечников И. И. 737
 147. Мечников Л. И. 44, 217, 377
 148. Микеланджело 456
 149. Милюков П. Н. 45
 150. Минин К. 691
 151. Мирабо-старший 29
 152. Митридат IV Евпатор 713, 714
 153. Митчелл У. 104
 154. Михаил Федорович (Романов) 691, 692
 155. Мишле Ж. 33
 156. Моисеев Н. Н. 16, 69, 78, 81, 116, 137, 173, 198, 201, 217, 218, 231, 236, 238, 240, 254, 297, 320, 323, 359, 388, 423, 433, 471, 488, 494
157. Мор Т. 638
 158. Морган Л. 35, 38
 159. Морозов А. Г. 683
 160. Мо-Цзы 528
 161. Мэддисон А. 86, 131, 206, 252, 288, 338, 513, 521, 594, 600, 650, 652, 661
- Н**
 162. Навуходоносор I 552
 163. Наполеон 631
 164. Никифор Григора 658
 165. Ньютон И. 634
- О**
 166. Ольга, кн. 688
 167. Орлова И. Б. 81
 168. Островский А. В. 78
 169. Островский А. Н. 456
- П**
 170. Павленко Ю. В. 536, 548, 553, 554, 559, 562, 647, 660, 710, 718, 728
 171. Павлов И. П. 737
 172. Панарин А. С. 82
 173. Панини 441
 174. Перикл 378, 525, 529, 548
 175. Петр I 692, 694, 695, 725
 176. Пифагор 439, 528
 177. Платон 28, 410, 439, 528, 531
 178. Плеханов Г. В. 44, 432, 737
 179. Плифон Г. 659
 180. Погодин М. П. 39
 181. Пожарский 691
 182. Полибий 28, 264
 183. Попов А. С. 737
 184. Пригожин И. Р. 105, 148
 185. Псел 658
 186. Пушкин А. С. 456
- Р**
 187. Радищев А. Н. 39
 188. Райт К. 409
 189. Рафаэль 456
 190. Ревон М. 412
 191. Ренувье Ш. 33
 192. Репин И. Е. 460, 737
 193. Рерих Н. 737
 194. Рублев Андрей 689
 195. Руссо Ж.-Ж. 30, 411, 456
 196. Русяева А. С. 716
 197. Рыбаков Б. А. 720
 198. Рюккерт Г. 37
- С**
 199. Саган К. 423
 200. Сайко Э. В. 407
 201. Святослав Игоревич 719
 202. Седов В. В. 719
203. Селим I Грозный 648
 204. Селим-Гирей 725
 205. Семенникова Л. И. 25, 80
 206. Сен-Симон А. де 32
 207. Сервантес М. 456
 208. Сергеева О. А. 83
 209. Сеченов И. М. 737
 210. Сирко Иван 725
 211. Сократ 439, 524, 527,
 212. Сорокин П. 16, 33, 46, 51, 104, 127, 160, 250, 267, 343, 344, 356, 372, 396, 408, 421, 422, 431, 434, 435, 442, 449, 457, 472, 477, 478, 506, 526, 528, 531, 603, 637, 698, 745
213. Спенсер Г. 36
 214. Сталь Ж. де 31
 215. Степин В. С. 83
 216. Стратон 528
 217. Субетто А. И. 125
 218. Сулейман I Великолепный 649
 219. Сухонос С. Н. 81
 220. Сыма Цянь 28
- Т**
 221. Татищев В. И. 39
 222. Тимофеев Т. Т. 83
 223. Тит Ливий 28
 224. Тойнби А. 16, 25, 46, 48, 136, 142, 144, 471, 537, 574, 662
 225. Толстой Л. Н. 456, 459, 737
 226. Тоффлер Э. 326, 360, 361, 386
 227. Третьяков П. Н. 683
 228. Трубецкой Н. С. 655
 229. Тургенев И. С. 456, 737
 230. Тэн И. 34
 231. Тюрго А. 30

У

232. Уатт Дж. 611
233. У-ди 462, 531, 560
234. Уколова В. И. 50
235. Уэллс Г. 60

Ф

236. Фалес Ф. 439, 528
237. Федоренко Н. П. 344
238. Федоров Иван 689
239. Феофан Грек 689
240. Фергюсон А. 35
241. Фидий 529
242. Филипп 720
243. Филипп Херсонесский 688
244. Фридман А. А. 195
245. Фукидид 28
246. Фукуяма Ф. 386

Х

247. Хаммурапи 525, 552
248. Хантингтон С. 61, 63, 116,
145, 385, 424, 471, 662
249. Хаттами М. 156
250. Хачатурян В. И. 27, 33, 78
251. Хомяков А. 39
252. Хорезми (аль-Хорезми)
444, 648
253. Хрущев Н. С. 726
254. Хубилай 650

Ц

255. Цинь Ши-Хуанди 554

Ч

256. Чаадаев П. Я. 39, 40
257. Чайковский П. И. 459, 737
258. Чанакья 412

259. Чандрагупт II 555
260. Чернышевский Н. Г. 40, 412
261. Черняк Е. Б. 66
262. Чехов А. П. 737
263. Чижевский А. Л. 130, 195,
449, 536

Ш

264. Шахматов А. А. 683
265. Шекспир В. 456
266. Шемякин Г. 567
267. Шиллер Г. 456
268. Шлезингер-мл., А. 149, 249
269. Шостакович Д. Д. 460
270. Шпенглер О. 16, 25, 46, 47,
265, 433, 456, 662
271. Шульга (законы) 525
272. Шумпетер Й. 16, 104, 105

Э

273. Эйзенштадт Ш. 400
274. Экхард У. 410
275. Энгельс Ф. 35, 38, 487
276. Эпикур 439, 528
277. Эразм Роттердамский 638
278. Эхнатон 398

Ю

279. Юстиниан I 525, 724
280. Юстиниан II 720

Я

281. Яковенко И. Г. 407
282. Яковец Ю. В. 70, 76, 125, 127
283. Ярослав Мудрый 683, 684
284. Ясперс К. 137, 140, 336,
375, 404, 475, 487, 533,
542, 573

Кузык Борис Николаевич
Яковец Юрий Владимирович

Цивилизации: теория, история, диалог, будущее

В двух томах

Том I Теория и история цивилизаций

Ответственный за выпуск *О. П. Бардова*
Дизайн, верстка *Л. П. Рочева*
Редактор *И. О. Баранчук*
Корректоры *М. Н. Толстая, И. В. Васильева*

Некоммерческое партнерство
«Институт экономических стратегий»
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Отпечатано в типографии Graspo
Чешская Республика

Представительство в России — ООО «Алекс Медиа»
Тираж 5000 экз. (1-й завод: 1500 экз.)

- Кузык Б. Н., Яковец Ю. В.**
К89 Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: В 2 т. /
Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; Авт. вступ. ст. А. Д. Некипелов. — М.:
Институт экономических стратегий, 2006.
ISBN 5-93618-099-9
Т. I: Теория и история цивилизаций. — 768 с.
ISBN 5-93618-101-4

Проблема цивилизаций — их прошлое и будущее, динамика и взаимодействие — занимает ключевое место в общественных науках и социально-политической жизни XXI века. Этой проблеме посвящена монография известных российских ученых — члена-корреспондента РАН Б. Н. Кузыка и академика РАЕН Ю. В. Яковца.

В монографии читатель найдет оригинальную трактовку теории цивилизаций, циклично-генетических закономерностей их динамики, диалога и взаимодействия, обоснование закона сжатия исторического времени. В цивилизационном ракурсе исследуются демографические, природно-экологические, технологические, экономические, социально-политические, духовные факторы развития общества. История и будущее цивилизаций излагаются по трем историческим суперциклам. Впервые проведены клиометрические измерения динамики цивилизаций, ситуационный анализ и прогноз места России в гецивилизационном пространстве XXI века.

Монография будет интересна не только ученым, аспирантам, студентам, но и государственным, политическим и общественным деятелям, всем переживающим за судьбы страны и человечества.

УДК 930.85+008
ББК 63.3(0)